Графъ В. Н. Коковцовъ.

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО

Воспоминанія 1903—1919 г.г.

„Дѣла давно минувшихъ
дней".

Пушкинъ

Томъ II.

1933 г.

„Приготовляемое къ печати изданіе „Воспоминаній“ Графа Коковцова на англійскомъ языкѣ выпускаетъ Комитетъ по Русскимъ Изслѣдованіямъ при Стандфордскомъ Университетѣ (Калифорнія, С. А. Соединенные Штаты), котсрому мною уступлено исключительное право на изданіе моихъ „Воспоминаній“ на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго, въ полномъ или сокращенномъ объемѣ на условіяхъ, предусмотрѣнныхъ нашимъ соглашеніемъ“.

Графъ В. Н. Коковцовъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

На посту Председателя Совета Министровъ.

Октябрь 1911 г.

ГЛАВА I.

Пріѣздъ въ Ялту и Ливадію. — Новыя назначенія въ Государственный Совѣтъ. — Бесѣда съ Императрицей Александрой Федоровной. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Вопросъ о денежной поддержкѣ политическихъ партій. — Финляндскій вопросъ. — Законопроектъ объ участіи Финляндской казны въ военныхъ расходахъ и о равенствѣ въ Финляндіи финляндскихъ и русскихъ гражданъ. — Моя успѣшная защита этихъ законопроектовъ въ Думѣ. — Запросъ о борьбѣ съ недородомъ. — Вопросъ о выкупѣ въ казну Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги.

1-го октября вечеромъ я выѣхалъ въ мою первую поѣздку въ Крымъ по званію Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Мой медовый мѣсяцъ начинался очень благопріятно, и первые дни пребыванія въ Крыму окрашивали все самымъ благодушнымъ настроеніемъ.

Мой пріѣздъ въ Ялту и Ливадію былъ сплошнымъ тріумфомъ. Не успѣвшіе еще наскучить однообразіемъ Ялтинской жизни придворные наперерывъ оказывали мнѣ всякое вниманіе.

Государь встрѣтилъ меня 4-го октября необыкновенно милостиво, сказалъ съ первыхъ же словъ, что чрезвычайно радъ моему пріѣзду, показалъ мнѣ весь свой новый дворецъ, въ которомъ Онъ впервые поселился въ этомъ году, и продержалъ на докладѣ болѣе 2-хъ часовъ, одобрилъ и утвердилъ рѣшительно всѣ мои предположенія, не исключая цѣлой серіи новыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, о которыхъ мнѣ удалось достигнуть соглашенія съ Акимовымъ, что было не такъ легко потому, что въ спискѣ было нѣсколько кандидатовъ Столыпина, которыхъ мнѣ хотѣлось провести по уваженію къ его памяти (напр. С. И. Гербель) и выраженному имъ предсмертному желанію. Были и мои кан-

дидаты — Поливановъ и Тимашевъ, и все это были лица мало пріемлемыя для Акимова, который всегда хотѣлъ проводить въ Государственный Совѣтъ подъ флагомъ крайнихъ правыхъ убѣжденій, съ чѣмъ трудно было примириться, да и по существу нелегко было проводить подходящихъ людей въ Верхнюю Палату потому несмотря на существованіе негласнаго Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы списки кандидатвъ въ Члены Государственнаго Совѣта составлялись и представлялись Государю по соглашенію Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, на практикѣ это никогда не исполнялось, и Столыпину, какъ и мнѣ, удавалось проводить нашихъ кандидатовъ только пока мы были въ силѣ или пока насъ ласкали. Большею же частью назначенія шли подъ разными негласными вліяніями, въ родѣ Совѣта Объединеннаго Дворянства, который провелъ въ послѣднія 3—5 лѣтъ въ Государственный Совѣтъ цѣлый рядъ назначеній изъ своей среды: Графа Бобринскаго, Струкова, Арсеньева, Куракина, Охотникова и немало другихъ, — не говоря уже о послѣдующихъ назначеніяхъ, въ особенности въ предсмертную минуту жизни Г. Совѣта 1-го января 1917 года. Мнѣ особенно хотѣлось достигнуть назначенія Поливанова Членомъ Государственнаго Совѣта за его дѣйствительно прекрасную работу послѣднихъ трехъ лѣтъ, но большимъ къ тому препятствіемъ служило то, что его Министръ, Ген. Сухомлиновъ, не былъ еще Членомъ Г. Совѣта. Я доложилъ Государю объ этомъ съ полною откровенностью и сказалъ, что прошу Его назначить одновременно и Сухомлинова, хотя и поступаю противъ совѣсти, но желаю только устранить всякіе поводы къ треніямъ между Министромъ и его Товарищемъ, которыя неизбѣжно разрѣшались бы въ ущербъ послѣднему, а это будетъ огромною потерею для дѣла обороны.

Съ своею обычною очаровательною улыбкою и простотою Государь сказалъ мнѣ: «Я знаю Ваше дурное отношеніе къ Сухомлинову, но увѣренъ, что теперь, когда Вы стали Предсѣдателемъ Совѣта, онъ измѣнитъ свой способъ держаться. Я укажу ему это и непремѣнно скажу, что Вы просили меня назначить его Членомъ Государственнаго Совѣта, и въ этомъ Вашемъ поступкѣ онъ долженъ видѣть все Ваше благородство и всякое отсутствіе у Васъ чувства мести. Мнѣ это въ высшей степени отрадно».

Ожиданія Государя не сбылись, и очень скоро Ему пришлось самому убѣдиться въ этомъ и даже суждено было и дальше постоянно встрѣчаться съ навѣтами Ген. Сухомлинова.

На другой день, 5-го октября, въ день именинъ Наслѣдника,

за завтракомъ и послѣ завтрака, на мою долю выпали новые знаки вниманія, заставившіе долго говорить о себѣ всю Ливадійскую и Ялтинскую публику.

Государь демонстративно пилъ за мое здоровье, поминутно обращался ко мнѣ съ разговоромъ, а послѣ завтрака, въ вестибюлѣ дворца, Императрица, которая не могла долго стоять, сѣла на кресло, подозвала меня къ себѣ, настойчиво потребовала, чтобы я сѣлъ рядомъ, несмотря на то, что Государь стоялъ въ отдаленіи, и около часа вела со мной самую непринужденную бесѣду, на самыя разнообразныя темы. Одна часть этой бесѣды глубоко врѣзалась въ мою память потому, что больно кольнула меня и показала всю странность натуры этой мистически настроенной женщины, сыгравшей такую исключительную роль въ судьбахъ Россіи.

Говоря о томъ, что происходитъ сейчасъ въ Петербургѣ, о томъ, какъ приняла мое назначеніе «эта котерія, которая никогда ничѣмъ не довольна, но которая всегда указывала на Васъ какъ на кандидата на постъ Столыпина, когда была имъ недовольна, а теперь должна очевидно начать Васъ критиковать, разъ что Вы поставлены на вершину власти», — Императрица сказала мнѣ: «Мы надѣемся, что Вы никогда не вступите на путь этихъ ужасныхъ политическихъ партій, которыя только и мечтаютъ о томъ, чтобы захватить власть или поставить правительство въ роль подчиненнаго ихъ волѣ».

Я отвѣтилъ на это, что и до назначенія моего я старался быть внѣ всякихъ партій, отстаивая взгляды Правительства, и былъ, насколько умѣлъ, независимымъ, стараясь работать съ Думою, какъ необходимымъ факторомъ нашей новой Государственной жизни, но не могу скрыть, что мое положеніе гораздо труднѣе, нежели положеніе П. А. Столыпина. У него были свои партіи, сначала октябристовъ, рѣшительно поддерживавшая его, а затѣмъ и другая, хотя и болѣе слабая партія націоналистовъ, но все же сплоченная извѣстною организаціею, умѣвшая сходиться то съ октябристами, то съ правыми и, во всякомъ случаѣ, поддерживавшая его и пользовавшаяся и отъ него разными преимуществами. У меня же нѣтъ никакой партіи, и я, по складу своего характера, не могу быть въ рукахъ какой-либо группы, которая желаетъ владѣть мною и въ то же время не можетъ теперь дать мнѣ того, что давали октябристы Столыпину.

Кромѣ того, и положеніе всѣхъ партій въ Думѣ стало хуже, нежели оно было при Столыпинѣ. Онѣ разбились, стали мельче, боятся быть слишкомъ близкими къ Правительству, чтобы это

имъ не повредило на выборахъ 1912-го года, и вообще въ Думѣ нѣтъ болѣе того сплоченнаго умѣренно-консервативнаго большинства, которое отвѣчаетъ моему взгляду на вещи и которое было такъ необходимо послѣ рѣзкаго революціоннаго настроенія первыхъ двухъ Думъ.

Я долго развивалъ эту тему. Императрица внимательно слушала меня и затѣмъ неожиданно остановила меня прикосновеніемъ руки и сказала по-французски: «Слушая Васъ, я вижу, что Вы все дѣлаете сравненія между собою и Столыпинымъ. Мнѣ кажется, что Вы очень чтите его память и придаете слишкомъ много значенія его дѣятельности и его личности. Вѣрьте мнѣ не надо такъ жалѣть тѣхъ, кого не стало... Я увѣрена, что каждый исполняетъ свою роль и свое назначеніе, и если кого нѣтъ среди насъ, то это потому, что онъ уже окончилъ свою роль, и долженъ былъ стушеваться, такъ какъ ему нечего было больше исполнять. Жизнь всегда получаетъ новыя формы, и Вы не должны стараться слѣпо продолжать то, что дѣлалъ Вашъ предшественникъ. Оставайтесь самимъ собою, не ищите поддержки въ политическихъ партіяхъ; онѣ у насъ такъ незначительны. Опирайтесь на довѣріе Государя — Богъ Вамъ поможетъ. Я увѣрена, что Столыпинъ умеръ, чтобы уступить Вамъ мѣсто, и что это — для блага Россіи».

Я записалъ буквально ея слова. Не знаю вѣрно ли выражали они Ея мышленіе, но въ ту минуту какъ и теперь мнѣ было ясно одно: о Столыпинѣ, погибшемъ на своемъ посту, черезъ мѣсяцъ послѣ его кончины уже говорили тономъ полнаго спокойствія, мало кто уже и вспоминалъ о немъ, его глубокомысленно критиковали, рѣдко кто молвилъ слова состраданія о его кончинѣ.

Въ Петербургъ я вернулся 8-го октября, когда политическая жизнь, — если можно назвать ею начало съѣзда членовъ обѣихъ Палатъ, — стала постепенно оживляться. Участились посѣщенія меня разныхъ господъ, нащупывавшихъ почву ихъ возможнаго вліянія, и тутъ-то выяснилась довольно скоро вся ихъ разрозненность. Мнѣ стало ясно, что ни у кого, т. е. ни у одной изъ консервативныхъ группъ нѣтъ настоящаго вліянія въ Думѣ. Всѣ сплетничали другъ на друга и старались подорвать довѣріе ко всѣмъ, кромѣ самихъ себя.

Среди октябристовъ ясно проявились признаки разложенія, такъ какъ съ фактическимъ отстраненіемъ отъ руководства этою партіею Гучкова начались всевозможныя внутреннія тренія.

Націоналисты, руководимые П. Н. Балашовымъ, больше сами

говорили о своемъ значеніи, чѣмъ располагали имъ въ дѣйствительности среди другихъ группировокъ. Къ тому же у нихъ слишкомъ была свѣжа память объ утратѣ Столыпина и едва ли еще не болѣе свѣжо было воспоминаніе о недавнемъ объявленіи мнѣ недовѣрія въ Кіевѣ, чтобы между ними и мною могло установиться какое-либо сердечное отношеніе, даже если бы я проявилъ къ этому какую-либо склонность, чего на самомъ дѣлѣ я вовсе не проявлялъ. Быть можетъ я совершилъ въ этомъ случаѣ такъ называемую тактическую ошибку, поддавшись свѣжему впечатлѣнію той заносчивости, которую проявили ко мнѣ въ Кіевѣ представители партіи. Тѣмъ не менѣе, съ первыхъ же дней возвращенія моего изъ Крыма, они стали усиленно заглядывать ко мнѣ и въ одиночку, и группами, нащупывая какое положеніе займу я въ отношеніи поддержки, которую получала партія изъ рукъ Столыпина.

Этотъ вопросъ сталъ предо мною сразу же во весь свой непривлекательный ростъ. Еще въ 1910-омъ году на почвѣ подготовки выборовъ въ Государственную Думу, упадавшихъ на лѣто 1912-го года, между мною и Столыпинымъ произошли серьезныя недоразумѣнія. Столыпинъ, ссылаясь на то, что ни въ одномъ государствѣ Правительство не относится безразлично къ выборамъ въ законодательныя учрежденія, и что, несмотря на нашъ избирательный законъ 3-го іюля 1907-го года, такое безучастное отношеніе приведетъ неизбѣжно къ усиленію оппозиціонныхъ элементовъ въ Думѣ и дастъ преобладаніе Кадетской партіи, потребовалъ отъ меня — и получилъ, несмотря на все мое сопротивленіе, крупныя суммы на такъ называемую подготовку выборовъ. Ему хотѣлось разомъ получить отъ меня въ свое распоряженіе до 4-хъ милліоновъ рублей, и все, что мнѣ удалось сдѣлать, — это разсрочить эту сумму, сокративши ее просто огульно, въ порядкѣ обычнаго торга, до 3-хъ съ небольшимъ милліоновъ рублей и растянуть эту цифру на три года 1910—1912, разбивъ ее по разнымъ источникамъ, находившимся въ моемъ вѣдѣніи.

Несмотря на все свое благородство и личную безупречную честность, Столыпинъ не вѣрилъ всѣмъ моимъ возраженіямъ и даже искренности моего взгляда, что всѣ эти траты не приведутъ ни къ чему, что деньги будутъ просто розданы самымъ ничтожнымъ и безполезнымъ организаціямъ и провинціальнымъ органамъ печати, которыхъ никто не читаетъ, и они послужатъ просто соблазнительнымъ источникомъ питанія разныхъ «своихъ людей» у Губернаторовъ и Департамента Полиціи или у того лица, которому поручено предвыборное производство, и въ конечномъ

результатѣ получится только одно сплошное разочарованіе и даже обостренное неудовольствіе тѣхъ, кто ничего не получилъ, противъ тѣхъ, кто успѣлъ что-либо пріобрѣсти. На что тратились эти деньги, — я такъ и не могъ узнать до самаго моего вступленія въ должность Предсѣдателя Совѣта. Самый вопросъ мой объ этомъ всегда встрѣчался съ неподдѣльнымъ чувствомъ обиды. Столыпинъ мнѣ отвѣтилъ однажды въ присутствіи нѣкоторыхъ Министровъ, что если у меня нѣтъ довѣрія къ тому, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сумѣетъ распорядиться деньгами какъ слѣдуетъ, то ему не остается ничего иного, какъ просить Государя передать все это дѣло въ руки Министра Финансовъ и сложить съ себя отвѣтственность за всѣ послѣдующія событія. Само собою разумѣется, что мнѣ ничего не оставалось, какъ прекратить этотъ разговоръ, тѣмъ болѣе, что присутствовавшіе при этомъ Кривошеинъ и Харитоновъ старались всячески поддерживать точку зрѣнія Столыпина на недопустимость «безучастнаго» отношенія Правительства къ подготовкѣ выборовъ, хотя понятіе вліянія понималось ими просто какъ осуществленіе поговорки — «денегъ дай — и успѣха ожидай».

Естественно поэтому, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ, — если даже не самымъ первымъ, при вступленіи моемъ въ новую должность, было ознакомленіе съ дѣломъ о расходахъ по выборамъ въ Государственную Думу. С. Е. Крыжановскій, у котораго это дѣло было на рукахъ, далъ мнѣ всѣ письменные матеріалы по этому любопытному дѣлу, изъ которыхъ мнѣ стала ясна картина распредѣленія денегъ по такимъ организаціямъ, о которыхъ мало кто и слышалъ, и которыя въ лучшемъ случаѣ, были извѣстны въ своемъ уѣздномъ и далеко не всегда въ своемъ губернскомъ городѣ.

У меня хранились вплоть до іюня 1918-го года вѣдомости о всѣхъ произведенныхъ до августа 1911 г. расходахъ, по подготовкѣ выборовъ 1912 г. При обыскѣ, произведенномъ у меня въ ночь съ 30-го іюня на 1-ое іюля 1918 г., эти вѣдомости не были взяты у меня, и, вернувшись изъ тюрьмы, я уничтожилъ ихъ, какъ и все то, что накопилось въ моихъ ящикахъ письменнаго стола и въ шифоньерѣ. Относящагося къ послѣдующему времени въ этой перепискѣ, конечно, ничего не было и быть не могло, потому что съ моего ухода въ январѣ 1914 г. вся политическая жизнь шла далеко мимо меня. Я не принималъ въ ней никакого участія и отъ нея у меня не оставалось никакихъ письменныхъ слѣдовъ. Теперь мнѣ очень жаль, что этихъ вѣдомостей нѣтъ у меня болѣе подъ руками, и я не могу болѣе припомнить нѣкоторыя наи-

болѣе интересныя имена и цифры, характеризующія взаимное отношеніе Правительства и наиболѣе видныхъ дѣятелей нѣкоторыхъ политическихъ организацій.

«Всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ» — скажу я и теперь, хотя, повторяю, что не могу записать точно, когда, кто и сколько получилъ. Одно скажу по чистой совѣсти: Кадеты совсѣмъ не фигурируютъ въ спискахъ, что и понятно по ихъ враждебности къ Столыпину. Октябристы также упоминаются весьма рѣдко и то больше въ качествѣ передаточной инстанціи ничтожныхъ суммъ, по преимуществу благотворительнаго характера. Зато имена представителей организацій праваго крыла фигурировали въ вѣдомости, такъ сказать, властно и нераздѣльно. Тутъ и Марковъ 2-ой, съ его «Курскою былью» и «Земщиной», поглощавшей 200.000 р. въ годъ; пресловутый докторъ Дубровинъ, съ «Русскимъ Знаменемъ», тутъ и Пуришкевичъ съ самыми разнообразными предпріятіями, до «Академическаго Союза Студентовъ» включительно; тутъ и представители Собранія Націоналистовъ, Замысловскій, Савенко, нѣкоторые Епископы съ ихъ просвѣтительными союзами, тутъ и листокъ Почаевской Лавры. Наконецъ, къ великому моему удивленію въ числѣ ихъ оказались и видные представители *самой* партіи Націоналистовъ въ Государственной Думѣ , получавшіе до меня довольно значительную ежемѣсячную субсидію на поддержаніе различныхъ мѣстныхъ организацій, правда, въ теченіе времени немногимъ болѣе одного года.

На почвѣ этой субсидіи и произошла наша вторая встрѣча, если считать ту, которая имѣла мѣсто въ Кіевѣ, и — первая съ той минуты, какъ открылись засѣданія Государственной Думы. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, съ которымъ на первыхъ порахъ у насъ были совершенно простыя и добрыя отношенія, не отражавшія въ себѣ никакихъ, впослѣдствіи обострившихся, разногласій, — вполнѣ соглашался со мною въ безцѣльности всѣхъ этихъ расходовъ, но не считалъ возможнымъ прекратить ихъ за 8 мѣсяцевъ до начала новыхъ выборовъ, да и я не былъ увѣренъ въ томъ, что на него не будетъ произведено какого-либо давленія, такъ какъ у отдѣльныхъ организацій были всегда свои особые входы, куда слѣдуетъ. Намъ обоимъ не хотѣлось на первыхъ шагахъ нашей дѣятельности создавать поводы къ неудовольствію на какое-то «измѣненіе курса». Черезъ два мѣсяца, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, кое-кто изъ лѣвыхъ депутатовъ, возражая правымъ, пустилъ крылатое слово о «темныхъ» деньгахъ, которыми не брезгаютъ пользоваться представители союза Русскаго Народа и

вообще крайніе элементы, поддерживающіе будто бы правительство всегда и во всемъ. Стрѣла была пущена, очевидно, въ сторону крайняго праваго сектора Думы, гдѣ засѣдали Марковъ 2-й, Пуришкевичъ, Замысловскій и другіе, но она попала въ болѣе чувствительную цѣль. Изъ среды группы Націоналистовъ я получилъ заявленіе, что группа не находитъ болѣе возможнымъ пользоваться оказываемой ей помощью и проситъ больше ее не производить. Я направилъ заявленіе къ Макарову, предупредивши его объ этомъ, и съ декабря 1911-го года эта помощь была прекращена. Другія лица оказались менѣе щепетильными, и не только не отказались отъ денегъ, но настойчиво требовали все бо̀льшаго и бо̀льшаго и, не получая ихъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который по обыкновенію не скрывалъ, конечно, что ему мѣшаетъ въ увеличеніи выдачъ никто иной, какъ Предсѣдатель Совѣта, — Министръ Финансовъ, — постепенно перенесли свое раздраженіе на меня и сосчитались впослѣдствіи со мной, принявши самое дѣятельное участіе въ интригѣ противъ меня. Озлобленіе этихъ господъ особенно усилилось въ слѣдующемъ году, во время предвыборной агитаціи, о чемъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ инцидента съ деньгами визиты изъ среды группы Націоналистовъ ко мнѣ стали весьма рѣдки. Тѣмъ временемъ черезъ посредство такъ называемой «Думской Информаціи», т. е. Правительственнаго чиновника А. Ф. Куманина, очень умѣло слѣдившаго за всѣмъ тѣмъ, что говорилось среди членовъ Думы, до меня стали доходить слухи о томъ, что изъ той же партіи стали раздаваться голоса, что я собираюсь проваливать законопроекты Столыпина по финляндскимъ дѣламъ и намѣренъ вообще открыть «новый курсъ» въ финляндскомъ вопросѣ, рѣшивши встать на противоположную Столыпину точку зрѣнія и поддерживать финляндскій сепаратизмъ, и что имъ въ точности будто бы извѣстно, что въ бытность мою въ Ливадіи 5-го октября я докладывалъ объ этомъ Государю, и хотя получилъ уклончивый отвѣтъ, но предполагаю проводить мою точку зрѣнія въ расчетѣ на поддержку кадетовъ и лѣвыхъ, у которыхъ вообще намѣренъ заискивать. Не понимали они, конечно, простой вещи, что каково бы ни было мое различіе съ покойнымъ Столыпинымъ во взглядахъ на финляндскій вопросъ, — а оно было дѣйствительно велико, по *нѣкоторымъ частямъ* этого вопроса, и всѣ это знали, — но по двумъ вопросамъ общаго законодательства Россіи и Финляндіи, внесеннымъ по закону 17-го іюня 1910 года въ Государственную Думу, — по вопросу объ участіи Финляндской Казны въ военныхъ расходахъ (вмѣсто отбыванія личной воинской повин-

ности) и по вопросу о равныхъ съ финляндскими гражданами правахъ русскихъ гражданъ въ Финляндіи, не могло быть какой-либо рѣчи о моемъ «новомъ курсѣ». Оба эти вопроса разсматривались въ 1910 году въ Совѣтѣ Министровъ при моемъ участіи, и я никакого разногласія не сдѣлалъ. По обоимъ указаннымъ вопросамъ законопроекты внесены въ Думу по особому Высочайшему повелѣнію, и всякому должно было быть ясно, до очевидности, что малѣйшее мое уклоненіе отъ прежняго курса, если бы я и помышлялъ о немъ, — чего не было и въ поминѣ, — было бы величайшею политическою безтактностью, которой сколько-нибудь уважающій себя человѣкъ допустить, конечно, не могъ. Тѣмъ не менѣе, лидеръ партіи, Балашовъ, какъ передалъ тотъ же источникъ, весьма опредѣленно заявилъ, что онъ «готовитъ мнѣ «Седанъ» — при содѣйствіи всѣхъ октябристовъ и правыхъ и что послѣ того засѣданія, котораго онъ ждетъ съ особеннымъ наслажденіемъ, мнѣ не останется ничего иного, какъ уйти или окончательно, съ перваго же шага, лишиться всякаго авторитета въ Думѣ, что значитъ тоже уйти.

О томъ же меня усиленно допрашивалъ и частенько навѣщавшій меня по вечерамъ Членъ Думы Шубинскій, повидимому, вѣрившій этимъ разсказамъ. Я съ перваго же свиданія увѣрилъ его, что буду добросовѣстно поддерживать оба законопроекта въ Думѣ, хотя еще и не знаю, что̀ именно и ка̀къ скажу въ защиту ихъ.

Въ Думу я явился въ новой для меня роли, впервые, по усиленной просьбѣ Тимашева, 24-го октября 1911 года по вопросу о больничныхъ фабрично-заводскихъ кассахъ. Тема была благодарная, хотя и осложнена частичнымъ несогласіемъ съ правительственнымъ законопроектомъ особой Комиссіи Государственной Думы. Мнѣ не особенно аплодировали, но успѣхъ по существу я имѣлъ большой, и вмѣсто ожидавшагося Тимашевымъ провала, дѣло прошло благополучно, въ полномъ согласіи съ правительственнымъ законопроектомъ.

Черезъ 4 дня, 28-го октября, настало слушаніе финляндскихъ законопроектовъ. Наканунѣ собрался Совѣтъ Министровъ, и всѣ высказались за то, что я непремѣнно долженъ лично выступить въ защиту законопроекта, несмотря на то, что Щегловитову очень хотѣлось взять на себя эту роль, да и Харитоновъ, считавшійся у насъ спеціалистомъ по финляндскимъ дѣламъ, былъ не прочь принять участіе въ преніяхъ.

Дума производила впечатлѣніе «большого» дня. На хорахъ масса народа, всѣ Министры въ сборѣ, нижнія ложи перепол-

нены; депутатскія мѣста почти безъ пустыхъ, и даже въ проходахъ не было мѣста, настолько всѣхъ интересовало мое первое, боевое выступленіе, прорекламированное разсказами Балашова и націоналистовъ о готовящемся «Седанѣ». На мою долю выпалъ несомнѣнный и выдающійся успѣхъ: меня часто прерывали шумными аплодисментами, и криками «браво», а когда я кончилъ, то мнѣ просто устроили овацію изъ центра и всего праваго сектора, не исключая и націоналистовъ. Министръ Путей Сообщенія Рухловъ, еще недавно игравшій видную роль въ партіи націоналистовъ, слушалъ мою рѣчь, стоя сзади меня, и подошелъ ко мнѣ, какъ только я сошелъ съ трибуны. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «мнѣ хочется поцѣловать Васъ; я съ трепетомъ и восторгомъ слушалъ Васъ, и радъ, что мои опасенія, что Вы будете сухи и безсодержательны, такъ блистательно провалились». Рѣчь эта обезпечила мнѣ на нѣкоторое время очень хорошее положеніе въ Думѣ.

Когда депутаты стали уходить передъ перерывомъ, Шубинскій подошелъ къ Балашову и сказалъ ему: «Что же Вы намъ разсказывали о ренегатствѣ Коковцова, вѣдь и Вы не могли удержаться отъ горячихъ аплодисментовъ и, вѣроятно, согласитесь со мною, что лучше и благороднѣе по отношенію къ Столыпину нельзя было сказать». Балашовъ отвѣтилъ ему на это: «Вы не знаете, чего это мнѣ стоило, вѣдь я дошелъ въ моихъ разговорахъ съ нимъ до «бронированнаго кулака». Мнѣ это было тотчасъ же передано. Черезъ нѣсколько минутъ, когда я былъ уже съ Министрами въ павильонѣ, туда пришли многіе депутаты поздравить меня, какъ они сказали, съ величайшимъ тріумфомъ, и въ числѣ ихъ Балашовъ, Потоцкій, Чихачовъ и Гижицкій, въ присутствіи которыхъ были произнесены Балашовымъ его знаменитыя слова. Я не выдержалъ и принимая поздравленія сказалъ въ присутствіи всѣхъ: «Сердечно благодарю Васъ за привѣтствія; я счастливъ тѣмъ, что не разочаровалъ Васъ и не далъ Вамъ повода примѣнить ко мнѣ Вашъ бронированный кулакъ». Балашовъ поблѣднѣлъ, сдѣлалъ сконфуженное лицо, а его спутники, смущенные хвастовствомъ, поспѣшили удалиться. Для довершенія этого инцидента я вновь позвалъ къ себѣ очевидца этой неумѣстной сцены, моего бывшаго подчиненнаго по Государственной Канцеляріи, члена Думы Гижицкаго, и разсказалъ ему, какъ свидѣтелю того, что говорилъ Балашовъ, и почему я отвѣтилъ такъ ихъ лидеру. Положеніе Балашова было, конечно, не изъ выгодныхъ, и наши отношенія еще болѣе ухудшились.

Черезъ два дня, вечеромъ, 30-го, я получилъ отъ Государя

изъ Ливадіи крайне лестную телеграмму такого содержанія: «Прочитавъ Вашу рѣчь въ Государственной Думѣ, не могу удержаться, чтобы не выразить, насколько я ею доволенъ. Отъ нея вѣетъ истинно русскимъ достоинствомъ, спокойствіемъ и яснымъ Государственнымъ взглядомъ. Желаю Вамъ здоровья».

Вѣроятно, благодаря нескромности телеграфа, вѣсть объ этой телеграммѣ чрезвычайно быстро распространилась по городу. Съ утра 31-го ко мнѣ стали звонить по телефону изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ. Члены Государственной Думы и Совѣта стали поздравлять меня наперерывъ, и въ теченіе нѣкотораго, правда не очень большого, времени я переживалъ поистинѣ мой медовый мѣсяцъ Предсѣдательства въ Совѣтѣ Министровъ. Но скоро, всего черезъ мѣсяцъ, мнѣ стали весьма ощутительны и колючіе шипы моего новаго положенія, и незамѣтно подошла та тревожная, скажу болѣе, мучительная пора, которая отняла отъ меня всякій покой и даже большую долю возможности производительной работы.

Приведенными первыми моими выступленіями въ Думѣ въ качествѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ не ограничилось мое сношеніе съ Думою въ концѣ 1911 года, несмотря на то, что новыя обязанности, выпавшія на меня въ связи съ убійствомъ П. А. Столыпина, настолько осложнили мое положеніе, съ первыхъ же шаговъ моей новой дѣятельности, что мнѣ хотѣлось уменьшить всѣми доступными мнѣ способами появленіе въ Думѣ, всегда требующее немалой подготовки.

Мнѣ пришлось выступить снова 2-го ноября и 9-го декабря, потому что общее желаніе всего Совѣта Министровъ было выражено въ настойчивой формѣ, чтобы именно я, а не Министръ компетентнаго вѣдомства, взялъ на себя роль отстаивать точку зрѣнія правительства въ обоихъ дѣлахъ.

Основанія къ тому были на самомъ дѣлѣ весьма серьезны.

Первое мое выступленіе изъ числа перечисленныхъ было вызвано запросомъ, подписаннымъ весьма значительнымъ количествомъ членовъ Думы и притомъ не исключительно изъ оппозиціонныхъ фракцій, и касалось обнаружившагося еще въ концѣ весны недорода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Мѣры противъ него были приняты еще при жизни покойнаго Столыпина, и борьба велась подъ его прямымъ надзоромъ. Средства на эту борьбу были отпущены весною и лѣтомъ въ экстренномъ порядкѣ, по соглашенію между обоими вѣдомствами — Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ — и работа правительственныхъ и земскихъ органовъ шла въ высшей степени дружно и успѣшно. Къ началу зимы стало

ясно до очевидности, что борьба съ недородомъ доведена была до благополучнаго конца, что обсѣмененіе полей удалось обезпечить въ полной мѣрѣ, что продовольственная помощь оказана была вездѣ очень широко, а благотворительная работа Краснаго Креста и земства проведена также весьма успѣшно.

Тѣмъ не менѣе, оппозиціонная печать съ самаго начала осени стала умышленно раздувать неурожай до совершенно фантастическихъ размѣровъ, а съѣхавшіяся изъ мѣстъ застигнутыхъ недородомъ депутаты, изъ лѣвыхъ группировокъ, щеголяли другъ передъ другомъ невѣроятными небылицами, которыя хотя и встрѣчали отпоръ со стороны болѣе благоразумныхъ элементовъ той же Думы, тѣмъ не менѣе настроеніе общественнаго мнѣнія принимало все болѣе и болѣе повышенный тонъ, который неизбѣжно заставлялъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ засыпать губернаторовъ запросами въ разъясненіе получаемыхъ свѣдѣній. Картина получалась весьма страннаго противопоставленія: съ одной стороны, болѣе чѣмъ утѣшительныя свѣдѣнія отъ губернаторовъ и отъ земскихъ учрежденій, и, съ другой, — нападки на правительство, напоминающія времена первой и второй Думы, организованныя въ сплошное обвиненіе въ бездѣйствіи и замалчиваніи печальной дѣйствительности.

Такой характеръ думской оппозиціи цѣликомъ отразился и на внѣшней формѣ запросовъ, получившихъ характеръ какого-то преднамѣреннаго обличенія правительственной работы и совершенно опредѣленной пропаганды недовѣрія къ правительству и самой яростной борьбы съ нимъ.

Мнѣ пришлось взять на себя нелегкую задачу отвѣчать на внесенные запросы и отдать немало труда, чтобы придать моему отвѣту большой объемъ полнаго опроверженія допущенныхъ преувеличеній и завѣдомой неправды, ввести все дѣло въ его точныя и правдивыя рамки. Я упоминаю объ этой моей рѣчи, чтобы сказать, какъ много неправды было во всемъ этомъ нападеніи на правительство, насколько вся борьба съ неурожаемъ была ведена имъ успѣшно, и какъ напрасны оказались всѣ попытки поднять общественное мнѣніе противъ правительственной власти тогда, когда правительство, быть можетъ, въ первый разъ могло сказать по совѣсти, что оно не только не скупилось на средства помощи, но и блестяще справилось съ его тяжелою задачею.

Я защищалъ не себя, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Главное Управленіе землеустройства и, еще того больше, земство, широко откликнувшееся на призывы правительства и не знавшее никакого соперничества съ нимъ.

Моя рѣчь закончилась, какъ сказано въ стенограммѣ, «продолжительными и шумными рукоплесканіями въ центрѣ и справа», и моими разъясненіями кончился и весь внесенный запросъ, простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ.

Второе мое выступленіе въ началѣ зимы этого года произошло по внесенному правительствомъ законопроекту о выкупѣ въ казну Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги.

Законопроектъ по этому дѣлу былъ внесенъ правительствомъ по Министерству Финансовъ, но душою этого дѣла былъ офиціально подписавшій проектъ вмѣстѣ со мною Министръ Путей Сообщенія С. В. Рухловъ, за спиною котораго стояла группа націоналистовъ Государственной Думы. Внесенію проекта въ Совѣтъ Министровъ предшествовала продолжительная агитація противъ мысли о выкупѣ со стороны польскаго коло Думы и Государственнаго Совѣта и немало крови было испорчено ею мнѣ. По существу идея выкупа была финансово выгодна для казны, юридически неоспорима и, при объективномъ отношеніи къ дѣлу, не могло бы быть двухъ мнѣній, что эту мѣру слѣдовало принять, какъ только наступилъ срокъ выкупа, тѣмъ болѣе, что сдѣланныя контръ-предложенія со стороны Общества этой дороги были просто невыгодны и даже мелочны. Я нѣсколько разъ указывалъ Обществу, въ лицѣ члена Государственнаго Совѣта Кроненберга, на то, что я могъ бы возражать противъ выкупа только въ томъ случаѣ, если бы само Общество сдѣлало явно заманчивыя предложенія, но получалъ каждый разъ одни обѣщанія, сопровождавшіяся самыми ничтожными поправками въ расчетахъ правительства. Въ Совѣтѣ Министровъ было полное единогласіе, и я вовсе не предполагалъ выступать по этому дѣлу и просилъ даже С. В. Рухлова взять на себя эту задачу, казавшуюся очень не сложною, при явномъ сочувствіи почти безспорнаго большинства Думы.

Въ засѣданіи Совѣта Министръ Путей Сообщенія усиленно просилъ меня, однако, взять на себя защиту и привелъ въ оправданіе своей просьбы то, что польское коло рѣшило построить свое возраженіе на чисто политической почвѣ, доказывая наличіе желанія у правительства принять эту мѣру исключительно въ цѣляхъ борьбы съ польскими интересами и упрекая его въ прямомъ желаніи удалить всѣхъ польскихъ служащихъ и наводнить дорогу худшими элементами съ русской сѣти. Онъ привелъ также, что именно ему было бы особенно трудно бороться съ такою тенденціею потому, что онъ еще недавно принадлежалъ

къ группѣ націоналистовъ, да и само коло открыто говоритъ, что я не сочувствую этой мѣрѣ и только вынужденно подписалъ законопроектъ, чтобы меня не обвинили въ потворствѣ польскимъ желаніямъ.

Всѣ члены Совѣта Министровъ поддержали С. В. Рухлова, и я четвертый разъ съ 15-го октября долженъ былъ выступать по боевому вопросу.

Мое выступленіе и на самомъ дѣлѣ оправдывалось тѣмъ рѣзкимъ тономъ возраженій противъ взглядовъ правительства, которымъ защищали поляки свое нерасположеніе къ предложенной мѣрѣ; Депутатъ, инженеръ Свѣтницкій былъ особенно рѣзокъ, и отъ него не отставалъ и его коллега Жуковскій, очень свѣдущій въ экономическихъ вопросахъ, всегда хорошо подготовленный къ дѣлу, по которому онъ выступалъ на трибуну, но сравнительно умѣренный въ тонѣ своихъ возраженій.

И на этотъ разъ я имѣлъ большой успѣхъ. Возраженіе польской группы собрало очень незначительное число голосовъ. Въ пользу правительства собралось большинство голосовъ подавляющей численности.

Политическія тенденціи были мною совершенно устранены и всему дѣлу приданъ чисто дѣловой, финансовый и техническій характеръ, а неприкосновенности служащимъ, готовымъ служить на правительственной службѣ такъ же, какъ они служили частному обществу, мною даны отъ имени правительства всѣ гарантіи справедливости.

Не упущенъ былъ мною и стратегическій характеръ дороги, достаточно оправдывающій идею сближенія дороги съ русскими, а не прусскими и австрійскими дорогами.

ГЛАВА II.

Первые слухи и газетныя замѣтки о Распутинѣ и начало вызванныхъ этимъ дѣломъ пересудъ въ Думѣ. Безуспѣшность попытокъ вліянія на печать, — Юбилей Лицея, — Разростаніе газетной полемики, недовольство Государя и мои разъясненія о неосуществимости предположенія ограничить свободу печати. — Скандалъ между Распутинымъ, Гермогеномъ и Иліодоромъ. — Исканіе выхода изъ создавшагося положенія. — Мое совѣщаніе съ Макаровымъ и Саблеромъ. — Бесѣда съ Барономъ Фредериксомъ, — Высочайшее порученіе М. В. Родзянкѣ дать личное заключеніе по дѣлу объ обвиненіи Распутина въ принадлежности къ сектѣ «хлыстовъ».—Моя бесѣда о Распутинѣ съ Императрицей Маріей Федоровной. — Мое свиданіе съ Распутинымъ. — Мой докладъ Государю объ этомъ свиданіи. — Дѣло о распространеніи А. И. Гучковымъ копій писемъ Имератрицы и Великихъ Княженъ къ Распутину.

Государь оставался въ этомъ году до начала января въ Ливадіи, и оттуда не доносилось никакихъ сколько-нибудь выдающихся свѣдѣній. Но здѣсь, въ Петербургѣ, атмосфера стала постепенно сгущаться. Въ газетахъ все чаще и чаще стало опять упоминаться имя Распутина, сопровождаемое всякими намеками на его близость ко Двору, на его вліяніе при тѣхъ или иныхъ назначеніяхъ, въ особенности по Духовному вѣдомству. Начали появляться замѣтки о его дѣйствіяхъ въ Тобольской губерніи, съ довольно прозрачными намеками на разныхъ Петербургскихъ дамъ, сопровождавшихъ его въ село Покровское и посѣщавшихъ его тамъ; на близость къ нему даже разныхъ сановниковъ, будто бы обязанныхъ своимъ назначеніемъ его покровительству. Такія замѣтки всего чаще появлялись то въ газетѣ «Рѣчь», то въ «Русскомъ Словѣ», причемъ послѣднее сообщало наибольшее ко-

личество фактическихъ свѣдѣній, и среди нихъ однажды было напечатано сообщеніе о томъ, что на почвѣ отношеній къ Распутину возникла даже размолвка въ Царской семьѣ, причемъ давалось довольно недусмысленно понять, что Великая Княгиня Елизавета Федоровна стала въ рѣзко отрицательное къ нему отношеніе и изъ-за этого совершенно отдалилась отъ Царскаго Села.

Съ газетныхъ столбцовъ эти свѣдѣнія постепенно перешли въ Государственную Думу, гдѣ сначала пошли пересуды въ «кулуарахъ», въ свою очередь питавшіе этими слухами и намеками думскихъ хроникеровъ, и затѣмъ перешли и на думскую трибуну, съ которой лѣвые депутаты и нѣсколько разъ Милюковъ и другіе кадеты намекали весьма прозрачно на «темныя» силы, въ особенности говоря о дѣятельности Св. Синода и о порядкѣ замѣщенія епископскихъ каѳедръ.

Особенное обостреніе получилъ этотъ вопросъ въ связи съ именемъ А. И. Гучкова. Въ началѣ декабря или въ концѣ ноября стали распространяться по городу отпечатанныя на гектографѣ копіи 4-хъ или 5-ти писемъ — одно Императрицы Александры Федоровны, остальныя отъ Великихъ Княженъ, къ Распутину. Всѣ эти письма относились къ 1910 или 1909-му году, и содержаніе ихъ и въ особенности отдѣльныя мѣста и выраженія изъ письма Императрицы, составлявшія въ сущности проявленіе ея мистическаго настроенія, давали поводъ къ самымъ возмутительнымъ пересудамъ. Объ этомъ я скажу подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Мнѣ и А. А. Макарову все это было крайне непріятно. Мы оба видѣли ясно, что рано или поздно намъ придется встрѣтиться съ неудовольствіемъ по этому поводу, и, тѣмъ не менѣе, намъ было очевидно наше безсиліе повліять на газеты въ этомъ злополучномъ вопросѣ. Всѣ попытки Макарова уговорить редакторовъ сначала черезъ Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати (Графа Татищева), а затѣмъ и лично не приводили ни къ чему и вызывали только шаблонный отвѣтъ: «удалите этого человѣка въ Тюмень, и мы перестанемъ писать о немъ», а удалить его было не такъ просто. Мои попытки повліять на печать также успѣха не имѣли. Я воспользовался визитами ко мнѣ М. А. Суворина и Мазаева и старался развить передъ ними ту точку зрѣнія, что газетныя статьи съ постоянными упоминаніями имени Распутина и слишкомъ прозрачными намеками только дѣлаютъ рекламу этому человѣку, но, что всего хуже, — играютъ въ руку всѣмъ революціоннымъ организаціямъ, расшатывая въ корнѣ престижъ власти Монарха, который держится, главнымъ

образомъ, обаяніемъ окружающаго его ореола, и съ уничтоженіемъ послѣдняго рухнетъ и самый принципъ власти.

Оба эти лица со мною согласились, но твердили одно, что они тутъ не причемъ, что «Новое Время» неповинно въ распространеніе свѣдѣній о Распутинскомъ кружкѣ, и когда я привелъ рядъ замѣтокъ, перепечатанныхъ и у нихъ же, то они только отмалчивались или кивали на «Рѣчь» и «Русское Слово», которыя были дѣйствительно главными распространителями этихъ извѣстій. Для меня было ясно, что и въ редакціи «Новаго Времени» какая-то рука сдѣлала уже свое недоброе дѣло и что расчитывать на вліяніе этой редакціи на ея собратій по перу, — не приходится.

Газетныя кампаніи не предвѣщали ничего добраго. Она разросталась все больше и больше, и какъ это ни странно, вопросъ о Распутинѣ невольно сдѣлался центральнымъ вопросомъ ближайшаго будущаго и не сходилъ со сцены почти за все время моего Предсѣдательства въ Совѣтѣ Министровъ, доведя меня до отставки съ небольшимъ черезъ два года.

Когда Государь вернулся изъ Ливадіи, первая его встрѣча со мною отличалась особенною привѣтливостью. Только однажды и то вскользь онъ сказалъ, что хочетъ поговорить съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по поводу печати, такъ какъ ему кажется, что слѣдовало бы подумать объ изданіи такого закона, который давалъ бы Правительству извѣстное вліяніе на печать, котораго у насъ совсѣмъ нѣтъ. Не углубляясь въ этотъ вопросъ, въ виду характера этой случайной бесѣды, я сказалъ, однако, что изданіе такого закона, который давалъ бы Правительству въ руки дѣйствительныя средства воздѣйствія на печать, — намъ не удастся, потому что Дума никогда не рѣшится облечь Правительство реальными правами относительно печати, не пойдетъ ни на какія дѣйствительныя ограниченія свободы печатнаго слова изъ простого опасенія встрѣтить обвиненіе себя въ реакціонности и еще того менѣе пойдетъ на такое ограниченіе, которое проповѣдуется нѣкоторыми людьми, какъ требованіе крупнаго денежнаго залога, съ правомъ обращать на него взысканіе за нарушеніе постановленій о печати. Государь какъ-то незамѣтно прекратилъ этотъ разговоръ и перевелъ его на другія менѣе острыя темы.

О Распутинѣ онъ со мною никогда не заговаривалъ, и я этого человѣка ни разу не видѣлъ, хотя и зналъ, что близкій мнѣ человѣкъ, принадлежавшій даже къ моей семьѣ, давно съ нимъ знакомъ, видится съ нимъ отъ времени до времени и, слушая мои постоянные неблапріятные отзывы не столько о самомъ Распутинѣ, сколько о томъ вредѣ, который онъ причиняетъ прести-

жу Царской власти, подавая поводъ къ самымъ возмутительнымъ сужденіямъ и питая тѣмъ самымъ всѣ круги, враждебно настроенные къ монархическому принципу, — постоянно говорилъ мнѣ: «онъ, конечно, негодяй, но хуже его тѣ, которые пресмыкаются передъ нимъ и пользуются имъ для своихъ личныхъ выгодъ. Вотъ ты поступаешь хорошо, что не знакомишься съ нимъ, но зато это тебѣ не выгодно. Не поклонишься ему, тебѣ вѣроятно не сдобровать».

Зато другой человѣкъ буквально не давалъ мнѣ прохода своими просьбами познакомиться съ Распутинымъ. Это былъ Георгій Петровичъ Сазоновъ, полудѣлецъ, полулитераторъ, то поклонявшійся Витте, то враждовавшій съ нимъ.

Этотъ господинъ, пріютившій въ ту пору у себя на квартирѣ семейство Распутина и его самого, надоѣдалъ мнѣ буквально каждую недѣлю своими совѣтами познакомиться съ «Григоріемъ Ефимовичемъ», — который очень хочетъ повидаться со мной, говорилъ объ этомъ не разъ съ нимъ и скорбитъ о томъ, что я уклоняюсь отъ этого, хотя для меня это было бы не только полезно, но даже просто необходимо, такъ какъ безъ этого мое вліяніе на дѣла никогда не будетъ прочно. Я рѣшительно отказался отъ предложеннаго удовольствія, сказавши ему совершенно опредѣленно, что не ищу поддержки такимъ способомъ и не хочу, чтобы кто-либо имѣлъ право сказать, что я посаженъ Распутинымъ или держусь его милостью. Между прочимъ, Сазоновъ, въ подтвержденіе силы и вліянія Распутина, разсказалъ мнѣ, что еще весною 1911-го года, когда, повидимому, Столыпинъ и не помышлялъ о расшатанности своего положенія, хотя многіе уже и тогда открыто говорили, что осенью его уволятъ, — онъ, Сазоновъ, вмѣстѣ съ Распутинымъ ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, по указанію изъ Царскаго Села (для меня было неясно, кто именно далъ ему это порученіе, и не было ли это просто выдумано, чтобы придать себѣ значенія), чтобы познакомиться съ Хвостовымъ и сказать, «годится ли онъ въ Министры Внутреннихъ Дѣлъ». По словамъ Сазонова, они были приняты въ Нижнемъ «на славу», ихъ кормили, поили и забавляли, «что лучше невозможно» и послѣ того, что они близко сошлись съ Хвостовымъ, Распутинъ спросилъ его, согласенъ ли онъ быть Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ однако, чтобы на должность Предсѣдателя Совѣта Министровъ былъ снова назначенъ Гр. Витте и чтобы объ этомъ просилъ самъ Хвостовъ. Послѣдній отъ такой комбинаціи будто бы отказался, наотрѣзъ, сказавши, что онъ съ Витте вмѣстѣ служить не можетъ и тогда, вернувшись въ Петербургъ, Распутинъ сказалъ

будто бы, что Хвостовъ «хорошъ», «шустёръ», но очень молодъ. Пусть еще погодитъ». Черезъ полгода тотъ же Хвостовъ въ Кіевѣ былъ предложенъ мнѣ въ Министры Внутреннихъ Дѣлъ. Точность всего сказаннаго остается на совѣсти Сазонова.

Начало 1912-го года соединено въ моей памяти съ цѣлымъ рядомъ дорогихъ для меня впечатлѣній, связанныхъ съ днемъ празднованія столѣтія Императорскаго Александровскаго Лицея.

Съ первой минуты вступленія моего 13-лѣтнимъ мальчикомъ въ стѣны Лицея и за всѣ 40 лѣтъ, которыя прошли съ выхода моего изъ Лицея въ декабрѣ 1872 года, я никогда не порывалъ связи съ нимъ и не прошло, вѣроятно, ни одного года, чтобы я не присутствовалъ на его годовыхъ праздникахъ, пріуроченныхъ ко дню его учрежденія — 19-го октября.

Этотъ день всегда былъ дорогъ мнѣ по воспоминаніямъ той истинной связи дружбы и единенія, которая всегда существовала среди лицеистовъ. Они праздновали этотъ день неизмѣннымъ присутствіемъ утромъ на торжественномъ богослуженіи въ лицейской церкви, днемъ на традиціонномъ завтракѣ въ той самой столовой, въ которой мы завтракали, обѣдали и пили утренній и вечерній чай въ теченіе всѣхъ 6-ти лѣтъ нашего воспитанія, а вечеромъ на курсовыхъ обѣдахъ бо̀льшею частью въ хорошо извѣстномъ всѣмъ петербуржцамъ ресторанѣ Донона на Мойкѣ.

Проходили года, молодость смѣнялась зрѣлою порою, за нею незамѣтно подходила и пора, приближавшая къ старости, а эта связь съ Лицеемъ не только не слабѣла, но какъ-то незамѣтно все больше и больше укрѣплялась, и мнѣ пришлось все глубже и глубже входить въ интересы Лицея, отдавать ему все больше и личнаго участія, а когда на мою долю выпало занять извѣстное положеніе въ Министерствѣ Финансовъ, какъ-то невольно и незамѣтно судьба поставила меня въ необходимость оказывать Лицею и дѣятельную помощь всякій разъ, какъ въ его управленіи встрѣчалась необходимость въ той или иной формѣ правительственной помощи въ разрѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ его жизни.

Естественно, поэтому, что мнѣ же пришлось принять и прямое участіе въ управленіи Лицеемъ, когда въ силу необходимости придать Лицею болѣе отвѣчающее его нуждамъ и соотвѣтствующее требованіямъ времени устройство его учебной части и его административной организаціи, — уже въ царствованіе Императора Николая 2-го, — ему была придана своеобразная организація внѣ всякой зависимости отъ какого-либо вѣдомства, съ под-

чиненіемъ его вѣдѣній особаго Совѣта изъ бывшихъ питомцевъ Лицея, утверждаемыхъ въ этомъ званіи Высочайшею властью — я вошелъ въ составъ этого Совѣта и оставался въ немъ до самой революціи. На мою же долю выпала и печальная роль принять прямое участіе въ безнадежныхъ попыткахъ спасти Лицей отъ неизбѣжнаго закрытія его властью Временнаго правительства, въ самомъ началѣ его дѣятельности, когда оно предполагало еще управлять судьбами Россіи, игнорируя народившееся рядомъ съ нимъ дѣйствительное «правительство» въ лицѣ Совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Въ октябрѣ 1911-го года Лицей собирался торжественно отпраздновать свой 100-лѣтній юбилей.

Приготовленія къ этому дню начаты были еще задолго.

Въ числѣ ихъ бывшіе питомцы Лицея остановились на мысли поднести Лицею мраморный бюстъ Государя, какъ Покровителя Лицея, и на меня, какъ часто имѣвшаго возможность видѣть Государя, на моихъ ежедневныхъ докладахъ, возложено было освѣдомиться, согласится ли Государь разрѣшить, чтобы избранный имъ самимъ скульпторъ могъ получить у него нѣсколько сеансовъ, чтобы добросовѣстно исполнить свой трудъ.

Согласіе Государя было дано съ величайшею готовностью еще задолго до убійства Столыпина и назначенія меня Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Государь разрѣшилъ мнѣ при этомъ сказать Попечителю Лицея А. С. Ермолову и Совѣту Лицея, что Онъ «не можетъ отказать въ этой просьбѣ, потому что Онъ желаетъ этимъ показать лицеистамъ насколько Онъ цѣнитъ все прошлое Лицея и съ какимъ довѣріемъ смотритъ онъ на исключительную преданность лицеистовъ завѣтамъ Лицея».

Изъ представленнаго Государю списка скульпторовъ, трудами которыхъ можно было воспользоваться въ данное время, Онъ особенно остановился на молодомъ скульпторѣ, Академикѣ Кустодіевѣ, принимавшемъ самое дѣятельное участіе въ качествѣ ближайшаго сотрудника Рѣпина въ написаніи его знаменитой картины торжественнаго юбилейнаго же Собранія Государственаго Совѣта 1901-го года. Кустодіевъ былъ тогда еще мало извѣстенъ какъ скульпторъ, но Государь замѣтилъ мнѣ, что, не стѣсняя бывшихъ лицеистовъ въ выборѣ художника, Онъ видѣлъ недавно передъ тѣмъ самого И. Е. Рѣпина и слышалъ отъ него, что онъ считаетъ Кустодіева исключительно даровитымъ скульпторомъ и предсказываетъ ему великую будущность.

При моихъ же докладахъ выяснилось, что Государь предполагаетъ пробыть въ 1911-мъ году сравнительно долго осенью въ

Крыму и предлагаетъ отложить торжественное празднованіе столѣтія до января 1912 года. Такъ было затѣмъ окончательно рѣшено уже послѣ пріѣзда Государя въ Ливадію въ началѣ сентября 1911 года, послѣ убійства Столыпина.

Въ началѣ декабря былъ принятъ Попечитель Лицея Ермоловъ, установлены всѣ подробности празднованія, и Государь широко исполнилъ данное имъ обѣщаніе отмѣтить юбилей Лицея, какъ выдающееся явленіе въ нашей жизни.

Безъ преувеличенія можно сказать, что, несмотря на весь привычный блескъ устраиваемыхъ нашимъ дворомъ въ ту пору пріемовъ и празднествъ, Лицейскій юбилей былъ на самомъ дѣлѣ событіемъ, выдающимся по красотѣ и оказанному, по иниціативѣ Государя, вниманію. Не одни лицеисты не забудутъ того, что они прежили въ теченіе почти цѣлой недѣли въ началѣ января этого года. Для меня же лично, несмотря на всю обремененность въ ту пору занятіями эти дни были какъ бы личнымъ моимъ праздникомъ, настолько Государь пользовался каждымъ случаемъ, чтобы сказать мнѣ, какъ Ему отрадно быть среди лицеистовъ и какъ жаль Ему, что состояніе здоровья Императрицы помѣшало ей и Великимъ Княжнамъ присутствовать на этихъ торжествахъ.

И на самомъ дѣлѣ, торжественный Актъ въ Лицеѣ 7-го января; парадный обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ 9-го; спектакль въ Маріинскомъ театрѣ въ присутствіи всего двора и массы приглашенныхъ 11-го; балъ, устроенный лицеистами въ самомъ Лицеѣ 13-го; и товарищескій обѣдъ для всѣхъ съѣхавшихся лицеистовъ и депутаціи, устроенный въ помѣщеніи Дворянскаго Собранія 15-го января; множество привѣтствій, полученныхъ отъ всѣхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній и, въ особенности признаніе заслугъ Лицея передъ родиною, какимъ оно выразилось въ Высочайшей грамотѣ, дарованной Лицею Государемъ въ день акта, — все это закончило въ поразительной красотѣ и дѣйствительно далеко вышедшей за предѣлы обычной офиціальной торжественности столѣтнее существованіе Лицея и дало каждому изъ насъ какое-то, трудное передаваемое чувство гордости отъ сознанія того, что мы принадлежимъ Лицею и вышли изъ его стѣнъ.

Кому изъ насъ могло придти въ голову, что всего черезъ короткія пять лѣтъ, въ мартѣ 1917 года, на зарѣ такъ называемаго революціоннаго обновленія Россіи, однимъ изъ первыхъ актовъ разрушенія будетъ разрушеніе именно Лицея, и притомъ по одному только соображенію — уничтожить хотя бы и «привиллегированное» учебное заведеніе, хотя бы оно и было замѣчательнымъ разсадникомъ знаній и научной подготовки къ честному труду.

Быстро миновали праздничные дни, и на смѣну ихъ также быстро пришли будни съ ихъ заботами, осложненіями и печалями. Въ эту пору послѣднія выразились въ новомъ для меня явленіи — неудовольствіи Государя на указанныя уже мною выше явленія, которыя не могли, конечно, долго оставаться скрытыми и рано или поздно, но должны были выйти наружу и поставить передо мною лично, какъ и передъ всѣмъ правительствомъ, каково ни было различіе во взглядахъ среди отдѣльныхъ его представителей, трудно разрѣшимую, или скорѣе всего, просто неразрѣшимую задачу.

Первое ясное проявленіе неудовольствія Государя на кампанію печати противъ Распутина проявилось въ половинѣ января 1912-го года. Мнѣ приходилось въ ту пору постоянно видѣться съ Макаровымъ, чтобы условливаться объ организаціи выборовъ въ Государственную Думу. Въ ту пору онъ еще не подпалъ вліянію своихъ выборныхъ сотрудниковъ, — Харузина и Черкаса — охотно совѣтовался обо всемъ со мною и нисколько не отстранялъ меня отъ выборнаго производства, какъ это скоро произошло, но напротивъ того искалъ моего совѣта и поддержки. Макаровъ въ ту пору былъ нездоровъ, не выходилъ изъ дома, и я пошелъ къ нему — это было какъ-то въ воскресенье вечеромъ, — на его казенную квартиру на Морской.

Я засталъ его въ очень угнетенномъ настроеніи. Онъ только что получилъ очень рѣзкую по тону записку отъ Государя, положительно требующую отъ него принятія «рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію печати» и запрещенію газетамъ печатать что-либо о Распутинѣ. Въ этой запискѣ была приложена написанная въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ записка о томъ же отъ 10-то декабря 1910 г. на имя покойнаго Столыпина, прямо упрекавшая послѣдняго въ слабости и бездѣятельности въ отношеніи печати и «очевидномъ нежеланіи остановить растлѣвающее вліяніе подборомъ возмутительныхъ фактовъ».

Ясно, что покойный Столыпинъ, получивши эту записку, имѣлъ по поводу ея объясненіе съ Государемъ, которое кончилось для него благопріятно, и Государь, никогда не выдерживавшій прямыхъ возраженій, далъ ему благопріятный отвѣтъ, а самую записку взялъ обратно. Макаровъ буквально не зналъ, что дѣлать. Я посовѣтовалъ ему при первомъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ объяснить Государю всю неисполнимость его требованій, всю безцѣльность уговоровъ редакторовъ не касаться этого печальнаго мѣста и еще бо̀льшую безцѣльность администра-

тивныхъ взысканій (запрещеніе розничной продажи и т. п.) только раздражающихъ печать и все общественное мнѣніе и создающихъ поводы къ разнымъ конфликтамъ съ Правительствомъ и, наконецъ, полнѣйшую безнадежность выработки такого законопроекта о печати, о которомъ мечтали наши крайнія правыя организаціи и который долженъ былъ облечь Правительство какими-то сверхъестественными полномочіями.

Я предварилъ его, что Государь уже заговаривалъ со мною объ этомъ, и я высказалъ Ему тогда же всѣ эти мысли. Если бы докладъ Макарова встрѣтилъ недружелюбный пріемъ, а тѣмъ болѣе рѣзкій отпоръ, я совѣтовалъ ему просить объ увольненіи отъ должности.

Нашъ разговоръ перешелъ затѣмъ на распространяемыя съ ссылкою на Гучкова письма Императрицы и Великихъ Княженъ, и мы оба высказали предположеніе, что письма апокрифичны и распространяются съ явнымъ намѣреніемъ подорвать престижъ Верховной власти, и что мы безсильны предпринять какія бы то ни было мѣры, такъ какъ они распространяются не въ печатномъ видѣ, и сама публика наша оказываетъ имъ любезный пріемъ, будучи столь падкою на всякую сенсацію. Тутъ Макаровъ не обмолвился мнѣ ни однимъ словомъ о происшедшемъ наканунѣ или за два дня крупномъ скандалѣ между Распутинымъ и его недавними друзьями и покровителями Саратовскимъ епископомъ Гермогеномъ и знаменитымъ Іеромонахомъ Иліодоромъ, незадолго передъ тѣмъ совмѣстно посѣтившими меня по дѣлу объ изданіи Листковъ Почаевской Лавры. Не зналъ ли еще объ этомъ Макаровъ или не хотѣлъ со мною говорить, но уже на слѣдующій день, 17-го января, при посѣщеніи насъ разными людьми, по случаю дня рожденія моей жены, — только и было разговоровъ что объ этомъ скандалѣ. Какъ всегда разсказчики украшали свое повѣствованіе разными небылицами и преувеличеніями, но затѣмъ сущность инцидента стала общеизвѣстна во всей своей отвратительной неприглядности. Оказалось, что Гермогенъ вызвалъ къ себѣ Распутина и принялъ его въ своемъ Ярославскомъ подворьѣ на Васильевскомъ Островѣ, въ присутствіи Иліодора. Оба они стали упрекать его въ его развратной жизни, въ его посѣщеніяхъ Царскаго Села и рѣзко осуждали его за его поведеніе, говоря, что онъ губитъ Государя и его семью, что газетныя статьи топчутъ въ грязь то имя, которое должно быть священно для всѣхъ, и требовали отъ него клятвы, что онъ немедленно уѣдетъ къ себѣ въ деревню въ село Покровское, Тобольской губерніи, и больше оттуда не вернется. Распутинъ сталъ

горячиться и браниться, Иліодоръ далъ полную волю своему неукротимому нраву, брань перешла въ драку, и едва ли не закончилась бы удушеніемъ Распутина, если бы за него не заступился присутствовавшій при сценѣ юродивый Митя Козельскій. Распутинъ съ трудомъ вырвался изъ рукъ своихъ пріятелей, выбѣжалъ на улицу въ растерзанномъ видѣ и сталъ разсказывать направо и налѣво, что его хотѣли оскопить. Гермогенъ тутъ же послалъ Государю телеграмму съ просьбою объ аудіенціи, намѣреваясь раскрыть передъ нимъ весь ужасъ создающагося положенія, а тѣмъ временемъ покровители Распутина, а можетъ быть самъ «старецъ», поспѣшили лично передать о всемъ случившемся. По крайней мѣрѣ, уже 17-го января днемъ Саблеръ получилъ отъ Государя телеграмму Гермогена съ рѣзкою собственноручною надписью, что пріема дано не будетъ, и что Гермогенъ долженъ быть немедленно удаленъ изъ Петербурга, и ему назначено пребываніе гдѣ-нибудь подальше отъ Центра. Смущенный всѣмъ случившимся Саблеръ былъ у Макарова, потомъ пріѣхалъ ко мнѣ посовѣтоваться, что ему дѣлать, и въ тотъ же день поѣхалъ въ Царское Село, пытаясь смягчить гнѣвное настроеніе. Ему это не удалось. Въ тотъ же день, около 6-ти часовъ онъ сказалъ мнѣ по телефону, что встрѣтилъ рѣшительный отказъ, что всѣ симпатіи на сторонѣ Распутина, на котораго — какъ ему было сказано — «напали, какъ нападаютъ разбойники въ лѣсу, заманивши предварительно свою жертву въ западню», что Гермогенъ долженъ немедленно удалиться на покой, въ назначенное ему мѣсто, которое Саблеръ выбралъ въ одномъ изъ монастырей Гродненской губерніи, гдѣ онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, прилично помѣщенъ», а Иліодору приказано отправиться во Флорищеву пустынь около гор. Горбатова, гдѣ и пребывать, не выходя изъ ограды монастыря, и отнюдь не появляться ни въ Петербургѣ, ни въ Царицынѣ. Физическаго насилія надъ Иліодоромъ, а тѣмъ болѣе Гермогеномъ употреблять не позволено, во избѣжаніе лишняго скандала, но дано понять, что въ случаѣ ослушанія не остановятся и передъ этимъ, такъ какъ не допускаютъ возможности измѣненія твердо принятого рѣшенія и находятъ даже, что всѣ явленія послѣдняго времени представляются естественнымъ проявленіемъ «слабости Столыпина и Лукьянова, которые не сумѣли укротить Иліодора, явно издѣвавшагося надъ властью».

Весь этотъ инцидентъ еще болѣе приковалъ вниманіе Петербурга къ личности Распутина.

Въ обществѣ, въ Государственной Думѣ и Совѣтѣ только и говорили, что объ этомъ, и меня вся эта отвратительная исторія

держала въ нервномъ состоянiи. Дѣла было масса, посѣщенiй и разговоровъ еще больше; каждый только и говорилъ о событiи дня, а время тянулось безъ всякихъ проявленiй готовности опальныхъ духовныхъ подчиниться Высочайшей Волѣ... Саблеръ продолжалъ расточать сладкiя рѣчи о томъ, что все устроится, не нужно только натягивать струну; газеты печатали массу мелкихъ замѣтокъ. Государь со мною не заговаривалъ о происшествiи и даже наводимый мною на этотъ предметъ ловко уклонялся. Такъ прошла цѣлая недѣля. Гермогенъ въ четвергъ послалъ вторичную телеграмму Государю, прося Его смягчить Его требованiе и дать ему хотя бы нѣкоторую отсрочку въ отъѣздѣ, въ виду его болѣзненнаго состоянiя, и сослался на то, что послѣднее можетъ быть удостовѣрено докторомъ Бадмаевымъ, котораго Государь знаетъ лично съ давнихъ поръ, когда еще въ началѣ девятисотыхъ годовъ, при Гр.Витте, примѣрно въ 1901 или 1902г.г. при участiи князя Ухтомскаго, начиналась активная политика на дальнемъ Востокѣ. Бадмаеву была даже выдана по докладу Витте изъ Государственнаго Банка ссуда въ 200 т. рублей, для пропаганды среди бурятъ и монголовъ въ пользу Россiи.

Эта телеграмма, также какъ и первая, осталась безъ отвѣта.

Въ воскресенье, 22-го января, утромъ, прiѣхалъ къ Макарову генералъ Дедюлинъ вмѣстѣ съ Саблеромъ и, въ качествѣ Генералъ-Адъютанта, передалъ повелѣнiе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, потребовавъ, чтобы Гермогенъ выѣхалъ въ тотъ же день. Дедюлинъ передалъ при этомъ, что Государь не допускаетъ болѣе никакихъ отговорокъ и, при неповиновенiи Гермогена, повелѣлъ Градоначальнику вывезти его силою. Саблеръ все еще пытался умиротворять и предложилъ послать къ Гермогену двухъ епископовъ, въ томъ числѣ Сергiя Финляндскаго, нынѣшняго замѣстителя мѣстоблюстителя Патрiарха Московскаго, усовѣстить его и склонить его добровольно подчиниться Царскому гнѣву.

Посылка посольства не состоялась, потому что около 1 часа дня, тотъ же Дедюлинъ передалъ Макарову по телефону просьбу доктора Бадмаева разрѣшить ему повидаться съ Гермогеномъ и попытаться уговорить его. Разрѣшенiе было дано, но до 7-ми часовъ вечера не были извѣстны его результаты, и распоряженiе было дано двоякое: на случай упорства, Начальнику Охраннаго Отдѣленiя Генералу Герасимову приказано быть у Гермогена къ 11-ти часамъ вечера, съ экипажемъ, посадить Гермогена въ него даже силою и отвезти на Варшавскiй вокзалъ и помѣстить въ особый вагонъ, прицѣпленный къ 12-часовому поѣзду. Въ слу-

чаѣ же готовности подчиниться, приказано только наблюдать за отъѣздомъ и не допускать ослушанія въ послѣднюю минуту. Около 8-ми часовъ Бадмаевъ сообщилъ Макарову по телефону, что Гермогенъ подчинился, и, дѣйствительно, въ 11½ ч. вечера Макарову сообщили по телефону съ Варшавскаго вокзала, что Гермогенъ пріѣхалъ съ юродивымъ Митей Козельскимъ. Увидѣвши на вокзалѣ жандармскаго генерала Соловьева, онъ хотѣлъ было вернуться домой, но тутъ вмѣшался Митя Козельскій и сталъ дергать Епископа за рукавъ, громко повторяя много разъ фразу: «Царя нужно слушаться, волѣ Его повиноваться». Епископа усадили въ вагонъ, и поѣздъ спокойно отошелъ, съ опозданіемъ всего на 5 минутъ. При отходѣ поѣзда почти никого не было, какая-то женщина начала было причитать, другая бросилась передъ вагономъ на колѣни, но ожидавшаяся демонстрація такъ и не состоялась. Замѣчательно приэтомъ то, что Митю Козельскаго приказано было еще недѣлю тому назадъ выслать по этапу, но Градоначальникъ завѣрилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что онъ скрылся изъ города и его нѣтъ въ столицѣ, между тѣмъ, какъ онъ преспокойно проникалъ къ арестованному Гермогену и открыто пріѣхалъ съ нимъ на вокзалъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ просто жилъ на подворьѣ Гермогена.

Меня вся эта исторія непосредственно не затрогивала; ко мнѣ никто не являлся, никакихъ Высочайшихъ повелѣній я не получалъ и былъ ежеминутно въ курсѣ дѣла только потому, что мнѣ все сообщалъ Макаровъ.

Въ тотъ же день, воскресенье 22-го января, случилось еще одно небольшое событіе, раскрывшее мнѣ одну изъ картъ той скрытой игры, которая окружала меня.

Просматривая ежедневно присылаемую мнѣ Начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, черезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, папку сообщеній о наиболѣе интересныхъ эпизодахъ нашей внутренней жизни, я обратилъ вниманіе на копію перлюстрированнаго письма Члена Государственнаго Совѣта Д. И. Пихно къ нѣкой Могилевской (или Могиленской) въ Кіевѣ, отъ 16-го января, и въ немъ прочиталъ слѣдующую фразу: «сегодня видѣлъ Кривошеина, который сказалъ мнѣ, между прочимъ, Коковцовъ думаетъ одно, говоритъ другое, а дѣлаетъ третье, и полагаетъ, что ему въ Совѣтѣ вѣрятъ, и что онъ всѣхъ проведетъ».

Эта фраза любопытна какъ образчикъ отношенія Кривошеина. Въ личныхъ проявленіяхъ со мною онъ былъ любезенъ и даже льстивъ до приторности, поминутно заѣзжалъ, разспрашивалъ обо всемъ, получалъ отъ меня самые откровенные отвѣты и

направо и налѣво говорилъ громко, что такой способъ отношеній Предсѣдателя Совѣта къ Министрамъ, какъ проявляемый мною, представляетъ собою идеалъ корректности и благородства, къ которому онъ всегда стремился. Въ такомъ же собраніи свѣдѣній я нашелъ еще извлеченіе изъ письма неизвѣстнаго лица къ Архимандриту Троицко-Сергіевской Лавры Феодору, съ разсказомъ о томъ, что въ Москвѣ открыто говорятъ, что въ одной изъ типографій была приготовлена большая брошюра, разоблачающая Распутина, но явилась полиція, отобрала всѣ напечатанные листы, разсыпала шрифтъ и уничтожила текстъ; что этимъ крайне раздосадована Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, которая читала эту брошюру и надѣялась на то, что ея распространеніе прольетъ истинный свѣтъ на Распутина и отдалитъ его отъ Царскаго Села.

Въ теченіе наступившей недѣли удалось розыскать скрывшагося Иліодора. Его нашли недалеко отъ Петербурга, пробирающагося по Московскому тракту, посадили его въ поѣздъ и отвезли въ Флорищеву пустынь и сдали «подъ началю» Архимандриту монастыря.

На время инцидентъ оказался исчерпаннымъ, но печать не унималась. Всѣ описанные эпизоды переносились на газетные столбцы, которые не переставали твердить о роли Распутина, а члены Государственной Думы постоянно твердили о необходимости удалить его изъ столицы, чтобы положить конецъ всему возбужденію.

29-го января, въ воскресенье, въ Зимнемъ Дворцѣ былъ парадный обѣдъ, по случаю пріѣзда Черногорскаго короля. Послѣ обѣда Государь долго разговаривалъ съ Макаровымъ, какъ выяснилось потомъ, все по поводу Распутина, и вторично высказалъ ему свое неудовольствіе на печать, опять требуя обуздать ее, и сказалъ даже: «Я просто не понимаю, неужели нѣтъ никакой возможности исполнить мою волю», и поручилъ Макарову обсудить со мною и Саблеромъ, что слѣдуетъ предпринять. Тутъ впервые я оказался уже открыто пристегнутымъ къ этой печальной исторіи. Въ то же самое время въ Концертномъ Залѣ, Императрица Александра Феодоровна розыскивала меня черезъ Гофмаршала Гр. Бенкендорфа и очень долго и крайне сердечно разговаривала со мною обо всемъ, о чемъ угодно, не упоминая ни словомъ, ни намекомъ на Распутина. Мой медовый мѣсяцъ, видимо, еще не прошелъ, и я не предполагалъ, что всего черезъ двѣ недѣли ему наступитъ неожиданный и рѣзкій конецъ. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, 30-го числа, вечеромъ, у меня

собрались Макаровъ и Саблеръ, чтобы обсудить, что можно сдѣлать для исполненія порученія Государя. Намъ не пришлось долго спорить. Я опасался всего болѣе осложненій со стороны Саблера, назначеннаго на оберъ-прокурорское мѣсто, конечно, не безъ вліянія Распутина, успѣвшаго провести въ антуражъ Саблера и своего личнаго друга Даманскаго, назначеннаго незадолго передъ тѣмъ на должность Товарища Оберъ-Прокурора. По городу ходили даже слухи о томъ, что Распутинъ разсказывалъ всѣмъ и каждому, что Саблеръ поклонился ему въ ноги, когда тотъ сказалъ ему, что: «поставилъ его въ оберы». Объ этомъ говорилъ и Иліодоръ въ его воспоминаніяхъ, напечатанныхъ подъ заглавіемъ «Святой Чортъ».

Ожиданія мои, однако, не сбылись, Саблеръ прежде всего и самымъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ, что исторія Распутина подвергаетъ Государя величайшей опасности, и что онъ не видитъ иного способа предотвратить ее, какъ настаивать на отъѣздѣ его совсѣмъ въ Покровское и готовъ взять на себя починъ не только повліять въ этомъ смыслѣ на самого Распутина, но и доложить Государю самымъ настойчивымъ образомъ о томъ, что безъ этого ничего сдѣлать нельзя. Правда, при этомъ Саблеръ поспѣшилъ оговориться, что ему не легко исполнять эту миссію по отношенію къ старцу, съ которымъ у него «никакихъ сношеній нѣтъ», но близкіе его сослуживцы знакомы съ нимъ, и поэтому онъ надѣется уговорить Распутина.

Всѣмъ намъ казалось при этомъ, что для успѣха дѣла важно привлечь на нашу сторону Бар. Фредерикса, преданность котораго Государю, личное благородство и отрицательное отношеніе ко всякой нечистоплотности облегчало намъ наше представленіе Государю.

Въ тотъ же вечеръ, около 12-ти часовъ мы поѣхали съ Макаровымъ къ Фредериксу. Саблеръ отказался насъ сопровождать, сказавши, что его ждутъ съ нетерпѣніемъ его друзья, желающіе узнать результаты нашего совѣщанія.

Съ Барономъ Фредериксомъ наша бесѣда была очень коротка. Этотъ недалекій, но благородный и безупречно честный человѣкъ, хорошо понималъ всю опасность для Государя Распутинской исторіи и съ полной готовностью склонился дѣйствовать въ одномъ съ нами направленіи. Онъ обѣщалъ говорить съ Государемъ при первомъ же свиданіи, и Макаровъ и я настойчиво просили его сдѣлать это до нашихъ очередныхъ докладовъ, — Макарова въ четвергъ, а моего въ пятницу, такъ какъ къ его докладу Государь отнесется проще, чѣмъ къ нашему, будучи уже раздра-

женъ въ особенности противъ Макарова, за его отношеніе къ печатнымъ разоблаченіямъ, и несомнѣнно недоволенъ и мною за то, что я высказалъ Ему еще ранѣе тѣ же мысли по поводу мѣръ воздѣйствія на печать.

Въ воскресенье 1-го февраля вечеромъ Бар. Фредериксъ сказалъ мнѣ по телефону по-французски: «Я имѣлъ длинный разговоръ сегодня; очень раздражены и разстроены и совсѣмъ не одобряютъ нашу точку зрѣнія. Жду Васъ до пятницы».

Я пріѣхалъ къ нему въ среду днемъ и засталъ старика въ самомъ мрачномъ настроеніи. Въ довольно безсвязномъ пересказѣ передалъ онъ мнѣ его бесѣду, которая ясно указывала на то, что Государь крайне недоволенъ всѣмъ происходящимъ, винитъ во всемъ Государственную Думу и, въ частности, Гучкова, обвиняетъ Макарова въ «непростительной слабости», рѣшительно не допускаетъ какого-то ни было принужденія Распутина къ выѣзду и выразился даже будто бы такъ: «сегодня требуютъ выѣзда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуютъ, чтобы и онъ уѣхалъ». На кого намекалъ Государь, Фредериксъ такъ и не понялъ. Закончилась наша бесѣда тѣмъ, что Бар. Фредериксъ все же выразилъ надежду, что Макарову и мнѣ удастся уговорить Государя, а самъ онъ предполагаетъ переговорить лично съ Императрицей. Докладъ Макарова въ четвергъ кончился ничѣмъ. При первыхъ словахъ Макарова, посвященныхъ Распутинскому инциденту, Государь перевелъ рѣчь на другую тему, сказавши ему: «мнѣ нужно обдумать хорошенько эту отвратительную сплетню, и мы переговоримъ подробно при Вашемъ слѣдующемъ докладѣ, но я все-таки не понимаю, какимъ образомъ нѣтъ возможности положить конецъ всей этой грязи».

Ту же участь имѣли и мои попытки разъяснить этотъ вопросъ на слѣдующій день — въ пятницу. Я успѣлъ, однако, высказать подробно, какой страшный вредъ наноситъ эта исторія престижу Императорской власти и насколько неотложно пресѣчь ее въ корнѣ, отнявши самые поводы къ распространенію невѣроятныхъ сужденій. Государь слушалъ меня молча, съ видомъ недовольства, смотря по обыкновенію въ такомъ случаѣ въ окно, но затѣмъ перебилъ меня словами: «Да, нужно дѣйствительно пресѣчь эту гадость въ корнѣ, и я приму къ этому рѣшительныя мѣры. Я Вамъ скажу объ этомъ впослѣдствіи, а пока — не будемъ больше объ этомъ говорить. Мнѣ все это до крайности непріятно». Скоро мнѣ пришлось узнать, на что именно намекалъ Государь. Саблеръ скрылъ отъ меня, что Государь приказалъ ему достать изъ Синода дѣло по изслѣдованію Епископомъ Тверскимъ, бывшимъ Тоболь-

скимъ, Антоніемъ, поступившаго на Распутина обвиненія въ принадлежности его къ сектѣ хлыстовъ. Дознаніе на мѣстѣ начато было производствомъ мѣстною Епархіальною властью, пріостановлено и затѣмъ передано для изслѣдованія Епископу Антонію. Я этого дѣла не видалъ, и содержанія документовъ не зналъ. Но это дѣло, затребованное отъ Саблера, передано было Государемъ Генералъ-Адъютанту Дедюлину, съ повелѣніемъ отвезти его къ председателю Государственной Думы Родзянко для разсмотрѣнія и представленія затѣмъ непосредственно Государю его личнаго заключенія. Передавая это дѣло и Высочайшее повелѣніе Родзянко, Дедюлинъ прибавилъ на словахъ, что Е. И. В. увѣренъ, что Родзянко вполнѣ убѣдится въ ложности всѣхъ сплетенъ и найдетъ способъ положить имъ конецъ. Кто посовѣтовалъ Государю сдѣлать этотъ шагъ — я рѣшительно не знаю; допускаю даже, что эта мысль вышла изъ нѣдръ самого Синода, но результатъ оказался совершенно противоположный тому, на который надѣялся Государь.

М. В. Родзянко немедленно распространилъ по городу вѣсть объ «оказанной ему Государемъ чести», пріѣхалъ ко мнѣ съ необычайно важнымъ видомъ и сказалъ, между прочимъ, что его смущаетъ только одно: можетъ ли онъ требовать разныхъ документовъ, допрашивать свидѣтелей и привлекать къ этому дѣлу компетентныхъ людей. Я посовѣтовалъ ему быть особенно осторожнымъ, указавши на то, что всякое истребованіе документовъ и тѣмъ болѣе разспросы постороннихъ людей, составятъ уже предметъ разслѣдованія, вызовутъ только новый шумъ и могутъ закончиться еще бо̀льшимъ скандаломъ, между тѣмъ какъ изъ его собственныхъ словъ можно сдѣлать только одинъ выводъ, что ему лично поручено только — ознакомиться съ дѣломъ и высказать его непосредственное заключеніе, безъ всякаго отношенія къ тому, какое направленіе приметъ далѣе этотъ вопросъ, по усмотрѣнію самого Государя. Я прибавилъ, что, во всякомъ случаѣ, я совѣтовалъ бы ему сначала изучить дѣло, доложить Государю его личное заключеніе и только послѣ этого доклада испросить разрѣшеніе на тѣ или иныя дѣйствія. Иначе онъ можетъ нарваться на крупную непріятность и скомпрометировать то довѣріе, которое оказано Монархомъ Пресѣдателю Государственной Думы.

Родзянко, повидимому, внялъ моему голосу, но такъ какъ онъ все-таки сознавалъ, что справиться одинъ съ такимъ дѣломъ не можетъ, то привлекъ къ нему Членовъ Думы Шубинскаго и Гучкова, и они втроемъ стали изучать дѣло и составлять всепод-

даннѣйшій докладъ. Ни дѣла, ни доклада я не видѣлъ, но шумъ и пересуды около него не унимались. Родзянко разсказывалъ направо и налѣво о возложенномъ на него порученіи и, не стѣсняясь, говорилъ, что ему суждено его докладомъ спасти Государя и Россію отъ Распутина, носился со своимъ «порученіемъ», показалъ мнѣ однажды 2—3 страницы своего черноваго доклада, составленнаго въ самомъ неблагопріятномъ для Распутина смыслѣ, и ждалъ лишь окончательной переписки его и личнаго своего доклада у Государя. Какъ видно будетъ дальше, его соображеніямъ не суждено было сбыться, и едва не произошло даже крупной непріятности.

Подъ вліяніемъ всѣхъ разсказовъ Родзянко толки и сплетни не только не унимались, но росли и крѣпли. Приближалось обсужденіе въ Общемъ Собраніи росписи на 1912 годъ, и опять Распутинскій вопросъ выросъ во весь свой ростъ. Еще до начала общихъ преній по бюджету (28-го февраля) предварительное разсмотрѣніе смѣты Синода въ бюджетной Комиссіи выросло въ цѣлое событіе: Гучковъ, Владиміръ Львовъ (думскій кандидатъ въ Оберъ-Прокуроры), Милюковъ, Сергѣй Шидловскій и многіе другіе приняли участіе въ дебатахъ, и медовыя рѣчи Саблера не притупили стрѣлъ ихъ злобы и печальнаго для Россіи остроумія. Среди этой атмосферы напряженности я получилъ въ понедѣльникъ, 12-го февраля, черезъ Е. А. Нарышкину, приглашеніе къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. 1½-часовая бесѣда, веденная утромъ 13-го февраля, была цѣликомъ посвящена все тому же Распутину. На вопросъ Императрицы, я доложилъ Ей съ полною откровенностью все, что зналъ, не скрылъ ничего и не смягчалъ никакихъ крайностей создавшагося грознаго положенія, вынесшаго на улицу интимную жизнь Царской Семьи и сдѣлавшаго самыя деликатныя стороны этой жизни предметомъ пересудъ всѣхъ слоевъ населенія и самой безпощадной клеветы. Императрица горько плакала, обѣщала говорить съ Государемъ, но прибавила: «Несчастная моя невѣстка не понимаетъ, что она губитъ и династію и себя. Она искренно вѣритъ въ святость какого-то проходимца, и всѣ мы безсильны отвратить несчастіе».

Ея слова оказались пророческими.

Въ тотъ же самый день я былъ пораженъ полученіемъ письма отъ Распутина, содержавшаго въ себѣ буквально слѣдующее: «Собираюсь уѣхать совсѣмъ, хотѣлъ бы повидаться, чтобы обмѣняться мыслями; обо мнѣ теперь много говорятъ— назначьте когда. Адресъ Кирочная 12 у Сазонова». Своеобразная орфогра-

фія, конечно, мною не удержана. Первое движеніе мое было вовсе не отвѣчать на письмо и уклониться отъ этого личнаго знакомства. Но подумавши, я рѣшилъ все-таки принять Распутина какъ потому, что положеніе Предсѣдателя Совѣта обязывало меня не уклоняться отъ пріема человѣка, взбудоражившаго всю Россію, такъ и потому, что при неизбѣжномъ объясненіи съ Государемъ мнѣ важно было сослаться на личное впечатлѣніе. Не безъ вліянія было и мое опасеніе вызвать неудовольствіе со стороны Государя за то, что я не принялъ человѣка, просившаго быть принятымъ. Теплилась у меня и надежда на возможность доказать этому человѣку, какую яму роетъ онъ Царю и Его власти тѣмъ, что повсюду растутъ и углубляются слухи о его близости къ Царскому Селу.

Рѣшившись на этотъ шагъ, я просилъ зятя моего Мамантова, давно знавшаго Распутина, присутствовать при нашей встрѣчѣ, для того, чтобы былъ свидѣтель ея, имѣющій возможность, въ случаѣ надобности, подтвердить то, что происходило, или опровергнуть неизбѣжныя небылицы. Я назначилъ пріемъ вечеромъ въ среду, 15-го февраля, довольно поздно, такъ какъ провелъ весь день въ Думской Бюджетной Комиссіи. Эта первая встрѣча оставила во мнѣ самое тягостное впечатлѣніе. Впослѣдствіи, уже въ 1915 году, во время тяжкой, предсмертной болѣзни Мамантова, я встрѣтилъ Распутина во второй и послѣдній разъ на квартирѣ покойнаго, но прошелъ молча мимо него. Я говорю здѣсь, послѣ многихъ лѣтъ, протекшихъ съ того времени, что всякія росказни о томъ, что Распутинъ зналъ меня раньше, — суть чистѣйшая выдумка или злонамѣренная ложь. Лжетъ и Иліодоръ въ своихъ воспоминаніяхъ «Святой чортъ», говоря отъ имени Распутина или своего собственнаго, что я зналъ этого человѣка раньше. Я его никогда до того не видѣлъ, и къ чести покойнаго моего зятя Мамантова долженъ сказать, что и онъ не только не настаивалъ, но даже никогда не предлагалъ мнѣ устроить встрѣчу, всегда одобрялъ мою полную отчужденность отъ подобныхъ искательствъ и только частенько въ шутку говорилъ: «Эхъ, Генералъ (такъ онъ всегда обращался ко мнѣ въ шутку), не удержишься ты на своей власти при твоей чистоплотности, не такое теперь время», а когда я возражалъ ему, что и самъ онъ на предложеніе Распутина, быть назначеннымъ не то Оберъ-Прокуроромъ Синода, не то Министромъ Народнаго Просвѣщенія, всегда открещивался отъ такого назначенія, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я — другое дѣло, я — не для высокихъ постовъ, да и не стоитъ ихъ занимать, все равно долго не удержишься».

Когда Р. вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и сѣлъ на кресло, меня поразило отвратительное выраженіе его глазъ. Глубоко сидящіе въ орбитѣ, близко посаженные другъ къ другу, маленькіе, сѣро-стальнаго цвѣта, они были пристально направлены на меня, и Р. долго не сводилъ ихъ съ меня, точно онъ думалъ произвести на меня какое-то гипнотическое воздѣйствіе или же просто изучалъ меня, видѣвши меня впервые. Затѣмъ онъ рѣзко закинулъ голову кверху и сталъ разсматривать потолокъ, обводя его по всему карнизу, потомъ потупилъ голову и сталъ упорно смотрѣть на полъ и — все время молчалъ. Мнѣ показалось, что мы безконечно долго сидимъ въ такомъ безсмысленномъ положеніи, и я, наконецъ, обратился къ Р., сказавши ему: «Вотъ Вы хотѣли меня видѣть, что же именно хотѣли Вы сказать мнѣ. Вѣдь такъ можно просидѣть и до утра».

Мои слова, видимо, не произвели никакого впечатлѣнія. Распутинъ какъ-то глупо, дѣланно, полуидіотски осклабился, пробормоталъ: «Я такъ, я ничего, вотъ просто смотрю, какая высокая комната» и продолжалъ молчать и закинувши голову кверху, все смотрѣлъ на потолокъ. Изъ этого томительнаго состоянія вывелъ меня приходъ Мамантова. Онъ поцѣловался съ Распутинымъ и сталъ разспрашивать его, дѣйствительно ли онъ собирается уѣхать домой. Вмѣсто отвѣта Мамантову, Распутинъ снова уставился на меня въ упоръ своими холодными, пронзительными глазами и проговорилъ скороговоркой: «Что-жъ уѣзжать мнѣ, что-ли? Житья мнѣ больше нѣтъ и чего плетутъ на меня!» Я сказалъ ему: «Да, конечно, Вы хорошо сдѣлаете, если уѣдете. Плетутъ ли на Васъ, или говорятъ одну правду, но Вы должны понять, что здѣсь не Ваше мѣсто, что Вы вредите Государю, появляясь во дворцѣ и въ особенности разсказывая о Вашей близости и давая кому угодно пищу для самыхъ невѣроятныхъ выдумокъ и заключеній». «Кому я что разсказываю, — все врутъ на меня, все выдумываютъ, нѣшто я лѣзу во дворецъ, — зачѣмъ меня туда зовутъ!» — почти завизжалъ Распутинъ. Но его остановилъ Мамантовъ, своимъ ровнымъ, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ: «Ну, что грѣха таить, Григорій Ефимовичъ, вотъ ты самъ разсказываешь лишнее, да и не въ томъ дѣло, а въ томъ, что не твое тамъ мѣсто, не твоего ума дѣло говорить, что ты ставишь и смѣщаешь Министровъ, да принимать всѣхъ, кому не лѣнь идти къ тебѣ со всякими дѣлами, да просьбами и писать о нихъ, кому угодно. Подумай объ этомъ хорошенько самъ и скажи по совѣсти, изъ-за чего же льнутъ къ тебѣ всякіе генералы и большіе чиновники, развѣ не изъ-за того, что ты берешься хлопотать за нихъ? А развѣ тебѣ

даромъ станутъ давать подарки, поить и кормить тебя? И что же прятаться — вѣдь ты же самъ сказалъ мнѣ, что поставилъ Саблера въ Оберъ-Прокуроры, и мнѣ же ты предлагалъ сказать Царю про меня, чтобы выше меня поставилъ. Вотъ тебѣ и отвѣтъ на твои слова. Худо будетъ, если ты не отстанешь отъ дворца, и худо не тебѣ, а Царю, про котораго теперь плететъ всякій кому не лѣнь языкомъ болтать».

Распутинъ во все время, что говорилъ Мамантовъ, сидѣлъ съ закрытыми глазами, не открывая ихъ, опустивши голову, и упорно молчалъ. Молчали и мы, и необычайно долго и томительно казалось это молчаніе. Подали чай. Распутинъ забралъ пригоршню печенья, бросилъ его въ стаканъ, уставился опять на меня своими рысьими глазами. Мнѣ надоѣла эта попытка гипнотизировать меня, и я ему сказалъ просто: «напрасно Вы такъ упорно глядите на меня, Ваши глаза не производятъ на меня никакого дѣйствія, давайте лучше говорить просто и отвѣтьте мнѣ, развѣ не правъ Валерій Николаевичъ (Мамантовъ), говоря Вамъ то, что онъ сказалъ. Распутинъ глупо улыбнулся, заерзалъ на стулѣ, отвернулся отъ насъ обоихъ въ сторону и сказалъ: «ладно, я уѣду, только ужъ пущай меня не зовутъ обратно, если я такой худой, что Царю отъ меня худо». Я собирался было перевезти разговоръ на другую тему. Сталъ разспрашивать Распутина о продовольственномъ дѣлѣ въ Тобольской губерніи — въ тотъ годъ тамъ былъ неурожай, — онъ оживился, отвѣчалъ очень здраво, толково и даже остроумно, но стоило только мнѣ сказать ему: «вотъ, такъ-то лучше говорить просто, можно обо всемъ договориться», какъ онъ опять съежился, сталъ закидывать голову или опускалъ ее къ полу, бормоталъ какія-то безсвязныя слова «ладно, я худой, уѣду, пущай справляются безъ меня, зачѣмъ меня зовутъ сказать то, да другое, про того, да про другого....» Долго опять молчалъ, уставившись на меня, потомъ сорвался съ мѣста и сказалъ только: «ну, вотъ и познакомились, прощайте» и ушелъ отъ меня. Мы остались съ Мамантовымъ вдвоемъ, пришла въ кабинетъ жена и стала меня разспрашивать о моихъ впечатлѣніяхъ. Помню хорошо и теперь то, что я сказалъ тогда по горячимъ слѣдамъ, что повторилъ черезъ день Государю и повторяю себѣ и теперь. По-моему Распутинъ типичный сибирскій варнакъ, бродяга, умный и выдрессировавшій себя на извѣстный ладъ простеца и юродиваго и играющій свою роль по заученному рецепту.

По внѣшности ему не доставало только арестантскаго армяка и бубноваго туза на спинѣ.

По замашкамъ — это человѣкъ способный на все. Въ свое кривлянiе онъ, конечно, не вѣритъ, но выработалъ себѣ твердо заученные прiемы, которыми обманываетъ какъ тѣхъ, кто искренно вѣритъ всему его чудачеству, такъ и тѣхъ, кто надуваетъ его самого своимъ преклоненiемъ передъ нимъ, имѣя на самомъ дѣлѣ въ виду только достигнуть черезъ него тѣхъ выгодъ, которыя не даются инымъ путемъ.

На слѣдующiй день въ четвергъ, 16-го февраля, у насъ былъ музыкальный вечеръ, съ большимъ количествомъ приглашенныхъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и В. Н. Мамонтовъ. Улучивши свободную минуту, онъ сказалъ мнѣ: «а вѣдь миленькiй, — такъ называлъ онъ Распутина, — подражая его привычкѣ говорить всѣмъ «милой, миленькой», уже доложилъ въ Царскомъ Селѣ о томъ, что былъ у тебя, и что ты уговаривалъ его уѣхать въ Покровское, и на вопросъ мой (по телефону) «какъ же тамъ отнеслись къ этому совѣту и намѣренъ ли онъ уѣхать», Распутинъ отвѣтилъ: «что сказалъ, то я и сдѣлаю, а только тамъ серчаютъ, говорятъ, зачѣмъ суются куда не спрашиваютъ, кому какое дѣло, гдѣ я живу, вѣдь я не арестантъ».

Это сообщенiе убѣдило меня въ томъ, что мнѣ слѣдуетъ на утро же самому доложить о непрошенномъ визитѣ и передать обо всемъ, что произошло, чтобы не давать повода обвинять меня въ какомъ- бы то ни было дѣйствiи за спиной.

Я такъ и поступилъ. Обычный мой докладъ шелъ своимъ обычнымъ ходомъ, все одобрялось и утверждалось, настроенiе было самое благодушное, и ничто не указывало на то, что было малѣйшее неудовольствiе на меня.

Я спросилъ Государя, могу ли я задержать его еще на нѣсколько минутъ докладомъ одного вопроса, не имѣющаго прямого отношенiя къ дѣламъ Министерства или Совѣта Министровъ и получилъ отвѣтъ: «сколько угодно, такъ какъ до парада кадетскаго корпуса осталось еще болѣе получаса, и Я нисколько не тороплюсь».

Я передалъ въ самой большой точности все, что произошло за послѣднiе дни, начиная съ полученiя мною письма 13-го числа съ просьбою о прiемѣ, показалъ это письмо, въ устраненiе предположенiя, что я самъ вызвалъ Распутина на свиданiе, и повторилъ во всѣхъ подробностяхъ всю происходившую между нами, въ присутствiи посторонняго человѣка бесѣду, не скрывши отъ Государя высказаннаго мною Распутину, что всѣ разговоры, основанные на его же поведенiи и на собственныхъ его разсказахъ относительно посѣщенiя имъ Двора, указывающiе на какую-то бли-

зость его къ Высочайшимъ Особамъ, наносятъ величайшій вредъ Государю и всей Его семьѣ, также какъ не скрылъ я и того, что у меня осталось впечатлѣніе, что Распутинъ самъ это отлично понимаетъ и, видимо, вполнѣ искренно сказалъ мнѣ, что хочетъ уѣхать въ деревню и больше не показываться на глаза. Государь ни разу не прервалъ меня и только, когда я кончилъ мой разсказъ, спросилъ меня: «Вы не говорили ему, что вышлете его, если онъ самъ не уѣдетъ» и получивши мой отвѣтъ, что помимо т-сутствія у меня всякаго права выслать кого бы то ни было, у меня не было и повода грозить Распутину высылкою, такъ какъ онъ самъ сказалъ, что давно хотѣлъ уже уѣхать, чтобы «газеты перестали лаяться», — Государь сказалъ мнѣ, что Онъ этому радъ, такъ какъ Ему говорили, что будто бы я и Макаровъ рѣшили удалить Распутина, даже не доложивши предварительно объ этомъ Ему, такъ какъ Ему «было крайне больно, чтобы кого-либо тревожили изъ-за Насъ».

Потомъ Государь спросилъ меня: «а какое впечатлѣніе произвелъ на Васъ этотъ «мужичокъ»?

Я отвѣтилъ, что у меня осталось самое непріятное впечатлѣніе, и мнѣ казалось, во все время почти часовой съ нимъ бесѣды, что передо мною типичный представитель сибирскаго бродяжничества, съ которымъ я встрѣчался въ началѣ моей службы въ пересыльныхъ тюрьмахъ, на этапахъ и среди такъ называемыхъ «не помнящихъ родства», которые скрываютъ свое прошлое, запятненное цѣлымъ рядомъ преступленій, и готовы буквально на все, во имя достиженія своихъ цѣлей. Я сказалъ даже, что не хотѣлъ бы встрѣтиться съ нимъ наединѣ, настолько отталкивающая его внѣшность, неискренни заученные имъ пріемы какого-то гипнотизерства и непонятны его юродства, рядомъ съ совершенно простымъ и даже вполнѣ толковымъ разговоромъ, на самыя обыденныя темы, но которые также быстро смѣняются потомъ опять такимъ же юродствомъ.

Чтобы не дать повода обвинять меня въ предвзятости или преувеличеніи, я сказалъ Государю, что осуждая Распутина за его стремленіе выставлять на показъ его встрѣчи съ тѣми, кто оказываетъ ему милость, — я еще болѣе осуждаю тѣхъ, кто ищетъ его покровительства и старается устраивать свои дѣлишки, пользуясь его кажущимся вліяніемъ. Во все время моего доклада, Государь упорно молчалъ, смотрѣлъ большею частью въ сторону, въ окно — признакъ того, что весь разговоръ ему не пріятенъ — а когда я кончилъ и сказалъ, что я считалъ своимъ долгомъ лично доложить какъ было дѣло и предупредить новыя

легенды, столь охотно распускаемыя досужими вѣстовщиками, Государь сказалъ мнѣ, что онъ очень дорожитъ такой откровенностью, но долженъ сказать мнѣ, что лично почти не знаетъ «этого мужичка» и видѣлъ его мелькомъ, кажется не болѣе двухъ-трехъ разъ и притомъ на очень большихъ разстояніяхъ времени.

На этомъ и кончилась вся наша бесѣда, и болѣе я ни разу не имѣлъ случая говорить съ Государемъ о Распутинѣ, несмотря на то, что до моей отставки прошло еще ровно два года.

По окончаніи моего всеподданнѣйшаго доклада, я вышелъ въ переднюю одновременно съ Государемъ. Онъ быстро одѣлъ легкое пальто, несмотря на то, что день былъ ясный, но морозный, и, спускаясь съ лѣстницы, чтобы сѣсть въ поданныя Ему сани и ѣхать въ Большой Дворецъ на смотръ Кадетскаго Корпуса, шутливо даже извинился передо мною, что Его экипажъ поданъ раньше моего.

Вернувшись домой и наскоро позавтракавши, я сѣлъ за обычныя занятія, сдалъ моему Секретарю Л. Ф. Дорліаку всеподданнѣйшіе доклады и сталъ принимать по очереди ожидавшихъ меня людей.

Около 4-хъ часовъ, Вал. Ник. Мамантовъ позвонилъ ко мнѣ по телефону и сказалъ съ его обычными прибаутками, что «здѣсь» (т. е. нужно понимать на Гороховой у Распутина) уже извѣстно о моемъ докладѣ и даже доподлинно извѣстно, что кто-то (тотъ же Распутинъ) мнѣ очень не понравился, что я отозвался очень неодобрительно о немъ, и будто бы говорилъ то же самое, что сказалъ и лично ему, при нашемъ свиданіи во вторникъ, насчетъ вреда его посѣщеній Царскаго Села, и что телефонная бесѣда закончилась такимъ финаломъ: «вотъ онъ какой, твой-то, ну что же, пущай; всякъ свое знаетъ».

На мое замѣчаніе, что меня удивляетъ, съ какою быстротою пошла сюда вѣсть изъ Царскаго о моемъ докладѣ, В. Ник. шутливо замѣтилъ, что тутъ «ничего удивительнаго нѣтъ, довольно было времени посмотрѣть на Кадетъ, а затѣмъ, за завтракомъ, разсказать все по порядку, ну, а потомъ, долго ли вызвать Вырубову, сообщить ей, а она сейчасъ же къ телефону и готово дѣло».

Меня все это крайне удивило: я видѣлъ ясно, что вліяніе этого человѣка велико, и что мнѣ необходимо быть особенно осторожнымъ, и я сталъ нетерпѣливо ждать, какъ будутъ развиваться событія, которыя обострялись день ото дня.

Распутинъ на слѣдующій недѣлѣ дѣйствительно выѣхалъ.

Печать подхватила это извѣстіе, а въ «Рѣчи» появилась даже замѣтка, сочувственно относящаяся къ моему будто-бы распоряженію о высылкѣ его, хотя я никакого распоряженія не давалъ; я ждалъ чѣмъ выразится это на моемъ блажайшемъ докладѣ.

Государь не сказалъ ни слова, Его отношеніе ко мнѣ оставалось тѣмъ же неизмѣнно ласковымъ, милостивымъ и довѣрчивымъ, но среди приближенныхъ замѣчалась большая тревога. Гр. Бенкендорфъ спрашивалъ меня два раза въ теченіе недѣли, гдѣ находится Иліодоръ, что стало съ Гермогеномъ, правда ли что я удалилъ Распутина, и можно ли быть увѣреннымъ, что онъ не вернется.

Насчетъ Распутина и Гермогена, я могъ дать точный отвѣтъ, но про Иліодора я зналъ только, что послѣ его исчезновенія изъ города, его нашли гдѣ-то на полѣ, не далеко отъ Любани, пробиравшимся пѣшкомъ въ сторону Москвы, вернули въ Петербургъ, и затѣмъ благополучно доставили въ монастырь, и никакихъ другихъ свѣдѣній у меня больше не было.

Въ ближайшіе же дни послѣ описанныхъ событій, мнѣ пришлось принять участіе еще въ одномъ крайне щекотливомъ дѣлѣ, а именно о распространенныхъ А. И. Гучковымъ гектографированныхъ копіяхъ писемъ Императрицы Александры Федоровны и Великихъ Княженъ къ Распутину, повидимому, отъ 1910 года, а можетъ быть и отъ болѣе ранняго времени.

Подлинныхъ писемъ я тогда не видалъ, и не зналъ, откуда попали они къ Гучкову, и какимъ образомъ могъ онъ имѣть копіи съ нихъ. Содержаніе письма Императрицы, въ особенности нѣкоторыя выраженія его, въ родѣ врѣзавшагося въ мою память выраженія: «мнѣ кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя, и я чувствую прикосновеніе къ себѣ твоей руки», конечно могли дать поводъ къ самымъ непозволительнымъ умозаключеніямъ, если воспроизвести ихъ отдѣльно отъ всего изложенія, но всякій, кто зналъ Императрицу, искупившую своею мученическою смертью всѣ ея вольныя и невольныя прегрѣшенія, если они даже и были, и заплатившую такою страшною цѣною за всѣ свои заблужденія, тотъ хорошо знаетъ, что смыслъ этихъ словъ былъ совсѣмъ иной. Въ нихъ сказалась вся Ея любовь къ больному сыну, все Ея стремленіе найти въ вѣрѣ въ чудеса послѣднее средство спасти его жизнь, вся экзальтація и весь религіозный мистицизмъ этой глубоко несчастной женщины, прошедшей вмѣстѣ съ горячо любимымъ мужемъ и нѣжно любимыми дѣтьми такой поистинѣ страшный крестный путь.

Еще въ концѣ января этого года, какъ-то вечеромъ Макаровъ

позвонилъ ко мнѣ по телефону и сказалъ, что ему нужно посовѣтоваться со мною, но по нездоровью онъ не выходитъ изъ дома. Я пошелъ къ нему на Морскую и узналъ отъ него, что онъ напалъ на слѣдъ подлиннаго письма Императрицы къ Распутину и при немъ еще 4-хъ писемъ къ нему же Великихъ Княженъ, что эти письма находятся въ рукахъ одного человѣка, мнѣ, да и ему, Макарову, совершенно неизвѣстнаго, получившаго ихъ изъ рукъ какой-то женщины, пробравшейся въ монастырь къ Иліодору, который передалъ ихъ ей изъ опасенія, что ихъ могутъ отобрать у него при обыскѣ. По словамъ Макарова, женщина эта объяснила, что Иліодоръ получилъ эти письма непосредственно отъ Распутина, въ бытность его въ гостяхъ у него въ селѣ Покровскомъ, лѣтомъ, повидимому, еще 1910 г., когда оба они были еще въ величайшей дружбѣ. Иліодоръ разсказалъ этой женщинѣ, что Распутинъ вовсе не хвастался этими письмами, а просто показалъ ихъ ему, а затѣмъ разрѣшилъ даже Иліодору взять ихъ только потому, что этотъ послѣдній усумнился вообще въ ихъ существованіи, предполагая, что Распутинъ разсказывалъ о своей близости ко Двору, только для того, чтобы втирать очки темнымъ людямъ.

Макарова чрезвычайно заботилъ вопросъ о возможности изъять эти письма изъ обращенія, такъ какъ онъ опасался, что появленіе ихъ въ фотографированномъ видѣ могло породить еще бо̀льшій скандалъ, нежели печатныя копіи, и онъ просилъ моей помощи въ этомъ дѣлѣ. Мы условились, что Макаровъ постарается сначала подѣйствовать на обладателя этихъ писемъ уговоромъ и убѣжденіемъ въ необходимости изъять ихъ изъ обращенія, затѣмъ, если это не подѣйствуетъ, постараться купить ихъ, для чего я согласился открыть необходимый кредитъ, если же и это не поможетъ, то мы условились, что онъ будетъ изыскивать всякіе иные способы.

Три-четыре дня послѣ этого нашего свиданія, Макаровъ, все еще не выходившій изъ дома, опять попросилъ меня придти къ нему, и сказалъ, что письма у него, что ему удалось достать ихъ безъ особаго труда, такъ какъ человѣкъ, въ рукахъ котораго они находились, оказался вполнѣ порядочнымъ, и послѣ первыхъ же словъ согласился отдать ихъ, понимая всю опасность храненія ихъ, и сказалъ даже, намекая на бывшихъ друзей Распутина — Иліодора и другихъ, — «эти люди не задумаются просто задушить меня, если я ихъ не отдамъ по ихъ требованію». Макаровъ далъ мнѣ прочитать всѣ письма. Ихъ было 6. Одно сравнительно длинное письмо отъ Императрицы, совершенно точно воспроиз-

веденное въ распространенной Гучковымъ копіи; по одному письму отъ всѣхъ четырехъ Великихъ Княженъ, вполнѣ безобиднаго свойства, написанныхъ видимо подъ вліяніемъ напоминаній матери, и почти одинаковаго свойства. Они содержали въ себѣ главнымъ образомъ упоминаніе о томъ, что онѣ были въ церкви и все искали его, не находя его на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ привыкли его видѣть, и — одно письмо, или вѣрнѣе листокъ чистой почтовой бумаги малаго формата съ тщательно выведенною буквою А, маленькимъ Наслѣдникомъ.

Мы стали разбираться съ Макаровымъ, что ему дѣлать съ этими письмами. Первое его побужденіе было просто спрятать ихъ, чтобы они не попали въ чьи-либо руки, но я это рѣшительно отсовѣтовалъ ему, говоря что его могутъ заподозрить въ какихъ-либо недобрыхъ намѣреніяхъ. Затѣмъ онъ высказалъ намѣреніе передать ихъ Государю, противъ чего я также категорически возразилъ, говоря, что этимъ онъ поставитъ Государя въ крайне щекотливое положеніе и наживетъ себѣ въ лицѣ Императрицы непримиримаго врага, такъ какъ Государь не замедлитъ сказать ей о полученіи писемъ, и Императрица не проститъ ему этого поступка.

Я совѣтовалъ Макарову попросить у Императрицы личную аудіенцію непосредственнымъ и притомъ собственноручнымъ письмомъ и передать ей письма изъ рукъ въ руки, сказавши ей совершенно открыто, какъ попали онѣ къ нему.

Макаровъ обѣщалъ послѣдовать моему совѣту, но поступилъ какъ разъ наоборотъ. На слѣдующемъ же всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ, имѣя эти письма подъ рукою и замѣтивши, что Государь находится въ отличномъ настроеніи духа, Макаровъ разсказалъ Ему всю исторію этихъ писемъ и вручилъ конвертъ съ ними Государю.

По собственному его разсказу, Государь поблѣднѣлъ, нервно вынулъ письма изъ конверта, и взглянувши на почеркъ Императрицы, сказалъ: «да, это не поддѣльное письмо», а затѣмъ открылъ ящикъ своего стола и рѣзкимъ, совершенно непривычнымъ Ему, жестомъ швырнулъ туда конвертъ.

Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сказать Макарову: «зачѣмъ же Вы спрашивали моего совѣта, чтобы поступить какъ разъ наоборотъ, теперь Ваша отставка обезпечена». Мои слова сбылись очень скоро.

ГЛАВА III.

Пренія по государственной росписи на 1912 годъ. — Эпилогъ Высочайше порученнаго Родзянкѣ разсмотрѣнія дѣла о Распутинѣ. — Мое посѣщеніе Москвы. — Отличный пріемъ, оказанный мнѣ Московскимъ купечествомъ. — Инцидентъ съ рѣчью П. П. Рябушинскаго. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Запросъ о безпорядкахъ на Ленскихъ золотыхъ промыслахъ. — Инцидентъ съ Сухомлиновымъ въ Комиссіи Обороны. — Поѣздка въ Крымъ. — Докладъ Государю. — Явное невниманіе, выказанное мнѣ Императрицей Александрой Феодоровной. — Моя попытка освѣтить Государю личность Сухомлинова. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Принятіе Думой Малой морской программы. — Пріемъ Государемъ членовъ Думы III Созыва.

Среди такихъ нелегкихъ переживаній и постояннаго нервнаго напряженія, вызваннаго описанными событіями, подошло время общихъ преній въ Думѣ по государственной росписи на 1912 годъ. Разсмотрѣніе бюджета въ думской комиссіи шло какъ-то особенно мирно и гладко. Не было почти никакихъ разногласій, и я попрежнему старался давать самъ объясненія по отдѣльнымъ смѣтамъ, что, видимо, нравилось комиссіи, такъ какъ она видѣла въ этомъ знакъ особаго вниманія къ ея работамъ.

Докладъ комиссіи внесенъ былъ и на этотъ разъ безъ всякихъ разногласій съ правительствомъ, какъ по доходамъ, такъ и по расходамъ, и общіе выводы отличались еще болѣе благопріятнымъ тономъ, нежели во всѣ предыдущіе годы. Такимъ характеромъ отличались и сужденія предсѣдателя бюджетной комиссіи въ общемъ собраніи, который, также какъ и я, въ моей объяснительной запискѣ къ проекту росписи посвятилъ немало мѣста сравнительному обзору нашего финансоваго положенія за пятилѣтіе 1907—1912 г.г. и не поскупился на чрезвычайно благопріят-

ныя сопоставленія того, что было, съ тѣмъ, что стало. Мнѣ пришлось выступить съ моими объясненіями, такимъ образомъ, въ совершенно благожелательной обстановкѣ, которая обѣщала очень мирное теченіе всего этого сложнаго дѣла, каждый разъ возбуждавшаго немало страстей и еще болѣе односторонней, предвзятой критики.

Но и на этотъ разъ, совершенно иной характеръ имѣлъ второй день преній, 1-го марта. Пренія открылъ мой бывшій подчиненный по Министерству Финансовъ Н. Н. Кутлеръ, который наговорилъ столько несообразностей и даже прямого вздора, что просто хотѣлось оставить безъ возраженія его рѣчь, но такъ какъ въ оппозиціонныхъ кругахъ за нимъ все еще признавался авторитетъ въ вопросахъ финансоваго управленія, то пришлось волей-неволей посвятить ему нѣсколько минутъ времени и разъяснить всю безсмыслицу его критики.

Слѣдовавшій непосредственно за нимъ мой обычный оппонентъ Шингаровъ не упустилъ случая, чтобы для завершенія пятилѣтней критики по бюджету оставить для послѣдняго года работы Думы третьяго созыва, такъ сказать, свое завѣщаніе и безпощадную критику всего, что дала работа Думы и правительства за пять лѣтъ ихъ совмѣстнаго существованія. Въ четырехчасовой рѣчи, не приводя ни одной цифры, не отвѣтивъ ни однимъ словомъ на всѣ мои соображенія, имѣвшія цѣлью подвести итоги финансоваго хозяйства и достигнутыхъ результатовъ за длинный пятилѣтній промежутокъ времени, протекшаго со дня созыва Думы третьяго созыва, не стѣсняясь нисколько выводами Предсѣдателя бюджетной Комиссіи, не поскупившагося и на этотъ разъ сдѣлать безспорно благопріятные выводы изъ нашего финансоваго и экономическаго положенія,—Шингаревъ представилъ поистинѣ безпощадный по внѣшности и совершенно предвзятый по существу анализъ дѣйствій правительства по отношенію къ народному представительству и не менѣе несправедливый анализъ всей дѣятельности самой Думы, которую онъ не постѣснялся обвинить въ систематическомъ потворствѣ всѣмъ дѣйствіямъ и стремленіямъ правительства, направленнымъ въ ущербъ насущнымъ интересамъ народа и въ поощреніе явнаго и систематическаго стремленія свести къ нулю и безъ того ничтожныя права, предоставленныя народному представительству нашими основными законами, расчитанными на одно—ограничить его полномочія и обезпечить безнаказанность и безотвѣтственность органовъ власти. Онъ закончилъ прямымъ обвиненіемъ Думы и вѣрнаго правительству ея большинства въ соучастіи съ правительствомъ и обратил-

ся къ Думѣ съ вопросомъ: «что скажетъ она на предстоящихъ выборахъ въ оправданіе своего пятилѣтняго существованія и съ какимъ багажемъ предстанетъ она передъ новыми избирателями». Мнѣ пришлось, поэтому, на этотъ разъ выступить противъ него съ рѣчью, продолжавшеюся всего 40 минутъ, и перебрать пунктъ за пунктомъ всю его несправедливую рѣчь и всѣ его обвиненія и сойти съ трибуны подъ оглушительные и единодушные аплодисменты огромнаго большинства Думы, закончивши такимъ образомъ большимъ успѣхомъ мой пятилѣтній трудъ передъ этимъ составомъ Думы.

Немного времени прошло съ моей первой и единственной встрѣчи съ Распутинымъ и моего доклада о ней Государю, — какъ стали распространяться по городу слухи о близкомъ отъѣздѣ Императорской семьи въ Крымъ.

Государь не любилъ открыто говорить объ этомъ заблаговременно, но, по цѣлому ряду крупныхъ дѣлъ находившихся у меня на рукахъ и, въ особенности, по дѣлу о такъ называемой «малой судостроительной программѣ», то-есть объ усиленіи нашего боевого флота, и связанной съ этимъ необходимостью испрошенія значительныхъ кредитовъ черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ, — мнѣ необходимо было точно знать намѣренія Государя и поставить мои собственныя далеко не легкія дѣйствія въ зависимость отъ испрошенія Его согласія на самый способъ моихъ отношеній къ Думѣ, и на различные намѣченные мною пріемы, обезпечивающіе, какъ мнѣ казалось, успѣхъ моихъ усилій по этому дѣлу.

Я спросилъ поэтому въ самыхъ послѣднихъ числахъ февраля всего за нѣсколько дней до бюджетныхъ преній, на сколько справедливы дошедшіе до меня слухи о скоромъ отъѣздѣ въ Ливадію?

Государь отвѣтилъ мнѣ на этотъ разъ не такъ, какъ Онъ говорилъ привычно о своихъ поѣздкахъ: «не распространяйте, В. Н. того, что Я скажу Вамъ», — сказалъ мнѣ Государь. «Я просто задыхаюсь въ этой атмосферѣ сплетенъ, выдумокъ и злобы. Да, Я уѣзжаю и притомъ очень скоро, и постараюсь вернуться какъ можно позже».

На мое замѣчаніе, что я долженъ поэтому заблаговременно испросить указаній по цѣлому ряду дѣлъ, и въ особенности по Судостроительной программѣ Морского Вѣдомства, Государь отвѣтилъ мнѣ: «это дѣло такъ близко Моему сердцу, что я заранѣе одобряю все, что Вы придумаете, чтобы провести его въ Думѣ.

Григоровичъ еще на дняхъ просилъ Меня о Вашей помощи; онъ понимаетъ, что безъ Васъ ему ничего не сдѣлать. Вы лучше умѣете говорить съ Думою, и Мнѣ очень отрадно, что онъ такъ уважаетъ Васъ и говоритъ о Васъ такимъ сердечнымъ тономъ, что Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Вы сами слышали это. Пишите Мнѣ въ Крымъ обо всемъ, и Я немедленно отвѣчу Вамъ, и если будетъ нужда видѣть Меня, Я радъ буду принять Васъ въ Ливадіи. Сейчасъ Я не могу дать Вамъ много времени, у Меня на рукахъ куча непріятныхъ дѣлъ, которыя Я хочу покончить до выѣзда отсюда, чтобы не думать о нихъ ни въ пути, ни на отдыхѣ. Одна необходимость имѣть подробныя объясненія съ Предсѣдателемъ Думы чего стоитъ».

Государь не далъ мнѣ никакого поясненія своихъ послѣднихъ словъ, но я зналъ хорошо, что̀ Его такъ тревожило.

Я упомянулъ уже, что вскорѣ послѣ Его возвращенія изъ Ливадіи къ Рождеству 1911 года, въ разгаръ газетной кампаніи противъ Распутина и думскихъ пересудъ на ту же тему, однажды днемъ явился къ Родзянкѣ по повелѣнію Государя, Дворцовый Комендантъ Дедюлинъ и передалъ ему Дѣло Тобольской Духовной Консисторіи, въ которомъ содержалось начало Слѣдственнаго Производства по поводу обвиненія Распутина въ принадлежности къ хлыстовской сектѣ. Государь просилъ Предсѣдателя Думы ознакомиться съ этимъ дѣломъ и представить *личное его заключеніе* по поводу его, выражая увѣренность, что это заключеніе положитъ предѣлъ всякаго рода пересудамъ распространившимся за послѣднее время. Родзянко работалъ, вмѣстѣ съ приглашенными имъ уже упомянутыми мною двумя сотрудниками, около 8-и недѣль и, испросивши себѣ особую аудіенцію у Государя, повезъ свое заключеніе въ Царское Село. Вся Дума отлично знала съ чѣмъ поѣхалъ Предсѣдатель и нетерпѣливо ожидала возвращенія его. Кулуары шевелились какъ муравейникъ, и цѣлая толпа членовъ Думы ожидала Родзянку въ его кабинетѣ къ моменту возвращенія. Результатъ его доклада этой толпѣ не оправдалъ ея ожиданія. Какъ всегда, послѣдовалъ полный пересказъ о томъ, что̀ «ему сказано», что̀ «онъ отвѣтилъ, «какіе взгляды высказалъ», «какое глубокое впечатлѣніе, видимо, произвели его слова», «какимъ престижемъ несомнѣнно пользуется имя Государственной Думы наверху, несмотря на личную нелюбовь и интриги придворной камарильи», — все это повторилось и на этотъ разъ, какъ повторялось много разъ и прежде, но по главному вопросу — о судьбѣ письменнаго докла-

да о Распутинѣ, — послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: «Я представилъ мое заключеніе, Государь былъ пораженъ объемомъ моего доклада, изумился, какъ могъ я въ такой короткій срокъ выполнить столь объемистый трудъ, нѣсколько разъ горячо благодарилъ меня и оставилъ докладъ у себя, сказавши, что пригласитъ меня особо, какъ только успѣетъ ознакомиться съ нимъ».

Но дни быстро проходили за днями, а приглашеніе не слѣдовало. Родзянко со мною не заговаривалъ объ этомъ, хотя мнѣ приходилось не разъ бывать въ Думѣ за эту пору. Государь также не заговаривалъ со мною объ этомъ вопросѣ и не спросилъ меня даже, извѣстно ли мнѣ привлеченіе Имъ Предсѣдателя Думы къ этому дѣлу. Приближалось время Его отъѣзда.

Однажды, вечеромъ, въ первыхъ числахъ марта, хорошо помню день — это было въ четвергъ, наканунѣ моего обычнаго доклада у Государя по пятницамъ, я сидѣлъ за приготовленіемъ моихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, какъ около 10-ти часовъ ко мнѣ пріѣхалъ неожиданно и не предупредивши меня по телефону Родзянко и сказалъ, что онъ обращается ко мнѣ съ просьбою вывести его изъ затруднительнаго положенія.

По его словамъ, болѣе трехъ дней тому назадъ, онъ послалъ Государю письменную просьбу о своемъ пріемѣ по текущимъ дѣламъ Думы, но не получаетъ отвѣта отъ Его Величества и находится въ полномъ недоумѣніи, какъ ему поступить. Если это молчаніе есть выраженіе прямого нежеланія принять Предсѣдателя Государственной Думы, то лично для самого Родзянки это представляется несущественнымъ, такъ какъ своему самолюбію онъ готовъ не придавать никакого значенія, но допускать «афронтъ» по отношенію къ народному представительству онъ не можетъ и обращается ко мнѣ, какъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, съ просьбою выяснить истинное значеніе такого молчанія и предупреждаетъ меня, что имъ уже заготовлено заявленіе объ оставленіи поста Предсѣдателя Думы, которому онъ дастъ ходъ, какъ только убѣдится въ нежеланіи Государя принять его передъ Своимъ отъѣздомъ, о которомъ говоритъ весь городъ.

Я не могъ не раздѣлить въ душѣ взгляда Родзянки, старался успокоить его и отговаривалъ его отъ рѣзкаго шага, ссылаясь на то, что Думѣ оставалось всего доживать не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ до конца ея полномочій и указывалъ ему, что отставка Предсѣдателя передъ самымъ закрытіемъ Думы, просуществовавшей, худо ли, хорошо ли, безъ перерывовъ въ теченіе 5-ти

лѣтъ, будетъ равносильна полному разрыву съ правительствомъ, который окажетъ самое вредное вліяніе и на послѣдующіе выборы и только увеличитъ оппозиціонное настроеніе въ странѣ и подготовитъ на выборахъ побѣду лѣвыхъ партій. Я обѣщалъ Родзянкѣ постараться завтра же выяснить этотъ вопросъ и устранить возникшее недоразумѣніе. Я совершенно добросовѣстно, въ разговорѣ съ Родзянко, не допускалъ мысли объ умышленномъ нежеланіи Государя видѣть его, тѣмъ болѣе, что еще на прошлой недѣлѣ Онъ поддерживалъ меня въ моихъ мысляхъ о необходимости стараться всячески сглаживать отношенія съ Думой, въ виду предстоящаго обращенія къ ней изъ-за морскихъ кредитовъ. Ссора съ Предсѣдателемъ, и притомъ по личному поводу, была бы полнымъ противорѣчіемъ такому, повидимому, искреннему намѣренію Его Величества.

Каково же было мое удивленіе, когда въ самомъ разгарѣ нашей бесѣды мнѣ подали большой пакетъ отъ Государя, привезенный фельдъ-егеремъ въ неурочный, слишкомъ поздній, часъ, и вскрывши его, я нашелъ среди ряда возвращенныхъ мнѣ утвержденныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, письменный докладъ объ аудіенціи Родзянко, съ длинною, карандашемъ написанною, резолюціей Государя, самаго рѣзкаго свойства.

Родзянко не замѣтилъ моего смущенія; я спокойно отложилъ всѣ доклады въ сторону, продолжалъ бесѣду съ нимъ, и онъ вскорѣ уѣхалъ, видимо успокоенный.

Когда я проводилъ его до лѣстницы, и вернулся къ себѣ въ кабинетъ, я былъ просто ошеломленъ резолюціей Государя. Вотъ она дословно: «Я не желаю принимать Родзянко, тѣмъ болѣе, что всего на дняхъ онъ былъ у меня. Скажите ему объ этомъ. Поведеніе Думы глубоко возмутительно, въ особенности отвратительна рѣчь Гучкова по смѣтѣ Св. Синода. Я буду очень радъ, если Мое неудовольствіе дойдетъ до этихъ господъ, не все же съ ними раскланиваться и только улыбаться».

Въ большомъ раздумьи провелъ я всю ночь. Мнѣ было ясно, что конфликтъ съ Думою принимаетъ печальную и вредную для Государя форму, что на мнѣ лежитъ обязанность отвратить его всѣми доступными мнѣ способами, и если мои усилія не увѣнчаются успѣхомъ, то мнѣ не останется ничего иного, какъ просить Государя уволить меня, такъ какъ я не вижу способа исполнить Его волю, не вызывая самыхъ вредныхъ столкновеній и особенно въ такую пору, когда правительство ждетъ отъ нея благопріятнаго рѣшенія цѣлаго ряда крупныхъ вопросовъ.

Пріѣхавши на утро съ докладомъ въ обычное время, я на-

шелъ Государя въ совершенно ровномъ настроеніи, и не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда вчерашняго раздраженія. Я началъ мой докладъ съ инцидента Родзянко, облекъ его въ самую спокойную и дѣловую форму и просилъ Государя выслушать меня безъ всякаго гнѣва и вѣрить тому, что мною руководитъ только Его польза, а не какое-либо желаніе уклониться отъ щекотливаго и непріятнаго порученія. Я привелъ все, что только могъ сказать о величайшемъ вредѣ столкновенія съ Думой по такому поводу, о неизбѣжности немедленнаго ея роспуска, о столкновеніи со всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, которое будетъ цѣликомъ на сторонѣ Думы и пошлетъ въ слѣдующую Думу только рѣзко выраженную оппозицію, и, — что всего обиднѣе, — невозможность расчитывать на спокойное проведеніе морскихъ кредитовъ, въ пользу которыхъ мнѣ уже удалось начать удачную агитацію среди членовъ Думы, несмотря на всѣ усилія Гучкова противъ этого дѣла.

Зная личное нерасположеніе Государя къ Гучкову, я позволилъ себѣ сказать фразу, которая ярко врѣзалась въ моей памяти: «Ваше Величество, переборите Ваше минутное личное нерасположеніе къ Родзянкѣ, если оно у Васъ существуетъ, также какъ и чувство раздраженія къ Думѣ, не давайте новой побѣды тѣмъ, кто будетъ только торжествовать въ случаѣ Вашего разрыва съ Думою, и дайте мнѣ возможность въ частности посчитаться съ кѣмъ слѣдуетъ на морскомъ дѣлѣ открытымъ образомъ и въ комиссіяхъ и въ общемъ собраніи Думы. Многое мною уже сдѣлано, немало полезнаго еще подготовлено, и я почти увѣренъ въ томъ, что смогу выполнить Вашу волю, и тотъ же Родзянко самодовольно будетъ докладывать Вамъ, что онъ провелъ морскую программу среди всѣхъ думскихъ подводныхъ скалъ».

При этомъ, чтобы облегчить Государю отказъ отъ принятаго Имъ рѣшенія, я отнюдь не настаивалъ на пріемѣ Родзянко, и просилъ только написать ему собственноручную записку примѣрно такого содержанія: «У меня рѣшительно нѣтъ свободной минуты передъ отъѣздомъ. Прошу Васъ прислать мнѣ всѣ Ваши доклады. Я приму Васъ по Моемъ возвращеніи».

По мѣрѣ моихъ объясненій Государь становился все спокойнѣе и ровнѣе, а когда Онъ услышалъ, что я не настаиваю на пріемѣ, а прошу только послать записку о причинѣ непріема, — то Онъ просто повеселѣлъ, взялъ мой набросокъ и сказалъ: «Вы опять меня убѣдили; я готовъ послать Вашу записку. Вы правы, лучше не дразнить этихъ господъ. Я найду другой случай ска-

зать имъ то, что думаю объ ихъ выходкахъ, и Мнѣ особенно было бы обидно сыграть въ руку противникамъ морской программы».

Мы разстались въ наилучшемъ настроеніи и до самаго конца моего доклада Государь опять ни однимъ звукомъ не обмолвился о докладѣ Родзянко по распутинскому вопросу, а я въ свою очередь не сказалъ того, что зналъ отъ самого автора.

Около 5-ти часовъ вечера, того же дня, Родзянко позвонилъ ко мнѣ по телефону, и самымъ веселымъ тономъ сказалъ, что получилъ отъ Государя очень любезную записку, что весь инцидентъ совсѣмъ улаженъ, и онъ надѣется, что мнѣ не стоило большого труда выяснить его Государю. Я отвѣтилъ ему, что мнѣ вовсе и не пришлось трудиться, такъ какъ въ самомъ началѣ доклада, Государь сказалъ мнѣ, что только что послалъ ему утромъ письмо, и я предпочелъ вовсе не безпокоить Его Величества моими объясненіями. Эти слова еще болѣе понравились Родзянкѣ, который закончилъ свой разговоръ по телефону фразою, расчитанною на слушателей его бесѣды со мною (по телефону были слышны голоса въ комнатѣ). «Я въ этомъ былъ совершенно увѣренъ. Государь былъ всегда лично расположенъ ко мнѣ и не рѣшился бы портить своихъ отношеній къ Думѣ оказаніемъ невниманія Ея избраннику». Все хорошо, сказалъ я себѣ, что хорошо кончается.

12-го марта Государь уѣхалъ съ семействомъ въ Ливадію. Изъ Министровъ явились въ Царское Село проводить отъѣзжающихъ только нѣкоторые Великіе Князья, Военный и Морской Министры и я. Государь былъ въ своемъ обычномъ настроеніи и, прощаясь со мною, шутливо сказалъ мнѣ: «Вы вѣроятно завидуете Мнѣ, а я Вамъ не только не завидую, а просто жалѣю Васъ, что Вы останетесь въ этомъ болотѣ».

Императрица прошла мимо всѣхъ и, ни съ кѣмъ не простившись, вошла въ вагонъ съ вдовствующею Императрицею.

Съ отъѣздомъ Государя, я думалъ, что мнѣ будетъ легче. Я надѣялся спокойно заняться дѣлами, тѣмъ болѣе, что на рукахъ у меня было именно чрезвычайно заботившее меня дѣло, — проведеніе въ Думѣ усиленія морскихъ судостроительныхъ кредитовъ или такъ называемая «малая судостроительная программа». Государь относился къ этому вопросу съ далеко не свойственнымъ Ему вниманіемъ, постоянно заговаривалъ, опасаясь какъ бы не провалилось это дѣло. Морской Министръ Григоровичъ также не полагался на свои силы, зная насколько работаетъ противъ этой программы Гучковъ, и все обращался ко мнѣ съ просьбою помочь ему.

Мнѣ было хорошо извѣстно, что техническая сторона дѣла была солидно подготовлена въ Думѣ Морскимъ вѣдомствомъ и цѣлою плеядою молодыхъ моряковъ, въ числѣ которыхъ былъ и капитанъ I ранга Колчакъ, но оппозиція дѣлу все же намѣчалась очень сильная и группировалась именно около финансовой стороны, какъ болѣе доступной пониманію многихъ членовъ Думы.

Лично я глубоко сочувствовалъ этому дѣлу, хорошо понималъ, что Россіи нуженъ флотъ и что провести это черезъ Думу можно только устранивши именно финансовыя препятствія и доказавши, что Россія обладаетъ достаточными средствами, можетъ вынести этотъ новый расходъ, не прибѣгая ни къ новымъ налогамъ, ни къ займамъ, ни къ сокращенію другихъ своихъ расходовъ, и что мы вступили въ такую пору, такъ называемаго «финансоваго благополучія», когда ростъ доходовъ начинаетъ превышать ростъ даже ежегодно повышающихся расходовъ. Я зналъ, что играя на этой струнѣ, я могу парализовать безспорно огромное вліяніе Гучкова, какъ бывшаго Предсѣдателя Комиссіи Государственной Обороны, сохранившаго свою силу въ Думѣ, несмотря на свой выходъ изъ ея Предсѣдателей, что этимъ путемъ я склоню на свою сторону не только всю правую половину Думы, которая будетъ со мною потому, что будетъ знать, что этотъ вопросъ близко интересуетъ Государя, но и довольно значительную часть кадетовъ и прогрессистовъ, которые въ Думѣ сочувствуютъ увеличенію военной силы Россіи, но боятся только или новыхъ налоговъ, или сокращенія ихъ излюбленныхъ «производительныхъ» расходовъ на такіе предметы, которые любезны главнымъ образомъ «земскому» сердцу.

Мнѣ было ясно также, что центръ тяжести всего успѣха будетъ лежать въ Предсѣдателѣ Бюджетной Комиссіи М. М. Алексѣенко, и что всѣ мои усилія должны быть направлены на то, чтобы заручиться его поддержкою, а для этого необходимо поступиться своимъ самолюбіемъ и начать издалека подготовлять кампанію, вліяя на особенности его характера, на несомнѣнно патріотическое его настроеніе и пользоваться попутно и именемъ Государя, давшаго мнѣ, впрочемъ, право дѣйствовать Его именемъ вездѣ, гдѣ только я буду считать это необходимымъ.

Но прошло немного дней съ отъѣзда Государя, едва Онъ успѣлъ доѣхать до Ливадіи и отойти отъ Петербургскихъ впечатлѣній, какъ снова всплылъ наружу Распутинъ со всѣмъ его окруженіемъ. Почти за выѣздомъ Государя уѣхавшій, было, въ Тобольскую губернію Распутинъ снова неожиданно появился въ

Петербургѣ. Это встревожило Макарова; появились опять газетныя статьи и замѣтки, переплетающія быль съ небылицею. Ни я, ни Макаровъ его не видѣли, никакой рѣчи о высылкѣ его изъ Петербурга никто не поднималъ, хорошо помня замѣчанія объ этомъ Государя, какъ вдругъ въ «Рѣчи» появилось извѣстіе, что пріѣхавшій самовольно, вопреки сдѣланнаго распоряженія о высылкѣ изъ Петербурга, Распутинъ высланъ снова въ село Покровское по распоряженію Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Не желая подливать масла въ огонь и зная хорошо, что это извѣстіе дойдетъ до Ливадіи и вызоветъ какое-нибудь рѣзкое распоряженіе оттуда, которое опять припутаетъ имя Государя къ этому человѣку, я послалъ шифрованную телеграмму Барону Фредериксу, прося его доложить Государю, что эта замѣтка совершенно ложная, что Распутинъ дѣйствительно пріѣхалъ, но ни я, ни кто-либо другой и не предполагаетъ высылать его куда-либо. На другой же день я получилъ отвѣтъ такого содержанія: «Государь приказалъ мнѣ сердечно благодарить Васъ за извѣщеніе и передать Вамъ, что Его Величество очень цѣнитъ такое откровенное предупрежденіе, которое устраняетъ всякое недоразумѣніе».

Этотъ отвѣтъ показалъ мнѣ, что я расчиталъ совершенно вѣрно, устранивши всякіе толки и даже предупредивши, можетъ быть, прямой приказъ о возвращеніи «старца» изъ ссылки.

Прошло не болѣе мѣсяца сравнительнаго затишья и болѣе спокойной текущей работы. Государь былъ въ отъѣздѣ, Гермогенъ жилъ спокойно въ Флорищевой пустынѣ Гродненской губерніи, Иліодоръ сидѣлъ тихо въ своемъ монастырѣ, Распутинъ держалъ себя незамѣтно, и печать перестала перемывать косточки, описывая всякія его дѣйствительныя и выдуманныя похожденія, и какъ то все стало втягиваться въ колею будничной работы, тѣмъ болѣе, что и Дума, предвидя свой близкій роспускъ, какъ будто зашевелилась и стала подгонять накопившіяся дѣла.

Получивши заблаговременно разрѣшеніе Государя, я поѣхалъ 2-го апрѣля въ Москву, куда меня уже давно ждало купечество. Оно настолько считало обязательнымъ для вновь назначеннаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ, сохранившаго къ тому же должность Министра Финансовъ, явиться такъ сказать на поклонъ въ Бѣлокаменную, что мнѣ не разъ говорилъ Предсѣдатель Биржевого Комитета Крестовниковъ, что купечество обижается на меня и не понимаетъ почему я медлю моею поѣздкою. Онъ не хотѣлъ вѣрить тому, что съ минуты моего назначенія я

не зналъ ни одного свободнаго дня и буквально не могъ выкроить тѣхъ 4—5 дней, которые требовались на поѣздку.

Передъ отъѣздомъ я набросалъ то, что рѣшилъ сказать въ Биржевомъ Комитетѣ, заранѣе узнавши отъ Крестовникова, что большинство Купечества встрѣтитъ меня особенно хорошо потому, что вѣритъ моей финансовой политикѣ, раздѣляетъ ее, готово открыто ее поддерживать и убѣждено въ томъ, что во внутренней политикѣ я буду слѣдовать благоразумному направленію, не пойду ни на какія крайности, а тѣмъ болѣе не поддамся въ сторону какого-либо авантюризма, и въ особенности вѣритъ тому, что и во внѣшней политикѣ я являюсь представителемъ вполнѣ миролюбиваго настроенія и лучше всѣхъ знаю, насколько намъ нельзя ввязываться въ войну или вести политику задора и неустойчивости въ особенности при назрѣвавшемъ тогда осложненіи на Балканахъ. Но въ то же время я узналъ отъ Крестовникова, что П. П. Рябушинскій не удержится отъ оппозиціонныхъ и либеральныхъ выпадовъ, и что мнѣ придется отвѣтить ему на нихъ.

Не зная, однако, точнаго содержанія этого выпада, я заготовилъ въ моемъ наброскѣ примирительныя мысли о необходимости не критики для критики, а дружнаго взаимодѣйствія Общества и Правительства, готоваго всегда идти навстрѣчу справедливыхъ требованій и далекаго отъ мысли присваивать себѣ одному всевѣдѣніе, а тѣмъ болѣе всемогущество. Я послалъ этотъ набросокъ Государю въ Ливадію, тотчасъ послѣ Его отъѣзда изъ Петербурга и просилъ Его дать мнѣ указанія.

Я получилъ его обратно въ день моего выѣзда съ надписью: «замѣчаній не имѣю».

Московское мое пребываніе прошло совсѣмъ гладко. Купечество встрѣтило меня очень привѣтливо и на пріемѣ въ Биржевомъ Собраніи не только не было ни одной недружелюбной ноты, но, напротивъ того, было высказано мнѣ совершенно открыто очень много теплаго, лестнаго, и вся Московская печать единодушно отмѣтила этотъ сердечный пріемъ, безъ всякихъ экскурсій въ сторону оппозиціоннаго настроенія, столь свойственнаго московскимъ кругамъ вообще.

Не помню теперь какая именно изъ Московскихъ газетъ сказала только вскользь, что такой исключительный пріемъ оказанъ мнѣ не столько какъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, не успѣвшему еще проявить своего направленія, сколько какъ Министру Финансовъ, политика котораго давно извѣстна и любезна московскому сердцу.

Зато данный въ мою честь Крестовниковымъ обѣдъ, у него

на дому, сошелъ далеко не такъ гладко. П. П. Рябушинскій далъ полную волю его оппозиціонному, правда, довольно сумбурному настроенію и облекъ свою рѣчь, сказанную послѣ очень горячаго привѣтствія мнѣ со стороны хозяина — Крестовникова — въ такую форму, что вся публика только переглядывалась и чувствовала величайшую неловкость по отношенію къ ея гостю. Его рѣчь не имѣла никакого опредѣленнаго вывода, но была полна всевозможныхъ выпадовъ противъ правительства за его прошлую дѣятельность. Тутъ было и преслѣдованіе старообрядцевъ, и заигрываніе съ Западомъ въ ущербъ началамъ самобытности, и воинственные замыслы, не справляющіеся съ истинными народными завѣтами, и наряду съ этимъ уступчивость иностранцамъ въ ущербъ національнымъ интересамъ.

Всего не перескажешь, да и трудно было дать себѣ ясное представленіе о томъ, чего хочетъ ораторъ, оборвавшій, какъ всякій зарапортовавшійся человѣкъ, свою рѣчь совершенно неожиданнымъ тостомъ: «не за Правительство, а за Русскій народъ, многострадальный, терпѣливый и ожидающій своего истиннаго освобожденія».

Вся зала — присутствовало свыше 100 человѣкъ, — переглядывалась, Крестовниковъ не зналъ, что дѣлать, — и все просилъ меня не обращать вниманія на этотъ безсвязный лепетъ. Нужно было, однако, отвѣчать, и я счелъ за лучшее не вступать въ полемику съ Рябушинскимъ, и избравши полушутливую форму, вызвавшую весьма внушительные аплодисменты, высказалъ, что мнѣ трудно отвѣчать за всѣ прародительскіе грѣхи, какъ совершенные правительствомъ со времени призыва варяговъ, такъ можетъ быть никогда имъ не совершенные, построилъ отвѣтъ на заключительныхъ словахъ Рябушинскаго, и присоединился къ его тосту за народъ, сказавши много хорошихъ словъ по его адресу и пригласивши его трудиться вмѣстѣ на общей нивѣ. Словомъ, все обошлось какъ нельзя лучше. Рябушинскій благодарилъ меня, предложилъ еще и отъ себя тостъ за меня, какъ за слугу народа, другіе пошли еще далѣе, и всѣ проводили меня въ очень хорошемъ, приподнятомъ настроеніи, а хозяинъ сказалъ внизу, что не знаетъ какъ и благодарить меня за то, что я затушевалъ неловкость, нарушившую даже простое гостепріимство.

Все это происходило 4-го апрѣля. На другой день, 5-го, я рѣшилъ выѣхать обратно въ Петербургъ, чтобы попасть къ себѣ къ 6-му, дню моего рожденія. Днемъ газеты разослали экстренное прибавленіе въ видѣ короткой телеграммы о безпорядкахъ на

Ленскихъ золотыхъ промыслахъ, въ Бодайбо, со многими жертвами среди мѣстнаго рабочаго населенія. Изъ Петербурга я никакого донесенія не получалъ и только вернувшись узналъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Макарова, что у него также нѣтъ никакихъ донесеній, но у лѣвыхъ членовъ Думы и, въ частности, у Керенскаго была уже телеграмма о кровавомъ побоищѣ, вызванномъ жандармскимъ ротмистромъ Трещенковымъ, и стоившимъ жизни свыше 200 человѣкъ рабочихъ.

Настроеніе въ Думѣ рѣзко поднялось. Лѣвые внесли спѣшный запросъ правительству, на который Макаровъ не хотѣлъ было отвѣчать ранѣе истеченія узаконеннаго, предѣльнаго, мѣсячнаго срока, но я не согласился съ нимъ, вышелъ на кафедру и заявилъ о готовности правительства отвѣтить, какъ только будутъ получены затребованныя телеграфныя свѣдѣнія, чѣмъ внесъ извѣстное успокоеніе, и дѣйствительно приблизительно черезъ недѣлю, т. е. 14 или 15 апрѣля, въ вечернемъ засѣданіи Макаровъ огласилъ данныя Департамента Полиціи и Иркутскаго Генералъ-Губернатора, давшія этому дѣлу однако крайне одностороннюю окраску.

По этимъ даннымъ выходило, что бунтъ произвели рабочіе, подъ вліяніемъ подстрекательства трехъ сосланныхъ за политическую агитацію лицъ, что цѣль этого бунта заключалась въ захватѣ склада взрывчатыхъ веществъ и завладѣніи пріисковою администраціею, что воинская команда подверглась нападенію рабочихъ, вооруженныхъ кольями и камнями, и произвела выстрѣлъ находясь въ положеніи необходимой обороны.

Свою рѣчь Макаровъ закончилъ полнымъ одобреніемъ дѣйствій мѣстной администраціи и воинской команды и произнесъ въ заключеніе извѣстныя слова: «такъ было — такъ и будетъ», желая сказать этимъ, что всякія попытки къ бунту будутъ подавляться всѣми доступными средствами.

Эти слова произвели на Думу и печать ошеломляющее впечатлѣніе. Забыли Распутина, забыли текущую работу, пріостановили занятія Комиссій и засѣданія Общаго Собранія; Дума стала напоминать дни первой и второй Думы, и все свелось къ «Ленскому побоищу».

Тѣмъ временемъ, Иркутскій Генералъ-Губернаторъ и Прокуроръ Иркутской Судебной Палаты стали присылать по телеграфу же свѣдѣнія, дававшія совершенно иную окраску всему дѣлу. Министръ Торговли Тимашевъ получилъ въ свою очередь отъ Окружного Горнаго Начальника Тульчинскаго подробную телеграмму, прямо уже обѣлявшую Ленскихъ рабочихъ и обвинявъ-

шую пріисковую администрацію въ дурныхъ санитарныхъ условіяхъ рабочихъ квартиръ и возлагавшую всю отвѣтственность за убійство рабочихъ на ротмистра Трещенкова. Такія же свѣдѣнія стали доходить и до членовъ Думы, и все это подливало масло въ огонь и вызывало опасеніе за то, что нервное состояніе перейдетъ и на столичныхъ рабочихъ.

Нужно было, тѣмъ или инымъ способомъ, направить дѣло въ болѣе спокойное русло, пролить на него безпристрастный свѣтъ и вселить въ общественное мнѣніе убѣжденіе въ томъ, что правительство не считаетъ донесеній жандармскаго вѣдомства, — послѣднимъ словомъ истины, и готово произвести всестороннее и безпристрастное разслѣдованіе.

Я условился съ Предсѣдателемъ Думы Родзянко, что, по полученнымъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ, Дума сдѣлаетъ правительству, въ лицѣ Министра Торговли, новый запросъ, что Тимашевъ отвѣтитъ на него въ томъ же засѣданіи оглашеніемъ нѣкоторыхъ полученныхъ имъ отъ горнаго надзора предварительныхъ свѣдѣній и заявитъ отъ моего имени, что въ виду разнорѣчія свѣдѣній горнаго и полицейскаго вѣдомствъ и невозможности выяснить дѣло въ общемъ порядкѣ предварительнаго слѣдствія, веденнаго чинами мѣстнаго прокурорскаго надзора, заявившаго на первыхъ порахъ свою солидарность съ жандармскимъ донесеніемъ, правительство намѣрено пролить на это дѣло вполнѣ безпристрастный свѣтъ и предполагаетъ командировать на мѣсто лицо, компетентность и служебное прошлое котораго не можетъ вызвать какихъ-либо сомнѣній.

Мой расчетъ оказался вѣренъ. Такое заявленіе произвело на Думу и печать наилучшее впечатлѣніе; даже «Новое Время» отозвалось съ похвалою о моей рѣшимости, и страсти неожиданно поднявшіяся, — столь же быстро улеглись, и Дума черезъ день вернулась къ своей будничной работѣ.

Нужно было только остановиться на выборѣ лица и получить согласіе Государя, не только на самую мѣру, но и на то, кому поручить такое трудное и щекотливое порученіе.

Моя точка зрѣнія очень не понравилась не только Макарову, но и Щегловитову. Имъ обоимъ казалось, что этимъ умаляется значеніе мѣстныхъ властей, но выступать противъ меня открыто они еще не рѣшались, — настолько рѣзко было возмущеніе общественнаго мнѣнія, и настолько сочувственно отнеслось оно къ заявленію Тимашева. Впрочемъ, оба эти министры отдали мнѣ справедливость, что выступленіе Тимашева, съ ссылкою на мое согласіе, дало благопріятный поворотъ общественному мнѣнію.

Мнѣ стали предлагать съ разныхъ сторонъ сначала возложить разслѣдованіе на какого-либо изъ особенно приближенныхъ къ Государю людей, затѣмъ на какого-либо виднаго военнаго человѣка, по возможности въ званіи Генералъ-Адъютанта, предполагая вѣроятно, что новое лицо по его неопытности и неосвѣдомленности будетъ легче направить въ желательную сторону, но я уклонился отъ разговоровъ съ кѣмъ-либо и заявилъ, что относительно лица испрошу указаній Государя.

Въ моихъ разговорахъ съ Тимашевымъ я не скрылъ, однако, что лично я желалъ бы командировать на Лену бывшаго Министра Юстиціи, Члена Государственнаго Совѣта — Манухина. Хотя самъ я мало зналъ Манухина, но я былъ увѣренъ, что выборъ его встрѣтитъ общее сочувствіе: мнѣ было ясно также, что никакія мѣстныя, а тѣмъ болѣе партійныя вліянія не уклонятъ его въ сторону отъ безпристрастнаго разслѣдованія дѣла. Въ чемъ я не былъ, однако, увѣренъ, это—въ согласіи Государя на выборъ Манухина, котораго Государь конечно зналъ, относился къ нему внѣшне всегда милостиво, но не могъ особенно жаловать его за его либеральный образъ мыслей, достаточно памятный Ему еще по событіямъ 1905—1906 г. г.

Я надѣялся впрочемъ, что моя кандидатура не встрѣтитъ особыхъ возраженій, такъ какъ по недостатку времени до моего пріѣзда въ Ливадію — правые круги не могли успѣть подготовить своего кандидата.

Тимашева, вполнѣ сочувствующаго моему выбору, я просилъ никому объ этомъ не говорить, а самъ Манухинъ вовсе и не подозрѣвалъ, съ какими видами на него предполагалъ я выѣхать въ Крымъ черезъ нѣсколько дней.

Мой отъѣздъ былъ назначенъ на 19-ое апрѣля.

Накануне, 18-го числа, въ дневномъ засѣданіи Комиссіи Государственной Обороны, въ Государственной Думѣ разыгрался эпизодъ, которому было суждено сыграть впослѣдствіи большую роль и который послужилъ поводомъ къ совершенно неожиданному разговору моему съ Государемъ 23-го апрѣля.

Сверхъ своего обыкновенія, въ это засѣданіе Комиссіи Обороны явился лично Военный Министръ Сухомлиновъ, вмѣсто того, чтобы послать туда, какъ это дѣлалъ всегда, своего Помощника Генерала Поливанова, чрезвычайно ловко и умѣло проводившаго въ Думѣ всѣ самыя сложныя дѣла Военнаго Вѣдомства. Въ отличіе отъ своего шефа, Поливановъ всегда былъ отлично подготовленъ по каждому дѣлу, обладалъ дѣйствительно большими знаніями по всѣмъ текущимъ вопросамъ, отличался большою на-

ходчивостью и ловко парировалъ всякія неожиданныя замѣчанія, чаще всего вытекавшія изъ желанія Членовъ Государственной Думы блеснуть ихъ большою освѣдомленностью, которая на самомъ дѣлѣ проистекала просто изъ особаго умѣнія нѣкоторыхъ изъ нихъ извлекать негласнымъ путемъ разныя свѣдѣнія отъ второстепенныхъ чиновъ военнаго вѣдомства. Но, выше всѣхъ этихъ неоспоримыхъ качествъ Поливанову безспорно принадлежала совершенно исключительная способность приноравливаться къ настроенію Думы и привлекать къ себѣ расположеніе центральной группы — Октябристовъ, въ особенности въ лицѣ Гучкова, Савича, Звегинцева; не брезгалъ онъ и кадетскими депутатами, но не заглядывалъ уже лѣвѣе ихъ.

Для достиженія ихъ расположенія — всѣ средства были у него хороши: признаніе патріотизма и глубокихъ знаній однихъ, снабженіе другихъ разными «конфиденціальными», чаще всего не имѣвшими большой цѣны, свѣдѣніями, полная готовность дѣлиться разными проектами или широко задуманными реформами, иногда еще не выходившими изъ области благихъ намѣреній; полунамеки, полуразсказы на тему о томъ, какъ трудно лавировать между толковымъ управленіемъ и случайными проявленіями начальственной воли, и всякихъ сторонних вліяній.

Не избѣгались время отъ времени и приглашенія нужныхъ людей, осмотрѣть то или иное учрежденіе, заводъ, опытное поле и наконецъ столь примиряющія страсти, — приглашенія на «чашку чая», за которою говорилось проще, легче и откровеннѣе.

Все это создало изъ Поливанова въ полномъ смыслѣ слова persona gratissima въ III Думѣ. Онъ не зналъ неуспѣха, и на его долю не выпало ни одного недобраго выпада или нелестнаго эпитета.

Зачѣмъ понадобилось пользовавшемуся совершенно инымъ положеніемъ въ Думѣ Сухомлинову поѣхать самому въ засѣданіе комиссіи обороны, по дѣлу о размѣрахъ кредита, на такъ называемые секретные расходы, — никому не было понятно.

Члены Думы обрадовались этому рѣдкому и неожиданному появленію, и пренія сразу приняли очень острый и придирчивый характеръ. Страсти съ обѣихъ сторонъ какъ-то неожиданно разыгрались, вопросъ сталъ сыпаться за вопросомъ, неподготовленный къ нимъ Сухомлиновъ сталъ путаться, волноваться и, наконецъ, спрятался за излюбленную и всѣхъ раздражавшую формулу «военной тайны, которая извѣстна только верховному вождю арміи», и не можетъ быть предметомъ какихъ-либо преній и разоблаченій.

Гучкову только это и было нужно. Онъ далъ волю своей безспорно большой освѣдомленности, основанной на томъ, что онъ давно и широко раскинулъ сѣти своихъ сношеній, какъ съ командньмъ составомъ арміи, такъ и съ служащими въ центральныхъ управленіяхъ Министерства, и заявилъ открыто, что секретныя суммы расходуются на организацію жандармскаго сыска за офицерскимъ составомъ, что даже это поручено Военнымъ Министромъ своему близкому другу жандармскому полковнику Мясоѣдову, человѣку съ самымъ предосудительнымъ прошлымъ, извѣстному въ прошломъ своимъ контрабанднымъ промысломъ на границѣ и уволеннымъ Столыпинымъ изъ Корпуса Жандармовъ, послѣ того, что Виленскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ, разбиравшимъ дѣло о водвореніи революціонной литературы въ Россію, выяснено было въ 1906 году, что все дѣло было изобрѣтено по иниціативѣ Мясоѣдова, въ отместку за то, что обвиняемый въ водвореніи этой литературы напалъ на слѣдъ того, что самъ Мясоѣдовъ, состоя на службѣ въ Вержболовѣ, занимался незаконнымъ водвореніемъ оружія изъ Германіи съ цѣлью продажи его по баснословнымъ цѣнамъ.

Можно представить себѣ какой эффектъ произвело это заявленіе въ Комиссіи: Сухомлиновъ окончательно растерялся, сталъ говорить безсвязныя рѣзкости и вышелъ изъ засѣданія. На другой день замѣтка объ этомъ появилась въ «Вечернемъ Времени», издававшемся въ ту пору Борисомъ Суворинымъ, и послужила поводомъ крупнаго скандала, разыгравшагося нѣкоторое время спустя.

Въ началѣ мая, — или даже въ концѣ апрѣля, во всякомъ случаѣ, уже послѣ моего возвращенія изъ Крыма, — Мясоѣдовъ явился на бѣга, въ членскую трибуну, разыскалъ тамъ Бориса Суворина, нанесъ ему ударъ хлыстомъ по головѣ и былъ удержанъ публикою отъ дальнѣйшихъ побоевъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ вызвалъ Гучкова на дуэль; они стрѣлялись, и оба остались невредимы.

Впослѣдствіи, уже во время войны Мясоѣдовъ снискалъ себѣ печальную извѣстность на нашемъ западномъ фронтѣ. Онъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ шпіонствѣ въ пользу Германіи и казненъ. Былъ ли онъ шпіономъ — Богъ знаетъ. Попадали замѣтки о томъ, что обвиненіе его было вообще шатко, но что вполнѣ несомнѣнно, такъ это то, что онъ занимался скупкою, присвоеніемъ и продажею цѣнныхъ вещей, похищенныхъ во время нашего нашествія на Восточную Пруссію, и что получилъ онъ назначеніе по полицейскому розыску на фронтѣ, съ вѣдома,

и даже по отзыву Сухомлинова — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. На совѣсти Сухомлинова лежитъ и тутъ, какъ и во многомъ другомъ, его непростительно легкомысленное отношеніе и поразительная неразборчивость въ поступкахъ, очевидныхъ для всякаго, кромѣ него самого, причинившаго столько вреда Россіи и Государю своими легкомысленными, безпринципными поступками.

Я выѣхалъ въ Крымъ подъ впечатлѣніемъ Думскаго скандала. Въ дорогѣ я не могъ имѣть Петербургскихъ газетъ, а попутныя Московскія и Харьковскія не содержали въ себѣ никакихъ подробностей или отголосковъ этого скандала.

Я пріѣхалъ въ Ялту подъ вечеръ 21-го апрѣля. Въ вестибюлѣ гостиницы «Россія» меня встрѣтилъ покойный, неизвѣстно за что замученный и разстрѣлянный 29-го января 1919 года большевиками въ Петроградѣ, Великій Князь Георгій Михайловичъ и просилъ разсказать ему, что произошло въ Думѣ съ Сухомлиновымъ, такъ какъ ялтинская газетка сообщила только очень краткую замѣтку объ этомъ инцидентѣ. Я передалъ ему все, что произошло, и сообщилъ и то, что зналъ ранѣе о полковникѣ Мясоѣдовѣ. Не скрылъ я и того, что лѣтомъ 1910 года, я былъ свидѣтелемъ того, какъ возмущенъ былъ покойный Столыпинъ докладомъ Сухомлинова Государю о назначеніи Мясоѣдова изъ отставки на службу, въ распоряженіе Военнаго Министра, но съ зачисленіемъ его опять по Корпусу Жандармовъ, безъ предварительнаго о томъ сношенія съ Шефомъ Жандармовъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Столыпинъ требовалъ новаго доклада, съ увольненіемъ Мясоѣдова изъ жандармскаго корпуса, рѣшилъ лично доложить это дѣло Государю, но мнѣ неизвѣстно, какой конецъ имѣло оно.

Въ слѣдующій день, 22-го апрѣля, я имѣлъ у Государя очень продолжительный и вполнѣ милостивый докладъ.

Все, что я доложилъ, было принято съ полнымъ одобреніемъ и не вызвало никакихъ возраженій. Командировка Манухина на разслѣдованіе Ленскихъ событій была одобрена очень охотно, причемъ Государь выразился такъ: «Я знаю хорошо Манухина; онъ большой либералъ, но безукоризненно честный человѣкъ и душою кривить не станетъ. Если послать какого-либо Генералъ-Адъютанта, то его заключеніямъ мало повѣрятъ и скажутъ, что онъ прикрываетъ мѣстную власть. Вы придумали очень удачно. Нужно только, чтобы Манухинъ выѣзжалъ какъ можно скорѣе».

Всего подробнѣе мнѣ пришлось остановиться на Морской программѣ. Я не скрылъ отъ Государя, что смотрю на благопо-

лучное прохожденіе дѣла въ Думѣ съ большою тревогою и прошу Государя оказать мнѣ Его помощь, которая могла бы выразиться въ двухъ мѣрахъ.

Первая — заинтересовать въ благополучномъ исходѣ дѣла Предсѣдателя Бюджетной Комиссіи Алекѣенко, положительное вліяніе котораго могло бы нейтрализовать отрицательное вліяніе Гучкова. Его вліяніе было очень важно потому, что нѣкоторыя лѣвыя партіи Думы и въ особенности кадеты не рѣшатся возражать открыто противъ усиленія нашей морской обороны вообще, но будутъ настаивать на непосильности новаго расхода для населенія. Никто не сможетъ болѣе авторитетно, чѣмъ Алексѣенко, поддержать меня въ этомъ вопросѣ и раздѣлить мою точку зрѣнія, что наше финансовое положеніе очень устойчиво, и государственные доходы проявляютъ ежегодно такой приростъ, который даетъ возможность значительно увеличивать и другіе расходы, безъ введенія новыхъ налоговъ.

Этому положенію мною была посвящена особая большая статистическая работа, переданная уже въ Государственную Думу и, видимо, сильно не понравившаяся кадетамъ, такъ какъ она выбивала изъ рукъ ихъ главное оружіе.

Алексѣенко, по обыкновенію, былъ уклончивъ, не выражалъ своего взгляда, но зять его профессоръ Мигулинъ, посѣтившій меня по своему частному дѣлу, въ день моего отъѣзда въ Крымъ, сказалъ мнѣ, что Алексѣенко раздѣляетъ въ сущности мой взглядъ и вѣроятно будетъ поддерживать меня.

Нужно было обезпечить его помощь, а для этого было только средство — подѣйствовать на его самолюбіе, обратившись къ нему по порученію Государя и имѣть право сказать, что Государь ждетъ именно его помощи въ такомъ патріотическомъ дѣлѣ.

Государь далъ мнѣ это право очень охотно и предложилъ даже вызвать Алексѣенко къ Себѣ, если бы дѣло было назначено къ слушанію до возвращенія Государя изъ Крыма. Этой мѣры я просилъ Государя не примѣнять, зная заранѣе, что Алексѣенко не захочетъ обнаружить открытаго вліянія на него сверху.

Вторая мѣра касалась всей Думы. Въ концѣ іюня истекалъ срокъ ея полномочій, и многіе члены заговаривали со мною на тему о томъ, что имъ было бы очень желательно представиться Государю послѣ окончанія занятій, а болѣе простодушные не скрыли отъ меня, что милостивый пріемъ и слово благодарности за понесенные труды укрѣпило бы за многими шансы на переизбраніе въ четвертую Думу.

Развивая эту тему я просилъ разрѣшенія Государя дать по-

нять среди членовъ Думы, что все зависитъ отъ прохожденія Морской программы, и что при благополучномъ направленіи этого дѣла Дума можетъ вполнѣ расчитывать быть принятою передъ ея роспускомъ.

Государь съ удовольствіемъ согласился и на это и сказалъ мнѣ: «Я даю Вамъ полное право выразить за Меня такое обѣщаніе; за Морскую программу Я готовъ имъ (членамъ Думы) забыть всѣ огорченія, которыя они причинили Мнѣ по смѣтѣ Синода и по кредитамъ на церковно-приходскія школы».

Докладъ кончился въ наилучшемъ настроеніи. Государь спросилъ меня, не рѣшусь-ли я «погостить» въ Ялтѣ и отдохнуть отъ «Петербургскихъ прелестей», и видимо очень пожалѣлъ меня за то, что я долженъ уже рано утромъ 24-го выѣхать въ обратный путь. «Вы бы погуляли какъ-нибудь со мной, вѣдь кажется Вы также хорошій пѣшеходъ, какъ и Я», сказалъ мнѣ Государь, и мы разстались съ тѣмъ, что на завтра, 23-го, послѣ параднаго завтрака, Государь еще разъ приметъ меня и вернетъ мнѣ цѣлый рядъ представленныхъ мною письменныхъ докладовъ, которые я усиленно просилъ лично прочитать.

Въ числѣ ихъ была подробная справка о положеніи военныхъ кредитовъ, приводившая къ доказательству огромнаго накопленія неизрасходованныхъ суммъ, вслѣдствіе необычайной медленности разныхъ заготовительныхъ операцій; эту справку я представилъ, чтобы парировать постоянныя тренія съ Военнымъ Вѣдомствомъ, доказывавшимъ, что ему не даютъ средствъ на усиленіе боевой готовности нашей арміи.

Вернувшись съ доклада въ Ялту, я засталъ автомобиль Великаго Князя Николая Николаевича, пригласившаго меня пріѣхать къ нему въ Чаиръ. До обѣда у меня оставалось достаточно свободнаго времени, я немедленно поѣхалъ туда, и оказалось, что Великій Князь просто не могъ дождаться меня, чтобы разспросить, также какъ и Георгій Михайловичъ, объ инцидентѣ Сухомлинова въ Думѣ съ Гучковымъ. Опять пришлось передать подробности, и такъ какъ Великій Князь не имѣлъ никакого понятія о Мясоѣдовѣ, то пришлось передать ему все, что я зналъ о его прошломъ.

Вернулся я около 8-ми часовъ вечера, прямо къ обѣду у Министра Двора Фредерикса, жившаго, какъ и я, въ гостиницѣ «Россія». Весь обѣдъ только и было, что разспросовъ меня про инцидентъ съ Сухомлиновымъ-Гучковымъ, про личность Мясоѣдова и про все, что было связано съ его отношеніями къ Сухомлинову. Старика Фредерикса все это занимало до крайности:

онъ разспрашивалъ меня о малѣйшихъ подробностяхъ, я же влагалъ въ мои отвѣты величайшую объективность и сдержанность, такъ какъ присутствовало немало постороннихъ людей; я хорошо зналъ, что найдутся охотники передать всякое неосторожное мое слово тому же Сухомлинову, который уже находился въ той же Ялтѣ, пріѣхавши туда во время моей поѣздки къ Великому Князю Николаю Николаевичу.

На слѣдующій день, 23-го апрѣля, рано утромъ, передъ тѣмъ, что я собирался ѣхать въ Ливадію, на молебствіе по случаю дня именинъ Императрицы, ко мнѣ пришелъ Сухомлиновъ, со своими обычными пустыми и безсвязными разговорами, перескакивая, какъ всегда, съ предмета на предметъ.

Я всталъ было съ кресла, говоря ему, что пора ѣхать во Дворецъ, но онъ удержалъ меня словами: «я рѣшилъ все разсказать Государю; это Поливановъ устроилъ мнѣ скандалъ въ Думѣ; ну, ужъ и отдѣлалъ я этихъ господъ; больше они на меня не наскочатъ».

Не желая продолжать разговоръ на эту тему, чтобы не дать ему повода къ свойственнымъ ему беззастѣнчивымъ передержкамъ, я сказалъ только: «Я выѣхалъ въ самый день Вашего столкновенія въ Думѣ, не знаю никакихъ подробностей, кромѣ тѣхъ, которыя попали въ «Вечернее Время», и буду Вамъ очень признателенъ, если Вы посвятите меня во всѣ частности этого эпизода».

Мы вмѣстѣ спустились съ лѣстницы. Садясь въ свой автомобиль, Сухомлиновъ, точно забывши только что сказанное имъ мнѣ, обратился ко мнѣ съ слѣдующими, крайне удивившими меня словами: «Пожалуйста, Владмміръ Николаевичъ, не говорите ничего Государю, я рѣшилъ ничего ему не говорить про Поливанова, можетъ быть кто-нибудь просто сболтнулъ мнѣ про него, вѣдь у насъ съ нимъ очень хорошія отношенія».

На этомъ мы разстались и поѣхали каждый въ своемъ экипажѣ.

Къ обѣднѣ и молебну Императрица не вышла. Ея не было и на завтракѣ. Я сидѣлъ рядомъ съ Великой Княжной Ольгой Николаевной, а Государь, сидѣвшій по другую сторону ея, неоднократно очень весело и милостиво заговаривалъ со мною и сказалъ даже своей сосѣдкѣ: «Подразни-ка своего сосѣда, какъ весело ему будетъ завтра уѣзжать въ очаровательный Петербургъ, и какъ мы съ тобою позавидуемъ ему, когда поѣдемъ на утреннюю прогулку».

Императрица вышла только послѣ завтрака и стала принимать поздравленія. Приближаясь ко мнѣ послѣ обхода дамъ, — она видимо даже не хотѣла подойти ко мнѣ. Безконечное время стояла она и разговаривала съ послѣдней по-очереди женою второстепеннаго дворцоваго служащаго М-мъ Яновой, а затѣмъ точно поборола въ себѣ какое-то усиліе, прошла было мимо меня, какъ-то бокомъ подала мнѣ руку, спѣшно отвела ее, такъ что я едва успѣлъ поцѣловать ее, и минуя двухъ моихъ сосѣдей, опять задержала свое движеніе и стала было спокойно разговаривать съ молодымъ офицеромъ-морякомъ, но затѣмъ повернулась къ Государю и проговорила «I am very tired» и ушла въ сосѣднюю залу.

Отъ наблюдательной толпы придворныхъ гостей это движеніе, конечно, не ускользнуло, мнѣ же было совершенно ясно, что Императрица просто желала мнѣ показать свое невниманіе. Фредериксъ переглянулся со мною, подошелъ ко мнѣ и шепнулъ на ухо: «не обращайте на это вниманія, у насъ такъ часто бываетъ, мнѣ нужно Вамъ сказать нѣсколько словъ». Мы отошли незамѣтно въ сторону, и онъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ неожиданнымъ сообщеніемъ: «Сегодня утромъ Государь позвалъ меня и поручилъ мнѣ передать Вамъ Его недовольствіе на то, что Вы говорите здѣсь крайне неблагопріятно про Военнаго Министра, такъ какъ этимъ Вы подрываете его авторитетъ. Вы понимаете, какъ мнѣ пріятно исполнять такое порученіе!»

Я не успѣлъ ничего разспросить у него, такъ какъ Государь и Великіе Князья приближались къ намъ, и вскорѣ затѣмъ Государь далъ мнѣ знакъ, чтобы я послѣдовалъ за Нимъ.

Мы вошли въ нижній кабинетъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, Государь сказалъ мнѣ, что вернулъ всѣ утвержденныя Имъ доклады, спросилъ, не рѣшился ли я еще «погостить» здѣсь денекъ-другой, и на отрицательный мой отвѣтъ сказалъ въ самомъ ласковомъ тонѣ: «Я васъ очень прошу, Владиміръ Николаевичъ, сдѣлать все возможное, чтобы прошла въ Думѣ морская программа. Даю Вамъ полную carte blanche въ выборѣ средствъ и способовъ и, хотя Я увѣренъ, что Вы и безъ Моихъ словъ употребите все Ваше вліяніе на членовъ Думы, но все же скажу Вамъ, что этимъ дѣломъ Я интересуюсь больше всего и очень, очень расчитываю на Васъ».

Послѣ этихъ словъ Государь видимо хотѣлъ уже проститься со мною, но я спросилъ Его, не могу ли еще отнять нѣсколько минуть времени, или если это неудобно по случаю дня именинъ Императрицы, то не можетъ ли Онъ назначить мнѣ другое время, хотя бы разрѣшивши мнѣ отложить на одинъ день мой отъѣздъ.

Тѣмъ же благодушнымъ тономъ, Государь отвѣтилъ мнѣ: «Сколько хотите; теперь Мнѣ даже совсѣмъ нечего дѣлать, Императрица утомлена и Я никого болѣе принимать не стану».

Я передалъ тогда буквальныя слова Фредерикса и попросилъ Государя сказать мнѣ откровенно, чѣмъ именно вызвалъ я Его первое неудовольствіе почти за 8 лѣтъ моего Управленія Министерствомъ, такъ какъ по совѣсти могу сказать, что о Генералѣ Сухомлиновѣ я здѣсь дурно не отзывался и ограничился самымъ безпристрастнымъ пересказомъ того, что случилось въ Думѣ и перешло даже на столбцы ялтинскихъ газетъ. Я прибавилъ при этомъ, что, избѣгая всякихъ осложненій, я не доложилъ объ этомъ столкновеніи Его Величеству, дабы мой докладъ не былъ принятъ за желаніе повредить Военному Министру, но не считалъ себя въ правѣ не отвѣчать на прямые вопросы двухъ Великихъ Князей и не изложить имъ просто фактическихъ сторонъ дѣла.

На это Государь отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Вотъ Вы и обидѣлись В. Н. Я просто сказалъ Фредериксу, что Мнѣ крайне непріятны Ваши нелады съ Военнымъ Министромъ, такъ какъ Васъ обоихъ Я очень цѣню, и Я прибавилъ только, что нужно, чтобы Вы это знали, а этотъ добрый старикъ взялъ да и передалъ Вамъ Мое неудовольствіе, которое Вы приняли за выговоръ. Это было совсѣмъ не такъ; не обращайте на это вниманія. Видите, Я уже забылъ это минутное неудовольствіе».

Я попросилъ тѣмъ не менѣе разрѣшеніе Государя остановиться подробнѣе на этомъ вопросѣ и, получивши Его дозволеніе говорить съ полной непринужденностью, сказалъ Ему, что въ разсказахъ въ Ялтѣ или гдѣ-либо неблагопріятныхъ для Военнаго Министра я не повиненъ, но совершенно откровенно докладываю, что наши съ нимъ отношенія безспорно нехороши, и не потому, что у насъ есть какіе-либо личные счеты или неудовольствія, а потому, что я вижу весь тотъ вредъ, который причиняетъ Сухомлиновъ Ему, Государю, и Россіи своимъ невѣроятнымъ легкомысліемъ, своей безпринципностью, отсутствіемъ всякой дѣловой добросовѣстности и тою повадкою угодничества, которая одна пользуется у него успѣхомъ и приводитъ къ тому, что его окружаютъ одни его любимцы, а все, что есть дѣловитаго, способнаго и работающаго, держится въ черномъ тѣлѣ или удаляется на незамѣтныя должности.

Я рѣшился разомъ покончить съ тою интригою, которая ведется Сухомлиновымъ противъ меня, съ тою систематическою ложью, которая распространяется имъ, и которая имѣетъ своимъ

5*

предметомъ затушевать собственную неспособность, будто бы систематическимъ отказомъ Министра Финансовъ въ средствахъ, и, въ совершенно спокойной и сдержанной формѣ изложилъ Государю все, что накипѣло въ моей душѣ.

Я припомнилъ Государю, какъ хороши были наши отношенія съ Сухомлиновымъ, когда онъ былъ командующимъ войсками въ Кіевѣ и поддерживалъ меня въ Совѣтѣ Государственной Обороны, противъ Военнаго Министра Генерала Редигера; какъ въ первые годы управленія имъ Военнымъ Министерствомъ я являлся ходатаемъ за него передъ Государмъ, въ оказаніи ему денежной помощи по случаю болѣзни его жены; какъ стали портиться наши отношенія подъ вліяніемъ его недобросовѣстныхъ пріемовъ въ Совѣтѣ Министровъ; какъ возмущали эти неблаговидные пріемы покойнаго Столыпина, не переваривавшаго его дѣйствій изъ за угла, выражавшихся въ согласіи въ открытомъ засѣданіи и въ цѣломъ рядѣ возраженій по журналамъ, съ постояннымъ упоминаніемъ Высочайшихъ указаній какъ будто бы полученныхъ имъ; какъ беззастѣнчиво онъ распространялъ направо и налѣво, что не имѣетъ возможности вести дѣло обороны, потому что Министръ Финансовъ отказываетъ въ деньгахъ и мнѣ приходится отвѣчать на это только представленіемъ письменныхъ докладовъ, о постоянномъ наростаніи неизрасходованныхъ кредитовъ; какъ велъ себя Военный Министръ въ его поѣздкѣ на Дальній Востокъ, и къ какимъ средствамъ прибѣгалъ онъ, чтобы открыто дискредитировать меня, въ моихъ выводахъ годъ передъ тѣмъ. Какъ безцеремонно распоряжался онъ кредитами на командировки, потворствуя своимъ подчиненнымъ, обманывающимъ контроль и Министерство Финансовъ въ отпускѣ своему приближенному незаконныхъ путевыхъ пособій. Какъ извращаетъ онъ истину, излагая передъ Государемъ наше политическое положеніе на Дальнемъ Востокѣ въ полномъ расхожденіи съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, только для того, чтобы сказать въ 1910 году, противоположное тому, о чемъ докладывалъ Министръ Финансовъ въ 1909 году. Какъ говорилъ онъ прямо неправду своему Государю, напримѣръ, докладывая о блестящемъ опытѣ военно-конской мобилизаціи въ Казанской губерніи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ опытъ кончился полнымъ скандаломъ и требовалъ бы цѣлаго ряда суровыхъ мѣръ, вмѣсто несправедливыхъ похвальныхъ отзывовъ. Какое возмущеніе вызывало въ Варшавскомъ Военномъ Округѣ «личная» провѣрка мобилизаціоннаго плана самимъ Военнымъ Министромъ, заключавшаяся въ томъ, что онъ пріѣхалъ въ своемъ вагонѣ на Пражскій вокзалъ

въ Варшавѣ, принялъ въ теченіе ½ часа Командующаго Военнымъ Округомъ, принялъ отъ него тутъ же ужинъ, поданный въ царскихъ комнатахъ, и черезъ 1½ часа съ минуты пріѣзда уѣхалъ обратно, не выслушавши даже и доклада Начальника Штаба.

Я закончилъ мое изложеніе словами, которыя и сейчасъ, много лѣтъ спустя, не затушеваны въ моей памяти, испытаніями пережитаго времени, будучи записаны мною по горячимъ слѣдамъ.

«Если мое отношеніе къ Военному Министру не одобряется Вашимъ Величествомъ, то позвольте мнѣ покинуть мой двойной постъ, послѣ всего того, что я сказалъ Вамъ, какъ честный человѣкъ, горячо любящій свою Родину и своего Государя, и вѣрьте, что я уйду совершенно спокойно, въ сознаніи свято исполненнаго долга. Но до того, что Вы примете Ваше рѣшеніе, не прогнѣвайтесь, Государь, если я скажу Вамъ, что Ваше Величество можете быть спокойны за судьбу Вашей страны и Вашей династіи, до тѣхъ поръ, пока у Васъ въ порядкѣ финансы и армія.

Ваши финансы — хороши, и я могу спокойно передать ихъ моему преемнику, лишь бы только онъ не испортилъ того, что приведено въ порядокъ цѣлымъ рядомъ Вашихъ Министровъ и не испорчено мною».

«Но Ваша армія — не въ порядкѣ. Она не устроена и дурно управляется. Вашего докладчика — Военнаго Министра не уважаетъ никто изъ видныхъ Военныхъ: одни надъ нимъ издѣваются, другіе его презираютъ, и съ такимъ начальникомъ подготовить армію къ побѣдному бою — нельзя».

«Дай Богъ», закончилъ я, «чтобы я ошибался, но мною владѣетъ страхъ за будущее, и я вижу въ немъ грозные признаки, отъ которыхъ упаси Господь Васъ и Вашего Наслѣдника. Я сказалъ все, что у меня было на душѣ, и больше, Ваше Величество, не услышите отъ меня никогда самаго упоминанія о моихъ отношеніяхъ къ Генералу Сухомлинову. Если мнѣ не суждено еще получить теперь моего увольненія, то позвольте мнѣ ожидать, что Ваше Величество Сами изволили освободить меня отъ дальнѣйшихъ докладовъ Вамъ о томъ, что мнѣ очень тягостно, и что волнуетъ меня грозными предчувствіями».

Я произнесъ послѣднія слова съ глубокимъ волненіемъ, мои глаза были полны слезъ. Государь долго молчалъ, отвернувшись отъ меня. Онъ видимо и самъ волновался, лицо Его было блѣдно, и Онъ видимо боролся среди противорѣчивыхъ внутреннихъ

ощущеній. Затѣмъ онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Я былъ неправъ, сказавши Фредериксу раньше, чѣмъ Я получилъ Ваши разъясненія. Забудьте это, Влад. Николаевичъ. Вы Меня убѣдили въ томъ, что Вы поступили здѣсь совершенно правильно. Уволить Васъ Я не могу и не вижу въ этомъ никакой надобности. Будьте увѣрены, что Я никогда не забуду того, что Вы мнѣ сейчасъ сказали съ такимъ достоинствомъ, и чтобы ни случилось, буду всегда помнить то, что Вы Мнѣ сегодня сказали».

На этомъ мы разстались, и на другой день, рано утромъ я выѣхалъ въ обратный путь, не видивши во весь день Сухомлинова, которому былъ назначенъ докладъ въ тотъ же день въ 6 часовъ вечера.

Вернулся я домой 26-то апрѣля и на другой же день 27-го числа вернулся Сухомлиновъ.

Его возвращеніе ознаменовалось новымъ инцидентомъ. Въ 9 час. утра на вокзалѣ его встрѣтилъ Поливановъ, который тутъ же спросилъ его указаній по какому-то дѣлу, слушавшемуся въ тотъ же день въ Государственномъ Совѣтѣ. Давши эти указанія обычною скороговоркою, Сухомлиновъ тутъ же, въ парадныхъ комнатахъ, обратился къ Поливанову съ такими словами: «Вы знаете, произошла удивительная вещь. Государь сказалъ мнѣ, что Онъ соглашается на увольненіе Васъ отъ должности Помощника Военнаго Министра, съ оставленіемъ Васъ, разумѣется, Членомъ Государственнаго Совѣта».

Оторопѣвшій Поливановъ спросилъ его: «Какъ же «соглашается», вѣдь я Васъ объ этомъ не просилъ, да и Вы мнѣ ничего объ этомъ не говорили».

«Ничего не могу Вамъ сказать; вѣроятно что-нибудь доложилъ Его Величеству Предсѣдатель Совѣта Министровъ; спросите его, я и самъ до крайности пораженъ».

Поливановъ спросилъ меня объ этомъ по телефону. Что могъ я ему сказать, кромѣ того, что это новая очередная ложь, что было, конечно, ясно Поливанову и безъ моихъ словъ.

Черезъ 1 часъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ, и мы могли только отмѣтить новый фактъ беззастѣнчиваго обращенія съ правдою и безцеремоннаго отношенія къ людямъ, ихъ достоинству и труду.

Конецъ апрѣля и весь май прошли для меня въ сравнительно спокойной дѣловой обстановкѣ. Я успѣлъ войти въ очень гладкія сношенія съ Думою; свѣдѣнія о томъ, что Государь намѣревается принять ее передъ ея окончательнымъ роспускомъ, произвели на всю правую, то-есть большую ея половину очень

хорошее впечатлѣніе; атмосфера становилась все болѣе и болѣе благопріятною для Морской программы и, несмотря на нескрываемое Гучковымъ его рѣзко отрицательное отношеніе, общее мнѣніе слагалось все рѣшительнѣе въ сторону вотированія кредитовъ.

Мои сношенія съ Алексѣенкой участились, и ожиданія мои оправдались. Обращеніе мое къ нему отъ имени Государя имѣло полный успѣхъ, и когда я передалъ ему, что Государь желаетъ даже лично переговорить съ нимъ и имѣетъ въ виду предложить Ему прибыть въ Ливадію, онъ открыто обѣщалъ мнѣ свою личную поддержку, но умолялъ только не обнаруживать ничѣмъ нашего уговора и устранить всякій поводъ думать, что онъ вошелъ въ сношенія съ правительствомъ.

Засѣданіе Бюджетной Комиссіи подъ его Предсѣдательствомъ прошло довольно гладко, но какъ-то очень блѣдно; какъ будто и оппозиція въ лицѣ Шингарева не хотѣла дѣлать рѣшительныхъ выступленій, и она приберегала свое выступленіе для рѣшительнаго боя.

Болѣе бурно прошло засѣданіе соединенныхъ Комиссій — бюджетной, финансовой и государственной обороны. Гучковъ всталъ на рѣзко непримиримую точку зрѣнія и, не возражая противъ необходимости усиленія флота, обрушился на выработанную Григоровичемъ программу, доказывая, что Россія должна имѣть только оборонительный флотъ, а таковымъ должны считаться исключительно подводныя лодки, миноносцы, минные крейсера и минная защита береговъ.

Но уже и въ этомъ предварительномъ собраніи, на которое всѣ смотрѣли какъ на генеральную репетицію передъ общимъ собраніемъ, стало ясно, что Гучковъ не одержитъ побѣды; отъ него отдѣлились два крупныхъ и наиболѣе вліятельныхъ его сотрудника — Звегинцевъ и Н. В. Савичъ. Ихъ, да и не ихъ однихъ, видимо поколебала искусно приготовленная Адмираломъ Григоровичемъ защита судостроительной программы съ технической ея стороны цѣлою плеядою молодыхъ морскихъ офицеровъ, привлеченныхъ для дачи объясненій. Въ числѣ ихъ — я уже упомянулъ объ этомъ — находился между прочимъ и капитанъ I ранга Колчакъ. Выходя вмѣстѣ со мною поздно ночью изъ Думы, Гучковъ не скрылъ отъ меня, что будетъ побитъ на общемъ собраніи. Такъ оно и случилось.

Я имѣлъ очень большой успѣхъ въ дневномъ засѣданіи общаго собранія 6-го іюня, затянувшемся съ 11-ти до 7-ми, вовсе не выступалъ въ вечернемъ, такъ какъ оппозиція была до крайно-

сти слаба и видимо сама сознавала, что почва подъ нею исчезла, и я уѣхалъ до конца голосованія, прямо изъ Таврическаго Дворца — на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Москву, на встрѣчу Государю, возвращавшемуся изъ Ливадіи и рѣшившемуся послѣ долгихъ колебаній и отчасти по моимъ настояніямъ остановиться на 2—3 дня въ Москвѣ, гдѣ Онъ давно не останавливался.

Уже ночью въ вагонѣ на ст. Окуловка я получилъ телеграмму о томъ, что голосованіе дало неожиданные результаты: за морскую программу высказалось подавляющее большинство, а вся оппозиція собрала кажется менѣе 100 голосовъ, считая въ томъ числѣ и все крайнее лѣвое крыло.

Государя я встрѣтилъ въ Москвѣ, въ павильонѣ и думалъ, что моимъ докладомъ о результатѣ думскаго голосованія я доставлю Ему большое удовольствіе и вызову недвусмысленное одобреніе моего дѣйствія. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не произошло. Государь выслушалъ меня совершенно спокойно, отвѣтилъ мнѣ очень коротко: «ну и прекрасно; Я былъ впрочемъ на этотъ счетъ вполнѣ увѣренъ; благодарю Васъ за все, что Вы сдѣлали» и болѣе къ этому вопросу не возвращался.

Для меня было ясно, что неудовольствіе Императрицы дѣлаетъ свое недоброе дѣло. Такъ же смотрѣлъ и Фредериксъ, который понималъ, что успѣхъ дѣла былъ созданъ мною и даже сказалъ мнѣ, что онъ все ждалъ, какую форму изберетъ Государь для выраженія мнѣ Своей благодарности, но такъ и не дождался, ни въ Москвѣ, ни потомъ въ Петербургѣ, когда дѣло прошло столь же благополучно и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Даже Флагъ-Капитанъ, Адмиралъ Ниловъ, не принадлежавшій къ числу моихъ поклонниковъ, написалъ мнѣ письмо, въ которомъ высказалъ, что зная сколько усилій, умѣнія и энергіи я положилъ на проведеніе этого дѣла, онъ, какъ старый морякъ, глубоко и сердечно благодаритъ за мою помощь всему русскому флоту и говоритъ безъ утайки, что безъ моей помощи и моего вліянія этого бы не было.

Не долго продолжалось и на этотъ разъ спокойное теченіе дѣлъ въ Думѣ и болѣе или менѣе нормальная личная моя дѣловая обстановка.

Едва прошли благополучно морскіе кредиты, какъ въ Думѣ поднялись опять страстныя пренія по смѣтѣ Синода и спеціально по кредиту на церковно-приходскія школы. Опять появились намеки на Распутина, опять полились рѣчи по адресу Саблера и Синода, опять заговорили о закулисныхъ вліяніяхъ при назначеніи Архіереевъ, — и въ результатѣ этихъ преній — опять по-

слѣдовалъ отказъ въ кредитахъ на открытіе новыхъ школъ и на улучшеніе преподаванія въ нихъ. Подъ шумъ этихъ преній Государственная Дума III созыва готовилась завершить свое пятилѣтнее существованіе и ожидала дня своего пріема у Государя.

На мои настойчивые вопросы, и въ Москвѣ и тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, о днѣ пріема, я получилъ дважды уклончивый отвѣтъ, и Государь все оттягивалъ отвѣчать на вопросы членовъ Думы о днѣ обѣщаннаго пріема. Кое-кто изъ членовъ Думы, по обыкновенію, сталъ уже уѣзжать, другіе не знали на какой день назначить свой выѣздъ, дѣлами перестали просто заниматься и только сотнями пропускали такъ называемую «вермишель», т. е. очередныя мелкія дѣла, среди которыхъ незамѣтно проскакивали и весьма крупные вопросы, не затрогивавшіе только почему-либо думскихъ страстей.

Подошло 7—8 іюня. Оставалось только проголосовать незаконченные преніями церковно-приходскіе школьные кредиты и устроить прощальное молебствіе. А Государь все не давалъ мнѣ рѣшительнаго отвѣта.

Мнѣ пришлось написать Ему письмо (оно сохранялось мною до моего выѣзда изъ Россіи, въ моихъ немногочисленныхъ бумагахъ) и просить исполнить данное Членамъ Думы черезъ меня обѣщаніе. Я чувствовалъ, что дѣло обстоитъ не благополучно и, дѣйствительно, въ тотъ же день, въ который я послалъ мое письмо, получилъ короткій отвѣтъ: «У меня рѣшительно нѣтъ времени принять Государственную Думу». Опять какъ и въ случаѣ съ Родзянкой мнѣ пришлось принять на себя неблагодарную и тяжелую обязанность уговаривать Государя не дѣлать неловкаго и вреднаго шага и пожертвовать чувствомъ личнаго раздраженія во имя общаго блага. Я испросилъ особый докладъ, получилъ его на другой же день, въ необычный часъ — въ 9 часовъ утра, это было 10-то іюня, и на этотъ разъ мнѣ, только послѣ величайшихъ усилій, удалось склонить Государя отойти отъ Его намѣренія. На всѣ мои чисто дѣловые доводы, на всѣ доказательства вреда отъ такого печальнаго конца 5-тилѣтней работы Думы, я не получилъ никакого отвѣта или слышалъ только такую реплику, которую не могъ передать никому. Мнѣ пришлось выдвинуть аргументъ, которымъ я вовсе не хотѣлъ пользоваться, и напомнить Государю, что Онъ далъ Думѣ черезъ меня категорическое обѣщаніе принять ее, обусловивъ его исполненіе только однимъ — принятіемъ морской программы.

Государь посмотрѣлъ на меня съ видимымъ раздраженіемъ и, отчеканивая каждое слово, сказалъ мнѣ: «Значитъ Я просто

обману Думу, если не приму ея Членовъ», на что я отвѣтилъ: «Да Ваше Величество, Вы дали черезъ меня категорическое обѣщаніе, что равносильно Вашему слову, отъ котораго Вы никогда не отступали. Развѣ только я сказалъ Членамъ Думы неправду, нарушилъ данныя мнѣ Вами полномочія и позволилъ себѣ обѣщать то, что не могло быть обѣщано безъ Вашего дозволенія. Въ такомъ случаѣ я долженъ понести отвѣтственность за превышеніе Вашихъ полномочій». «Нѣтъ», отвѣтилъ Государь, «Вы совершенно правы, — Я не имѣю права нарушить Моего обѣщанія и опять благодарю Васъ за то, что Вы отговорили меня отъ неправильнаго шага. Я приму Членовъ Думы послѣ-завтра. Не знаю только, что̀ Я скажу имъ; ихъ рѣчи опять были мнѣ очень непріятны и даже возмутительны, и едва ли я могу воздержаться отъ того, чтобы не высказать имъ этого».

Я предложилъ Государю сдѣлать набросокъ Его обращенія и прислалъ его въ тотъ же день. У меня сохранился черновикъ этого наброска. Я дословно воспроизвожу его. Вотъ, что я набросалъ, имѣя въ виду дать мѣсто и нѣкоторому сѣтованію Государя въ оцѣнкѣ завершившейся Думской работы.

«Я съ большимъ удовольствіемъ, Господа, пошелъ на встрѣчу дошедшаго до меня Вашего желанія представиться Мнѣ предъ истеченіемъ Вашихъ полномочій. Съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ Я постоянно за ходомъ Вашихъ занятій и не могу не сказать Вамъ, что неразъ мнѣ приходилось съ грустью убѣждаться въ томъ, что эти занятія протекали не въ томъ спокойствіи, которое одно обезпечиваетъ правильное и безпристрастное рѣшеніе законодательныхъ дѣлъ. Но Я знаю, Господа, что Вами всегда руководила горячая любовь къ родинѣ и желаніе принести ей всю доступную Вамъ пользу. Мнѣ особенно было отрадно всегда видѣть съ какимъ исключительнымъ вниманіемъ относились Вы къ вопросамъ государственной обороны, какъ широко Вы шли на встрѣчу интересамъ народнаго образованія. Ваше недавнее рѣшеніе вопроса объ усиленіи нашего морского судостроенія доставило Мнѣ большое удовольствіе, и Я сердечно благодарю Васъ за Ваше патріотическое отношеніе къ столь насущному вопросу. Желаю Вамъ всѣмъ благополучно возвратиться домой, надѣюсь, что предстоящіе выборы въ новую Государственную Думу будутъ протекать такъ же успѣшно, какъ тѣ, которые были 5 лѣтъ тому назадъ, и буду радъ снова видѣть тѣхъ изъ Васъ, которые удостоятся новаго избранія».

Пріемъ Членовъ Думы состоялся въ пятницу 12-го іюня, въ 11 часовъ утра въ Александровскомъ Дворцѣ. На пріемѣ, кромѣ

меня, присутствовалъ только Баронъ Фредериксъ и дежурный флигель Адъютантъ. Государь вошелъ въ залу, по стѣнамъ которой покоемъ размѣстились члены Думы по алфавиту губерній, отъ которыхъ они были выбраны. Онъ поздоровался со мною и Предсѣдателемъ Думы, обошелъ сначала представляющихся, разговаривая сравнительно подолгу съ нѣкоторыми изъ нихъ, ограничился по отношенію Гучкова однимъ вопросомъ: «Вы были избраны, кажется, по Московской губерніи», затѣмъ вышелъ на середину, вынулъ со дна фуражки листочекъ бумаги и, изрѣдка заглядывая на него, произнесъ Свое обращеніе. По общему построенію оно близко воспроизводило мой набросокъ, съ нѣкоторымъ лишь сокращеніемъ и ослабленіемъ выраженій одобренія, но содержало въ себѣ очень рѣзкую фразу, которой вовсе не было у меня, а именно «Меня чрезвычайно огорчило Ваше отрицательное отношеніе къ близкому Моему сердцу дѣлу церковно-приходскихъ школъ, завѣщанному Мнѣ Моимъ Незабвеннымъ Родителемъ».

Эта вставка произвела ошеломляющее впечатлѣніе на большинство Членовъ Думы. Они молча переглядывались, а когда Государь ушелъ и всѣхъ пригласили въ сосѣднюю залу, гдѣ стали разносить чай и сандвичи, — выраженія разочарованія и неудовольствія полились со всѣхъ сторонъ. Быстро всѣ разъѣхались, и въ тотъ же день Государственная Дума, подавляющимъ большинствомъ голосовъ отклонила нѣсколько послѣднихъ кредитовъ на тѣ же церковно-приходскія школы, остававшіеся неразрѣшенными отъ предыдущихъ засѣданій. На этомъ закончились занятія Думы 3-го созыва, и подъ аккомпаниментъ этихъ послѣднихъ впечатлѣній всѣ члены Думы быстро стали разъѣзжаться по домамъ.

ГЛАВА IV.

Свиданіе Государя съ Германскимъ Императоромъ въ Балтійскомъ Портѣ. — Мои бесѣды съ Императоромъ Вильгельмомъ и съ Канцлеромъ. — Мои разногласія съ Макаровымъ по вопросамъ подготовки къ выборамъ въ Думу четвертаго призыва. — Отставка Макарова. — Отклоненіе мною, предложеннаго мнѣ, поста Россійскаго посла въ Берлинѣ. — Новый Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ. — Выдача Государемъ пособія въ 200.000 р. Гр. Витте. — Желаніе Гр. Витте получить постъ посла заграницей и предпринятые въ этомъ направленіи графиней Витте шаги въ Берлинѣ. — Пріѣздъ въ Петербургъ Пуанкарэ. — Мои бесѣды съ французскимъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Вскорѣ послѣ роспуска Думы, въ 20-хъ числахъ іюня, состоялось свиданіе Государя съ Императоромъ Германскимъ въ Балтійскомъ Портѣ. Я и Сазоновъ присутствовали при этомъ. События на Балканахъ приняли къ этому времени явно грозный характеръ. Тѣмъ не менѣе, никакихъ подробныхъ объясненій по общимъ политическимъ дѣламъ не происходило не только между мною и Германскимъ Канцлеромъ Бетманомъ-Гольвегомъ, съ которымъ я видѣлся при этомъ впервые, но даже и между мной, Германскимъ посломъ Гр. Пурталесомъ и Сазоновымъ. Что было говорено между двумя Императорами съ глазу на глазъ, я, конечно, не знаю, но имѣю всѣ основанія думать, что никакихъ объясненій по существу международнаго положенія не происходило между двумя Монархами; — Государь просто избѣгалъ ихъ, проявляя большую осторожность по отношенію къ Германскому Императору, котораго Онъ просто боялся за его экспансивность, совершенно несвойственную Его личному характеру.

Изъ неоднократныхъ моихъ разспросовъ Сазонова, я слышалъ отъ него только одно: «Мы можемъ быть совершенно спо-

войны; германское правительство не желаетъ допускать того, чтобы Балканскій огонь зажегъ Европейскій пожаръ, и нужно только принять всѣ мѣры къ тому, чтобы наши доморощенные политики не втянули насъ въ какую-либо славянскую авантюру».

Я имѣлъ даже полное основаніе думать, что Государь вообще избѣгалъ разговоровъ съ Императоромъ Вильгельмомъ на острыя политическія темы и старался заполнить часы свиданія съ нимъ какими-либо посторонними предметами, а когда это трехдневное свиданіе закончилось, и яхта «Гогенцолернъ» отошла отъ Штандарта, то Государь, сходя съ мостика и проходя мимо меня, сказалъ мнѣ:

«Ну, слава Богу, теперь не нужно болѣе слѣдить за каждымъ словомъ и сторожить, какъ бы не подхватили на лету то, чего и во снѣ не было».

Со мною Императоръ Вильгельмъ былъ поразительно предупредителенъ. Въ первый же день свиданія мнѣ былъ пожалованъ высшій Германскій орденъ Чернаго Орла, при чрезвычайно лестномъ обращеніи ко мнѣ Германскаго Канцлера, именемъ своего Императора. Такую же любезность проявилъ и самъ Онъ ко мнѣ, когда я принесъ ему мою благодарность.

На второй день свиданія, послѣ смотра Выборгскому пѣхотному полку, оба Императора со всею свитою отправились пѣшкомъ осматривать остатки Петровскихъ укрѣпленій.

Былъ невѣроятно знойный день. Во время этого осмотра Императоръ Вильгельмъ подошелъ ко мнѣ и сталъ вести бесѣду на тему о необходимости устроить Европейскій нефтяной трестъ въ противовѣсъ Американскому Стандартъ-Ойль, объединивши въ одну общую организацію страны-производительницы нефти — Россію, Австрію (Галицію) , Румынію, и дать такое развитіе производству, которое устранило бы зависимость Европы отъ Америки. Я случайно зналъ о томъ, что эта тема интересуетъ Вильгельма, такъ какъ за полгода передъ тѣмъ, онъ имѣлъ на ту же тему бесѣду съ Э. Л. Нобелемъ, который передалъ мнѣ въ свое время ея содержаніе. Эта тема входила уже тогда въ составъ общихъ мыслей Германскаго Императора, въ числѣ которыхъ была и мысль о необходимости бороться съ Америкой и сдѣлать Европу менѣе зависимой отъ нея.

Бесѣда приняла чрезвычайно оживленный характеръ и затянулась даже за предѣлы, дозволенные по придворному этикету.

Солнце жгло безпощадно. Государь не рѣшался прервать нашего разговора, но дѣлалъ мнѣ за спиною Императора Вильгельма знаки нетерпѣнія, вся свита стояла поодаль и не знала

что дѣлать; а Вильгельмъ все съ бòльшимъ и бòльшимъ жаромъ парировалъ мои аргументы, и, когда Государь, очевидно потерявши терпѣніе, подошелъ къ намъ и сталъ вслушиваться въ нашъ разговоръ, Императоръ Вильгельмъ обратился къ нему съ такими словами (по-французски):

«Твой Предсѣдатель Совѣта очень отрицательно относится къ моимъ идеямъ, и мнѣ очень не хочется, чтобы оказался правъ онъ, а не я. Я прошу Твоего разрѣшенія постараться доказать ему аргументами, собранными въ Берлинѣ, и когда мы приготовимъ нашу защиту, я попрошу Тебя дать мнѣ возможность возобновить этотъ разговоръ съ нимъ».

За всѣми завтраками и обѣдами Вильгельмъ оказывалъ мнѣ совершенно исключительное вниманіе, шутилъ, обмѣнивался со мною безконечными остротами и анекдотами, а Государь не разъ говорилъ мнѣ за эти три дня, что онъ крайне благодаренъ мнѣ за то, что я выручаю Его въ бесѣдахъ съ Его гостемъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣлъ мой разговоръ съ Канцлеромъ. Я сказалъ ему не обинуясь, что Германская программа вооруженія 1911 г. и вотированный Рейхстагомъ чрезвычайный военный налогъ вносятъ величайшую тревогу у насъ; мы ясно видимъ, что Германія вооружается лихорадочнымъ темпомъ, и я безсиленъ противостоять такому стремленію и у насъ. Какъ Министръ Финансовъ, я — убѣжденный врагъ войны и считаю постоянное усиленное вооруженіе въ нѣкоторыхъ странахъ опаснымъ до послѣдней степени. Оно подготовляетъ общественное мнѣніе всѣхъ странъ къ неизбѣжности вооруженнаго столкновенія, и самые убѣжденные противники его кончаютъ тѣмъ, что ихъ захлестываетъ эта волна всеобщаго нервнаго напряженія, и они или отходятъ молчаливо въ сторону или становятся сами, хотя и вынужденно, въ рядъ сторонниковъ той же идеи.

Я сталъ развивать Канцлеру мысль, что Россія доказала Германіи свою чисто оборонительную политику тѣмъ планомъ, который она провела по иниціативѣ ея военныхъ дѣятелей, въ 1910 году, упраздненіемъ польскихъ крѣпостей и отводомъ на востокъ своего выдающаго фронта въ Польшѣ.

Изъ этого одного факта съ непреложною ясностью вытекаетъ, что у Россіи нѣтъ наступательнаго плана, и что она думаетъ только объ одной оборонѣ, разсчитанной на отраженіе нападенія, которое было бы сдѣлано на нее. Я не скрылъ отъ Бетмана-Гольвега, что это преобразованіе выполнено не только безъ моего согласія, но даже и безъ вѣдома покойнаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ Столыпина, что мы оба крайне не сочувствовали

этой мѣрѣ, такъ какъ она была проведена слишкомъ поспѣшно, безъ всякой подготовки и вызвала величайшія затрудненія, далеко не устраненныя еще и теперь, спустя почти два года, — но все же миролюбіе Россіи звучитъ въ этой мѣрѣ ярче, чѣмъ какія-либо словесныя завѣренія, и намъ глубоко прискорбно видѣть, что на нашу мѣру Германія отвѣтила увеличеніемъ своего вооруженія и проведеніемъ закона о единовременномъ военномъ налогѣ.

Я велъ свою бесѣду умышленно откровенно, потому что хорошо зналъ, что нѣмцы прекрасно освѣдомлены обо всемъ, что дѣлается у насъ, и что всякія хитрости и затушевыванія — совершенно безцѣльны. Я закончилъ мой разговоръ тѣмъ, что сказалъ Канцлеру, что изъ моихъ рукъ ими выбито главное оружіе, которымъ я могъ до сихъ поръ бороться противъ военныхъ требованій, и что я теперь безсиленъ препятствовать увеличенію нашего вооруженія, такъ какъ я не имѣю никакихъ средствъ возражать противъ необходимости нашего отвѣта тѣми же средствами, которыя примѣняются, очевидно, и противъ насъ.

Германскій Канцлеръ не остался въ долгу передо мною въ его отвѣтномъ объясненіи. Онъ показался мнѣ человѣкомъ простымъ, искреннимъ и правдивымъ. Онъ началъ съ того, что и его собственное положеніе далеко не столь вліятельно и независимо, какъ это кажется со стороны.

Ему также приходится считаться и съ личными взглядами Императора и съ вліяніемъ придворной среды и, въ особенности, съ особою организаціею военнаго вѣдомства, которое настроено исключительно тревожно. Онъ не хотѣлъ скрывать передо мною, что Германія знаетъ о нашихъ предположеніяхъ и желаетъ только опередить насъ въ нашей готовности. Ее страшитъ неизбѣжность сильнаго вліянія на русское правительство — общественнаго мнѣнія и славянской идеи подъ впечатлѣніемъ зарождающихся балканскихъ событій, тѣмъ болѣе, что онъ видитъ, что и настроеніе во Франціи становится все болѣе и болѣе тревожнымъ.

Германія хорошо знаетъ, что Россія не отойдетъ отъ своего союза, глубоко скорбитъ, можетъ быть, теперь о томъ, что 30 лѣтъ тому назадъ произошелъ роковой поворотъ въ традиціонной политикѣ Германіи по отношенію къ Россіи, и что ей не остается теперь ничего другого, какъ сдерживать этотъ неизбѣжный ходъ событій, въ разсчетѣ на то, что у всѣхъ странъ такъ много взаимныхъ интересовъ, что одно это заставитъ ихъ смотрѣть на вооруженіе, какъ на мѣру предосторожности, и не допускать, во всякомъ случаѣ, примѣненія ея.

Канцлеръ прибавилъ, что хорошо знаетъ мое личное направленіе, глубоко сочувствуетъ ему, безгранично довѣряетъ мнѣ и хочетъ надѣяться, что мнѣ удастся подчинить моему взгляду тѣхъ, кто смотритъ иными глазами на общее направленіе міровыхъ событій.

Подъ самый конецъ нашей бесѣды, когда мы уже встали съ нашихъ мѣстъ, Бетманъ-Гольвегъ спросилъ меня вскользь не ожидаю ли я большихъ для себя затрудненій при началѣ переговоровъ о торговомъ договорѣ, такъ какъ ему сообщаютъ, что слѣдуетъ опасаться у насъ обостренія «національныхъ тенденцій, которые уже проявляются въ статьяхъ «Новаго Времени» и поддерживаются, будто бы, весьма вліятельнымъ у насъ Министромъ Земледѣлія Кривошеинымъ».

Настало время готовиться къ обѣду, и я отвѣтилъ ему кратко, что такія тенденціи безспорно существуетъ, что имъ не слѣдуетъ удивляться потому, что торговый трактатъ 1904 года заключенъ былъ въ такой обстановкѣ, которая не обезпечивала за Россіею полной свободы дѣйствій, что многія постановленія трактата безспорно требуютъ измѣненій, и что мнѣ хочется вѣрить, что съ обѣихъ сторонъ будетъ проявлено достаточно благоразумія и терпимости, а главное сознанія, что двумъ сосѣдямъ всегда выгоднѣе поступать такъ, чтобы оба богатѣли, вмѣсто того, чтобы одному наживаться на розореніи другого. Бетманъ-Гольвегъ просилъ моего разрѣшенія вернуться къ этому вопросу, но этого не сдѣлалъ, и въ остальные полтора дня на Балтійскомъ рейдѣ между нами не происходило болѣе никакихъ разговоровъ.

О бесѣдѣ моей съ Германскимъ Канцлеромъ я подробно довелъ до свѣдѣнія Государя при первомъ же моемъ докладѣ, который былъ тотчасъ послѣ отхода «Гогенцолерна».

Государь былъ въ прекрасномъ настроеніи, не разъ возвращался въ бесѣдѣ со мною, говоря, что чрезвычайно доволенъ бесѣдою съ Императоромъ Вильгельмомъ, который далъ ему самое опредѣленное завѣреніе, что онъ не допуститъ Балканскимъ обостреніемъ перейти въ міровой пожаръ.

— А все-таки, — прибавилъ Государь, — готовиться нужно и хорошо, что намъ удалось провести Морскую программу, и необходимо готовиться и къ сухопутной оборонѣ.

Я сталъ снова развивать мою обычную тему, что разница между Россіею и Германіею заключается въ томъ, что Германія, мало стѣсняясь съ своимъ Парламентомъ, проводитъ сначала практическія мѣры по усиленію своего вооруженія и ужъ потомъ, разными искусственными способами, добываетъ нужныя на то сред-

ства, а Россія — сначала испрашиваетъ средства, получаетъ ихъ отъ своихъ законодательныхъ палатъ почти безпрепятственно, а затѣмъ уже начинаетъ осуществлять свои мѣры по усиленію обороны, которыя всегда остаются позади ассигнованныхъ кредитовъ. Тамъ все готово ранѣе, чѣмъ даны нужныя средства, а у насъ готовы только одни денежныя средства — а вооруженіе все отстаетъ и затягивается.

Тотчасъ послѣ этого доклада Государь отпустилъ меня въ Петербургъ. Мы выѣхали въ одномъ поѣздѣ съ Бетманомъ-Гольвегомъ, Гр. Пурталесомъ и Сазоновымъ. Они проѣхали прямо въ Петербургъ, а мой вагонъ отцѣпили въ Ревелѣ, гдѣ я обѣщалъ посѣтить сельско-хозяйственную выставку, предварительно пригласивъ Канцлера и Германское посольство обѣдать у меня на Елагиномъ Островѣ. Это приглашеніе было, конечно, принято. Обѣдъ прошелъ чрезвычайно оживленно, и мы разстались съ Канцлеромъ самымъ радушнымъ образомъ, условившись, что я отдамъ ему отвѣтный визитъ въ Берлинѣ, при первомъ выѣздѣ моемъ заграницу.

Спустя всего нѣсколько недѣль послѣ свиданія Императоровъ въ Балтійскомъ Портѣ начались приготовленія къ выборамъ въ Государственную Думу.

Не стану подробно пересказывать эпизодовъ этой кампаніи. Она не представляетъ выдающагося интереса. Укажу только на то, что вначалѣ все шло гладко. Совѣтъ Министровъ согласился со мною, что правительству не слѣдуетъ вмѣшиваться въ выборную компанію слишкомъ явнымъ образомъ и нужно ограничить вмѣшательство лишь предѣлами самой крайней осторожности, указавши для руководства Губернаторовъ, что имъ нужно быть особенно осмотрительными во всякихъ разъясненіяхъ и искуственныхъ группировкахъ избирательныхъ собраній.

Повидимому, благополучно было и соглашеніе съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, который просилъ моихъ и Министра Внутреннихъ Дѣлъ указаній, какой политикѣ держаться Синоду въ смыслѣ общихъ выборныхъ указаній епархіальнымъ архіереямъ.

Мы сошлись на томъ, что желательно только бороться противъ лѣвыхъ теченій, но не слѣдуетъ непремѣнно настаивать на проведеніи членовъ исключительно однѣхъ правыхъ организацій, внося расколъ среди умѣренныхъ элементовъ, болѣе сплоченныхъ, нежели группы, склонныя къ нетерпимости и дробленію. Не обошлось, конечно, приэтомъ безъ извѣстныхъ треній со мною,

какъ Министромъ Финансовъ, по вопросу о кредитахъ на поддержку провинціальной печати.

Макаровъ и его сотрудники настаивали на болѣе широкомъ ассигнованіи, я же противился ему, видя по отчетамъ за время Столыпина, какую ничтожную пользу оказывали всегда эти ассигнованія, какъ пуста и безсодержательна была эта печать, и насколько безцѣльны были всѣ неумѣлыя попытки руководить черезъ нее общественнымъ мнѣніемъ, никогда не считавшимся съ ничтожными листками и прекрасно освѣдомленнымъ о томъ, что они издаются на казенный счетъ и приносятъ пользу только тѣмъ, кто пристроился къ нимъ.

Но мнѣ пришлось отчасти уступить въ этой борьбѣ по той простой причинѣ, что нельзя было въ годъ выборовъ отказать въ томъ, что дѣлалось въ теченіе трехъ лѣтъ, и, такимъ образомъ, эта мало полезная трата денегъ продолжалась почти безъ сокращенія въ теченіе 1912 года и подверглась только значительной урѣзкѣ въ слѣдующемъ 1913 году, что и создало рѣзко враждебное отношеніе между мною и слѣдующимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковымъ. Объ этомъ вопросѣ рѣчь впереди.

Нашъ медовый мѣсяцъ выборнаго согласія продолжался, однако, очень недолго. Макаровъ передалъ все выборное дѣло въ руки своего Товарища Харузина, который, не обладая ловкостью и опытностью Крыжановскаго — сотрудника Столыпина по выборамъ въ третью Думу, затѣялъ, однако, ту же политику раздѣленій и искуственныхъ дробленій избирательныхъ собраній.

Объ этомъ я долгое время ничего не зналъ и узналъ уже тогда, когда было поздно поправлять нанесенный вредъ. Безцѣльность всѣхъ этихъ манипуляцій заключалась въ томъ, что Харузинъ и Макаровъ выпустили дѣло изъ своихъ рукъ и подчинились вліянію отдѣльныхъ Губернаторовъ, преслѣдовавшихъ свою мѣстную политику. За неимѣніемъ возможности бороться противъ лѣвыхъ теченій въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ они направили свое ухищреніе на земскую среду, преимущественно питавшую партію Октябристовъ, и стали сводить свои мѣстные счеты. Черниговскій Губернаторъ Маклаковъ направилъ свои усилія на то, чтобы провалить Предсѣдателя Губернской Земской Управы Савицкаго и члена 3-ей Думы Глѣбова, а Екатеринославскій обрушился на Каменскаго, игравшаго видную роль въ религіозныхъ вопросахъ.

По отношенію къ Савицкому было поднято глупѣйшее и недостойное обвиненіе по неисправностямъ въ земской больницѣ, съ привлеченіемъ его къ слѣдствію за побѣгъ двухъ арстантовъ

изъ больницы. По отношенію къ Глѣбову поводъ былъ формально правильный — утрата имъ части своего избирательнаго ценза, но обставленъ онъ былъ такъ грубо и неумѣло, что вся искусственность сквозила самымъ нагляднымъ образомъ.

По отношенію къ Каменскому было поступлено еще неосторожнѣе: избирательныя собранія были раздѣлены какъ разъ въ противоположность тому, что было сдѣлано Крыжановскимъ при выборахъ въ третью Думу, и такъ какъ это именно и дало перевѣсъ Каменскому, то для всѣхъ было ясно, что новыя манипуляціи предприняты были именно противъ него и лишили его голосовъ нѣмецкихъ колонистовъ, которыми онъ прошелъ въ первый разъ.

Всѣ эти маневры, не многочисленныя сами по себѣ, произвели, однако, скверное вліяніе, раздражили многихъ на мѣстахъ и создали ту атмосферу неудовольствія, съ которою съѣхались въ ноябрѣ мѣсяцѣ новые депутаты въ Петербургъ.

Меня они окончательно поссорили съ Макаровымъ. Честный по личнымъ взглядамъ, но ограниченный и упрямый до крайности, онъ подпалъ подъ вліяніе своихъ сотрудниковъ, и на всѣ мои настоянія умѣрить пылъ губернаторскаго рвенія и не принимать явно искусственныхъ мѣръ противъ такихъ, въ сущности, безобидныхъ, хотя и либерально настроенныхъ людей, какъ Каменскій и Глѣбовъ, онъ отвѣтилъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ, ссылаясь на то, безспорно правильное, съ формальной точки зрѣнія, основаніе, что руководство выборами и въ частности распредѣленіе избирательныхъ округовъ предоставлено закономъ ему и не зависитъ отъ наблюденія Предсѣдателя Совѣта Министровъ... Доводить объ этомъ разногласіи до свѣдѣнія Государя я не хотѣлъ; подчинить Макарова моему вліянію мнѣ неудалось. Я и попробовалъ было внести дѣло въ Совѣтъ Министровъ, но тоже съ очень малымъ успѣхомъ. Въ Совѣтѣ, къ этому времени, уже стало слагаться весьма неблагопріятное отношеніе ко мнѣ. Такія опытные люди, какъ Кривошеинъ, зорко слѣдили за развитіемъ Распутинской исторіи и прекрасно учитывали отношеніе ко мнѣ Императрицы.

Щегловитовъ и Рухловъ секретно всегда дѣйствовали противъ меня, имѣя на своей сторонѣ Сухомлинова. Такіе честные и расположеные ко мнѣ, каждый по своему, люди, какъ Григоровичъ и Тимашевъ, не имѣли въ этомъ вопросѣ вліянія, а умный, циничный и хитрый Харитоновъ всегда прымыкалъ туда, гдѣ, казалось ему, — сила, а она, при всемъ его либерализмѣ, влекла его въ сторону такъ называемыхъ консервативныхъ элементовъ, защи-

6*

щаемыхъ пріемами Министра Внутреннихъ Дѣлъ. На самомъ же дѣлѣ, Харитоновъ просто чуялъ, что медовый мѣсяцъ моего положенія прошелъ, и выгоднѣе примыкать противъ меня.

Совѣтъ Министровъ поговорилъ, посудилъ, но не счелъ себя въ правѣ ограничивать власть Министра Внутреннихъ Дѣлъ, хотя всѣ отлично знали, что и Макаровъ приближается къ своему увольненію. Исторія съ письмами Императрицы была извѣстна всѣмъ Министрамъ.

Въ самый разгаръ моихъ препирательствъ съ Макаровымъ по выборамъ въ Думу произошло одно событіе, крайне неожиданнаго для меня свойства...

Какъ-то лѣтомъ, передъ переѣздомъ Государя въ Петергофъ, Сазоновъ спросилъ меня однажды по телефону, не говорилъ ли Государь со мною по поводу замѣщенія должности нашего посла въ Берлинѣ.

На отрицательный мой отвѣтъ, онъ сказалъ мнѣ, что еще въ Москвѣ онъ представилъ Государю кандидата на этотъ постъ С. Н. Свербѣева, но Государь не далъ ему никакого отвѣта и сказалъ, что у Него есть другой кандидатъ, но что онъ хочетъ переговорить объ этомъ со мною и просилъ Сазонова напомнить Ему въ Царскомъ.

Тогда Сазоновъ ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ, но, такъ какъ время уходило, а постъ Берлинскаго посла оставался въ тревожную пору не замѣщеннымъ, то онъ проситъ меня напомнить Государю о Его желаніи переговорить со мною. Я обѣщалъ ему это сдѣлать въ ближайшую пятницу, не допуская и мысли о томъ, что дѣло касается меня самого.

Покончивши съ моими очередными дѣлами, я собирался было исполнить просьбу Сазонова, но Государь предупредилъ меня, сказавши буквально слѣдующее:

«Я рѣшилъ разстаться съ Макаровымъ. Это безспорно честный человѣкъ, но онъ совершенно не справляется съ дѣломъ — всѣ жалуются на него, онъ окончательно распустилъ печать, и сколько Я ни твержу ему о необходимости обуздать ее и составить такой законъ, который далъ бы правительству въ руки дѣйствительное оружіе противъ ея эксцессовъ, онъ все тянетъ и отдѣлывается разными предлогами, ссылаясь то на Думу, то на невозможность ввести цензуру, то на общественное мнѣніе. Вотъ теперь Думы нѣтъ, и можно бы ввести хорошій законъ по 87 статьѣ, но и тутъ онъ все возражаетъ, ссылаясь, между прочимъ, что ни Вы, ни Совѣтъ, этому не сочувствуетъ».

«Мнѣ такое отношеніе Макарова къ Моимъ желаніямъ на-

доѣло, и Я рѣшилъ смѣстить его и назначить другое, болѣе энергичное, лицо. Вамъ такая перемѣна будетъ, конечно, очень непріятна, потому что Макаровъ назначенъ Мною по Вашему предложенію, и Я хочу поэтому предложить Вамъ постъ посла въ Берлинѣ, если бы Вамъ было тяжело разстаться съ Макаровымъ. Вы знаете, что этотъ постъ очень трудный, наша политика всегда была основана на дружбѣ съ Германіей, а теперь обстоятельства такъ сложились, что нуженъ человѣкъ опытный и выдержанный какъ Вы, чтобы ограждать наши интересы. Къ тому же Императоръ Вильгельмъ Васъ, видимо, искренно жалуетъ и не разъ, во время недавняго свиданія, расточалъ Мнѣ величайшія похвалы по Вашему адресу».

Я поблагодарилъ Государя за оказанное довѣріе и спросилъ Его, могу ли я дать Ему совершенно откровенный отвѣтъ, или долженъ считать, что Его рѣшеніе окончательное, и въ такомъ случаѣ, я ему безпрекословно подчиняюсь, несмотря на величайшія мои сомнѣнія въ пригодности моей къ новой должности.

Государь сказалъ мнѣ, что Онъ отнюдь не желаетъ стѣснять меня, дѣлаетъ это предложеніе, главнымъ образомъ, потому, что вѣрить въ его пользу, и охотно разрѣшаетъ мнѣ высказать откровенно мое мнѣніе.

Я началъ съ того, что отнюдь не считаю себя во всемъ солидарнымъ съ Макаровымъ и не посмотрю на увольненіе его какъ на личное для меня огорченіе. Я постарался защитить его въ дѣлѣ о печати и сказалъ, что вполнѣ раздѣляю его сомнѣнія и долженъ рѣшительно возразить противъ возможности проведенія какого-либо закона по 87 статьѣ, но не скрылъ отъ Государя, что я глубоко разошелся съ Макаровымъ по Ленскому дѣлу и по нѣкоторымъ его пріемамъ по выборамъ въ Государственную Думу.

Для меня, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, важно не сохраненіе Макарова на мѣстѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а замѣщеніе его другимъ, болѣе подходящимъ, лицомъ, которое, однако, нельзя, во всякомъ случаѣ, произвести немедленно, а слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, отложить до конца октября, когда будутъ завершены выборы въ Думу. Новому человѣку немыслимо вступить въ должность среди выборной кампаніи.

Но такая замѣна не должна и не можетъ быть принята мною какъ поводъ къ какому-либо личному неудовольствію, и я готовъ продолжать мою совмѣстную работу съ новымъ лицомъ, если только это лицо будетъ сколько-нибудь отвѣчать требованіямъ даннаго времени... Отъ поста посла въ Берлинѣ я не имѣю права отказываться, но усердно прошу не назначать меня на него,

а дозволить мнѣ продолжать свою дѣятельность здѣсь, если только Государь сохранилъ ко мнѣ довѣріе. Я убѣжденъ, что я принесу въ этомъ случаѣ больше пользы, нежели въ званіи Берлинскаго посла.

— Здѣсь — сказалъ я — я сознательно несу свои обязанности и, несмотря на всѣ трудности моего положенія, моя совѣсть спокойна за то, что я дѣлаю. Я привелъ Государю цѣлый перечень дѣлъ, по которымъ многое только едва начато и требуетъ, чтобы продолжалъ тотъ, кто началъ. Я указалъ на созывъ новой Думы, съ которой легче встрѣтиться мнѣ, чѣмъ новому человѣку, на неизбѣжность большихъ усилій по увеличенію средствъ на сухопутную оборону и въ особенности на то, что политическія тучи вообще сгущаются и требуютъ исключительнаго вниманія, не столько въ отдѣльныхъ центрахъ дипломатической борьбы, сколько здѣсь, и я опасаюсь, что Сазоновъ, предоставленный однимъ своимъ силамъ, не сможетъ удержать своихъ товарищей по Совѣту Министровъ отъ неосторожныхъ поступковъ. Затѣмъ я высказалъ вполнѣ откровенно, что я вообще опасаюсь оказаться въ Берлинѣ не на мѣстѣ. Я не привыкъ къ дипломатическимъ тонкостямъ и хитростямъ; я слишкомъ откровененъ и прямъ и могу невольно сказать больше, чѣмъ нужно, а Берлинъ учитываетъ каждое слово; да и мое убѣжденіе въ необходимости сохраненія мира во что бы то ни стало можетъ встрѣтиться съ иными тенденціями здѣсь, которыя уже начали проявляться среди нѣкоторой части Совѣта Министровъ, преслѣдующей, такъ называемую, «національную» политику.

Въ заключеніе моихъ аргументовъ я указалъ на то, что какъ Германія, такъ и мы начали уже готовиться къ новому торговому договору, и наши приготовленія, въ особенности по вѣдомству Земледѣлія, меня положительно пугаютъ. Они проникнуты такою похвальбою, такимъ яркимъ стремленіемъ продиктовать Германіи нашу точку зрѣнія на необходимость разныхъ уступокъ съ ея стороны въ пользу нашего хлѣбнаго вывоза, на которыя Германія не можетъ пойти, такъ какъ ея правительство, опираясь на свою аграрную партію, не можетъ предать ея интересовъ въ пользу удовлетворенія нашихъ заданій.

Какъ русскому послу, мнѣ будетъ трудно защищать нашу точку зрѣнія, и наши «аграріи» будутъ низбѣжно обвинять меня въ слабости, какъ обвиняютъ меня уже и теперь за чрезмѣрную уступчивость въ пользу иностранцевъ въ ущербъ, будто бы, нашимъ народнымъ интересамъ.

Государь слушалъ меня совершенно спокойно, не проявлялъ

ни малѣйшаго неудовольствія и, когда я остановился, сказалъ мнѣ очень просто:

«Я не могу насиловать Васъ; все, что Вы сказали, очень правильно, и Я съ большимъ удовольствіемъ сохраню за Вами Ваше теперешнее положеніе. Мнѣ нелегко было бы найти и Вашего замѣстителя на Вашемъ двойномъ посту. Передайте Сазонову, что онъ можетъ прислать Мнѣ докладъ о назначеніи въ Берлинъ его кандидата».

Я не имѣлъ никакого понятія, что такимъ кандидатомъ состоитъ С. Н. Свербѣевъ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться впервые, правда для самаго поверхностнаго знакомства, только мѣсяцъ спустя, а ближе столкнуться съ нимъ — въ ноябрѣ 1913 года.

Это былъ поразительно ничтожный человѣкъ, вызывавшій только улыбку среди представителей Берлинскаго правительства и закончившій свою короткую посольскую карьеру въ іюлѣ 1914 года выѣздомъ изъ дома посольства подъ градомъ камней, которыми толпа провожала кортежъ посольства, покидавшій нѣмецкую столицу по случаю объявленія войны.

Остается только пожалѣть, что на столь отвѣтственный и трудный постъ, не нашлось болѣе подходящаго человѣка и представлена была Государю такая кандидатура. А покойный Сазоновъ не могъ сослаться на то, что онъ вынужденъ былъ на эту кандидатуру моимъ отказомъ, такъ какъ мысль о моемъ назначеніи принадлежитъ не ему, хотя онъ несомнѣнно зналъ объ этомъ и даже скрылъ отъ меня. Мое назначеніе было подсказано всего вѣроятнѣе Императрицею, которая, несомнѣнно, желала одного—удалить меня изъ Петербурга, а Ея окружающимъ и тѣмъ, кто думалъ угождать Ей, было совершенно безразлично, куда меня сплавить, лишь бы удалить подальше съ глазъ.

Государь просилъ меня не распространяться о нашемъ разговорѣ, и онъ остался совершенно неизвѣстенъ большинству публики, кромѣ, конечно, Сазонова, который, какъ мнѣ показалось, даже остался очень доволенъ тѣмъ, что я отклонилъ предполагавшееся назначеніе и очистилъ дорогу Свербѣеву.

Мнѣ невольно пришлось, послѣ ликвидаціи вопроса о моемъ назначеніи, перейти къ вопросу о замѣщеніи должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ и спросить Государя, кѣмъ намѣренъ Онъ замѣнить Макарова.

«Вашъ кандидатъ», сказалъ Онъ, «оказался очень неудачнымъ; авось Мой собственный окажется лучше», и назвалъ мнѣ Черниговскаго Губернатора Маклакова. Мнѣ пришлось сразу же

опять возражать. Я разсказалъ подробно, насколько обострилось у Маклакова его отношеніе къ земству, къ какимъ выборнымъ фокусамъ сталъ онъ прибѣгать, насколько участились за послѣднюю зиму пріѣзды его въ Петербургъ, и какое мѣсто занимаетъ онъ въ антуражѣ князя Мещерскаго, ведущаго энергичную кампанію противъ Макарова именно для того, чтобы очистить мѣсто для своего любимца, и насколько будетъ затруднено мое положеніе при несомнѣнномъ стремленіи Маклакова идти по указкѣ Мещерскаго, точки зрѣнія котораго такъ рѣзко отличаются, въ большинствѣ злободневныхъ вопросовъ, отъ моихъ.

Мои соображенія, видимо, очень не понравились Государю. Желая найти какой-либо выходъ изъ такого положенія, Онъ сказалъ мнѣ:

«Вы ошибаетесь, Владиміръ Николаевичъ, Я видѣлъ неоднократно Маклакова. Это человѣкъ очень твердыхъ убѣжденій, но чрезвычайно мягкій по формѣ. Онъ не будетъ вести никакой политики противъ Васъ, потому что хорошо понимаетъ свою неподготовленность и все превосходство Вашего авторитета. Позовите его къ себѣ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, переговорите съ нимъ совершенно откровенно, и Я увѣренъ, что Вы быстро сойдетесь съ нимъ, тѣмъ болѣе, что Я дамъ ему прямое приказаніе — идти во всемъ солидарно съ Вами».

Я такъ и сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько недѣль я вызвалъ Маклакова къ себѣ, имѣлъ съ нимъ у себя на дачѣ, на Елагиномъ Островѣ, продолжительную бесѣду, высказалъ ему совершенно откровенно мой взглядъ на отрицательныя стороны его служебнаго прошлаго, на его близость къ Мещерскому, на тѣ послѣдствія, которыя проистекутъ изъ этого рано или поздно, и предложилъ ему обдумать свое положеніе и сказать мнѣ открыто и честно, на что я могу разсчитывать.

Въ этой первой откровенной бесѣдѣ Маклаковъ показался мнѣ совершенно искреннимъ. Заявивши мнѣ съ перваго слова, что онъ вполнѣ признаетъ свою неподготовленность и страшится встрѣчи съ Думою и общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что знаетъ напередъ, что подъ вліяніемъ черниговскихъ депутатовъ Дума встрѣчитъ его очень недовѣрчиво, если даже не прямо враждебно, — онъ сталъ развивать далѣе, что надѣется побороть эти трудности при доброжелательномъ отношеніи моемъ къ нему и хочетъ отдать всѣ свои силы на службу Государю, за котораго готовъ отдать даже свою жизнь, если бы это могло дать покой и счастье Ему. Объ отношеніяхъ своихъ къ Мещерскому онъ былъ также вполнѣ откровененъ. Онъ сказалъ мнѣ, что обыкновенно видится съ нимъ въ каждый свой пріѣздъ, почитаетъ въ немъ стара-

го человѣка, преданнаго, по своимъ убѣжденіямъ, консервативному строю, но никогда не принималъ участія ни въ какой интригѣ не только противъ меня, но даже противъ кого-либо изъ состава правительства, прислушиваясь только къ перемѣнчивымъ взглядамъ Мещерскаго или его окруженія.

Я обѣщалъ передать лично нашъ разговоръ Государю, но просилъ его припомнить двѣ вещи изъ нашей бесѣды: 1) что онъ не отказывается отъ своей близости къ кн. Мещерскому, а я дѣлаю изъ этого тотъ выводъ, что, оставаясь въ его сѣтяхъ интригъ и наушничества, онъ неизбѣжно попадетъ подъ его вліяніе и долженъ будетъ разойтись съ тѣми, къ кому не лежитъ сердце этого властнаго человѣка, и 2) мое личное положеніе не играетъ въ этомъ никакой роли, потому что я не держусь за свое мѣсто и былъ бы радъ избавиться отъ такого положенія, въ которомъ большая часть времени и силъ уходитъ не столько на работу, сколько на борьбу со всевозможными теченіями. Въ лагерь Мещерскаго я, во всякомъ случаѣ, не пойду, и ему придется сдѣлать выборъ между этими двумя крайностями: мною и его покровителемъ.

У меня осталось совершенно ясное представленіе, что Маклакову не отойти отъ Мещерскаго, и наши дороги не сойдутся. Такъ оно потомъ и вышло.

Государь вскорѣ уѣхалъ въ шкеры. Я получилъ тамъ только одинъ личный докладъ, на которомъ и высказалъ откровенно всѣ мои опасенія, которыхъ Государь не раздѣлилъ и отпустилъ меня со словами:

«Вотъ Вы увидите, какого послушнаго сотрудника Я приготовилъ Вамъ въ лицѣ Маклакова».

Лѣто 1912 года прошло, главнымъ образомъ, во всякаго рода приготовленіяхъ къ выборамъ въ Государственную Думу. Въ числѣ моихъ заботъ по этому поводу видное мѣсто занимали всевозможныя насѣданія на меня съ самыхъ различныхъ сторонъ въ смыслѣ полученія денегъ на выборную кампанію. Октябристы и націоналисты конкурировали другъ передъ другомъ въ доказательствахъ своей сплоченности и неизбѣжности подавляющаго успѣха въ выборахъ при малѣйшей денежной поддержкѣ со стороны правительства, но наибольшую виртуозность проявили правыя организаціи, предъявившія мнѣ точно составленную смѣту въ 1 милліонъ рублей — точная цифра была 964.000 р. Приправляя свои домогательства недвусмысленными намеками на то, что отъ удовлетворенія ихъ желанія зависитъ и само отношеніе правыхъ организацій ко мнѣ, «а можетъ быть и больше», какъ

заявилъ Марковъ 2-ой, который велъ переговоры со мной. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Макаровъ, я долженъ сказать это къ его чести, держался совершенно нейтрально въ отношенiи этихъ домогательствъ и облегчилъ мое положенiе тѣмъ, что никогда не противорѣчилъ мнѣ въ докладахъ у Государя и даже напротивъ того, постоянно говорилъ о полнѣйшей безполезности произведенныхъ покойнымъ Столыпинымъ большихъ расходовъ на поддержку покровительствуемой имъ печати, не оказавшей правительству рѣшительно никакихъ услугъ въ трудную минуту.

Въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ уже о давленiи, произведенномъ на меня Марковымъ 2-ымъ и Пуришкевичемъ, и не хочу болѣе возвращаться къ этому инциденту, хотя онъ былъ главной причиной затаенной правыми злобы на меня и имѣлъ, несомнѣнно, свою долю влiянiя на увольненiе меня два года спустя.

За это же лѣто 1912 года случился небольшой эпизодъ, о которомъ полезно упомянуть, хотя бы для характеристики нѣкоторыхъ людей того времени и того, какъ ограждали свои личные интересы такiе строгiе судьи другихъ, какимъ былъ хотя бы Графъ Витте, по напечатаннымъ мемуарамъ котораго всѣ были или глупы, ничтожны или корыстолюбивы, и только онъ одинъ былъ безкорыстенъ.

Передъ самой моей поѣздкой въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Ливадiю, какъ-то днемъ, во время моихъ обычныхъ докладовъ и занятiй, прiѣхала Графиня Витте и въ самыхъ любезныхъ выраженiяхъ стала говорить о томъ, что только я одинъ могу помочь ей и ея мужу, находящимся въ совершенно безвыходномъ положенiи. Она заявила мнѣ, что имъ буквально нечѣмъ жить, и они должны спѣшно принять какое-нибудь рѣшенiе: либо покинуть государственную службу и принять мѣсто съ большимъ окладомъ въ одномъ изъ банковъ, либо уѣхать окончательно заграницу и зарыться въ какомъ-нибудь ничтожномъ городкѣ Германiи. По ея словамъ, первое рѣшенiе всего болѣе улыбается ея мужу и ей самой, но она слышала, что по моему же докладу Государь отнесся неодобрительно къ такому рѣшенiю, и потому на мнѣ лежитъ до извѣстной степени долгъ помочь имъ увеличенiемъ содержанiя настолько, чтобы бывшiй Министръ Финансовъ, спасшiй Россiю отъ гибели, человѣкъ, заключившiй мирный договоръ съ Японiей на такихъ условiяхъ, о которыхъ никто не смѣлъ и мечтать, не жилъ какъ нищiй и отказывалъ себѣ во всемъ.

Я обѣщалъ доложить обо всемъ Государю, но сказалъ, что для меня необходимо видѣться лично съ Гр. Витте, дабы потомъ

не было съ его стороны какихъ-либо нареканій на то, что я сдѣлалъ что-либо безъ его прямого вѣдома.

Мы разстались самымъ сердечнымъ образомъ. Графиня Витте горячо благодарила меня, сказавши, что она никогда не сомнѣвалась въ моемъ благородствѣ, и что она увѣрена въ томъ, что я и не подозрѣваю, какъ почитаетъ меня ея мужъ, который постоянно говоритъ обо мнѣ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ и твердитъ всѣмъ и каждому, что величайшее счастье для Россіи имѣть во главѣ правительства именно меня.

На другой день я получилъ отъ нея письмо, которое сохранилось въ немногихъ моихъ бумагахъ, которыя удалось спасти отъ полнаго разгрома моей квартиры. Вотъ оно:

Понедѣльникъ 16 апрѣля 1912 г.

Дорогой Владиміръ Николаевичъ!

Я разсказала мужу объ нашемъ дружескомъ разговорѣ; онъ былъ смущенъ, что надоѣдаю Вамъ, и сказалъ: разъ Его Величество ему изволилъ сказать, что Онъ его положеніе устроитъ, то Сергѣй Юліевичъ долженъ увѣренно ждать рѣшенія Государя.

Что же касается матеріальнаго положенія, то увеличеніе его казеннаго содержанія его никоимъ образомъ устроить не можетъ. Матеріальное положеніе могло бы быть облегчено только единовременной выдачей нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, и тогда онъ могъ бы быть спокоенъ. Понятно, мужъ былъ бы очень радъ повидаться съ Вами и переговорить, но боится отнимать Ваше драгоцѣнное время своими мелкими личными дѣлами, зная, какъ Вы заняты.

Отъ всего сердца желаю Вамъ счастливаго пути и прекращенія всѣхъ мерзкихъ интригъ, которыя направлены противъ талантливаго и умнаго Предсѣдателя Министровъ и Министра Финансовъ.

Благодарю Васъ, дорогой Владиміръ Николаевичъ, за Ваше постоянное дружеское и доброе отношеніе къ намъ.

Искренно Вамъ преданная

М. Витте.

Получивши это письмо и не успѣвши еще ни отвѣтить, ни даже протелефонировать Гр. Витте, я получилъ отъ него на дру-

той же день запросъ по телефону о томъ, когда онъ можетъ заѣхать ко мнѣ до моего отъѣзда въ Ливадію.

Въ тотъ же день онъ былъ у меня передъ самымъ моимъ обѣдомъ. Началъ онъ разговоръ съ того, что его жена была у меня безъ его вѣдома, такъ какъ онъ рѣшилъ самъ никого о себѣ не просить, тѣмъ болѣе, что ему извѣстно, что его близкіе друзья говорили о его невыносимомъ положеніи Государю, и послѣдній отвѣтилъ, что хорошо объ этомъ освѣдомленъ и будетъ говорить съ Министромъ Финансовъ. Если же Его Величество этого до сихъ поръ не сдѣлалъ, то очевидно не желаетъ, и слѣдовательно безполезно Ему надоѣдать развѣ, что «Вы возьмете мое дѣло въ руки и поможете мнѣ выйти изъ такого положенія, при которомъ я буквально доѣдаю послѣднее, что у меня осталось, а жить на нищенское жалованье, послѣ отнятой аренды, т. е. на какія-то 24.000 рублей въ годъ, я давно уже отвыкъ».

Я сказалъ Гр. Витте, что если бы рѣчь шла объ увеличеніи его содержанія, хотя бы на 10.000 р. въ годъ, то я зналъ бы что дѣлать. Я переговорилъ бы съ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и попросилъ бы его разрѣшить мнѣ доложить объ этомъ Государю и не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, но такъ какъ изъ письма Графини я вижу, что этимъ дѣла не разрѣшить, то я долженъ сказать прямо, что не могу просить Государя о такой выдачѣ, такъ какъ за 8 лѣтъ моего управленія Министерствомъ я постоянно боролся противъ такихъ выдачъ. Я прибавилъ, что обѣщаю не возражать, если Государь меня спроситъ, и я думаю, что самое простое и естественное, чтобы Гр. Витте рѣшился обратиться непосрдственно къ Государю, т. к. этимъ путемъ онъ не будетъ упрекать себя впослѣдствіи въ томъ, что не исчерпалъ всѣхъ способовъ ранѣе, чѣмъ рѣшиться перемѣнить всю свою жизнь. Подумавши немного, Витте сказалъ, что «пожалуй, что Вы правы, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно даже, говорили ли Ему мои друзья или просто хотѣли отдѣлаться отъ меня, когда я ихъ спрашивалъ».

Въ половинѣ іюля Государь вызвалъ меня съ докладомъ въ шкеры. Особенно непріятныхъ вопросовъ не было, и докладъ быстро двигался къ концу, тѣмъ болѣе, что Государь предполагалъ тотчасъ послѣ завтрака съѣхать на берегъ съ Великими Княжнами и предпринять продолжительную прогулку.

Когда я кончилъ всѣ очередныя дѣла, Государь вынулъ изъ ящика своего маленькаго письменнаго стола синюю папку и спросилъ меня: «Вы не догадываетесь, что въ этой папкѣ?»

Зная по опыту, что такія папки не сулятъ мнѣ ничего пріятнаго и содержатъ въ себѣ какую-нибудь просьбу о деньгахъ или

ходатайство о какомъ-либо исключеніи изъ общаго правила, я сказалъ, что боюсь этихъ синихъ папокъ, такъ какъ, большею частью, онѣ содержатъ въ своихъ нѣдрахъ что-либо непріятное для Министерства Финансовъ. На это Государь сказалъ мнѣ:

«Не упадите въ обморокъ и прочтите громко, а затѣмъ отвѣтьте Мнѣ прямо на тѣ вопросы, которые Я вамъ поставлю».

Я вынулъ изъ синей обложки письмо, написанное знакомымъ мнѣ почеркомъ Графа Витте. Вотъ что я прочиталъ громко: *).

Ваше Императорское Величество.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Вы изволили благосклонно выслушать мою исповѣдь о тяжеломъ положеніи необезпеченности, въ которомъ я нахожусь. Оно заключается въ томъ, что, не обладая ни наслѣдственнымъ состояніемъ, ни благопріобрѣтеннымъ, ибо, отдавъ себя государственной службѣ, я не имѣлъ права заниматься дѣлами наживы, на закатѣ жизненной карьеры я очутился съ содержаіемъ въ 19 тысячъ рублей и съ ограниченными средствами, оставшимися изъ 400 тысячъ, которыя Вамъ угодно было милостиво пожаловать, когда я съ поста Министра Финансовъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Комитета, а впослѣдствіи Совѣта Министровъ, на каковыхъ должностяхъ, вмѣстѣ съ арендою я получалъ почти въ 2 раза больше, нежели теперь.

Изъ такой обстановки своими силами я могъ бы выйти только, оставивъ государственную службу, чтобы заняться частною. Но это средство недавно было мною окончательно отвергнуто.

Ваше Величество были такъ милостивы, что въ безконечной Царской добротѣ соизволили мнѣ сказать: «можете быть совершенно спокойны; это Мое дѣло Васъ и Ваше семейство обезпечить».

Простите, если осмѣлюсь всеподданнѣйше доложить. Я вполнѣ понимаю, что на дѣятельной государственной службѣ я могъ получить прочное матерьяльное положеніе только на посту посла, и хотя я нѣсколько разъ имѣлъ случай представлять доказательства, что на этомъ поприщѣ я могъ бы оказывать услуги Царю и родинѣ не хуже другихъ, тѣмъ не менѣе, я болѣе не питаю никакихъ надеждъ на такой выходъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго отношенія ко мнѣ подлежащихъ Министровъ.

---

*) Копія этого письма уцѣлѣла отъ обыска во время моего ареста.

Увеличеніе содержанія, при настоящихъ моихъ обязанностяхъ, въ размѣрѣ, могущемъ меня устроить, являлось бы крайне неудобнымъ, а потому было бы и для меня тягостно.

Я могъ бы быть выведенъ изъ тяжелаго положенія единовременною суммою въ двѣсти тысячъ рублей. Сознаніе, что будучи Министромъ Финансовъ въ теченіе 11 лѣтъ, я своимъ трудомъ и заботами принесъ казнѣ сотни милліоновъ рублей, сравнительно, сумма, могущая поправить мои дѣла, представляетъ песчинку, даетъ мнѣ смѣлость принести къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу не сочтете ли, Государь, возможнымъ оказать такую Царскую милость.

Позволяю себѣ въ оправданіе настоящаго всеподданнѣйшаго письма доложить, что съ наступленіемъ каникулъ, ранѣе, нежели покинуть Петербургъ, мнѣ предстоитъ рѣшить вопросъ, могу ли я продолжать скромно жить такъ, какъ живу, или принять мѣры къ дальнѣйшему сокращенію моего бюджета, вступивъ на путь домашнихъ ликвидацій.

Вѣрноподданнѣйшій слуга

СПБ. Іюнь 1912 г. Графъ Витте.

Когда я прочиталъ это письмо, Государь спросилъ меня:

«Вы подозрѣвали, что Витте можетъ обратиться ко мнѣ съ такою просьбою?»

Я разсказалъ тогда все, что приведено выше, начиная съ визита ко мнѣ Графини Витте, письма ея ко мнѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и личнаго разговора съ самимъ Гр. Витте и пояснилъ, что я не доводилъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія Государя потому, что не былъ увѣренъ въ томъ, что Гр. Витте рѣшится лично просить о денежной помощи, послѣ того, что я отклонилъ отъ себя иниціативу въ его ходатайствѣ. Тогда Государь задалъ мнѣ такой вопросъ:

«Что̀ это за объясненіе, что ему предлагали выгодное положеніе въ частной дѣятельности, отъ котораго онъ отказался? Я ничего объ этомъ не слышалъ, и самъ онъ, обратившись ко Мнѣ съ личною просьбою о назначеніи его посломъ, ничего не говорилъ Мнѣ объ этомъ?»

Въ отвѣтъ на это я доложилъ, что этотъ вопросъ освѣщенъ не совсѣмъ правильно, т. к. мнѣ пришлось говорить объ этомъ лично съ Гр. Витте еще осенью 1911 года. Тогда ко мнѣ пріѣхалъ Предсѣдатель Совѣта Русскаго для внѣшней торговли Банка, мой бывшій сослуживецъ, В. И. Тимирязевъ и спросилъ

меня, обсуждался ли въ Совѣтѣ Министровъ вопросъ о разрѣшеніи Гр. Витте принять, въ видѣ особаго изъятія изъ общаго правила, предложеніе Банка о предоставленіи ему должности консультанта при Банкѣ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, сверхъ возможнаго его участія въ прибыляхъ. Я былъ крайне удивленъ такимъ вопросомъ и отвѣтилъ полнымъ невѣдѣніемъ, прибавивъ, что тутъ должно быть прямое недоразумѣніе, т. к. Гр. Витте, какъ членъ Государственнаго Совѣта, не имѣетъ права принять такое предложеніе, и Совѣтъ не можетъ обсуждать его какъ прямо противорѣчащее закону о несовмѣстительствѣ.

Тимирязевъ настаивалъ на томъ, что у нихъ состоялось уже соглашеніе, подписанное Гр. Витте, и спросилъ меня, не возьмусь ли я лично доложить этотъ вопросъ Государю и испросить разрѣшеніе его въ благопріятномъ смыслѣ, какъ мѣру совершенно исключительную.

Я отказался наотрѣзъ принять участіе въ такомъ обходѣ закона, сказавши, что объ этомъ долженъ докладывать Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, если онъ рѣшится на это и прибавилъ при этомъ въ шутку, что я очень сожалѣю о невозможности для меня исполнить угодное Гр. Витте, потому что, вѣроятно, я и самъ недолго пробуду Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Министромъ Финансовъ, и былъ бы счастливъ послѣ моего увольненія пойти по дорогѣ, предоставленной Гр. Витте и поискать какой-либо Банкъ, который согласился бы взять и меня въ консультанты. Замѣчая, что я отношусь къ его сообщенію съ большимъ недовѣріемъ и даже не серьзно, Тимирязевъ вынулъ изъ кармана протоколъ постановленія Совѣта и Правленія Русскаго для внѣшней торговли Банка, подписанный многими членами; внизу его стояла собственноручная подпись Гр. Витте: «Съ сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ согласенъ. Витте».

Повидимому, соглашеніе это состоялось лѣтомъ или осенью того же 1911 года, между Гр. Витте и однимъ изъ членовъ Правленія Банка, кажется Артеміемъ Рафаловичемъ, гдѣ-то въ Германіи на курортѣ Зальцшлифъ и оформлено уже въ Петербургѣ.

Послѣ этого моего разговора съ Тимирязевымъ прошло всего нѣсколько дней, какъ ко мнѣ пріѣхалъ Гр. Витте, безъ предупрежденія меня по телефону, и просилъ дать ему «дружескій» совѣтъ, т. к. около него слагаются «всякія безсмысленныя легенды въ родѣ того, что онъ будто бы устроилъ себѣ мѣсто консультанта при какомъ-то Банкѣ», тогда какъ онъ не разъ получалъ объ этомъ всевозможныя предложенія, но постоянно отклонялъ ихъ, т. к. онъ прекрасно знаетъ, что это незаконно, и не бывшему же

русскому Министру Финансовъ и Премьеръ-Министру заниматься обходами закона».

Я сказалъ ему въ отвѣтъ, что дѣйствительно и до меня доходилъ такой слухъ, но я не придалъ ему никакой вѣры, т. к. хорошо понимаю, что даже Государь не могъ бы разрѣшить такого изъятія, ибо за этимъ потянулась бы нескончаемая вереница такихъ же домогательствъ со всѣхъ сторонъ, и Государственный Совѣтъ превратился бы въ торжище незаконными совмѣстительствами.

Я не сказалъ ему изъ простой деликатности, какъ не говорилъ этого вообще, кому бы то ни было, что видѣлъ собственными глазами его подпись подъ протоколомъ Русскаго Банка, и на этомъ наша бесѣда и прекратилась. Весь вопросъ заглохъ и только позже тотъ же Тимирязевъ сказалъ мнѣ, что Витте вызывалъ его, очень гнѣвно передалъ ему ту же «сплетню» и даж обвинилъ его въ распространеніи ея, а когда онъ показалъ ему, подписанное имъ согласіе, то Витте, не мало не смущаясь, сказалъ только: «вольно же было принимать всерьезъ курортную болтовню. Мало ли о чемъ говоришь на водахъ, отъ нечего дѣлать», какъ будто не его подпись стояла на протоколѣ.

Послѣ моего разсказа Государь спросилъ меня:

«Такъ нужно просто отказать Витте, или даже ничего ему не отвѣчать?»

Я доложилъ Государю, что по моему мнѣнію, нужно, напротивъ того, — исполнить эту просьбу и дать Гр. Витте то, о чемъ онъ проситъ. Государя такое мое мнѣніе, видимо, удивило и, когда я сказалъ, что нахожу болѣе правильнымъ отвѣтить милостью на обращенную просьбу и лучше выдать эти деньги, нежели отказать въ нихъ, хотя бы для того, чтобы каждый зналъ, что Государь не отказалъ своему долголѣтнему Министру, оказавшему государству большія услуги, въ помощи, когда онъ о ней ходатайствуетъ, несмотря на то, что мотивы такой просьбы могутъ быть оцѣниваемы различно.

Государь немного подумалъ и сказалъ мнѣ:

«Вы правы, пусть будетъ по Вашему, только не подумайте, что Гр. Витте скажетъ Вамъ спасибо за Ваше заступничество, — онъ Васъ очень не любитъ, но я непремѣнно скажу ему, если увижу его, что Вы склонили Меня исполнить его просьбу».

Затѣмъ, по моему предложенію, Государь тутъ же написалъ на письмѣ Гр. Витте: «Выдать Статсъ-Секретарю Гр. Витте 200.000 рублей изъ прибылей иностраннаго отдѣленія, показавъ эту выдачу на извѣстное Мнѣ употребленіе».

На словахъ Государь прибавилъ, что Онъ не желаетъ, чтобы объ этомъ много болтали, и если Государственный Контролеръ пожелаетъ имѣть оправданіе произведенной выдачи, то письмо Витте съ резолюціею можетъ быть предъявлено лично Статсъ-Секретарю Харитонову.

Я поспѣшилъ послать Графу Витте телеграмму въ Зальцшлирфъ, гдѣ онъ въ ту пору лечился, съ извѣщеніемъ о рѣшеніи Государя, и получилъ отъ него на французскомъ языкѣ, 31 іюля (новаго ст.) отвѣтъ по телеграфу въ такихъ выраженіяхъ:

«Отъ всего сердца благодарю Васъ за дружескую услугу. Моя жена присоединяетъ къ моимъ и свои искреннія чувства».

Прошло всего полтора года и многое измѣнилось опять въ нашихъ отношеніяхъ съ Гр. Витте. Онъ занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ осужденіяхъ меня, а незадолго передъ тѣмъ что я былъ уволенъ 30 января 1914 года отъ обѣихъ моихъ должностей онъ выступилъ съ самыми рѣзкими рѣчами въ Государственномъ Совѣтѣ и въ печатной полемикѣ противъ меня. Рѣчь объ этомъ впереди.

Когда кончился мой докладъ по этому совершенно неожиданному для меня вопросу, Государь, очевидно располагавшій еще временемъ, спросилъ меня не слышалъ ли я чего-либо относительно желанія того же Графа Витте получить постъ посла гдѣ-либо заграницею?

Я отвѣтилъ, что прямыхъ и точныхъ свѣдѣній у меня не было, но до меня доходилъ недавно слухъ о томъ, что графъ Витте, не скрывавшій своего желанія въ первое время послѣ его увольненія съ поста Министра Финансовъ и назначенія его Предсѣдателемъ Комитета Министровъ, снова говорилъ въ Новомъ клубѣ, что ему надоѣло бездѣйствіе въ Государственномъ Совѣтѣ, и онъ намѣренъ опять позондировать, черезъ своихъ друзей, — нельзя ли ему возобновить свое желаніе о перемѣнѣ служебнаго положенія, т. к. онъ думаетъ, что постъ посла въ Римѣ долженъ скоро освободиться, но что онъ опасается, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ будетъ ярымъ противникомъ его назначенія, т. к. на него перешла вся ненависть къ нему Столыпина, котораго Сазоновъ считаетъ геніальнымъ человѣкомъ и думаетъ все еще его мозгомъ.

Государь сказалъ мнѣ на это въ самомъ благодушномъ и простодушномъ тонѣ:

«Я могу дополнить Вашу информацію нѣсколько болѣе положительными свѣдѣніями. Графъ Витте нашелъ дѣйствительно друзей, которые передали Мнѣ даже его письмо по этому поводу,

написанное откуда-то изъ заграницы и оставшееся у Меня въ столѣ, въ Царскомъ. Я передамъ Вамъ его, когда вернусь осенью. Оно любопытно и излагаетъ съ большимъ авторитетомъ, что Я долженъ измѣнить весь составъ нашего представительства заграницею и замѣнить его людьми совершенно иного сорта, нежели тѣ, которые занимаютъ эти мѣста теперь, а именно — людьми чисто дѣлового типа, умѣющими ладить съ печатью, вліять черезъ нее на общественное мнѣніе, и вообще нужно вдохнуть совсѣмъ свѣжую струю въ прежнюю дипломатію, совершенно не знающую Россіи и не умѣющую говорить съ такими новыми людьми, какъ тѣ, которые ведутъ теперь всю политическую жизнь на западѣ. Онъ говоритъ даже, что весьма сожалѣетъ о томъ, что недостаточно владѣетъ англійскимъ языкомъ, чтобы предложить себя на мѣсто посла въ Вашингтонѣ, хотя онъ убѣжденъ, что онъ сумѣлъ бы и безъ этого повернуть и общественное мнѣніе Америки и американскій рынокъ въ сторону Россіи и открыть послѣдній для нашихъ займовъ.

Кончаетъ Витте свое письмо — какъ сказалъ Государь — тѣмъ, что съ благодарностью приметъ любой постъ посла въ большомъ государствѣ Европы, но проситъ не назначать его ни въ Китай, ни въ Японію, потому что эти страны должны быть предоставлены болѣе молодымъ силамъ».

Государь прибавилъ: «Я говорилъ объ этомъ письмѣ Сазонову, который отнесся къ такой просьбѣ совершенно отрицательно. Я также нимало не настаивалъ и ничего не отвѣчалъ Витте ни прямо, ни черезъ его друзей, хотя одинъ изъ нихъ неразъ спрашивалъ Меня, какой отвѣтъ думаю Я дать на письмо Витте? Вѣроятно, впрочемъ, онъ и самъ догадывается, что не давая ему отвѣта, Я далъ его въ очень ясной формѣ».

Письма Графа Витте Государь мнѣ не передалъ въ Царскомъ Селѣ осенью, и весь этотъ вопросъ такъ и не всплывалъ болѣе наружу до самаго моего ухода въ 1914 году. Очевидно, та же мысль давно занимала Гр. Витте.

Много лѣтъ спустя, въ бѣженствѣ, въ Парижѣ, въ мемуарахъ бывшаго Германскаго Канцлера Князя Бюлова я прочиталъ нѣкоторые эпизоды, разсказанные про Гр. Витте Княземъ Бюловымъ. Гр. Витте всегда кичился дружбою съ Кн. Бюловымъ и отвелъ ей мѣсто въ своихъ воспоминаніяхъ, оттѣнивъ посвященныя ей строки даже особенною интимностью.

Въ числѣ сообщеній Князя Бюлова заслуживаетъ вниманія приведенное тамъ письмо, очевидно по его содержанію, относящееся ко времени между концомъ сентября 1905 года, по возвра-

щеніи Гр. Витте изъ Портсмута и 10-мъ октябремъ того же года, когда онъ былъ назначенъ на вновь учрежденную должность Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Это письмо адресовано было Графинею Витте къ берлинскому Банкиру Эрнсту фонъ-Мендельсонъ-Бартольди и содержало въ себѣ просьбу использовать близкія его отношенія къ Императору Вильгельму и разъяснить ему всю пользу, столько же для интересовъ Россіи, сколько и Германіи, отъ назначенія Гр. Витте на должность россійскаго посла въ Парижѣ, каковую должность занималъ въ то время достойнѣйшій А. И. Нелидовъ. Въ этомъ письмѣ выражается увѣренность въ томъ, что Императоръ Германскій найдетъ эту мысль блестящею и если признаетъ возможнымъ настойчиво заявить объ этомъ нашему Государю, то послѣдній, несомнѣнно, согласится на ея осуществленіе.

Я не привожу всего текста опубликованнаго Княземъ Бюловымъ письма, такъ какъ подлинность его едва ли подлежитъ сомнѣнію уже по одному способу его изложенія, и я не допущу неосторожности, если скажу, что это письмо не могло быть написано иначе, какъ съ согласія самого Гр. Витте.

Въ эту пору онъ былъ неотлучно въ Петербургѣ до конца апрѣля 1906 года, и самое изложеніе письма съ неоднократнымъ упоминаніемъ «мы» свидѣтельствуетъ о томъ, что обращеніе было сдѣлано съ его вѣдома. Остается пожалѣть о томъ, что Мемуары Князя Бюлова не говорятъ ничего о томъ, что̀ было предпринято Г. Мендельсонъ-Бартольди.

Мнѣ приходилось не разъ въ періодъ 1904—1905 г.г. слышать отъ самого Г. Мендельсонъ-Бартольди о его близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ Императору Вильгельму, и трудно допустить, чтобы онъ не довелъ о такомъ къ нему обращеніи до свѣдѣнія Императора, въ особенности послѣ того исключительнаго пріема, который былъ оказанъ имъ незадолго передъ тѣмъ Графу Витте въ Роминтенѣ при его возвращеніи изъ Портсмута въ Россію.

Тѣмъ болѣе жаль, что мы не узнаемъ никогда, какъ реагировалъ и Императоръ Германскій на письмо Графини Витте.

Для меня не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что Императоръ Вильгельмъ не писалъ ничего нашему Государю, иначе Государь не скрылъ бы этого обстоятельства отъ Столыпина въ первое время его предсѣдательствованія въ Совѣтѣ Министровъ, когда вопросы, касавшіеся лично Гр. Витте, неоднократно составляли предметъ бесѣдъ его съ Государемъ. Несомнѣнно, упомянулъ бы Государь объ этомъ и мнѣ въ связи съ приведенною бесѣдою на яхтѣ «Штандардъ».

Въ концѣ іюля пріѣхалъ въ Петербургъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ Франціи — Пуанкаре. Я ожидалъ его пріѣзда съ большимъ интересомъ и даже нетерпѣніемъ. Оказанная имъ услуга Россіи и лично мнѣ, въ 1906 году, не забывается. Въ моей памяти сохраняется навсегда благодарный слѣдъ того, какая помощь оказана была имъ мнѣ въ выпавшемъ на мою долю трудномъ положеніи, изъ котораго я могъ выйти съ честью, только благодаря поддержкѣ, встрѣченной мною въ его лицѣ. И теперь, не выбирая выраженій, я долженъ сказать, что безъ содѣйствія Пуанкаре Россія не сликвидировала бы такъ быстро финансовыхъ послѣдствій русско-японской войны, не сохранила бы, вѣроятно, и своего золотого обращенія и, во всякомъ случаѣ, не положила бы такъ скоро послѣ войны и смуты твердаго основанія своему финансовому и экономическому положенію, безъ котораго не было бы и того замѣчательнаго расцвѣта нашей родины, о которомъ можно и теперь вспоминать только съ чувствомъ истинной гордости.

За протекшія шесть лѣтъ со времени заключенія мною въ Парижѣ займа 1906 года я не видѣлся съ Пуанкаре. Не разъ пріѣзжалъ я въ Парижъ въ эту пору, но всегда на самый короткій срокъ и почти всегда въ концѣ августа или въ самомъ началѣ сентября. Парижъ былъ пустъ, и, справляясь о томъ, въ городѣ ли Пуанкаре, я неизмѣнно получалъ отвѣтъ, что онъ вернется только въ половинѣ или концѣ октября. Въ 1910 году я былъ проѣздомъ черезъ Парижъ въ началѣ октября и присутствовалъ даже на извѣстномъ засѣданіи палаты депутатовъ, на которомъ Бріанъ одержалъ большую побѣду по случаю первой забастовки на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ, ликвидированной съ замѣчательнымъ искусствомъ, главнымъ образомъ, энергіею Мильерана, но въ эту пору мы только обмѣнялись карточками, т. к. я спѣшилъ выѣхать изъ Парижа и вернуться домой, о чемъ я говорилъ уже въ своемъ мѣстѣ.

Мы встрѣтились съ Пуанкаре на Англійской набережной, когда его доставила въ столицу яхта Морского Министра «Нева», и за все время пребыванія его въ Петербургѣ, до самаго выѣзда его въ Москву, не проходило ни одного дня, чтобы мы не встрѣчались, и каждая встрѣча была проникнута такою предупредительностью съ его стороны, такою откровенностью и простотою въ обмѣнѣ взглядовъ, что и сейчасъ я не могу подыскать достаточныхъ выраженій, чтобы выразить ему мою благодарность за его неподдѣльную искренность и за ту деликатность, въ которую онъ облекалъ самые щекотливые вопросы нашего обмѣна взглядовъ.

Послѣ этой встрѣчи мы видѣлись еще одинъ разъ, въ прі-

ѣздъ Пуанкаре, вмѣстѣ съ Вивіани, лѣтомъ 1914 года, передъ самою войною, но въ эту встрѣчу я былъ уже не у дѣлъ, и мы не могли даже обмѣняться ни однимъ словомъ — я былъ отставнымъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Министромъ Финансовъ, и — мы вовсе не бесѣдовали съ Пуанкаре.

А потомъ мы свидѣлись уже въ декабрѣ 1918 года, когда я пріѣхалъ во Францію эмигрантомъ, но и тутъ Пуанкаре, Президентъ Республики, принялъ меня съ женою къ обѣду и весь вечеръ велъ самую сердечную бесѣду, какъ со своимъ другомъ, и былъ на самомъ дѣлѣ первымъ человѣкомъ, отъ котораго я встрѣтилъ въ изгнаніи дружескій и сердечный пріемъ.

Перечислить теперь всѣ наши встрѣчи за время десятидневнаго пребыванія Пуанкаре въ Петербургѣ трудно. Видѣлись мы съ нимъ за обѣдомъ во дворцѣ, за такими же обѣдами у меня, у Министра Иностранныхъ Дѣлъ Сазонова, во Французскомъ посольствѣ. Вмѣстѣ были мы на зарѣ въ Красномъ Селѣ, на обѣдѣ тамъ же у Вел. Князя Николая Николаевича, на спектаклѣ въ Красносельскомъ театрѣ, данномъ въ его честь. Долгое время простояли мы рядомъ другъ съ другомъ на смотру Государемъ войскъ въ лагерномъ сборѣ въ томъ же Красномъ Селѣ и во время безконечнаго прохожденія войскъ передъ ставкою, которое не могло особенно занимать Пуанкаре, — опять и опять перебраны были всѣ вопросы, которые занимали его.

Сущность всѣхъ вопросовъ внѣшней политики, разумѣется, была затронута въ бесѣдахъ Пуанкаре съ Государемъ и въ особенности съ Сазоновымъ. Пуанкаре отлично зналъ, что Предсѣдателю Совѣта Министровъ не принадлежало, по нашимъ условіямъ управленія, мѣста рѣшающаго фактора въ дѣлахъ внѣшней политики, да и я, зная хорошо свое мѣсто въ этомъ отношеніи, не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы раздѣлить бесѣду съ Сазоновымъ, да въ этомъ и не было никакой нужды, потому что наши дѣловыя отношенія съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ были совсѣмъ хорошія и не было въ ту пору, моего перваго года предсѣдательствованія въ Совѣтѣ Министровъ, ни одного вопроса, который не былъ бы много разъ и съ полнымъ единодушіемъ обсужденъ нами совмѣстно, и оба мы шли въ ту пору по одной и той же дорогѣ, направленной исключительно къ охраненію внѣшняго мира передъ лицомъ грозныхъ и сложныхъ событій на Балканахъ.

Подъ конецъ своего пребыванія въ Петербургѣ Пуанкаре выразилъ мнѣ желаніе посѣтить меня и найти время для обмѣна

взглядовъ по нѣкоторымъ вопросамъ, которые ближе касаются меня и остаются для него еще не совсѣмъ ясными.

Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Министерство на Мойку, и болѣе двухъ часовъ мы провели съ глаза на глазъ, перебравши все, на чемъ только остановилось его вниманіе.

Началась наша бесѣда съ оригинальнаго эпизода.

Утромъ этого дня, какъ впрочемъ и очень часто и раньше, я получилъ коротенькое письмо отъ агента Министерства Финансовъ въ Парижѣ А. Г. Рафаловича, сообщавшаго мнѣ различныя свѣдѣнія, относящіяся до пребыванія у насъ Перваго Министра Франціи, среди которыхъ не послѣднее мѣсто было отведено сочувственному отзыву обо мнѣ, — Рафаловичъ сообщилъ между прочимъ слухъ о томъ, что, несмотря на лѣтнее затишье, уже началась кампанія къ подготовкѣ выборовъ новаго Президента Республики, предстоящихъ въ январѣ 1913 года.

Прекрасно освѣдомленный рѣшительно обо всемъ, располагавшій самыми разнообразными источниками информаціи, Рафаловичъ писалъ мнѣ, что намѣчаются только двѣ серьезныя кандидатуры на должность Президента: Сенатора Памса и нашего гостя — Пуанкаре, причемъ отъ себя лично Рафаловичъ прибавлялъ, что онъ считаетъ избраніе Пуанкаре несомнѣннымъ, несмотря на большой шумъ, поднимаемый около имени Памса.

Я прочиталъ это письмо Пуанкаре и прибавилъ, что считаю информацію Рафаловича весьма серьезною, и привелъ ему рядъ случаевъ, въ которыхъ онъ былъ лучше освѣдомленъ, нежели многіе вліятельные органы парижской прессы. Въ отвѣтъ на мое сообщеніе Пуанкаре сказалъ мнѣ, что лично онъ совершенно не ищетъ такого избранія и не знаетъ даже, поставитъ ли онъ свою кандидатуру, если бы его стали объ этомъ просить его друзья, и въ оправданье такого своего отношенія привелъ мнѣ слѣдующій аргументъ, приводимый мною съ буквальной точностью.

«Подумайте сами, могу ли я желать моего избранія въ Президенты Республики: мнѣ всего 52 года. По окончаніи септената мнѣ будетъ всего 59 лѣтъ, я чувствую себя совершенно крѣпкимъ здоровьемъ, и что же я могу дѣлать по окончаніи моего срока, въ мои 59 лѣтъ? Послѣ занятія должности Президента Республики, мнѣ закрыты всѣ виды дѣятельности; въ палаты мнѣ нѣтъ возврата, адвокатура мнѣ, разумѣется, закрыта; одною литературною работою довольствоваться трудно».

Я посмѣялся надъ тѣмъ, что знаю теперь точно его возрастъ, т. к. онъ ровесникъ моей жены, родившейся въ 1860 году, и на этомъ наша бесѣда, на поднятую случайную тему, оборвалась.

Насколько дѣйствительная жизнь измѣнила, послѣ войны, такое предвидѣніе Пуанкаре. Онъ отбылъ свой септенатъ и не только вернулся въ Парламентъ, но сыгралъ въ 1926 году ту исключительную роль, которая спасла Францію отъ неизбѣжныхъ потрясеній и поставила его на такую высоту, на который едва ли сравнялся съ нимъ кто-либо изъ государственныхъ людей Франціи за весь періодъ существованія III Республики.

Наша бесѣда коснулась, главнымъ образомъ, трехъ вопросовъ. Пуанкаре началъ съ того, что онъ вынесъ самое отрадное впечатлѣніе изъ личной бесѣды съ Государемъ и изъ многократнаго обмѣна взглядовъ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновымъ относительно общаго положенія нашей внѣшней политики, и т. к. Сазоновъ не скрылъ отъ него, что я оказываю ему самую широкую помощь въ этомъ вопросѣ, то онъ можетъ только благодарить меня самымъ сердечнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что Французскій посолъ Луи въ каждомъ своемъ донесеніи неизмѣнно сообщаетъ ему, какое дѣятельное участіе принимаю я во всемъ, что касается поддержанія европейскаго мира.

Затѣмъ онъ перешелъ къ тѣмъ немногимъ вопросамъ, по которымъ онъ долженъ говорить со мною особенно откровенно. На первомъ мѣстѣ онъ поставилъ личный вопросъ о положеніи Французскаго посла Луи въ Петербургѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что формально этотъ вопросъ ликвидированъ имъ въ неоднократныхъ личныхъ переговорахъ съ Сазоновымъ, т. к. послѣдній, выслушавъ его откровенную бесѣду и разъясненія фактической его неправоты въ отношеніи обвиненій имъ посла Луи, самъ снялъ этотъ вопросъ съ очереди и заявилъ ему, что проситъ считать его болѣе несуществующимъ. Но у него нѣтъ увѣренности въ томъ, что это тягостное положеніе не возникнетъ снова по какому-либо поводу, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ понимаетъ, что посолъ Луи не успѣлъ завоевать себѣ того положенія, которое облегчало бы разрѣшеніе многихъ затрудненій въ своеобразныхъ условіяхъ петербургской жизни. Онъ сказалъ мнѣ, что самымъ простымъ способомъ разрѣшенія возникшаго вопроса была бы одновременная смѣна обоихъ пословъ Извольскаго и Луи, но видимо, что такая комбинація совершенно непріемлема для Сазонова, по его отношеніямъ къ Извольскому, хотя Пуанкаре, по его словамъ, не скрылъ отъ Сазонова, что положеніе русскаго посла далеко не таково, какимъ должно было бы быть положеніе посла союзной державы, и притомъ не Французское правительство создала такое ненормальное положеніе. Отъ меня не ускользнуло, что Пуанкаре испытываетъ большое стѣсненіе досказать свою мысль до конца,

но я предпочелъ не продолжать разговора на эту тему, т. к. онъ могъ бы завести откровенность съ обѣихъ сторонъ до очень щекотливаго для меня положенія, и весь вопросъ свелся къ тому, что Пуанкаре просилъ меня не отказать послу Луи въ моей поддержкѣ и впредь, какъ я дѣлалъ это до сихъ поръ, прибавивъ, что посолъ прямо сказалъ ему, что безъ этого ему просто нельзя оставаться, — настолько мало вниманія встрѣчаетъ онъ въ нашемъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ.

На другой день послѣ моей встрѣчи съ Пуанкаре Сазоновъ просилъ меня передать ему сущность нашей бесѣды по вопросу о Луи и безъ всякаго вызова съ моей стороны прямо сказалъ мнѣ, что онъ предпочелъ ликвидировать весь инцидентъ, чтобы не создавать крайне щекотливаго для насъ съ Французскимъ павительствомъ конфликта, т. к. у него сложилось убѣжденіе, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ Франціи считаетъ положеніе нашего посла въ Парижѣ совершенно неотвѣчающимъ положенію посла союзной державы; ему же, Сазонову, просто невозможно приложить свою руку къ отозванію посла, который и не думаетъ самъ проситься изъ Парижа. О причинахъ такого исключительнаго положенія онъ не сказалъ мнѣ рѣшительно ничего, закончивъ нашъ разговоръ на эту тему весьма загадочнымъ намекомъ на то, что у меня есть прекрасная информація въ лицѣ Рафаловича, который, вѣроятно лучше кого-либо можетъ разъяснить мнѣ мое недоумѣніе.

Я отвѣтилъ Сазонову лишь тѣмъ, что не считаю себя въ правѣ собирать свѣдѣнія о нашемъ послѣ, коль скоро самъ онъ не хочетъ сообщать мнѣ чего-либо, повидимому, зная больше того, что онъ мнѣ говоритъ.

Черезъ годъ, въ бытность мою въ Парижѣ, Пуанкаре, уже Президентъ Республики, вновь коснулся того же вопроса и притомъ въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ и выяснилъ свою точку зрѣнія безъ всякаго стѣсненія. Объ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Второй вопросъ, затронутый Пуанкаре въ разговорѣ со мною, касался области, дѣйствительно подлежавшей моему вѣдѣнію. Въ выраженіяхъ, не оставляющихъ мѣста какому-либо сомнѣнію, онъ обратился ко мнѣ съ просьбою разъяснить ему истинное положеніе вопроса о развитіи нашей желѣзнодорожной сѣти и въ частности нашихъ стратегическихъ дорогъ съ цѣлью ускоренія нашего плана мобилизаціи, значительно болѣе медленнаго, нежели планъ сосредоточенія войскъ на французскомъ фронтѣ. Не скрывая отъ меня, что Французскій Генеральный Штабъ очень озабоченъ

этимъ вопросомъ, и что Начальникъ Генеральнаго Штаба не разъ говорилъ ему, что разъясненія нашего Генеральнаго Штаба представляются ему весьма туманными и не даютъ ясныхъ данныхъ, Пуанкаре просилъ меня ввести его въ курсъ этого вопроса въ томъ объемѣ, который я считаю возможнымъ сообщить ему. Много данныхъ по этому вопросу было у меня подъ руками, и я предложилъ въ его распоряженіе всѣ матерьялы, сосредоточенные въ Министерствѣ Финансовъ, какъ по смѣтамъ на 1913 годъ, незадолго передъ тѣмъ разсмотрѣннымъ въ Совѣтѣ Министровъ, такъ и въ особенности всю схему постройки частныхъ дорогъ, разработанную мною на ближайшее пятилѣтіе при условіи, конечно, возможности выпуска на иностранномъ рынкѣ гарантированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ.

Мнѣ пришлось выяснить при этомъ всѣ встрѣченныя мною затрудненія къ реализаціи этихъ выпусковъ и всю необходимость широкаго содѣйствія именно французскаго рынка, такъ какъ ни англійскій, ни германскій рынокъ въ этомъ дѣлѣ совершенно ненадежны. Тутъ же я изложилъ передъ Пуанкаре разработанную мною схему частнаго желѣзнодорожнаго строительства съ устраненіемъ частныхъ концессіонеровъ отъ реализаціи займовъ и передачи всего дѣла непосредственно въ руки Министерства Финансовъ. Я передалъ ему также сравнительно недавнюю мою бесѣду съ Министромъ Финансовъ Франціи — Кайо, который рѣзко критиковалъ политику Россіи слишкомъ частаго выпуска государственныхъ займовъ на иностранномъ рынкѣ и сказалъ мнѣ: «совершенно иное дѣло, если Вы будете искать у насъ денегъ для расходовъ производительныхъ, въ особенности для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Вы встрѣтите отъ меня самую энергичную поддержку, и Франція дастъ Вамъ всѣ нужныя средства».

Мои объясненія, видимо, оставили въ Пуанкаре хорошее впечатлѣніе, и онъ сказалъ мнѣ, что выѣдетъ изъ Россіи значительно успокоеннымъ.

Мы разстались съ нимъ на томъ, что я предложилъ ему во всѣхъ случаяхъ, когда объясненія нашего Военнаго вѣдомства покажутся Французскому Генеральному Штабу недостаточно ясными, обращаться ко мнѣ черезъ посредство Французскаго посла, и я дамъ всѣ необходимыя разъясненія, т. к. ключъ къ разрѣшенію всѣхъ несогласій по этому вопросу находится, очевидно, въ рукахъ Министра Финансовъ, на котораго обычно жалуются всѣ вѣдомства, но не всегда даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что именно и при какихъ условіяхъ можно исполнить на самомъ дѣлѣ.

Я считаю возможнымъ удостовѣрить, что въ этой моей бесѣдѣ

съ Пуанкаре было заложено первое основаніе осуществленной мною годъ спустя идеѣ объединенныхъ займовъ для частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ Россіи. Подробности этого вопроса изложены мною далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Третій и послѣдній вопросъ, по которому намъ пришлось обмѣняться взглядами, заключался въ выраженной мною благодарности за помощь, которую оказала Франція въ предоставленіи Россіи участія, наравнѣ со всѣми великими державами, въ такъ называемомъ реорганизаціонномъ Китайскомъ займѣ 1913 года.

Около этого займа образовался въ прямомъ смыслѣ заговоръ противъ Россіи, и безъ помощи Франціи мы были бы совершенно устранены отъ участія въ займѣ, подъ вліяніемъ оппозиціи цѣлаго ряда государствъ, стремившихся не допустить насъ до участія на общемъ основаніи, въ нарушеніе самой элементарной справедливости. Франція помогла намъ отстоять нашу точку зрѣнія и не дала совершиться несправедливости.

По существу этотъ заемъ не принесъ большой пользы государствамъ, участвовавшимъ въ его выпускѣ. Китай получилъ свои деньги, но на что онъ истратилъ ихъ — неизвѣстно. Черезъ годъ разразилась міровая война, а въ Китаѣ начались смуты, не прекращающіяся и до сихъ поръ. Государства же, участвовавшія въ эмиссіи, познали потомъ не мало хлопотъ и осложненій, а частныя лица, раскупившія облигаціи этого займа, едва ли поминаютъ добромъ свое участіе въ этой финансовой операціи.

ГЛАВА V.

Собраніе, подъ моимъ предсѣдательствомъ, губернаторовъ для заслушанія сообщеній о предвыборномъ положеніи. Н. А. Хвостовъ. Кредиты на предвыборную кампанію. — Моя поѣздка въ Спалу. Докладъ у Государя. Вопросъ о кредитахъ на оборону. Прекращеніе Государемъ дѣла о привлеченіи къ суду Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича. — Новыя требованія кредитовъ Сухомлиновымъ. Совѣщаніе у Государя по вопросу о задуманной Сухомлиновымъ частичной мобилизаціи. Мои возраженія противъ намѣченной мѣры какъ опасной для сохраненія мира. Отклоненіе проекта. — Разногласія въ Совѣтѣ Министровъ по вопросу объ общемъ политическомъ положеніи. — Мои отношенія къ партіямъ въ новой Думѣ. Правительственная декларація. Вопросъ о соглашеніи съ обществомъ Кіево-Воронежской желѣзной дороги. — Задуманное Сухомлиновымъ назначеніе ген. Воейкова на несуществующую должность.

Государь въ эту осень (1912 г.) вмѣсто Крыма поѣхалъ сначала на охоту въ Бѣловѣжъ, а потомъ въ Спалу, гдѣ Наслѣдникъ тяжко заболѣлъ и едва не умеръ. До половины октября вся страна жила подъ страхомъ близкой катастрофы. Я не рѣшался безпокоить Государя никакими дѣлами, направляя ихъ какъ могъ, и только 10 или 12 октября стали получаться добрыя вѣсти о томъ, что непосредственной опасности нѣтъ, и Государь разрѣшилъ мнѣ прибыть въ Спалу для доклада и привезти Ему наиболѣе нужные вопросы. Ихъ накопилось очень много и въ числѣ ихъ замѣтное мѣсто занимали, конечно, выборы въ Государственную Думу, приходившіе уже къ концу и дававшіе ясныя указанія на преобладающее значеніе въ средѣ вновь избранныхъ членовъ людей умѣреннаго лагеря, но мало связанныхъ между собою единствомъ взглядовъ и неподчиненныхъ никакому опредѣленному

общему руководству. Говоря о выборахъ въ Государственную Думу, приходится невольно припомнить одинъ эпизодъ, соединившій, было, меня на минуту съ Макаровымъ и показавшій мнѣ наглядно, какими удивительными пріемами были заражены нѣкоторые изъ нашихъ видныхъ администраторовъ, сыгравшіе впослѣдствіи очень печальную роль въ послѣдніе мѣсяцы передъ революціей и заплатившіе своею собственной жизнью за печальныя проявленія ихъ неумѣлой дѣятельности. Упомяну также и о другомъ эпизодѣ, который слѣдуетъ сохранить, чтобы онъ не забылся.

Въ началѣ сентября мѣсяца въ Петербургѣ оказалось одновременно большое число Губернаторовъ. Всѣ они пріѣхали за полученіемъ указаній Министра Внутреннихъ Дѣлъ по разнымъ мѣстнымъ особенностямъ выборныхъ Комиссій, и объ этомъ съѣздѣ я узналъ не изъ сообщеній Макарова, а просто по большому количеству губернаторовъ, являвшихся ко мнѣ въ мои пріемные дни.

Макаровъ, державшій меня послѣ происшедшихъ между нами разногласій совершенно въ сторонѣ отъ выборныхъ дѣлъ, видимо, предпочиталъ келейный способъ разрѣшенія этихъ вопросовъ, вмѣстѣ со своимъ Товарищемъ Харузинымъ, внесшимъ не мало путаницы и произвола въ это дѣло и способствовавшій въ большой степени тому настроенію раздраженія, съ которымъ собрались вновь избранные члены Думы къ I-му ноября въ Петербургѣ. Меня же разговоры на выборную тему съ Губернаторами приводили къ несомнѣнному выводу, что никакой общей выборной политики на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и что каждая губернія дѣйствуетъ по собственному шаблону, изобрѣтая свои пріемы, а чаще всего — вовсе не справляясь съ общими взглядами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Я высказалъ это Макарову въ открытомъ засѣданіи Совѣта Министровъ и выразилъ желаніе побесѣдовать совмѣстно со всѣми съѣхавшимися Губернаторами въ присутствіи его самого, его Товарища Харузина и его сотрудника Черкаса, считавшаго себя спеціалистомъ выборнаго дѣла и принимавшаго самое дѣятельное участіе въ первыхъ выборахъ по закону 3 іюля 1907 года, при покойномъ Столыпинѣ, когда это дѣло находилось въ умѣлыхъ рукахъ его Товарища Крыжановскаго.

Собраніе состоялось подъ моимъ предсѣдательствомъ вечеромъ въ залѣ засѣданій Совѣта Министра Финансовъ. — Налицо было 14 или 15 Губернаторовъ. Сообщенія съ мѣстъ и пренія по нимъ шли очень вяло. Большинство Губернаторовъ удостовѣря-

ло, что выборы проходятъ довольно блѣдно, что крайнія лѣвыя партіи прячутся въ подпольѣ и не открываютъ своихъ картъ, но что можно быть заранѣе увѣреннымъ въ томъ, что большого количества голосовъ они не соберутъ, и что все движеніе сгруппируется между кадетами, октябристами и націоналистами Балашевскаго типа, т. к. и крайніе правые не проявляютъ особенной активности, хотя и сохранятъ, вѣроятно, свое прежнее положеніе.

Во всѣхъ объясненіяхъ Губернаторовъ звучало вполнѣ согласно одно заявленіе, — что у Начальниковъ Губерній очень мало средствъ на вліяніе на выборы, что единственно организованная среда, доступная вліянію, это — среда сельскаго и даже городского духовенства, что Епархіальное начальство прислушивается исключительно къ голосу Оберъ-Прокурора Синода и мало обращается съ Губернаторами, но что и эта среда не отличается особенною дисциплиною, т. к. не всѣ Архіереи сочувствуютъ слишкомъ умѣреннымъ указаніямъ Синода, находя, что его указанія поддерживать всѣ консервативныя партіи, начиная отъ октябристовъ, и не дѣлать разницы внутри группировки отдѣльныхъ партій праваго крыла Думы, неправильны, и они предпочитали бы болѣе точныя указанія для поддержки какой-либо одной партіи. Изъ объясненій Губернаторовъ сквозило даже, что многіе Архіереи не вполнѣ довѣряютъ искренности разъясненій Синода, полагая, что они явились результатомъ особаго давленія на Оберъ-Прокурора со стороны Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и что на мѣстахъ думаютъ, что лично В. К. Саблеръ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, сочувствуя лишь одной партіи — крайнихъ правыхъ.

Всѣ Губернаторы заявили въ одинъ голосъ, что вліянія земскихъ начальниковъ на крестьянъ въ дѣлѣ выборовъ почти нѣтъ, и что строить какія-либо надежды на этомъ элементѣ не слѣдуетъ.

Точно такъ же, на мой вопросъ — какое вліяніе имѣетъ на общественное мнѣніе и на подготовку выборовъ мѣстная консервативная пресса, довольно щедро поддерживаемая правительствомъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ, получился единогласный отвѣтъ всѣхъ Губернаторовъ, кромѣ Нижегородскаго, что такое вліяніе равносильно нулю, ибо никто такихъ газетъ не читаетъ, а многіе Губернаторы откровенно заявили даже, что всѣ прекрасно знаютъ, что данныя газеты издаются на казенныя деньги, а т. к. и издатели этихъ газетъ плохи и составъ сотрудниковъ крайне невысокаго уровня, за неимѣніемъ подготовленныхъ и талантли-

выхъ людей, — то этихъ газетъ просто не читаютъ даже безплатные подписчики.

Отдѣльно отъ всѣхъ Губернаторовъ, рѣзко отличаясь отъ нихъ рѣшительностью тона и живостью рѣчи, стоялъ въ этомъ совѣщанiи Нижегородскiй Губернаторъ Н. А. Хвостовъ, впослѣдствiи, въ 1918 году, разстрѣлянный большевиками въ Москвѣ вмѣстѣ съ Щегловитовымъ, Протопоповымъ, Маклаковымъ и Бѣлецкимъ.

Онъ провелъ рѣзко противоположную точку зрѣнiя заявивши, что Губернаторы не только должны, но и могутъ провести въ Думу исключительно тѣхъ, кого они желаютъ. По его словамъ, въ Нижегородской губернiи всѣ оппозицiонные кандидаты имъ уже устранены, и на ихъ мѣсто намѣчены люди совершенно надежные въ политическомъ отношенiи, которые и будутъ выбраны, если только Министръ Внутреннихъ Дѣлъ дастъ ему нѣсколько болѣе денежныхъ средствъ и разрѣшитъ привлечь къ дѣлу Начальника Губернскаго Жандармскаго Управленiя и облечетъ его, Губернатора, достаточною свободой дѣйствiй.

Хвостовъ прибавилъ развивая свою теорiю, что слѣдуетъ только допустить одно предварительное условiе: задаться цѣлью и не колебаться въ выборѣ средствъ, т. е. не обращать вниманiя на выкрики печати и не бояться жалобъ на неправильность выборовъ.

Откровенное выступленiе Хвостова произвело на всѣхъ самое отрицательное впечатлѣнiе. Макаровъ былъ крайне смущенъ, Губернаторы молчали, Харузинъ, на котораго Хвостовъ сослался было какъ на человѣка, сочувствующаго его взглядамъ, — не зналъ что сказать, но затѣмъ, когда прошло первое смущенiе, посыпались такiя реплики неудержимой критики циничныхъ взглядовъ Хвостова, что всякiй другой былъ бы сконфуженъ и даже униженъ, но Хвостовъ, вѣроятно, думалъ, что совершаетъ великiй государственный подвигъ, выражая такiе взгляды, и отвѣтилъ всѣмъ однимъ общимъ аргументомъ, также не мало поразившимъ всѣхъ: «вся наша бѣда въ томъ, что мы не умѣемъ или не желаемъ управлять; боимся пользоваться властью, которая находится въ нашихъ рукахъ, а потомъ плачемъ, что другiе вырвали ее у насъ».

Другое обстоятельство, которое я хочу отмѣтить здѣсь, потому, что забылъ записать его достаточно подробно въ своемъ мѣстѣ, касается начала моего разрыва съ крайними правыми въ Думѣ и той кампанiи, которую они рѣшительно повели противъ меня тотчасъ послѣ созыва Четвертой Думы.

При жизни покойнаго Столыпина однимъ изъ поводовъ нашихъ разногласій всегда служилъ вопросъ о субсидіи печати и о необходимости широко тратить деньги на борьбу съ оппозиціонною прессою и подготовлять выборы въ Думу помощью созданія консервативной, провинціальной прессы.

Когда Столыпина не стало, однимъ изъ первыхъ дѣлъ, за которое я принялся, была попытка узнать, куда тратились деньги, взятыя изъ казны черезъ меня, какъ Министра Финансовъ, на печать, и нельзя ли, по крайней мѣрѣ, сократить въ будущемъ эти безполезные расходы.

При жизни покойнаго Столыпина мои неоднократныя попытки подойти ближе къ распредѣленію этихъ денегъ и укрѣпиться въ моемъ принципіально отрицательномъ отношеніи къ стремленію Министра Внутреннихъ Дѣлъ руководить этимъ способомъ общественнымъ мнѣніемъ — не имѣли никакого успѣха. Столыпинъ относился крайне остро къ моимъ заявленіямъ, видѣлъ въ этомъ попытку, съ моей стороны, контролировать дѣятельность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и наши разговоры всегда кончались обидчивостью съ его стороны и даже не разъ грозили обострить до крайности наши отношенія.

Не поддерживалъ меня и Государь, съ которымъ мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать совершенно откровенно по поводу газеты «Земщина», всегда лежавшей на его письменномъ столѣ. Я никогда не скрывалъ, что отпускавшіяся на изданіе этой газеты 180 тысячъ въ годъ (15 тысячъ въ мѣсяцъ), были просто выброшенными деньгами и служили только къ общему соблазну, потому что всѣ отлично знали на какія средства издается эта никѣмъ не читаемая газета, и очень многіе удивлялись незлобивости моей и отсутствію элементарной дисциплины въ дѣятельности правительства, т. к. оно относилось съ поразительнымъ безучастіемъ къ совершенно неприличнымъ выпадамъ «Земщины» лично противъ меня.

Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ прекратить мои настоянія и довольствоваться только постоянными попытками уменьшить быстро ростущія требованія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Тотчасъ послѣ кончины Столыпина я ближе подошелъ къ этому вопросу. Крыжановскій, въ рукахъ котораго сосредоточивалось при Столыпинѣ распредѣленіе денегъ, далъ мнѣ всѣ матерьялы по этому дѣлу и съ полной откровенностью высказалъ, что большая половина денегъ тратилась совершенно даромъ и могла бы быть, безъ всякаго ущерба дѣлу, прекращена.

Макаровъ, смѣнившій Столыпина, отнесся на первыхъ порахъ совершенно благоразумно и просилъ только не настаивать на сокращеніи ассигнованія до окончанія выборовъ въ Государственную Думу, обѣщая послѣ выборовъ согласиться на значительную сбавку или даже на полное прекращеніе этихъ, признаваемыхъ и имъ также безполезными, расходовъ. Такъ и осталось это дѣло въ прежнемъ положеніи, вплоть до самаго роспуска Думы. Слѣдомъ за роспускомъ, когда еще большинство членовъ Думы не успѣло разъѣхаться по домамъ, ко мнѣ пріѣхали члены Думы Марковъ 2-ой, Новицкій и Пуришкевичъ и стали энергично настаивать на необходимости отпуска въ ихъ распоряженіе крупныхъ добавочныхъ средствъ на подготовку выборовъ въ Думу, обѣщая «затмить результатами ихъ усилій самыя смѣлыя ожиданія относительно будущаго состава Думы, если только я не поскуплюсь на средства».

Я попытался было направить ихъ домогательства на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, но встрѣтилъ совершенно откровенное заявленіе, изложенное къ тому же въ очень циничной формѣ: «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ съ нами и сдѣлаетъ все, о чемъ мы просимъ, но Вы всегда отказываете въ деньгахъ, и онъ не хочетъ нарваться на непріятные ему Ваши отказы, тѣмъ болѣе, что онъ сказалъ намъ вполнѣ откровенно, что связанъ обѣщаніемъ не увеличивать расходы на выборы, а на печать даже обѣщалъ Вамъ пойти на большія сокращенія послѣ окончанія выборовъ».

Я поинтересовался узнать до какихъ предѣловъ доходятъ ихъ желанія и получилъ въ отвѣтъ заранѣе приготовленную «смѣту». Этотъ любопытный документъ долго находился у меня подъ рукою. Онъ былъ взятъ у меня во время обыска въ іюнѣ 1918 года; его вернули мнѣ, какъ и всѣ отобранныя бумаги, въ концѣ іюля и затѣмъ онъ былъ уничтоженъ мною среди разныхъ моихъ бумагъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, никакого существеннаго значенія, которыя я предалъ сожженію, ожидая новыхъ обысковъ и новаго ареста.

Я помню хорошо, что «смѣта» была сведена къ круглой цифрѣ 960.000 руб., потому что я спросилъ Маркова, — отчего не довели они до еще болѣе круглой цифры 1.000.000? и получилъ въ отвѣтъ простое заявленіе: «мы хорошо знаемъ, что Вы любите точныя цифры, и отказались отъ всякаго излишества».

Было въ этой смѣтѣ немного рубрикъ, но самая крупная сумма свыше 500.000 руб. испрашивалась на «агитацію», въ видѣ устройства губернскихъ съѣздовъ, лекцій, раздачи брошюръ, за-

тѣмъ были, конечно, расходы на печать, на путевые расходы; не обошлось разумѣется и безъ «негласныхъ» расходовъ.

Я отвѣтилъ рѣшительнымъ несогласьемъ, ссылаясь на то, что различныя предпріятія Пуришкевича пользуются уже безъ того широкою поддержкою Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и высказалъ совершенно откровенно, что не жду рѣшительно никакой пользы отъ проэктированной выборной кампаніи и увѣренъ даже, что она только возбудитъ новый приливъ оппозиціонныхъ страстей въ большинствѣ губерній, въ которыхъ крайнія правыя партіи обречены заранѣе на неудачу и, такимъ образомъ, только скомпрометируютъ правительство, т. к. всѣмъ будетъ ясно, до очевидности, что, поднятая правыми агитація ведется исключительно на правительственныя средства.

Мы разошлись совершенно враждебно. Новицкій и Пуришкевичъ промолчали, а Марковъ 2-ой, вставая съ мѣста, не стѣсняясь сказалъ мнѣ: «При Петрѣ Аркадіевичѣ было бы иначе; онъ заставилъ бы Васъ дать то, что намъ нужно, а теперь Вамъ самому предстоитъ пожать плоды нашего неуспѣха, т. к. Вы получите не такую Думу, какую бы мы дали Вамъ за такую незначительную сумму, какъ 960.000 рублей.

Свои счеты со мной Марковъ свелъ годъ спустя въ его знаменитомъ выступленіи въ Думѣ 27 мая 1913 года, о которомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Я прибылъ въ Спалу подъ вечеръ 18-го октября. Погода была отвратительная — дождь лилъ не переставая; шоссе, соединявшее Скерневицы со Спалою, исправленное на скорую руку, было совершенно разбито, и сама Спала, состоявшая изъ небольшого дворца или точнѣе Охотничьяго Дома съ двумя кавалерскими домами по бокамъ, носившими въ насмѣшку названіе «Отель Бристоль» и «Отель Націоналъ» (я не говорю о службахъ, стоявшихъ поодаль), производила унылое, тягостное впечатлѣніе.

Государя я видѣлъ въ тотъ же вечеръ за ужиномъ и, хотя я сидѣлъ рядомъ съ Великою Княжной Ольгой Николаевной, которая сидѣла рядомъ съ Государемъ, но бесѣда наша носила какой-то отрывочный характеръ. Всѣ говорили шопотомъ, и у всѣхъ была одна мысль — миновала ли опасность съ Наслѣдникомъ Алексѣемъ Николаевичемъ. На мой вопросъ объ этомъ Государь сказалъ мнѣ: «Было совсѣмъ хорошо, когда я телеграфировалъ Вамъ, потомъ мы опять пережили большую тревоту, а теперь снова Я совсѣмъ спокоенъ и увѣренъ, что больше нечего опасаться. Мы будемъ завтра съ Вами долго и спокойно обо

всемъ говорить послѣ обѣдни. Не забудьте, что завтра Вашъ лицейскій праздникъ».

Послѣ обѣдни, отслуженной въ походной палаткѣ, докладъ мой продолжался почти два часа, и значительную часть времени занялъ обзоръ бюджета на 1913 годъ и въ особенности самый подробный отчетъ мой по военнымъ расходамъ. Я не скрылъ отъ Государя, что на этотъ разъ мнѣ было значительно труднѣе, нежели во всѣ предыдущіе года. Поливанова, всегда находившаго примиряющій исходъ изъ столкновеній точекъ зрѣнія Военнаго Министерства и Министерства Финансовъ, смѣнилъ Генералъ Вернандеръ, упрямый спеціалистъ инженернаго дѣла, совершенно не свѣдущій въ дѣлахъ другихъ Главныхъ Управленій и слѣпо повторявшій только доводы ихъ Начальниковъ, стремившихся получить какъ можно больше денегъ, зная при этомъ, что, при установившихся отношеніяхъ между двумя вѣдомствами, голосъ Военнаго Министерства всегда будетъ поддержанъ Государемъ.

Мнѣ пришлось поэтому, на этотъ годъ проявить особенную уступчивость по отношенію къ требованіямъ Военнаго Министерства и согласиться на значительно бо̀льшія ассигнованія, нежели я сдѣлалъ бы это, если бы былъ вполнѣ самостоятельнымъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Къ тому же и внѣшнія событія были въ пользу Военнаго вѣдомства. Война на Балканахъ принимала все болѣе затяжной характеръ; безсиліе дипломатіи остановить разгорѣвшійся пожаръ было очевидно, и необходимость усиленія военныхъ приготовленій съ нашей стороны становилась все болѣе и болѣе неотложною. Для меня было совершенно ясно, что, просивши усиленныя ассигнованія и не видоизмѣняя своихъ внутреннихъ порядковъ, Военное Министерство достигало только внѣшняго успѣха — имѣло въ своемъ распоряженіи бо̀льшія денежныя средства, но не подвигало нашей боевой способности ни на одинъ шагъ; отпущенныя средства накапливались въ кассѣ Военнаго Министерства, заказы продолжали исполняться съ необычайною или, вѣрнѣе, обычною волокитою и окончаніе ихъ становилось еще того медленнѣе. Но мое положеніе было просто безвыходное. Я видѣлъ безнадежность увеличивать кредиты изъ года въ годъ, говорилъ объ этомъ громко и открыто и вездѣ, гдѣ только могъ, но былъ лишенъ всякой возможности проводить свои взгляды. Военный Министръ инсинуировалъ на мой счетъ у Государя, Государственная Дума рѣзко критиковала его способы распоряжаться ассигнованными средствами, но высказывалась всегда за усиленіе кредитовъ; печать держала повышенный тонъ, а знаменитые Славянскіе обѣды приводили къ самымъ рѣзкимъ выпадамъ

противъ русскаго миролюбія, и процессіи съ плакатами «крестъ на святой Софіи», «Скутари Черногоріи» становились обычнымъ зрѣлищемъ. Мнѣ не оставалось ничего иного, какъ идти на соглашеніе и на уступки Военному Министру, зная хорошо, что въ спорахъ съ послѣднимъ Совѣтъ Министровъ не встанетъ на мою сторону и предпочтетъ всегда присоединиться къ требованію генерала Сухомлинова, лишь бы не давать ему повода инсинуировать у Государя. — Я просто рѣшился не доводить до окончательнаго разногласія ни одного моего спора и согласился уступить во всемъ, въ первый разъ представивши всѣ смѣтныя расчеты по военнымъ кредитамъ безъ всякаго спора.

Я развилъ Государю мою точку зрѣнія самымъ подробнымъ образомъ и представилъ особую вѣдомость, въ которой показалъ все то лишнее, что потребовалъ Военный Министръ и безъ чего наша военная подготовка не потерпѣла бы никакого ущерба. Сумма этихъ лишнихъ кредитовъ получилась весьма значительная — около 80 милліоновъ рублей только на одинъ 1913 годъ. Представилъ я также, какъ водится, и другую вѣдомость — о неизрасходованныхъ кредитахъ прежняго времени, — ихъ насчитывалось свыше 180 милліоновъ рублей.

Государь былъ чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ, прерывая мой докладъ, говорилъ мнѣ, что я доставилъ Ему большое удовольствіе. Когда же я довелъ мои изложенія до конца, то Онъ всталъ изъ-за стола, обошелъ кругомъ ко мнѣ и, беря мою правую руку своими обѣими руками, сказалъ мнѣ:

«Я знаю какую сдѣлку съ Вашей бережливостью Вы допустили, соглашаясь на то, что, по Вашему мнѣнію, требуется Военнымъ Министерствомъ лишняго. Я вѣрю тому, что Вы совершенно правы, что деньги не будутъ израсходованы, и дѣло отъ этого не выиграетъ. Въ Вашихъ спорахъ съ Сухомлиновымъ правда всегда на Вашей сторонѣ, но я хочу, чтобы и Вы поняли Меня, что Я поддерживаю Сухомлинова не потому, что не вѣрю Вамъ, а потому, что Я не могу отказать въ военныхъ расходахъ. Упаси Боже, если намъ не удастся потушить пожаръ на Балканахъ. Я никогда не прощу Себѣ, что отказалъ въ военныхъ кредитахъ хотя бы на одинъ рубль. Да и Вы сами должны быть гораздо болѣе спокойны теперь, когда знаете, что никто не скажетъ, что Вы помѣшали дѣлу нашей государственной обороны. Я знаю, какъ горячо вы любите родину, и вѣрю тому, что такъ же, какъ и Я, горюете, что не все у насъ благополучно съ военными заказами. Будемъ надѣяться, что теперь пойдетъ все лучше и лучше, а если Сухомлиновъ опять станетъ говорить Мнѣ, что Вы его обрѣзыва-

8*

ете въ кредитахъ, то Я скажу ему просто, что этого слушать болѣе не желаю, и что во всемъ теперь будетъ виноватъ онъ, а не Вы».

Мой докладъ затягивался, приближалось время къ завтраку. Государь сказалъ мнѣ:

«Отложите остальное до послѣ-завтрака; погода такая скверная, что никуда нельзя выйти, а у Меня на душѣ есть большой камень, который Мнѣ хочется снять теперь же. Я знаю, что Я Вамъ причиню непріятность, но я хочу, чтобы Вы Меня поняли, не осудили, а главное не думали, что Я легко не соглашаюсь съ Вами. Я не могу поступить иначе. Я хочу ознаменовать исцѣленіе Моего Сына какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ и рѣшилъ прекратить дѣло по обвиненію генерала Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича. Въ особенности Меня смущаетъ Спиридовичъ. Я вижу его здѣсь на каждомъ шагу, онъ ходитъ какъ тѣнь около Меня, и Я не могу видѣть этого удрученнаго горемъ человѣка, который, конечно, не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного и виноватъ только тѣмъ, что не принялъ всѣхъ мѣръ предосторожности.

Не сердитесь на Меня, Мнѣ очень больно, если Я огорчаю Васъ, но Я такъ счастливъ, что Мой Сынъ спасенъ, что Мнѣ кажется, что всѣ должны радоваться кругомъ Меня, и Я долженъ сдѣлать какъ можно больше добра».

Для того, чтобы это обращеніе Государя ко мнѣ и мой отвѣтъ Ему были понятны, я долженъ напомнить, чѣмъ было вызвано обращеніе Государя ко мнѣ.

Послѣ смерти Столыпина отъ пули Богрова назначено было слѣдствіе черезъ Сенатора Трусевича, о чемъ я писалъ уже въ своемъ мѣстѣ; оно установило съ очевидностью вопіющую небрежность, допущенную четырьмя лицами: Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Курловымъ, Начальникомъ Кіевскаго Охраннаго Отдѣленія Кулябко, Вице-Директоромъ Департамента Полиціи Веригинымъ и, состоявшимъ при Курловѣ, подполковникомъ Спиридовичемъ. Совѣтъ Министровъ рѣшилъ предать всѣхъ ихъ суду.

Противъ этого не возражалъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Макаровъ. Покойный Министръ Юстиціи Щегловитовъ былъ однимъ изъ ревностныхъ поборниковъ необходимости привлеченія ихъ къ суду.

Первый департаментъ Государственнаго Совѣта потребовалъ отъ нихъ объясненій и, находя ихъ совершенно неудовлетворительными, постановилъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на преданіе ихъ Верховному Уголовному Суду послѣ разсмотрѣнія дѣла

въ I-омъ Департаментѣ Правительствующаго Сената и назначенія имъ предварительнаго слѣдствія.

Рѣшеніе Государя по этому дѣлу ожидалось мною уже болѣе мѣсяца, и меня крайне озабочивало, почему такъ медлитъ Государь съ утвержденіемъ постановленія (меморіи) Государственнаго Совѣта, тогда какъ и я и Министры Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи неоднократно докладывали Ему это дѣло, и Государь прекрасно усвоилъ себѣ, казалось, ту мысль, что преданіе суду не предрѣшитъ окончательнаго рѣшенія дѣла. Оно требуетъ еще производства новаго полнаго слѣдствія черезъ Сенатъ, Верховный Судъ могъ придти къ совершенно другому выводу, и его рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, должно было идти на утвержденіе Государя.

Говоря со мною, Государь, видимо, волновался и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, ожидая моего отвѣта. Я хорошо помню первыя, сказанныя мною слова.

«По Вашимъ словамъ», началъ я, «я вижу, Государь, что Вы приняли уже окончательное рѣшеніе и вѣроятно привели его уже въ исполненіе». Государь подтвердилъ это наклоненіемъ головы. «Мои возраженія будутъ, поэтому, совершенно безцѣльны и только огорчатъ Васъ въ такую минуту, которой я не хотѣлъ бы ничѣмъ омрачить. Но я долженъ высказать Вамъ то, что лежитъ у меня на душѣ, и не съ тѣмъ, чтобы склонить Васъ перемѣнить Ваше рѣшеніе, а только для того, чтобы Вы не имѣли повода упрекнуть меня въ томъ, что я не продостерегъ Васъ отъ вредныхъ послѣдствій Вашего великодушнаго шага. Ваше Величество, знаете, какъ возмущена была вся Россія убійствомъ Столыпина и не только потому, что убитъ Вашъ вѣрный слуга, но еще болѣе потому, что съ такою же легкостью могло совершиться гораздо бо̀льшее несчастіе. Всѣмъ было ясно до очевидности, что при той преступной небрежности, которая проявилась въ этомъ дѣлѣ, Багровъ имѣлъ возможность направить свой браунингъ на Васъ и совершить свое злое дѣло съ такою же легкостью, съ какою онъ убилъ Столыпина. Все, что есть вѣрнаго и преданнаго Вамъ въ Россіи, никогда не помирится съ безнаказанностью виновниковъ этого преступленія, и всякій будетъ недоумѣвать, почему остаются безъ преслѣдованія тѣ, кто не оберегалъ Государя, когда каждый день привлекаются къ отвѣтственности неизмѣримо менѣе виноватые, незамѣтные агенты правительственной власти, нарушившіе свой служебный долгъ. Вашихъ великодушныхъ побужденій никто не пойметъ, и всякій станетъ искать разрѣшенія своихъ недоумѣній во вліяніи окружающихъ Васъ людей и увидитъ въ этомъ, во всяковъ случаѣ, несправедливость.

И это тѣмъ хуже, что Вашимъ рѣшеніемъ Вы закрываете самую возможность пролить полный свѣтъ на это темное дѣло, что могло дать только окончательное слѣдствіе, назначенное Сенатомъ, и Богъ знаетъ, не раскрыло ли бы оно нѣчто бо̀льшее, нежели преступную небрежность, по крайней мѣрѣ, со стороны генерала Курлова.

Если бы Ваше Величество не закрыли теперь этого дѣла, то въ Вашемъ распоряженіи всегда была бы возможность помиловать этихъ людей въ случаѣ осужденія ихъ. Теперь же дѣло просто прекращается, и никто не знаетъ и не узнаетъ истины. Будь я на мѣстѣ этихъ господъ и подскажи мнѣ моя совѣсть, что я не виновенъ въ смерти Столыпина и не несу тяжкаго укора за то, что не оберегъ и моего Государя, я просто умолялъ бы Васъ предоставить дѣло своему законному ходу и ждалъ бы затѣмъ Вашей милости уже послѣ суда, а не передъ слѣдствіемъ».

Государь внимательно выслушалъ меня и сказалъ мнѣ:

«Вы совершенно правы. Мнѣ не слѣдовало поступать такъ, но теперь уже поздно. Я сказалъ Спиридовичу, что Я прекратилъ дѣло и вернулъ меморію Государственному Секретарю. Относительно Курлова Я увѣренъ, что онъ, какъ честный человѣкъ, самъ подастъ въ отставку, и Я прошу Васъ передать Мои слова Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Васъ же прошу, Владиміръ Николаевичъ, объяснить въ Совѣтѣ Министровъ, чѣмъ Я руководствовался, и не судить Меня. Повторяю — Вы совершенно правы, и Мнѣ не слѣдовало поддаваться Моему чувству».

Вторая половина моего доклада не представляла уже особаго интереса. Все шло, какъ всегда, гладко. Государь все одобрилъ и особенно интересовался выборами въ Думу, которые приходили къ концу. Почти по всѣмъ губерніямъ результаты выборовъ давали значительный перевѣсъ умѣреннымъ партіямъ. По Петербургу, правда, прошли одни кадеты, но ихъ успѣхъ не огорчилъ Государя потому, что онъ сопровождался проваломъ Гучкова, чему Государь искренно радовался и выражалъ надежду, что такая же участь постигнетъ его и въ Москвѣ, гдѣ онъ поставилъ свою кандидатуру по губерніи, а не по столицѣ. Такъ оно и случилось.

На другой день, рано утромъ, передъ тѣмъ, что я выѣхалъ въ обратный путь изъ Спалы, мнѣ подали телеграмму отъ самого Гучкова, извѣщающую, что онъ не прошелъ въ Думу и отказывается вовсе отъ политической дѣятельности. Я не видѣлъ больше Государя и передалъ телеграмму Барону Фредериксу для доклада Государю и уѣхалъ изъ Спалы.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я доложилъ подробно о моемъ докладѣ Государю въ Совѣтѣ Министровъ и остановился преимущественно на вопросѣ о военныхъ расходахъ и, обращаясь къ Сухомлинову, сказалъ ему открыто, что я надѣюсь, что теперь прекратятся его постоянныя жалобы на недостаточность ассигнованій на дѣло обороны, и огласилъ при этомъ вѣдомость неизрасходованныхъ суммъ изъ прежнихъ ассигнованій.

Меня рѣшительно поддержалъ Государственный Контролеръ, который — помню хорошо это засѣданіе — удивилъ всѣхъ рѣшительностью своего тона, своихъ объясненій и совершенно неожиданнымъ рѣзкимъ выступленіемъ противъ безсистемности дѣйствій Военнаго Министерства. Покойный Харитоновъ развивалъ ту же мысль, что, помимо несправедливости постоянныхъ жалобъ генерала Сухомлинова на Министерство Финансовъ, особенно важно, чтобы теперь, при началѣ дѣятельности новой Государственной Думы, Военное Министерство не давало поводовъ къ столкновеніямъ правительства съ Думою и для этого есть только одно средство — держаться рамокъ ассигнованныхъ кредитовъ, прекратить усвоенную имъ систему, постоянно требовать добавочныхъ кредитовъ по 17 ст. Смѣтныхъ Правилъ (т. е. помимо Думы) и видѣть свое благополучіе не въ томъ, чтобы требовать съ казны все больше и больше, а въ томъ, чтобы быстрѣе исполнить заказы и не оставлять арміи безъ необходимаго снаряженія, при огромныхъ не израсходованныхъ кредитахъ.

Сухомлиновъ, по обыкновенію, произносилъ какія-то неопредѣленныя слова, и всѣ поняли только одно, что и онъ вполнѣ удовлетворенъ размѣромъ ассигнованныхъ по смѣтамъ кредитовъ, на которыхъ «не отразилась на этотъ разъ (по его словамъ) чрезмѣрная уступчивость генерала Поливанова».

Черезъ очень короткое время, Государь вернулся со всею семьею въ Царское Село. На мой письменный запросъ о состояніи здоровья Наслѣдника и о времени моего ближайшаго доклада, я получилъ отвѣтъ, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, съ предложеніемъ пріѣхать въ обычное время въ пятницу и съ припискою, что мои доклады всегда доставляютъ Ему большое удовольствіе.

Прошло всего 2—3 дня и, неожиданно для всего Совѣта, 28 октября (я тогда же отмѣтилъ у себя это число въ связи съ послѣдующими инцидентами) Военный Министръ поднесъ мнѣ, что называется сюрпризъ. Очевидно забывая о томъ, что говорилось всего менѣе недѣли назадъ въ засѣданіи Совѣта, не предупредивши меня ни однимъ словомъ, онъ прислалъ мнѣ экстрен-

ное требованіе объ отпускѣ въ его распоряженіе, въ связи съ событіями на Балканахъ, кредита въ 63 милліона рублей, на усиленіе нашей обороны на Австрійскомъ фронтѣ. Онъ сослался при этомъ на старый законъ, отмѣненный въ связи съ новыми правилами, и заявилъ, что поступаетъ такъ по повелѣнію Государя, вполнѣ одобрившаго его предложеніе. Меня удивило, конечно, не само несообразное требованіе Военнаго Министра, — къ этому я давно былъ пріученъ, — а то, что всего наканунѣ я имѣлъ подробный докладъ у Государя, вопросы военнаго характера занимали въ нашихъ объясненіяхъ немалое мѣсто, и Государь не обмолвился мнѣ ни однимъ словомъ о новомъ требованіи ген. Сухомлинова.

Я созвалъ немедленно Совѣтъ Министровъ на 30 октября и написалъ собственноручно Государю, что не имѣю права исполнить требованіе Военнаго Министра, какъ противорѣчащее закону, что всякіе отпуски денегъ по всеподданнѣйшимъ докладамъ теперь болѣе недопустимы, и что только Совѣтъ Министровъ, а не единолично какой-либо Министръ, имѣетъ право представить Государю свое заключеніе объ отпускѣ кредита (по ст. 17), съ послѣдующимъ утвержденіемъ отпуска Государственной Думой.

Мой докладъ вернулся съ такою собственноручною помѣткою:

«Теперь не время останавливаться на такихъ формальностяхъ. Я жду, во всякомъ случаѣ, меморіи Совѣта не позже 1-го ноября. Деньги должны быть отпущены».

Положеніе Совѣта было крайне трудное. Сухомлиновъ какъ всегда невинно улыбался и на всѣ рѣзкія замѣчанія, исходившія даже отъ лицъ, никогда или чрезвычайно рѣдко поддерживавшихъ меня, какъ Щегловитовъ, Рухловъ и Кривошеинъ, онъ отвѣчалъ только, что въ виду опасности войны нельзя останавливаться передъ «юридическими тонкостями».

Разборъ его требованій, сдѣланный мною наспѣхъ, выяснилъ, что изъ 63 милліоновъ рублей не менѣе 13 милліоновъ уже занесены въ смѣты и не могутъ требовать вторичнаго ассигнованія — этого ген. Сухомлиновъ просто не зналъ, — а устыженный Харитоновымъ, наивно замѣтилъ: «ну, значитъ, ихъ можно исключить».

Оказалось затѣмъ, что изъ остальныхъ 50 милліоновъ, только около 20-ти требуютъ спѣшнаго отпуска, а болѣе 30-ти потребуется въ серединѣ 1913 года или даже значительно позже. Наконецъ выяснилось, что, готовясь къ усиленію нашего Австрійскаго фронта, Военное Миистерство безъ всякаго смущенія пред-

полагаетъ дать весьма значительный заказъ австрійскимъ же заводамъ и въ частности, близкому къ правительству заводу Шкода. При другихъ условіяхъ, такое дѣло могло разгорѣться въ крупный скандалъ, но всему Совѣту было ясно, что часть требованій должна быть исполнена, и пришлось составить заключеніе въ этомъ смыслѣ, испрашивая у Государя разрѣшеніе на отпускъ теперь же 20-ти милліоновъ, а остальныхъ—по мѣрѣ наступленія сроковъ платежей. Я настоялъ на томъ, чтобы въ заключеніе Совѣта было помѣщено мое заявленіе, что всѣ эти требованія объ ассигнованіи денегъ въ такомъ спѣшномъ порядкѣ совершенно излишни, что Военному Министру слѣдуетъ просто дать полномочіе дѣлать всѣ необходимые заказы, а кредитъ долженъ быть испрошенъ черезъ Думу и Государственный Совѣтъ по мѣрѣ исполненія заказовъ, и что всѣ отпущенныя въ такомъ спѣшномъ порядкѣ суммы останутся просто неизрасходованными. Сухомлиновъ внесъ свои заявленія въ противоположномъ смыслѣ, и меморія Совѣта была представлена Государю 31 октября, за день до назначеннаго срока.

Деньги, разумѣется, были отпущены — и мое пророчество сбылось. Я былъ уволенъ черезъ 14 мѣсяцевъ — 30 января 1914 года, и къ моменту моего увольненія изъ всего отпущеннаго въ такомъ невѣроятномъ порядкѣ кредита израсходовано было всего 3 милліона рублей. Стоило ли городить огородъ!

Государь, очевидно, искренно думалъ, что Онъ поддерживаетъ армію, удовлетворяя требованія Военнаго Министра, и не имѣлъ возможности вникнуть во всю ихъ неосновательность.

Когда, нѣсколько дней спустя, я былъ у Него съ моимъ очереднымъ докладомъ, Онъ совершенно искренно и просто сказалъ мнѣ, что, прочитавши меморію Совѣта, Онъ находитъ, что лучше дать деньги, чѣмъ отказывать въ нихъ, хотя очевидно, что ихъ опять не сумѣютъ издержать во̀ время, но важно то, что армія будетъ знать, что о ней думаютъ, заботятся и готовятъ ее къ бою.

Опять и опять мнѣ пришлось напрасно говорить, что арміи нужно не то, что по смѣтѣ Военнаго Министерства есть деньги, а то, что въ артиллерійскихъ паркахъ есть орудія и снаряды и нѣтъ недостатка въ ружьяхъ, пулеметахъ и патронахъ, и что нужно давать и исполнять заказъ какъ слѣдуетъ, а не передѣлывать чертежи по нѣсколько разъ и не отмѣнять данные наряды и замѣнять ихъ все новыми и новыми. Все это я говорилъ и на этотъ разъ, ясно сознавая, что при такомъ распорядителѣ, какъ Сухомлиновъ, все дѣло останется въ прежнемъ безнадежномъ со-

стояніи и будетъ идти прежнимъ черепашьимъ шагомъ, сколько ни скопляйся горючаго матерьяла кругомъ насъ.

Внѣшнія событія шли тѣмъ временемъ своимъ ходомъ. Война на Балканахъ все разгоралась и разгоралась. Болгары и сербы били турокъ, и назрѣвалъ новый внутренній конфликтъ между сербами и болгарами. Всѣ симпатіи Сазонова и мои были на сторонѣ сербовъ, настолько дѣйствія болгаръ были просто безобразны по отношенію тѣхъ, кто спасъ ихъ въ самый острый моментъ борьбы съ Турціей.

Румынія, по обыкновенію, двуличничала, а поведеніе Австріи становилось все болѣе и болѣе вызывающимъ.

Въ это самое время, поздно вечеромъ, 9-го ноября (1912 г.), Сухомлиновъ передалъ мнѣ по телефону, что Государь проситъ меня пріѣхать къ Нему завтра, 10 ноября, въ 10 ч. утра. На вопросъ мой, чѣмъ вызвано это приказаніе, онъ отвѣтилъ, что хорошо не знаетъ, потому что Государь ничего ему не объяснилъ и только сказалъ послѣ сегодняшняго его доклада, чтобы онъ передалъ объ этомъ мнѣ и Сазонову. Я позвонилъ къ Сазонову и получилъ отъ него только такой же недоумѣнный отвѣтъ, съ прибавленіемъ, что это его тѣмъ болѣе удивляетъ, что онъ видѣлъ Государя днемъ и не получилъ отъ Него никакихъ указаній.

На утро на вокзалѣ я нашелъ Сухомлинова, Начальника Генеральнаго Штаба Жилинскаго, Сазонова и Министра Путей Сообщенія Рухлова, который съ недоумѣніемъ спрашивалъ всѣхъ насъ, зачѣмъ мы ѣдемъ и чѣмъ вызвано наше совѣщаніе. Никто не далъ ему никакого отвѣта, и Сухомлиновъ, по обыкновенію, весело болтавшій о самыхъ пустыхъ вещахъ, сказалъ только, что «вѣроятно Государя интересуетъ какой-либо вопросъ въ связи съ войною на Балканахъ».

Государь принялъ насъ въ своемъ большомъ кабинетѣ, посадилъ меня направо отъ себя, Сухомлинова — налѣво, пошутивъ при этомъ:

«Вотъ Я очутился между двумя Владимірами, не всегда сходящимися другъ съ другомъ, и сказалъ, что, т. к. предметъ совѣщанія вѣроятно всѣмъ хорошо извѣстенъ, то Онъ проситъ каждаго, начиная съ меня, какъ старшаго, высказывать свое мнѣніе.

Мы всѣ трое, штатскіе Министры, заявили, что не имѣемъ никакого понятія о предметѣ совѣщанія, а Сухомлиновъ сказалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, что онъ не предупредилъ насъ, т. к. ему казалось, что будетъ лучше, если Министры узнаютъ прямо отъ Государя то, что Его интересуетъ. Намъ осталось только переглянуться.

Тогда Государь, раскрывши лежавшую передъ Нимъ карту, сталь очень спокойно и ясно излагать соотношеніе нашихъ и Австрійскихъ военныхъ силъ на нашей границѣ, слабый составъ нашей пѣхоты, имѣющей не болѣе 90 человѣкъ въ ротѣ, въ то время, какъ австрійская пѣхота доведена до 200 человѣкъ въ ротѣ, медленность нашего сосредоточенія войскъ и вытекающую отсюда необходимость значительно усилить составъ войсковыхъ частей, стоящихъ близъ границы.

«Для достиженія этой цѣли», сказалъ Государь, «вчера, на совѣщаніи съ командующими Войсками Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ, рѣшено произвести мобилизацію всего Кіевскаго и части Варшавскаго Округа и подготовить мобилизацію Одесскаго.

«Я особенно подчеркиваю, — прибавилъ Государь, — что вопросъ идетъ только о нашемъ фронтѣ противъ Австріи и не имѣю рѣшительно въ виду предпринимать чего-либо противъ Германіи. Наши отношенія съ ней не оставляютъ желать ничего лучшаго, и Я имѣю всѣ основанія полагаться на поддержку Императора Вильгельма».

На предложеніе Государемъ Сухомлинову сдѣлать дополнительное объясненіе, тотъ отвѣтилъ, что не имѣетъ прибавить ни одного слова къ столь ясно сказанному Государемъ, и что всѣ телеграммы о мобилизаціи имъ уже заготовлены и будутъ отправлены сегодня же, какъ только окончится совѣщаніе.

Государь, обращаясь ко мнѣ, добавилъ: «Военный Министръ предполагалъ распорядиться еще вчера, но Я предложилъ ему обождать одинъ день, т. к. Я предпочитаю переговорить съ тѣми Министрами, которыхъ полезно предупредить ранѣе, нежели будетъ отдано окончательное распоряженіе».

Мы трое глядѣли другъ на друга съ величайшимъ недоумѣніемъ, и только присутствіе Государя сдерживало въ каждомъ изъ насъ тѣ чувства, которыя владѣли каждымъ изъ насъ вполнѣ одинаково.

Мнѣ было предложено высказаться первому. Не хочется мнѣ теперь, спустя много лѣтъ послѣ этого дня, когда нѣтъ болѣе въ живыхъ Государя, нѣтъ никого изъ участниковъ и свидѣтелей этихъ событій, когда погибла и сама Россія подъ натискомъ безумной революціи, не хочется мнѣ записывать здѣсь подробно все то, что вылилось у меня тогда въ горячую, взволнованную рѣчь. Попросивши у Государя извиненія за то, что я не смогу, вѣроятно, найти достаточно сдержанности, чтобы спокойно изложить все то, что такъ неожиданно встало передо мной, я сказалъ, не оби-

нуясь, что очевидно совѣтники Государя — Военный Министръ и два Командующихъ войсками — не поняли, въ какую бѣду ведутъ они Государя и Россію, высказываясь за мобилизацію двухъ военныхъ округовъ, что они, очевидно, не разъяснили Государю, что они толкаютъ Его прямо на войну съ Германіей и Австріей, не понимая того, что при томъ состояніи нашей обороны, которая извѣстна всѣмъ намъ, только тотъ, кто не даетъ себѣ отчета въ роковыхъ послѣдствіяхъ, можетъ допускать возможность войны съ такимъ легкимъ сердцемъ и даже не потребовавши всѣхъ мѣръ, способныхъ предотвратить эту катастрофу».

Государь прервалъ меня, сказавши буквально слѣдующее:

«Я такъ же, какъ и Вы, Владиміръ Николаевичъ, не допускаю и мысли о войнѣ. Мы къ ней не готовы, и Вы совершенно правильно называете легкомысліемъ самую мысль о войнѣ. Но дѣло идетъ не о войнѣ, а о простой мѣрѣ предосторожности, о пополненіи рядовъ нашей слабой арміи на границѣ и о томъ, чтобы нѣсколько приблизить къ границѣ слишкомъ далеко оттянутыя назадъ войсковыя части».

Я продолжалъ мою рѣчь, доказывая Государю, что какъ бы ни смотрѣли мы на проектированныя мѣры, — мобилизація остается мобилизаціей, и на нее наши противники отвѣтятъ прямо войною, къ которой Германія готова и ждетъ только повода начать ее. Государь опять прервалъ меня словами:

«Вы преувеличиваете, Владиміръ Николаевичъ. Я и не думаю мобилизовать наши части противъ Германіи, съ которой мы поддерживаемъ самыя доброжелательныя отношенія, и онѣ не вызываютъ въ насъ никакой тревоги, тогда какъ Австрія настроена опредѣленно враждебно и предприняла цѣлый рядъ мѣръ противъ насъ, до явнаго усиленія укрѣпленій Кракова, о чемъ постоянно доноситъ наша контъ-развѣдка Командующему войсками Кіевскаго военнаго Округа».

Послѣ этого мнѣ не осталось ничего иного, какъ развить подробно, очевидно, упущенную и Государемъ мысль о невозможности раздѣльнаго отношенія къ Австріи и Германіи, о томъ, что, связанныя союзнымъ договоромъ, вылившимся въ полное подчиненіе Австріи Германіи, эти страны солидарны между собой, какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ самыхъ мелкихъ условіяхъ его осуществленія и что, мобилизуя части нашей арміи, мы беремъ на себя тяжелую отвѣтственность не только передъ своею страною, но и передъ союзною намъ Франціей. Я поставилъ самымъ рѣзкимъ образомъ вопросъ о томъ, что мы не имѣемъ, по нашему военному

соглашенію съ Франціею, даже права предпринять что-либо, не войдя въ предварительное сношеніе съ нашимъ союзникомъ, и сказалъ, не стѣсняясь выраженіями, что совѣтники Государя просто не поняли этого элементарнаго положенія, что, дѣйствуя такъ, какъ они считали возможнымъ, они просто разрушаютъ военную конвенцію и даютъ Франціи право отказаться отъ исполненія ея обязательствъ передъ нами, коль скоро мы рѣшаемся на такой роковой шагъ не только не условившись съ союзникомъ, но даже не предупредивши его. Я сказалъ Государю, что Военный Министръ не имѣлъ права даже обсуждать такой вопросъ безъ сношенія съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и со мною, что зная честность и личное благородство Генералъ-Адъютантовъ Иванова и Скалона, я глубоко сожалѣю, что они не слышатъ моихъ разъясненій, потому что я увѣренъ, что они раздѣлили бы мои взгляды, какъ заранѣе знаю, что присутствующіе Министры, вполнѣ солидарны со мною.

Въ заключеніе, зная хорошо характеръ Государя, которому всегда нужно найти выходъ изъ создавшагося тяжелаго положенія, я предложилъ Ему, идя навстрѣчу высказаннымъ Имъ соображеніямъ, взамѣнъ такой роковой мѣры, какъ мобилизація, сдѣлать то, что всецѣло принадлежитъ Его власти, а именно, воспользоваться тою статьею Устава о воинской повинности, которая даетъ Государю право, простымъ указомъ Сенату, задержать на 6 мѣсяцевъ весь послѣдній срокъ службы по всей Россіи и этимъ путемъ разомъ увеличить составъ нашей арміи на цѣлую четверть. Объ этой статьѣ была недавно рѣчь въ одномъ изъ засѣданій Совѣта Министровъ, по поводу усиленія продовольственнаго кредита по Военному вѣдомству.

Въ практическомъ отношеніи отъ этого получилось бы то, что безъ всякой мобилизаціи оканчивающіе свою службу съ 1-го января 1913 года нижніе чины срока 1909 года оставались бы въ рядахъ до 1-го іюля 1913 года, а новобранцы, прибывшіе въ части съ ноября по январь, поступили бы въ строй (въ февралѣ) за 5 мѣсяцевъ до отпуска старослужащихъ. Такимъ образомъ къ самой опасной порѣ, къ веснѣ, во всѣхъ полкахъ были бы подъ ружьемъ 5 сроковъ службы, и никто не имѣлъ бы права упрекнуть насъ въ разжиганіи войны.

Я закончилъ горячимъ обращеніемъ къ Государю не допустить роковой ошибки, послѣдствія которой неисчислимы, потому что мы не готовы къ войнѣ, и наши противники прекрасно знаютъ это, и играть имъ въ руку можно только, закрывая себѣ глаза на суровую дѣйствительность.

Государь выслушалъ меня совершенно спокойно. Ему видимо нравился подсказанный мною выходъ, но его смущала моя горячность и рѣзкіе выпады противъ Военнаго Министра. Желая смягчить это впечатлѣніе и въ то же время успокоить меня, Онъ сказалъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ:

«Мы всѣ одинаково любимъ родину, и Я думаю, что всѣ, вмѣстѣ со Мною, мы благодарны Владиміру Николаевичу за его прекрасное разъясненіе и за то, что онъ намъ предложилъ отличный выходъ изъ нашего труднаго положенія».

Послѣ меня говорили только Сазоновъ и Рухловъ — оба, впрочемъ, очень кратко. Сазоновъ сказалъ, что онъ былъ просто уничтоженъ тѣмъ, что узналъ о готовившейся катастрофѣ и можетъ только подтвердить правильность всего мною сказаннаго и въ особенности того, что мы не имѣемъ права на такую мѣру безъ соглашенія съ нашими союзниками, даже если бы мы были готовы къ войнѣ, а не только теперь, когда мы къ ней совершенно не готовы.

Рухловъ былъ еще короче. Сказавши Государю, что никогда ни одна страна не бываетъ вполнѣ готова къ войнѣ, и что онъ не раздѣляетъ вообще моего мрачнаго взгляда на состояніе нашей обороны, но что онъ присоединяется, однако, къ моему выводу и прибавилъ, что принятіемъ такой мѣры облегчится даже будущая мобилизація, т. к. не нужно будетъ передвигать по желѣзнымъ дорогамъ цѣлую четверть нашей арміи и притомъ въ двойномъ направленіи.

Сухомлиновъ, на предложеніе Государя, сказать свое мнѣніе, отвѣтилъ буквально такими словами:

— Я согласенъ съ мнѣніемъ Предсѣдателя Совѣта и прошу разрѣшенія послать генераламъ Иванову и Скалону телеграммы о томъ, что мобилизаціи производить не слѣдуетъ.

Государь отвѣтилъ однимъ словомъ: «Конечно» и, обращаясь ко мнѣ, самымъ ласковымъ тономъ сказалъ:

«Вы можете быть совсѣмъ довольны такимъ рѣшеніемъ, а Я имъ больше Вашего», и затѣмъ, подавая руку Сухомлинову, сказалъ ему:

«И Вы должны быть очень благодарны Владиміру Николаевичу, такъ какъ можете спокойно ѣхать заграницу».

Эти послѣднія слова озадачили всѣхъ насъ. Мы пошли завтракать наверхъ. Сазоновъ остался на нѣсколько минутъ у Государя, и когда мы пришли въ приготовленное намъ помѣщеніе, то Рухловъ и я спросили Сухомлинова о какомъ его отъѣздѣ упомянулъ Государь? Каково же было наше удивленіе, когда Су-

хомлиновъ самымъ спокойнымъ тономъ отвѣтилъ намъ: «Моя жена заграницей, на Ривьерѣ, и я ѣду на нѣсколько дней навѣстить ее». На мое недоумѣніе, какимъ же образомъ, предполагая мобилизацію, могъ онъ рѣшиться на отъѣздъ, этотъ легкомысленнѣйшій въ мірѣ господинъ, безо всякаго смущенія и совершенно убѣжденно, отвѣтилъ: «Что за бѣда, мобилизацію производитъ не лично Военный Министръ, и пока всѣ распоряженія приводятся въ исполненіе, я всегда успѣлъ бы вернуться во время. Я не предполагалъ отсутствовать болѣе 2-3 недѣль».

На эти слова подошелъ Сазоновъ. Не сдерживая больше своего возмущенія противъ всего, только что происшедшаго, не выбирая выраженій и не стѣсняясь присутствіемъ дворцовой прислуги, онъ обратился къ Сухомлинову со словами:

— Неужели Вы не понимаете, куда Вы едва-едва не завели Россію, и Вамъ не стыдно, что Вы такъ играете судьбою Государя и Вашей родины. Ваша совѣсть неужели не подсказываетъ Вамъ, что не рѣшись Государь позвать насъ сегодня и не дай онъ намъ возможности поправить то, что Вы чуть-чуть не надѣлали, Ваше легкомысліе было бы уже непоправимо, а Вы тѣмъ временемъ даже собирались уѣзжать заграницу?! Съ тѣмъ же безразличіемъ въ тонѣ и тѣмъ же ребяческимъ лепетомъ Сухомлиновъ отвѣтилъ только:

— А кто же, какъ не я, предложилъ Государю собрать васъ сегодня у Себя? Если бы я не нашелъ этого нужнымъ, мобилизація была бы уже начата, и въ этомъ не было бы никакой бѣды; все равно войны намъ не миновать, и намъ выгоднѣе начать ее раньше, тѣмъ болѣе, что это Ваше и Предсѣдателя Совѣта убѣжденіе въ нашей неготовности, а Государь и я, мы вѣримъ въ армію и знаемъ, что изъ войны произойдетъ только одно хорошее для насъ».

Говорить больше было не о чемъ. Мы скоро окончили нашъ завтракъ и вернулись въ городъ.

Черезъ день, въ обычномъ засѣданіи Совѣта Министровъ, я подробно передалъ Совѣту о всемъ происшедшемъ, послѣ окончанія очередныхъ дѣлъ, когда чины Канцеляріи ушли.

Въ нашей средѣ опять возобновились сужденія объ общемъ политическомъ положеніи и его грозныхъ перспективахъ. Мнѣ пришлось значительно расширить рамки сужденій, потому что, кромѣ событій на Балканахъ, я видѣлъ и другой грозный призракъ въ нашихъ работахъ по подготовкѣ будущаго торговаго договора съ Германіей и въ томъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ Германіи. Мнѣ сталъ извѣстенъ, посланный безъ вѣдома

Совѣта Министровъ, Главноуправляющимъ Земледѣлія Кривошеинымъ циркуляръ земствамъ съ запросомъ о ихъ взглядахъ на желательныя измѣненія въ Русско-Германскомъ Торговомъ Договорѣ, съ такою явно враждебною Германіи тенденціею, что я не могъ не высказать открыто, что такія выступленія не приведутъ къ добру. Я не разъ уже говорилъ моимъ коллегамъ по Совѣту, какъ при жизни Столыпина, такъ и послѣ его кончины, что мы ведемъ наши приготовленія къ пересмотру торговаго договора крайне неумѣло, слишкомъ много шумимъ, собираемъ всякія совѣщанія и комиссіи; разговоры наши, не принося реальной пользы, постоянно просачиваются въ печать и доходятъ, конечно, куда не слѣдуетъ, а въ то же время Германія молчаливо и подъ шумокъ почти довела свои дѣла до конца и предъявитъ намъ, въ свою пору, строго обдуманныя требованія.

На этотъ разъ я связалъ этотъ вопросъ съ совѣщаніемъ у Государя и опять выяснилъ мою, всѣмъ извѣстную точку зрѣнія на крайнюю опасность нашего положенія и на то, что наша неготовность къ войнѣ и плохое состояніе всей нашей военной организаціи заставляютъ насъ не шумѣть и бряцать оружіемъ, а быть особенно осторожными и сдержанными.

Мои слова вызвали цѣлую бурю репликъ. Сухомлиновъ сталъ доказывать прекрасное состояніе арміи и колоссальные успѣхи, достигнутые въ дѣлѣ ея оборудованія. Кривошеинъ повелъ обычную для насъ рѣчь о необходимости больше вѣрить въ русскій народъ и его исконную любовь къ родинѣ, которая выше всякой случайной подготовленности или неподготовленности къ войнѣ, и на мое неудовольствіе ходомъ работъ по пересмотру торгового договора съ Германіей отозвался съ большимъ жаромъ, что «довольно Россіи пресмыкаться передъ нѣмцами и довольно выпрашивать униженно всякой мелкой уступки въ обмѣнъ на прямое пренебреженіе нашими народными интересами», говоря этимъ самымъ, что именно я слишкомъ заискиваю передъ Германіей, «дрожа надъ колебаніями биржевого курса».

Кривошеина рѣзко поддерживалъ Рухловъ, ссылаясь на то, что я мало ѣзжу по Россіи, мало убѣждаюсь лично въ томъ колоссальномъ ростѣ народнаго богатства, который незамѣтенъ только здѣсь въ Петербургѣ, и, въ особенности, если мало соприкасаешься съ народною крестьянскою массою, которая теперь не та, что была въ Японскую войну, и лучше насъ понимаетъ необходимость освободиться отъ иностраннаго вліянія.

Даже Тимашевъ, обычно всегда поддерживавшій меня, не отставалъ отъ другихъ и говорилъ о необходимости упорно «от-

стаивать наши насущные интересы и не бояться призрака войны, который болѣе страшенъ издалека, чѣмъ на самомъ дѣлѣ». Другіе Министры молчали. Молчалъ и Сазоновъ, сказавши только «все-таки нельзя задирать, а нужно принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы не сыграть въ руку нашимъ противникамъ».

Этотъ споръ, какъ и многіе другіе, кончился ничѣмъ, и я сказалъ только подъ конецъ, что наши взгляды слишкомъ различны, потому что мы понимаемъ совершенно иначе слова «патріотизмъ» и «любовь къ родинѣ». Большинство Министровъ противопоставляютъ моимъ реальнымъ аргументамъ одну вѣру въ народную мощь, а я открыто считаю, что война есть величайшее бѣдствіе и истинная катастрофа для Россіи, потому что мы противоставимъ нашимъ врагамъ, вооруженнымъ до зубовъ, армію, плохо снабженную и руководимую неподготовленными вождями. На этомъ кончилось засѣданіе, и Министры, «патріотически» настроенные, сбились въ тѣсную кучу, видимо, обсуждая между собою мое «непатріотическое» настроеніе. Она составлялась всегда изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: покойныхъ Рухлова, Щегловитова, умершаго уже въ изгнаніи Кривошеина и впослѣдствіи Маклакова.

Всѣ подобныя разсужденія въ Совѣтѣ Министровъ были для меня крайне тягостны. Они ясно указывали на мою изолированность и даже на мою полную безпомощность. Номинально я считался главою правительства, руководителемъ всей его дѣятельности, отвѣтчикомъ за нее передъ общественнымъ мнѣніемъ, а на самомъ дѣлѣ, одна часть Министровъ была глубоко безразлична ко всему, что происходило кругомъ, а другая вела явно враждебную мнѣ политику и постепенно расшатывала мое положеніе. Эта часть Министровъ имѣла на своей сторонѣ въ сущности и Государя. И не потому, что Государь былъ агрессивенъ. По существу своему Онъ былъ глубоко миролюбивъ, но Ему нравилось повышенное настроеніе Министровъ націоналистическаго пошиба. Его болѣе удовлетворяли ихъ хвалебныя пѣснопѣнія на тему о безграничной преданности Ему народа, его несокрушимой мощи, колоссальнаго подъема его благосостоянія, нуждающагося только въ болѣе широкомъ отпускѣ денегъ на производительныя надобности. Нравились также и завѣренія о томъ, что Германія только стращаетъ своими приготовленіями и никогда не рѣшится на вооруженное столкновеніе съ нами и будетъ тѣмъ болѣе уступчива, чѣмъ яснѣе дадимъ мы ей понять, что мы не страшимся ея и смѣло идемъ по своей національной дорогѣ.

Аргументы этого рода часто охотно выслушивались Государемъ и находили сочувственный откликъ въ его душѣ, а моя осторожная политика признавалась одними за мою личную трусость, а другими и самимъ Государемъ — просто профессіональною тактикою Министра Финансовъ, опасающагося разстроить финансовое благополучіе страны.

По мѣрѣ того, что тучи сгущались на Балканахъ, а у насъ росло и крѣпло описанное настроеніе въ нѣкоторыхъ кругахъ, а среди Министровъ и еще болѣе выяснялось оппозиціонное настроеніе ко мнѣ, — я все чаще и чаще заговаривалъ съ Государемъ о крайней трудности для меня вести дѣло общаго управленія безъ открытой солидарности во взглядахъ и при явномъ отрицательномъ ко мнѣ отношеніи цѣлаго ряда Министровъ.

Мои обращенія къ Государю не могли быть, конечно, Ему пріятны. Никогда не выражая мнѣ прямого своего недовольства, Онъ, видимо, не хотѣлъ допускать никакихъ перемѣнъ въ Совѣтѣ и всегда сводилъ свою бесѣду со мною на то, что Онъ всегда и во всемъ поддерживаетъ меня, что Министры это прекрасно знаютъ, что я пользуюсь Его полнымъ довѣріемъ, и что мнѣ не слѣдуетъ обращать большого вниманія на разницу во взглядахъ.

Для меня было ясно, что постоянные намеки Мещерскаго на то, что подборъ Министровъ по вкусу и выбору Предсѣдателя Совѣта Министровъ противорѣчитъ нашему государственному строю и ведетъ только «черезъ Великій Визиратъ» по его терминологіи, къ ненавистному для него парламентаризму, глубоко запали въ душу Государя, и что Онъ просто не можетъ разставаться съ такими своими сотрудниками, какъ консервативный, предоставляющій политику «крѣпкой власти» Кассо или Министръ самородокъ, вышедшій изъ нѣдръ русскаго крестьянства и поддерживаемый Союзомъ Русскаго Народа и «Новымъ Временемъ», Рухловъ, или чрезвычайно удобный въ толкованіи закона и весьма склонный подчинять юстицію политикѣ Щегловитовъ и въ особенности, пользовавшійся въ ту пору самымъ большимъ вниманіемъ Государя—Кривошеинъ, умѣвшій льстить Ему и поддерживавшій одно время связи съ консервативными придворными кругами и постоянно заигрывавшій съ земствами, и съ членами Государственной Думы, и съ печатью.

Не разъ ставилъ я себѣ, уже въ эту печальную пору моего предсѣдательствованія въ Совѣтѣ Министровъ, вопросъ о необходимости просить Государя уволить меня, если Онъ не сочувствуетъ крупной перемѣнѣ въ составѣ Министровъ. И ни разу у меня недоставала на это мужества. Быть можетъ въ этомъ сказывалась

моя слабость характера — не знаю, но мнѣ просто претила мысль поставить такой вопросъ ребромъ передъ Государемъ, заставить Его выбирать между мною и другими Министрами, создать для Него, всегда ласковаго и привѣтливаго, довѣрчиваго ко мнѣ, серьезное затрудненіе. Меня удерживало отъ этого шага сознаніе также и того, что я все же еще сдерживаю извѣстное направленіе нашей внутренней политики и поддерживаю осторожность — во внѣшней; что послѣ меня станетъ хуже и получатъ преобладаніе именно тѣ инстинкты, которые казались наиболѣе опасными.

Во всякомъ случаѣ, могу сказать и теперь, много лѣтъ спустя, что эгоистической мысли у меня никогда не было, и я ни на одну минуту не цѣплялся за власть и не старался сохранить ее, во имя какихъ-либо личныхъ цѣлей, а тѣмъ болѣе ея мишурнаго блеска, которымъ я и не пользовался.

Какъ бы то ни было, но и теперь, когда все разрушено, когда попрано въ грязь все, чему я служилъ и поклонялся, и погибло безвозвратно все то, что я, если и не создалъ, то успѣлъ поддержать, я ни одну минуту не сожалѣю о томъ, какъ я поступилъ, дотянувъ мою лямку до той минуты, когда ее съ меня сняли.

Послѣ описанныхъ эпизодовъ, конецъ 1912 года ушелъ весь на весьма утомительныя и не приносившія реальной пользы сношенія съ новою Думою.

Собравшись 1-го ноября, она все никакъ не могла сорганизоваться и приступить къ работамъ. Причина этому заключалась въ результатахъ выборовъ.

Они дали безспорный перевѣсъ умѣреннымъ элементамъ надъ оппозиціонными, но во взаимныхъ отношеніяхъ партій между собою и во всемъ внутреннемъ составѣ каждой изъ нихъ сразу была замѣтна большая неустойчивость и стремленіе ставить свое преобладаніе надъ другими и присвоеніе себѣ руководящей роли въ новой Думѣ, — выше общей организаціи, основанной на взаимномъ соглашеніи между собою.

Когда члены новой Думы собрались въ Петербургѣ, между многими изъ нихъ и мною установились вначалѣ какія-то странныя отношенія. Съ большинствомъ изъ нихъ я былъ лично знакомъ и съ весьма многими, перешедшими изъ Думы 3-го созыва, у меня были положительно самыя добрыя отношенія. Но ко мнѣ они заходили какъ-то украдкою и все болѣе въ порядкѣ освѣдомленія о разныхъ злободневныхъ вопросахъ. Каждый приносилъ полунамеками разныя вѣсти относительно внутрен-

9*

няго среди нихъ броженія, и было ясно замѣтно, что въ ихъ собственной средѣ происходила большая неразбериха.

Оппозиція ко мнѣ конечно не появлялась, но все, что было правѣе кадетовъ, видимо, не знало на какой ногѣ танцовать. Родзянко, всегда наружно выражавшій большія симпатіи ко мнѣ, лично вовсе не появлялся, а болѣе откровенные и разговорчивые его спутники, какъ напримѣръ тотъ же Московскій депутатъ Шубинскій, навѣщавшій меня довольно часто, выражался не обинуясь, что онъ просто боится «скомпрометировать» выборы свои въ Предсѣдатели Думы, ставши открыто въ близкія отношенія къ Предсѣдателю Совѣта.

Націоналисты, возглавляемые Петромъ Николаевичемъ Балашевымъ, всегда считавшимъ себя весьма тонкимъ политикомъ, подсылали ко мнѣ разныхъ второстепенныхъ посланцевъ, давая понять, что они ждутъ прямого приглашенія отъ меня, для того, чтобы установить близкія отношенія, сами же не рѣшаются идти навстрѣчу, т. к. считаютъ, что при ихъ численномъ перевѣсѣ не Магометъ долженъ идти къ горѣ, — а гора къ Магомету. До меня доходили даже слухи, что Балашевъ мечтаетъ быть Предсѣдателемъ Думы и положительно ждетъ авансовъ съ моей стороны.

Быть можетъ, что я и тутъ не проявилъ въ эту пору необходимой гибкости и не сумѣлъ, какъ мнѣ говорили потомъ, взять Думу въ свои руки, какъ это сдѣлалъ бы, вѣроятно, покойный Столыпинъ. Объ этомъ мнѣ трудно судить. Но я занялъ дѣйствительно выжидательное положеніе, никого къ себѣ не звалъ, ни въ какія интриги не входилъ, а просто ждалъ пока Дума перебродитъ свои неустойчивыя вожделѣнія и сумѣетъ сорганизоваться.

Думаю, что я поступилъ правильно, тѣмъ болѣе, что ни на кого въ этой Думѣ полагаться было невозможно, потому что вначалѣ всѣмъ хотѣлось власти, вліянія, авансовъ со стороны правительства и никто, въ свою очередь, хорошенько не зналъ, кто чего хочетъ. О лѣвыхъ говорить не приходится. Рядомъ съ кадетами народились кадеты второго сорта, въ лицѣ партіи прогрессистовъ, возглавляемой Ефремовымъ и Коноваловымъ. Тѣ и другіе считали ниже своего достоинства — разговаривать съ правительствомъ внѣ чисто официальныхъ отношеній. Октябристы побаивались засилія націоналистовъ и будировали за понесенныя ими утраты въ лицѣ Гучкова, Каменскаго, Глѣбова и другихъ, а націоналисты заняли сразу, по отношенію ко мнѣ, отрицательное положеніе и въ ихъ средѣ, съ первыхъ же дней, стало замѣтно вліяніе

Кіевскаго депутата Савенко и его пріятеля, болѣе сдержаннаго и дѣловитаго, нежели онъ, — Демченко, которые сразу вошли въ близкія отношенія съ Рухловымъ и Кривошеинымъ и не обинуясь говорили въ кулуарахъ, — а все это тотчасъ доходило до меня, — что они поведутъ противъ меня кампанію и дѣйствительно начали ее, съ первыхъ же дней работы Государственной Думы, внеся предложеніе о выкупѣ въ казну предпріятія Кіево-Воронежской желѣзной дороги. Правые совсѣмъ забыли дорогу ко мнѣ. Ихъ руководители Марковъ 2-ой и Пуришкевичъ не могли, конечно, простить мнѣ отказа въ субсидіи въ миллюнъ рублей на ихъ выборную кампанію. Они нашли себѣ сильную поддержку въ лицѣ бывшаго Нижегородскаго Губернатора Хвостова впослѣдствіи печальной памяти, Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1915-го года, искупившаго свои вольныя и невольныя прегрѣшенія своею смертью въ Москвѣ лѣтомъ 1918 года, который конечно хорошо зналъ, что именно я былъ виновникомъ того, что онъ не былъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ сентябрѣ 1911 года, послѣ кончины Столыпина.

Такимъ образомъ, отношенія между мною и Думою 4-го созыва сразу установились дѣйствительно очень странныя — наружно привѣтливыя и корректныя, внутренно и по существу — весьма холодныя и безразличныя, а часто просто безпричинно враждебныя.

Это рѣзко проявилось на первыхъ же порахъ въ обсужденіи такъ называемой правительственной деклараціи. Я готовилъ ее съ большимъ вниманіемъ. Немалаго труда стоило мнѣ согласить всѣхъ Министровъ между собой. Не такъ просто было и съ Государемъ, которому просто не нравилось самое понятіе о «деклараціи», напоминающей западно-европейскіе парламенты и носящей, по Его словамъ, какъ бы характеръ отчета правительства передъ Думою.

Я старался внести въ нее возможно умѣренныя ноты, не ставя никакихъ рѣзкихъ принципіальныхъ вопросовъ, а развивалъ вообще мысли о необходимости мира внѣшняго и внутренняго, во имя преуспѣянія родины; говорилъ о широкомъ и дружномъ сотрудничествѣ съ народнымъ представительствомъ. Въ частности, вопросу о балканскихъ событіяхъ, роли въ нихъ Россіи, ея миролюбіи и желаніи идти навстрѣчу мирнаго разрѣшенія кризиса, я посвятилъ вмѣстѣ съ Сазоновымъ, много прочувствованныхъ страницъ. У меня сохранился текстъ этой деклараціи и съ нею вмѣстѣ — случайно попавшее мнѣ въ руки, уже

въ эмиграціи, фотографическое изображеніе этого засѣданія Государственной Думы.

На западѣ пресса почти всѣхъ странъ встрѣтила эту декларацію очень сочувственно. Я получилъ рядъ писемъ и телеграммъ отъ разныхъ политическихъ дѣятелей въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Русская же печать отнеслась большею частью или безразлично или даже враждебно. «Новое Время» не пропустило случая сдѣлать рядъ обычныхъ личныхъ выпадовъ.

Въ Думѣ произошло тоже нѣчто необычное. Вся лѣвая половина вела себя совершенно сдержанно и прилично, если не считать ея заявленія о томъ, что за хорошими словами и здоровыми мыслями часто слѣдуютъ совсѣмъ не хорошія дѣйствія и мало похвальные поступки. Октябристы почти ничего не сказали, но усиленно апплодировали мнѣ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ моей рѣчи. Правые отъ нихъ не отставали, и съ внѣшней стороны я имѣлъ, повидимому, большой успѣхъ, какъ это видно изъ стенограммы.

Но когда начались пренія, то самыя большія рѣзкости полились со стороны націоналистовъ, дошедшихъ, въ лицѣ Савенко, до прямыхъ нападеній на меня за недостаточную поддержку мною національныхъ требованій и за полное забвеніе завѣтовъ Столыпина. Не отставали отъ нихъ и нѣкоторые правые, которые дали волю своему личному настроенію, и всѣмъ стало ясно, что все правое крыло поставило себѣ задачею затруднять мое положеніе.

Всего болѣе страннымъ было то, что рядомъ со мною въ Совѣтѣ Министровъ половина членовъ были на сторонѣ моихъ противниковъ — Рухловъ, Кривошеинъ, Щегловитовъ и только что назначенный Министромъ Внутреннихъ дѣлъ — Маклаковъ, и ихъ имена недвусмысленно выдвигались моими оппонентами, какъ явно сочувствующіе имъ; цѣлый рядъ неопровержимыхъ свѣдѣній указывалъ мнѣ, что они были въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ.

Мнѣ пришлось, разумѣется, разъяснить это и Государю, доложивъ Ему о крайней ненормальности такого положенія власти, при которомъ нападки на правительство идутъ со стороны тѣхъ, кто долженъ былъ бы поддерживать его и кто ставитъ девизомъ своей дѣятельности — охрану монархическихъ устоевъ и силу и неприкосновенность прерогативъ Верховной власти.

Я опять, не знаю уже въ который разъ, пояснилъ Государю, что очевидно я не гожусь, и что всего лучше пожертвовать мною

и укрѣпить власть болѣе однороднымъ и сплоченнымъ между собою подборомъ ея представителей. Если же Государь не хочетъ отпустить меня, то я прошу Его разрѣшить мнѣ найти сотрудниковъ, помогающихъ мнѣ, а не ведущихъ двойную игру — открыто соглашающихся со мною, а за моей спиною — ведущихъ, на общій соблазнъ, недвусмысленную интригу противъ меня и явно поощряющихъ думскія партіи на самыя недвусмысленныя выходки противъ меня.

Государь и на этотъ разъ успокоилъ меня, что я служу Ему, а не Думѣ, что я Ему нуженъ, и Онъ дорожитъ мною, и что я напрасно придаю такое значеніе закулиснымъ дѣйствіямъ Министровъ, которыя, вѣроятно, раздуваются разными глашатаями очередныхъ новостей.

Онъ закончилъ эту нашу бесѣду опять самымъ ласковымъ обращеніемъ: «нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ, будемте вмѣстѣ работать. Я Васъ не могу отпустить и не хочу никѣмъ замѣнять Васъ».

Быть можетъ и на этотъ разъ, я былъ виноватъ новымъ проявленіемъ моей уступчивости Государю, моей, такъ называемой слабостью характера. Мнѣ слѣдовало, быть можетъ, проявить большую настойчивость, поставить рѣшительно вопросъ — или о моей отставкѣ или о крупныхъ перемѣнахъ среди Министровъ, съ удаленіемъ большой части изъ нихъ. На это у меня не было недостатка въ рѣшимости, но моя совѣсть не позволяла мнѣ затруднять Государя моимъ личнымъ вопросомъ. Впрочемъ, я ясно видѣлъ какъ тогда, такъ и теперь, спустя много лѣтъ, что я не добился бы смѣны Министровъ, а достигъ бы только личной выгоды — ушелъ бы съ честью съ непосильнаго поста и сохранилъ бы больше своего достоинства, чѣмъ мнѣ пришлось сохранить его, дождавшись, спустя 13 мѣсяцевъ, того, что не я ушелъ, а меня уволили.

И опять я скажу по этому поводу, какъ говорилъ уже не разъ, что я нисколько не сожалѣю о моей кажущейся слабости. Мнѣ не хотѣлось огорчать Государя, который проявлялъ всегда столько доброты и ласки ко мнѣ, и еще того больше — мнѣ не хотѣлось до послѣдней возможности покидать то вліяніе на общій ходъ дѣлъ, которымъ, я думалъ, что я приношу пользу родинѣ

Къ этому времени — концу 1912-го года — началу работъ Государственной Думы 4-го созыва относится одно дѣло, эпизодическое само по себѣ, но чрезвычайно характерное для того времени, когда оно разыгралось, и для тѣхъ людей, которые участвовали въ его разрѣшеніи.

Болѣе трехъ лѣтъ тянулось передъ тѣмъ разсмотрѣніе вопроса о новомъ соглашеніи между казною и обществомъ Кіево-Воронежской желѣзной дороги.

Во главѣ общества стоялъ мой покойный братъ и лучшій мой другъ — Василій Николаевичъ. Не своею волею попалъ онъ на это мѣсто, и никакого вліянія въ этомъ съ моей стороны не было. Его убѣдилъ принять это мѣсто Графъ Витте, въ ту пору, когда онъ былъ всемогущъ, и сдѣлалъ это съ исключительною цѣлью исправить дѣла общества, совершенно разстроенныя неправильною политикою правленія прежняго состава. Витте хорошо зналъ моего брата, высоко цѣнилъ его неподкупную честность, его удивительное безкорыстіе, рѣдкое и въ ту пору, когда люди были честнѣе и разборчивѣе въ средствахъ, нежели потомъ, во время войны и, въ особенности, съ момента революціи. Всякій, кто только близко зналъ этого истиннаго рыцаря чести и неподкупности, отдавалъ ему всегда должное за то, что у него никогда не было иного интереса, кромѣ интереса того дѣла, которому онъ служилъ. Онъ ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ своего дѣтища, и казался въ обществѣ скучнымъ и безсодержательнымъ, пока кто-либо не затрагивалъ того, что владѣло всей его душой — его любимаго желѣзнодорожнаго предпріятія.

Для него вопросъ о существованіи общества Кіево-Воронежской дороги былъ, въ прямомъ смыслѣ слова, вопросомъ жизни и смерти. Онъ не понималъ себя иначе, какъ во главѣ любимаго дѣла, отождествлялъ себя съ нимъ и не допускалъ для себя никакого иного призванія. У него была одна цѣль — сохранить общества, расширить его, распространить его вліяніе на новые районы, улучшить его во всѣхъ отношеніяхъ и проявить при этомъ самую широкую готовность идти навстрѣчу интересамъ государства, лишь бы только оно не требовало поглощенія общества. Ему было ясно до очевидности, что поддерживая частное желѣзнодорожное строительство, я вынужденъ былъ быть особенно требовательнымъ къ его обществу, чтобы не дать самаго отдаленнаго повода упрекать меня въ томъ, что я иду на какія-либо уступки въ пользу этого предпріятія, во главѣ котораго стоитъ мой другъ и братъ.

Мы легко нашли съ нимъ нашу общую точку зрѣнія, и онъ, самымъ открытымъ и благороднымъ образомъ, шелъ навстрѣчу поставленнымъ мною, тремъ принципіальнымъ требованіямъ: 1) продленіе концессіи будетъ допущено на самый короткій срокъ — не свыше 12-ти лѣтъ, не стѣсняя государства въ его будущихъ распоряженіяхъ, 2) оно будетъ сопровождаться требованіемъ вы-

строить рядъ новыхъ вѣтвей хотя бы и убыточныхъ на первое время для старыхъ линій Общества, но необходимыхъ для районовъ, не обслуженныхъ существующей рельсовой сѣтью, и, одновременно, крупнымъ улучшеніемъ всего оборудованія старыхъ линій Общества и 3) Общество должно будетъ отдать въ пользу государства не менѣе 80% своего чистаго дохода, превышающаго 8% на акціонерный капиталъ, и исправить въ сторону выгодности для казны всѣ неясности и спорныя положенія своего устава.

Эти основныя требованія были настолько очевидно выгодны для Правительства, что можно было разсчитывать на быстрое и благопріятное разрѣшеніе всего дѣла. На самомъ дѣлѣ вышло совершенно иначе. Между мною и Государственнымъ Контролеромъ Харитоновымъ установилось, съ самаго начала, полное единство взглядовъ и между нами не было ни малѣйшихъ споровъ и несогласій.

Но съ Министерствомъ Путей Сообщенія и лично съ его главою С. В. Рухловымъ установились съ самаго начала вступленія его въ должность Министра, въ февралѣ 1910 года — самыя рѣзкія несогласія. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ поборникомъ перехода всѣхъ существующихъ крупныхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, по мѣрѣ наступленія сроковъ выкупа, не стѣсняясь никакими финансовыми соображеніями, и далъ своимъ представителямъ въ комиссіи о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ самыя опредѣленныя указанія — держаться этой точки зрѣнія.

Наряду съ казенными дорогами, онъ покровительствовалъ возникновенію многочисленнымъ новымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ съ ограниченнымъ райономъ дѣятельности, хотя бы съ взаимно перекрещивающимися интересами и, со свойственной ему энергіей, настойчивостью и даже упрямствомъ, проводилъ свои взгляды, нисколько не смущаясь тѣмъ, что пріисканіе капиталовъ такими слабосильными обществами и реализаціи на міровомъ рынкѣ облигаціонныхъ займовъ многихъ, мало извѣстныхъ обществъ, была сопряжена съ величайшими затрудненіями. Вообще, въ финансовыхъ вопросахъ покойный Рухловъ проводилъ самые невѣроятные взгляды, до увлеченія широкимъ развитіемъ бумажнаго денежнаго обращенія и создавалъ мнѣ на каждомъ шагу немалыя затрудненія.

Его завѣтною мечтою было всегда — занять постъ Министра Финансовъ и примѣнить на дѣлѣ свои теоріи, но судьба не дала ему этого удовлетворенія, несмотря на то, что немало было лицъ, которыя вѣрили его теоріямъ и недвусмысленно помогали ему прославленіемъ его талантовъ.

Безконечно тянулось время по выработкѣ основаній для новаго соглашенія съ обществомъ Кіево-Воронежской дороги. Одновременно съ этимъ и съ неменьшими треніями шли дѣла по выкупу или по новымъ соглашеніямъ съ Московско-Казанскою и Владикавказскою желѣзными дорогами. Каждое засѣданіе комиссіи о новыхъ дорогахъ заканчивалось разногласіями съ представителями Министерства Путей Сообщенія, а они требовали по закону моего сношенія съ Министромъ Путей Сообщенія и Государственнымъ Контролеромъ, и часто проходили мѣсяцы, что отъ перваго изъ нихъ нельзя было получить никакого отвѣта.

Отношенія все болѣе и болѣе запутывались и обострялись и мнѣ не разъ приходилось, еще при жизни Столыпина, вносить дѣло въ Совѣтъ и просить послѣдній разобрать насъ и сдвинуть его съ мертвой точки. Правда, я избѣгалъ дѣлать это собственно по Кіево-Воронежской дорогѣ, чтобы не обострять отношеній по вопросу, такъ близко затрагивающему мои сердечныя отношенія къ самому близкому мнѣ человѣку — моему брату. Мнѣ больно говорить объ этомъ теперь, когда Рухлова нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и когда онъ закончилъ свою жизнь поистинѣ мученическою кончиною, но мнѣ было въ ту пору ясно, что Министерство Путей Сообщенія ведетъ умышленно свою обструкціонную политику, въ особенности, по этой дорогѣ, зная, что я не рѣшусь поставить вопроса рѣзкимъ образомъ изъ-за дѣла, имѣвшаго личный характеръ, но сознавая также, что своимъ отношеніемъ онъ причиняетъ мнѣ особенно чувствительную непріятность.

По остальнымъ двумъ крупнымъ дѣламъ — Московско-Казанскому и Владикавказскому — я дѣйствовалъ проще и смѣлѣе: внесъ ихъ на рѣшеніе Совѣта Министровъ и получилъ тамъ подавляющее большинство голосовъ. Съ Министромъ Путей Сообщенія голосовали только Маклаковъ, Щегловитовъ и Кассо.

Государь всталъ на мою точку зрѣнія, раздѣленную большинствомъ, несмотря на то, что Рухловъ предпринялъ особыя мѣры къ тому, чтобы подготовить Государя къ противоположному взгляду.

Офиціально правительство стояло за соглашеніе съ обществомъ на продленіе концессіи, и открытаго разногласія въ средѣ правительства не было; фактически же дѣло было не закончено и продолжались безконечныя перепирательства и оттяжки.

Едва Дума новаго созыва успѣла устроиться, переварить свой тяжелый предсѣдательскій кризисъ и начать текущую работу, какъ на ея разсмотрѣніе поступило законодательное предположеніе, подписанное значительнымъ количествомъ членовъ

(около 100) о выкупѣ въ казну всего предпріятія Кіево-Воронежской желѣзной дороги. Инициаторами были націоналисты Демченко и Савенко, сближеніе съ которыми Рухлова не составляло ни для кого тайны, а самое изложеніе предположеній составляло дословное повтореніе мнѣній представителей Министерства Путей Сообщенія въ комиссіи о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Прочитавши эти предложенія, я позвонилъ по телефону къ Рухлову и спросилъ его, знаетъ ли онъ объ этомъ обстоятельствѣ и какъ относится къ нему? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что ничего объ этомъ не знаетъ, ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ объ этомъ вопросѣ и на вопросъ мой объ его отношеніи по существу сказалъ, что, хотя онъ вполнѣ сочувствуетъ такому направленію дѣла, но считаетъ, что правительство связано своимъ предыдущимъ отношеніемъ къ вопросу и переговорами съ обществомъ, принявшимъ всѣ требованія правительства, и потому онъ не станетъ болѣе поддерживать взгляда Думы, но находитъ только, что лично ему выступать не слѣдуетъ, т. к. всѣ знаютъ сочувствіе его идеѣ выкупа дорогъ въ казну, и слѣдуетъ это сдѣлать мнѣ, какъ исповѣдующему противоположный взглядъ.

Я предупредилъ его въ концѣ бесѣды, что внесу немедленно этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ и считаю, что пора положить предѣлъ всѣмъ безконечнымъ препирательствамъ и той волокитѣ, которая просто недостойна правительства.

Черезъ нѣсколько дней я такъ и поступилъ: внесъ это дѣло въ Совѣтъ. Совѣтъ отнесся совершенно спокойно къ этому вопросу. Рухловъ промолчалъ, Государственный Контролеръ Харитоновъ опредѣленно заявилъ о своемъ несочувствіи думскому предположенію и о необходимости поддержать точку зрѣнія правительства. Я развилъ исключительно финансовую сторону вопроса и предпочтительность не тратить казенныхъ денегъ тамъ, гдѣ можно привлечь частные капиталы, и рѣшеніе Совѣта сложилось единогласно противъ предположенія Думы.

Это нисколько не помѣшало, однако, Думѣ черезъ три недѣли провести свою точку зрѣнія подавляющимъ большинствомъ голосовъ противъ взгляда правительства и противъ своего собственнаго докладчика — авторитетнаго инженера Маркова I-го. Я нарочно не поѣхалъ самъ въ Думу, чтобы не дать повода къ личнымъ выходкамъ, и меня замѣнилъ мой Товарищъ С. Ѳ. Веберъ. Его никто не слушалъ, какъ не обратилъ никто вниманія на чрезвычайно вѣскія возраженія докладчика Маркова I-го, и предложеніе о выкупѣ въ казну всего предпріятія Кіево-Воронеж-

ской дороги прошло подавляющимъ большинствомъ голосовъ, чуть ли не $3/4$ Думы.

Каждый голосовалъ подъ вліяніемъ своихъ соображеній: правые и націоналисты просто чтобъ насолить мнѣ, зная прекрасно и открыто говоря о томъ, что я дѣйствую просто въ пользу моего родного брата, и намекая даже на то, что я заинтересованъ матеріально. Октябристы раскололись пополамъ. Кадеты — изъ принципіальной оппозиціи правительству, а лѣвые — по ихъ излюбленному соображенію о передачѣ въ руки государства всего желѣзнодорожнаго транспорта.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 25 іюня 1913 года, дѣло это перешло въ Государственный Совѣтъ, и тамъ я одержалъ крупную побѣду. Въ комиссіи повелъ было кампанію противъ меня мой бывшій подчиненный по Министерству Финансовъ А. П. Никольскій, поддержанный бывшимъ Кіевскимъ профессоромъ Пихно, но ихъ голоса скоро потонули въ общемъ рѣзко сочувственномъ отношеніи къ взглядамъ правительства, а въ Общемъ Собраніи я имѣлъ положительно большой успѣхъ; при голосованіи открытою баллотировкою (вставаніемъ), противъ меня было всего 4 голоса, и всѣ они съ правыхъ скамей.

Вышедшій изъ нѣдръ Государственной Думы проектъ былъ отклоненъ.

Черезъ недѣлю послѣ такого рѣшенія, все дѣло о новомъ соглашеніи съ Обществомъ Московско-Кіево-Воронежской дороги прошло единогласно въ Совѣтѣ Министровъ, было немедленно утверждено Государемъ, и всѣ интриги и шахматные ходы моихъ противниковъ, потребовавшіе почти 4-лѣтняго упорнаго труда и ненужныхъ преній, оказались совершенно напрасными.

Радости моего брата не было предѣла. Ознакомившись со всѣми документами по дѣлу, которыхъ не было раньше въ его рукахъ, онъ былъ ошеломленъ тѣмъ, какую массу непріятностей пришлось мнѣ пережить изъ-за дѣла, въ которомъ было замѣшано его имя, и положительно онъ не зналъ чѣмъ и какъ выразить мнѣ свою благодарность. Черезъ два года его не стало. Большимъ моральнымъ облегченіемъ для меня въ минуту, когда у меня на глазахъ онъ скончался, было то, что онъ не лишился, до конца своихъ дней, возможности трудиться надъ любимымъ дѣломъ, что я избавилъ его отъ горькаго разочарованія и скрасилъ ему послѣдніе мѣсяцы жизни.

Что это былъ за человѣкъ, пусть послужитъ лучшимъ показателемъ такой фактъ: за сутки до кончины — онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ — почувствовавъ себя минутно лучше, онъ

всталъ съ постели, вопреки рѣшительному требованію врача, и сѣлъ за письменный столъ набрасывать свою рѣчь для Общаго Собранія своей любимой дороги, назначеннаго на слѣдующій день и на которомъ онъ все еще надѣялся присутствовать. Ему это не было суждено: когда всѣ собравшіеся акціонеры заняли мѣста, имъ сообщили по телефону, что ихъ Предсѣдателя не стало. Его чистая душа отошла въ вѣчность въ ту минуту, когда замѣстителемъ его произнесено было его имя, съ объясненіемъ тяжкаго недуга, навѣки отнявшаго отъ дѣла то сердце, которое билось всегда только по немъ...

Начало декабря 1912 года ознаменовалось новымъ инцидентомъ, быть можетъ, незначительнымъ самимъ по себѣ, но все же характернымъ для тѣхъ, кто былъ замѣшанъ въ его возникновеніи.

Подъ вечеръ 4-го декабря, за два дня до именинъ Государя, ко мнѣ позвонилъ по телефону военный Министръ Сухомлиновъ и своею обычною скороговоркою передалъ мнѣ, что онъ только что вернулся съ всеподданнѣйшаго доклада, на которомъ Государь передалъ ему подписанный Имъ Указъ Сенату о назначеніи Командира Гусарскаго полка Воейкова Главноуправляющимъ по дѣламъ физическаго развитія населенія. Сразу я хорошо не понималъ въ чемъ дѣло и только потомъ сообразилъ, что это новая попытка генерала Воейкова устроить себѣ видное служебное положеніе на почвѣ извѣстнаго въ то время увлеченія «потѣшными», т. е. нашими національными бой-скоутами, къ созданію которыхъ пристроились разные господа, старавшіеся выслужиться и угодить этимъ Государю. Не вполнѣ былъ въ этомъ невиновенъ и покойный Министръ Путей Сообщенія Рухловъ, рекламировавшій ту же организацію въ желѣзнодорожныхъ училищахъ.

Сухомлиновъ передалъ мнѣ, что Государь поручаетъ мнѣ контрасситновать этотъ указъ и опубликовать его непремѣнно 6-го декабря. Я объяснилъ тутъ же Сухомлинову, что ни въ какомъ случаѣ не скрѣплю моею подписью такого незаконнаго акта и совершенно отказываюсь понять, какъ онъ самъ не видитъ всей несообразности назначенія кого-либо на должность Главноуправляющаго несуществующимъ вѣдомствомъ. Я пояснилъ ему, что изъ-за этого можетъ только произойти величайшій скандалъ, потому что Сенатъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, откажется опубликовать такой указъ и поставитъ тѣмъ Государя и самого себя въ совершенно безвыходное положеніе. Я старался внушить Военному

Министру, что онъ обязанъ оберегать Государя отъ подобныхъ незаконныхъ дѣйствій и не только не поощрять Его случайныхъ желаній, но удерживать отъ всего, что можетъ вызвать противъ Него неудовольствіе, а тѣмъ болѣе всякія осложненія, и предложилъ ему завтра же поѣхать къ Государю и постараться отговорить Его отъ принятаго рѣшенія или, въ крайнемъ случаѣ, отложить его до моего очередного доклада, на которомъ я постараюсь доказать всю недопустимость такого акта.

Въ отвѣтъ на всѣ мои доводы я получилъ короткій отвѣтъ:

«Мы, военные, привыкли безпрекословно исполнять волю нашего Государя. Мы не имѣемъ права разсуждать, что правильно и что неправильно, и считаемъ, что Государь можетъ повелѣть все, что Ему угодно, и не наше дѣло разсуждать законно ли то или другое Его дѣйствіе. Все, что Государь дѣлаетъ, — все законно. Разъ, что Вы отказываетесь контрассигновать Указъ — я его подпишу и передамъ Вамъ, и отъ Васъ уже зависитъ дѣлать все, что Вамъ угодно».

Дѣйствительно, четверть часа спустя этотъ Указъ со скрѣпою Военнаго Министра былъ доставленъ мнѣ. Я немедленно поѣхалъ къ Министру Двора Фредериксу, на дочери котораго былъ женатъ Воейковъ, разсказалъ ему все, что произошло, разъяснилъ, какія послѣдствія неизбѣжно возникнутъ изъ этого инцидента, какъ обрушатся они на самого Фредерикса, котораго всѣ обвинятъ, конечно, въ желаніи помочь своему зятю занять «министерскій» постъ, хотя бы въ несуществующемъ министерствѣ.

Я зналъ, что требовать отъ него изложенія передъ Государемъ всѣхъ аргументовъ было трудно, и просилъ его только добиться одного—разрѣшенія Государя не опубликовывать Указъ въ день 6-го декабря, отложить окончательное Его распоряженіе на нѣсколько дней и дать мнѣ возможность лично доложить Ему все дѣло 7-го или 8-го числа, т. е. на слѣдующій день, дабы въ случаѣ моей неудачи этотъ указъ могъ быть напечатанъ въ видѣ дополненія къ приказу по военному вѣдомству.

Фредериксъ былъ сильно озадаченъ всѣмъ происшедшимъ. Его пугала перспектива отказа Сената распубликовать незаконный указъ, и еще того больше, возмущало неизбѣжное обвиненіе его самого въ участіи въ такой продѣлкѣ, о которой онъ не имѣлъ никакого понятія. Онъ предложилъ было вызвать Воейкова къ телефону и поручить ему самому немедленно явиться къ Государю и лично просить отмѣнить это распоряженіе, но я отговорилъ отъ этого безцѣльнаго шага и настоялъ на томъ, чтобы онъ взялъ на себя этотъ трудъ и, въ крайнемъ случаѣ, убѣдилъ Госу-

даря не настаивать временно на своемъ рѣшеніи, во имя устраненія несправедливыхъ нареканій на неповиннаго министра двора. Онъ обѣщалъ точно выполнить мое желаніе.

На слѣдующее утро, около 11 часовъ, Фредериксъ передалъ мнѣ по телефону изъ Царскаго по-французски: «Государь согласенъ повременить опубликованіемъ. Онъ ждетъ Васъ завтра въ 10 час. утра. Но я никогда еще не видѣлъ Его такимъ разгнѣваннымъ, какъ этотъ разъ. Вамъ будетъ очень трудно убѣдить Его. Онъ дважды повторилъ мнѣ: «Я не имѣю больше права дѣлать то, что нахожу полезнымъ, и это начинаетъ Мнѣ надоѣдать!»

Въ тотъ же день послѣ завтрака, многимъ Министрамъ пришлось быть въ Государственной Думѣ по поводу преній о правительственной деклараціи. Въ числѣ собравшихся были Рухловъ, Кривошеинъ, Саблеръ, Сухомлиновъ и Щегловитовъ; ожидалось прибытіе Сазонова.

Я передалъ собравшимся въ Министерскомъ павильонѣ въ Думѣ совершенно откровенно обо всемъ случившемся и, не стѣсняясь присутствіемъ Генерала Сухомлинова, сказалъ имъ, что ѣду завтра рано утромъ въ Царское и употреблю всѣ мои усилія къ тому, чтобы убѣдить Государя отмѣнить незаконное распоряженіе, а если не успѣю въ этомъ, то безповоротно подамъ прошеніе объ отставкѣ и буду настаивать на немедленномъ моемъ увольненіи, т. к. вижу все мое безсиліе бороться противъ ежедневныхъ интригъ и не желаю болѣе нести призрачной отвѣтственности за чужія дѣйствія.

Сухомлиновъ молчалъ и не проронилъ буквально ни одного слова. Кривошеинъ отвѣтилъ на мой разсказъ совершенно спокойно, что онъ ни на минутку не сомнѣвается въ успѣхѣ моей поѣздки къ Государю. Саблеръ старался всячески повліять на Сухомлинова въ томъ смыслѣ, чтобы онъ взялъ на себя — поправить то, что напутано имъ, и не ставить меня въ трудное положеніе и облекалъ свою рѣчь какъ всегда, въ очень мягкую и даже искательную форму.

Щегловитовъ не принималъ никакого участія въ бесѣдѣ, зато покойный Рухловъ едва сдерживалъ свое раздраженіе. Онъ обрушился на Военнаго Министра такими выраженіями, повидимому, совершенно искренняго раздраженія, что можно было ожидать каждую минуту самаго рѣзкаго столкновенія. Его рѣчь была испещрена самыми недвусмысленными обвиненіями.

«Какъ смѣете Вы наталкивать Государя на явно незаконныя дѣйствія? Вы достаточно умны, чтобы не понимать, насколько преступно для Министра поддерживать Государя, когда ясно вся-

кому, что нельзя назначить кого-либо на несуществующую должность. Вамъ мало того, что изъ-за Васъ Государь раздраженъ на Думу, и Дума видитъ на каждомъ шагу, что творятся нехорошія дѣла только потому, что Государь поддерживаетъ Васъ. Вамъ нужно теперь возстановить Государя и противъ Сената, который не можетъ исполнить Его указа. Вы жалуетесь чуть ли не каждый день Государю на то, что Министръ Финансовъ и Предсѣдатель Совѣта Министровъ мѣшаетъ Вамъ, а сами заставляете Предсѣдателя исправлять то, что Вы напутали, и этимъ достигаете, конечно, только одной цѣли — раздражаете Государя противъ него, давая понять, что изъ всѣхъ Министровъ онъ одинъ ослушивается Его воли и только Вы одинъ слѣпо повинуетесь ей» и т. д., все въ томъ родѣ.

Сухомлиновъ все время молчалъ и только подъ самый конецъ не выдержалъ и отвѣтилъ очень глупой рѣзкостью:

«Я не обязанъ знать всѣ гражданскія премудрости и разбираться въ законности желаній моего Государя. Для меня онѣ всѣ одинаково законны, и дѣло Предсѣдателя Совѣта доказывать Государю, что Онъ не правъ, и убѣждать Его отказаться отъ принятаго рѣшенія». — Продолжать препирательства было безполезно, и я закончилъ весь разговоръ, сказавши, что поѣду завтра къ Государю съ отставкою въ карманѣ и если не достигну отмѣны указа, то настою на увольненіи меня отъ обѣихъ моихъ должностей.

Такъ я и поступилъ; заготовилъ впередъ письмо къ Государю, составленное въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, припоминая въ немъ неоднократныя мои заявленія о непосильности для меня труда, если у меня нѣтъ твердой поддержки въ полномъ довѣріи моего Государя; указалъ и на то, что послѣдній случай съ указомъ о генералѣ Воейковѣ служитъ только подтвержденіемъ отсутствія этого необходимаго условія и просилъ въ заключеніе, сложить съ меня непосильное и, вѣроятно, неумѣло несенное мною бремя.

Я считалъ, однако, необходимымъ попытаться и тутъ найти какой-либо выходъ и предложить Государю какой-нибудь пріемлемый для Него способъ отказаться отъ принятаго Имъ рѣшенія и настоять на моей отставкѣ только въ случаѣ неуспѣха въ этой попыткѣ. Скажу по совѣсти, что и въ данномъ случаѣ я отнюдь не цѣплялся за власть, не думалъ о себѣ, а имѣлъ въ виду одну цѣль — оберечь Государя отъ неправильнаго рѣшенія. Оградить Его обостренное самолюбіе, и не открывать правительственнаго

кризиса въ такую минуту, когда весь міръ былъ напряженъ событіями на Балканахъ.

Такой компромиссный выходъ я нашелъ въ предложеніи Государю, отмѣнивши Его указъ, поручить тому же генералу Воейкову наблюденіе и руководство всѣмъ дѣломъ обученія военному строю и гимнастики во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ и облечь это порученіе въ форму Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго всѣмъ Министрамъ.

Встрѣтилъ меня Государь безъ видимаго раздраженія, но необычайно сдержанно и холодно. Первыя Его слова были:

«Я не понялъ, чего отъ Меня хочетъ нашъ добрый Фредериксъ, и потому согласился отложить опубликованіе указа о Воейковѣ до того, что Вы Мнѣ объясните, въ чемъ именно Я нарушилъ законъ».

Я привелъ всѣ заранѣе приготовленные аргументы и старался въ самой спокойной формѣ выяснить, что я не возражаю противъ возложенія на генерала Воейкова самыхъ широкихъ полномочій по части объединенія и руководства обученіемъ гимнастики и фронту въ школахъ; не буду даже возражать и противъ того, чтобы былъ выработанъ и внесенъ въ Думу законопроектъ по этому поводу, съ опредѣленнымъ штатомъ и кредитами на его содержаніе, хотя и увѣренъ, что Дума встрѣтитъ его враждебно, но нахожу, что нельзя назначать указомъ на должность несуществующую и предвижу заранѣе, что если бы даже Сенатъ распубликовалъ указъ, то однимъ этимъ была бы возстановлена Дума противъ самаго учрежденія, и генералъ Воейковъ очутился бы, въ лучшемъ случаѣ, одинъ безъ сотрудниковъ, безъ организаціи и безъ средствъ на ея содержаніе.

«Что же можно сдѣлать?» спросилъ меня Государь: «чтобы направить и у насъ то дѣло, которому весь міръ придаетъ теперь величайшее значеніе, и только мы одни идемъ позади всѣхъ?»

Я предложилъ придуманный мною компромиссъ. Государь внимательно прочиталъ мое изложеніе, взялъ перо, молча написалъ наверху «Исполнить», вынулъ изъ ящика подписанный Имъ указъ о Воейковѣ, зачеркнулъ карандашомъ свою подпись и передалъ мнѣ со словами: «Сохраните его у себя или просто уничтожьте».

Я взялъ этотъ указъ и долго хранилъ его у себя, среди немногихъ бумагъ моего частнаго архива.

Когда 30 іюня 1918 года у меня былъ произведенъ обыскъ, закончившійся моимъ арестомъ, этотъ указъ былъ отобранъ у

меня. Потомъ, черезъ 3 недѣли, возвращенъ со всѣми бумагами, до которыхъ большевистскіе комиссары видимо даже не дотронулись.

Цѣль моя была достигнута, мнѣ не было повода подавать моего письма объ отставкѣ, но мнѣ было ясно видно, что Государь недоволенъ мною, и Воейковъ, конечно, не забудетъ моего отношенія къ его сорвавшемуся назначенію.

Я прямо обратился къ Государю со словами:

«Я вижу, Ваше Величество, что Вы недовольны мною, и прошу Васъ прямо выразить мнѣ, чѣмъ заслужилъ я Ваше неудовольствіе. Я имѣю одну цѣль — оберегать Васъ отъ неправильныхъ дѣйствій отдѣльныхъ министровъ, откровенно докладываю Вамъ о томъ, и я хочу этимъ вѣрнѣе и честнѣе служить Вамъ, неужели думаютъ служить тѣ, кто молчаливо принимаютъ къ исполненію то, что неправильно и даже незаконно».

Государь долго молчалъ, всталъ изъ-за стола, подошелъ къ окну, отвернувшись отъ меня, затѣмъ нервно закурилъ папиросу, обошелъ кругомъ стола и замѣтивъ, что я собираюсь вынуть какую-то бумагу изъ моей папки, подошелъ ко мнѣ и протянувши руку, сказалъ:

«Да, Я былъ третьяго дня очень раздраженъ и думалъ сегодня сказать Вамъ, что Я не отмѣню указа, но Я вижу теперь, что Я былъ неправъ, а что правы Вы. Мнѣ это конечно непріятно, но не думайте, что Я сержусь на Васъ. Вы не могли поступить иначе. Я вѣрю, что Вами руководитъ только преданность Мнѣ, и сердечно благодарю Васъ. Забудьте Мое минутное неудовольствіе и вѣрьте, что Я очень цѣню Вашъ открытый образъ дѣйствій».

На этомъ мы разстались и весь этотъ инцидентъ формально канулъ въ вѣчность, но оставилъ послѣ себя, разумѣется, скрытое неудовольствіе Государя на меня и несомнѣнно сыгралъ, годъ спустя, свою роль въ томъ, что произошло въ январѣ 1914 года.

Послѣ этого эпизода въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ наступило временное затишье. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Макаровъ былъ уволенъ въ концѣ 1912-го года, его замѣнилъ Маклаковъ, на первыхъ порахъ не проявлявшій себя никакими выступленіями.

ГЛАВА VI.

Пожеланія Короля Черногорскаго и недовольство на меня его дочери Вел. Княгини Милицы Николаевны за отказъ поддержать ихъ передъ Государемъ.—Участіе мое въ вопросахъ иностранной политики. — Политическія настроенія въ окруженіи Государя. — Совѣщаніе у Государя о задуманномъ Сухомлиновымъ, безъ сношенія со мной, усиленіи въ спѣшномъ порядкѣ арміи. — Бюджетная рѣчь по росписи на 1913 годъ и пренія по ней. — Инцидентъ, вызванный выходкой Маркова 2-го. — Романовскія торжества. — Тревога во мнѣ, вызванная внѣшнимъ положеніемъ. — Отношеніе къ этому вопросу Государя. — Новое направленіе въ дѣлѣ финансированія частнаго желѣзнодорожнаго строительства и пріѣздъ въ Петербургъ Г. Вернейля. — Посѣщеніе меня генераломъ Жоффромъ.

Декабрь 1912 года, видимо, не хотѣлъ уступить мѣсто январю, идущему ему на смѣну, безъ того, чтобы къ только что описаннымъ происшествіямъ не присоединилось еще одно, столь же неожиданное, какъ и всѣ предыдущія.

Въ самый сочельникъ, 24 числа, около 12 часовъ дня, управляющій дворомъ Великаго Князя Петра Николаевича, баронъ Сталь передалъ мнѣ по телефону, что Великая Княгиня Милица Николаевна желаетъ меня видѣть непремѣнно сегодня по совершенно неотложному дѣлу и проситъ назначить ей часъ, наиболѣе для меня удобный.

Я предложилъ быть у нея въ половинѣ пятаго. Она приняла меня въ присутствіи ея мужа, и наша бесѣда продолжалась болѣе полутора часа, нося подчасъ весьма непріятный для меня характеръ.

Держа передъ глазами записку изъ письма ея отца, короля Черногорскаго, Великая Княгиня просила меня внимательно вы-

10*

слушать пожеланія ея родителя и передать ихъ Государю. По моей просьбѣ, она согласилась, подъ конецъ нашихъ объясненій, вручить мнѣ эту записку, т. к. я сказалъ ей, что я особенно дорожу тѣмъ, чтобы при сношеніи моемъ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и, въ особенности при докладѣ моемъ Государю, не могло быть сомнѣнія въ точности моей передачи, и чтобы при оцѣнкѣ конечнаго результата моего доклада личные мои взгляды были основаны на точномъ выраженіи пожеланій Короля Черногорскаго, представленныхъ ею черезъ меня. Милица Николаевна замѣтила мнѣ при этомъ, что никто и не станетъ сомнѣваться въ точности моего доклада, но главное значеніе, по ея мнѣнію, имѣетъ не столько точность передачи, сколько то мнѣніе, которое будетъ представлено на окончательное рѣшеніе Государя.

Прочтенная Великою Княгинею записка содержала въ себѣ четыре совершенно ясно формулированныя желанія Короля Черногорскаго, которыя я воспроизвожу по оставшейся у меня копіи, т. к. переданный мнѣ подлинникъ, написанный рукою Милицы Николаевны, переданъ былъ мною Сазонову, послѣ моего доклада Государю, въ первый же мой докладъ послѣ Рождественскихъ дней.

1. «Россія должна дать совершенно опредѣленныя указанія нашему Лондонскому послу не подписывать никакого соглашенія по ликвидаціи Балканскаго вопроса, если только Скутари не будетъ признано за Черногоріею».

Изложеніе этого пункта сопровождалось замѣткою, что «если это условіе не будетъ принято, Черногорія готова ринуться на Австрію и предпочитаетъ погибнуть въ неравномъ бою, лишь бы не лишиться плодовъ своихъ побѣдъ».

2. «Сѣверная граница Албаніи должна быть проведена такъ, чтобы Ипекъ и Дьяково отошли непремѣнно къ Черногоріи».

3. «Обѣщанная Государемъ помощь Черногоріи мукою и кукурузою должна быть послана какъ можно скорѣе, иначе будетъ поздно, и населеніе, лишенное продовольствія, вымретъ отъ голода».

4. «Черногорская артиллерія окончательно изношена, орудія болѣе непригодны къ бою, патроны разстрѣляны, и необходимо также немедленно послать три батареи изъ шести скорострѣльныхъ пушекъ новаго образца, каждая съ 1000 снарядовъ на каждое орудіе, а также выслать по 1000 снарядовъ на всѣ старыя орудія и 20 милліоновъ патроновъ для всѣхъ трехлинейныхъ винтовокъ, предоставленныхъ въ свое время Черногоріи».

По первому вопросу я пояснилъ Великой Княгинѣ, что предъявлять такое ультимативное требованіе черезъ нашего Лондонскаго посла совершенно недопустимо, т. к. это было бы равносильно полному уничтоженію того согласія, которое существуетъ до сихъ поръ между государствами, взявшими на себя тяжелый трудъ по разрѣшенію балканскаго вопроса, еще такъ недавно казавшагося всѣмъ почти безнадежнымъ.

Я собирался было подкрѣпить мою мысль приведеніемъ всѣхъ доказательствъ необходимости сохранить взаимное довѣріе между державами и не допустить разрушенія Лондонской конференціи пословъ, но былъ прерванъ Великою Княгинею рѣзкимъ замѣчаніемъ, почему же поступила Россія совершенно иначе въ отношеніи требованія Болгаріи и согласилась въ принципѣ передать ей Адріанополь?

Рѣзкость тона и даже гнѣвность, ясно звучавшая въ словахъ Милицы Николаевны, заставили меня было сказать, что мнѣ крайне непріятно выражать мое мнѣніе, несогласное съ ея взглядами, и я предпочитаю просто выслушать передаваемыя ею пожеланія короля Черногорскаго и доложить о нихъ Государю, тѣмъ болѣе, что окончательное рѣшеніе зависитъ отъ Его воли, по докладу Министра Иностранныхъ Дѣлъ, но она, видимо, сдержала свой гнѣвъ и просила меня, наоборотъ, высказать свое мнѣніе совершенно откровенно по всѣмъ вопросамъ, т. к. она тотчасъ напишетъ о нашемъ разговорѣ своему отцу, будучи заранѣе увѣрена, что мое мнѣніе совпадетъ съ мнѣніемъ Сазонова и будетъ, очевидно, принято Государемъ.

Я указалъ ей на существенную разницу между положеніемъ вопроса о признаніи, по настоянію Россіи, Скутари за Черногоріею и мнѣніемъ, высказаннымъ ею относительно правъ Болгаріи на Адріанополь.

Адріанополь окруженъ Болгарами и неизбѣжно долженъ пасть, какъ только возобновятся военныя дѣйствія, пріостановленныя по требованію державъ. Если Турція не согласится на передачу его Болгаріи, послѣдняя возьметъ его безъ большихъ усилій голодомъ или силою.

Скутари, напротивъ того, не только не окружено Черногорцами, но свободно снабжается продовольствіемъ и для взятія его, Черногорія не располагаетъ ни достаточными силами, ни простою физическою возможностью, при существующихъ условіяхъ ея военной организаціи.

На мои доводы Великая Княгиня съ той же рѣзкостью, переходившею въ запальчивость, просила меня отвѣтить ей прямо на

такой вопросъ: «Мой отецъ поручилъ мнѣ прямо сказать здѣсь (т. е. другими словами, передать Государю), что уложивши не менѣе 8000 человѣкъ онъ увѣренъ, что въ состояніи взять Скутари, и желаетъ знать обезпечитъ ли въ такомъ случаѣ Россія, что Скутари останется за нимъ?»

Оговорившись, что поставленный вопросъ ставитъ передо мною слишкомъ отвѣтственную задачу, разрѣшить которую можетъ только Государь, да и то Онъ, вѣроятно, пожелаетъ ранѣе освѣдомиться объ отношеніи къ нему Англіи и Франціи, я просилъ Милицу Николаевну съ ея стороны разрѣшить мнѣ, докладывая эту часть нашей бесѣды Государю, формулировать поставленный ею вопросъ въ болѣе ясной и категорической формѣ, отвѣчающей понятію «гарантіи» со стороны Россіи, а именно, желаетъ ли она знать, что Россія объявитъ войну Австріи, а слѣдовательно начнетъ общеевропейскую войну въ томъ случаѣ, если послѣ взятія Скутари Черногоріею, Австрія либо выбьетъ ее оттуда, либо станетъ рѣшительно настаивать на передачѣ этого города Албаніи, при окончательномъ разрѣшеніи балканскаго вопроса?

Моя формулировка вызвала реплику Милицы Николаевны:

«Ну зачѣмъ же ставить вопросъ такъ прямолинейно? Если Россія на самомъ дѣлѣ заявитъ свое желаніе настойчиво и всѣмъ будетъ ясно, что она дорожитъ принятіемъ его, то Австрія не посмѣетъ угрожать войною, и мы будемъ имѣть то, что намъ такъ необходимо».

По второму вопросу, я сказалъ, что для Черногоріи не столько важенъ тотъ или иной опредѣленный пунктъ по границѣ ея съ Албаніею, сколько расширеніе ея территоріи по этой границѣ, и въ этомъ отношеніи Россія дѣлаетъ и будетъ дѣлать все, что въ ея силахъ, чтобы обезпечить ея интересы, и Черногоріи нѣтъ основаній сомнѣваться въ искренности нашего желанія. Детали же установленія границы составятъ предметъ послѣдующей работы по разграниченію и усложнять сейчасъ общее положеніе, далеко еще несоглашенное въ его главныхъ положеніяхъ, очевидно, неблагоразумно.

По третьему вопросу я далъ Великой Княгинѣ категорическое обѣщаніе, что продовольственная помощь будетъ оказана безотлагательно, т. к. еще на послѣднемъ моемъ докладѣ были приняты всѣ необходимыя мѣры къ немедленному направленію продовольствія въ Черногорію.

По четвертому вопросу мои объясненія были выслушаны съ тѣмъ же нескрываемымъ раздраженіемъ, какъ и то, что я ска-

залъ по первымъ двумъ пожеланіямъ. Я сказалъ, что Россія, въ данное время рѣшительно не имѣетъ никакой возможности снабдить Черногорію артиллеріею, снарядами и патронами. Это было бы явнымъ нарушеніемъ нами нейтралитета, и послѣдствія такого нарушенія были бы неисчислимы для России. Мы встрѣтились бы съ неизбѣжнымъ протестомъ со стороны Германіи и Австріи и какую форму принялъ бы этотъ протестъ и къ какимъ послѣдствіямъ привелъ бы онъ — я не могу себѣ даже представить. Для меня совершенно очевидно, что и нашъ союзникъ — Франція и Англія не только не останутся равнодушными къ нашимъ намѣреніямъ, но встанутъ къ нимъ въ рѣзко отрицательное отношеніе, и мы останемся одинокими въ томъ вопросѣ, которому мы отдаемъ столько неослабнато труда. Я прибавилъ еще, что, если бы даже моя точка зрѣнія могла показаться Великой Княгинѣ слишкомъ рѣзкой, то есть и другое основаніе, по которому мы не въ состояніи исполнить желаніе ея отца: мы сами слишкомъ небогаты артиллеріею, и я встрѣчаюсь каждый день съ самыми наглядными доказательствами, насколько мы отстали отъ нашей собственной потребности въ скорострѣльныхъ орудіяхъ и въ запасѣ снарядовъ.

По мѣрѣ развитія мною моихъ доводовъ Великая Княгиня становилась все болѣе и болѣе нетерпѣливою и раздраженною и, видимо, желая положить конецъ нашей бесѣдѣ, задала мнѣ неожиданно вопросъ: «А если мой отецъ найдетъ способъ пріобрѣсти артиллерію или заказать ее гдѣ либо на сторонѣ, — Россія заплатитъ за нее или тоже найдетъ основанія уклониться отъ этого?»

Я отвѣтилъ на это, что, ставя такой вопросъ, Король Черногорскій, очевидно, ставитъ автоматически передъ Государемъ общій вопросъ о пересмотрѣ нашей конвенціи съ нимъ, и для меня неясно, на сколько въ интересахъ Короля и Черногоріи поднимать такой вопросъ именно въ данную, крайне неподходящую для его разрѣшенія, минуту. Бесѣда наша пришла къ концу. Великая Княгиня сказала мнѣ не обинуясь, что она не замедлитъ сообщить своему отцу, къ какимъ печальнымъ результатамъ привела ея бесѣда со мною, т. к. она не сомнѣвается ни на одну минуту, что мое мнѣніе будетъ принято Государемъ, и «бѣдная Черногорія выйдетъ снова ослабленною изъ всѣхъ ея усилій».

Я завѣрилъ Милицу Николаевну, что ей будетъ не трудно убѣдиться, насколько я доложу Государю буквально только то, что сказалъ ей по моей совѣсти и считая моей первой обязанно-

стью думать всегда и прежде всего о пользахъ Россіи и не допускать ничего, что могло бы нанести ей какой-либо вредъ.

Въ тотъ же вечеръ я передалъ весь мой разговоръ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, а нѣсколько дней спустя доложилъ его во всѣхъ подробностяхъ Государю, который видѣлъ Сазонова раньше меня и сказалъ мнѣ только, что Ему Милица Николаевна не сказала ни одного слова, несмотря на то, что Онъ видѣлъ ее послѣ моего свиданія съ нею, и что Онъ просто не желаетъ возвращаться къ этому вопросу, настолько все Ему ясно, и настолько Онъ рѣшилъ отвѣтить моими же аргументами и Королю Черногорскому, если бы онъ рѣшился обратиться непосредственно къ Нему, «вмѣсто того, чтобы идти кружнымъ путемъ, черезъ его дочь».

Послѣ этой бесѣды я никогда болѣе не разговаривалъ съ Милицей Николаевной, и она видимо избѣгала меня. Два или три раза были случаи встрѣчаться съ нею и на Романовскихъ торжествахъ и во время двукратной моей поѣздки въ Ливадію осенью 1913 г., и, кромѣ молчаливаго поклона, она ни разу ничѣмъ не проявила отношенія ко мнѣ. Государь замѣтилъ это и однажды, въ послѣднее пребываніе мое въ Крыму, 6-го декабря, послѣ завтрака подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня: «А Милица Николаевна все еще помнитъ вашъ разговоръ годъ тому назадъ и, видимо, не жалуетъ Васъ?»

Затѣмъ уже въ бѣженствѣ мнѣ пришлось быть нѣсколько разъ у Великаго Князя Николая Николаевича, когда онъ проживалъ въ одномъ домѣ съ его belle soeur, Милицей Николаевной, и она ни разу не выходила ко мнѣ, а однажды, когда мнѣ пришлось обѣдать у Великаго Князя, и она сидѣла тутъ же за столомъ, она не обратилась ко мнѣ ни съ однимъ словомъ, несмотря на то, что общая атмосфера въ домѣ Великаго Князя ко мнѣ была въ ту пору въ высшей степени благожелательна.

Думаю, что я не совершу несправедливости, если скажу что въ этомъ отношеніи сказались невыгодныя для меня воспоминанія Великой Княгини о нашемъ свиданіи въ декабрѣ 1912 года, не изгладившіяся и послѣ десяти лѣтъ нашей жизни въ изгнаніи.

Въ томъ же декабрѣ вернулся съ Ленскихъ промысловъ Манухинъ и началъ готовить отчетъ по его поѣздкѣ, доставившій мнѣ потомъ не мало хлопотъ и непріятностей.

Но надъ всѣми событіями нашей внутренней жизни получили преобладаніе событія внѣшней политики — Балканскія осложне-

нія, и въ нихъ мнѣ, по необходимости, пришлось принять большое участіе.

Независимо отъ того, что по цѣлому ряду текущихъ дѣлъ мнѣ пришлось взять на себя неблагодарную роль усмирять пылъ нѣкоторыхъ весьма воинственно настроенныхъ членовъ Совѣта Министровъ, Сазоновъ, по мѣрѣ осложненія событій, сталъ все болѣе и болѣе вводить меня въ кругъ этихъ событій и почти ежедневно совѣтовался со мною и не принималъ ни одного рѣшенія, не переговоривши со мною. Во мнѣ онъ всегда встрѣчалъ самаго убѣжденнаго сторонника мирной политики и чисто просилъ моей поддержки у Государя.

Мое положеніе въ этомъ отношеніи было весьма щекотливое. Я зналъ всю нашу неготовность къ войнѣ, всю слабость нашей военной организаціи и отлично сознавалъ до чего можетъ довести насъ война и держался поэтому самаго примирительнаго тона во всѣхъ моихъ повседневныхъ бесѣдахъ съ кѣмъ бы то ни было. Но мнѣ было въ особенности трудно потому, что Государь относился отрицательно къ самой мысли о томъ, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ близко входитъ въ дѣла внѣшней политики. Онъ считалъ ихъ своими личными дѣлами, и Ему было просто не по душѣ, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ вводитъ меня въ нихъ и въ особенности обмѣнивается взглядами въ Совѣтѣ Министровъ. Онъ мнѣ ни разу не сказалъ прямо, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но Онъ просто не понималъ, зачѣмъ иностранные послы обращаются ко мнѣ, а не исключительно къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, и изъ его деликатныхъ и осторожныхъ намековъ нельзя было не сдѣлать того вывода, что Совѣту Министровъ и его предсѣдателю вообще нѣтъ мѣста въ дѣлахъ внѣшней политики. Приходилось вести свою линію и озираться по сторонамъ, чтобы не вызвать какого-либо осложненія, къ которому очень часто готовили недвусмысленныя замѣтки въ «Гражданинѣ», прямо говорившія о томъ, что Предсѣдатель Совѣта «начинаетъ узурпировать прерогативы Верховной власти, которая одна вѣдаетъ дѣлами внѣшней политики».

А событія все больше и больше наталкивали меня на эти вопросы.

Послы все чаще и чаще стали заѣзжать ко мнѣ и искать во мнѣ опоры. Въ особенности это относится къ тремъ посламъ: французскому, германскому и японскому.

Отношенія г. Луи къ Сазонову все болѣе и болѣе портились, и онъ все чаще заѣзжалъ ко мнѣ, ища поддержки въ обострявшихся столкновеніяхъ. Графъ Пурталесъ не стѣснялся бывать

у меня передъ своими посѣщеніями Сазонова или непосредственно послѣ него, и я положительно зналъ все, что поручено ему сообщать намъ.

Баронъ Мотоно оказывалъ мнѣ всегда величайшее довѣріе, и я пользовался его положеніемъ среди дипломатическаго корпуса, чтобы проводить нашу политику мирнаго разрѣшенія Балканскаго кризиса, а когда къ веснѣ 1913 года Лондонскій конференціи удалось найти путь благополучнаго завершенія первой балканской войны, то Мотоно пріѣхалъ ко мнѣ поздравить меня и сказалъ, что все столкновеніе было локализировано и не разыгралось въ обще-европейскій пожаръ благодаря тремъ лицамъ: Государю, Сазонову и мнѣ.

Впрочемъ, и нѣкоторыя наши домашнія явленія зарегистрировали мою долю участія въ дѣлахъ внѣшней политики. Когда на славянскихъ обѣдахъ Башмакова, Брянчанинова и комп. говорили зажигательныя рѣчи и клеймили антиславянскую политику русскихъ Министровъ, «продавшихся нѣмецкому вліянію», мое имя всегда ставилось рядомъ съ именемъ Сазонова и враждебныя ему демонстраціи должны были направиться и подъ мои окна, но не были допущены отрядомъ полиціи, не пропустившей ихъ на узкій проѣздъ къ Мойкѣ.

Наступилъ конецъ зимы 1912—1913 года. Всѣ стали готовиться къ Романовскимъ торжествамъ. Перестали раздувать распутинскій вопросъ. Министры стали изощрять свою изобрѣтательность въ томъ, какъ шире и ярче отмѣтить 300-лѣтіе Дома Романовыхъ. Участились пріѣзды разныхъ владѣтельныхъ особъ и въ числѣ ихъ бухарскаго Эмира и Хивинскаго Хана, и петербургская жизнь приняла болѣе праздничный характеръ, а думскія пренія какъ-то потускнѣли и сократились.

Въ исходѣ марта, передъ парадныемъ завтракомъ въ Царскомъ Селѣ, по случаю пріѣзда Хивинскаго Хана, Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Бенкендорфъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что Государь желаетъ, чтобы Его сопровождали на Романовскія торжества только Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Министры Путей Сообщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, а всѣ вообще Министры собрались въ Костромѣ и оттуда проѣхали прямо въ Москву. Онъ прибавилъ, что Министерство Двора не можетъ, къ сожалѣнію, предоставить намъ ни квартиръ на остановкахъ, ни способовъ передвиженія, ни продовольствія, кромѣ случаевъ приглашенія къ Высочайшему столу. Письмо въ этомъ смыслѣ, сказалъ онъ, уже заготовлено мнѣ Министромъ Двора и будетъ доставлено сегодня.

Государь замѣтилъ нашъ разговоръ и во время завтрака, не имѣя возможности вести съ Хивинскимъ Ханомъ бесѣду по незнанію имъ какого-либо языка, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Какую тайну повѣдалъ Вамъ Гр. Бенкендорфъ?

Придавши шутливую форму нашему разговору съ Нимъ, я сказалъ, что нѣкоторымъ Министрамъ предложено сопровождать Ваше Величество въ путешествіи, но съ непремѣннымъ условіемъ «ночевать подъ открытымъ небомъ, питаться собственными бутербродами и передвигаться на коврѣ-самокатѣ или пріютиться на дрожкахъ, перевозящихъ дворцовую прислугу».

Государь принялъ это тоже за шутку, но все-таки спросилъ тутъ же, черезъ столъ, Министра Двора развѣ нельзя что-нибудь сдѣлать для трехъ Министровъ и получилъ въ отвѣтъ, что передвинуть достаточное количество экипажей во всѣ попутные города положительно невозможно, и что Министры, вѣроятно, устроятся сами какъ-нибудь.

На самомъ дѣлѣ это такъ и было. Объ насъ рѣшительно никто не заботился, и, въ частности, я передвигался самъ только благодаря любезности Министра Путей Сообщенія, предложившаго раздѣлить съ нимъ путейскіе автомобили тамъ, гдѣ нужно было передвигаться по грунтовымъ дорогамъ, и давшаго мнѣ пріютъ, такъ же какъ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ, на путейскомъ пароходѣ, сопровождавшемъ царскій поѣздъ по Волгѣ отъ Нижняго до Ярославля.

Безъ этого одолженія, я не знаю какимъ путемъ смогъ бы я на самомъ дѣлѣ сопровождать Государя въ Его путешествіи.

Я упоминаю объ этомъ эпизодѣ только мимоходомъ, чтобы характеризировать какое отношеніе было въ ту пору у дворцовыхъ распорядителей царскимъ праздничнымъ объѣздомъ историческихъ мѣстъ къ представителямъ высшей правительственной власти.

Поѣздкѣ Государя было придано, повидимому, значеніе «семейнаго» торжества Дома Романовыхъ, и «государственному» характеру этого событія вовсе не было отведено подобающаго мѣста.

Да и то сказать—въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, въ ближайшемъ кругу Государя понятія правительства, его значеніе, какъ-то стушевывалось, и все рѣзче и рельефнѣе выступалъ личный характеръ управленія Государемъ, и незамѣтно все болѣе и болѣе сквозилъ взглядъ, что правительство составляетъ какое-то «средостѣніе» между этими двумя факторами, какъ бы мѣшающее ихъ взаимному сближенію. Недавній ореолъ «главы правительства» въ лицѣ Столыпина въ минуту ре-

волюціонной опасности совершенно поблекъ, и упрощенные взгляды чисто военной среды, всего ближе стоявшей къ Государю, окружавшей Его и развивавшей въ Немъ культъ «Самодержавности», понимаемой ею въ смыслѣ чистаго абсолютизма, забиралъ все бòльшую и бòльшую силу.

Происходило ли это отъ недостатка престижа во мнѣ самомъ или отъ того, какъ я думаю, что переживанія революціонной поры 1905—1906 годовъ смѣнились наступившимъ за семь лѣтъ внутреннимъ спокойствіемъ и дали мѣсто идеѣ величія личности Государя и вѣрѣ въ безграничную преданность Ему, какъ Помазаннику Божію, всего народа, слѣпую вѣру въ Него народныхъ массъ, рядомъ съ вѣрою въ Бога. Во всякомъ случаѣ, въ ближайшее окруженіе Государя, несомнѣнно все болѣе и болѣе внѣдрялось сознаніе, что Государь можетъ сдѣлать все одинъ, потому что народъ съ Нимъ, знаетъ и понимаетъ Его и безгранично любитъ Его, т. к. слѣпо преданъ Ему. Министры, не проникнутые идеею такъ понимаемаго абсолютизма, а тѣмъ болѣе Государственная Дума, вѣчно докучающая правительству своею критикою, запросами, придирками и желаніемъ властвовать и ограничивать исполнительную власть,—все это создано, такъ сказать, для обыденныхъ, докучливыхъ текущихъ дѣлъ и должно быть ограничиваемо возможно меньшими предѣлами, и чѣмъ дальше держать этотъ непріятный аппаратъ отъ Государя, чѣмъ меньше пріобщать его къ Его жизни и къ историческимъ торжествамъ, связаннымъ со всѣмъ прошлымъ Его Дома,—тѣмъ лучше и тѣмъ менѣе вѣроятности возникнуть на пути всякимъ досадливымъ возраженіямъ, незамѣтно напоминающимъ о томъ, что нельзя болѣе дѣлать такъ, какъ было, и требующимъ приспособляться къ какимъ-то новымъ условіямъ, во всякомъ случаѣ, уменьшающимъ былой престижъ и затемняющимъ ореолъ «Царя Московскаго», управляющаго Россіей, какъ своей вотчиной.

Въ ту самую пору, о которой я веду мой разсказъ, случилось одно событіе, рѣзко нарушившее для меня сравнительно спокойное теченіе обыденной жизни въ промежуткѣ между февральскими и майскими торжествами, когда все вниманіе Совѣта Министровъ какъ будто сосредоточилось на выработкѣ предложеній о томъ, какъ лучше и ярче ознаменовать 300-лѣтіе Дома Романовыхъ.

Къ тому же и внѣшняя политика меньше привлекала къ себѣ вниманіе націоналистически настроенныхъ Министровъ, и мы съ Сазоновымъ спокойно и согласно слѣдили за событіями на Балканахъ, все болѣе и болѣе увѣренные въ томъ, что Россіи

удастся не допустить балканской распри до мірового пожара. 9-го марта — я тогда же отмѣтилъ это число — Военный Министръ снова, какъ и въ декабрѣ мѣсяцѣ, поздно вечеромъ позвонилъ ко мнѣ по телефону и предупредилъ, что Государь проситъ меня завтра, 10-го марта пріѣхать къ Нему. На мой вопросъ: «Въ чемъ дѣло и кто еще приглашенъ?» онъ мнѣ отвѣтилъ: «Вотъ ужъ на этотъ разъ, это Вамъ должно быть извѣстно больше, чѣмъ кому-либо» и на этомъ нашъ разговоръ оборвался.

Я поспѣшилъ было позвонить къ Сазонову, узнать у него причину экстреннаго вызова, но его не оказалось дома, и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ спокойно ждать утра и минуты отъѣзда.

На вокзалѣ я встрѣтилъ Маклакова, который спросилъ меня — о чемъ будетъ совѣщаніе, на которое и онъ приглашенъ, а жандармскій офицеръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что за четверть часа отошелъ экстренный поѣздъ, съ которымъ уѣхали Великіе Князья, Военный и Морской Министры. Въ Царскомъ Селѣ меня пригласили пройти въ большую угловую гостиную Императрицы, въ которой я нашелъ Великаго Князя Николая Николаевича, Сергѣя Михайловича, Военнаго Министра, Начальника Генеральнаго Штаба Жилинскаго, Морского Министра, Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Миистра Внутреннихъ Дѣлъ и Государственнаго Контролера. Не успѣлъ я поздороваться съ собравшимися, какъ Государь обратился ко мнѣ съ такими словами:

«Такъ какъ интересующій насъ вопросъ зависитъ прежде всего отъ денегъ, то Я прошу Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ сказать, какъ относится онъ къ представленію Военнаго Министра».

Не зная рѣшительно ничего о томъ, какое предположеніе имѣетъ Государь въ виду, я отвѣтилъ, что затрудняюсь сказать что-либо, не зная, о чемъ идетъ рѣчь. Государь смутился и, обращаясь къ сидѣвшему противъ Него Военному Министру, сказалъ ему:

«Какъ же это такъ, Владиміръ Александровичъ, — снова Предсѣдатель Совѣта ничего не знаетъ. Вѣдь Вашъ докладъ напечатанъ, Я его читалъ уже 2 недѣли тому назадъ, и Вы просили Моего разрѣшенія разослать его всѣмъ участникамъ совѣщанія, собраннымъ по Вашей просьбѣ?»

Сухомлиновъ покраснѣлъ и отвѣтилъ: «Я рѣшительно ничего не понимаю, Ваше Величество, — докладъ былъ посланъ вчера утромъ къ Министру Финансовъ и вѣроятно лежитъ гдѣ-нибудь у него въ канцеляріи». Всѣ Министры отвѣтили, что получили

докладъ еще на прошлой недѣлѣ. Я удостовѣрилъ, что, выѣзжая изъ дома въ 9¼ утра, я видѣлъ моего секретаря, который сказалъ, что ничего отъ Военнаго Министра не поступало. На предложеніе Государя, не отмѣнить ли совѣщаніе и не лучше ли собраться на слѣдующей недѣлѣ, послѣ того, какъ я ознакомлюсь съ дѣломъ, я просилъ Государя приказать просто прочитать этотъ докладъ, предполагая, что, быть можетъ, я буду имѣть возможность высказаться и безъ подготовки. Я прибавилъ, что я не хотѣлъ бы задерживать направленія дѣла по причинѣ недоставленія мнѣ необходимаго матеріала, какъ бы понятно не было такое обстоятельство. Участники совѣщанія имѣли весьма смущенный видъ.

Такъ и было поступлено. Генералъ Жилинскій прочиталъ докладъ, содержавшій въ себѣ предположенія о необходимости спѣшно усилить нашу армію, въ виду увеличенія состава Германской арміи и, въ соотвѣтствіи съ приведенными расчетами, открыть единовременный кредитъ въ суммѣ свыше 350 милл. рублей и увеличить постоянные расходы Военнаго Министерства на 100 милліоновъ рублей въ годъ. Изъ бѣглаго прослушанія доклада мнѣ было ясно, что онъ составленъ наспѣхъ, многое пропущено (напримѣръ, не принятъ вовсе расходъ на постройку казармъ для увеличеннаго состава арміи и на ихъ содержаніе), отдѣльныя статьи не согласованы между собою, и вовсе не затронутъ вопросъ о томъ, чѣмъ такъ много занимается Франція, объ увеличеніи сроковъ службы подъ ружьемъ, что можетъ быть много полезнѣе чѣмъ увеличеніе численнаго состава арміи, но плохо обученной и, того еще хуже, плохо снабженной. Не затронутъ былъ вовсе вопросъ о развитіи желѣзныхъ дорогъ съ точки зрѣнія приспособленія ихъ къ мобилизаціоннымъ цѣлямъ и т. д.

Послѣ прочтенія доклада Государь опять спросилъ меня, не желаю ли я отложить засѣданіе, чтобы подготовиться къ отвѣту. Я просилъ Его разрѣшенія отвѣтить теперь же, но просилъ позволить мнѣ говорить совершенно откровенно, не стѣсняясь тѣмъ, что мои слова могутъ быть непріятны кому бы то ни было. Хорошо помню и теперь все, что я сказалъ тогда. Главное я тогда же записалъ.

Я началъ съ того, что просилъ Государя обратить вниманіе на то невѣроятное положеніе, которое существуетъ у насъ въ дѣлѣ развитія арміи. Не проходитъ ни одного доклада, чтобы Военный Министръ не жаловался на меня за то, что я отказываю ему въ средствахъ; почти въ каждомъ номерѣ «Русскаго Инвалида»

печатаются рѣзкія статьи о томъ, что мы отстали отъ нашихъ вѣроятныхъ будущихъ противниковъ, и причиною этого является все тотъ же вѣчный отказъ Министерства Финансовъ въ деньгахъ; въ каждомъ собраніи военныхъ та же единственная тема развивается все съ бо̀льшею и бо̀льшею страстностью, и скоро имя Министра Финансовъ станетъ чуть ли не синонимомъ врага отечества, не признающаго перваго своего долга передъ родиною — помогать защитѣ ея чести и достоинства. А между тѣмъ, что̀ мы видимъ на дѣлѣ и какое лучшее доказательство безсистемности нашихъ подготовительныхъ работъ по усиленію арміи нужно еще искать послѣ сегодняшняго собранія? Германія провела свой исключительный законъ о единовременномъ налогѣ на населеніе для усиленія арміи еще въ 1911 году, а у насъ встрепенулись только черезъ 2 года, да и то не успѣли послать Предсѣдателю Совѣта Министровъ и Министру Финансовъ печатнаго доклада, хотя послали его другимъ Министрамъ и заставляютъ его читать съ листа, т. е. давать заключенія по такому капитальному вопросу, не давши ему возможности ознакомиться съ содержаніемъ выработанныхъ предположеній и даже обдумать эти предположенія. Но и этого мало!

Послѣ двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Военное Министерство должно было готовиться и работать надъ новымъ планомъ усиленія арміи, — на разсмотрѣніе Государя представляется такая работа, въ которой, съ перваго бѣглаго взгляда, очевидны элементарная неточность и безспорные пропуски. Достаточно указать, что пропущенъ расходъ на казармы, исчисляемый во многіе и многіе милліоны рублей, и невольно хочется спросить — гдѣ же будутъ жить тѣ сотни тысячъ солдатъ, которые будутъ призваны подъ знамена?

Очевидно, что при такомъ характерѣ работы безполезно углубляться въ отдѣльные расчеты, провѣрять ихъ и подводить новые итоги, да это и совершенно безцѣльно. Совѣщаніе не можетъ рѣшить этого вопроса безъ законодательныхъ учрежденій, и нужно только принять одно принципіальное рѣшеніе, а затѣмъ поручить Военному Министру разработать весь вопросъ безъ грубыхъ пропусковъ и ошибокъ, что очевидно, совершенно непосильно для одного военнаго вѣдомства, и внести его въ Думу безъ всякихъ новыхъ проволочекъ, въ которыхъ вообще не виновенъ никто, кромѣ самого Военнаго Министра, постоянно разыскивающаго посторонних виновниковъ своихъ собственныхъ ошибокъ.

Что же касается моего принципіальнаго отношенія къ дѣлу, то я не только не буду возражать противъ усиленія арміи, но мо-

гу развѣ повторить то, что я не разъ заявлялъ открыто въ Думѣ и докладывалъ самому Государю, — нужно торопиться, работать не покладая рукъ и постараться наверстать потерянное время, и нужно заранѣе знать, что Министръ Финансовъ не только не противится усилію защиты родины, но заявляетъ открыто, что деньги на это найдутся, и нужно только умѣть распорядиться ими, и распоряжаться не такъ, какъ мы это дѣлали до сихъ поръ.

Тутъ Государь прервалъ меня и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, но въ особенности къ Великому Князю Николаю Николаевичу:

«Кажется мы можемъ вздохнуть свободно и сказать себѣ, что мы не даромъ собрались сегодня. Я зналъ всегда, какъ горячо любитъ Владиміръ Николаевичъ родину и никогда не сомнѣвался въ томъ, что онъ не откажетъ въ средствахъ на оборону».

Военный Министръ, какъ ни въ чемъ не бывало, поспѣшилъ подтвердить, что и онъ очень благодаритъ Министра Финансовъ за его горячую поддержку нуждъ обороны.

Всѣ молча переглядывались, Великій Князь Николай Николаевичъ шепнулъ мнѣ: «иль а дю тупэ», и я продолжалъ мои объясненія. Я сказалъ Государю, что прошу Его разрѣшенія коснуться только двухъ принципіальныхъ вопросовъ, чтобы примирить новую огромную затрату на оборону съ поддержаніемъ нашего прочнаго финансоваго положенія. Я сказалъ, что Государственное Казначейство обладаетъ въ видѣ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ свободною наличностью свыше 450 милліоновъ рублей, и что я готовъ отдать ее полностью на нужды обороны, но прошу только помощи Государя въ томъ, чтобы Онъ повелѣлъ мнѣ сообщить Его именемъ всѣмъ Министрамъ, что эта наличность отдана на это дѣло, и что Министры не должны обращаться къ Министру Финансовъ, какъ это они дѣлаютъ теперь почти ежедневно, прося новыхъ ассигнованій на счетъ этихъ запасныхъ средствъ. Кромѣ того, новый планъ Военнаго Министра, поглощая единовременными расходами всю наличность, требуетъ еще постояннаго увеличенія бюджета по крайней мѣрѣ на 150 милл. рублей въ годъ. Этотъ расходъ казна можетъ также взять на себя, потому что наши доходы растутъ въ значительной степени, но нужно, чтобы гражданскіе Министры умѣрили свои новыя требованія, т. к. одновременно давать новыя средства для обороны и столь широко удовлетворять другія потребности — не въ состояніи выдержать никакая страна.

Государь опять остановилъ меня и сказалъ очень просто:

«Вы имѣете, Владиміръ Николаевичъ, Мою полную под-

держку — съ Вами нельзя не согласиться. — Пусть въ Думѣ настаиваютъ на всякихъ культурныхъ расходахъ, а Я не хочу даже обсуждать Вашего предложенія — оно такъ логично и правильно, и прошу Васъ, поэтому, представьте Мнѣ завтра проектъ Моего повелѣнія объ этомъ всѣмъ Министрамъ, и Я подпишу его съ большою радостью».

Послѣдній вопросъ, котораго я коснулся, заключался въ томъ, что ежегодный призывъ новобранцевъ дошелъ у насъ уже до 570.000 человѣкъ и поглощаетъ болѣе половины всего призывного контингента, не касаясь вовсе вопроса о степени пригодности къ военной службѣ по состоянію здоровья. Въ Государственной Думѣ уже раздаются голоса о чрезмѣрной тяжести этой повинности населенію, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что новое увеличеніе призыва болѣе чѣмъ на 120.000 человѣкъ не пройдетъ гладко. Я просилъ, поэтому, не разрѣшая этого вопроса сейчасъ, подумать — нельзя ли увеличить продолжительность сроковъ службы на одинъ годъ и тѣмъ достигнуть той же цѣли, но при меньшемъ контингентѣ новобранцевъ. Военный Министръ промолчалъ, Жилинскій сказалъ, что этотъ вопросъ интересный и на немъ полезно остановиться, а Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковъ, неожиданно для всѣхъ, выступилъ съ горячею рѣчью противъ меня, развивая въ ней парадоксальную тему, что не слѣдуетъ бояться увеличивать призыва, а нужно стремиться, наоборотъ, къ тому, чтобы весь контингентъ молодыхъ людей проходилъ черезъ ряды арміи, потому что армія воспитываетъ народъ, обучаетъ его грамотности и возвращаетъ населенію не только дисциплинированную часть его, но и лучше накормленную, окрѣпшую физически и морально.

Этотъ горячій порывъ не произвелъ, однако, большого впечатлѣнія. Государь сказалъ Военному Министру просто:

«Подумайте, Владиміръ Александровичъ, надъ этимъ вопросомъ, но только, ради Бога, не медлите этимъ дѣломъ, — мы и безъ того потеряли слишкомъ много времени».

На этихъ словахъ Государь закрылъ засѣданіе, сказавши мнѣ:

«Мы всѣ должны благодарить Васъ, Владиміръ Николаевичъ, за то, какъ облегчили Вы наше сегодняшнее трудное положеніе».

Когда я вышелъ изъ гостиной, направляясь къ выходу, отказавшись отъ завтрака, въ передней меня догналъ скороходъ, съ приглашеніемъ вернуться къ Государю. Я засталъ Его въ боль-

шомъ кабинетѣ, разговаривавшимъ съ Великими Князьями, которые тутъ же вышли, причемъ Сергѣй Михайловичъ сказалъ мнѣ довольно громко:

«Теперь я вижу, какіе пріемы практикуются у насъ.

Государь, обращаясь ко мнѣ, произнесъ слѣдующую фразу, воспроизводимую мною съ буквальной точностью, т. к. я тогда же записалъ все, что произошло:

«Я все вижу болѣе ясно, чѣмъ хочу говорить. Не стану благодарить Васъ, потому что знаю, какъ благородно и открыто Вы дѣйствуете всегда. Прошу Васъ объ одномъ — помогите Мнѣ въ этомъ дѣлѣ, подгоняйте Военнаго Министра, напоминайте ему и поправляйте его ошибки. Ему одному не справиться, а Я вижу ясно, что мы не надолго сохранимъ миръ. Что же будетъ, если мы опять будемъ не готовы къ войнѣ!»

Я далъ тутъ же Государю слово, что не буду ни въ чемъ затруднять Военнаго Министра, но что я безсиленъ помогать ему, и мои напоминанія только вызовутъ новыя жалобы съ его стороны. Сославшись на мой докладъ въ Ливадіи 22-го апрѣля 1912 года, я сказалъ Государю, что генералъ Сухомлиновъ не въ состояніи справиться съ дѣломъ, и что мы опять потеряемъ время, и я убѣжденъ, что до роспуска Думы на лѣто онъ не сумѣетъ провести этого дѣла.

«Но ужъ на этотъ разъ Вы ошибаетесь», отвѣтилъ мнѣ Государь, «онъ далъ Мнѣ слово, что къ 1-му мая все будетъ внесено, лишь бы его не задержали».

Мои предсказанія сбылись. Сколько я ни напоминалъ Государю, сколько ни твердилъ Сухомлинову въ Совѣтѣ Министровъ, — дѣло опять застряло. Меня уволили годъ спустя, 30 января 1914 года, и только въ мартѣ того года, т. е. съ опозданіемъ цѣлаго года, послѣ совѣщанія, дѣло было внесено въ Думу, да и то съ такими ошибками, съ такою неполнотою въ расчетахъ, что всѣ только разводили руками. До самаго моего увольненія представленія такъ и не поступило на мое окончательное разсмотрѣніе.

Остатокъ времени до выѣзда на Романовскія торжества, ушелъ, главнымъ образомъ, на участіе въ цѣломъ рядѣ засѣданій въ Думѣ по отдѣльнымъ вопросамъ и, въ особенности, на пренія по бюджету.

Моя рѣчь по бюджету на 1913 годъ была, въ полномъ смыслѣ слова, моею лебединою пѣсней, по смѣтнымъ вопросамъ въ Думѣ 4-го созыва. До преній по составленной мною же смѣтѣ на 1914 годъ я не остался уже на мѣстѣ Министра Финансовъ,

т. к. мое увольненіе послѣдовало 30 января 1914 года, и отстаивалъ бюджетъ уже мой преемникъ Баркъ, который избралъ, однако, благую часть, ограничившись весьма краткими замѣчаніями, посвященными, главнымъ образомъ, восхваленію Предсѣдателя бюджетной комиссіи.

Подготовительная работа комиссіи по разсмотрѣнію смѣтъ и росписи въ этомъ году особенно затянулась, и общія пренія начались только 10 мая 1913 года.

Я не предвидѣлъ, конечно, что я представляю мои соображенія въ послѣдній разъ, и придалъ моей рѣчи исключительно общій характеръ, избѣгая всякихъ частностей, чтобы не давать повода лишней полемикѣ, и это тѣмъ болѣе потому, что роспись, мною составленная, и лишь въ очень немногомъ измѣненная думскою бюджетною комиссіею, давала на самомъ дѣлѣ основаніе ограничиться лишь общею характеристикою. Она была въ дѣйствительности блестящею, по условіямъ ея сведенія. Всѣ расходы были сбалансированы исключительно на счетъ однихъ обыкновенныхъ доходовъ, которые оказались достаточными и для покрытія всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ, занесенныхъ въ роспись въ крупной цифрѣ въ 235 милліоновъ рублей, т. к. избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными же расходами составилъ свыше этой суммы.

Произнеся эту мою послѣднюю бюджетную рѣчь, я не думалъ, что она будетъ фактически моимъ послѣднимъ выступленіемъ по бюджету. Конецъ ея невольно сдѣлался какъ бы моимъ завѣщаніемъ, чего я вовсе не имѣлъ въ виду, высказывая мои заключительныя соображенія о томъ, какъ слѣдуетъ поступать въ будущемъ, если мы хотимъ беречь устойчивость нашего финансоваго положенія.

Съ небольшимъ черезъ годъ разразилась война, разстроившая все наше финансовое положеніе, а потомъ пришла революція и смела все, что было создано трудомъ столькихъ поколѣній, и водворила на мѣсто прежней жизни тотъ ужасъ разоренія, о которомъ такъ не хочется говорить въ настоящую минуту.

Рѣчь моя закончилась, какъ говоритъ думская стенограмма, «продолжительными и бурными рукоплесканіями въ центрѣ и въ лѣвой части праваго крыла».

На этотъ разъ общія пренія носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ прежде. Конечно, запѣвалой явился, какъ всегда, Шингаревъ. Къ нему пришелъ на помощь Коноваловъ, повторявшій, впрочемъ, все тѣ же избитыя либеральныя мысли, но за

11*

то, въ рѣзкой оппозиціи ко мнѣ встала правая половина Думы въ лицѣ націоналиста Савенко и крайняго праваго Маркова 2-го. Мнѣ пришлось вторично выступить въ общихъ преніяхъ и большое мѣсто пришлось удѣлить именно послѣднимъ ораторамъ и. въ частности Маркову, который, критикуя дѣятельность Министерства Финансовъ, свелъ всю остроту своей рѣчи на еврейскій вопросъ, выдвинулъ такъ называемое Поляковское дѣло, обвинилъ Министерство въ явномъ потворствѣ евреямъ въ ущербъ государству и приплелъ, неизвѣстно почему, имя Вел. Князя Сергѣя Александровича, который погибъ, по его словамъ, за его борьбу противъ евреевъ и никогда бы не допустилъ такой благотворительности въ пользу Полякова. Упомянутъ былъ и покойный Столыпинъ, которому я мѣшалъ взыскивать деньги съ Полякова. Мнѣ пришлось возражать Маркову какъ разъ въ день моего выѣзда на Романовскія торжества, 12-го мая.

По общему сужденію я былъ въ тотъ день въ удачномъ полемическомъ настроеніи, да и тема была благодарная. Защищалъ интересы Полякова, во время управленія Министерствомъ Статсъ-Секретаря Витте, именно Великій Князь Сергѣй Александровичъ, по настоянію котораго, а не кого-либо другого, было допущено изъятіе въ пользу Полякова, но сдѣлано было не въ интересахъ самого Полякова, а того огромнаго количества вкладчиковъ трехъ его банковъ, которые были бы разорены, если бы Торговому Дому Полякова не была оказана помощь.

Столыпинъ дѣйствительно требовалъ въ 1910 году спѣшной ликвидаціи Поляковскихъ активовъ, чему я противился, ссылаясь на то, что нужно продавать бумаги тогда, когда можно выручить наивысшую цѣну, что мнѣ и удалось въ 1912 году, благодаря чему Государственный Банкъ выручилъ лишніе 3 милліона рублей. Объ этомъ я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ.

Вообще я могъ привести рядъ фактическихъ доказательствъ того, что Банкъ вернулъ весь свой долгъ и не вернулъ только части процентовъ, а у Полякова не осталось ничего, что можно было бы продать. Я закончилъ мое возраженіе, быть можетъ, нѣсколько болѣе, чѣмъ нужно, рѣзкимъ сравненіемъ, сказавши, что Марковъ 2-ой напоминаетъ мнѣ того генерала, про котораго существовалъ анекдотъ, что онъ въ словѣ изъ трехъ буквъ сдѣлалъ четыре грамматическихъ ошибки.

Возражалъ мнѣ Марковъ уже двѣ недѣли спустя, когда я оставался еще въ Москвѣ, и отплатилъ мнѣ за мою критику безсмысленнымъ окрикомъ, обращеннымъ заочно ко мнѣ: «а я скажу Министру Финансовъ просто — красть нельзя». Что хотѣлъ

онъ этимъ сказать — остается на совѣсти оратора, но удивительно, что никто въ Думѣ, ни предсѣдательствовавшій Товарищъ Предсѣдателя Князь Волконскій, никто изъ членовъ, рѣшительно никто не поднялъ голоса противъ этой невѣроятной выходки... А изъ этого разгорѣлся особый инцидентъ, который представлялъ тоже нѣкоторыя особенности, характерныя для людей того времени.

Я прочиталъ рѣчь Маркова въ вагонѣ, возвращаясь изъ Москвы. Это было въ воскресенье, 28 или 29 мая 1913 года. Въ тотъ же день ко мнѣ пріѣхалъ на дачу Князь Волконскій, который заявилъ, что пріѣхалъ принести извиненіе за то, что онъ «проспалъ выходку Маркова и если я желаю, то онъ готовъ подать въ отставку». Я сказалъ ему, что извиненіе нужно приносить не у меня въ кабинетѣ, а съ каѳедры Думы, и что отставка его зависитъ вовсе не отъ меня. Волконскій отвѣтилъ мнѣ, что онъ и самъ хорошо понимаетъ, что на немъ лежитъ прямой долгъ исправить допущенную имъ ошибку, но что ему не позволяетъ этого сдѣлать ни Предсѣдатель Думы Родзянко, ни совѣтъ старѣйшинъ.

Въ тотъ же день у меня былъ и Родзянко, спрашивая меня, какъ предполагаю я реагировать на выходку Маркова и на оплошность Волконскаго? Я разъяснилъ ему, что оскорбляться на слова Маркова я не намѣренъ, но что дѣло касается вовсе не лично меня, а всего правительства, и рѣшеніе мое будетъ цѣликомъ зависѣть отъ того, какъ отнесется Государь къ тому факту, что оскорбленіе, нанесенное Предсѣдателю Совѣта, Министру Финансовъ, не вызвало никакихъ дѣйствій со стороны Предсѣдателя Думы.

На его вопросъ, что я могу ему посовѣтовать, потому что онъ и самъ понимаетъ всю неправильность поведенія Волконскаго, я сказалъ ему, что, не придавая характера личной обиды словамъ Маркова, я на мѣстѣ его нашелъ бы очень простой и для всѣхъ безобидный выходъ: воспользовался бы первымъ Общимъ Собраніемъ Думы и сказалъ бы, самымъ спокойнымъ образомъ, что въ одномъ изъ предшествующихъ засѣданій, однимъ изъ членовъ Думы было употреблено по адресу одного изъ членовъ Правительства совершенно недопустимое въ преніяхъ представительныхъ учрежденій, выраженіе и что онъ, Предсѣдатель, надѣется, что такое обстоятельство больше не повторится въ стѣнахъ Государственной Думы.

Родзянко уѣхалъ отъ меня, сказавши мнѣ, что онъ вполнѣ

раздѣляетъ такой исходъ и находитъ даже его чрезвычайно умѣреннымъ, дающимъ прекрасный выходъ изъ положенія.

Черезъ день, въ четвергъ, наканунѣ моего всеподданнѣйшаго доклада, было засѣданіе Совѣта Министровъ. Я предложилъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и поставилъ, прежде всего, на обсужденіе: находитъ ли Совѣтъ Министровъ возможнымъ пройти мимо возникшаго инцидента и если не находитъ этого, то какъ полагаетъ реагировать на него. Я разсказалъ при этомъ о моей бесѣдѣ съ Родзянко. Всѣ Министры единогласно отозвались что оставить безъ какого-либо воздѣйствія совершенно невозможно.

Всего рѣшительнѣе въ этомъ смыслѣ высказался — отмѣчаю особенно это обстоятельство — Министръ Юстиціи Щегловитовъ и во всемъ солидарный съ нимъ Маклаковъ. Затѣмъ всѣ также единогласно одобрили то умѣренное предложеніе, которое и сдѣлалъ Родзянко, и на вопросъ мой, какъ же поступить въ случаѣ, если оно принято не будетъ, Министръ Торговли Тимашевъ предложилъ испросить разрѣшеніе Государя на то, чтобы Министры не посѣщали засѣданій Думы до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ гарантирована защита отъ незаслуженныхъ оскорбленій, и замѣняли бы себя въ текущихъ дѣлахъ Товарищами.

Я опросилъ поименно всѣхъ Министровъ согласны ли они съ такимъ предложеніемъ? Всѣ и особенно рѣшительно тѣ же — Щегловитовъ и Маклаковъ — заявили, что находятъ такой исходъ совершенно правильнымъ и просятъ меня доложить Государю. Оба они добавили, что съ ихъ личной точки зрѣнія Правительству слѣдовало бы просто распустить Думу и не очень торопиться новыми выборами, но, если прочіе Министры и въ особенности Предсѣдатель Совѣта готовы удовольствоваться предложеннымъ Министромъ Торговли мягкимъ исходомъ, то они готовы не вносить никакого дополненія въ это рѣшеніе.

Я исполнилъ это на слѣдующій день. Государь отнесся къ этому довольно безразлично, сказалъ, что Онъ находитъ вообще, что Министрамъ не слѣдуетъ бывать много въ Думѣ, но на мой вопросъ, допускаетъ ли Онъ вообще возможность пройти безъ вниманія этотъ эпизодъ, отвѣтилъ рѣшительно:

«Разумѣется нѣтъ, вѣдь иначе завтра такъ же безнаказанно Васъ могутъ и ударить».

Рѣшеніе Совѣта очень быстро разнеслось по городу. Опять пріѣхалъ ко мнѣ Родзянко и передалъ мнѣ, что Совѣтъ старшинъ противъ его выступленія съ осужденіемъ выходки Маркова, и что онъ просто не знаетъ какъ быть.

Пріѣхали ко мнѣ еще два члена Думы Шубинскій и Н. Н.

Львовъ. Меня нисколько не удивило заявленіе Шубинскаго о томъ, что онъ вполнѣ понимаетъ Правительство и считаетъ необходимымъ уговорить Родзянко встать на мою точку зрѣнія. Онъ вообще всегда искалъ сближенія съ Правительствомъ, часто посѣщая Щегловитова, и считался «правительственнымъ» человѣкомъ. Иной былъ Львовъ. Весьма корректный во всѣхъ своихъ выступленіяхъ, онъ принадлежалъ къ оппозиціи, выступалъ въ Думѣ не часто, но всегда противъ Правительства, — и весьма часто, въ очень рѣзкихъ тонахъ по существу, при совершенно приличной, сдержанной формѣ. Со мною онъ не поддерживалъ никакихъ отношеній и даже никогда не имѣлъ со мною прямыхъ сношеній.

Онъ явился ко мнѣ на дачу по своему личному побужденію, какъ онъ сказалъ мнѣ, входя въ кабинетъ, и для того только, чтобъ узнать изъ первоисточника всѣ подробности столкновенія Правительства съ Думой и выяснить себѣ чего держаться въ данномъ случаѣ. Я разсказалъ ему все до мельчайшей подробности. Онъ слушалъ меня молчаливо до самаго конца, и когда я кончилъ, то сказалъ мнѣ:

«Теперь мнѣ ясно, что мы не правы, и что Правительство на этотъ разъ гораздо болѣе право, чѣмъ мы. Родзянко передалъ мнѣ Ваше предложеніе въ совершенно извращенномъ видѣ, сказалъ, что Вы требуете извиненія Думы, что Вы грозили роспускомъ Думы, и что не идете ни на какія уступки. Теперь я вижу, что все это не такъ, что правы Вы, а не мы, и намъ слѣдуетъ уладить этотъ инцидентъ».

Но и изъ его попытки ничего не вышло. Ни Родзянко, никто изъ членовъ Думы не рѣшился сдѣлать этого простого шага, и Дума разошлась на каникулы около 15-го іюня безъ того, что кто-либо изъ Министровъ появился въ ней почти въ теченіе двухъ съ половиною недѣль. Печать вся безъ разбора отнеслась очень рѣзко къ рѣшенію Правительства. Не только «Рѣчь», но и «Новое Время» признали это рѣшеніе неправильнымъ, находя, что Правительство не имѣло права заниматься обструкціей, и никто просто не желалъ вникнуть въ то, что уклоненіе отъ предложеннаго примирительнаго шага принадлежало не Правительству, а Думѣ.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что, къ сожалѣнію, какъ это ни странно — изъ среды самого Правительства стали появляться намеки на то, что это дѣло личнаго каприза Предсѣдателя Совѣта, и такіе намеки исходили ни отъ кого иного, какъ отъ Щегловитова.

Это не помѣшало, однако, тому же Министру Юстиціи, когда я осенью задержался заграницей, и Дума собралась до моего возвращенія, — начать непосредственные переговоры съ партіей націоналистовъ и склонить Родзянко къ тому, чтобы при началѣ новой сессіи онъ сдѣлалъ именно то заявленіе, которое я ему предлагалъ еще въ маѣ, и весь инцидентъ оказался улаженнымъ передъ началомъ новой сессіи.

Друзья покойнаго Ивана Григорьевича не замедлили приписать его искусству это благополучное рѣшеніе, и онъ безспорно приложилъ къ этому извѣстное стараніе, т. к. къ этому времени надъ моей головой сгустились уже тучи, ликвидація моя близилась къ своему разрѣшенію, и минута казалась ему благопріятной, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на мое мѣсто, къ чему онъ давно стремился.

Записывая теперь, спустя много лѣтъ, то, что было на моихъ глазахъ, я не могу и теперь не отмѣтить того, что Романовскія торжества прошли какъ-то блѣдно, несмотря на торжественность внѣшней обстановки. Я упомянулъ уже, что для переѣздовъ меня пріютилъ къ себѣ на пароходѣ и въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ и на автомобилѣ покойный Министръ Путей Сообщенія Рухловъ, оставившій на эту пору, ту отчужденность въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которая смѣнила собою былую тѣсную дружбу нашихъ молодыхъ годовъ и безоблачной поры нашей совмѣстной службы въ Главномъ Тюремномъ Управленіи и Государственной Канцеляріи съ 1879-го по 1895 годъ. Безъ его помощи я просто не смогъ бы слѣдовать за Государемъ — таково было отношеніе Дворцоваго вѣдомства къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, приглашенному Государемъ сопровождать Его въ этомъ, по замыслу, историческомъ путешествіи.

Не могу, впрочемъ, не оговориться, что такое отношеніе проявлено было не по отношенію ко мнѣ одному. Я уже упомянулъ въ своемъ мѣстѣ, что въ 1911 году, при жизни Столыпина, когда Государь посѣтилъ въ августѣ мѣсяцѣ Кіевъ и долженъ былъ совершить на пароходѣ поѣздку по Деснѣ въ Черниговъ, для Предсѣдателя Совѣта тоже не нашлось мѣста на пароходахъ, сопровождавшихъ Государя, и потребовалось не мало усилій, чтобы найти это мѣсто, и даже возникало предположеніе о томъ, что П. А. Столыпинъ проѣдетъ въ Черниговъ на автомобилѣ и встрѣтитъ Государя уже на мѣстѣ. Судьба судила, однако, иначе, и Столыпинъ не выѣхалъ вовсе изъ Кіева.

Первая остановка была во Владимірѣ, затѣмъ въ Нижнемъ,

въ Костромѣ, Ярославлѣ, Суздалѣ и Ростовѣ, и вездѣ у меня было одно впечатлѣніе — отсутствіе настоящаго энтузіазма и сравнительно небольшое скопленіе народа.

Помню хорошо, какъ въ Нижнемъ Новгородѣ, когда мы съ Рухловымъ ѣхали съ вокзала въ городъ въ царскомъ кортежѣ, мы оба думали одну и ту же думу и выразили ее однимъ общимъ впечатлѣніемъ — очень тусклаго и слабаго проявленія скорѣе любопытства, нежели истиннаго подъема въ настроеніи народной толпы.

Еще болѣе слабое впечатлѣніе осталось у меня отъ поѣздки по Волгѣ отъ Нижняго вверхъ до Костромы. Дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ. Государь совсѣмъ не выходилъ на палубу, и народъ его не видѣлъ; въ мѣстахъ, гдѣ была приготовлена остановка съ красиво убраннымъ сходомъ съ берега на воду — небольшія группы крестьянъ видимо ждали выхода Государя, да такъ и не дождались, потому что и Его и нашъ пароходъ безостановочно шли весь день, остановившись только на ночлегъ, не дойдя до Костромы. Словомъ, и тутъ не было народнаго подъема, и все было красиво, но какъ-то пусто.

Большое впечатлѣніе произвела только Кострома. Государь и Его семья были окружены сплошной толпой народа, слышались неподдѣльныя выраженія радости и, какъ будто съ вернувшимся тепломъ, растаяла и сама толпа.

Тутъ же нужно отмѣтить, что при посѣщеніи одной изъ церквей въ ней оказался Распутинъ. Когда всѣ вышли изъ церкви — его фигура была замѣчена многими, и ко мнѣ подошелъ Генералъ Джунковскій и обратилъ мое вниманіе на его присутствіе среди немногихъ имѣвшихъ доступъ въ церковь. Мнѣ пришлось отвѣтить ему, что я удивляюсь какимъ образомъ ему, какъ Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Командиру Корпуса Жандармовъ, могло быть неизвѣстно присутствіе здѣсь «старца» и получилъ въ отвѣтъ:

«Я ничѣмъ не распоряжаюсь и рѣшительно не знаю кто и какъ получаетъ доступъ въ мѣста пребыванія Царской Семьи»; мнѣ осталось только добавить ему: «такъ недалеко и до Батрова».

Не отмѣчу я ничѣмъ не выдающееся и пребываніе Государя въ Москвѣ. Обычно для Москвы, поражающіе своимъ великолѣпіемъ и красотой царскіе выходы, на этотъ разъ еще увеличенные выходомъ на Красную площадь и возвращеніемъ въ Кремль черезъ Спасскія Ворота, отличались на этотъ разъ изумительнымъ порядкомъ и далеко не обычнымъ скопленіемъ народа, заполнившимъ буквально всю площадь. Одно было только печально —

это присутствіе Наслѣдника все время на рукахъ Лейбъ-Казака. Мы всѣ привыкли къ этому, но я хорошо помню, какъ, противъ самаго памятника Минину и Пожарскому, во время минутнаго замедленія въ шествіи, до меня ясно долетѣли громкіе возгласы скорби, при видѣ бѣднаго мальчика. Безъ преувеличенія можно сказать, что толпа чувствовала, что-то глубоко-тяжелое въ этомъ безпомощномъ состояніи единственнаго сына Государя.

Среди праздничной суеты мнѣ приходилось поминутно сталкиваться съ озабоченнымъ видомъ Сазонова, котораго не оставляли въ покоѣ Балканскія События. Тогда еще не были разрѣшены всѣ тренія между государствами, направленныя на предотвращеніе міроваго пожара. Каждый день приносилъ нервныя вѣсти о неразрѣшавшемся кризисѣ. Турецкій вопросъ отошелъ на второй планъ, и первое мѣсто занимала въ ту пору Сербо-Болгарская распря.

Приходилось почти ежедневно задумываться надъ грозными событіями, и проживая въ одномъ домѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ — въ домѣ Генералъ-Губернатора на Тверской,— мы постоянно дѣлились съ нимъ мыслями и впечатлѣніями, и не было ни одной важной депеши, которую бы посылалъ или получалъ Сазоновъ безъ того, чтобы не посовѣтоваться со мною.

Государя я видѣлъ близко во время нашего пребыванія въ Москвѣ всего два раза, и оба раза Онъ говорилъ мнѣ, что Ему особенно отрадно знать, что все существенное проходитъ черезъ мои руки, и что Онъ съ увѣренностью можетъ сказать, что наша точка зрѣнія все болѣе и болѣе встрѣчаетъ общее сочувствіе, и что намъ удастся предотварить Европейскій пожаръ.

Оказалось, что въ это самое время Государь снова говорилъ Сазонову, что Онъ напрасно не настоялъ въ прошедшемъ году на назначеніи меня посломъ въ Берлинъ, но видитъ теперь, что уже поздно возобновлять этотъ вопросъ. Сазоновъ продолжалъ, какъ мнѣ передавали, хвалить Свербѣева и говорить, что онъ прекрасно освѣдомляетъ его обо всемъ, что происходитъ въ Берлинѣ, и завоевываетъ себѣ прочное положеніе.

Скоро мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, насколько этотъ оптимизмъ былъ далекъ отъ истины.

Праздничные дни пролетѣли быстро, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда. Внѣшне все было, конечно, и чинно и торжественно, но, по существу, у меня осталось какое-то чувство пустоты. Не то вообще было мало дѣйствительнаго подъема, не то въ самомъ мнѣ былъ сознательный страхъ за близкое будущее, и повседневныя заботы о томъ, что готовитъ намъ наступающій день

и какъ удастся предотвратить міровую катастрофу, поглащали все мое вниманіе.

Во всякомъ случаѣ, и теперь я вполнѣ ясно припоминаю, что среди праздничной суеты я жилъ какимъ-то случайнымъ гостемъ, душа котораго была все время далеко отъ беззаботной смѣны красивыхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Безъ преувеличенія я могу сказать, что кромѣ меня только Сазоновъ былъ также поглощенъ тревогами данной минуты, а вся блестящая, разношерстная толпа жила просто смѣною внѣшнихъ впечатлѣній, мало отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что совершалось далеко за нашимъ рубежомъ, и не вдумывалась вовсе въ смыслъ міровыхъ событій. Къ чести Сазонова я долженъ сказать, что онъ жилъ подъ тѣмъ же гнетомъ незримыхъ для толпы событій и хорошо понималъ, что на немъ лежитъ главный долгъ предотвратить все, что только могло дать этимъ событіямъ роковой для Россіи и для всего міра оборотъ.

Своимъ наружнымъ спокойствіемъ онъ внушалъ всѣмъ окружавшимъ его какую-то слѣпую увѣренность въ томъ, что никакой опасности для насъ въ сущности и нѣтъ, и что мы можемъ быть вполнѣ спокойны за наше положеніе.

Государь, за все это время, сохранялъ обычное спокойствіе и самообладаніе. При встрѣчахъ со мною Онъ просто обмѣнивался короткими замѣчаніями, и всѣ онѣ носили, неизмѣнно, характеръ глубокой и ясной увѣренности въ томъ, что мы выйдемъ благополучно изъ грознаго кризиса и сохранимъ все наше достоинство и наше историческое положеніе на ближнемъ Востокѣ. Разъ Онъ сказалъ мнѣ также мелькомъ и о томъ, что вѣритъ въ искреннее желаніе Императора Вильгельма не допустить до развитія общеевропейскаго пожара и убѣжденъ въ томъ, что Его вліяніе на Австрію будетъ и дѣйствительное и умиротворяющее.

Вопреки сильно распространенному мнѣнію о томъ, что Государь просто былъ глубоко равнодушенъ ко всѣмъ окружавшимъ Его грознымъ событіямъ и не понималъ ихъ, я вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что Онъ лучше многихъ понималъ ихъ, давалъ себѣ ясный отчетъ о ихъ силѣ и значеніи, но былъ также убѣжденъ и въ томъ, что съ нашей стороны дѣлается все, что только доступно нашимъ силамъ, и что мы стоимъ на правильномъ пути. Его кажущееся внѣшнее спокойствіе было поэтому отнюдь не проявленіемъ Его равнодушія или непониманія обстановки, а только той исключительной внѣшней выдержки, подъ которой скрывалось, подчасъ, глубокое волненіе. Я убѣжденъ, что даже большинство изъ насъ, стоявшихъ близко къ Государю, все же не знали Его сложной души и не представляли себѣ, что̀ именно переживалъ Онъ въ частыя

минуты глубокаго и скрытаго отъ всѣхъ насъ раздумья. Конечно, не малую роль играли во внѣшнемъ проявленіи Его отношенія къ окружающимъ событіямъ и та черта Его характера, которую принято называть оптимизмомъ. Была ли эта черта присуща Его характеру по Его природѣ, или была она выработана Государемъ подъ вліяніемъ Императрицы, я этого не знаю, но слѣдуетъ всегда помнить, что не только въ эту пору, но даже гораздо позже, когда событія приняли грозный оборотъ, и война разразилась надъ всѣмъ міромъ, и даже еще позже, когда мы стали нести грозныя пораженія, вѣра въ великое будущее Россіи никогда не оставляла Государя и служила для Него какъ бы путеводною звѣздою въ оцѣнкѣ окружавшихъ Его событій дня. Онъ вѣрилъ въ то, что Онъ ведетъ Россію къ свѣтлому будущему, что всѣ ниспосылаемыя судьбою испытанія и невзгоды мимолетны и, во всякомъ случаѣ, преходящи, и что даже, если лично Ему суждено перенести самыя большія трудности, то тѣмъ ярче и безоблачнѣе будетъ царствованіе Его нѣжно-любимаго сына.

Я убѣжденъ, что до самой минуты Своего отреченія эта вѣра не оставляла Его, и тѣмъ съ большею увѣренностью я говорю, что въ данную минуту Романовскихъ торжествъ Государь спокойно, но вполнѣ сознательно учитывалъ политическія событія безъ всякой тревоги за ихъ развитіе и благополучный конецъ. Въ этомъ Его настроеніи укрѣпляло Государя и отношеніе С. Д. Сазонова — всегда ровное, очерчивающее событія правдиво, безъ всякихъ прикрасъ, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, всегда нравившейся Государю, и внушавшее увѣренность въ то, что все обойдется.

Послѣ закрытія сессіи Государственной Думы мнѣ пришлось отдать много времени и заботъ дѣламъ желѣзнодорожнаго строительства. Еще до роспуска Думы, въ Петербургъ пріѣхалъ синдикъ корпораціи парижскихъ маклеровъ г. де Вернейль, игравшій въ ту пору большую роль на биржѣ и употреблявшій свое вліяніе далеко не всегда на пользу русскаго кредита, несмотря на постоянное заявленіе имъ противнаго.

Въ это время, невзирая на мои крупныя и рѣзкія разногласія съ покойнымъ С. В. Рухловымъ на почвѣ частнаго строительства, послѣднее стало развиваться чрезвычайно быстро. Старыя большія Общества добивались и добились, при моемъ содѣйствіи и противъ настойчивой оппозиціи С. В. Рухлова, продленія сроковъ ихъ концессій и разрѣшенія постройки ими новыхъ линій значительнаго протяженія. Цѣлый рядъ мелкихъ новыхъ желѣзнодорожныхъ

Обществъ образовался за короткое время, благодаря исключительной поддержкѣ Министерства Путей Сообщенія, которое думало, по совершенно непонятнымъ для меня основаніямъ, создать въ ихъ лицѣ какой-то противовѣсъ старымъ, большимъ обществамъ, находившимся, однако, въ полной зависимости отъ государственной власти, и настаивало передо мною о разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ объ образованіи этихъ обществъ въ самомъ спѣшномъ порядкѣ.

Соискателями на концессіи являлись большею частью люди не только безъ всякихъ личныхъ средствъ, но и безъ всякаго дѣлового имени и безъ малѣйшаго кредита. Я боролся противъ этого вреднаго явленія всѣми доступными мнѣ способами, доказывалъ Сергѣю Васильевичу всю вредность такой системы, при которой соискатели концессій, получивши уставъ, начинали обѣгать всѣ Банки и продавать свои концессіи, потому что сами не имѣли никакой возможности осуществить ихъ и такимъ способомъ только дискредитировали русское дѣло и портили нашъ кредитъ.

Мои настоянія оставались, большею частью, безплодны. Противъ меня неизмѣнно выдвигался одинъ и тотъ же аргументъ — моего особеннаго покровительства крупнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Министра Путей Сообщенія неизмѣнно поддерживали всѣ Министры такъ называемаго праваго крыла: Щегловитовъ, Маклаковъ, Кассо, Сухомлиновъ; къ нимъ же потомъ всегда присоединялся и Кривошеинъ, и мнѣ не оставалось другого выхода, какъ уступать, потому что дѣлать на каждомъ шагу разногласія и доводить ихъ до Государя было очевидно безцѣльно.

Такимъ образомъ, къ началу 1913 года, скопилось большое количество выданныхъ концессій; помѣстить ихъ облигаціи на внутреннемъ рынкѣ не было никакой возможности, и въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Брюсселѣ появилась цѣлая стая Аргонавтовъ новѣйшей формаціи — въ поискахъ за помѣщеніемъ на этихъ рынкахъ новыхъ русскихъ облигацій. Результатъ явился конечно тотъ, котораго и слѣдовало ожидать. Крупные заграничные Банки, не зная этихъ соискателей, просто не входили съ ними ни въ какія отношенія, да они и не могли предлагать публикѣ подписываться на сравнительно мелкія суммы — въ 20—30 милліоновъ франковъ, въ видѣ облигацій такихъ мелкихъ желѣзныхъ дорогъ, названія которыхъ публика не могла даже произнести и, во всякомъ случаѣ, не могла найти на картѣ мѣстностей, обслуживаемыхъ этими дорогами. Она должно было довѣрять просто гарантіи русскаго правительства.

Предпринимателямъ не оставалось ничего другого, какъ обра-

титься къ мелкимъ банкирскимъ фирмамъ, а тѣ не будучи вовсе заинтересованы въ положеніи русскаго кредита и нимало не заботясь объ интересахъ своихъ кліентовъ или о пертурбаціи на денежномъ рынкѣ вообще, — думали только о томъ, какъ совершить данную сдѣлку и спустить облигаціи въ публику подешевле, положивши въ карманъ болѣе или менѣе приличную комиссію.

Концессіонеры, также ни мало не думая о томъ, что ни одинъ уважающій себя русскій Министръ Финансовъ не утвердитъ сдѣлки, явно невыгодной для государственнаго кредита, привозили въ Петербургъ свои предварительные договоры и совершенно наивно недоумѣвали какимъ образомъ несговорчивый Министръ вмѣсто того, чтобы благодарить ихъ за ихъ блестящую финансовую операцію, отвѣчаетъ имъ категорическимъ отказомъ утвердить результаты ихъ геніальныхъ усилій. Отсюда новая легенда о пристрастіи моемъ къ большимъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ и новыя жалобы Министру Путей Сообщенія, какъ защитнику «малыхъ сихъ», новые непріятные разговоры въ совѣтѣ Министровъ и новыя попытки повліять на меня черезъ посредство новой формаціи ходатаевъ по дѣламъ сомнительнаго свойства, какими являлись, съ нѣкотораго времени, отдѣльные члены Государственной Думы и даже Государственаго Совѣта, правда немногіе.

Какъ бы мелка ни была отдѣльная концессія, какъ ни была явна недопустимость тѣхъ финансовыхъ условій, на которыхъ предлагалась реализація акціонернаго и въ особенности облигаціоннаго капитала, всегда находились охотники оказывать ихъ покровительство «угнетаемымъ» мною новымъ концессіонерамъ.

Послѣдствіемъ этихъ событій естественнымъ образомъ явилось новое неудовольствіе на меня, нѣжное отношеніе къ Министру Путей Сообщенія, какъ покровителю молодыхъ и слабыхъ концессіонеровъ, и, что всего прискорбнѣе, — накопленіе выданныхъ, но не осуществленныхъ концессій.

Меня уговаривали многіе изъ близкихъ мнѣ людей измѣнить мое рѣзкое отношеніе къ дѣлу и дать мое утвержденіе нѣкоторымъ невыгоднымъ сдѣлкамъ, переложивши моральную отвѣтственность на Министерство Путей сообщенія, но я не могъ этого сдѣлать, т. к. дѣйствительная отвѣтственность оставалась бы, во всякомъ случаѣ, на мнѣ, и ея отраженіе было бы особенно гибельно не столько на непосредственныхъ результатахъ новаго желѣзнодорожнаго строительства, сколько на общемъ положеніи русскаго государственнаго кредита. На эту сторону дѣла никто въ Совѣтѣ Министровъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія: одни просто не понимали или не хотѣли понимать въ этомъ во-

просѣ его сущность, другіе, какъ напримѣръ Тимашевъ или Харитоновъ, прекрасно понимали, но не хотѣли выступить рѣзко на защиту моей точки зрѣнія, третьи, какъ Кривошеинъ, Щегловитовъ и въ особенности Рухловъ, имѣли свою теорію бумажно-денежнаго обращенія и убѣжденно считали меня вреднымъ охранителемъ золотого обращенія и осторожныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ.

При описываемыхъ условіяхъ пріѣздъ въ Петербургъ г. де Вернейля оказался какъ не могло быть болѣе кстати. Рѣзкій по внѣшней формѣ своихъ объясненій, необычайно самоувѣренный и придающій себѣ и своему вліянію на Парижскомъ денежномъ рынкѣ гораздо большее значеніе, нежели онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ, де Вернейль заявилъ мнѣ, что Парижскій рынокъ совершенно дезорганизованъ постоянными появленіями цѣлаго ряда русскихъ предпринимателей, которыхъ никто въ Парижѣ не знаетъ и которые обиваютъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, пороги, преимущественно, самыхъ мелкихъ банковъ, предлагая самыя фантастическія условія, лишь бы заручиться помѣщеніемъ своихъ облигацій и увѣряютъ направо и налѣво, что согласіе Министра Финансовъ на эти невѣроятныя условія обезпечено.

Цѣль его пріѣзда и заключалась поэтому въ томъ, чтобы узнать: 1) дѣйствительно ли я согласенъ идти на столь невыгодныя для Россіи условія, во имя ускоренія постройки цѣлаго ряда желѣзнодорожныхъ линій, пренебрегая, въ то же время, разстройствомъ всего рынка русскихъ бумагъ; 2) разъяснить мнѣ тотъ огромный вредъ, который наноситъ Россіи такая политика финансированія желѣзнодорожнаго строительства и 3) передать мнѣ, что онъ уполномоченъ своимъ Министромъ Финансовъ вести со мною переговоры объ измѣненіи общихъ условій реализаціи, на французскомъ рынкѣ, русскихъ желѣзнодорожныхъ цѣнностей. Я не получилъ ни непосредственно отъ Министра Финансовъ, Шарла Дюмона, котораго я къ тому же лично до того и не зналъ, ни черезъ Французскаго посла Делькассе, съ которымъ я поддерживалъ самыя добрыя и близкія отношенія, никакихъ указаній объ официальномъ характерѣ миссіи де Вернейля и имѣлъ всѣ поводы сомнѣваться въ этомъ, зная насколько недолюбливали его представители крупныхъ Банковъ, всегда пользовавшіеся огромнымъ вліяніемъ въ Министерствѣ.

Я имѣлъ поэтому значительныя основанія сомнѣваться въ характерѣ заявленныхъ мнѣ полномочій, но оказалось, по сдѣланному мною запросу, что Правительство дѣйствительно уполномочило де Вернейля говорить со мною и даже ожидаетъ отъ

меня письменнаго увѣдомленія о результатѣ нашихъ переговоровъ. Меня не мало удивило, что само Министерство Финансовъ не сочло нужнымъ предварить меня объ этой миссіи де Вернейля. Тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось по необходимости, вести эти переговоры и, въ результатѣ ихъ послѣ отклоненія мною цѣлаго ряда предложенныхъ Вернейлемъ совершенно непріемлемыхъ комбинацій, явилась новая схема финансированія желѣзнодорожнаго строительства, предложенная мною. За нее на меня обрушились сначала жестокіе нападки въ Государственной Думѣ, а затѣмъ ее усвоилъ тотчасъ же мой преемникъ Баркъ, который получилъ, правда, совершенно подготовленную операцію, но заявилъ себя солидарнымъ съ нею. И та же Дума открыто признала ее весьма удачно разрѣшившею эту сложную задачу.

Эта система заключалась въ совершенномъ отстраненіи концессіонеровъ отъ веденія переговоровъ съ финансистами, въ возложеніи этой обязанности исключительно на Министра Финансовъ и въ соединеніи цѣлаго ряда небольшихъ желѣзнодорожныхъ выпусковъ облигацій въ одинъ, такъ называемый, объединенный заемъ, раздѣленный на серіи, соотвѣтственно отдѣльнымъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ.

Этимъ разомъ достигалось нѣсколько цѣлей: 1) отстранились неумѣлые посредники отъ веденія переговоровъ съ финансовыми кругами, 2) все дѣло передавалось въ руки отвѣтственнаго Министра и устранялось всякое сомнѣніе въ томъ, что выработанныя соглашенія могутъ быть впослѣдствіи не утверждены и 3) съ международнаго рынка снималась, постоянно давившая на него, неизвѣстность, что вскорѣ послѣ заключенія одной операціи, вновь появятся другія, которыя внесутъ новую неустойчивость въ биржевой оборотъ.

Немалое вліяніе на мои переговоры съ де Вернейлемъ и на пріятіе выработанной мною схемы нашимъ Совѣтомъ Министровъ имѣло и то, что я познакомилъ съ Вернейлемъ Государственнаго Контролера Харитонова. Умный, схватывающій на лету всякій вопросъ, понимавшій и прежде, что мы вели просто глупую политику, покойный Харитоновъ, послѣ бесѣды съ Вернейлемъ, пріѣхалъ ко мнѣ и со своими обычными шутками сказалъ мнѣ: «ну, довольно мы забавлялись съ Министромъ Путей Сообщенія, покровительствуя труднымъ младенцамъ, пора взяться за умъ и перейти съ Никольскаго рынка (намекъ на всякую концессіонную мелкоту) на разговоръ съ приличными людьми».

Я просилъ его повліять на Министра Путей Сообщенія, съ

которымъ его связывали близкія отношенія, въ томъ, чтобы онъ не совалъ мнѣ, обычныхъ для него, палокъ въ колеса, при внесеніи мною вопроса въ Совѣтъ Министровъ, и на другой же день Харитоновъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что С. В. Рухловъ и самъ хорошо понимаетъ теперь, что его система привела только къ скандалу, что и ему стало извѣстно, что покровительствуемыя имъ лица стали открыто заниматься перепродажей своихъ концессій и, въ сущности, не могли провести толкомъ ни одного дѣла и дали мнѣ, дѣйствительно, въ руки большое оружіе противъ него, и что онъ готовъ открыто сознаться въ своей ошибкѣ, лишь бы я не очень рѣзко ставилъ этотъ вопросъ въ Совѣтѣ. Для меня это заявленіе было крайне цѣнно.

Я не хотѣлъ вносить въ Совѣтъ опредѣленнаго письменнаго доклада, т. к. у меня не было въ рукахъ твердаго предложенія, окончательно принятаго уже французскими финансовыми кругами, и я сдѣлалъ Совѣту въ предположительной формѣ словесный докладъ, рѣшительно поддержанный на этотъ разъ не только Харитоновымъ и Рухловымъ, но даже вызвавшій открытую поддержку со стороны Кривошеина, который былъ, впрочемъ, ознакомленъ мною, въ частной бесѣдѣ, съ возникшимъ новымъ способомъ финансированія частнаго желѣзнодорожнаго строительства.

На ближайшемъ же моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, я представилъ весь вопросъ уже въ видѣ письменной схемы также на предварительное одобреніе Государя, получилъ отъ Него полномочіе начать открытые переговоры съ Парижемъ и, если я найду полезнымъ, то поѣхать для этого туда, при первой возможности.

Поѣздку свою я намѣтилъ не ранѣе осени, а тѣмъ временемъ, вошелъ въ сношеніе съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, прося его предварить объ этой новой комбинаціи Французское правительство, черезъ нашего Посла Извольскаго. Самъ я сдѣлалъ то же самое черезъ Рафаловича, уполномочивъ его ознакомить съ этимъ проектомъ русскую группу банкировъ.

Послѣ долгаго времени я видѣлъ въ этомъ дѣлѣ первую крупную финансовую удачу, и мнѣ казалось, что мнѣ удастся поставить наше новое желѣзнодорожное строительство на твердое основаніе и дать ему правильное и устойчивое направленіе, свободное отъ всякихъ случайностей и подчиненное опредѣленному финансовому плану.

Вскорѣ послѣ благополучнаго направленія этого вопроса, произошло событіе, достойное быть отмѣченнымъ особо.

Въ Петербургъ пріѣхалъ для обычной, ежегодной встрѣчи съ нашимъ Начальникомъ Генеральнаго Штаба (такая ежегодная встрѣча поочередно въ Парижѣ и въ Петербургѣ, была предусмотрѣна военною конвенціею, заключенною между нами и Франціей) Начальникъ Французскаго Генеральнаго Штаба, впослѣдствіи Главнокомандующій Французскою Арміею въ началѣ войны Генералъ Жоффръ.

О его пріѣздѣ Военный Министръ, конечно, меня не предупредилъ, полагая, вѣроятно, что мнѣ, какъ гражданскому человѣку, нѣтъ никакого дѣла до этого, чисто военнаго вопроса. Печать также не оповѣстила объ этомъ пріѣздѣ, и я узналъ объ этомъ только тогда, когда изъ Французскаго посольства прислали спросить меня въ какой день и часъ я приму Генерала Жоффра. Я жилъ въ это время, какъ и всегда лѣтомъ, на дачѣ, на Елагиномъ Островѣ.

Въ одинъ поистинѣ прекрасный іюльскій день, — онъ былъ исключительно жаркій — къ моему подъѣзду подъѣхалъ цѣлый поѣздъ изъ нѣсколькихъ автомобилей и парныхъ колясокъ, и въ моей довольно тѣсной гостиной скопилось большое общество: Генерала Жоффра сопровождало счетомъ 16 человѣкъ его свиты, состоявшей изъ французскихъ офицеровъ и изъ нашихъ офицеровъ Генеральнаго Штаба. Въ числѣ послѣднихъ не было вовсе высшихъ чиновъ Штаба, съ которыми мнѣ приходилось ранѣе встрѣчаться въ какихъ бы то ни было засѣданіяхъ. Я зналъ среди нихъ только одного — Генерала Воронина, нашего бывшаго военнаго агента въ Австріи.

Едва всѣ успѣли размѣститься и обмѣняться обычными привѣтствіями, какъ Генералъ Жоффръ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Я пріѣхалъ къ Вамъ, господинъ Предсѣдатель, съ просьбою оказать намъ Вашу помощь въ дѣлѣ развитія русской желѣзнодорожной сѣти, т. к. отъ этого зависитъ теперь вся подготовка нашихъ общихъ военныхъ силъ. Вы знаете въ какихъ тревожныхъ условіяхъ живетъ теперь весь міръ, и французское правительство очень надѣется на Вашу помощь и, со своей стороны, готово идти широко навстрѣчу Вашихъ желаній».

Поблагодаривъ Генерала за его добрыя слова и объяснивъ ему, что все дѣло нашего желѣзнодорожнаго строительства зависитъ исключительно отъ возможности скорой реализаціи капиталовъ для этой цѣли, и объяснивъ ему, что такіе капиталы мы можемъ найти только во Франціи, я сказалъ Генералу Жоффру, что этотъ вопросъ требуетъ болѣе широкаго обсужденія, и спросилъ его не хочетъ ли онъ посвятить ему болѣе обстоятельную и

отдѣльную бесѣду, назначивши мнѣ для этого отдѣльное свиданіе, къ которому я подготовилъ бы необходимые матеріалы.

Тономъ величайшаго добродушія, обращаясь ко всѣмъ своимъ русскимъ и французскимъ спутникамъ, Генералъ Жоффръ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее:

«Я думаю, что всѣ мы, собравшіеся здѣсь, настолько заинтересованы этимъ вопросомъ, что можемъ обмѣняться нашими взглядами, теперь же, тѣмъ болѣе, что я пробуду здѣсь очень короткое время и мнѣ не такъ легко найти свободную минуту для отдѣльной бесѣды».

Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, вести разговоръ съ Жоффромъ въ присутствіи всей его русской и французской свиты, и мнѣ крайне жаль, что, кромѣ Генерала Воронина, я не могу указать поименно, кто былъ свидѣтелемъ моихъ объясненій.

Я развилъ подробно, въ какомъ положеніи находится въ настоящую минуту, какъ казенное, такъ и частное желѣзнодорожное строительство, какія средства отпущены на это по бюджету, сколько отдѣльныхъ предпріятій разрѣшено, какія требуются на это средства, въ какой срокъ всѣ разрѣшенныя къ постройкѣ дороги будутъ выстроены, и предложилъ Генералу снабдить его подробною письменною справкою, съ приложеніемъ карты, на которой всѣ дороги будутъ отмѣчены, и которая можетъ быть вообще полезна Французскому Генеральному Штабу для его соображеній объ условіяхъ русской мобилизаціи. Мнѣ показалось, что мое сообщеніе не очень интересовало Генерала, т. к. на послѣднее мое предложеніе онъ реагировалъ неожиданнымъ отвѣтомъ:

«О! Не трудитесь исполнять такую большую работу, я полагаю, что въ нашемъ Штабѣ имѣются всѣ эти свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, мои офицеры постоянно слѣдятъ за всѣми перемѣнами въ русской рельсовой сѣти». Изъ среды его французскихъ спутниковъ раздались возгласы: «Конечно»... Я не считалъ себя въ правѣ далѣе настаивать на моемъ предложеніи и сказалъ только, обращаясь къ французскимъ офицерамъ, что если кому-либо изъ нихъ угодно будетъ ближе изучить дѣло, то я предоставлю имъ всѣ необходимыя данныя. Присутствующіе отвѣтили мнѣ общимъ поклономъ.

Я попросилъ тогда разрѣшенія Генерала Жоффра коснуться болѣе общаго вопроса о положеніи у насъ дѣла государственной обороны. Оговорившись, что по моему мнѣнію, между союзниками не можетъ быть никакой недоговоренности и еще того болѣе не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы одинъ союзникъ не зналъ истиннаго положенія вещей у другого, я началъ мое изложеніе

съ того, что выразилъ увѣренность, что во Франціи, какъ и у насъ, вѣроятно Военный Министръ никогда не бываетъ доволенъ Министромъ Финансовъ и часто даже считаетъ его своимъ врагомъ за то, что онъ не достаточно широко идетъ навстрѣчу требованіямъ Военнаго вѣдомства. Мое заявленіе внесло веселую нотку въ нашу бесѣду, и не только Генералъ Жоффръ, но и многіе изъ его спутниковъ обрадовались моимъ словамъ и поспѣшили заявить, что у нихъ происходятъ постоянные споры съ Министромъ Финансовъ, и что они часто въ своихъ бесѣдахъ говорятъ съ завистью о положеніи русскаго Военнаго Министра, который всегда можетъ заставить Министра Финансовъ быть уступчивѣе передъ требованіями своего Военнаго коллеги.

Я подтвердилъ правильность ихъ мысли, покинулъ на минуту гостиную, въ которой мы всѣ сидѣли, поднялся наверхъ въ мой кабинетъ и принесъ всегда лежавшую у меня подъ рукою вѣдомость о состояніи кредитовъ Военнаго вѣдомства и о неиспользованныхъ остаткахъ отъ ассигнованныхъ суммъ. Нужно было видѣть съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили французскіе офицеры за моимъ изложеніемъ, и когда я сообщилъ, что въ данную минуту у Военнаго Министра имѣется на лицо свыше 200.000.000 рублей, т. е. 500 милліоновъ франковъ неиспользованныхъ кредитовъ, то удивленію французовъ не было предѣла. Лично Жоффръ совершенно спокойно реагировалъ на мои объясненія, но изъ его спутниковъ многіе, наперерывъ, просили меня объяснить имъ причину такого непонятнаго для нихъ явленія, т. к. они ни мало не скрываютъ того, что во Франціи замѣчается обратное явленіе: расходы часто производятся впередъ, ранѣе открытія кредитовъ Палатами, и изъ-за этого происходитъ немало парламентскихъ инцидентовъ и требуется немало усилій и ловкости (souplesse) для того, чтобы сглаживать ихъ остроту. Мнѣ пришлось войти въ очень детальныя объясненія. Не вынося сора изъ избы, я сказалъ, что наши Палаты относятся чрезвычайно сочувственно къ нуждамъ обороны, никогда не отказываютъ Военному Министру въ его требованіяхъ и этимъ зачастую парализуютъ совершенно естественныя стремленія Министра Финансовъ къ сокращенію испрашиваемыхъ кредитовъ, въ особенности когда онъ видитъ, что и отпущенныя ранѣе суммы, на тѣ же потребности, не издержаны по ихъ назначенію. Этотъ послѣдній результатъ происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что у насъ, въ противоположность Франціи, отпускъ кредитовъ значительно опережаетъ исполнительныя дѣйствія, которыя отличаются у насъ большою медленностью, недостаточною разработанно-

стью деталей, частыми измѣненіями распоряженій и вообще недостаточною подготовленностью всего исполнительнаго аппарата.

Въ заключеніе моихъ объясненій я просилъ Генерала Жоффра не думать, что у насъ все зависитъ въ дѣлѣ обороны отъ добраго расположенія Министра Финансовъ. Я завѣрилъ его, что я болѣе, нежели кто либо, готовъ идти навстрѣчу развитію арміи и усовершенствованію защиты страны и просилъ его, въ заключеніе нашей бесѣды, ближе ознакомиться, во время пребыванія его у насъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ всего дѣла и просить Военнаго Министра не только показать ему планъ всякаго рода заказовъ и заготовленій, но, въ особенности, ихъ выполненіе на самомъ дѣлѣ. Въ частности я просилъ его обратить исключительное вниманіе на вопросъ о заказѣ тяжелой артиллеріи, въ которомъ я видѣлъ особое расхожденіе между тѣмъ, что намъ нужно, и тѣмъ, что мы имѣемъ въ дѣйствительности.

Помню хорошо, что я закончилъ нашу чрезмѣрно затянувшуюся бесѣду слѣдующимъ обращеніемъ моимъ къ Генералу Жоффру:

«Я хорошо знаю нашу взаимную военную конвенцію, знаю, что Вы пріѣхали для провѣрки того, что у насъ сдѣлано, знаю, что Вамъ будетъ показано не мало интересныхъ вещей изъ жизни отдѣльныхъ воинскихъ частей, но усердно прошу отдать все Ваше вниманіе изученію нашей работы по дѣйствительному усиленію обороны и не покидать насъ ранѣе, нежели Вы сами и Ваши сотрудники не будете знать въ точности, что намъ нужно, что у насъ есть не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, и чего у насъ недостаетъ, а также когда именно мы пополнимъ всѣ наши недостатки.

Говоря съ Вами такимъ образомъ, я хочу честно служить нашему союзу, моему Государю и моей родинѣ».

Не знаю, произвели ли мои слова какое-либо впечатлѣніе на Жоффра. Онъ меня усиленно благодарилъ; французскіе офицеры все время обмѣнивались между собою сочувственными взглядами, но во все пребываніе въ Петербургѣ этой миссіи никто болѣе со мною не обмѣнялся ни однимъ словомъ, да и съ Генераломъ Жоффромъ я видѣлся потомъ всего одинъ разъ, за обѣдомъ у Французскаго посла, и онъ не возвращался болѣе къ предмету нашей первой и единственной бесѣды.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго на всеподданнѣйшемъ моемъ докладѣ я передалъ о моей встрѣчѣ съ Жоффромъ Государю и довелъ до Его свѣдѣнія, со всею подробностью, обо всемъ, что я сказалъ Жоффру. Государь ни разу меня не остановилъ, и

когда я кончилъ, сказалъ мнѣ совершенно спокойно: «Военный Министръ передалъ Мнѣ уже обо всемъ», а на мое замѣчаніе, что вѣроятно и тутъ я въ чемъ-либо поступилъ неправильно, по мнѣнію Генерала Сухомлинова, Государь сказалъ:

«Разумѣется, Вы нажаловались французскому Генералу на русскаго Военнаго Министра и искали поддержки Вашихъ взглядовъ, забывая, что сора не слѣдуетъ выносить изъ избы, но Я такого взгляда совершенно не раздѣляю, что и сказалъ прямо Владиміру Александровичу, и нахожу, что передъ союзниками мы не имѣемъ права скрывать нашей неготовности. Они скорѣе могутъ помочь намъ и, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ быть добросовѣстнымъ и не бояться открывать своихъ недочетовъ; хуже будетъ, если мы скажемъ, что у насъ все въ порядкѣ, а потомъ, въ грозную минуту, не дадимъ того, что обѣщали».

Мнѣ осталось только сказать, что я руководствовался именно этими мыслями и считалъ себя въ правѣ изложить ихъ какъ въ присутствіи нашихъ, такъ и французскихъ офицеровъ, хотя и зналъ заранѣе, что моимъ словамъ будетъ приданъ недобрый смыслъ.

Было ли это такъ на самомъ дѣлѣ или и тутъ Государь не хотѣлъ только говорить мнѣ непріятныя вещи, а въ душѣ раздѣлялъ взглядъ Сухомлинова — кто можетъ это теперь сказать? Но одно еще достойно быть отмѣченнымъ, что во время этого посѣщенія Жоффра и послѣ моей бесѣды съ нимъ, какъ потомъ выяснилось уже въ Парижѣ, Генералы Жоффръ и Жилинскій, нашъ Начальникъ Генеральнаго Штаба, имѣли между собою подробное объясненіе по вопросу о постройкѣ цѣлаго ряда стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, составили какой-то схематическій планъ, который Сухомлиновъ возилъ въ концѣ августа въ Ливадію, получилъ одобреніе его Государемъ, но объ этомъ не зналъ рѣшительно ничего ни я, ни Министры Иностранныхъ Дѣлъ и Путей Сообщенія, несмотря на то, что послѣдній видѣлъ Государя вскорѣ послѣ проѣзда Сухомлинова, а я не только провелъ въ Ливадіи четыре дня, въ половинѣ сентября, но даже выѣхалъ оттуда прямо заграницу и испросилъ совершенно опредѣленныя указанія Государя именно по вопросу о переговорахъ о займѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ.

Объ этомъ планѣ я узналъ уже послѣ, въ бытность мою въ Парижѣ. Съ отъѣздомъ Генерала Жоффра мои сношенія съ Парижемъ приняли особенно оживленный характеръ. Французское правительство въ точности выполнило свое обѣщаніе, указавши наиболѣе крупнымъ Банкамъ такъ называемой русской группы

(Ліонскій Кредитъ, Парижско-Нидерландскій Банкъ, Національная Контора, Генеральное Общество и Банкирскій Домъ Готтингера), что оно желаетъ скорѣйшаго завершенія переговоровъ со мною о выработкѣ новаго типа желѣзнодорожнаго займа, и мои письменныя сношенія, веденныя, какъ и раньше, черезъ предсѣдателя Парижско-Нидерландскаго Банка Г. Нетцлина, сразу приняли очень успѣшный характеръ. Не малую поддержку въ нихъ оказалъ мнѣ де-Вернейль, но справедливость заставляетъ упомянуть и о двукратной поѣздкѣ въ Парижъ покойнаго, погибшаго отъ руки большевиковъ В.Ф.Трепова, который хотя и преслѣдовалъ свои личныя цѣли, но успѣлъ во многомъ подготовить банковскіе круги къ моей близкой поѣздкѣ въ Парижъ. Онъ добивался полученія концессіи на сооруженіе Южно-Сибирской ж. дороги, и я обѣщалъ ему мою поддержку, преимущественно передъ другими конкурентами, при равныхъ условіяхъ, а также согласіе мое на включеніе этой дороги въ первую очередь, если только мнѣ удастся заключить во Франціи заемъ на сумму не менѣе — 250.000.000 рублей въ годъ и притомъ съ предрѣшеніемъ этой суммы на 5 лѣтъ.

Такимъ образомъ, этотъ первый объединенный желѣзнодорожный заемъ долженъ былъ быть заключенъ на общую сумму въ одинъ милліардъ 250 милліоновъ рублей или почти три съ половиною милліарда франковъ, сумма, по тому времени, поистинѣ исключительно большая. Операція эта мнѣ вполнѣ удалась; лѣтніе переговоры на письмѣ настолько подготовили почву, что въ мою осеннюю поѣздку, о которой рѣчь впереди, осталось только оформить достигнутое соглашеніе и закончить это большое дѣло, которое должно было поставить на твердое основаніе все наше частное желѣзнодорожное строительство.

Заемъ былъ исключенъ въ январѣ 1914 года передъ самымъ моимъ увольненіемъ. Его успѣхомъ воспользовался мой преемникъ по Министерству — П. Л. Баркъ, но затѣмъ наступила война, и все это, такъ бережно построенное, зданіе рухнуло безвозвратно подъ ударами той грозы, которая размела всю русскую государственность.

ГЛАВА VII.

Поѣздка въ шхеры для доклада Государю. — Неудовольствіе Императрицы Александры Феодоровны за отказъ удовлетворить поддержанное ею ходатайство лейтенанта Мсчульскаго. — Инцидентъ вызванный возвращеніемъ въ Петербургъ Шорниковой. — Поѣздка въ Ялту для доклада Государю. — Рѣзкія нападки на меня «Гражданина» кн. Мещерскаго. — Поѣздка за границу и вызванная заболѣваніемъ задержка въ Италіи. Пребываніе въ Парижѣ. Заключеніе желѣзнодорожнаго займа и подписаніе соглашенія по желѣзнодорожному вопросу.

Отдѣльно отъ упомянутыхъ выше событій два эпизода, происшедшіе въ теченіе лѣта 1913-го года, заслуживаютъ быть занесенными въ мои замѣтки.

Въ концѣ іюня Царская семья уѣхала въ шхеры и проводила обычное время до начала маневровъ на рейдѣ «Штандартъ» и на ея любимой яхтѣ «Штандартъ». Министры рѣдко ѣздили туда съ докладами, и Государь просто не любилъ, чтобы его уединенная жизнь тамъ, среди семьи, посвящаемая рыбной ловлѣ, рѣдкимъ съѣздамъ на берегъ и самымъ простымъ развлеченіямъ въ лѣсу, была прерываема пріѣздами Министровъ съ ихъ обычными докладами. За все время моего управленія Министерствомъ Финансовъ съ 1904-го и по 1914-ый годъ я только одинъ разъ, въ 1912 году, былъ на «Штандартѣ». Въ этомъ году мнѣ нельзя было дождаться возвращенія Государя изъ шхеръ или ограничиться посылкою письменныхъ докладовъ, такъ какъ свиданіе мое съ Генераломъ Жоффромъ и, въ особенности, переговоры съ де-Вернейлемъ требовали личнаго моего доклада. Государь очень охотно согласился на мою просьбу и даже написалъ на моей запискѣ, о разрѣшеніи мнѣ явиться для личнаго доклада, — «Вамъ давно слѣдовало посмотрѣть какъ хорошо и спокойно живемъ мы

на нашей любимой дачѣ». Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ шхеры ко мнѣ пріѣхалъ Флигель-Адъютантъ Нарышкинъ, служившій въ Главной квартирѣ, и, не заставши меня дома, оставилъ офиціальное письмо, въ которомъ было сообщено мнѣ повелѣніе Императрицы Александры Феодоровны о томъ, чтобы я лично доложилъ ей объ удовлетвореніи всеподданнѣйшей просьбы Лейтенанта Гвардейскаго Экипажа Мочульскаго объ уступкѣ ему участка въ 300 десятинъ изъ большого имѣнія въ 16.000 десятинъ земли въ Болградскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, которое Крестьянскій Банкъ покупалъ въ то время отъ Румынскаго Правительства. Послѣднее, послѣ нашихъ домогательствъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, согласилось, наконецъ, продать землю за три милліона рублей (8 мил. франковъ) и прекратить такимъ образомъ совершенно уродливое положеніе вещей, при которомъ греческій монастырь Св. Спиридонія, находящійся въ Румыніи, владѣлъ огромною площадью земли въ Россіи, сдавая ее за безцѣнокъ въ аренду разнымъ бессарабскимъ дѣятелямъ (въ числѣ ихъ были, между прочимъ, и нѣкоторые члены Государственной Думы изъ фракціи націоналистовъ, а они уже отъ себя сдавали ту же землю крестьянамъ, по значительно болѣе высокимъ цѣнамъ. Крестьяне все время добивались пріобрѣтенія этой земли въ собственность. Румынское правитеьство вліяло на монастырь, чтобы онъ не соглашался на мелкія сдѣлки съ крестьянами, а заключеніе крупныхъ сдѣлокъ на имя большихъ товариществъ было невозможно, за неимѣніемъ у крестьянъ наличныхъ денегъ, безъ чего монастырь не шелъ на соглашеніе. Заинтересованныя въ этомъ имѣніи лица и съ своей стороны не упускали случая, чтобы разстраивать и замедлять ходъ этого дѣла, и мнѣ удалось только послѣ продолжительныхъ настояній вмѣстѣ съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ достигнуть, наконецъ, согласія Румынскаго правительства на передачу намъ этого имѣнія. Выработаны были условія осуществленія этой сложной комбинаціи, составленъ былъ планъ ликвидаціи имѣнія, черезъ посредство Крестьянскаго Банка, заранѣе были изготовлены сдѣлки съ малоземельными крестьянами, давно жаждавшими покупки Банкомъ этой земли, и все дѣло сулило и крестьянамъ и Банку огромныя выгоды. Что̀ стало съ этимъ дѣломъ, стоившемъ намъ и лично мнѣ немалаго труда, — послѣ того что я покинулъ Министерство Финансовъ, — я не знаю, но лѣтомъ 1913 года оно было въ полномъ ходу, и крѣпостные документы на переходъ имѣнія въ руки Крестьянскаго Банка были уже изготовлены, и ожидалось только завершеніе второстепен-

ныхъ формальностей. Очевидно, что потомъ и изъ этого дѣла ничего не вышло, и до начала войны мы не успѣли его реализовать. Письмо Нарышкина меня не удивило. Еще зимою 1912—1913 года, въ одинъ изъ нихъ очередныхъ докладовъ въ Царскомъ Селѣ, передъ тѣмъ, что я вошелъ въ кабинетъ Государя, Командиръ Сводного полка, Генералъ Комаровъ, постоянно заходившій въ пріемную Государя передъ пріѣздомъ Министровъ, къ которымъ у него всегда были всякія просьбы, встрѣтилъ меня и предупредилъ, что на-дняхъ онъ представилъ Государю прошеніе матери Лейтенанта Мочульскаго, ходатайствующей о томъ, чтобы ей или ея сыну было уступлено изъ покупаемаго Крестьянскимъ Банкомъ имѣнія монастыря Св. Спиридонія — 300 десятинъ земли, по цѣнѣ, которую заплотитъ самъ Банкъ. Комаровъ добавилъ, что Государь предполагалъ переговорить объ этомъ прошеніи со мною. И дѣйствительно, по окончаніи моего доклада Государь передалъ мнѣ это прошеніе и спросилъ можно ли его удовлетворить. Зная хорошо это дѣло, я объяснилъ, что исполнить желаніе Г-жи Мочульской совершенно немыслимо, такъ какъ имѣніе покупается Крестьянскимъ Банкомъ для распродажи всей земли исключительно крестьянамъ, причемъ число малоземельныхъ крестьянъ, ожидающихъ продажи имъ этой земли, такъ велико, что только малая часть ихъ можетъ быть устроена, и продажа хотя бы одной десятины, иначе какъ крестьянамъ была бы просто незаконна и могла бы вызвать большія нареканія. Государь выслушалъ меня безъ всякаго неудовольствія, поблагодарилъ за разъясненіе и, не передавая мнѣ прошенія, сказалъ, что Онъ скажетъ кому слѣдуетъ, что просьба совершенно неисполнима. На этомъ все и кончилось, и больше ни разу Государь къ этому вопросу не возвращался.

Изъ письма Нарышкина было ясно, что тѣ же Мочульскіе не удовольствовались отказомъ, а нашли новый путь къ Императрицѣ, на этотъ разъ, повидимому, уже не черезъ Комарова, такъ какъ я немедленно запросилъ послѣдняго по телефону, какимъ образомъ возникъ снова этотъ вопросъ и получилъ увѣреніе, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ, но слышалъ только отъ того же Нарышкина, что Императрица будто бы заинтересовалась просьбою Мочульскаго и обѣщала ему помочь. Когда я прибылъ на Яхту «Штандартъ» и кончилъ весь очередной мой докладъ, я вынулъ письмо Нарышкина, прочиталъ его Государю, напомнивъ докладъ мой по тому же вопросу зимою. На это Государь сказалъ мнѣ, что хорошо припоминаетъ это дѣло, а также ясно помнитъ, что такая просьба совершенно не законна и ее испол-

нить нельзя. Государь прибавилъ, что Императрица чувствуетъ себя сегодня значительно бодрѣе и, конечно, охотно приметъ меня. «Вы разъясните Ей это дѣло, сказалъ Государь, также просто и убѣдительно, какъ разъяснили его Мнѣ, и я увѣренъ, что Ея Величество также пойметъ Васъ, какъ Я, тѣмъ болѣе, что вопросъ до очевидности ясенъ». На замѣчаніе мое, что мнѣ крайне обидно, что я вынужденъ доложить Ея Величеству о неисполнимости обращенной къ ней просьбы и легко могу снова вызвать этимъ Ея неудовольствіе, такъ какъ Государыня Императрица вообще относится ко мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ неблагосклонно, Государь отвѣтилъ: «Ея Величество никогда не выражала Мнѣ неудовольствія на Васъ и, несомнѣнно, пойметъ, что Вы не можете удовлетворять незаконныхъ просьбъ. Если бы даже Мы исполнили просьбу очень хорошаго офицера, котораго Мы близко знаемъ, то за нимъ пошелъ бы цѣлый рядъ такихъ же просьбъ со стороны другихъ, и Вы дѣйствительно встрѣтились бы съ очень труднымъ положеніемъ. Вы оберегаете и Насъ отъ несправедливости».

Императрица приняла меня на правой рубкѣ «Штандарта». Она лежала на соломенной кушеткѣ, покрытая теплымъ пледомъ, несмотря на то, что день былъ очень теплый и ярко солнечный. На вопросъ мой о ея здоровьѣ, Она отвѣтила: «все также, какъ всегда», и не обратилась ко мнѣ ни съ какимъ вопросомъ. Тогда я сказалъ, что получилъ черезъ Нарышкина приказаніе Ея доложить просьбу лейтенанта Мочульскаго, причемъ мнѣ передано, что «Ваше Величество принимаете эту просьбу близко къ сердцу и желали бы ее удовлетворить». Разговоръ шелъ какъ всегда по-французски. Императрица подтвердила, что Она дѣйствительно интересуется просьбою Мочульскаго и очень желаетъ ее удовлетворить. «Это все — прибавила она — «что мы можемъ сдѣлать для тѣхъ кто вѣрно служитъ Намъ и кого мы близко знаемъ». Мнѣ пришлось доложить весь вопросъ съ начала его возникновенія и привести всѣ аргументы въ доказательство неисполнимости этой просьбы, которые я приводилъ Государю, и довести до свѣдѣнія Императрицы, что все мною сказанное я доложилъ Государю, который вполнѣ понялъ, что я, при всей моей горячей готовности исполнять угодное Ея Величеству, лишенъ всякой возможности сдѣлать что-либо въ пользу Мочульскаго. Императрица слушала меня съ видомъ трудно скрываемаго неудовольствія, и когда я кончилъ, сказала мнѣ болѣе чѣмъ сухо: «Я была увѣрена, что на мое желаніе, Я получу только тотъ отказъ, который Я отъ Васъ слышу; Меня это нисколько не удивляетъ, ибо

Я привыкла уже къ тому, что Мои просьбы бо̀льшею частью оказываются неисполнимыми». Я поспѣшилъ высказать, насколько мнѣ больно слышать такія слова, и что для меня было бы величайшею радостью идти навстрѣчу желаніямъ Ея Величества. Императрица ничего не отвѣтила мнѣ на это, наклоненіемъ головы дала понять, что продолжать разговора болѣе не желаетъ, и когда я всталъ и откланивался, съ трудомъ и крайне неохотно протянула мнѣ руку. Это было въ послѣдній разъ, что я видѣлъ близко Императрицу и разговаривалъ съ нею. Во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, когда мнѣ привелось еще бывать вблизи Ея, Она ни разу не подошла ко мнѣ, а во время двукратнаго моего посѣщенія Ливадіи осенью того же года, ни разу не вышла изъ внутреннихъ комнатъ. Была ли это случайность, оправдываемая нездоровьемъ, или опредѣленно Она не желала видѣть меня, — объ этомъ я не берусь судить, да и къ чему.

По странной случайности, много лѣтъ спустя, уже въ бѣженствѣ, въ Парижѣ, въ началѣ 1924-го года, я встрѣтился съ лейтенантомъ Мочульскимъ, который обратился ко мнѣ за помощью, какъ и многіе изъ соотечественниковъ, впавшихъ въ эмиграціи въ жестокую нужду. Онъ просилъ помочь ему обзавестись костюмомъ для того, чтобы поступить метръ-д-отелемъ въ одинъ изъ русскихъ ресторановъ Монмартра. Я спросилъ его не тотъ ли онъ Мочульскій, который домогался получить участокъ земли изъ румынскаго имѣнія въ 1912—1913-мъ году. Оказалось, что это тотъ самый. На вопросъ, знаетъ ли онъ, что изъ-за него я встрѣтилъ неудовольствіе Императрицы, оказалось, что онъ хорошо все зналъ и помнитъ всѣ подробности, но далъ себѣ уже гораздо позже ясный отчетъ въ томъ, насколько его домогательство было неумѣстно, незаконно и даже неприлично для лейтенанта флота, но въ ту пору онъ просто не понималъ того, чего домагается, такъ какъ среди его товарищей было простое представленіе, что просить можно обо всемъ, и что Государь и Императрица могутъ разрѣшить рѣшительно все, если только Они этого желаютъ. Онъ не захотѣлъ только назвать тѣхъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, съ вѣдома и одобренія которыхъ онъ заявилъ свое ходатайство, наивно предполагая, что если бы въ его просьбѣ было что-либо незаконное, то на ихъ обязанности лежало не допустить его до такого шага. Нельзя впрочемъ отвергать, что по своему онъ былъ правъ.

Второй эпизодъ, достойный упоминанія, относится еще къ событіямъ 1907-го года, связаннымъ съ процессомъ соціалъ-демократи-

ческой группы второй Государственной Думы и преданіемъ суду всей фракціи, кромѣ тѣхъ ея членовъ, которые успѣли скрыться.

Іюль 1913-го года, какъ и весь лѣтній періодъ послѣ окончанія работъ Государственной Думы и Совѣта, отличался сравнительнымъ затишьемъ. Министры стали постепенно разъѣзжаться, и въ числѣ уѣхавшихъ изъ Петербурга въ половинѣ или въ концѣ этого мѣсяца, былъ и М-ръ Юстиціи Щегловитовъ, вообще рѣдко выѣзжавшій изъ Петербурга.

Прощаясь со мною въ 20-хъ числахъ іюля, онъ сказалъ мнѣ, что думаетъ провести около мѣсяца въ своемъ Черниговскомъ имѣніи, а затѣмъ хотѣлъ бы прожить недѣли двѣ-три въ имѣніи его жены на Черноморскомъ побережьѣ.

Не прошло 10-ти дней съ его отъѣзда, какъ — помню хорошо — въ субботу, во время моего обычнаго пріема просителей и подъ самый его конецъ пріѣхалъ ко мнѣ Товарищъ М-ра Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ Джунковскій и передалъ мнѣ, что онъ крайне встревоженъ появленіемъ въ Петербургѣ нѣкоей Шорниковой, привлекавшейся по процессу соціалъ-демократической фракціи второй Государственной Думы, которая оставалась до сихъ поръ неразысканной, какъ и нѣкоторые другіе обвиняемые, въ числѣ которыхъ былъ и наиболѣе видный представитель фракціи Озоль.

Изъ словъ Генерала Джунковскаго мнѣ было совершенно неясно, въ чемъ заключается причина тревоги и почему смущено М-во Вн. Дѣлъ появленіемъ этой обвиняемой, такъ какъ выдѣленное изъ общаго дѣла обвиненіе о ней могло просто получить отдѣльное направленіе.

Не получая яснаго отвѣта на мои недоумѣнія, я просилъ согласія Г. Джунковскаго вызвать Директора Департамента Полиціи Бѣлецкаго по телефону. Онъ немедленно пріѣхалъ и послѣ краткаго его доклада въ присутствіи Генерала Джунковскаго все мое недоумѣніе разсѣялось. Оказалось, что Шорникова играла въ процессѣ соціалъ-демократической фракціи выдающуюся роль: она была Секретаремъ военной секціи этой фракціи; она сама, или при ея содѣйствіи кто-то другой, составилъ такъ называемый наказъ этой секціи, послужившій однимъ изъ существенныхъ пунктовъ обвиненія; она доставила его въ руки жандармской полиціи, оказавши тѣмъ самымъ существенную помощь къ постановкѣ обвиненія, но, въ то же время, эта Шорникова состояла на службѣ въ Д-тѣ Полиціи и послѣ ареста главныхъ дѣйствующихъ лицъ скрылась, при помощи того же Департамента и всѣ пять лѣтъ состояла на его иждивеніи, переѣзжая съ мѣста

на мѣсто и продолжая, если и не состоять агентомъ Департамента, то оставаться въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ различными губернскими жандармскими управленіями, которыя не могли, однако, болѣе пользоваться ея услугами, такъ какъ она была уже обнаружена революціонными организаціями, и ихъ преслѣдованія и довели ее до того, что она явилась въ Департаментъ Полиціи съ просьбой дать ей средства уѣхать въ Америку а, въ случаѣ отказа въ этой просьбѣ, просто сказать ей, что̀ ей дѣлать.

Мысль Бѣлецкаго была чрезвычайно проста: получить отъ меня нужную сумму денегъ на выѣздъ Шорниковой въ Америку, удалить ее съ глазъ долой и посмотрѣть что̀ будетъ дальше. Съ такимъ простымъ рѣшеніемъ не согласились ни я, ни Джунковскій. Ясно было съ первой же минуты, что такимъ рѣшеніемъ не разрѣшается ничто и, напротивъ, создается еще новое обвиненіе правительства въ томъ, что оно идетъ все дальше и дальше по пути укрывательства Шорниковой. Въ Америкѣ ее точно также немедленно опознаютъ, Бурцевъ получитъ только новый обличительный матеріалъ, дѣло нисколько не развяжется, а я попадаю только въ сдѣлку, въ которой до сихъ поръ не принималъ никакого участія.

Я предложилъ удержать Шорникову отъ всякихъ шаговъ въ теченіе еще нѣсколькихъ дней, дать ей средства къ жизни, оберегая ее отъ мести ея бывшихъ товарищей, и рѣшилъ немедленно вызвать Щегловитова изъ его отпуска, съ тѣмъ чтобы выяснить съ нимъ весь предстоящій ходъ дѣла, привлечь къ последнему Совѣтъ Министровъ и доложить дѣло Государю уже послѣ обсужденія вопроса въ Совѣтѣ. Кое-кто изъ Министровъ собирался уѣхать также въ отпускъ, я просилъ ихъ повременить и тутъ же послалъ М-ру Юстиціи телеграмму, не посвящая его въ причину его вызова, такъ какъ у него не было съ собою ключа для разбора шифра.

Щегловитовъ пріѣхалъ черезъ три дня, во вторникъ утромъ и въ тотъ же день пришелъ ко мнѣ. Близко зная весь слѣдственный матеріалъ по обвиненію соціалъ-демократической фракціи, онъ сразу же освѣтилъ мнѣ главное мое недоумѣніе, заключавшееся въ томъ, что не разрушаетъ ли фактъ безспорнаго провокаторства Шорниковой, какъ агента Д-та Полиціи, все обвиненіе противъ членовъ Государственной Думы и не поставитъ ли этотъ фактъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ всего дѣла. Щегловитовъ безъ всякихъ колебаній отвѣтилъ мнѣ, что давая себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ имѣть это неожиданное обстоятельство, о которомъ, впрочемъ, онъ слышалъ уже и

раньше, такъ какъ въ революціонной печати фактъ принадлежности Шорниковой къ агентурѣ Д-та Полиціи былъ давно обнаруженъ, онъ находитъ, однако, что придавать появленію Шорниковой большого значенія не слѣдуетъ ,такъ какъ все сводится лишь къ тому, какъ ликвидировать теперь нахожденіе Шорниковой подъ слѣдствіемъ, ибо, очевидно, нельзя вести надъ нею слѣдствія, какъ надъ соучастницею соціалъ-демократической группы Государственной Думы, потому что выяснится съ первой же минуты, что она никакого преступленія вмѣняемаго въ вину этой группѣ не совершила, не состоя на самомъ дѣлѣ и въ партіи соціалъ-демократовъ, и ее можно обвинять лишь въ томъ, что она написала подъ диктовку активныхъ дѣятелей партіи наказъ военной секціи и помогла правительству получить его въ руки. По словамъ М-ра Юстиціи, все слѣдственное дѣло съ несомнѣнностью доказываетъ, что Шорникова вовсе не сочинила наказа, а только переписала его подъ диктовку главарей, чего не отрицаютъ и они сами въ ихъ литературѣ, но, конечно, нельзя быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что безъ нея мы напали бы на слѣдъ наказа, и онъ не былъ бы скрытъ, какъ несомнѣнно были скрыты многіе документы, попавшіе только позже въ руки правительства.

По существу же дѣла Щегловитовъ выразился такъ: обвиненіе противъ соціалъ-демократической фракціи было построено Прокуроромъ Камышанскимъ на 21-мъ пунктѣ, изъ которыхъ каждый былъ вполнѣ достаточенъ для произнесенія обвинительнаго приговора и при томъ безъ всякой натяжки и безъ всякаго ограниченія свободы слѣдствія и защиты на судѣ, — и среди этихъ пунктовъ, наказъ и его фабрикація стоялъ на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ и даже, если бы было доказано, что его никто изъ обвиненныхъ не сочинилъ, не диктовалъ Шорниковой, и она не доставила бы его слѣдственной власти, то все дѣло не получило бы иного направленія, нежели то, которое ему дано. Такимъ образомъ, по мнѣнію М-ра Юстиціи, не только не можетъ возникать вопроса о пересмотрѣ всего дѣла на основаніи одного факта появленія Шорниковой, оффиціально разыскиваемой, какъ укрывшейся въ свое время, — но правительству нѣтъ никакого основанія смущаться ея появленіемъ и слѣдуетъ спокойно обсудить наилучшій способъ ликвидировать вопросъ о состояніи ея подъ слѣдствіемъ. Онъ нашелъ, что я поступилъ совершенно правильно, отказавшись отъ всякаго участія въ искусственномъ удаленіи ея, такъ какъ согласившись на оказаніе ей помощи для отъѣзда въ Америку, мы попали бы въ руки шантажистовъ и вызвали бы только новыя осложненія обвиненіемъ насъ въ томъ, что

мы, опасаясь какихъ-то разоблаченій, встали на путь соглашенія съ Шорниковой. На другой день я пригласилъ къ себѣ М-ра Вн. Дѣлъ съ Генераломъ Джунковскимъ и Бѣлецкимъ. Щегловитовъ привезъ съ собою Прокурора Палаты Корсака, успѣвшаго, по его словамъ, вновь пересмотрѣть наиболѣе существенныя части всего слѣдственнаго производства, а въ пятницу, послѣ моего всеподданнѣйшаго доклада, на которомъ я только вскользь доложилъ дѣло Государю, предваривши, что на слѣдующемъ докладѣ я представлю весь вопросъ, во всей его подробности, находя, что все правительство, въ лицѣ Совѣта Министровъ, должно высказаться объ этомъ и принять на себя отвѣтственность за то его направленіе, которое будетъ дано дѣлу.

Предварительная бесѣда у меня всѣхъ поименованныхъ лицъ не внесла ничего новаго. Они единогласно раздѣлили мнѣніе Щегловитова, который хотѣлъ предложить и способъ ликвидаціи личнаго положенія Шорниковой, но я просилъ его отложить обсужденіе до собранія Совѣта, на которое я пригласилъ также и Прокурора Судебной Палаты.

Я помню хорошо это засѣданіе у меня на дачѣ, на Елагиномъ островѣ. Былъ необычайно знойный день; нельзя было оставаться въ комнатѣ, и мы собрались на балконѣ, выходившемъ въ садъ. Острова — вообще пусты въ дневные часы и рѣшительно никто не проѣзжалъ мимо дачи. Я изложилъ ходъ дѣла, просилъ Маклакова дополнить его своими соображеніями, отъ чего онъ уклонился, и просилъ выслушать Директора Д-та Полиціи, который сказалъ, что не имѣетъ ничего добавить, и тогда слово было дано Министру Юстиціи, который подробно развилъ точку зрѣнія уже изложенную мною выше. Никто изъ членовъ Совѣта не представилъ ни малѣйшихъ возраженій, и мы всѣ единогласно пришли къ тому заключенію, что поднимать вопроса о пересмотрѣ давно рѣшеннаго дѣла о соціалъ-демократической фракціи Думы нѣтъ никакого основанія, что судебное рѣшеніе отнюдь не было основано на одномъ томъ дѣйствіи, которое приписывается Шорниковой, но — на цѣломъ рядѣ неопровергнутыхъ доказательствъ, что даже въ самой революціонной литературѣ эта точка зрѣнія на личность Шорниковой остается до сихъ поръ неопровергнутою, несмотря на то, что ея служба въ Д-тѣ Полиціи считается неопровержимымъ фактомъ, и что все дѣло сводится теперь лишь къ тому, какъ поступить съ самой Шорниковой.

Слушая наши пренія, М-ръ Народнаго Просвѣщенія Кассо иронически замѣтилъ: «вотъ какъ было бы хорошо, если бы по-

всѣмъ дѣламъ въ нашей средѣ царило такое согласіе, какъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ»!

Больше споровъ и разговоровъ вызвалъ именно вопросъ о томъ, какъ быть съ самой Шорниковой. Бѣлецкій поднялъ снова вопросъ объ отправленіи ея въ Америку. Его поддерживалъ Маклаковъ, оговорившись, однако, что такое рѣшеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ того, дастъ ли на это средства М-ръ Финансовъ, такъ какъ въ Д-тѣ Полиціи нѣтъ на это средствъ, а деньги, прибавилъ онъ, нужны не малыя, да и не только теперь, но вѣроятно и въ будущемъ, потому что нельзя же ее оставить умирать съ голода». Мнѣ пришлось выступить съ самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ такой упрощенной точки зрѣнія, рѣшить все на чужой счетъ, съ тѣмъ, чтобы М-во Финансовъ взяло на себя попеченіе объ этомъ своеобразномъ пенсіонерѣ казны до ея кончины. Меня поддержали рѣшительно всѣ Министры и въ особенности Щегловитовъ и Кривошеинъ. Послѣдній даже разгорячился и сказалъ, что недостойно правительства откупаться отъ агентовъ Департамента Полиціи, изъ опасенія, что они могутъ шантажировать его. «Становясь на такой путь» — прибавилъ онъ — «мы должны быть готовы на то, что постепенно придется удалять въ Америку всѣхъ агентовъ политическаго розыска и содержать ихъ тамъ на счетъ казны. Министръ Финансовъ насъ не любитъ пускать въ свою сокровищницу — 10-ти милліонный фондъ «и не мнѣ» — закончилъ онъ — «защищать его въ ревнивомъ охраненіи своихъ межевыхъ знаковъ, но я понимаю, что ни одинъ М-ръ Финансовъ не можетъ согласиться на то, чтобы параллельно съ внутреннимъ штатомъ государственной полиціи постепенно накапливался еще штатъ бывшихъ агентовъ, проживающихъ на государственный счетъ за-границею». Маклаковъ замолчалъ, и это предложеніе провалилось. Тогда пришлось перейти къ законному сопособу направленія подобныхъ дѣлъ. Прокуроръ Палаты, а за нимъ и М-ръ Юстиціи разъяснили, что по закону дѣло о прекращеніи слѣдствія и суда по вопросу рѣшенному Особымъ Присутствіемъ Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ подлежитъ разсмотрѣнію Сената, въ составѣ того же Особаго Присутствія, которое, однако, во время лѣтняго ваканта можетъ быть замѣнено другимъ составомъ Сената и, такимъ образомъ, слѣдуетъ внести этотъ вопросъ на разрѣшеніе этого лѣтняго присутствія, въ которомъ исполненіе прокурорскихъ обязанностей можетъ быть возложено на Прокурора С. Петербургской Палаты. Присутствію должны быть представлены всѣ данныя, подтверждающія то, что Шорникова въ

дѣйствительности не участвовала въ томъ преступленіи, по которому она была привлечена къ слѣдствію, что она на самомъ дѣлѣ состояла на службѣ Д-та Полиціи и вообще слѣдуетъ быть совершенно откровеннымъ передъ Сенатомъ, не скрывая отъ него рѣшительно ничего, что можетъ положить конецъ такому непріятному дѣлу, и слѣдуетъ надѣяться на то, что Сенатъ встанетъ на ту же точку зрѣнія, такъ какъ для привлеченія Шорниковой къ обвиненію въ томъ, за что она разыскивается, во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ поводовъ. Съ такимъ направленіемъ дѣла Совѣтъ Министровъ согласился единогласно. Прокурору Палаты Г. Корсаку и Министру Юстиціи было поручено немедленно образовать лѣтній составъ особаго присутствія изъ наличныхъ сенаторовъ и немедленно внести дѣло на его разсмотрѣніе. Щегловитову было тутъ же поручено испросить и отдѣльный докладъ у Государя и довести до свѣдѣнія Его Величества о принятомъ рѣшеніи.

Такъ и было поступлено. Въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль всѣ формальности были выполнены, дѣло заслушано Сенатомъ, не встрѣтило тамъ никакихъ возраженій, и весь этотъ печальный инцидентъ былъ благополучно законченъ. Какъ было поступлено затѣмъ Д-томъ Полиціи съ Шорниковой мнѣ осталось неизвѣстнымъ, и никто не предъявилъ ко мнѣ никакихъ новыхъ требованій. Министры разъѣхались на лѣтній отдыхъ, вскорѣ и я уѣхалъ сначала въ Крымъ съ докладомъ Государю, а затѣмъ за-границу, а когда вернулся изъ моей отлучки въ началѣ ноября, то надвинулись новыя заботы, среди которыхъ это дѣло болѣе не всплывало наружу, а потомъ подоспѣло и мое увольненіе, послѣ котораго мнѣ уже не приходилось болѣе слышать имени Шорниковой.

Конецъ лѣта и начало осени 1913-го года ушли у меня на смѣтную работу. Мнѣ нужно было закончить ее раньше обычнаго времени, такъ какъ я рѣшилъ немного отдохнуть за границею, прежде чѣмъ ѣхать въ Парижъ по дѣламъ.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ нужно было вернуться обратно къ 1-му ноября, и только выѣхавши не позже 15-го сентября, я могъ располагать тѣми 6-ью недѣлями, безъ которыхъ я не могъ справиться со всѣмъ, что мнѣ предстояло исполнить.

Я старался всячески подгонять смѣтную работу, да она и шла какъ-то болѣе спокойно на этотъ разъ. Пришлось идти шире въ расходахъ почти по всѣмъ вѣдомствамъ. Споровъ было значительно меньше, главнымъ образомъ потому, что финансовое по-

ложеніе казалось вполнѣ устойчивымъ: доходы поступали очень хорошо, урожай намѣчался очень благопріятный, самыя спорныя смѣты, каковы Военныя, были почти предрѣшены прежними постановленіями; по Министерству Путей Сообщенія я договорился съ С. В. Рухловымъ о крупномъ увеличеніи смѣты по сооруженію казенныхъ дорогъ, дабы онѣ не отставали отъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства.

Съ Кривошеинымъ, съ которымъ мои отношенія были уже далеко не прежнія, такъ какъ прежняя внѣшняя искренность смѣнилась большою сдержанностью, въ зависимости отъ моего положенія наверху, — мнѣ также удалось сгладить вѣдомственныя тренія конечно, уступками по разнымъ кредитамъ.

Такимъ образомъ, я могъ свести смѣтные итоги задолго до законнаго срока (1-го октября), и уже 12-го сентября я выѣхалъ въ Крымъ, съ моимъ очереднымъ докладомъ, испросивши заблаговременно, въ письмѣ, согласіе Государя уѣхать прямо изъ Ливадіи въ заграничный отпускъ, на 4 недѣли, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ этого отпуска побывать въ Парижѣ и окончательно направить тамъ подготовительное уже дѣло желѣзнодорожнаго займа. Ни о какихъ общихъ политическихъ разговорахъ за-границею я не думалъ, но ясно давалъ себѣ отчетъ въ томъ, что мнѣ ихъ не миновать, потому что вездѣ званію Предсѣдателя Совѣта Министровъ придаютъ значеніе и руководителя общей политики, съ которымъ неизбѣжно нужно затронуть эти общіе вопросы и обойти ихъ мнѣ никакъ не удастся, несмотря на все мое желаніе не углубляться въ нихъ, подъ вліяніемъ нашего своеобразнаго взгляда на роль Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ дѣлахъ внѣшней политики, въ которыхъ рѣшающее значеніе имѣютъ только два лица: Государь и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ и то лишь формально, какъ его докладчикъ.

Я рѣшился, поэтому, высказать Государю свои недоумѣнія по этому поводу и спросить Его какъ мнѣ держать себя при неизбѣжныхъ бесѣдахъ со мною въ особенности въ Парижѣ, гдѣ мое появленіе впервые послѣ моего назначенія Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ не могло не сопровождаться разговорами на общія политическія темы. Къ тому же и общая совокупность внѣшнихъ условій ясно говорила за то, что наши союзники должны заговорить со мною и захотятъ услышать въ живой рѣчи нашу точку зрѣнія на злободневные вопросы. Нужно помнить при этомъ, что какъ разъ объ эту пору, становилась все менѣе и менѣе ясною роль Италіи въ Албанскомъ вопросѣ, и Сазоновъ мнѣ не разъ говорилъ, что начавшееся проясненіе на Балканахъ мо-

жетъ опять сорваться, если только Италія, подъ вліяніемъ Германіи, выкинетъ какую-нибудь неожиданную штуку.

Пріѣхавши въ Ялту 14-го сентября, вмѣстѣ съ женою, я засталъ тамъ обычное Ялтинское настроеніе: прежнюю скуку среди придворныхъ, полнѣйшую отчужденность ихъ отъ крупныхъ политическихъ вопросовъ, жизнь исключительно среди мелкихъ повседневныхъ инцидентовъ дворцового муравейника, абсолютную праздность и неизвѣстность чѣмъ занять время и какъ дождаться дня отъѣзда въ Петербургъ, на который всѣ смотрѣли, какъ на великое избавленіе отъ непроходимой скуки.

Среди этой тоскующей толпы Государь и Его семья, казалось, одни наслаждались ихъ любимою обстановкою. Вдали отъ всѣхъ, недокучаемый ежедневными докладами и необходимостью принимать массу представляющихся, Государь велъ совершенно свойственый Его душѣ простой образъ жизни: утромъ длинныя прогулки пѣшкомъ, днемъ или подъ вечеръ верховыя поѣздки, часто съ дочерьми, регулярное исполненіе своего долга, въ видѣ прочтенія и утвержденія присылаемыхъ изъ Петербурга докладовъ, встрѣчи по нѣсколько разъ на дню все тѣхъ же лицъ свиты, конвоя и немногихъ офицеровъ обычной охраны, которые не скажутъ ничего непріятнаго и не вызовутъ необходимости тутъ же рѣшить какой-либо сложный вопросъ, — все это создало кругомъ самого Государя какую-то атмосферу благодушія, при этомъ ясно чувствовалось, что всякіе крупныя дѣловые вопросы входятъ въ эту среду какимъ-то досаднымъ клиномъ, и что чѣмъ скорѣе этотъ клинъ выйдетъ изъ потревоженной имъ среды, тѣмъ это лучше.

И несомнѣнно вся эта среда и ждетъ минуты, когда это постороннее тѣло избавитъ ее отъ своего присутствія.

Оттого-то каждый разъ, когда я пріѣзжалъ въ Ялту, мнѣ всегда казалось, что засиживаться здѣсь не слѣдуетъ, что дѣла отъ этого не выигрываютъ, и что даже скорѣе появленіе здѣсь Министровъ разсматривается какъ прибытіе гостей, которыхъ провожаютъ особенно ласково въ минуту ихъ прощанья.

Меня встрѣтила въ Ливадіи обычная ласка и все та же внѣшняя привѣтливость, которая ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ пріемовъ.

Докладъ мой о сводкѣ бюджета вызвалъ даже какъ будто больше интереса чѣмъ раньше. Государь входилъ во всѣ частности, просилъ не разъ сказать какъ разрѣшенъ тотъ или другой отдѣльный вопросъ, вызывающій въ прошломъ рѣзкіе споры, и неоднократно говорилъ мнѣ: «не бойтесь задержать меня,

здѣсь не то что у Васъ въ Петербургѣ; Я здѣсь совсѣмъ свободенъ и даже радъ тому, что Вы заставляете меня больше заниматься дѣлами». Въ числѣ вопросовъ, которымъ я посвятилъ не мало времени, былъ, конечно, и вопросъ о желѣзнодорожномъ займѣ, въ связи съ моимъ предположеніемъ поѣхать за-границу непосредственно изъ Ялты, не заѣзжая въ Петербургъ. Государь хорошо помнилъ, что я писалъ ему объ этомъ, отнесся очень сочувственно къ моей мысли, хотя больше останавливался на вопросѣ о томъ, какъ думаю я использовать мой отдыхъ, и ни однимъ словомъ не обмолвился о какихъ-либо частностяхъ нашего желѣзнодорожнаго строительства и не сказалъ мнѣ вовсе о томъ, что ровно недѣлю передъ тѣмъ Ему былъ представленъ по Генеральному Штабу особый докладъ, въ связи съ пріѣздомъ Ген. Жоффра, и что Имъ одобрена даже особая схема постройки цѣлаго ряда дорогъ, о чемъ ни мнѣ, ни Министру Путей Сообщенія не было рѣшительно ничего извѣстно. Я упомянулъ уже раньше, что только два мѣсяца позже, въ Парижѣ, въ совѣщаніи, въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я узналъ о существованіи этого доклада и приложенной къ ней схемѣ. Зная Государя хорошо, я увѣренъ, что въ этомъ не было ни малѣйшаго умысла съ Его стороны, а была просто забывчивость или еще проще, что въ данную минуту Государь не подумалъ о томъ, что мнѣ слѣдовало быть въ курсѣ этого вопроса. Для Военнаго же Министра, какъ члена Совѣта Министровъ, нѣтъ никакого оправданія въ томъ, что онъ велъ, какъ впрочемъ и всегда, свою отдѣльную политику, не считая вовсе нужнымъ дѣлиться своими предположеніями съ тѣмъ, кому, во всякомъ случаѣ, придется расхлебывать кашу.

Когда на этомъ докладѣ зашла рѣчь о нашей внѣшней политикѣ, и я спросилъ Государя какія указанія дастъ Онъ мнѣ для моихъ неизбѣжныхъ встрѣчъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ Римѣ и Берлинѣ, котораго мнѣ тоже не миновать, то Государь отвѣтилъ мнѣ только: «въ Парижѣ Вы знаете рѣшительно всѣхъ политическихъ людей и будете, конечно, заняты преимущественно вопросомъ желѣзнодорожнаго займа. Кланяйтесь отъ меня Пуанкаре, скажите ему, что Я счастливъ тому, что во всѣ переживаемыя нами острыя минуты мы такъ солидарны во всемъ, что Франція можетъ спокойно разсчитывать на меня во всѣхъ вопросахъ, затрагивающихъ ея жизненные интересы, и что Балканскія событія говорятъ мнѣ каждый день, какое великое счастье для всего міра, что мы такъ тѣсны во всемъ, что волнуетъ теперь весь свѣтъ. Въ Италіи лучше всего не вести никакихъ разговоровъ. Я мало вѣрю Итальянцамъ. Они никогда не войдутъ въ откро-

венную бесѣду съ нами, всегда утонченно любезны, на самомъ же дѣлѣ думаютъ только о томъ, какъ воспользоваться тѣми или другими осложненіями, чтобы провести что-нибудь выгодное лично для себя. Они всегда сидятъ между двухъ стульевъ: — Германіею и Франціею и ведутъ, конечно, нѣмецкую политику, увѣряя въ то же время Францію въ своей искренности».

Мнѣ пришлось особенно остановить вниманіе Государя на томъ какъ мнѣ быть по отношенію къ Императору Вильгельму. Пока я не выѣзжалъ изъ Россіи, у меня не было никакихъ новыхъ обязательствъ выражать еще разъ мою благодарность за сказанное мнѣ высокое отличіе — пожалованіе ордена Чернаго Орла. Она была уже къ тому же принесена мною въ свое время въ достаточно почтительной формѣ. Но проѣхать мимо Берлина и не остановиться тамъ, мнѣ казалось просто невозможнымъ. Кромѣ того, Германскій посолъ Графъ Пурталесъ не задолго передъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга заѣхалъ ко мнѣ по совершенно пустому поводу и, прощаясь со мною, какъ бы невзначай спросилъ меня: когда, приблизительно, думаю я проѣхать черезъ Берлинъ, такъ какъ онъ самъ будетъ возвращаться въ послѣднихъ числахъ октября и «ему и его женѣ было бы очень пріятно совершить вмѣстѣ съ нами обратный путь».

Къ тому же на мнѣ лежалъ и другой долгъ вѣжливости: я обѣщалъ германскому Канцлеру Бетману Гольвегу отдать ему въ Берлинѣ его визитъ еще прошлаго года, послѣ свиданія Императоровъ въ Балтійскомъ Портѣ.

Сазоновъ, съ которымъ я говорилъ на эту тему, отнесся къ моему вопросу съ его обычною упрощенностью и сказалъ мнѣ только «конечно, Вамъ необходимо просить аудіенціи у Императора, но его, конечно, не будетъ въ Берлинѣ, и Вы очень просто выйдете изъ щекотливаго положенія, такъ какъ я хорошо понимаю, что Вамъ совсѣмъ не хочется поднимать шумъ около Вашего невиннаго визита».

Все это я доложилъ Государю и получилъ отъ Него такой отвѣтъ: «Будь Я на Вашемъ мѣстѣ Я сдѣлалъ бы все возможное, чтобы уклониться отъ свиданія съ Императоромъ Вильгельмомъ, но Я хорошо понимаю, что Вамъ неудобно избѣгнуть остановки въ Берлинѣ, и желаю, чтобы сбылось предсказаніе Сазонова, что Императора не будетъ тамъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ Вы поѣдете въ Берлинъ на пути домой, то Вы скажете объ этомъ въ Парижѣ и тогда не будетъ никакой неловкости». На этомъ наша бесѣда кончилась, и Государь не возбуждалъ болѣе никакихъ

вопросовъ. Изъ этого моего пребыванія въ Ливадіи и Ялтѣ нужно отмѣтить еще слѣдующее:

Еще до моего выѣзда за-границу мнѣ прислали изъ Петербурга очередной номеръ «Гражданина», въ которомъ «Дневникъ», писанный, какъ всегда, лично Мещерскимъ, былъ полностью посвященъ мнѣ и моей поѣздкѣ заграницу. Въ выраженіяхъ самыхъ недвусмысленныхъ затрагивалась все та же излюбленная тема о нашемъ «Парламентаризмѣ», объ умаленіи Министрами и въ особенности Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ престижа власти Государя и затѣмъ высказывалась завѣтная мысль автора о необходимости покончить съ этимъ «западно-европейскимъ новшествомъ», упразднить Совѣтъ Министровъ и вернуться къ прежнему Комитету Министровъ, поставивъ во Главѣ его такого заслуженнаго и преданнаго своему Государю сановника, какъ И. Л. Горемыкинъ или А. С. Танѣевъ. Затѣмъ въ томъ же Дневникѣ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ приводилась мысль, что, подъ вліяніемъ личной вражды къ — «молодому и талантливому Министру Внутреннихъ Дѣлъ» я мѣшаю ему осуществлять волю своего Государя, что у него разработанъ прекрасный планъ упорядоченія нашей «разнуздавшейся» печати, но что мнѣ нужны «думскіе аплодисменты», и потому всѣ его намѣренія гибнуть безплодно, и что пора, наконецъ, Государю знать: кто Его слуга и кто слуга «Родзянокъ и Гучковыхъ».

Въ Ялтѣ этотъ «Дневникъ» былъ тотчасъ же прочтенъ, старикъ Графъ Фредериксъ былъ глубоко возмущенъ имъ и спросилъ меня, неужели я не покажу его Государю и не буду просить его наложить какую-нибудь узду на эту недопустимую травлю, которая только расшатываетъ престижъ власти, такъ какъ всѣ прекрасно знаютъ, что Мещерскій хвастается передъ всѣми, хотя бы и безъ всякаго основанія, что онъ пользуется исключительною милостью Государя, и, слѣдовательно, легко допустить, что такая компанія противъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, очевидно, подрываетъ его престижъ, какъ разъ въ такую пору, когда онъ особенно нуженъ при поѣздкѣ моей за-границу. Я отвѣтилъ графу Фредериксу, что Государь навѣрно читалъ этотъ Дневникъ, какъ Онъ читаетъ всѣ произведенія Мещерскаго, но что говорить мнѣ ему объ этомъ совершенно безполезно, такъ какъ всѣ предыдущіе мои разговоры на ту же тему не имѣли никакого результата. Не только никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ по этому поводу принято не будетъ, но я увѣренъ даже, что Государь не скажетъ ни одного слова Министру Внутреннихъ Дѣлъ, и для меня ясно только одно, что противъ меня ведется рѣшительная

компанія, при самомъ дѣятельномъ участіи того же Маклакова, о чемъ я не разъ доводилъ до свѣдѣнія Государя, прося Его положить ей предѣлъ, уволивъ меня. Но и на это тоже не послѣдовало согласія, и я вижу теперь совершенно ясно, что, по окончаніи заграничной поѣздки, мнѣ необходимо возобновить этотъ разговоръ и постараться на этотъ разъ довести его до конца.

Фредериксъ убѣждалъ меня не дѣлать этого, увѣрялъ, что онъ прекрасно знаетъ отношенія ко мнѣ Государя и не допускаетъ и мысли о моей отставкѣ, въ особенности теперь, когда кругомъ столько сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ.

Въ подтвержденіе своего убѣжденія объ отличномъ отношеніи ко мнѣ Государя, графъ Фредериксъ спросилъ меня: будетъ ли мнѣ пріятно, если онъ намекнетъ Государю о желательности предоставить мнѣ, напримѣръ, придворное званіе, что было бы особенно кстати теперь, при моей заграничной поѣздкѣ, такъ какъ это подчеркнуло бы расположеніе ко мнѣ Государя и могло бы быть не безполезно и для моихъ заграничныхъ сношеній.

Я поблагодарилъ графа Фредерикса за его добрую мысль, но сказалъ ему, что никогда и въ молодости не носилъ придворнаго званія, не стремлюсь къ этому въ особенности теперь, передъ несомнѣннымъ концомъ моей активной службы, и если этотъ вопросъ можетъ быть полезенъ хотя бы для выясненія отношенія ко мнѣ наверху, то я прошу его только облечь его докладъ въ такую форму, при которой отказъ не имѣлъ бы обиднаго для меня характера. Лично же я нахожу, что такого вопроса вовсе не слѣдуетъ поднимать.

Въ то же время я рѣшилъ написать Н. А. Маклакову и обратить его вниманіе на неприличіе поведенія его покровителя и на то, какое впечатлѣніе производятъ его выпады среди людей, окружающихъ Государя. Я сказалъ ему въ моемъ письмѣ, что никогда не рѣшусь просить вмѣшательства Государя противъ этихъ безсовѣстныхъ выпадовъ, но не могу не выразить, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, находящійся въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ авторомъ такихъ статей, беретъ на себя всю моральную отвѣтственность за тѣ послѣдствія, которыя неизбѣжно произойдутъ изъ подобныхъ проявленій личнаго неудовольствія его покровителя на меня.

Три недѣли спустя, проѣзжая черезъ Флоренцію, я получилъ отъ Маклакова отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ онъ сказалъ, что онъ не пользуется никакою близостью къ Князю Мещерскому, не считаетъ себя въ правѣ входить въ частныя сношенія съ нимъ по поводу его статей, но что если мнѣ угодно, что-

бы газета «Гражданинъ» была подвергнута взысканію въ административномъ порядкѣ, то онъ представитъ объ этомъ Государю Императору, такъ какъ «зная личныя отношенія Его Величества къ издателю этой газеты, онъ не рѣшится принять такую мѣру собственною властью» и имѣетъ основаніе опасаться, что ему можетъ быть предложено отмѣнить наложенное взысканіе. Я поспѣшилъ написать Маклакову изъ Флоренціи же, что весьма сожалѣю, что онъ не прочиталъ моего письма, ибо въ немъ было ясно сказано, что я считаю недопустимымъ вмѣшивать Государя въ вопросъ, касающійся лично меня, и пишу вмѣстѣ съ симъ заместителю моему по Совѣту Министровъ П. А. Харитонову, прося его отнюдь не допустить представленія Государю доклада по вопросу, относящемуся исключительно до компетенціи Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Разумѣется, никакого доклада по этому вопросу никуда представлено не было, переписка моя съ Маклаковымъ попала въ руки Мещерскаго, отъ самого же Маклакова, отношенія мои къ нему еще болѣе обострились. Враждебныя мнѣ статьи въ «Гражданинѣ» стали обычнымъ явленіемъ, а по возвращеніи моемъ въ Петербургъ приняли такой азартный характеръ, что мнѣ стало очевидно, что моя участь рѣшена, такъ какъ въ обычаяхъ Кн. Мещерскаго всегда было смѣшивать съ грязью только тѣхъ, чьи дни были уже сосчитаны на верху.

Я забылъ прибавить, что я выѣхалъ изъ Ялты, не узнавши отъ графа Фредерикса какая судьба постигла его намѣренія переговорить о моемъ придворномъ званіи. Думаю даже, что онъ вовсе и не заговаривалъ объ этомъ, чуя, что моя звѣзда клонится къ закату, если даже не закатилась совсѣмъ. Впослѣдствіи мнѣ стало въ точности извѣстно, что послѣ бесѣды со мною Гр. Фредериксъ благоразумно воздержался доложить свою мысль Государю.

Не стану останавливаться подробно на моей заграничной поѣздкѣ вплоть до нашего прибытія въ Парижъ 23-го октября.

Первыя двѣ недѣли этой поѣздки прошли какъ сонъ. Мы проѣхали прямо изъ Севастополя до Александрова; съ нами ѣхалъ Ю. С. Дюшенъ. Мы проѣхали безъ остановки черезъ Берлинъ и даже провели въ поѣздкѣ за городъ тѣ нѣсколько часовъ, которые пришлось обождать до отхода скораго поѣзда въ Миланъ. Незамѣтно пролетѣли мы до этого послѣдняго города, гдѣ насъ ждалъ заранѣе заказанный автомобиль, въ которомъ мы проѣхали черезъ Болонью, Флоренцію, Ассизы, Аквилла, Неаполь, исколесили всѣ его окрестности и пріѣхали въ Римъ, гдѣ

я на другой же день заболѣлъ рожистымъ воспаленіемъ на лицѣ и пролежалъ три недѣли въ гостиницѣ «Эксцельсіоръ». Пришлось оставить мысль о дальнѣйшей автомобильной поѣздкѣ и думать только о томъ, какъ сократить время вынужденнаго пребыванія въ Римѣ и скорѣе добраться до Парижа, гдѣ меня ждали уже начиная съ половины октября.

За время моей болѣзни въ Римѣ я никого не могъ видѣть, кромѣ нашего посла Крупенскаго, и только наканунѣ моего выѣзда имѣлъ короткую бесѣду съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Маркизомъ Санъ-Джуліано, который, видя мою слабость, ограничился короткою бесѣдою, но въ ней далъ ясно понять, что Италія не откажется отъ Валоны, во всемъ же остальномъ готова идти рука объ руку съ Франціей и пойдетъ на всякое соглашеніе, которое въ состояніи внести успокоеніе на Балканахъ.

Пріѣздъ мой въ Парижъ былъ обставленъ чрезвычайно парадно. На Ліонскомъ вокзалѣ, кромѣ всего состава нашего Посольства, меня встрѣтилъ Предсѣдатель Совѣта Барту, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Пишонъ, Министръ Финансовъ Шарль Дюмонъ, Префектъ полиціи, Представитель Президента Республики и обычная въ этихъ случаяхъ во Франціи толпа.

Да и вообще двѣ съ половиною недѣли, которыя я провелъ въ Парижѣ, были сплошнымъ праздникомъ. Всѣхъ пріемовъ не перечесть; всѣ оказывали мнѣ съ женою величайшее вниманіе; печать все время посвящала мнѣ и Россіи самыя сочувственныя статьи; интервью со мною почти не сходили со столбцовъ газетъ, и въ этомъ отношеніи я руководствовался прямыми желаніями французскаго правительства, которое просило меня принимать печать какъ можно шире, и я имѣю полное право сказать, что не было мною сказано ни одного слова, которое не было бы заранѣе одобрено Правительствомъ. Нашъ посолъ Извольскій, обычно признававшій только свой собственный авторитетъ и весьма кислосладко отзывавшійся о всѣхъ и каждомъ, чуть не ежедневно заѣзжалъ ко мнѣ только за тѣмъ, чтобы сказать, что я оказываю ему величайшую помощь, и что онъ не имѣетъ достаточно словъ сказать мнѣ насколько единодушна печать въ оцѣнкѣ моего пребыванія, и какое положительное вліяніе сказываетъ оно на настроеніе общественнаго мнѣнія.

Рядомъ съ этою внѣшнею жизнью шла большая, мало замѣтная для публики работа: приходилось заканчивать переговоры по окончательному выясненію условій желѣзнодорожнаго займа, и на этомъ вопросѣ столько же усилій выпало на мою долю для того, чтобы сгладить шероховатости среди банкировъ, сколько

для того, чтобы заручиться окончательнымъ сочувствіемъ Правительства и подвинуть его на болѣе настойчивое воздѣйствіе на послѣднихъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи наибольшую, хотя и внѣшне незамѣтную услугу оказалъ Президентъ Республики, авторитетъ котораго рѣшительно поддержалъ авторитетъ Министра Финансовъ Дюмона. Другимъ лицомъ, помощь котораго я долженъ по справедливости отмѣтить, былъ Сенаторъ и редакторъ газеты — «Радикалъ» — Перщо. Объ этомъ послѣднемъ лицѣ стоило бы сказать нѣсколько словъ отдѣльно, — настолько своеобразно было положеніе, занятое имъ въ русскомъ вопросѣ, но это отвлекло бы меня въ сторону.

Цѣлые дни уходили на всевозможныя совѣщанія и дѣловыя встрѣчи, но зато и конечный ихъ результатъ вознаградилъ меня широко за всѣ понесенные труды: я покинулъ Парижъ съ подписаннымъ между мною и синдикатомъ банковъ соглашеніемъ о реализаціи нами во Франціи ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, желѣзнодорожнаго займа на сумму не менѣе 550 милліоновъ франковъ въ годъ, или почти трехъ милліардовъ въ теченіе пятилѣтія. Французское Правительство, въ лицѣ Министра Финансовъ, заявило свое согласіе на совершеніе этой операціи, биржевая котировка также была обезпечена и оставалось только окончательно закрѣпить выпускной курсъ займа, что и было потомъ сдѣлано мною наканунѣ моей отставки.

Всѣ наперерывъ поздравляли меня съ небывалымъ успѣхомъ, и я выѣхалъ изъ Парижа подъ самымъ лучшимъ впечатлѣніемъ.

Для характеристики моего пребыванія въ Парижѣ я долженъ, однако, упомянуть еще о нѣкоторыхъ эпизодахъ, достойныхъ быть отмѣченными.

Во вторую половину моего пребыванія въ Парижѣ, туда пріѣхалъ изъ Біаррица, съ женою, Графъ Витте и остановился въ той же гостиницѣ «Бристоль» на Вандомской площади, гдѣ жили и мы, и притомъ какъ разъ въ помѣщеніи надъ нами. Я узналъ о его пріѣздѣ отъ моего Секретаря и тотчасъ пошелъ къ нему, но не засталъ его и видѣлъ только Графиню, которая поспѣшила мнѣ сказать, что она счастлива видѣть какой радушный пріемъ оказываютъ мнѣ всѣ, какъ велико число посѣщающихъ меня, и какъ радостно, что французы, видимо, отдаютъ мнѣ справедливость. Она старалась всячески увѣрять меня въ ея особенной своей дружбѣ ко мнѣ и въ той благодарности, которую она питаетъ ко мнѣ, за все добро сдѣланное ея дочери. Самого Графа Витте я видѣлъ очень мало, какъ потому, что былъ за-

нятъ цѣлыми днями, такъ и потому, что и онъ мало бывалъ дома.

Вскорѣ, однако, послѣ его пріѣзда ко мнѣ зашелъ передъ самымъ моимъ завтракомъ Г. Бенакъ, прямо спустившійся отъ Витте, и сказалъ мнѣ, что онъ зашелъ ко мнѣ исключительно для того, чтобъ передать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ то отрадное чувство, которое оставили въ немъ сужденія Гр. Витте на мой счетъ. Говоря о тревожномъ внѣшнемъ положеніи Европы и отвѣчая на вопросъ Бенака о томъ, насколько грозны всѣ переживаемыя событія, Витте будто бы сказалъ ему, что величайшее для Россіи и для всей Европы счастье, что Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ въ Россіи — я, такъ какъ я крайне остороженъ, убѣжденный противникъ войны, не желаю портить прекраснаго финансоваго и экономическаго положенія своей страны, по складу моего характера совершенно не склоненъ къ какимъ-либо авантюрамъ и всегда сумѣю удержать нашихъ шовинистовъ отъ всякаго рода эксцессовъ. Онъ прибавилъ при этомъ, — чего не скрылъ отъ меня Бенакъ, предварительно извинившись за то, что въ этомъ добавленіи есть недобрый намекъ на мой счетъ, — что «самые недостатки моего характера и моихъ дарованій — на пользу общему дѣлу, ибо я — человѣкъ безъ большой инициативы, недостаточно смѣлый и не обладаю способностью подчинять себя людей, и не въ состояніи лично удержать ихъ отъ прямого безразсудства».

Бенакъ прибавилъ мнѣ въ поясненіе этой оговорки, что у него явилось впечатлѣніе, что Гр. Витте испытываетъ, повидимому, плохо скрываемое имъ чувство горечи отъ того пріема, который оказывается мнѣ и, въ особенности, отъ сочувственнаго тона печати, такъ какъ онъ упомянулъ въ разговорѣ съ нимъ только, что мнѣ слѣдовало бы держаться скромнѣе, такъ какъ Предсѣдатель Совѣта въ Россіи вовсе не есть глава правительства, и Бенаку пришлось даже взять меня подъ защиту и сказать, что ему приходится, наоборотъ, слышать всюду особенно сочувственные отзывы о скромности моей и моей жены,и эта черта громко противополагается высокомѣрію и чванству нашего посла Извольскаго, заставляя людей отзываться о насъ обоихъ съ особою симпатіею.

Передъ выѣздомъ моимъ изъ Парижа, я заходилъ къ Гр. Витте проститься, и онъ всячески увѣрялъ меня въ своей дружбѣ, говорилъ, что слѣдитъ съ особою любовью за моими успѣхами, вездѣ поддерживаетъ меня и проситъ меня вѣрить тому, что въ его лицѣ я имѣю самаго преданнаго мнѣ друга, который считаетъ

своимъ патріотическимъ долгомъ помогать мнѣ во всемъ, чтобы не допустить какой-либо интриги противъ меня, которая только приблизитъ часъ катастрофы для Россіи.

Не прошло и шести недѣль послѣ этого изліянія, какъ тотъ же Гр. Витте выступилъ противъ меня самымъ беззастѣнчивымъ образомъ и снялъ съ себя всю личину расточаемой имъ преданности, чтобы замкнуть цѣпь выступленій, направленныхъ противъ меня. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Другой эпизодъ, достойный быть упомянутымъ, заключается въ моихъ попыткахъ получить аудіенцію у Императора Германскаго при проѣздѣ моемъ домой.

Я обратился, конечно, къ Извольскому и просилъ его телеграфировать нашему послу въ Берлинъ Свербѣеву устроить мнѣ аудіенцію приблизительно въ самыхъ первыхъ числахъ нашего ноября, такъ какъ я связанъ необходимостью срочно вернуться въ Петербургъ. Дня три не было никакого отвѣта, а затѣмъ получилась телеграмма, что Императора нѣтъ въ Берлинѣ, и онъ не вернется ранѣе второй половины ноября, да и то на самое короткое время.

Меня такая телеграмма крайне устраивала. Я видѣлъ въ ней подтвержденіе догадки Сазонова и рѣшилъ, разсказавши обо всемъ Президенту Республики и Министру Иностранныхъ Дѣлъ, ограничиться остановкою въ Берлинѣ на одинъ день, чтобы передать Канцлеру мое сожалѣніе о томъ, что я не имѣлъ при всемъ моемъ желаніи возможности принести Императору мою благодарность за пожалованіе мнѣ высокаго отличія.

Я такъ и поступилъ. Оба, и Президентъ Пуанкаре и Г. Пишонъ, выразили мнѣ, однако, ихъ сожалѣніе о томъ, что эта встрѣча не состоится, такъ какъ они знали о томъ насколько Императоръ былъ любезенъ со мною въ іюлѣ 1912-го года и сказали, что при экспансивности Императора встрѣча моя съ нимъ могла быть полезна и общему дѣлу. Подъ впечатлѣніемъ этой бесѣды, состоявшій при мнѣ еще со времени моей болѣзни въ Римѣ, молодой Баронъ Эдгаръ Икскуль предложилъ переговорить конфиденціально въ Германскомъ Посольствѣ съ посломъ фонъ Шене, съ которымъ я былъ знакомъ по Петербургу, но въ Парижѣ мы только обмѣнялись въ этотъ мой пріѣздъ карточками; личной встрѣчи между нами не было. Я согласился на это предложеніе, но обусловилъ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы Икскуль не обращался съ просьбою отъ моего имени, а ограничился только передачею, въ разговорѣ, что я имѣлъ въ виду остановиться въ Берлинѣ для принесенія личной благодарности Императору, но

въ виду отсутствія его остановлюсь только на одинъ день, для отвѣтнаго визита Канцлеру.

На другой же день, къ величайшему моему удивленію, я получилъ извѣщеніе, что Императоръ очень радъ видѣть меня и пріѣдетъ для этой цѣли спеціально въ Берлинъ на одинъ день, а именно на среду, 6-го ноября, и приглашаетъ меня завтракать у него въ Потсдамѣ.

Третій эпизодъ изъ моего пребыванія въ Парижѣ имѣетъ скорѣе анекдотическій характеръ, показывая каковы были подчасъ наши дѣловые пріемы, и съ какою легкостью относились нѣкоторые дѣятели того времени къ рѣшенію крупнѣйшихъ вопросовъ военно-экономическаго значенія.

Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ было назначено заключительное собраніе того, чтобы оформить подписаніемъ наше соглашеніе по желѣзнодорожному вопросу. Собрались всѣ участники соглашенія: Барту, Пишонъ, Шарль Дюмонъ, Генералъ Жоффръ и я. Обязанности дѣлопроизводителя принялъ на себя Директоръ политическаго департамента, впослѣдствіи посолъ Республики въ Россіи — Морисъ Палеологъ. Прочитали совершенно точно изложенный протоколъ предшествующихъ Собраній и стали готовиться приложить свои подписи, какъ вдругъ совершенно неожиданно Генералъ Жоффръ заявилъ, что необходимо дополнить протоколъ указаніемъ на то, что Русское Правительство, въ лицѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ обязуется выполнить, въ кратчайшій срокъ, постройку желѣзнодорожныхъ линій, предусмотрѣнныхъ въ планѣ, утвержденномъ Государемъ Императоромъ въ Ливадіи, въ началѣ сентября, по докладу Военнаго Министра, основанному на заключеніи обоихъ Начальниковъ Генеральныхъ Штабовъ союзныхъ Государствъ.

Не имѣя никакого понятія о такомъ планѣ, я заявилъ собравшимся, что такой планъ сообщенъ мнѣ не былъ, и я просилъ бы показать мнѣ его, дабы я имѣлъ возможность хотя бы поверхностно ознакомиться съ нимъ и обсудить насколько отвѣчаетъ онъ тѣмъ предположеніямъ, которыя уже внесены частью въ законодательныя учрежденія, частью же намѣчены къ внесенію какъ только разрѣшится финансовый вопросъ.

Велико было удивленіе присутствующихъ, когда вмѣсто разработаннаго плана, Генералъ Жоффръ показалъ небольшую карту Россіи, обычно прилагаемую къ казенному путеводителю по желѣзнымъ дорогамъ, на которой были нанесены отъ руки синимъ карандашемъ линіи магистральныхъ дорогъ, частью давно построенныхъ, частью предположенныхъ къ постройкѣ въ пер-

вую очередь, частью же вовсе нигдѣ не обсуждавшихся и не имѣвшихъ никакого военнаго значенія, какъ напримѣръ, — соединеніе р. Оби съ Архангельскомъ и далѣе — съ Мурманскимъ побережьемъ.

Мнѣ пришлось разъяснить присутствующимъ всю невозможность внесенія проектируемой оговорки въ видѣ категорическаго условія, и, для того чтобы упростить пренія, я привелъ, между прочимъ, то соображеніе, что введеніе такого требованія въ соглашеніе можетъ даже оказаться вреднымъ для дѣла, такъ какъ оно можетъ сдѣлаться извѣстнымъ, и въ такомъ случаѣ, въ нашихъ законодательныхъ палатахъ столь же чувствительныхъ къ охранѣ своихъ правъ, какъ и французскія, возникнетъ обвиненіе Правительства въ томъ, что оно предрѣшаетъ вопросы и тѣмъ нарушаетъ прерогативы законодательной власти. Предсѣдатель Совѣта Барту быстро ликвидировалъ вопросъ, предложивши помѣстить въ протоколѣ заявленіе, что Совѣщаніе не сомнѣвается въ томъ, что при выборѣ линій желѣзныхъ дорогъ къ постройкѣ интересы государственной обороны будутъ приняты въ самое серьезное вниманіе. Этимъ весь вопросъ и оказался благополучно исчерпаннымъ.

ГЛАВА VIII.

Остановка въ Берлинѣ. — Дѣло о намѣченномъ Германiей назначенiи ген. Лимана-фонъ-Сандерса инструкторомъ турецкой армiи и командующимъ 2-мъ турецкимъ корпусомъ. Порученiе, данное мнѣ Государемъ, выразить несогласiе на эту мѣру. Моя предварительная бесѣда съ Канцлеромъ и посѣщенiе французскаго посла Камбона. — Прiемъ представителей печати. Теодоръ Вольфъ. — Обѣдъ у Канцлера. Прiемъ меня Императоромъ Вильгельмомъ. Завтракъ въ Потсдамскомъ Дворцѣ. Застольная бесѣда Императора съ Л. Ф. Давыдовымъ. — Двѣ новыя бесѣды съ Канцлеромъ и отъѣздъ изъ Берлина.

Мы выѣхали изъ Парижа въ воскресенье рано утромъ, окруженные тѣмъ же вниманiемъ, какое было оказано намъ при нашемъ прiѣздѣ. Намъ дали отдѣльный вагонъ. Тѣ же лица прiѣхали проводить насъ, которыя встрѣчали насъ на Лiонскомъ вокзалѣ двѣ съ половиною недѣли тому назадъ, и въ понедѣльникъ нашего 4-го ноября, въ шесть часовъ утра мы прiѣхали въ Берлинъ. На вокзалѣ было пусто, и только два лица встрѣтили насъ: Агентъ Министерства Торговли К. К. Миллеръ и Совѣтникъ Посольства Броневскiй. Послѣднiй передалъ мнѣ распечатанную Посольствомъ телеграмму отъ Сазонова, сказавши при этомъ, что Посолъ не ознакомилъ его съ ея содержанiемъ и прiѣдетъ самъ ко мнѣ въ гостиницу, къ 9-ти часамъ.

Тутъ же на вокзалѣ я прочиталъ расшифрованную депешу Сазонова слѣдующаго содержанiя: «передайте Предсѣдателю Совѣта Министровъ, по прiѣздѣ его въ Берлинъ, что Государь Императоръ поручаетъ ему войти въ объясненiе съ Германскимъ Правительствомъ по поводу предположенiя послѣдняго относительно Генерала Лимана-фонъ-Сандерса и заявить ему, что мы

ни въ коемъ случаѣ не можемъ согласиться съ этимъ предположеніемъ».

Въ десятомъ часу Свербѣевъ пришелъ ко мнѣ въ Отель «Континенталь» и принесъ, въ дополненіе сообщенной уже мнѣ телеграммѣ, еще краткое сообщеніе отъ того же Сазонова о томъ, что въ бытность его съ докладомъ у Государя въ Ливадіи онъ узналъ, что Германское Правительство рѣшило смѣнить прежняго своего инструктора турецкихъ войскъ фонъ-деръ-Гольцъ-Пашу и назначить на его мѣсто Бригаднаго Генерала Лимана-фонъ-Сандерса, съ порученіемъ ему же и командованія 2-мъ турецкимъ корпусомъ, расквартированномъ въ Константинополѣ, — на что русское Правительство согласиться никоимъ образомъ не можетъ. Этимъ въ корнѣ измѣнялось бы положеніе дѣлъ въ Турціи. Свербѣеву предлагается сдѣлать рѣшительные шаги протеста и прибавляется, что Сазоновъ надѣется на то, что онъ встрѣтитъ энергическую поддержку въ союзникѣ. На мой вопросъ, что успѣлъ сдѣлать Свербѣевъ между первымъ сообщеніемъ и полученною послѣ для меня телеграммою, онъ отвѣтилъ, что еще ничего не предпринялъ, такъ какъ первое сообщеніе опередило второе всего на два дня; французскаго посла Жюля Камбона онъ не видѣлъ, по причинѣ его болѣзни, и хотѣлъ посовѣтоваться со мною и до полученія телеграммы, ибо зналъ, что я, во всякомъ случаѣ, остановлюсь въ Берлинѣ, — а теперь передаетъ все дѣло мнѣ, тѣмъ болѣе, что у него никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній нѣтъ, и въ нѣмецкой прессѣ объ этомъ вопросѣ вообще никакихъ сужденій не имѣется.

Такимъ образомъ, вся эта исторія сваливалась мнѣ на голову, въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ снѣгъ, и первое ощущеніе горечи было отъ того, что Сазоновъ, отлично зная, что я болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ вышелъ изъ строя текущихъ дѣлъ, не потрудился снабдить меня какими-либо подробностями и инструкціями, не ввелъ меня въ курсъ предыдущихъ переговоровъ и просто сдалъ съ рукъ на руки тому же Свербѣеву, не запросивши его даже въ курсѣ ли и онъ этого вопроса и можетъ ли помочь мнѣ въ моемъ невѣдѣніи?

Въ этомъ настроеніи недоумѣнія я отправился въ то же утро къ Германскому Канцлеру Бетману-Гольвегу, рѣшившись прямо поставить передъ нимъ ребромъ весь вопросъ и показать, если понадобится, телеграмму Сазонова.

Бесѣда съ нимъ приняла съ первыхъ же словъ чрезвычайно ясный и простой характеръ, крайне облегчившій мнѣ мою задачу.

Послѣ перваго же обмѣна любезностей, когда я въ сдержанной формѣ сказалъ, что имѣю особое порученіе отъ моего Государя и очень надѣюсь на то, что тѣ откровенныя отношенія, которыя установились между нами лѣтомъ 1912 года, помогутъ мнѣ найти въ немъ поддержку въ исполненіи моего щекотливаго положенія, — Бетманъ-Гольвегъ прямо сказалъ мнѣ, что, очевидно, дѣло идетъ о миссіи Лимана-фонъ-Сандерса, такъ какъ, не получая визита по этому поводу отъ посла, онъ сразу понялъ, что миссія вести переговоры по этому поводу возложена на меня, — чему онъ очень радъ, такъ какъ сохранилъ отъ нашей первой встрѣчи самое пріятное впечатлѣніе и надѣется, что переговоры со мною будутъ облегчены возможностью не ожидать, по каждой частности, сношенія съ Петербургомъ.

Я просилъ его ввести меня откровенно въ курсъ вопроса и въ особенности объяснить мнѣ какимъ путемъ дошло Германское Правительство до недопустимой съ нашей точки зрѣнія мысли о порученіи своему генералу командованія корпусомъ турецкихъ войскъ, расположеннымъ въ Константинополѣ.

Говорилъ ли мнѣ Бетманъ прямую неправду, или онъ находилъ только болѣе выгоднымъ для себя сложить съ себя отвѣтственность за непріятную бесѣду съ человѣкомъ, къ которому у него было доброе чувство, — я не знаю, но весь его разговоръ носилъ такой откровенный и правдивый характеръ, что я, во всякомъ случаѣ, сохранилъ о немъ самую добрую память, хотя бы за то, что онъ крайне облегчилъ мнѣ и мой разговоръ съ непріятнымъ и заносчивымъ только что назначеннымъ Военнымъ Министромъ фонъ-Эйнемомъ, а черезъ день и съ самимъ Императоромъ.

«Будемте говорить», такъ началъ свою рѣчь фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, «какъ противники, которые питаютъ другъ къ другу чувство глубокаго уваженія; у меня къ Вамъ зародилось съ прошлогодней встрѣчи это чувство въ самой высокой степени, — и постараемся отдѣлить то, противъ чего у Васъ не можетъ быть повода къ неудовольствію, отъ того, въ чемъ я заранѣе готовъ признать извѣстную доли основательности Вашей тревоги. Чтò можете Вы сказать противъ того, что мы рѣшили замѣнить одного устарѣвшаго Генерала другимъ, болѣе молодымъ. Срокъ нашего соглашенія съ Турціею относительно нашей привиллегіи имѣть нашего инструктора для ея войскъ конченъ. Ни съ чьей стороны намъ не было заявлено протеста противъ нашего безспорно привиллегированнаго положенія имѣть нашего генерала въ качествѣ инструктора турецкой арміи, и кто же можетъ уди-

вляться тому, что мы, состоя въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Турціей, конечно, постарались закрѣпить особымъ соглашеніемъ съ нею это привиллегированное положеніе. Вы намъ въ этомъ не только не препятствовали, но я могу Вамъ подкрѣпить моимъ честнымъ словомъ, что въ Потсдамѣ, при свиданіи нашихъ Императоровъ въ маѣ мѣсяцѣ, этотъ вопросъ былъ затронутъ нашимъ Императоромъ въ бесѣдѣ съ Вашимъ Государемъ, о чемъ не только я былъ поставленъ въ извѣстность, но я положительно Васъ завѣряю, что это было тогда же прекрасно извѣстно Вашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ. Сверхъ того объ этомъ былъ освѣдомленъ и Вашъ посолъ. Да и какъ же могло быть иначе. Турція сама не возбуждаетъ вопроса о томъ, чтобы ей не былъ нуженъ европейскій инструкторъ, Англія, конечно, съ радостью предложитъ свои услуги, но едва ли Вы можете согласиться на это, въ особенности, когда уже имѣется общее согласіе на то, чтобы ей было дано чрезвычайно важное преимущество — имѣть своего адмирала въ качествѣ инструктора Турецкаго флота. На французскаго Генерала въ званіи инструктора мы не можемъ согласиться. На Вашего инструктора не согласится ни Турція, ни Англія — что же остается? Искать какого-либо нейтральнаго инструктора, въ родѣ Шведскаго, для персидскихъ войскъ, — очевидно немыслимо, точно также какъ не время поднимать щекотливый вопросъ объ Австрійскомъ или Итальянскимъ инструкторствѣ. Остается одно: сохранить то, что было, то-есть нашего Германскаго инструктора, къ чему привыкли всѣ, и не поднимать новаго вопроса, среди далеко еще не улегшихся Балканскихъ страстей, который — вѣрьте моей опытности — можетъ поднять такія осложненія, что никто изъ насъ не въ состояніи сказать кого онѣ затронутъ и до какого предѣла дойдутъ».

Выслушавъ всю эту длинную аргументацію, я попросилъ Канцлера отвѣтить мнѣ прежде всего на одинъ вопросъ: можетъ ли онъ завѣрить также своимъ словомъ, что мой Императоръ уже далъ, въ Потсдамѣ, Германскому Императору свое согласіе не только на продолженіе привиллегіи для Германіи имѣть своего генерала въ Турціи, въ роли верховнаго инструктора войскъ, — но и на видоизмѣненіе и крайне существенное расширеніе его полномочій — на порученіе этому же Генералу командованія вторымъ Корпусомъ, расположеннымъ въ Константинополѣ.

Я уточнилъ даже мой вопросъ и просилъ Канцлера сказать мнѣ: во время свиданія Императоровъ въ Потсдамѣ былъ ли поставленъ предъ моимъ Императоромъ вопросъ о такомъ расширеніи полномочій данныхъ фонъ-деръ-Гольцъ пашѣ, и сказалъ ли

нашъ Императоръ, что онъ согласенъ и на это, а также, что при послѣдующихъ сношеніяхъ съ нами вопросъ о командованіи Константинопольскимъ корпусомъ германскимъ Генераломъ былъ ли въ точности затронутъ и послужилъ ли онъ предметомъ опредѣленнаго соглашенія?

На поставленный такимъ образомъ вопросъ Канцлеръ отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующими словами, которыя я записалъ, какъ и весь мой съ нимъ разговоръ, тотчасъ послѣ возвращенія отъ него въ Отель «Континенталь», чтобы имѣть ихъ въ виду при объясненіи съ Императоромъ: «Я этого не могу утверждать, такъ какъ вопросъ о командованіи составляетъ предметъ компетенціи нашего Военнаго Министра. Я не вижу, впрочемъ, почему Вы придаете такое особое значеніе вопросу командованія однимъ корпусомъ нашимъ генераломъ. И безъ командованія онъ можетъ имѣть очень большое вліяніе на управленіе отдѣльными войсковыми частями, и лично я вовсе не стоялъ бы за такое добавленіе, если бы этотъ вопросъ зависѣлъ отъ меня. Къ сожалѣнію, я не могу энергично вмѣшаться въ этотъ чисто техническій вопросъ и прошу Васъ доложить его лично Императору, а я постараюсь подготовить Военнаго Министра и, во всякомъ случаѣ, сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы помочь Вамъ успѣшно выполнить то порученіе, которое на Васъ возложено».

Не стану приводить теперь всѣхъ аргументовъ, которые я считалъ необходимымъ привести по этому поводу. Я закончилъ нашу первую бесѣду просьбою провести собственную точку зрѣнія Канцлера, склонивши своего Военнаго Министра отказаться отъ мѣры, которую самъ Канцлеръ не считаетъ столь ужъ для нихъ необходимою и подготовить и Императора къ менѣе рѣзкому отношенію къ вопросу, сказавши ему при этомъ безъ всякихъ обиняковъ, что я положительно могу удостовѣрить его, что нашъ Императоръ не былъ предупрежденъ объ этомъ въ Потсдамѣ, и что ни Военный Министръ, ни Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не имѣли до самаго послѣдняго времени никакого понятія о новомъ соглашеніи Германіи съ Турціей, и что мнѣ придется, во всякомъ случаѣ, сказать все это въ такой же неприкрашенной формѣ и лично Императору».

Бетманъ Гольвегъ закончилъ нашу бесѣду, сказавши мнѣ, что ему крайне непріятно все возникновеніе этого вопроса, такъ какъ оно можетъ повліять и на настроеніе Императора, который такъ радовался видѣть меня и даже не только измѣнилъ распредѣленіе своего времени, пріѣзжая въ среду утромъ въ Потсдамъ спеціально, чтобы принять меня, но даже просилъ Императрицу

прибыть изъ Касселя для того, чтобы принять участіе въ завтракѣ, къ которому я приглашенъ.

Прямо отъ Канцлера я прошелъ къ французскому Послу Жюль Камбону, котораго никогда раньше не встрѣчалъ. Онъ принялъ меня немедленно, но сказалъ, что чувствуетъ себя совсѣмъ больнымъ и собирается даже уѣхать въ Парижъ на небольшой отдыхъ, «такъ какъ теперь стало потише и можно немного отойти отъ нервной атмосферы послѣдняго времени».

Я разсказалъ ему во всей подробности, все что произошло со мною, и передалъ дословно весь разговоръ съ Канцлеромъ. Посолъ, показавшійся мнѣ человѣкомъ весьма утомленнымъ и вовсе несклонным рѣзко реагировать на окружающія его явленія, сказалъ мнѣ, безъ всякихъ оговорокъ, что все мое сообщеніе для него совершенно неожиданно, такъ какъ ни одно изъ самыхъ послѣднихъ сообщеній французскаго посла въ Константинополѣ не давало ни малѣйшаго намека на указанныя мною намѣренія Германскаго Правительства, которымъ мы должны противиться всѣми доступными намъ способами, и что онъ сегодня же передастъ нашу бесѣду въ Парижъ и увѣренъ въ томъ, что его правительство окажетъ Россіи всякую поддержку въ ея рѣшеніи не допустить осуществленіе задуманнаго плана.

Мы разстались на томъ, что я буду держать его въ курсѣ моихъ сношеній съ Германскими властями, точно также какъ онъ будетъ дѣлиться со мною всѣмъ, что только поступитъ къ нему изъ Парижа. Въ остальную часть дня я не видѣлъ никого, кто бы могъ представить особый интересъ въ такомъ неожиданномъ инцидентѣ. Нашъ посолъ Свербѣевъ оставался попрежнему невозмутимымъ и только все повторялъ, что онъ не знаетъ какъ благодарить судьбу за то, что она сняла съ него прямое участіе въ разрѣшеніи такого критическаго вопроса.

Вечеромъ состоялся въ мою честь обѣдъ въ нашемъ посольствѣ, на которомъ было, однако, мало народа, такъ какъ многіе изъ приглашенныхъ министровъ сослались на принятыя ими ранѣе другія приглашенія, но Канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ пріѣхалъ, былъ чрезвычайно любезенъ съ женою, вспомнилъ всѣ детали нашего пріема на Елагиномъ островѣ, а послѣ обѣда, уйдя со мною въ кабинетъ посла, долго говорилъ со мною по поводу нашей утренней встрѣчи и сказалъ мнѣ только одно, наиболѣе существенное изъ всего нашего обмѣна мнѣній, а именно, что онъ успѣлъ уже видѣться съ Военнымъ Министромъ и Начальникомъ Генеральнаго штаба и вынесъ впечатлѣніе, что «намъ обоимъ будетъ не легко убѣдить этихъ господъ отказаться отъ ихъ мысли,

въ которой они видятъ осуществленіе ихъ давнихъ мечтаній», но что онъ думаетъ все же, что мнѣ удастся убѣдить Императора не настаивать на его намѣреніи «въ особенности — прибавилъ онъ — если я дамъ понять Его Величеству, что Русскій Императоръ отнесется менѣе враждебно къ предположенію, поручить Германскому Инспектору командованіе какою-либо турецкою воинскою частью, расположенною не въ самомъ Константинополѣ, а въ какомъ-либо иномъ центрѣ, напримѣръ въ Адріанополѣ.

Я спросилъ тогда Канцлера, согласятся ли на такое видоизмѣненіе военныя власти, и не могу ли я предложить, съ шансами на успѣхъ, избрать иной городъ, напримѣръ Смирну, который для насъ еще болѣе пріемлемъ.

Его отвѣтъ былъ, какъ это снова показалось мнѣ, вполнѣ искрененъ: «Я не дамъ Вамъ обѣщанія за этихъ господъ», сказалъ онъ: «но честно говорю Вамъ, что Вы можете расчитывать на самую дружескую мою поддержку и скажу Вамъ даже, почему я надѣюсь убѣдить моего Императора. Съ моей точки зрѣнія, важно не то, какимъ корпусомъ будетъ командовать Германскій Генералъ, а то, что у него подъ руками будетъ опредѣленная войсковая часть, на которой онъ можетъ провѣрять пріемы нашего командованія и обученія войскъ».

Слѣдующій день — вторникъ — съ самаго ранняго утра, я почти не имѣлъ возможности выйти изъ гостиницы: меня въ буквальномъ смыслѣ слова атаковали всевозможныя лица изъ журнальнаго міра и немалое количество представителей дипломатіи.

Изъ числа послѣднихъ моя память удерживаетъ въ особенности посѣщеніе Турецкаго посла Мухтара-Паши, весьма элегантнаго, сравнительно еще молодого, человѣка, съ моноклемъ въ глазу, который съ перваго же слова сказалъ мнѣ, что ему извѣстно уже, что русское Правительство поручило мнѣ протестовать противъ соглашенія, состоявшагося между Германскимъ и его правительствомъ, но что онъ можетъ дать мнѣ самыя дружескія завѣренія въ томъ, что Турецкое Правительство не питаетъ никакихъ агрессивныхъ намѣреній по отношенію къ Русскому правительству и смотритъ на свою новую конвенцію съ Германіей скорѣе съ точки зрѣнія чисто технической, въ чемъ болѣе заинтересована Германія, которая остановилась на второмъ корпусѣ, расположенномъ въ Константинополѣ, исключительно по соображеніямъ практическаго удобства, желая избѣгать излишнихъ переѣздовъ для провѣрки методовъ обученія на войскахъ, находящихся не въ мѣстѣ резиденціи Инспектора.

Поблагодаривши Генерала за его посѣщеніе, я сказалъ ему,

что будучи въ курсѣ моихъ намѣреній, онъ посвященъ, очевидно, и въ тѣ основанія, которыя оправдываютъ точку зрѣнія Императорскаго правительства.

Мнѣ хочется думать, что эти основанія на столько серьезны, что ихъ не можетъ устранить то заявленіе, которое я принялъ отъ него съ большою признательностью, и онъ не поставитъ мнѣ въ вину, если я скажу ему, что на мнѣ лежитъ прямой долгъ выполнить порученіе моего правительства, и что я очень надѣюсь на то, что онъ облегчитъ мнѣ выполненіе этого порученія, примѣненіемъ его миролюбиваго взгляда и не будетъ настаивать на томъ, что удобства передвиженія Германскаго генерала столь существенны, чтобы изъ-за нихъ стоило не считаться съ взглядами Русскаго Императора. Я добавилъ Турецкому послу, что многое было бы гораздо проще, если бы по такимъ острымъ вопросамъ было больше откровнности среди заинтересованныхъ правительствъ. Русское правительство не могло отнестись съ особымъ вниманіемъ къ возникшему вопросу уже по тому одному, что соглашеніе между Германскимъ и Турецкимъ правительствами послѣдовало, какъ теперь оказывается, еще въ маѣ мѣсяцѣ, а между тѣмъ намъ оно стало извѣстно лишь нѣсколько дней тому назадъ, и совершенно случайно, безъ того, что ни то, ни другое изъ обоихъ правительствъ не сочло нужнымъ поставить насъ объ этомъ въ извѣстность. Я прибавилъ, что и союзное намъ Французское правительство оставалась также въ полномъ невѣдѣніи еще долѣе нежели мы.

Посѣщенія меня представителями печати прошли, въ общемъ, довольно гладко. Большинство изъ нихъ удовольствовалось повтореніемъ моихъ заявленій французской печати и не требовали особыхъ подробностей. Труднѣе было съ представителемъ «Берлинеръ Тагеблата», въ лицѣ его главнаго редактора и владѣльца Теодора Вольфа, и группой русскихъ журналистовъ. Послѣднихъ я принялъ всѣхъ вмѣстѣ и просилъ ихъ ограничиться повтореніемъ того, что они знаютъ уже изъ французскихъ газетъ, такъ какъ на пространствѣ трехъ дней отъ меня нельзя требовать перемѣны во взглядахъ. Они корректно выполнили мою просьбу, и въ ихъ газетахъ я не прочелъ потомъ какихъ-либо выпадовъ противъ меня. Они остались только очень недовольны тѣмъ, что я наотрѣзъ отказался сказать имъ что-либо по турецкому вопросу, о существованіи котораго, какъ они сказали мнѣ въ одинъ голосъ, они освѣдомились въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Съ Вольфомъ было труднѣе. Онъ прямо заявилъ мнѣ, что

не станетъ спрашивать меня о вопросахъ внѣшней политики, хорошо понимая, что я могу только повторить то, что говрилось въ Парижѣ. За то онъ забросалъ меня вопросами о внутреннемъ положеніи Россіи и въ особенности просилъ меня высказаться, какъ смотрю я на сохраненіе внутренняго спокойствія Россіи, такъ какъ германскія свѣдѣнія говорятъ, по его мнѣнію, о томъ, что революціонное движеніе гораздо глубже, нежели оно кажется по его поверхностнымъ проявленіямъ. Мой отвѣтъ, воспроизведенный Вольфомъ вполнѣ точно, стоилъ мнѣ впослѣдствіи большихъ нападеній со стороны Князя Мещерскаго (изд. «Гражданина»). Я старался выяснить ему, что Россія идетъ по пути быстраго развитія своихъ экономическихъ силъ, что народъ богатѣетъ, промышленность развивается и крѣпнетъ, въ земледѣліи замѣтенъ рѣзкій переходъ къ лучшей обработкѣ, что использованіе земледѣльческихъ машинъ и искуственныхъ удобреній растетъ, урожайность полей поднимается и самый существенный вопросъ — земельный—стоитъ на пути къ коренному и мирному разрѣшенію. На вопросъ Вольфа какое значеніе придаю я революціоннымъ вспышкамъ, я сказалъ ему, что ни одна страна не свободна отъ этого явленія, но что въ Россіи оно гнѣздится преимущественно въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ и не идетъ далеко отъ нихъ.

Я прибавилъ, что Россіи нуженъ миръ болѣе, чѣмъ какой-либо другой странѣ уже по тому одному, что во всѣхъ проявленіяхъ своей внутренней жизни она чувствуетъ какъ усиленно бьется ея пульсъ, насколько велики результаты достигнутые за послѣднія 6—7 лѣтъ въ ея экономическомъ развитіи и насколько была бы прискорбна всякая остановка въ этомъ прогрессѣ. Я хорошо помню, что отвѣчая на вопросы Теодора Вольфа о нашемъ внутреннемъ положеніи, я употребилъ выраженіе, подхваченное потомъ Кн. Мещерскимъ, вышученное имъ и сдѣлавшееся даже заголовкомъ одного изъ его дневниковъ, посвященныхъ нападенію на меня.

«Повѣрьте мнѣ», сказалъ я Вольфу: «что всѣ доходящія до Васъ вѣсти о грозномъ революціонномъ движеніи внутри страны крайне преувеличены и исходятъ, главнымъ образомъ, изъ оппозиціонной печати. Отъѣзжайте радіусомъ на 100-200 километровъ отъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, каковы Петербургъ, Москва, Харьковъ, Кіевъ, Одесса, Саратовъ, и Вы не найдете того революціоннаго настроенія, о которомъ Вамъ говорятъ Ваши информаторы».

И сейчасъ много лѣтъ спустя послѣ моей бесѣды съ Вольфомъ, не взирая на все, что совершилось въ Россіи, при величайшемъ содѣйствіи той же Германіи, я не отказываюсь отъ моего взгляда того времени, потому что не будь войны, не будь того, что произошло вообще во время ея, окажись интеллигентные виновники революціи на высотѣ столь легко давшейся имъ въ руки власти, которую они взяли только потому, что она далась имъ безъ всякаго сопротивленія, но не сумѣли удержать ее и такъ же безъ сопротивленія передали въ руки большевиковъ, — мой анализъ былъ бы правиленъ, и черезъ какія-нибудь 10 лѣтъ разумнаго управленія Россія оказалась бы на величайшей высотѣ ея процвѣтанія.

Во вторникъ вечеромъ меня и жену пригласилъ къ обѣду Германскій Канцлеръ. Внѣшне, обѣдъ былъ, какъ всѣ обѣды: красиво убранный столъ, большое количество приглашенныхъ съ большинствомъ министровъ, но чрезвычайно скученъ и безсодержателенъ по разговорамъ.

Любезны были только хозяинъ и хозяйка, прочіе же приглашенные почти со мною не разговаривали, а сосѣдъ моей жены, кажется Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дельбрюкъ, — даже былъ съ нею просто невѣжливъ. Только недавно передъ тѣмъ назначенный Военный Министръ фонъ-Эйнемъ, съ которымъ меня свелъ передъ обѣдомъ Канцлеръ, попросилъ меня переговорить съ нимъ послѣ обѣда на тему о моихъ отношеніяхъ къ Государственной Думѣ, такъ какъ — сказалъ онъ — «мнѣ очень трудно наладить мои отношенія къ нашей Государственной Думѣ—Рейхстагу. Она требуетъ отъ меня большей мягкости нежели та, на которую я способенъ, да и ее не очень поощряетъ мой повелитель». Въ послѣобѣденной короткой бесѣдѣ на эту тему фонъ Эйнемъ былъ очень любезенъ и просилъ вернуться къ этому вопросу при нашей послѣдующей встрѣчѣ, которой, однако, вовсе и не было. За обѣдомъ Канцлеръ сказалъ мнѣ, что Императоръ приметъ меня завтра въ среду, въ Потсдамѣ, вмѣстѣ со всѣми моими спутниками, и что мы поѣдемъ вмѣстѣ съ нашимъ посломъ Свербѣевымъ.

Ровно въ 12 часовъ дня мы выѣхали съ Потсдамскаго вокзала и прибыли въ 12½ въ новый дворецъ. Императоръ принялъ меня одного въ небольшой пріемной комнатѣ, передъ гостиной, за которой была столовая, всѣ же прибывшіе, вмѣстѣ съ придворными ждали въ гостиной, въ которую вышла Императрица раньше,

чѣмъ кончился мой предварительный разговоръ съ Императоромъ.

Вильгельмъ II вышелъ ко мнѣ навстрѣчу чрезвычайно быстрою походкою. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ нашего Литовскаго полка и держалъ подъ рукою форменную фуражку полка. Его первыя слова отличались необычайною живостью и даже какою-то студенческою веселостью. Онъ припомнилъ первую встрѣчу его со мною въ декабрѣ 1905 года въ большомъ Берлинскомъ дворцѣ и прибавилъ: «насколько теперь стало лучше, Вы были тогда отставнымъ Министромъ, а теперь Вы — первый Министръ; тогда — помните — я говорилъ съ Вами о Вашемъ революціонномъ движеніи и объ этомъ ужасномъ законопроектѣ о принудительномъ отчужденіи земель, теперь объ этомъ никто у Васъ и не думаетъ, а я съ радостью слѣжу за тѣмъ, какъ быстро развивается Россія». Потомъ онъ перешелъ на свиданіе въ Балтійскомъ Портѣ, припомнилъ какъ много смѣялись мы тогда съ нимъ, и какъ весело и беззаботно прошло это свиданіе, спросилъ о здоровіи Императрицы и Государя и уже собирался было идти въ сосѣднюю комнату, когда я спросилъ его могу ли я испросить у него нѣсколько минутъ аудіенціи, когда ему угодно будетъ мнѣ ее назначить, такъ какъ я имѣю особое порученіе отъ моего Государя. Очевидно предупрежденный объ этомъ Канцлеромъ, сразу смѣнившій свой веселый и беззаботный тонъ на сухой и строго офиціальный, перемѣнившійся, какъ мнѣ показалось, въ лицѣ, Императоръ сказалъ мнѣ: «потрудитесь сказать мнѣ то, что Вамъ поручено теперь же, такъ какъ я предпочитаю выслушать непріятное сообщеніе сразу, нежели оставаться долго въ ожиданіи того, что мнѣ предстоитъ, такъ какъ я увѣренъ, что не услышу отъ Васъ того, что можетъ мнѣ доставить какое-либо удовольствіе. Вы, конечно, начали бы съ пріятнаго сообщенія, если бы имѣли сдѣлать его мнѣ». При этомъ онъ сразу перешелъ съ нѣмецкаго языка, на которомъ началась наша бесѣда, на французскій. Я изложилъ Императору въ точности то, что сказалъ въ понедѣльникъ Канцлеру, выбирая самыя спокойныя выраженія и оттѣнивъ въ особенности то обстоятельство, что мой Государь узналъ о намѣреніи Императора только въ самое послѣднее время и весьма сожалѣетъ о томъ, что Его Величество не вошелъ съ Нимъ въ предварительное сношеніе по этому вопросу, который не можетъ не затрагивать самымъ существеннымъ образомъ интересы Россіи на Босфорѣ.

Ни разу не прервавъ меня во все время моего изложенія, Императоръ, какъ только я окончилъ его, сказалъ самымъ рѣз-

кимъ и даже раздраженнымъ тономъ: «Я вполнѣ вѣрю тому, что Вы точно передаете мнѣ порученіе Вашего Государя, но не могу не выразить моего удивленія, какимъ образомъ Онъ забылъ Вамъ сказать, что все о чемъ Вы мнѣ сейчасъ передаете, было вполнѣ подробно условлено между нами 10-го мая въ Потсдамѣ, за обѣдомъ. Я тогда сказалъ Вашему Императору, что я рѣшилъ отозвать фонъ-деръ-Гольцъ-Пашу изъ Константинополя и замѣнить его другимъ Генераломъ. Я почти увѣренъ даже, что Я тогда назвалъ и его преемника, который былъ намѣченъ мною на этотъ постъ уже давно. Мнѣ не было сдѣлано ни малѣйшаго возраженія на мой планъ, а вдругъ теперь, когда всѣ мои распоряженія сдѣланы, когда Порта установила со мною всѣ детали, вдругъ Вашъ Императоръ протестуетъ и налагаетъ даже на меня отвѣтственность за то, что я дѣлаю помимо его что-то, нарушающее Его интересы. Я не принимаю такого упрека и не понимаю какую разницу усматриваетъ Императоръ Николай въ томъ, что вмѣсто одного моего Генерала будетъ другой. Вашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ ввелъ Васъ въ заблужденіе и просто забылъ, что все было рѣшено по нашему обоюдному соглашенію, и что я сдѣлалъ даже то, чего я вовсе не былъ обязанъ дѣлать, такъ какъ я надѣюсь, что Вы, Господинъ Премье-Министръ, не откажете мнѣ въ правѣ дѣлать выборъ между моими генералами».

Давши Императору высказаться до конца и видя, что онъ раздражается все болѣе и болѣе, я просилъ его выслушать и нашу точку зрѣнія, такъ какъ я имѣю повелѣніе доложить Его Величеству, что съ русской точки зрѣнія нѣтъ никакого недоразумѣнія въ этомъ вопросѣ.

Я просилъ Императора прежде всего припомнить, что во время посѣщенія Потсдама нашимъ Государемъ Его не сопровождалъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, которому и послѣ свиданія Императоровъ не было сообщено кѣмъ бы то ни было о состоявшемся соглашеніи. Мы знали только о предположеніи замѣнить фонъ-деръ-Гольцъ-Пашу другимъ Генераломъ въ должности инспектора турецкихъ войскъ, но о порученіи ему командованія константинопольскимъ корпусомъ было намъ совершенно неизвѣстно. Я не могу быть судьею о томъ, въ чемъ заключалась бесѣда Его Величества съ моимъ Государемъ, но позволяю себѣ удостовѣрить, что если даже такая бесѣда и имѣла мѣсто, то у Его Величества, моего Государя, не могло быть иного представленія, какъ о предположеніи замѣнить фонъ-деръ-Гольцъ-Пашу другимъ лицомъ изъ состава германской арміи. Противъ этого Императоръ Россійскій не имѣлъ и не имѣетъ никакихъ возра-

женій и почитаетъ этотъ вопросъ дѣломъ исключительнаго усмотрѣнія Германскаго Императора, ибо Россія не имѣетъ никакихъ притязаній на то, чтобы къ ней перешло право инструктированія турецкихъ войскъ и не желаетъ вовсе поднимать этого вопроса, дабы не вызывать новыхъ осложненій политическаго характера. Также смотритъ и Франція, съ которой Россія входила по этому поводу въ совершенно опредѣленныя сношенія. Совершенно иначе смотритъ Россія на новый фазисъ въ этомъ вопросѣ, — на порученіе Германскому генералу командованія константинопольскими войсками. Такое предположеніе равносильно переходу всей власти надъ турецкою столицею и надъ проливами въ руки Германіи, и на такую мѣру Россія ни въ коемъ случаѣ согласиться не можетъ. Я полагаю, что и Франція заявитъ свой протестъ, да и Англія едва ли такъ просто посмотритъ на такое измѣненіе положенія, съ которымъ всѣ успѣли свыкнуться. Очевидно, — сказалъ я — что въ этомъ дѣлѣ произошло крупное недоразумѣніе, и мой Государь ограничилъ свое согласіе на продленіе за Германіею привиллегіи инструктированія турецкихъ войскъ исключительно въ прежней формѣ, и измѣненіе послѣдней въ проектируемую теперь сторону никоимъ образомъ не могло быть обусловлено словеснымъ соласіемъ двухъ монарховъ, а должно было быть закрѣплено особымъ обмѣномъ письменныхъ нотъ, тѣмъ болѣе, что Россія не считаетъ себя въ правѣ вынести какое-либо окончательное рѣшеніе безъ согласія своего союзника, который столь же неподготовленъ къ такому рѣшенію, какъ и мы, освѣдомившіеся объ этомъ совершенно случайно, въ самую послѣднюю минуту.

Во время моихъ объясненій Императоръ съ трудомъ скрывалъ свое раздраженіе, попеременно то блѣднѣлъ то краснѣлъ, и когда я остановился и замолчалъ, — отчеканилъ мнѣ офиціальнымъ тономъ: «Долженъ ли я принять Ваши слова, Господинъ Предсѣдатель Совѣта, какъ офиціальный протестъ, заявленный мнѣ Русскимъ Императоромъ въ ультимативной формѣ, или это дружеская передача взгляда Вашего Императора, съ которымъ я могу войти въ непосредственное сношеніе, хотя бы для того, чтобы напомнить ему, что Я имѣлъ Его прямое согласіе и думалъ, что дѣйствую съ его вѣдома и одобренія».

Я помню хорошо мой отвѣтъ, потому что тогда же дословно записалъ всю аудіенцію. «Ваше Величество изволите близко знать моего Императора. Его деликатной натурѣ совершенно несвойствены рѣзкіе протесты, а тѣмъ болѣе ультиматумы. Личныя Его отношенія къ Вашему Величеству еще болѣе препятствуютъ

какой-либо возможности предъявленія Вамъ протеста въ такой формѣ, которой принадлежалъ бы характеръ малѣйшей рѣзкости, устраняющей возможность дружескаго обсужденія случайно возникшаго недоразумѣнія. Я точно передаю Вамъ взглядъ моего Государя на этотъ острый вопросъ, съ полною увѣренностью въ томъ, что, въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ два монарха, связанные давнею дружбой и одинаково стремящіеся къ взаимному согласію, всегда найдутъ почву для разрѣшенія несогласія. Я прошу Васъ только вѣрить тому, что мой Государь не можетъ смотрѣть на этотъ вопросъ съ иной точки зрѣнія, нежели та, которую я изложилъ быть можетъ недостаточно, но съ полною откровенностью и совершенно правдиво, и я убѣдительно прошу Ваше Величество не настаивать на Вашемъ первоначальномъ намѣреніи и пойти навстрѣчу дружеской просьбы моего Государя, который, конечно, сумѣетъ оцѣнить Ваше намѣреніе сгладить остроту, явившуюся въ этомъ вопросѣ помимо всякаго желанія Россіи. Если Вашему Величеству будетъ угодно войти въ непосредственное сношеніе съ моимъ Государемъ, то я буду усерднѣйше просить Васъ объ одномъ, чтобы Вы изволили довести до свѣдѣнія Его о томъ, что я исполнилъ передъ Вашимъ Величествомъ Его повелѣніе, тѣмъ болѣе, что я сочту своею обязанностью немедленно представить Его Величеству подробный письменный докладъ объ аудіенціи, которою Вы меня удостоили».

Видимо нѣсколько придя въ себя отъ охватившаго раздраженія, Императоръ Вильгельмъ сказалъ мнѣ болѣе спокойнымъ тономъ: «Я прошу Васъ не думать, что я имѣю какое-либо неудовольствіе лично противъ Васъ. Я Вамъ очень благодаренъ за Вашу сдержанность въ докладѣ, очень цѣню корректность избранной Вами формы, но не могу дать Вамъ окончательнаго отвѣта, такъ какъ долженъ переговорить съ Канцлеромъ и даже не знаю, не поздно ли и не сообщенъ ли уже Турецкому правительству окончательный текстъ нашего соглашенія. Его послѣднія слова, произнесенныя въ прежней формѣ веселаго студента, были: «Надѣюсь, что нашъ споръ не отнялъ у Васъ аппетита, я же чертовски голоденъ и скажу Императрицѣ, что Вы виноваты въ томъ, что мы такъ запоздали къ завтраку».

Во все время завтрака, Императоръ изрѣдка перекидывался самыми шуточными замѣчаніями со мною, напоминая поминутно наши веселые обѣды и завтраки въ Балтійскомъ Портѣ, Императрица вела со мною самую безсодержательную бесѣду на тему объ условіяхъ жизни въ Петербургѣ, а послѣ завтрака, во время кофе, не было больше и помина ни очемъ напоминавшемъ нашъ напряженный разговоръ, хотя Императоръ все время говорилъ

только со мною, и окружающимъ казалось, несомнѣнно, что мнѣ оказывалось имъ исключительное вниманіе. Онъ перевелъ быстро разговоръ на недавно произведенныя въ Россіи археологическія раскопки около Керчи и сказалъ, что онъ прочиталъ съ исключительнымъ интересомъ газетныя сообщенія о найденныхъ скифскихъ древностяхъ, которыми всегда особенно интересовался, и спросилъ меня какимъ путемъ могъ бы онъ ближе познакомиться съ добытыми рѣдкими предметами. Я зналъ, что раскопки были произведены особою экспедиціею, снаряженною Императорскою Археологическою Комиссіею, и видѣлъ даже выставленные предметы въ одномъ изъ помѣщеній Зимняго дворца, отведенномъ Комиссіи. Мнѣ не стоило никакого труда обѣщать Императору доложить Государю о его желаніи, и я выразилъ увѣренность въ томъ, что очень скоро буду имѣть возможность представить ему снимки съ этой находки, тѣмъ болѣе, что случайно, не задолго до моего отъѣзда была рѣчь о томъ, чтобы Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ изготовила особый альбомъ наиболѣе интересныхъ предметовъ въ краскахъ и въ ихъ натуральную величину.

Мѣсяцъ спустя эти предметы, превосходно исполненные Экспедиціею, были посланы Государемъ Императору Вильгельму при собственноручномъ письмѣ, написанномъ въ самомъ дружескомъ тонѣ, безъ малѣйшихъ намековъ на щекотливый вопросъ, вызвавшій такія тягостныя объясненія со мною.

Обратный мой путь въ Берлинъ я совершилъ безъ Канцлера, который остался въ Потсдамѣ для своего доклада Императору, и мы условились, что я приду къ нему въ 5 часовъ дня.

Едва мы успѣли войти въ вагонъ, какъ Директоръ Кредитной Канцеляріи Л. Ф. Давыдовъ, пріѣхавшій въ Парижъ ко времени моихъ переговоровъ о желѣзнодорожномъ займѣ и вмѣстѣ со мною остановившійся въ Берлинѣ, отвелъ меня въ сторону и просилъ принять его тотчасъ же, какъ я буду свободенъ, для сообщенія мнѣ того, что я долженъ немедленно же узнать. Онъ, видимо, не хотѣлъ говорить ни въ присутствіи нашего посла Свербѣева, ни при другихъ моихъ спутникахъ.

Я принялъ его тотчасъ же по моемъ пріѣздѣ въ гостиницу «Континенталь», просилъ никого не принимать пока я не кончу моей бесѣды съ Давыдовымъ и послѣ его ухода имѣлъ еще время записать все, что онъ мнѣ сказалъ, для доклада Государю, и имѣлъ потомъ, еще до представленія моего письменнаго доклада въ Ливадію, возможность дать Давыдову прочитать написанное,

чтобы устранить малѣйшую неточность въ пересказѣ того, что было имъ передано мнѣ.

Давыдовъ сидѣлъ за завтракомъ по лѣвую сторону отъ Императора, посолъ Свербѣевъ - по правую. Кромѣ двухъ-трехъ, совершенно банальныхъ обращеній къ нашему послу, весь завтракъ Императоръ разговаривалъ исключительно съ Давыдовымъ, только изрѣдка перекидываясь со мною небольшими замѣчаніями, каждый разъ извиняясь передъ Императрицею, что онъ прерываетъ ея разговоръ съ ея «собесѣдникомъ».

Разговоръ Императора съ Давыдовымъ начался фразою, которая казалась сначала совершенно банальною:

«Вы довольны Вашимъ пребываніемъ въ Парижѣ»? Давыдовъ отвѣтилъ ему: «мы, русскіе государственные чиновники, сильно обремененные нашею службою, особенно любимъ бывать въ Парижѣ, потому что находимъ тамъ возможность нѣсколько отойти отъ нашей однообразной жизни дома и въ особенности потому, что находимъ тамъ исключительную атмосферу полнѣйшей независимости и свободы, цѣнной именно тѣмъ, что даже въ случаѣ пріѣзда въ Парижъ по дѣламъ, никто нами тамъ не занимается, даже не интересуется тѣмъ, что мы дѣлаемъ, послѣ окончанія дѣловыхъ переговоровъ, и всѣ даютъ намъ полную возможность просто отойти на минуту отъ всѣхъ заботъ и интересовъ, слишкомъ безпощадно поглощающихъ всю нашу жизнь дома».

Императоръ, видимо, не желалъ удовольствоваться такимъ оборотомъ разговора и замѣтивши, что онъ прекрасно понимаетъ на сколько Парижъ представляетъ собою центръ, куда стремятся всѣ, кому туда можно показаться, Онъ имѣетъ въ виду своимъ вопросомъ узнать совсѣмъ иное, а именно насколько онъ и, главнымъ образомъ, его шефъ, довольны достигнутыми результатами переговоровъ о расширеніи русской желѣзнодорожной сѣти, о чемъ всѣ газеты полны самыхъ опредѣленныхъ сообщеній, не скрывая въ нихъ, что исключительное вниманіе было обращено на развитіе дорогъ имѣющихъ несомнѣнное и даже исключительное стратегическое значеніе.

Давыдовъ отвѣтилъ ему, что онъ, конечно, въ курсѣ того, о чемъ пишутъ французскія газеты, хотя далеко и не всѣ, но полагаетъ, что Императоръ хорошо освѣдомленъ о томъ, какую цѣну слѣдуетъ придавать газетнымъ сообщеніямъ, которыя далеко не всегда отличаются точностью, и онъ можетъ только со всею положительностью удостовѣрить, что ни въ одномъ изъ данныхъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ интервью не было даже упомянуто

и слово «стратегическія желѣзныя дороги» потому что, на самомъ дѣлѣ, всѣ заботы его, какъ и всего русскаго правительства, направлены теперь на развитіе исключительно желѣзнодорожнаго транспорта съ цѣлью приспособленія его къ экономическому развитію страны, проявившему такой исключительный расцвѣтъ за послѣднія 7—8 лѣтъ, что не только нельзя оставаться безъ изысканія значительныхъ новыхъ средствъ для расширенія и переустройства рельсовой сѣти для однихъ экономическихъ нуждъ страны, но даже слѣдуетъ сказать, не скрываясь, что безъ этого условія Россія можетъ дойти до самыхъ большихъ трудностей въ удвлетвореніи запросовъ ея промышленной и сельскохозяйственной жизни. Усилія Россіи въ настоящее время направлены, главнымъ образомъ, на улучшеніе техническихъ и финансовыхъ условій нашего желѣзнодорожнаго строительства, которыя причиняютъ намъ величайшія заботы, и онъ увѣренъ, что его начальникъ будетъ очень радъ представить Его Величеству очень интересныя свѣдѣнія по этому поводу, если только они представляютъ для него какой-либо интересъ.

Императоръ прервалъ его словами: «Меня совершенно не интересуютъ экономическія соображенія въ дѣлѣ развитія рельсовой сѣти, потому что я отлично понимаю, что каждая страна должна принимать мѣры къ тому, чтобы ея жизнь не страдала отъ недостатковъ своего транспорта, но чего я не могу понять, это то зачѣмъ Россіи нужно усиливать свои чисто стратегическія дороги и именно тѣ, которыя направлены въ сторону Германіи. Въ этомъ я вижу весьма тревожный симптомъ». На это Давыдовъ отвѣтилъ ему слѣдующее, внеся даже свои личныя небольшія исправленія въ сдѣланную мною запись.

«Каждую дорогу можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, стратегическою, потому что при ивѣстномъ пониманіи, можно съ полною справедливостью указать, что по ней можно провести солдатъ и военные грузы. Усиленіе и улучшеніе желѣзнодорожной линіи, содиняющей двѣ столицы — Петербургъ и Москву, увеличеніе на ней станціонныхъ путей, усиленіе ея подвижного состава можно также, при извѣстныхъ взглядахъ, считать мѣрою, имѣющею стратегическій характеръ. Но если отрѣшиться отъ такого предвзятаго взгляда и разсмотрѣть представленный Россіею въ Парижѣ планъ ея желѣзнодорожнаго строительства, на которое ей необходимо имѣть ежегодно не менѣе пяти сотъ милліоновъ франковъ не считая того, что она можетъ тратить изъ своихъ бюджетныхъ средствъ, то съ очевидностью станетъ ясно, что не только Россія не предполагаетъ строить ни одной линіи, идущей въ сто-

рону Германіи, но что подавляющее большинство всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій, намѣченныхъ къ постройкѣ, имѣютъ чисто экономическій характеръ и не имѣютъ рѣшительно никакого военнаго или, такъ называемаго, стратегическаго значенія. Достаточно указать для оправданія этого утвержденія, что наибольшая часть средствъ, намѣченныхъ къ затратамъ, имѣютъ въ виду желѣзныя дороги на Уралѣ, сооруженіе Южно-Сибирской магистрали, развитіе совершенно недостаточныхъ путей сообщенія въ Туркестанѣ и т. д.»

Императоръ, видимо, хотѣлъ перемѣнить разговоръ, но Давыдовъ, не замѣтивъ этого, добавилъ еще:

«Ваше Величество изволите усматривать тревожный симптомъ въ томъ, что Россія обращается къ Франціи въ полученіи неотложно нужныхъ ей средствъ для своихъ экономическихъ цѣлей. Но почему же она прибѣгаетъ къ этому средству. Только потому, что она видитъ готовность Франціи идти навстрѣчу ея стремленій, направленныхъ къ мирному развитію своей жизни, знаетъ и вѣритъ полному отсутствію въ ея политикѣ какихъ бы то ни было агрессивныхъ намѣреній, тогда какъ другіе рынки совершенно не интересуются Россіею и ея стремленіями: одни потому, что сами не обладаютъ средствами, другіе потому, что измѣнили свое прежнее отношеніе къ финансовой политикѣ Россіи. Что же остается дѣлать намъ. Остановить наше внутреннее развитіе — немыслимо и было бы прискорбно и даже вредно. Остается искать, для продуктивныхъ цѣлей, средства тамъ, гдѣ они имѣются и гдѣ намъ вѣрятъ, какъ видятъ насколько мы не жалѣемъ никакихъ способовъ, что бы сохранить наше положеніе среди другихъ державъ и оградить всѣми доступными намъ средствами миръ и общее спокойствіе».

Императоръ прервалъ Давыдова и, придавая своимъ словамъ болѣе рѣзкій и даже нервный тонъ, сказалъ:

«Оставимте этотъ вопросъ. Есть другой, который меня безпокоитъ больше, нежели вопросъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ Россіи. Неужели у Васъ не понимаютъ, куда ведетъ направленіе Вашей печати, усвоившее себѣ цѣликомъ пріемы и направленіе французской и англійской печати по отношенію къ Германіи. Ея нападки на насъ и лично на меня не предвѣщаютъ ничего добраго. Все общественное мнѣніе Германіи глубоко возмущено ими. Ваши газеты забываютъ, что еще такъ недавно, въ самую критическую для Россіи пору войны съ Японіею, я предложилъ ей очистить отъ вашихъ войскъ Вашъ западный фронтъ и гарантировалъ Вамъ полную Вашу безопасность. Во время бал-

канскаго кризиса, въ часы самыхъ опасныхъ манифестацій я велъ, какъ веду и сейчасъ, политику примиренія и поддерживаю Васъ во всемъ. И тѣмъ не менѣе, выходки Вашей печати, также какъ и выходки французской, съ газетою господина Бюно-Варилла во главѣ, дѣлаются совершенно невыносимыми, онѣ ведутъ къ катастрофѣ, которую я не смогу предотвратить. Скажите это Вашему шефу», прибавилъ Императоръ, показывая въ мою сторону.

Давыдовъ отвѣтилъ, что онъ не преминетъ поставить меня въ извѣстность о всей бесѣдѣ, которой онъ только что удостоенъ, но просилъ Императора Вильгельма разрѣшить ему отвѣтить нѣсколькими словами на только что имъ высказанное.

Положеніе печати въ Россіи — сказалъ онъ — совершенно иное нежели въ Германіи. Здѣсь печать очень дисциплинирована, и сама охотно ищетъ постояннаго освѣдомленія отъ правительства и весьма дорожитъ имъ, считая до извѣстной степени своимъ патріотическимъ долгомъ слѣдовать директивамъ правительства и помогать ему.

Въ Россіи она и недисциплинирована и укомплектована по преимуществу элементами, считающими своимъ непремѣннымъ долгомъ критиковать правительство и относиться большею частью отрицательно ко всему, что дѣлается имъ. Органы печати, благожелательно настроенные въ сторону правительства, считаются далеко не безкорыстными, несмотря на то, что такое отношеніе совершенно несправедливо. Законъ не облекаетъ къ тому же правительство достаточными средствами къ тому, чтобы держать печать въ рамкахъ благоразумія, держать же печать подъ эгидою цензуры, очевидно, немыслимо при современномъ состояніи страны. Печать въ Россіи, такимъ образомъ, гораздо болѣе свободна чѣмъ это принято думать, и, несмотря на это, та же печать постоянно жалуется на недостаточную свободу, ей предоставленную, и этотъ лозунгъ проводится ею и во всей заграничной печати, которая, въ свою очередь, постоянно говоритъ о какомъ-то гнетѣ правительства на печать, не давая себѣ отчета въ томъ, что этотъ гнетъ существуетъ просто въ ея воображеніи.

Независимо отъ этого, нельзя забывать, что много органовъ печати находится въ рукахъ людей враждебно настроенныхъ къ правительству, очень плохо освѣдомленныхъ и не желающихъ просто освѣдомляться у правительства. Эти элементы просто не даютъ себѣ отчета въ томъ вредѣ, который они наносятъ странѣ, а всякая попытка разъяснить ихъ неправильное освѣщеніе принимается какъ давленіе на печать.

Слушая Давыдова, Императоръ едва сдерживалъ свое неудовольствіе и рѣзко отвѣтилъ ему:

«Я не могу помочь дѣлу, если оно находится въ такомъ положеніи, какъ Вы мнѣ это изображаете. Я долженъ только сказать Вамъ прямо — я вижу надвигающійся конфликтъ двухъ расъ: романо-славянской и германизма, и не могу не предварить Васъ объ этомъ».

Завтракъ подходилъ къ концу, и Давыдовъ успѣлъ только сказать Императору, что славянскій міръ не предполагаетъ атаковать кого бы то ни было и опасается только одного — атаки германизма, направленной на него и на его существованіе. Россія въ частности желаетъ только одного — мирнаго существованія, отлично давая себѣ отчетъ въ томъ, насколько оно ему необходимо, хотя бы для того одного, чтобы догнать то время, которое было упущено ею въ прошломъ, чтобы занять среди другихъ народовъ мѣсто, на которое она въ правѣ расчитывать среди культурныхъ странъ. Что же касается Германіи, то не имѣя права говорить о ней, онъ спрашиваетъ себя, что можетъ она выиграть отъ вооруженнаго конфликта. Ей нужны предметы первой необходимости для ея исключительнаго по интенсивности промышленнаго оборудованія и еще больше она нуждается въ міровыхъ рынкахъ для вывоза своихъ произведеній. Что дадутъ ей послѣдствія вооруженнаго катаклизма.

На эту реплику Императоръ отвѣтилъ Давыдову:

«Вы разумѣете столкновеніе германизма съ славянствомъ, предполагая, вѣроятно, что первый начнетъ враждебныя дѣйствія. Если война неизбѣжна, то я считаю совершенно безразличнымъ кто начнетъ ее» и затѣмъ послѣднія его слова были: «мы съ Вами, повидимому, различно оцѣниваемъ событія. Я очень озабоченъ ими и говорю Вамъ совершенно опредѣленно, что война можетъ сдѣлаться просто неизбѣжною, и предупреждаю Васъ объ этомъ, потому, что я предпочитаю вообще говорить съ финансистами, такъ какъ они и болѣе освѣдомлены и умѣютъ сказать то, что думаютъ, тогда какъ господа дипломаты только могутъ создавать ненужныя осложненія. Повѣрьте мнѣ, что я ничего не преувеличиваю».

Разставшись съ Давыдовымъ, я тотчасъ же записалъ все, что онъ мнѣ сказалъ, и такъ какъ до моего свиданія съ Канцлеромъ у меня осталось всего нѣсколько минутъ времени, то я условился съ Давыдовымъ, что перепишу мою запись и покажу ее ему уже въ Петербургѣ, прежде чѣмъ внесу въ мой всеподданнѣйшій докладъ, или сохраню въ видѣ прибавленія къ докладу, чтобы

устранить возможность проникновенія въ печать. Разумѣется, обо всемъ я поставлю въ извѣстность Сазонова. Впослѣдствіи уже, находясь въ Парижѣ въ бѣженствѣ, я написалъ обо всемъ эпизодѣ моего свиданія съ Императоромъ Вильгельмомъ особую статью для Ревю-дэ-Мондъ. Журналъ набралъ ее въ корректурѣ, но затѣмъ долгое время не печаталъ ее и кончилъ тѣмъ, что не напечаталъ вовсе. Почему поступилъ этотъ журналъ такимъ образомъ я не знаю, хотя мнѣ въ точности извѣстно, что бывшій посолъ въ Берлинѣ Жюль Камбонъ говорилъ дважды Директору Журнала о крайней желательности напечатать мою статью. На всякій случай я храню для памяти корректуру этой ненапечатанной статьи, которая воспроизведена здѣсь во всей точности.

Свиданіе мое съ Канцлеромъ было назначено въ 5 часовъ вечера. Когда я пришелъ къ нему, меня провели къ нему безъ доклада, и Бетманъ-Гольвегъ встрѣтилъ меня словами: «Поздравляю Васъ отъ всего моего сердца, Вы достигли успѣха на три четверти. Нужно только придумать какой-либо компромиссъ, чтобы дать намъ приличный выходъ изъ создавшагося положенія, такъ какъ турки уже согласились поручить командованіе однимъ корпусомъ нашему Генералу. Если Ваше правительство не будетъ спорить, чтобы мы имѣли въ нашихъ рукахъ, какъ учебную единицу, одинъ изъ армейскихъ корпусовъ турецкой арміи, то я обѣщаю Вамъ мое содѣйствіе въ томъ, чтобы мы не настаивали на Константинопольскомъ корпусѣ, лишь бы Вашъ протестъ не былъ повторенъ Франціею». Не принимая на себя окончательнаго рѣшенія вопроса и ссылаясь на то, что я долженъ обо всемъ доложить моему Государю, я предложилъ въ видѣ попытки къ компромиссу исключить, во всякомъ случаѣ, Константинополь и Адріанополь и избрать одинъ изъ малоазіатскихъ корпусовъ, предоставивъ намъ сговориться съ Франціей и обезпечить ея обѣщаніе не протестовать, если выборъ корпуса не будетъ близко затрагивать ея интересовъ.

Я настаивалъ, во всякомъ случаѣ, на томъ, чтобы Германскій Генералъ не былъ офиціально назначенъ командиромъ корпуса, а была бы найдена болѣе пріемлемая формула, ясно указывающая на то, что его отношеніе имѣетъ чисто учебный характеръ.

Подумавши немного, Канцлеръ сказалъ мнѣ: «я понимаю, Васъ удовлетворитъ, вѣроятно, такая постановка, при которой при турецкомъ командирѣ нашему Генералу будутъ даны полномочія руководить имъ въ смыслѣ учебныхъ занятій и примѣненія на практикѣ выработанныхъ нами уставовъ».

Я отвѣтилъ на это утвердительно, прибавивши, что мы не

имѣемъ фактической возможности слѣдить за секретными наставленіями и ихъ примѣненіемъ, но не можемъ отказаться отъ принципіальной стороны вопроса, столь просто разрѣшающей вопросъ о проливахъ и преобладаніи Германіи на Босфорѣ. На этомъ мы разстались, при чемъ Канцлеръ сказалъ мнѣ на прощаніе: «Вы можете быть довольны Вашимъ пріѣздомъ къ намъ, такъ какъ я почти увѣренъ, что мы найдемъ формулу, которая дастъ Вамъ удовлетвореніе».

Я успѣлъ передать всѣ обстоятельства французскому послу, который обѣщалъ немедленно телеграфировать въ Парижъ и высказалъ лично отъ себя, что онъ думаетъ, что соглашеніе между нами будетъ легко достижимо и, что и онъ находитъ, что я сдѣлалъ все, чего можно было добиться при создавшемся положеніи вещей.

Теперь много лѣтъ спустя, мнѣ трудно уловить всѣ оттѣнки впечатлѣній того времени, но у меня было, какъ тогда, такъ и теперь, впечатлѣніе, что Бетманъ-Гольвегъ былъ совершенно искрененъ со мною и искалъ и самъ выхода изъ того положенія, которое создалось помимо его участія, исключительно подъ вліяніемъ военныхъ круговъ. Самъ онъ, я думаю, дѣйствительно не сочувствовалъ принятому уже рѣшенію и отлично понималъ, что ни мы ни Франція не можемъ оставить безъ протеста такого рѣшенія, а такой протестъ только усугублялъ и безъ того напряженное положеніе дѣлъ ближняго Востока. Скажу даже больше, мнѣ думается, что Канцлеръ вообще не хотѣлъ войны и былъ со мною вполнѣ искрененъ, когда, припоминая нашу встрѣчу на Елатиномъ островѣ, онъ тогда еще говорилъ, что Германія достигла мирнымъ путемъ такихъ результатовъ въ своей внѣшней политикѣ, которые могутъ только укрѣплять ее продолжать мирное развитіе ихъ. Онъ былъ безспорно не самостоятеленъ, и во всей бесѣдѣ его явно слышалась нота неудовольствія на то, что, неся формальную отвѣтственность за ходъ дѣлъ, онъ долженъ считаться съ вліяніями превышающими его власть.

На другой день, рано утромъ мы выѣхали въ обратный путь домой. Поѣздъ отходилъ въ 7 часовъ утра. Несмотря на такой ранній часъ, Канцлеръ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, поднесъ букетъ женѣ, отвелъ меня въ сторону и спросилъ съ какимъ чувствомъ уѣзжаю я изъ Берлина.

Повторивши ему, что у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ увѣренности въ достигнутомъ мною результатѣ, что меня продолжаетъ озабочивать настроеніе Императора и окружающихъ его военныхъ, но что я надѣюсь на его, Канцлера, помощь въ вопросѣ, въ которомъ Россія не можетъ измѣнить своей точки зрѣнія. Я просилъ

его сказать мнѣ совершенно откровенно, хотя бы и частнымъ образомъ, на что могу я разсчитывать. Его отвѣтъ былъ буквально слѣдующій:

«Я даю Вамъ мое слово, что все мое вліяніе будетъ направлено на то, чтобы исполнить Ваше желаніе, и я даже имѣю моральное право сказать Вамъ, что Вы уже достигли Вашего желанія, но въ обмѣнъ на такую мою откровенность, я прошу Васъ сказать мнѣ не видите ли Вы другихъ тревожныхъ точекъ въ нашихъ отношеніяхъ и не можете ли предупредить меня о томъ, на что мнѣ слѣдуетъ обратить мое особенное вниманіе».

До отхода поѣзда оставалось всего нѣсколько минутъ. Я успѣлъ только сказать Канцлеру, что, помимо общаго политическаго положенія и постояннаго усиленія военныхъ приготовленій въ Германіи, я смотрю съ особою тревогою на подготовительныя работы къ пересмотру торговаго договора, такъ какъ до меня доходятъ слухи весьма тревожнаго свойства о томъ, въ какомъ направленіи ведутся работы въ Германіи, и какія требованія будутъ выдвинуты съ ея стороны.

Взявши меня за руку, Бетманъ-Гольвегъ сказалъ мнѣ: «Вы совершенно правы, этотъ вопросъ гораздо острѣе, чѣмъ вопросъ о Лиманѣ-фонъ-Сандерсѣ, но зачѣмъ же съ Вашей стороны поднимается такъ много ненужнаго шума, и неужели нѣтъ возможности и въ этомъ вопросѣ найти средній путь. Какъ хорошо было бы, если бы Вы опять пріѣхали къ намъ, и мы могли бы спокойно переговорить обо всемъ».

На этомъ мы простились. Въ тотъ же день, въ вагонѣ по германской дорогѣ, а затѣмъ на слѣдующій день уже въ русскомъ вагонѣ между Вержболовомъ и Петербургомъ, я продиктовалъ моему секретарю Дорліаку подробный всеподданнѣйшій докладъ, перечиталъ и исправилъ его тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, показалъ его въ проектѣ Сазонову, который не сдѣлалъ на него ни одного замѣчанія, и я немедленно послалъ его Государю въ Ливадію, прося Его ознакомиться съ нимъ до моего пріѣзда, а Сазонова просилъ представить отъ себя заключенія по всѣмъ его сторонамъ. С. Д. сообщилъ мнѣ на другой день, что онъ представилъ Государю простое заявленіе, что онъ вполнѣ присоединяется ко всему, что мною сдѣлано, и будетъ только ждать увѣдомленія Свербѣева объ окончательномъ рѣшеніи со стороны Германіи. Какъ извѣстно, на этотъ разъ нашъ протестъ былъ формально уваженъ, назначеніе Генерала Лимана-фонъ-Сандерсъ командиромъ второго корпуса въ Константинополѣ не состоялось, и мы имѣли право сказать, что наша точка зрѣнія была принята.

Что было затѣмъ сдѣлано послѣ моего ухода въ концѣ января 1914-го года мнѣ уже неизвѣстно.

Объ этомъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ я распространяться не стану. Онъ сдѣлался предметомъ гласности, такъ какъ большевики напечатали его въ концѣ 1928-го года въ особомъ изданіи подъ названіемъ «Черная Книга».

Уже въ іюлѣ 1924-го года въ Брюсселѣ появился рядъ статей въ одной изъ газетъ, посвященныхъ русскому вопросу, въ которыхъ авторъ ссылается на тотъ же мой докладъ, но уже съ совсѣмъ иной точки зрѣнія, находя въ немъ указаніе на то, какъ я обманывалъ Французское Правительство, выманивая у него деньги на постройку желѣзныхъ дорогъ, обѣщая Генералу Жоффру начать немедленно постройку стратегическихъ дорогъ въ Польшѣ и — не исполнилъ этого обѣщанія. Авторъ этихъ статей просто не зналъ, что никакого фактически разработаннаго плана постройки стратегическихъ дорогъ у Генерала Жоффра не было, о чемъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, а былъ рядъ схематически набросанныхъ на листкѣ бумаги длинныхъ магистральныхъ линій, прорѣзывавшихъ вдоль и поперекъ чуть ли не всю Россію. Не зналъ онъ также или не хотѣлъ знать, что все мое соглашеніе объ открытіи Россіи пятилѣтняго кредита на усиленіе ея желѣзнодорожнаго строительства было формально осуществлено только въ январѣ 1914-го года, а 30-го числа того же мѣсяца я былъ уволенъ, да и война была объявлена 19-го іюля того же года и слѣдовательно никакая сила въ мірѣ не могла за этотъ ничтожный промежутокъ времени построить ни одного метра новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ, все это совершенно безразлично для газетныхъ статей, такъ какъ весь интересъ сводится только къ тому, чтобы сказать, что Россія и ея представители всегда думали только о томъ, чтобы занимать деньги и не исполнять своихъ обязанностей.

Съ границы, изъ Вержболова, я послалъ Государю телеграмму съ извѣщеніемъ о томъ, что я вернулся изъ моей поѣздки и, по принятому порядку, испрашиваю у Него: угодно ли Ему повелѣть мнѣ вступить въ исполненіе моихъ двойныхъ обязанностей: Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ. По странной случайности, отвѣтъ на мой запросъ, съ повелѣніемъ вступить въ должность, я получилъ только на третій день моего возвращенія въ Петербургъ, когда я уже фактически окунулся во всѣ прелести, ожидавшія меня по моемъ возвращеніи.

Было ли это случайное запозданіе въ отвѣтѣ, не отлучался ли Государь куда-либо изъ Ливадіи, или Онъ раздумывалъ не слѣдуетъ ли ему воспользоваться настоящимъ моментомъ и уво-

лить меня, — я этого не знаю и никогда не узнаю, но для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мысль о моемъ увольненіи давно уже была въ умѣ Государя, и только Онъ все еще воздерживался привести ее въ исполненіе и осуществилъ ее лишь въ концѣ января 1914-го года.

Прошло всего не болѣе 2—3 дней послѣ моего возвращенія, какъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ получилъ отъ А. П. Извольскаго подробное письмо отъ 7/20 ноября съ сообщеніемъ о 10-ти дневномъ моемъ пребываніи въ Парижѣ. Это письмо содержало чрезвычайно лестныя для меня свѣдѣнія о томъ, какъ отзывались о моемъ пребываніи высшіе представители французскаго правительства. Объ этомъ письмѣ я ничего не зналъ, потому что Сазоновъ, несмотря на вполнѣ добрыя, казалось бы, наши отношенія, не счелъ почему-то нужнымъ сообщить мнѣ о немъ и даже не обмолвился о немъ ни однимъ словомъ, несмотря на то, что оно не могло не быть пріятно какъ мнѣ, такъ и ему самому. Почему онъ такъ поступилъ — кто разъяснитъ это теперь!

Только въ апрѣлѣ 1932 года оно стало мнѣ извѣстно черезъ Совѣтское изданіе 1927 года «Монархія передъ крушеніемъ».

ГЛАВА IX.

Развитіе интриги противъ меня. — Проектъ назначенія Штюрмера Московскимъ Городскимъ Головой. Непосредственныя, въ обходъ Совѣта, сношенія Маклакова по этому вопросу съ Государемъ. — Поѣздка въ Ливадію. — Докладъ Государю о моей заграничной поѣздкѣ, о вредѣ назначенія Штюрмера и о безпокоющемъ меня отсутствіи единства въ Совѣтѣ Министровъ. — Неутвержденіе Государемъ назначенія Штюрмера. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Сообщеніе Совѣту Министровъ о моемъ докладѣ Государю и обращеніе мое къ министрамъ по вопросу о тяжеломъ положеніи, создаваемомъ рознью въ средѣ Совѣта. Совѣщаніе подъ моимъ предсѣдательствомъ для разсмотрѣнія нія записки Сазонова по турецкому вопросу.

Давно не было такого напряженнаго положенія вещей, какъ то, которое я засталъ, вернувшись послѣ моего 7-минедѣльнаго отсутствія.

Я не говорю уже объ обще-политическомъ положеніи, которое заставляло быть насторожѣ каждую минуту, но мое личное положеніе было настолько острымъ, что все говорило за необходимость готовиться къ его выясненію всѣми доступными мнѣ способами. Интрига противъ меня успѣла развиться и окрѣпнуть за время моего вынужденнаго отсутствія, и это стало мнѣ яснымъ съ перваго же дня.

Меня замѣнялъ по Совѣту Министровъ Государственный Контролеръ П. А. Харитоновъ.

Я уже не разъ говорилъ, что онъ лично не принималъ дѣятельнаго участія въ кампаніи противъ меня, такъ какъ не видѣлъ въ этомъ личнаго расчета и вообще не стремился переходить изъ своего спокойнаго положенія на болѣе боевое и отвѣтственное. Но онъ былъ обо всемъ отлично освѣдомленъ и далеко не все сообщалъ мнѣ, такъ какъ не хотѣлъ портить отношеній съ той

группою Министровъ, которые вели интригу противъ меня, и, въ особенности, съ Кривошеинымъ и Щегловитовымъ, не зная хорошенько, кто изъ нихъ построитъ свое благополучіе на моихъ развалинахъ. Тотчасъ по моемъ пріѣздѣ, Харитоновъ пріѣхалъ ко мнѣ и посвятилъ меня въ два вопроса, совершенно мнѣ неизвѣстные, а именно, что такъ называемый думскій кризисъ — разрѣшился при содѣйствіи Щегловитова и что ему стало извѣстно, что Маклаковъ послалъ безъ согласія и даже обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ всеподданнѣйшій докладъ о назначеніи, властью правительства, Московскимъ Городскимъ Головою Члена Государственнаго Совѣта Штюрмера. Онъ прибавилъ, что Маклаковъ, на вопросъ его объ этомъ, отвѣтилъ ему, что онъ никакихъ личныхъ распоряженій по этому поводу не дѣлалъ, ясно намекая, что что-то имъ дѣлается очевидно по повелѣнію Государя, но что Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ сказалъ ему объ этомъ совершенно просто, когда Маклаковъ спрашивалъ, не имѣетъ ли онъ какихъ-либо возраженій противъ такого предположенія, — что онъ не видитъ препятствій противъ предположенной мѣры.

Въ тотъ же день вечеромъ, я созвалъ всѣхъ Министровъ въ частное собраніе у меня въ кабинетѣ и просилъ ихъ выслушать мое сообщеніе о результатахъ моей поѣздки и сообщить мнѣ о наиболѣе выдающихся событіяхъ по каждому вѣдомству за мое отсутствіе.

С. Д. Сазоновъ, выслушавши мой черновой проектъ всеподданнѣйшаго доклада о посѣщенія Рима, Парижа и Берлина, заявилъ, что онъ находитъ достигнутые результаты настолько благопріятными, что самъ не надѣялся на столь блистательный исходъ нѣмецкаго конфликта. Рухловъ вышелъ изъ своей обычной сдержанности и сказалъ, что онъ готовъ повторить то, о чемъ уже не разъ заявлялъ, что находитъ, что теперь мы сдвинулись съ мертвой точки въ дѣлѣ строительства желѣзныхъ дорогъ, и убѣждается въ полной правотѣ моихъ взглядовъ. Остальные Министры ограничились пересказомъ разныхъ второстепенныхъ подробностей текущей жизни. Кривошеинъ, Маклаковъ и Щегловитовъ молчали. Первый изъ нихъ сказалъ только, что онъ настолько боленъ, что намѣренъ просить Государя о продолжительномъ отпускѣ, о чемъ имѣетъ въ виду переговорить со мною отдѣльно. Мнѣ пришлось обратиться къ Маклакову и Щегловитову съ просьбою посвятить меня въ курсъ того, что мнѣ стало уже извѣстно, а именно о ликвидаціи конфликта съ Думою и о проектѣ

замѣщенія должности Московскаго Городского Головы назначеніемъ отъ Правительства — Штюрмера.

Разсказъ Щегловитова былъ весьма оригиналенъ по его построенію. Онъ началъ съ того, что всѣмъ Министрамъ извѣстно, насколько я тяготился создавшимся страннымъ положеніемъ съ Государственной Думою, вслѣдствіе принятаго съ одобренія Государя рѣшенія Министровъ не посѣщать засѣданія Думы до принятія ея Предсѣдателемъ мѣръ къ тому, чтобы подобныя явленія не могли болѣе повторяться, и что онъ думаетъ, что ему удалось оказать мнѣ и всѣмъ намъ услугу тѣмъ, что ему представилась возможность встрѣтиться съ Родзянкой и убѣдить его, при открытіи новой сессіи, ликвидировать этотъ инцидентъ заявленіемъ, вполнѣ отвѣчающимъ той формулѣ, которая была предложена мною еще въ концѣ мая. По его словамъ, подтвержденнымъ нѣкоторыми изъ Министровъ, заявленіе Родзянки было совершенно приличное, а Тимашевъ сказалъ даже, что послѣ этого заявленія онъ счелъ себя въ правѣ быть въ Думѣ и давать объясненія въ Комиссіи, что и было отмѣчено самымъ сочувственнымъ образомъ нѣкоторыми членами Думы.

Я поблагодарилъ Щегловитова, сказавши ему, что не могу не выразить моего удовольствія, что этотъ инцидентъ исчерпанъ и при томъ безъ моего вмѣшательства, которое не имѣло успѣха въ началѣ лѣта.

Нѣсколько дней спустя меня посѣтилъ членъ Думы Н. П. Шубинскій, и передалъ мнѣ, что тотчасъ послѣ визита своего къ Щегловитову Родзянко разсказывалъ ему, въ его кабинетѣ въ Думѣ, въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ Думы, что Щегловитовъ просилъ его ликвидировать майскій инцидентъ и даже передалъ ему собственноручный письменный набросокъ того заявленія, которое онъ просилъ сдѣлать въ Думѣ, объяснивши при этомъ, что онъ въ точности знаетъ, что я буду уволенъ Государемъ въ самомъ близкомъ времени, между прочимъ, потому, что Государю крайне непріятенъ весь инцидентъ съ Думою, и что онъ, Щегловитовъ, имѣетъ всѣ основанія знать кто замѣнитъ меня на должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, давши при этомъ косвенно понять, что этотъ мой преемникъ будетъ именно самъ Щегловитовъ. По крайней мѣрѣ, Родзянко, по словамъ Шубинскаго, опредѣленно говорилъ, что Родзянко находилъ крайне желательнымъ отнестись положительно къ такой просьбѣ будущаго Предсѣдателя Совѣта, и что онъ сумѣетъ — «дисконтировать», по его словамъ, оказанную ему услугу. Кто изъ перечисленныхъ лицъ говорилъ правду и кто изъ нихъ фантазировалъ, — объ этомъ

трудно судить теперь, тѣмъ болѣе, что никого изъ нихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ.

Второй вопросъ — съ Маклаковымъ — вызвалъ гораздо большія осложненія. Я началъ съ того, что спросилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ насколько справедливъ дошедшій до меня, тотчасъ по моемъ возвращеніи, слухъ о томъ, что имъ заготовленъ всеподданнѣйшій докладъ о назначеніи въ Москву Городскимъ Головою, по избранію правительства, Б. В. Штюрмера, которому я не могу не придать полной достовѣрности, такъ какъ прочиталъ въ первомъ же попавшемъ мнѣ въ руки на границѣ № «Гражданина» такіе намеки по этому поводу, которые заставляютъ меня придавать этому слуху значеніе правдоподобія. А такъ какъ я не допускаю мысли о томъ, чтобы такая мѣра могла быть принята безъ обсужденія ея въ Совѣтѣ Министровъ, то я прошу П. А. Харитонова посвятить меня въ происходившія объ этомъ сужденія и рѣшеніе Совѣта.

Харитоновъ отвѣтилъ коротко, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ, такъ какъ Совѣтъ Министровъ не былъ вовсе привлеченъ къ рѣшенію этого дѣла, и если бы онъ зналъ что-либо объ этомъ, то, конечно, отложилъ бы разсмотрѣніе такого дѣла до моего возвращенія, какъ это онъ сдѣлалъ по цѣлому ряду такихъ вопросовъ, которые, имѣя существенное значеніе, не требовали спѣшнаго рѣшенія.

Маклаковъ попытался сначала вовсе уклониться отъ всякихъ объясненій, заявивши, что онъ получилъ прямыя указанія отъ Государя и не считалъ себя въ правѣ задерживать исполненіе Высочайшей воли внесеніемъ дѣла въ Совѣтъ Министровъ, до котораго оно даже и не касается. Мнѣ пришлось поэтому сразу открыть столкновеніе. Я заявилъ, что вижу изъ отвѣта М-ра Вн. Дѣлъ, что дошедшій до меня слухъ вѣренъ, и прошу поэтому категорически объяснить мнѣ въ какомъ положеніи находится дѣло, дабы я могъ привлечь Совѣтъ къ выраженію своего мнѣнія и представить его Государю. — «Я вчера отправилъ мой докладъ Его Величеству», отвѣтилъ Маклаковъ и больше не произнесъ ни одного слова.

Тогда я просилъ Совѣтъ выслушать меня, высказать откровенно мнѣніе каждаго изъ насъ и уполномочить меня доложить Государю не только мой взглядъ, но и все, что будетъ высказано присутствующими, дабы на насъ не лежало отвѣтственности за тѣ послѣдствія, которыя неизбѣжно проистекутъ изъ такого дѣйствія М-ра Вн. Дѣлъ. Я изложилъ подробно Совѣту, какъ я смотрю на это дѣло и какія послѣдствія предвижу изъ такого незаконнаго

и опаснаго рѣшенія. Оно не только не разрѣшитъ затяжного кризиса съ замѣщеніемъ должности Московскаго городского головы, вслѣдствіе неутвержденія правительствомъ нѣсколькихъ, послѣдовательно избранныхъ кандидатовъ нежелательнаго, съ точки зрѣнія правительства, направленія, хотя въ числѣ ихъ были и такіе мало опасныя и далеко не вліятельныя лица какъ Катуаръ, но, напротивъ того, придастъ ему характеръ прямого конфликта Москвы съ Верховною властью и неизбѣжно приметъ такіе размѣры, что придется фактически закрыть городское общественное управленіе въ Москвѣ и избрать такой способъ веденія городского хозяйства, для котораго нѣтъ никакихъ законовъ, ни тѣмъ болѣе практическихъ методовъ осуществленія. Я указалъ при этомъ и на то, что личность избраннаго кандидата для такого исключительнаго выхода изъ труднаго положенія еще болѣе усугубляетъ запутанность положенія. Воспоминаніе о времени исполненія имъ обязанностей Предсѣдателя Тверской Губернской Земской Управы, также по назначенію отъ правительства, слишкомъ свѣжи еще въ памяти у всѣхъ, его политическая окраска не нуждается ни въ какихъ коментаріяхъ, и самая элементарная осторожность заставляетъ, во всякомъ случаѣ, предвидѣть, что появленіе Б. В. Штюрмера можетъ сопровождаться такими эксцессами въ Москвѣ, что на насъ лежитъ прямой долгъ доложить обо всемъ Государю, а не быть слѣпыми исполнителями отданнаго имъ приказанія, даже если бы оно было на самомъ дѣлѣ отдано, по Его личному усмотрѣнію, — въ чемъ я буду сомнѣваться до тѣхъ поръ, пока мнѣ М-ръ Вн. Д. не представитъ неоспоримыхъ доказательствъ.

Большинство Министровъ приняло дѣятельное участіе въ преніяхъ. Молчали только Кассо и Сухомлиновъ. Никто изъ говорящихъ не поддержалъ Маклакова. Что думалъ каждый изъ нихъ, — я, конечно, не знаю, но высказались всѣ, кромѣ молчавшихъ, самымъ рѣзкимъ образомъ, и всѣ сужденія заключались въ развитіи и дополненіи мыслей мною набросанныхъ. Не отставалъ отъ другихъ и Щегловитовъ, а Сазоновъ, Тимашевъ, Харитоновъ, Григоровичъ и Рухловъ не скрывали своего возмущенія и заявили мнѣ, что они вполнѣ солидарны съ моею оцѣнкою и просятъ меня довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя и присоединяются ко всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя я предложу, чтобы избавить не насъ, а Государя отъ неисчислимыхъ послѣдствій такого шага.

Останавливаться далѣе на обсужденіи этого вопроса не было никакой надобности. Я заявилъ Совѣту, что буду немедленно

просить разрѣшенія Государя пріѣхать въ Ливадію, но такъ какъ мнѣ придется обождать пока будетъ составленъ и переписанъ мой докладъ по вопросамъ внѣшней политики, а это потребуетъ все-же три-четыре дня и тѣмъ временмъ посланный Министромъ Вн. Дѣлъ докладъ можетъ быть утвержденъ, то я сегодня же пошлю Его Величеству телеграмму, въ которой выскажу взглядъ всего Совѣта, кромѣ Маклакова, и буду просить не утверждать доклада послѣдняго, по крайней мѣрѣ, до выслушанія моихъ личныхъ разъясненій. Я не скрылъ отъ Совѣта, что въ случаѣ безуспѣшности моихъ представленій, я буду просить Государя объ увольненіи меня отъ должности, тѣмъ болѣе, что не могу не предвидѣть столкновенія и съ Сенатомъ, который можетъ отказаться отъ опубликованія Высочайшаго повелѣнія, какъ это онъ сдѣлалъ по Военному вѣдомству, отказавшись распубликовать новое положеніе о Военно-Медицинской Академіи, составленное съ нарушеніемъ законовъ о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ этого вѣдомства, выходящихъ за предѣлы тѣхъ особыхъ законоположеній, которыя были изданы для того вѣдомства. Всѣ Министры просили меня такъ и поступить, съ Маклаковымъ же мы разошлись не простившись, такъ какъ онъ ушелъ ранѣе другихъ.

На другой день утромъ я поѣхалъ къ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта Акимову, чтобы узнать у него какимъ образомъ онъ не протестовалъ противъ такого назначенія, хотя бы по тому одному, что Штюрмеръ — членъ Государственнаго Совѣта и для него, какъ предсѣдателя, не безразлично, какіе скандалы могутъ произойти съ лицомъ, носящимъ это званіе. Разъяснивши ему все, что произошло наканунѣ въ Совѣтѣ, я высказалъ, что для меня совершенно очевидно, что все это дѣло рукъ Кн. Мещерскаго, который всегда оказывалъ особое покровительство Штюрмеру, и если бы онъ, Акимовъ, воспротивился такому невѣроятному плану, то Маклаковъ отказался бы отъ него, зная какимъ довѣріемъ онъ пользуется у Государя. Я не скрылъ отъ него, что вчера послалъ Государю телеграмму и показалъ даже копію, пояснивъ ему, что я намѣренъ предпринять по этому поводу, а въ случаѣ неуспѣха, буду просить объ увольненіи меня отъ службы. Акимовъ сказалъ мнѣ, что онъ недостаточно вдумался въ этотъ вопросъ, когда ему передалъ Маклаковъ о своемъ намѣреніи, но видитъ теперь, что опасность дѣйствительно очень велика, и увѣренъ въ томъ, что Государь согласится со мною, тѣмъ болѣе, что для него совершенно ясно, что инициативы Государя тутъ совсѣмъ нѣтъ и, дѣйствительно, все придумано Мещерскимъ, а исполнено

легкомысленнымъ Маклаковымъ, въ порядкѣ угодничества передъ его покровителемъ.

Чрезъ два дня, — это было въ воскресенье, — ко мнѣ позвонилъ по телефону Штюрмеръ и просилъ разрѣшенія пріѣхать ко мнѣ. Я назначилъ ему — въ тотъ же день передъ самымъ моимъ обѣдомъ. Онъ началъ съ того, что онъ крайне пораженъ дошедшимъ до него слухомъ, что объ немъ произошелъ очень крупный разговоръ между мною и М-ромъ Вн. Дѣлъ. Онъ совершенно и не подозрѣвалъ, будто бы о томъ, что его «прочатъ» въ Московскіе городскіе головы, и онъ проситъ меня, въ виду нашихъ старыхъ отношеній (въ началѣ семидесятыхъ годовъ мы были одновременно столоначальниками въ статистическомъ отдѣленіи Министерства Юстиціи, но съ тѣхъ поръ почти не встрѣчались) высказать ему мое откровенное мнѣніе, которому онъ заранѣе подчиняется.

Я повторилъ ему все, что говорилъ въ Совѣтѣ Министровъ и съ Акимовымъ, и не скрылъ, что послалъ уже телеграмму Государю, буду докладывать лично, какъ только получу разрѣшеніе пріѣхать въ Ливадію и употреблю всѣ мои усилія къ тому, чтобы его назначеніе не состоялось, такъ какъ считаю, что и мой и его долгъ заключается въ томъ, чтобы оградить Государя отъ вредныхъ распоряженій, а не потворствовать случайнымъ прихотямъ, съ чьей бы стороны онѣ ни исходили. Штюрмеръ продолжалъ увѣрять меня, что онъ во всемъ этомъ дѣлѣ рѣшительно неповиненъ, благодарилъ меня за откровенность и просилъ передать Государю, что онъ Его усердно проситъ отмѣнить Его намѣреніе, такъ какъ и самъ видитъ, что добраго изъ этого ничего не произойдетъ, а избѣжать большихъ осложненій на самомъ дѣлѣ будетъ трудно.

Я убѣжденъ, что Штюрмеръ просто говорилъ неправду. Онъ отлично зналъ обо всемъ отъ Мещерскаго и Маклакова, былъ въ величайшемъ восторгѣ отъ назначенія своего въ Москву, просилъ даже Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ это мнѣ потомъ подтвердилъ Директоръ Департамента Полиціи Бѣлецкій, чтобы ему разрѣшили поселиться въ домѣ Генералъ-Губернатора на Тверской, такъ какъ самъ предвидѣлъ, что ему просто не удастся найти квартиру, но со мною говорилъ въ указанномъ тонѣ для того, чтобы сказать потомъ, — если бы мои настоянія разстроили весь планъ, — что онъ самъ просилъ освободить отъ назначенія, сулившаго ему большія непріятности. По своей природѣ трусливый и совершенно не склонный принимать на себя сложныя и трудныя обязанности, онъ также легко согласился со мною, какъ принялъ и милостивое предложеніе своего покрови-

теля Мещерскаго, вѣроятно, не давши себѣ вовсе отчета въ томъ, какія осложненія могло вызвать такое назначеніе для него самого.

Телеграмма отъ Государя съ разрѣшеніемъ пріѣхать въ Ливадію пришла только на третій день, а слѣдомъ за нею пришла и депеша отъ Министра Двора, извѣщая меня о томъ, что моя другая телерамма, касающаяся «Москвы» принята благожелательно, и мнѣ поручено сообщить, что будутъ ждать моего пріѣзда и не примутъ рѣшенія до него.

Пріѣхалъ я въ Ялту, какъ всегда, около трехъ часовъ дня и немедленно послалъ донесеніе Государю о моемъ прибытіи, прося указать мнѣ время, когда я могу явиться съ докладомъ. Я получилъ приглашеніе пріѣхать въ 8 часовъ вечера, если не усталъ съ дороги, какъ передалъ мнѣ прибывшій съ автомобилемъ камеръ-лакей.

Помню хорошо, что день былъ мрачный и сырой, пахло зимой, и дворецъ былъ пустъ и безъ обычнаго оживленія. Государь принялъ меня въ его верхнемъ кабинетѣ, съ его привычною привѣтливою улыбкой, но мало разспрашивалъ о моей заграничной поѣздкѣ, какъ будто мы видѣлись совсѣмъ недавно, спросилъ только совсѣмъ ли я оправился отъ болѣзни въ Римѣ и сразу перешелъ къ такъ называемымъ очереднымъ дѣламъ, сказавши мнѣ, что онъ успѣлъ уже прочитать мой подробный докладъ о томъ, что я дѣлалъ въ Римѣ, Парижѣ и Берлинѣ, вполнѣ одобряетъ все, что я говорилъ и дѣлалъ и прибавилъ: «у насъ слишкомъ много другихъ вопросовъ, чтобы останавливаться на томъ, что такъ ясно, и Я могу сказать Вамъ только то, что Я уже написалъ на докладѣ» и передалъ мнѣ тутъ же Его извѣстную резолюцію, опубликованную теперь большевиками въ ихъ изданіи «Черная Книга» и которая содержитъ въ себѣ прямое одобреніе всего, что я сдѣлалъ, съ прибавленіемъ, что Государь находитъ, что всѣ переговоры были ведены съ полнымъ соблюденіемъ интересовъ и пользы Россіи. Привычной для меня благодарности или выраженія удовольствія и какой-либо любознательности въ отношеніи подробностей всего, что пришлось пережить, заявлено на этотъ разъ не было. Меня удивило въ особенности то, что свиданіе съ Германскимъ Императоромъ не остановило на себѣ особеннаго вниманія, и мнѣ пришлось самому просить разрѣшенія представить нѣкоторыя разъясненія, такъ какъ докладъ мой, при всей его подробности, не могъ, конечно, передать всѣхъ частностей и личныхъ впечатлѣній, да и многое не должно было быть даже включено въ письменное изложеніе.

Государь слушалъ меня, ни разу меня не останавливая, и

только въ томъ мѣстѣ моего разсказа, гдѣ я привелъ слова Императора Вильгельма о томъ, что все было условлено съ Государемъ въ маѣ мѣсяцѣ, въ Потсдамѣ, Государь замѣтилъ какъ бы вскользь, «ничего подобнаго, конечно, не было, но я нимало не удивляюсь, такъ какъ уже не разъ я встрѣчался съ тѣмъ же пріемомъ сваливать съ больной головы на здоровую». Въ заключеніе моего объясненія Государь сказалъ только: «ну подождемъ какъ исполнитъ Германскій Канцлеръ данное Вамъ обѣщаніе. Я думаю, что на этотъ разъ, формально они уступятъ намъ, тѣмъ болѣе, что Сазоновъ донесъ мнѣ, что у Свербѣева вполнѣ сложилось убѣжденіе, что Вы произвели должное впечатлѣніе».

Видя, что Государь мало реагируетъ на мой докладъ и вовсе не спрашиваетъ меня о томъ впечатлѣніи, которое оставило мнѣ пребываніе въ Берлинѣ, я самъ перешелъ на изложеніе моихъ выводовъ изъ этой короткой остановки и мимолетнаго обмѣна мыслей съ германскими государственными людьми и сказалъ Государю, что мое заключеніе о положеніи дѣлъ въ Германіи гораздо болѣе пессемистическое, нежели я думалъ первоначально и даже считалъ себя въ правѣ изложить въ письменномъ докладѣ, доступномъ, во всякомъ случаѣ, нашимъ канцеляріямъ.

Я не могу, конечно, утверждать, сказалъ я, что Германія идетъ прямымъ и неудержимымъ шагомъ къ войнѣ съ нами въ самомъ близкомъ будущемъ, но мнѣ очевидно, что отношеніе къ намъ самое враждебное и раздраженное, и я выѣхалъ изъ Берлина подъ самымъ мрачнымъ впечатлѣніемъ о неминуемомъ приближеніи катастрофы. Имперскій Канцлеръ не держитъ въ рукахъ всѣхъ нитей внѣшней политики; она ведется лично Императоромъ и всесильною теперь военною кликою и намъ нужно не только быть сугубо осторожными во всемъ, но, въ особенности провѣрять ежедневно нашу боевую организацію и устранять тѣ недостатки въ усиленіи ея, на которые я много разъ обращалъ вниманіе и которые вызываютъ постоянно столь рѣзко враждебное ко мнѣ отношеніе Военнаго Министра. Зная, что этотъ вопросъ всегда оставляетъ въ Государѣ крайне непріятный осадокъ и даже прямое неудовольствіе ко мнѣ, я сказалъ Государю, что я не имѣю вовсе въ виду безпокоить его какими-либо сѣтованіями на Генерала Сухомлинова, а докладываю только, что при моихъ отношеніяхъ съ нимъ съ апрѣля 1912 года, я уже не имѣю возможности располагать точными свѣдѣніями о ходѣ исполненія нашихъ военныхъ заказовъ, такъ какъ учрежденія Военнаго вѣдомства просто отказываютъ моимъ представителямъ въ сообще-

ніи имъ отчетовъ по заготовительнымъ операціямъ, постоянно указывая на то, что я долженъ лично обращаться объ этомъ къ Военному Министру, а онъ обѣщаетъ прислать ихъ мнѣ и постоянно забываетъ это дѣлать, ставя меня просто въ совершенно недопустимое положеніе. Я могу судить только по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, попадающимъ ко мнѣ по поводу испрашиваемыхъ отдѣльныхъ кредитовъ, и эти свѣдѣнія рисуютъ мнѣ такую печальную картину невѣроятной волокиты и медленности, что я не могу достаточно рѣшительно докладывать объ этомъ просто по долгу лежащему на мнѣ говорить то, что мнѣ извѣстно, хотя бы для того, чтобы мнѣ не былъ впослѣдствіи сдѣланъ справедливый упрекъ въ томъ, что я скрылъ то, что зналъ.

Но денежная сторона вопроса мнѣ слишкомъ ясна, и она громко говоритъ о томъ, что мы не умѣемъ пользоваться отпускаемыми на оборону кредитами и просто не въ состояніи заготовить то, что настоятельно необходимо для снабженія арміи. Результатомъ этого — я крайне опасаюсь — будетъ то, что грянетъ гроза, и мы выйдемъ въ поле настолько же готовыми къ бою «до послѣдней пуговицы», какъ вышли въ бой французы въ 1870-мъ году.

Когда Генералъ Жоффръ былъ здѣсь въ іюлѣ, у Военнаго Министра было неизрасходованныхъ остатковъ отъ кредитовъ болѣе 200 милліоновъ, въ настоящую же минуту, послѣ отпущенныхъ ему добавочныхъ ассигнованій у него остается свыше 250 милліоновъ. Я сказалъ Государю, что не хочу Его вовсе огорчать какими-либо моими разногласіями съ Военнымъ Министромъ, которому я теперь уступаю во всемъ, чтобы не было повторенія его жалобъ на меня, — но не могу не предостерегать Государя отъ той опасности, которую вижу и предотвратить которую лишенъ всякой возможности. Государь взялъ отъ меня вѣдомость объ остаткахъ отъ кредитовъ и сказалъ только: «будьте совершенно спокойны, Я близко слѣжу за ходомъ всего дѣла, и Вы скоро убѣдитесь въ томъ, что всѣ эти остатки растаютъ, и Вамъ придется усиливать отпуски на оборону». Мнѣ не было возможности продолжать далѣе мои настоянія. Онѣ какъ-то оборвались, потому что Государь замолчалъ, отвернувшись въ сторону моря, потомъ, точно очнувшись, долго и пристально смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, и, наконецъ, произнесъ: «все, что Вы мнѣ сказали, я глубоко чувствую, благодарю Васъ за прямоту Вашего изложенія и никогда не упрекну Васъ въ томъ, что Вы скрыли отъ меня что-либо. На все — воля Божія». Послѣ этого Государь сразу перешелъ къ самому острому вопросу — о Штюр-

мерѣ. Видимо, Онъ ждалъ моего вопроса, вынулъ изъ папки мой докладъ и всеподданнѣйшій докладъ Маклакова и сказалъ мнѣ: «Я исполнилъ Ваше желаніе и отложилъ докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ до Вашего пріѣзда и очень радъ тому, что сначала Ваша телеграмма, а затѣмъ и докладъ пришли во время, и Я не успѣлъ еще утвердить предположеніе Маклакова, такъ какъ Вы знаете, что Я не люблю измѣнять принятыхъ рѣшеній».

Я доложилъ все, что происходило въ Совѣтѣ Министровъ, передалъ мнѣніе Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и затѣмъ подробно развилъ всю недопустимость такой мѣры, по существу, и неизбѣжныя осложненія съ Городомъ Москвой, изъ которыхъ нельзя найти никакого исхода, кромѣ полнаго отступленія впослѣдствіи, что неизмѣримо хуже для Правительства, нежели даже продолженіе внѣшняго ненормальнаго положенія — многократнаго неутвержденія избраннаго городомъ кандидата, въ которомъ есть, по крайней мѣрѣ, одно — что правительственная власть не вышла изъ рамокъ законности. Государь все время слушалъ меня съ видимымъ спокойствіемъ, но отдѣльныя, вставленныя имъ замѣчанія, ясно указывали на то, что Онъ былъ крайне недоволенъ всѣмъ происшедшимъ и моимъ отношеніемъ къ вопросу. Такъ, по поводу моего замѣчанія, что весь Совѣтъ Министровъ на моей сторонѣ, и Предсѣдатель Государственнаго Совѣта также раздѣляетъ этотъ взглядъ, а ему Государь, очевидно, не откажетъ въ недостаткѣ прямолинейности его взглядовъ, Государь вставилъ: «Акимову слѣдовало прямо сказать Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что онъ считаетъ его мысль вредною, и немедленно предупредить объ этомъ меня, а онъ вмѣсто того просто умываетъ руки, а теперь присоединяется къ Вашему взгляду». Я не могъ не раздѣлить правильности такого замѣчанія и только сказалъ, что, вѣроятно, Государь не сомнѣвается въ точности моей передачи взгляда Акимова, на что послѣдовалъ отвѣтъ: «объ этомъ нѣтъ рѣчи, я слишкомъ хорошо знаю Васъ, и даже когда Я не согласенъ съ Вами, какъ въ данномъ случаѣ, Я знаю, что Вы никогда не допустите ни малѣйшей неточности въ передачѣ чужого мнѣнія».

Въ числѣ моихъ аргументовъ было, между прочимъ, замѣчаніе, что тотчасъ послѣ Романовскихъ торжествъ, когда городъ Москва показалъ столько преданности Государю, новое столкновеніе съ городомъ лично Монарха, а не Правительства произведетъ самое тягостное впечатлѣніе и усугубитъ только и безъ того слишкомъ большое количество горючаго матеріала въ нашей

внутренней жизни, Государь сказалъ мнѣ: «этого Я совсѣмъ не боюсь, поворчатъ, побудируютъ, а потомъ привыкнутъ къ правительственному городскому головѣ и будутъ даже довольны имѣть такого осторожнаго и деликатнаго человѣка, какъ Штюрмеръ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ, разумѣется, внѣ всякихъ партій, а каждый выборный голова пріятенъ однимъ и совсѣмъ непріятенъ другимъ».

Во всѣхъ моихъ объясненіяхъ я ни однимъ словомъ не обмолвился, что я не смогу оставаться Предсѣдателемъ Совѣта, такъ какъ, зная Государя, я понималъ, что такой пріемъ, примѣненный напримѣръ Столыпинымъ въ вопросѣ о Западномъ Земствѣ, имѣлъ самое вредное для покойнаго Столыпина значеніе. Я рѣшилъ исчерпать всѣ мои доводы по существу, и если только Государь утвердитъ докладъ Маклакова, то уже послѣ этого — просить Его объ увольненіи меня отъ обѣихъ должностей,

Мой докладъ сильно затянулся, Государь началъ, видимо, утомляться, дважды двери кабинета раскрывались, и такъ какъ я сидѣлъ спиною къ нимъ, то не могъ замѣтить, кто именно собирался войти, ясно было, однако, что Его кто-то зоветъ, и тогда Онъ, поднимаясь съ мѣста, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «и Вы устали съ дороги, да и Я сегодня что-то усталъ больше обыкновеннаго, дайте мнѣ передумать все, что Вы мнѣ такъ ясно и подробно изложили, пріѣзжайте завтра ровно въ 2 часа, Я дамъ Вамъ сколько хотите времени, тѣмъ болѣе, что у насъ осталось переговорить еще обо многомъ, и Я даю Вамъ слово, что не утвержду доклада о Штюрмерѣ, не переговоривши еще разъ съ Вами. Я долженъ сказать Вамъ, что этотъ вопросъ было мною уже рѣшенъ, когда Я получилъ Вашу телеграмму, но теперь, передумавши обо всемъ во время Вашего доклада, Я начинаю колебаться, и Мнѣ кажется, что Вы правы, но Я не хочу отказаться сразу отъ того, что мнѣ такъ нравилось. Не сердитесь на Меня за такую отсрочку, не даромъ говорятъ, что утро вечера мудренѣе».

Мы вышли вмѣстѣ изъ кабинета, прошли нѣсколько шаговъ по длинному коридору, Государь очень ласково простился со мною и ушелъ въ помѣщеніе Великихъ Княженъ. Наученный горькимъ опытомъ моего апрѣльскаго посѣщенія 1912 года, за ужиномъ у Графа Фредерикса я не обмолвился ни однимъ словомъ о томъ, что было на докладѣ, и все время разсказывалъ о моей болѣзни въ Римѣ, о пребываніи въ Парижѣ, о Берлинской встрѣчѣ съ Германскимъ Императоромъ. Министръ Двора, видимо, понялъ, что я избѣгаю чего-то, и послѣ ужина провелъ меня до моей комнаты и спросилъ только: «а завтра Вы скажете мнѣ, какъ сошелъ

Вашъ докладъ, такъ какъ всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ Вашего разсказа и не понимаемъ многаго изъ того, что здѣсь происходитъ. Государь какъ-то особенно избѣгаетъ говорить о многомъ, что интересуетъ всѣхъ, и когда я спросилъ Его правда ли, что Штюрмеръ будетъ назначенъ Московскимъ городскимъ головою, то Онъ мнѣ отвѣтилъ съ странною улыбкою: «а вотъ Вы спросите Предсѣдателя Совѣта Министровъ, когда онъ пріѣдетъ сюда». Я обѣщалъ разсказать завтра, послѣ моего вторичнаго доклада, но только одному Графу Фредериксу, а не всѣмъ, кто собирается у него по вечерамъ.

Утро, избѣгая всякаго рода встрѣчъ и разспросовъ, я провелъ въ осмотрѣ помѣщенія команды Пограничной стражи, завтракалъ одинъ, съ моимъ Секретаремъ въ гостиницѣ и ровно въ 2 часа былъ на докладѣ.

Государь встрѣтилъ меня гораздо привѣтливѣе, чѣмъ наканунѣ, да и день былъ удивительно теплый, солнечный, а море разстилалось такое ровное, неподвижное, синее, что Государь предложилъ сѣсть къ маленькому столику у окна ,сказавши мнѣ: «каждый разъ, что приближается возвращеніе на сѣверъ, у Меня какое-то тягостное впечатлѣніе, что Я не увижу болѣе этой поразительной красоты вида, именно изъ моего окна, и Мнѣ не хочется потерять ни одной минуты».

Я не успѣлъ еще спросить о томъ, къ какому рѣшенію пришелъ Государь по самому острому вопросу вчерашняго доклада, какъ Государь самъ заговорилъ со мною.

«Я много думалъ вчера и сегодня; ни съ кѣмъ я не говорилъ», сказалъ Онъ, «и совѣтывался только съ своею совѣстью, такъ какъ здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ помочь мнѣ разобраться въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, взвѣсивши все, что Вы мнѣ вчера сказали, Я рѣшился отказаться отъ того, что мнѣ такъ нравилось сначала. Я вижу, что Вы правы, и нисколько не въ претензіи на то, что Вы склонили Меня къ иному рѣшенію. Намъ дѣйствительно не слѣдуетъ вносить раздраженіе въ настроеніе такого города, какъ Москва и тѣмъ играть въ руку тѣмъ, кто воспользуется моимъ рѣшеніемъ, чтобы опять вести агитацію противъ правительства и, конечно, противъ Меня. Обидно и горько, что Москва не можетъ сговориться на такомъ кандидатѣ, котораго Я утвердилъ бы съ легкимъ сердцемъ, но дѣйствительно лучше, пусть еще нѣсколько мѣсяцевъ она останется безъ головы и управляется помощникомъ головы, чѣмъ давать ей поводъ говорить, что Я ее оскорбилъ, назначивъ человѣка по моему избранію, сдѣлалъ это въ отступленіе отъ закона и недавши ей воз-

можности передумать свое прежнее рѣшеніе и предложить какой-либо выходъ изъ созданнаго ею положенія. Я написалъ на докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, что, обдумавши этотъ вопросъ и выслушавъ приведенныя Вами соображенія, Я предпочитаю не принимать рѣшенія, способнаго вызвать большія осложненія. Докладъ съ моею резолюціею Я верну непосредственно Маклакову», при этомъ Государь показалъ мнѣ этотъ докладъ, на поляхъ котораго была положена синимъ карандашомъ длинная розолюція, которую я не просилъ дать мнѣ прочитать. Впослѣдствіи я узналъ, что резолюція точно воспроизводила то, что Государь сказалъ мнѣ, но Маклаковъ не сообщилъ ее Совѣту Министровъ, и сохранилась ли она въ дѣлахъ Министерства — я не знаю.

Поблагодаривши Государя за довѣріе, оказанное мнѣ, я просилъ Его разрѣшить мнѣ продолжать мой докладъ по этому вопросу и высказать съ полною откровенностью, какъ велика ненормальность нашихъ условій внутренняго управленія и какими послѣдствіями грозитъ то отсутствіе единства въ дѣятельности отдѣльныхъ Министровъ, нагляднѣйшимъ проявленіемъ котораго является именно докладъ М-ра Вн. Дѣлъ по этому дѣлу. Онъ представленъ Государю безъ вѣдома Совѣта Министровъ и посланъ наканунѣ возвращенія Предсѣдателя Совѣта, когда въ самомъ вопросѣ не было никакой спѣшности, такъ какъ Москва не имѣетъ городского головы уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ и легко могла бы подождать еще двѣ недѣли. А когда въ день моего возвращенія я узналъ объ этомъ какъ о фактѣ, то М-ръ Вн. Дѣлъ отказался даже дать объясненіе и заявилъ, что не считаетъ себя обязаннымъ отчитываться передъ кѣмъ бы то ни было въ томъ, какъ онъ выполняетъ повелѣнія своего Государя. При такомъ взаимномъ отношеніи Министровъ всякія осложненія становятся неизбѣжными, и если на этотъ разъ дѣло кончается благополучно, то никто не гарантированъ отъ того, что завтра же не повторится худшее. Я просилъ поэтому Государя разрѣшить мнѣ передать Совѣту Министровъ все и открыто заявить Маклакову, что законъ о единствѣ управленія одинаково обязателенъ для него, какъ и для всѣхъ Министровъ, и что этого требуетъ не желаніе Предсѣдателя Совѣта Министровъ ограничивать власть отдѣльныхъ Министровъ, увеличивая свою собственную, а польза всего дѣла Управленія и прежде всего интересы самого Государя. «Конечно Вамъ необходимо разсказать все Совѣту», сказалъ Государь: «но сдѣлайте это въ мягкой формѣ, чтобы Маклакову не показалось, что Я имъ недоволенъ, такъ какъ Я увѣренъ, что

у него были лучшія намѣренія, но у него нѣтъ еще достаточнаго опыта, и потому онъ можетъ впадать въ невольныя ошибки».

На эти слова Государя я вынулъ изъ портфеля захваченные мною съ собою два номера газеты «Гражданинъ», напечатанные какъ разъ во время моего отсутствія, въ которыхъ со свойственною Кн. Мещерскому манерою разбирается вопросъ о «крамольной» кампаніи, ведомой въ Москвѣ съ цѣлью осады правительства, и предлагается простой рецептъ парировать эту кампанію замѣщеніемъ должности городского головы властью Государя, послѣдствія чего будутъ самыя благодѣтельныя: Москва смирится, прекратятся партійныя распри, и черезъ нѣсколько недѣль послѣ такого мудраго проявленія твердой власти колѣнопреклоненная Москва будетъ благодарить Государя за избавленіе ея отъ крамолы».

Я сказалъ не обинуясь, что все зло происходитъ отъ того, что у Министра Вн. Дѣлъ при полномъ отсутствіи опыта и государственной подготовки есть такая зависимость отъ Кн. Мещерскаго, которая не приведетъ его къ добру, какъ ничего, кромѣ вреда, не можетъ дать систематическая травля Предсѣдателя Совѣта Министровъ и все по одному и тому же трафарету, что онъ заслоняетъ собою особу Государя и присваиваетъ себѣ положеніе «Великаго визиря». Вредъ такой Кампаніи заключается именно въ томъ, что статьямъ «Гражданина» публика придаетъ значеніе какъ бы отголоска взглядовъ самого Государя, и, естественно, что престижъ власти Предсѣдателя Совѣта падаетъ, Министры интригуютъ противъ него, вовлекая въ свою интригу и законодательныя палаты и, въ особенности Государственную Думу, члены которой сами того не замѣчая принимаютъ дѣятельное участіе во всей этой недостойной игрѣ мелкихъ страстей — одни, какъ кадеты, усугубляя свое оппозиціонное настроеніе во имя принципіальной борьбы съ властью, другіе, какъ октябристы, входя въ самыя разнообразныя комбинаціи, чтобы придать себѣ значеніе самой сильной изъ политическихъ партій, третьи, какъ націоналисты, воображая, что, поддерживая однихъ Министровъ, наиболѣе вліятельныхъ въ данную минуту, они постепенно сами проберутся къ вліятельнымъ мѣстамъ, а крайне правые просто готовятся осаждать ту власть, которая имъ не по нутру, такъ какъ она не считаетъ ихъ солью земли и будто бы ведетъ Россію къ гибели, угодничная передъ Думою и ослабляя власть Монарха въ странѣ. Для послѣднихъ такимъ крамольникомъ былъ и Столыпинъ, хотя онъ сложилъ свою голову въ борьбѣ съ настоящею крамолою, а ужъ его преемникъ и того хуже, такъ какъ Столы-

пина еще можно было склонить къ тѣмъ или инымъ подачкамъ, а тотъ, кто его замѣнилъ, по скупости или по упрямству своему, не поддается и на эту удочку.

Въ подтвержденіе моего мнѣнія, я представилъ Государю два другіе номера «Гражданина», въ которыхъ эта кампанія противъ меня проводится безъ всякихъ прикрасъ и предлагается даже практическій рецептъ — уволить меня, какъ явно не «Царскаго Министра», а «думскаго угодника», только и помышляющаго о томъ, какъ затмить ореолъ Монарха и возвысить «народное представительство», и замѣнить меня такими преданными и «испытанными слугами, неспособными ни на какое предательство», какъ Горемыкинъ или Танѣевъ, и постепенно вернуться къ прежней системѣ, соредоточивъ всю исполнительную власть въ рукахъ Комитета Министровъ, «дѣйствующаго именемъ Государя, а не смѣшного народнаго представительства и бросивши заморскую затѣю Кабинета Министровъ, для котораго нѣтъ мѣста въ нашемъ русскомъ самодержавіи».

Я прибавилъ, что, ознакомившись съ этими статьями еще до моей болѣзни въ Римѣ, я писалъ М-ру Вн. Дѣлъ, предлагая ему посовѣтовать Кн. Мещерскому прекратить эту недостойную травлю, вредную не для меня, такъ какъ я вовсе не дорожу властью, а исключительно для Государя, потому что этимъ расшатывается сама власть, но получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ не имѣетъ никакого вліянія на Кн. Мещерскаго и не видитъ признаковъ уголовной наказуемости въ выраженіи имъ своихъ мыслей, хотя бы онѣ казались намъ непріятными.

Государь слушалъ меня внимательно, ни разу не прервалъ меня и, когда я остановился, то сказалъ мнѣ только: «Я не читалъ этихъ статей и нахожу, что Вы придаете имъ большее значеніе чѣмъ слѣдуетъ. Мало что пишутъ газеты, и ихъ вліяніе и въ частности «Гражданина» вовсе не таково, какъ Вы думаете, и на Меня его и совсѣмъ нѣтъ».

Настаивать дальше на моей мысли не было никакой пользы. Обострять вопросъ и давать ходъ моему рѣшенію проситься въ отставку мнѣ не было взможности, такъ какъ я чувствовалъ, что почвы у меня не было, въ виду рѣшенія Государя отказаться отъ назначенія Штюрмера, а возбужденіе вопроса безъ доведенія его до реальнаго конца только ослабляло и безъ того трудное мое положеніе, и потому я сказалъ Государю только, что прошу его взвѣсить все, что я доложилъ, и подумать: не лучше ли Ему ввѣрить предсѣдательство въ Совѣтѣ Министровъ человѣку, способному лучше объединить отдѣльныхъ Министровъ, нежели сдѣ-

лалъ это я, коль скоро мнѣ не дана возможность составить болѣе однородную группу начальниковъ вѣдомствъ и устранить изъ своей собственной среды духъ разложенія и интригъ. Я просилъ при этомъ Государя быть увѣреннымъ въ томъ, что я приму Его рѣшеніе не только совершенно спокойно, но и буду видѣть въ этомъ совершенно естественное Его желаніе усилить правительственную власть дѣйствительнымъ ея единствомъ вмѣсто того призрачнаго, которое едва держится.

Государь отвѣтилъ мнѣ на это: «Я знаю насколько Вы безкорыстно служите Мнѣ, мое довѣріе къ Вамъ полное, и, я знаю, какъ далеки Вы отъ какихъ-либо личныхъ цѣлей и очень дорожу этимъ. Я самъ скажу Вамъ, когда мнѣ покажется, что нужно замѣнить Васъ другимъ лицомъ, но не вижу къ этому никакихъ основаній. Пусть эти мои слова разсѣютъ всѣ Ваши сомнѣнія». Переходъ отъ непріятнаго вопроса къ обычнымъ дѣламъ сразу же отразился на настроеніи Государя, онъ вернулъ свою обычную привѣтливость, подробно выслушалъ все, что я ему докладывалъ, останавливался съ особенною охотою на вопросахъ бюджета, не разъ повторяя мнѣ насколько Ему отрадно, что и въ этомъ году всѣ военныя смѣты прошли гладко и, прощаясь со мною, раньше чѣмъ я самъ спросилъ могу ли я пріѣхать къ 6-му декабря, чтобы лично поздравить Его, сказалъ мнѣ: «если Васъ не очень закрутятъ дѣла въ Петербургѣ, Вы пріѣдете можетъ быть сюда въ началѣ декабря; въ дорогѣ, да и здѣсь Вы нѣсколько отдохнули бы». Я поблагодарилъ за милостивое приглашеніе, и мы разстались какъ бывало раньше.

Въ Ялтѣ я провелъ весь вечеръ у Гр. Фредерикса, который просилъ меня разсказать подробно все, что было у меня на докладѣ. Я передалъ ему все какъ произошло, и когда я дошелъ до моихъ соображеній по дѣлу Штюрмера и до рѣшенія Государя, вынесеннаго уже сегодня утромъ, старикъ не могъ удержаться отъ волненія и, говоря со мною какъ всегда по-французски, сказалъ: «нужно было быть сумасшедшимъ, чтобы предложить Государю такую безумную мѣру. Я увѣренъ, что Государь понялъ отъ какой опасности Вы Его спасли и, конечно, цѣнитъ это. Впрочемъ, я увижу это уже завтра, такъ какъ я рѣшилъ поднять вопросъ о необходимости отмѣтить чѣмъ-нибудь особеннымъ успѣхъ, достигнутый Вами въ Парижѣ и Берлинѣ. Я доложу Государю, что здѣсь полученъ рядъ сообщеній изъ Парижа, и всѣ единогласно говорятъ о томъ, что Вы оставили тамъ послѣ себя самое лучшее впечатлѣніе».

Я просилъ Гр, Фредерикса не возбуждать обо мнѣ никакого

вопроса, такъ какъ я убѣжденъ, что Государю непріятно то, что ему пришлось отказаться отъ мысли о назначеніи Штюрмера въ Москву, и мнѣ вообще сдается, что я не надолго на моемъ мѣстѣ, такъ какъ интрига противъ меня зашла слишкомъ далеко, и Государю не устоять противъ того напора, который давно ведется въ смыслѣ моего увольненія, и самое выгодное для меня — это вовсе не говорить ничего въ мою пользу. Я просилъ его только не уставать говорить Государю о томъ, что положеніе дѣлъ въ Германіи очень тревожно, что я убѣжденъ въ томъ, что на этотъ разъ мы получимъ удовлетвореніе нашего протеста, завтра возникнетъ какой-либо новый инцидентъ еще болѣе серьезнаго свойства, и по моему мы наканунѣ самыхъ большихъ осложненій. Не думаю, чтобы мои слова произвели большое впечатлѣніе на старика, такъ какъ онъ отвѣтилъ мнѣ только: «у Императора Вильгельма больше нахальства, чѣмъ дѣйствительной воинственности, и я увѣренъ, что пока Бетманъ-Гольвегъ у власти, ему удастся удержать его отъ всякаго безумія».

Двѣ недѣли, проведенныя мною въ Петербургѣ до новой поѣздки въ Ливадію, отмѣчены въ моей памяти только первымъ засѣданіемъ Совѣта Министровъ, въ которомъ я передалъ дословно все, что произошло по поводу назначенія Штюрмера. Маклаковъ не проронилъ ни одного слова, заявивъ только, что онъ получилъ обратно свой всеподданѣйшій докладъ и увѣдомилъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, что предположенное назначеніе не послѣдовало. Всѣ Министры промолчали, и только Харитоновъ и Кривошеинъ реагировали на мое сообщеніе, первый, сказавши, что всѣ Министры должны благодарить меня за то, что я выяснилъ Государю всѣ отрицательныя стороны намѣченнаго шага, а второй — словами, что онъ ни на минуту не сомнѣвался, что Государь встанетъ на сторону Совѣта, коль скоро Ему будетъ выяснена вся недопустимость проектированной мѣры.

Мнѣ осталось только заявить Совѣту, что изъ происшедшаго инцидента я дѣлаю только одинъ выводъ, а именно, что Министры должны подавать своими дѣйствіями примѣръ законности, не предлагая Государю того, что явно противозаконно, и нарушая, сверхъ того, прямую статью учрежденія Совѣта Министровъ, которая требуетъ предварительнаго обсужденія въ Совѣтѣ всякаго рода мѣръ, затрагивающихъ интересы другихъ вѣдомствъ. Послѣднія мои слова были: я не касаюсь уже лично относящейся до меня стороны дѣла, а именно, что М-ръ Вн. Дѣлъ послалъ Государю такой исключительный по своимъ послѣдствіямъ докладъ въ тотъ самый день, когда я вернулся въ

Россію, послѣ 2-хъ мѣсячнаго отсутствія и предпочитаю остановиться въ этомъ первомъ нашемъ собраніи послѣ моего возвращенія изъ Ливадіи на другомъ обстоятельствѣ, имѣющемъ большее значеніе, не для меня лично, а для достоинства правительственой власти. Съ послѣднимъ мы должны считаться особенно чутко, потому что, расшатывая престижъ власти, мы рубимъ сукъ, на которомъ сами сидимъ, и наносимъ ущербъ не отдѣльнымъ представителямъ власти, а всему укладу нашей правительственной машины. Въ нашей средѣ давно ужъ нѣтъ ни единства, ни дружной работы, ни даже взаимнаго уваженія, — тѣхъ условій, которыя такъ необходимы теперь и, притомъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Наша рознь, и я сказалъ не обинуясь, интриги въ нашей средѣ никогда не проявлялись такъ ярко, какъ за самое послѣднее время. Отдѣльные члены Совѣта ведутъ на глазахъ у всѣхъ открытую борьбу противъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и это не составляетъ болѣе тайны ни для кого. Лично я отъ этого пострадаю всего менѣе потому, что для меня не можетъ быть, эгоистически, ничего лучшаго, какъ избавленіе отъ тяжелаго и неблагодарнаго положенія — нести отвѣтственность, не располагая никакими средствами вліять на ходъ событій. Но такое открытое отношеніе нѣкоторыхъ членовъ совѣта ко мнѣ несетъ величайшій ущербъ не для кого иного, какъ для Государя, и я думаю даже что тѣ изъ насъ, которые всего болѣе повинны въ этомъ, не даютъ себѣ отчета въ томъ, чего они могутъ достигнуть въ концѣ концовъ. Такъ продолжаться не можетъ, и я счелъ своею обязанностью еще разъ совершенно спокойно и правдиво доложить обо всемъ Государю. Я просилъ Его или уволить меня отъ обѣихъ должностей, или дать мнѣ средства работать не растрачивая силъ и время на безплодную борьбу въ средѣ самихъ же носителей власти. Я не разъ уже касался того же вопроса и прежде, но Государь никогда не разрѣшалъ мнѣ довести дѣла до конца, не дозволилъ мнѣ сдѣлать этого и теперь, несмотря на мое усердное ходатайство, но на этотъ разъ я заявилъ Его Величеству, что наша рознь зашла слишкомъ далеко и глубоко, и у меня слишкомъ много неопровержимыхъ доказательствъ такого печальнаго явленія, что я надѣюсь на то, что мой докладъ будетъ, наконецъ, услышанъ. Я прибавилъ, что хорошо понимаю, что Государю гораздо легче разстаться съ однимъ своимъ сотрудникомъ, нежели со многими, и потому питаю большую надежду на то, что я достигну моего давняго желанія — освободить Его Величество отъ того, кто не умѣетъ внушить достаточнаго уваженія даже среди немногихъ своихъ сотрудниковъ». На этомъ мы

разошлись, такъ какъ никто не нашелъ нужнымъ открыто реагировать на мои слова. Только послѣ ухода всѣхъ членовъ Совѣта оставшіеся у меня въ кабинетѣ Харитоновъ и Тимашевъ сказали мнѣ, что я совершенно правъ, что положеніе стало невыносимымъ, и интрига противъ меня сдѣлалась излюбленною темою разговоровъ въ Думѣ, въ Министерскихъ канцеляріяхъ и чуть не на улицѣ. Харитоновъ прибавилъ, что онъ не разъ собирался писать мнѣ объ этомъ, но каждый разъ воздерживался, понимая, что изъ заграницы я все равно ничего не могу предпринять и только переживу лишнюю тревогу.

Декабрь, въ общемъ, сулилъ мнѣ болѣе спокойную пору. Казалось, что Г. Дума, торопясь на рождественскій вакантъ, успокоившись на томъ, что конфликтъ съ Министрами наружно улаженъ переговорами въ моемъ отсутствіи Родзянко съ Щегловитовымъ, и Министры стали опять появляться въ засѣданіяхъ, не станетъ поднимать новыхъ инцидентовъ и временно отложитъ свои нападки на правительство, — но дѣйствительность не оправдала моихъ мечтаній, по крайней мѣрѣ въ томъ, въ чемъ она затрагивала лично меня.

Въ эту же пору моего тревожнаго переживанія послѣднихъ тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на мою долю передъ близкимъ концомъ моей активной дѣятельности, мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе еще въ одномъ рѣшеніи, которое могло при иныхъ условіяхъ имѣть совершенно неожиданныя послѣдствія.

Я разсказалъ уже все, что мнѣ пришлось пережить при моемъ возвращеніи изъ Парижа въ Петербургъ въ Берлинѣ, въ связи съ неожиданнымъ моимъ участіемъ въ разрѣшеніи вопроса о назначеніи германскимъ правительствомъ генерала Лиманъ-фонъ-Сандерса преемникомъ престарѣлаго фонъ-деръ-Гольцъ Паши, въ должности инспектора турецкой арміи.

Въ декабрѣ, С. Д. Сазоновъ, съ которымъ мы часто видѣлись въ эту пору, держалъ меня все время въ курсѣ его сношеній съ Берлиномъ по поводу моего объясненія съ Императоромъ и Германскимъ канцлеромъ. Хотя дѣло и не получило своего окончательнаго разрѣшенія, всѣ сообщенія изъ Берлина носили самый успокоительный характеръ, и Сазоновъ не разъ говорилъ мнѣ, что онъ счастливъ, что мнѣ удалось вырвать, какъ онъ выразился, еще одинъ зубъ изъ тревожныхъ событій на Балканахъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло идетъ быстрыми шагами къ самой благопріятной для насъ ликвидаціи конфликта, и каж-

дый разъ прибавлялъ, что Государь крайне благодаренъ мнѣ за это и не разъ выражалъ ему Свое по этому поводу удовольствіе.

При одной изъ нашихъ съ нимъ бесѣдъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ приготовилъ особую записку по турецкому вопросу, которую и передалъ уже Государю для прочтенія, но не получилъ ее отъ Него обратно. Онъ просилъ Государя заранѣе, если только Онъ признаетъ его мысли заслуживающими вниманія, не давать имъ окончательнаго одобренія, но позволить ему обсудить ихъ еще разъ въ особомъ совѣщаніи, подъ моимъ предсѣдательствомъ, прибавивши при этомъ шутливо: «Вы стали теперь спеціалистомъ и нашимъ авторитетомъ по турецкимъ дѣламъ, и я не приму болѣе ни одной мѣры не посовѣтовавшись съ Вами». На мою просьбу дать мнѣ его записку для прочтенія онъ отозвался, что, конечно, я получу ее какъ только Государь вернетъ ее ему, а если она Ему не понравится или покажется не ко времени, — то мнѣ не стоитъ и тратить на нее моего слишкомъ занятаго времени.

Передъ самымъ новымъ годомъ, я получилъ отъ Сазонова эту записку при офиціальномъ письмѣ, содержащемъ повелѣніе Государя разсмотрѣть ее, въ Совѣщаніи подъ моимъ предсѣдательствомъ, при участіи Министровъ: Иностранныхъ Дѣлъ, Военнаго, Морского и Начальника Генеральнаго Штаба. У меня, конечно, не сохранилось подъ руками экземпляра этой записки, но содержаніе ея я помню хорошо, да и еще недавно она была съ достаточными подробностями воспроизведена въ одномъ сочиненіи, изданномъ въ Америкѣ на англійскомъ языкѣ, профессоромъ Фэ, а раньше была напечатана въ совѣтскомъ офиціальномъ изданіи, подъ редакціею большевисткаго ученаго Покровскаго.

Какъ и все, что печатаетъ совѣтская власть, это изданіе не можетъ быть принято безъ оговорокъ, — настолько часто въ этихъ изданіяхъ выпускается то, что не нравится большевикамъ, или искажается текстъ печатнаго документа, въ цѣляхъ дискредитированія прежняго управленія. Но изъ сопоставленія совѣтскаго изданія съ книгою Фэ есть полная возможность возстановить истинный смыслъ представленной Государю С. Д. Сазоновымъ записки и точный ходъ сужденій совѣщанія по этой запискѣ.

Въ началѣ доклада Министръ Иностранныхъ Дѣлъ останавливается на вопросѣ о Лиманъ-фонъ-Сандерсѣ, говоритъ о недопустимости проекта Германскаго Правительства и о необходимости во что-бы то ни стало противиться его осуществленію и затѣмъ подробно останавливается на общемъ вопросѣ о неизбѣжности полнаго развала Турціи и своевременности обдумать теперь

же какія мѣры слѣдовало бы принять Россіи, чтобы обезпечить наши интересы къ тому времени, когда эта катастрофа произойдетъ. Очень убѣдительными, сдержанными по формѣ доводами онъ оправдываетъ свою постоянную мысль о томъ, что слабая Турція полезна Россіи, и намъ не только не слѣдуетъ ускорять ея исчезновенія, но слѣдуетъ всѣми способами стараться замедлить ходъ ея разрушенія, такъ какъ мы не знаемъ еще, что возродится на развалинахъ Турціи, и насколько мы будемъ въ состояніи оградить наши интересы послѣ постигшей Турцію катасрофы въ Европѣ. Способы достиженія такой нашей цѣли въ будущемъ Сазоновъ видѣлъ въ двухъ направленіяхъ:

1) въ необходимости теперь же начать переговоры съ Франціею и Англіею объ огражденіи нашихъ интересовъ въ проливахъ и

2) намѣтить такія реальныя съ нашей стороны мѣры, которыя мы должны были бы принять, во всякомъ случаѣ, къ тому моменту, когда распадъ Турціи сдѣлается фактомъ.

Въ вопросѣ о проливахъ Сазоновъ не говорилъ опредѣленно, какъ смотритъ онъ на проливы съ нашей точки зрѣнія, то есть онъ не примыкалъ ни къ той, ни къ другой изъ постоянно дебатировавшихся главныхъ схемъ разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ ли обращенія Чернаго моря въ открытое море, съ воспрещеніемъ всѣмъ державамъ, кромѣ Россіи, содержать въ немъ военный флотъ, или же въ сохраненіи его въ качествѣ «маре клаузумъ», съ передачею ключей въ руки Россіи. Онъ подробно говорилъ только, что вполнѣ надѣется на то, что при сложившихся теперь отношеніяхъ и томъ довѣріи, которымъ пользуется Россія, мы достигнемъ полнаго соглашенія съ обоими государствами и, — въ такомъ случаѣ, — намъ не страшны никакіе протесты со стороны кого бы то ни было.

Въ вопросѣ о подготовкѣ особыхъ мѣръ съ нашей стороны Сазоновъ говорилъ вскользь о необходимости готовиться къ десантной операціи, оговариваясь, что хорошо понимаетъ насколько такая операція сложна и потому можетъ быть успѣшно проведена только при долговременной подготовкѣ ея въ сравнительно спокойное время.

Большое реальное значеніе онъ придавалъ мѣрамъ территоріальнаго усиленія положенія Россіи на Азіатскомъ фронтѣ Турціи и говорилъ о желательности обсудить вопросъ о возможности и желательности, въ нужный моментъ, занять нашими войсками два важные стратегическіе пункта на нашемъ сухопутномъ фронтѣ съ Турціею — Трапезундъ и Баязетъ и выражалъ при этомъ мнѣніе о томъ, что занятіе этихъ пунктовъ можетъ быть произ-

ведено въ любой моментъ наличными нашими силами на Кавказѣ, безъ всякаго особаго ихъ усиленія, всегда вызывающаго различныя осложненія.

Передъ самымъ засѣданіемъ я условился съ Сазоновымъ, что онъ сниметъ съ обсужденія вопросъ о миссіи Лиманъ-фонъ-Сандерса, указавши, что этотъ вопросъ близится къ его благополучному разрѣшенію, а я устраню всякія пренія, если бы кто-нибудь захотѣлъ ихъ возбудить, имѣя въ виду, что всякіе разговоры объ этомъ могутъ повредить ходу переговоровъ съ Германіею.

Совѣщаніе состоялось и носило совершенно мирный характеръ. Морской Министръ указалъ на величайшую трудность осуществленія десантной операціи, на длительный характеръ ея подготовки и на рискованность предпринимать ее безъ увѣренности въ томъ, что она можетъ быть вообще успѣшно закончена. Начальникъ Генеральнаго Штаба, а за нимъ и Военный Министръ отнеслись отрицательно къ мысли о возможности занятія указанныхъ двухъ пунктовъ — Трапезунда и Баязета наличными силами Кавказскихъ нашихъ войскъ и наглядно развивали мысль о томъ, что нельзя смотрѣть на возможность занятія какой-либо части Турціи иначе, какъ въ составѣ общей нашей мобилизаціи и въ масштабѣ большой военной операціи. Сазоновъ поддерживалъ свою точку зрѣнія очень слабо и всего больше настаивалъ на томъ, что намъ необходимо войти въ сношеніе съ Франціею и Англіею, выяснить имъ нашу точку зрѣнія и укрѣпиться заранѣе въ возможности провести ее въ согласіи съ нами, когда наступятъ ожидаемыя всѣми событія въ отношеніи неизбѣжнаго развала Турціи.

По предварительному уговору съ Сазоновымъ я всталъ на болѣе рѣзкую общую точку зрѣнія, поставилъ передъ совѣщаніемъ вопросъ о томъ, что всякое возбужденіе турецкаго вопроса съ нашей стороны и въ особенности въ настоящую тревожную минуту будетъ истолковано, какъ стремленіе Россіи разрѣшить попутно вѣковую проблему о проливахъ и поведетъ только къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Балканскій вопросъ удалось только что разрѣшить, не зажигая міроваго пожара, но горючаго матерьяла осталось слишкомъ много, и едва ли нашъ союзникъ, не говоря уже объ Англіи, рѣшится чѣмъ бы то ни было связать себя именно въ настоящую минуту. Я развилъ подробно передъ участниками Совѣщанія вынесенныя мною изъ моей остановки въ Берлинѣ впечатлѣнія о томъ, какъ близки мы отъ вооруженнаго столкновенія по какому угодно поводу, и какъ не можетъ подле-

жать никакому сомнѣнію, что Германія не упуститъ никакого случая, чтобы привести въ исполненіе давно задуманные ею планы, для чего всякій поводъ одинаково хорошъ. Я выразилъ мое глубокое убѣжденіе въ томъ, что каково бы то ни было желаніе нашей союзницы и даже Англіи идти на встрѣчу нашихъ желаній, мы встрѣтимъ съ ихъ стороны категорическій совѣтъ воздержаться отъ всего, что могло бы прямо или косвенно дать враждебной намъ политической группировкѣ основаніе возложить на насъ же отвѣтственность за новое и притомъ самое опасное обостреніе мірового положенія.

Въ результатѣ развитыхъ мною положеній я поставилъ передъ присутствующими коренной вопросъ: желаемъ ли мы войны и можемъ ли мы взять на себя хотя бы тѣнь отвѣтственности за ея приближеніе. Отвѣтъ присутствующихъ былъ, разумѣется, единогласно, отрицательный, и мы быстро безъ всякихъ оговорокъ пришли къ единогласному же заключенію о томъ, что возбуждать какой-либо вопросъ, даже въ формѣ простого обмѣна мнѣній съ нашими союзниками въ настоящее время не слѣдуетъ и нужно представить Государю наше заключеніе о томъ, что поднятый вопросъ долженъ быть отложенъ рѣшеніемъ и, во всякомъ случаѣ, подлежитъ разсмотрѣнію не отдѣльно отъ общаго политическаго состоянія, а въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ событій въ Европѣ.

Къ большому моему удивленію, Военное Министерство, въ лицѣ самого Сухомлинова, всегда задорнаго, когда дѣло касалось обсужденія вопросовъ, предложенныхъ мною, — проявило на этотъ разъ большую сдержанность, и мы разошлись въ самомъ мирномъ настроеніи. Меня это тѣмъ болѣе удивило, что въ особенности для Сухомлинова не было секрета, что я доживаю послѣдніе дни въ моей роли главы правительства. Григоровичъ, менѣе другихъ освѣдомленный вообще, подъ конецъ громко благодарилъ меня за ясную постановку вопроса и даже прибавилъ, что онъ воспользуется настоящимъ случаемъ, чтобы опровергнуть всякій вздоръ, циркулирующій по городу о какой-то перемѣнѣ въ правительствѣ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Моя отставка
29 января 1914 г.

ГЛАВА I.

Событія, непосредственно предшествовавшія моей отставкѣ. — Проектъ о мѣрахъ противъ пьянства. — Яростныя атаки Гр. Витте противъ меня при обсужденіи этого проекта въ Государственномъ Совѣтѣ. — Брошюра Гр. Витте о заключенномъ мною во Франціи въ апрѣлѣ 1906 года займѣ. — Испрошеніе мною аудіенціи одновременно для меня и для Предсѣдателя Государственнаго Совѣта. — Докладъ Акимова и мой о положеніи, созданномъ кампаніей Гр. Витте. — Новое выступленіе Гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ. — Мой послѣдній докладъ у Государя.

Еще передъ роспускомъ Думы на рождественскій вакантъ въ Государственный Совѣтъ поступилъ разработанный по иниціативѣ Думы, но сильно исправленный Министерствомъ Финансовъ законопроектъ о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ.

Довольно невинный самъ по себѣ, не вызвавшій съ моей стороны особыхъ возраженій, этотъ проектъ таилъ въ себѣ пререканія съ правительствомъ лишь въ одной области, а именно въ предположеніи значительно расширить полномочія земствъ и городовъ въ разрѣшеніи открытія заведеній (трактировъ) съ продажею крѣпкихъ напитковъ. Значительная часть Думы и сама сознавала, что такое расширеніе не цѣлесообразно, такъ какъ оно могло давать мѣсто для большихъ злоупотребленій въ смыслѣ вліянія частныхъ интересовъ на разрѣшеніе открытія трактировъ и развитіе тайной торговли тамъ, гдѣ усердіе трезвенниковъ не дало бы достаточнаго удовлетворенія потребностямъ населенія, но, по соображеніямъ такъ называемой парламентской тактики, эта часть Думы не хотѣла проявлять какъ бы недовѣрія благоразумію мѣстныхъ органовъ самоуправленія и предпочитала достигнуть примиренія съ правительствомъ путемъ соглашенія

17*

съ Государственнымъ Совѣтомъ, послѣ разсмотрѣнія имъ законопроекта. Не придавалъ особаго значенія этимъ спорнымъ пунктамъ и я. Незадолго до роспуска Думы ко мнѣ заѣзжали и Родзянко и Алексѣенко, и оба, точно сговорившись между собою, старались разъяснить, что на этомъ вопросѣ Дума должна уступить правительству, такъ какъ иначе, — говорили они, — всевзятничество при разрѣшеніи трактировъ падетъ на голову Думы, и правительство будетъ только справедливо торжествовать свою правоту.

Нападеніе появилось оттуда, откуда я всего менѣе его ожидалъ.

Какъ то еще весною этого (1913) года ко мнѣ позвонилъ Графъ Витте и спросилъ застанетъ ли онъ меня дома, такъ какъ ему хочется повидать меня «по одному небольшому вопросу». Я предложилъ ему заѣхать къ нему по дорогѣ изъ Министерства на острова. Я засталъ его за чтеніемъ думскаго проекта о мѣрахъ противъ пьянства, и онъ началъ объяснять въ очень туманной формѣ, что предполагаетъ посвятить свой лѣтній отдыхъ на разработку своего проекта по тому же вопросу, такъ какъ считаетъ думскій проектъ «совершенно безцѣльнымъ» или, какъ онъ выразился, «ублюдочнымъ». На вопросъ мой, въ чемъ заключаются его мысли по этому поводу, я не получилъ отъ Гр. Витте никакого опредѣленнаго отвѣта. Онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ, что разсчитываетъ на то, что мы сойдемся въ его основныхъ положеніяхъ, но прибавилъ, что совѣтуетъ мнѣ дружески быть очень «широкимъ въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ и что такая широта взглядовъ нужна столько же для пользы народной, ибо народъ гибнетъ отъ алкоголизма, сколько для моего личнаго положенія, которое можетъ сильно пострадать, если я буду отстаивать нынѣшній порядокъ вещей».

Меня такое обращеніе очень удивило, и я просилъ Гр. Витте сказать мнѣ, въ чемъ же дѣло, такъ какъ я повиненъ развѣ только въ томъ, что соблюдалъ въ точности законы, проведенные по его же инициативѣ, и не только не мѣшалъ дѣйствительнымъ мѣрамъ борьбы противъ пьянства, если онѣ примѣнялись гдѣ-либо, но поощрялъ ихъ всѣми доступными мнѣ средствами. На это я опять же не получилъ никакого отвѣта, и только Витте показалъ мнѣ думскую справку о ростѣ потребленія вина, на что я ему замѣтилъ, что въ самой Думѣ эта справка вызвала критику, такъ какъ она содержитъ въ себѣ однѣ абсолютныя цифры и не считается съ ростомъ населенія, а если внести эту поправку, то окажется, что душевое потребленіе не растетъ, а падаетъ, и что Рос-

сія занимаетъ чуть ли не послѣднее мѣсто среди всѣхъ государствъ по потребленію алкоголя всѣхъ видовъ.

Мое объясненіе не встрѣтило никакихъ возраженій, и Витте сказалъ мнѣ только на прощанье, что по возвращеніи изъ-за границы онъ ознакомитъ меня съ его проектомъ и заранѣе обѣщаетъ, что не предприметъ ничего, не войдя со мною въ соглашеніе обо всемъ. «Вы знаете, какъ люблю и уважаю я Васъ, и не отъ меня же встрѣтите Вы какія-либо затрудненія въ несеніи Вашего тяжелаго креста. Подумайте только, что могло бы быть у насъ, если бы на Вашемъ мѣстѣ не сидѣлъ такой благоразумный человѣкъ какъ Вы. Я всегда и всѣмъ твержу эту истину, въ особенности когда слышу, что Васъ критикуютъ за то, что Вы скупы и слишкомъ бережете казенныя деньги».

На этомъ мы разстались и больше не возвращались къ этому вопросу до самаго начала преній въ Государственномъ Совѣтѣ. По возвращеніи моемъ и Гр. Витте въ Петербургъ мы не видѣлись съ нимъ ни разу до дня засѣданія. Я дважды звонилъ по телефону, спрашивая его, когда онъ ознакомитъ меня, какъ онъ обѣщалъ, съ своимъ проектомъ, но получилъ въ отвѣтъ только, что онъ отказался отъ составленія своего контръ-проекта и предпочитаетъ просто критиковать «думскую белиберду», такъ какъ этимъ путемъ легче достигнуть чего-либо положительнаго.

Въ самомъ концѣ ноября или въ началѣ декабря начались пренія въ Государственномъ Совѣтѣ по думскому проекту. Въ первомъ же засѣданіи Витте произнесъ чисто истерическую рѣчь. Онъ вовсе не критиковалъ проекта Думы и даже не коснулся ни одного изъ его положеній.

Онъ началъ съ прямого и неприкрашеннаго обвиненія Министерства Финансовъ «въ коренномъ извращеніи благодѣтельной реформы Императора Александра 3-го, который лично», сказалъ онъ, «начерталъ всѣ основныя положенія винной монополіи и былъ единственнымъ авторомъ этого величайшаго законодательнаго акта его славнаго царствованія». Онъ, Витте, былъ только простымъ исполнителемъ Его воли и «вложилъ въ осуществленіе этого преднарчетанія всю силу своего разумѣнія и всю горячую любовь къ народу, который долженъ былъ быть спасенъ отъ кабака».

«За время моего управленія», говорилъ Витте, «въ дѣлѣ осуществленія винной монополіи не было иной мысли, кромѣ спасенія народа отъ пьянства, и не было иной заботы, кромѣ стремленія ограничить потребленіе водки всѣми человѣчески доступными

способами, не гоняясь ни за выгодою для казны, ни за тѣмъ, чтобы казна пухла, а народъ нищалъ и развращался».

«Послѣ меня», продолжалъ ораторъ, «все пошло прахомъ. Забыты завѣты основателя реформы, широко раскрылись двери новаго кабака, какимъ стали покровительствуемые Министерствомъ трактиры, акцизный надзоръ сталъ получать невѣроятныя наставленія, направленныя къ одному—во что бы то ни стало увеличивать доходы казны, расширять потребленіе, стали поощрять тѣхъ управляющихъ акцизными сборами, у которыхъ головокружительно растетъ продажа этого яда, и тѣ самые чиновники, которые при мнѣ слышали только указаніе бороться съ пьянствомъ во что бы то ни стало, стали отличаться за то, что у нихъ растетъ потребленіе, а отчеты самого Министерства гордятся тѣмъ, какъ увеличивается потребленіе и какъ растутъ эти позорные доходы. Никому не приходитъ въ голову даже на минуту остановиться на томъ, что водка даетъ у насъ милліардъ валового дохода или цѣлую треть всего русскаго бюджета. Я говорю, я кричу объ этомъ направо и налѣво, но всѣ глухи кругомъ, и мнѣ остается теперь только закричать на всю Россію и на весь міръ «караулъ»...»

Это слово «караулъ» было произнесено такимъ неистовымъ, визгливымъ голосомъ, что весь Государственный Совѣтъ буквально пришелъ въ нескрываемое недоумѣніе не отъ произведеннаго впечатлѣнія, а отъ неожиданности выходки, отъ беззастѣнчивости всей произнесенной рѣчи, отъ ея несправедливыхъ, искусственныхъ сопоставленій и отъ ясной для всей залы цѣли — сводить какіе-то счеты со мною и притомъ въ формѣ, возмутившей всѣхъ до послѣдней степени.

Предсѣдатель объявилъ перерывъ, ко мнѣ стали подходить члены Совѣта самыхъ разнообразныхъ партій и группировокъ, и не было буквально никого, не исключая и явнаго противника винной монополіи А. Ф. Кони, — кто бы не сказалъ мнѣ сочувственнаго слова и не осудилъ наперерывъ возмутительной, митинговой рѣчи.

Я выступилъ тотчасъ послѣ перерыва и внесъ въ мои возраженія всю доступную мнѣ сдержанность. Она стоила мнѣ величайшихъ усилій и напряженія нервовъ. Не стану приводить теперь, когда все происшедшее тогда кажется такимъ мелкимъ и ничтожнымъ послѣ всего пережитого съ тѣхъ поръ, что именно я сказалъ. Это видно по стенограммѣ Государственнаго Совѣта, которая находится и теперь въ моихъ рукахъ. Я крайне сожалѣю, что не могу, по недостатку мѣста, привести ее, — но могу и

такъ сказать только по совѣсти, что общее сочувствіе было на моей сторонѣ, Витте не отвѣчалъ мнѣ и ушелъ изъ засѣданія, не обмѣнявшись ни съ кѣмъ ни однимъ словомъ, а проходя мимо меня демонстративно отвернулся.

Послѣ этого, въ декабрѣ, до рождественскаго перерыва было еще всего одно или два засѣданія. Государственный Совѣтъ перешелъ къ по-статейному разсмотрѣнію, а послѣ новаго года, по частнымъ возраженіямъ того же Гр. Витте дважды останавливалъ разсмотрѣніе, передавая спорные вопросы на новое обсужденіе двухъ своихъ комиссій — финансовой и законодательныхъ предположеній.

Въ этихъ засѣданіяхъ опять были невѣроятныя по рѣзкости тона выступленія Витте, и въ двухъ наиболѣе существенныхъ спорныхъ вопросахъ онъ снова остался въ ничтожномъ меньшинствѣ, — настолько искусственность и предвзятость его мнѣній была очевидна для всѣхъ. Онъ буквально выходилъ изъ себя, говорилъ дерзости направо и налѣво, и члены Комиссіи кончили тѣмъ, что перестали ему отвѣчать и требовали простого голосованія, такъ беззастѣнчивы и даже возмутительны были его реплики. Голосованіе было рѣшительно противъ него, и дѣло возвращалось въ Общее Собраніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ него, по его же требованію.

Если когда-нибудь стенограммы Государственнаго Совѣта по этимъ послѣднимъ для меня засѣданіямъ въ роли Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ увидятъ свѣтъ Божій, то я твердо увѣренъ въ томъ, что правдивость моего разсказа будетъ ясна до очевидности.

Государь вернулся изъ Ливадіи около 15-го декабря.

На первомъ же моемъ докладѣ, протекавшемъ въ обычной привѣтливой формѣ, Онъ просилъ меня разсказать Ему, что происходило въ Государственномъ Совѣтѣ, и когда я точно, съ дословными подробностями передалъ всю возмутительную сцену перваго засѣданія, Онъ обратился ко мнѣ съ обычной ласковой улыбкой и сказалъ: «Я надѣюсь, что такая выходка не слишкомъ волнуетъ Васъ. Я и самъ былъ бы радъ, если бы оказалось возможнымъ сократить пьянство, но развѣ кто-либо имѣетъ меньше права, чѣмъ Витте, говорить то, что онъ сказалъ. Развѣ не онъ 10 лѣтъ примѣнялъ винную монополію, и почему же ни разу послѣ своего ухода изъ министровъ онъ не сказалъ ни одного слова противъ того, что говоритъ теперь, а напротивъ того, каждый разъ защищаетъ Васъ отъ тѣхъ нападокъ, которыя появля-

ются противъ Васъ въ Думѣ. Я не понимаю, что же теперь случилось новаго?»

На этотъ вопросъ я отвѣтилъ въ шутливой формѣ, что измѣнилось то, что Министръ Финансовъ слишкомъ засидѣлся, и что теперь стало моднымъ спортомъ охотиться на него. «Пожалуй, что Вы и правы», сказалъ Государь. «Вотъ я получилъ только что отъ Гр. Витте, при особомъ письмѣ, прилагаемую брошюру. Я не читалъ еще ее. Возьмите прочтите и скажите мнѣ въ будущую пятницу Ваше мнѣніе о ней». На брошюркѣ стоялъ заголовокъ: «Какъ былъ заключенъ ликвидаціонный заемъ 1906-го года».

Брошюрка была коротенькая, всего въ 20—25 страничекъ малаго формата и содержала въ себѣ изложеніе условій, при которыхъ былъ заключенъ мною заемъ въ Парижѣ, въ апрѣлѣ 1906 года. Все въ ней было сплошное самовосхваленіе. По тому, что въ ней напечатано, выходитъ, что все было сдѣлано и подготовлено до самыхъ мелочей имъ однимъ. Я ничего не дѣлалъ и мнѣ было, и то по желанію самого Государя, вопреки доклада Витте, поручено только подписаніе готоваго контракта, но такъ какъ и самое подписаніе нельзя было мнѣ поручить, ибо я ничего не понималъ въ дѣлахъ кредитнаго характера и могъ только напутать, то ко мнѣ былъ приставленъ бывшій вице-директоръ Кредитной Канцеляріи, успѣвшій, однако, еще раньше уйти въ частную службу, — А. И. Вышнеградскій, которому было приказано наблюдать за мною, чтобы я не сдѣлалъ какой-либо неосторожности или даже хуже того, — простой глупости.

Въ своемъ мѣстѣ, я подробно сказалъ уже объ этомъ займѣ, и всѣ мельчайшія подробности пережитыхъ затрудненій такъ ясны въ моей памяти, что несправедливость каждаго слова была очевидна всякому, сколько-нибудь прикасавшемуся къ этому моменту моей дѣятельности. Зачѣмъ понадобилось Гр. Витте опять, семь лѣтъ спустя, извратить истину? Къ чему разослалъ онъ свой трудъ всѣмъ, кто только былъ на виду, не исключая и тѣхъ, кто хорошо зналъ всю эпопею займа, какъ напримѣръ тотъ же Вышнеградскій, Давыдовъ, Шиповъ, въ рукахъ которыхъ было все дѣлопроизводство, — остается для меня загадкою. Конечно, и самъ Витте отлично сознавалъ, что онъ неправъ, но ему это было нужно для того, чтобы толкать меня въ минуту близкаго моего паденія, а у этого, безспорно выдающагося человѣка, былъ совершенно особый складъ ума и особый способъ дѣйствія въ вопросахъ затрогивавшихъ его, иногда рѣзко обострённое, самолюбіе.

Черезъ два-три дня послѣ этого доклада и я получилъ отъ

Витте ту же брошюру при очень дружескомъ письмѣ, въ которомъ было сказано, что мнѣ «вѣроятно будетъ пріятно имѣть воспоминаніе объ одномъ изъ моментовъ моей дѣятельности». Я отвѣтилъ ему также письмомъ, съ выраженіемъ благодарности за то, что онъ не забылъ меня при разсылкѣ его брошюры, но прибавилъ, «что я не могу принять ее какъ напоминаніе мнѣ объ одномъ изъ моментовъ мой дѣятельности, такъ какъ все содержаніе брошюры имѣетъ своею цѣлью доказать, что въ этомъ вопросѣ моего участія не было, и мнѣ принадлежала развѣ скромная роль мухи, сидящей на рогахъ вола, распахивающаго поле».

Это было предпослѣднее письмо, написанное мною Витте.

Послѣ этого мы ни разу съ нимъ не видѣлись, при встрѣчахъ болѣе не кланялись по той причинѣ, что онъ позволилъ себѣ — о чемъ рѣчь вперди — просто возмутительный поступокъ въ отношеніи меня, и наши 19-тилѣтнія отношенія (съ 1895 по 1914 г.) окончательно порвались. Годъ спустя, когда его не стало, я заѣхалъ къ нему на квартиру отдать послѣдній долгъ его праху и могу сказать по чистой совѣсти, что въ эту минуту все мое огорченіе отъ его поступковъ противъ меня ушло изъ моей души, и сохранился въ ней лишь одинъ недоумѣнный вопросъ о томъ, зачѣмъ платилъ онъ мнѣ зломъ за добро? Но и послѣ своей смерти Витте продолжалъ злобствовать на меня, какъ, впрочемъ, и на многихъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался онъ на его жизненномъ пути. Въ оставленныхъ имъ запискахъ онъ написалъ столько недобраго про меня, надѣлилъ меня такими эпитетами и такою характеристикою, что невольно задаешь себѣ вопросъ: къ чему онъ дѣлалъ это и какому настроенію былъ онъ послушенъ, оставляя такой слѣдъ нашимъ былымъ отношеніямъ!

Съ окончаніемъ короткаго Рождественскаго ваканта засѣданія Государственнаго Совѣта возобновились въ той же разгоряченной атмосферѣ, которую создало выступленіе Витте, нашедшаго себѣ ревностнаго пособника въ лицѣ только А. Ф. Кони и В. І. Гурко.

Въ половинѣ января ко мнѣ заѣхалъ Предсѣдатель Совѣта Акимовъ посовѣтоваться, что̀ дѣлать съ создавшимся невыносимымъ положеніемъ, которое поддерживается распускаемыми слухами о томъ, что Государь поддерживаетъ взгляды Витте, что это извѣстно послѣднему, и онъ строитъ на этомъ такіе несбыточные планы, какъ тотъ, что, свалившi меня, ему удастся снова занять постъ Министра Финансовъ, — на этотъ разъ въ роли поборника народной трезвости. Акимовъ прибавилъ, что на этой почвѣ

нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Общемъ Собраніи получится неожиданное голосованіе или, во всякомъ случаѣ, разыграется какой-либо неожиданный скандалъ.

Мы условились, что я напишу Государю письмо отъ имени насъ обоихъ и буду просить, чтобы Онъ принялъ насъ вмѣстѣ и далъ намъ возможность доложить о тѣхъ демагогическихъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ поборники трезвости, цѣлясь на самомъ дѣлѣ не въ достиженіе трезвости, а въ разрушеніе финансоваго положенія Россіи, которое положительно не даетъ покоя Витте.

И это письмо случайно сохранилось у меня въ видѣ копіи того, что было представлено мною Государю. Вотъ, что я написалъ Государю 19-го января 1914-го года.

«Ваше Императорское Величество.

«Усерднѣйше прошу Васъ не поставить мнѣ въ вину того, что я отнимаю Ваше время настоящимъ письменнымъ изложеніемъ, не ожидая очередного моего доклада.

«За послѣдніе два дня пренія въ Государственномъ Совѣтѣ въ вопросѣ о мѣрахъ борьбы противъ пьянства принимаютъ такое направленіе, которое, не имѣя рѣшительно ничего общаго съ истинною цѣлью этой борьбы, угрожаетъ въ корнѣ подорвать наше финансовое положеніе и лишить Государство всякой возможности удовлтворять его многообразныя потребности, не исключая и государственной обороны.

«Графъ Витте вноситъ все новыя и новыя, не возникавшія и въ Государственной Думѣ предложенія, явно расчитанныя на одно — разрушить то, что стоитъ до сихъ поръ твердо, — наши финансы. Большое количество членовъ Государственнаго Совѣта, терроризованное печатью или просто неспособное разобраться въ явныхъ несообразностяхъ, стаднымъ путемъ идетъ за этими демагогическими пріемами, и все дѣло начинаетъ принимать оборотъ, поистинѣ внушающій самыя серьезныя опасенія.

«Такая оцѣнка положенія вполнѣ раздѣляется и Статсъ-Секретаремъ Акимовымъ, который еще сегодня высказалъ мнѣ, что неправильный ходъ преній въ Государственномъ Совѣтѣ принимаетъ размѣры, внушающіе и ему самыя серьезныя опасенія.

«Я не рѣшаюсь утруждать Ваше Императорское Величество дальнѣйшимъ письменнымъ изложеніемъ моихъ соображеній, вызываемыхъ объясненными обстоятельствами и, повергая ихъ только на Ваше усмотрѣніе, считаю моимъ долгомъ всеподдан-

нѣйше ходатайствовать: не соизволите ли Вы вызвать меня, на ближайшихъ дняхъ, вмѣстѣ съ Статсъ-Секретаремъ Акимовымъ, для выслушанія нашихъ совмѣстныхъ объясненій».

Докладъ мой и Предсѣдателя Государственнаго Совѣта состоялся 21-го января, въ 4 часа дня.

Началъ объясненія М. Г. Акимовъ.

Съ свойственной ему прямолинейностью и даже нѣкоторою грубоватостью въ своемъ изложеніи, онъ началъ съ того, что заявилъ Государю, что никогда онъ не участвовалъ еще въ такомъ засѣданіи, въ которомъ, съ закрытыми глазами, можно было бы сказать, что дѣло происходитъ не въ Государственномъ Совѣтѣ, а въ худшую пору дѣятельности первой или второй Думы, настолько непозволительные выкрики, обидныя для представителей правительственной власти выраженія и какія-то митинговыя рѣчи заслоняютъ собою сущность вопроса, не вызвавшаго даже въ Думѣ никакой остроты и чрезвычайно простого по своему существу. Онъ прибавилъ, что если бы роли перемѣнились и на мѣстѣ нападающаго Витте находился бы нынѣшній Предсѣдатель Совѣта Миниистровъ, и тотъ позволилъ бы себѣ сотую долю тѣхъ дерзостей, которыя приходится выслушивать теперь послѣднему, — то, по всей вѣроятности, Витте давно бы покинулъ засѣданіе или отвѣтилъ какою-либо недопустимою рѣзкостью.

Государь прервалъ его вопросомъ: «что же Вы хотите, чтобы я сдѣлалъ. Вѣдь это Ваше дѣло руководить преніями и не допускать неприличныхъ выходокъ».

Акимовъ какъ-то сразу замолчалъ и сказалъ только, что все выступленіе Витте происходитъ отъ того, что онъ думаетъ этимъ не только насолить Министру Финансовъ, сводя съ нимъ какіе-то счеты, но и угодить самому Государю, такъ какъ онъ громко разсказываетъ направо и налѣво, что ему достовѣрно извѣстно, что Государь сочувствуетъ всякимъ мѣрамъ борьбы противъ пьянства, а если ему будетъ извѣстно, что его недопустимые пріемы не встрѣчаютъ одобренія, и Государь ожидаетъ только разумнаго и спокойнаго разсмотрѣнія дѣла, то онъ съ такою же быстротою успокоится какъ и разгорячился, потому что ни самъ не вѣритъ въ то, что предлагаетъ, ни лица, сочувствующія его демагогіи, не станутъ его поддерживать такъ неприлично, какъ дѣлаютъ это теперь.

Мнѣ пришлось говорить не долго. Зная, что Государь не разъ высказывалъ уже мысль о томъ, что наши мѣры борьбы противъ развитія пьянства очень слабы и мало дѣйствительны, я старался устранить аргументацію Витте, что я не только не помогаю

этой борьбѣ, но напротивъ того торможу всякіе почины въ этомъ отношеніи и дѣлаю это исключительно изъ боязни ослабленія средствъ казны. Зная по опыту, что подробныя соображенія утомляютъ Государя, я завѣрилъ его, что мои возраженія направлены не на поощреніе пьянства, а на борьбу съ безумными предложеніями Гр. Витте. Его мысль о томъ, чтобы ограничить доходъ казны отъ продажи казеннаго вина размѣрами дохода нынѣшняго года, а весь излишекъ долженъ быть передаваемъ земствамъ и городамъ на мѣры насажденія трезвости можетъ имѣть только одно послѣдствіе — уменьшеніе средствъ казны при ежегодно растущихъ расходахъ, пользы же отрезвленію народа никакой не будетъ, такъ какъ раньше, чѣмъ передавать казенныя деньги кому-либо, нужно опредѣлить въ чемъ должны заключаться самыя мѣры отрезвленія, и какой можетъ быть установленъ надзоръ за расходованіемъ денегъ, именно на данную цѣль, а не на какую-либо другую. Удивительно и то, что такое предложеніе исходитъ отъ Гр. Витте, убѣжденнаго и постояннаго противника земства, отрицавшаго даже соотвѣствіе самой идеи земства нашему государственному строю.

Я повторилъ Государю, съ ссылкою на мои постоянные доклады, что никакія искуственныя мѣры трезвости не достигнутъ цѣли и приведутъ только къ тайной продажѣ вина и тайному винокуренію, съ которымъ намъ удалось справиться, и нанесутъ непоправимый вредъ казнѣ и народу, натолкнувши его на самыя ужасныя злоупотребленія, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ искуственно раздуваемые разсказы о томъ, что государство спаиваетъ народъ. Единственныя дѣйствительныя средства борьбы противъ пьянства заключается въ подъемѣ моральнаго и матеріальнаго уровная народа, къ чему принято и постоянно принимается множество всякихъ мѣръ, и онѣ, конечно, не останутся безрезультатны, тогда какъ демагогія по рецепту Гр. Витте приведетъ только къ разстройству финансовъ и пріучитъ земства и города смотрѣть на казенныя деньги какъ на ихъ собственныя и встать на путь новой борьбы съ государственною властью за безконтрольное ихъ расходованіе по своему усмотрѣнію,

Государь все время молчалъ и былъ почти безучастенъ къ тому, что я Ему говорилъ. Видя такое отношеніе, я просилъ Его разрѣшить мнѣ отстаивать мою точку зрѣнія и не согласиться на предложенія Гр. Витте, такъ какъ увѣренъ, что и Дума не встанетъ на такой путь, когда дѣло будетъ передано ей на соглашеніе съ Государственнымъ Совѣтомъ. Разрѣшеніе мнѣ было дано, и Государь отпустилъ насъ, сказавши, что онъ благодаренъ

за всѣ разъясненія, что настроеніе Витте Ему давно извѣстно, и что онъ проситъ меня не обращать на его дерзости никакого вниманія, такъ какъ всѣ оцѣнятъ его неожиданную склонность къ народному отрезвленію послѣ того, что онъ самъ 10 лѣтъ только и дѣлалъ, что поощрялъ увеличеніе потребленія водки.

На этомъ мы разстались, и, возвращаясь вмѣстѣ съ Акимовымъ въ вагонѣ, я впервые услышалъ отъ него крайне поразившее меня замѣчаніе: «А Вы не слышали, что будто бы вся эта кампанія трезвости ведется Мещерскимъ, главнымъ образомъ, потому, что ему извѣстно, что на эту тему постоянно твердитъ въ Царскомъ Селѣ Распутинъ и на этомъ строитъ свои расчеты и Витте, у котораго имѣются свои отношенія къ этому человѣку».

Черезъ день въ Государственномъ Совѣтѣ было новое засѣданіе финансовой комиссіи по тому же вопросу. Витте съ еще большею рѣзкостью продолжалъ свою полемику, отношеніе къ нему среди членовъ Совѣта становилось все болѣе и болѣе непріязненнымъ, въ особенности послѣ того, что онъ сказалъ, что ему извѣстно, что Г. Г. Министры ѣздятъ въ Царское Село за укрѣпленіемъ своей позиціи, чтобы проваливать взгляды своихъ оппонентовъ въ Совѣтѣ, я не отвѣтилъ ему ни однимъ словомъ, и засѣданіе кончилось, какъ и всѣ предыдущія, тѣмъ, что его предложенія не были приняты Комиссіей, кромѣ его вѣрнаго спутника Гурко, и послѣ трехчасовой бесѣды все оставалось въ томъ видѣ, какъ было принято Думою, за исключеніемъ спорнаго вопроса объ открытіи трактировъ въ городахъ и селахъ и права земства и городовъ не разрѣшать открытія и казенныхъ винныхъ лавокъ въ избранныхъ казною пунктахъ. Но и по этимъ двумъ вопросамъ значительное большинство Комиссіи присоединилось ко мнѣ, и Витте демонстративно опять вышелъ изъ засѣданія.

Чѣмъ кончилось затѣмъ все дѣло, — я не знаю. Черезъ три дня наступили событія, которыя показали мнѣ, что все безучастіе Государя къ моему и Акимова докладу было только кажущееся. Онъ просто не хотѣлъ спорить со мною, рѣшивши разстаться со мною, а когда въ день моего увольненія послѣдовалъ рескриптъ на имя моего преемника Барка съ явнымъ осужденіемъ моихъ дѣйствій и прямымъ повелѣніемъ принять мѣры къ сокращенію потребленія водки, — мнѣ стало ясно, что Витте былъ освѣдомленъ о настроеніи Государя, зналъ о вліяніи съ разныхъ сторонъ на него въ этомъ вопросѣ и игралъ безъ проигрыша на то, чтобы способствовать моему паденію. Одно только ему не удалось — это извлечь для себя какую-либо выгоду, такъ какъ отношеніе Государя къ нему осталось неизмѣннымъ, — Онъ не допустилъ его до новой близости къ Себѣ.

Во все эти тревожные и тяжелые для меня дни я былъ дома очень одинокъ. Жены не было около меня — она уѣхала въ сопровожденіи моего зятя В. И. Мамантова заграницу на свадьбу нашей дочери. Я не могъ отлучиться ни на минуту.

Утромъ 25-го января вернулась изъ-за границы моя жена. Еще по дорогѣ съ вокзала она спросила меня, что дѣлалъ я за недѣлю ея отсутствія, и я разсказалъ ей подробно о всѣхъ интригахъ, которыя меня окружаютъ, о рѣчахъ Гр, Витте въ Государственномъ Совѣтѣ, по вопросу о пьянствѣ, о продолжающейся травлѣ меня «Гражданиномъ» кн. Мещерскаго и о не смолкающихъ сплетняхъ въ городѣ о томъ, что мои дни сочтены. Она стала уговаривать меня просить Государя объ увольненіи, а если я на это не рѣшаюсь, то совѣтовала, во всякомъ случаѣ, поставить передъ Государемъ вопросъ ребромъ о невозможности жить и полезно работать среди интригъ и недоброжелательства такихъ людей, какъ Маклаковъ, Сухомлиновъ, Щегловитовъ и др,, прибавляя къ своимъ настояніямъ увѣреніе меня въ томъ, что Государь меня ни въ какомъ случаѣ не отпуститъ и не рѣшится разстаться съ человѣкомъ, котораго Онъ любитъ, которому вѣритъ и котораго считаетъ своимъ вѣрнымъ слугою. Нашъ разговоръ на эту тему продолжался поздно ночью, такъ какъ весь день я провелъ въ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта. На доводы жены я отвѣчалъ двумя положеніями. Во-первыхъ тѣмъ, что изъ-за меня Государь не рѣшится разстаться съ враждебною мнѣ группою Министровъ, и всѣ мои аргументы объ опасности политики этихъ господъ не имѣютъ сейчасъ въ Его глазахъ особой цѣны, а поставленный мною ребромъ вопросъ будетъ равносиленъ моей отставкѣ, вызванной къ тому же моимъ собственнымъ заявленіемъ. Оставленіе мною активной службы равносильно развалу всего Министерства Финансовъ, которое я такъ люблю и которое такъ сжилось со мною. Я зналъ какое послѣдствіе имѣлъ бы мой уходъ для всего личнаго состава и для самаго дѣла, веденнаго мною въ одномъ опредѣленномъ направленіи въ теченіе 10 лѣтъ. Я говорилъ женѣ, что безъ преувеличенія въ Министерствѣ подымется стонъ съ верху до низу и, всякій будетъ обвинять меня за то, что я по собственной волѣ покинулъ любимое дѣло и не принесъ моего личнаго покоя въ жертву общему интересу. Мысль объ этомъ не даетъ мнѣ покоя и, ссылаясь на примѣръ 1905-го года, я говорилъ женѣ, что я буду особенно страдать не столько за себя, сколько за то, что я создалъ такое положеніе по моей доброй волѣ. Личными моими инте-

ресами я теперь совсѣмъ не дорожу и увѣренъ въ томъ, что переживу мое увольненіе гораздо менѣе остро, нежели это было въ 1905 году. Я закончилъ нашу ночную бесѣду фразой, которую отлично помню и сейчасъ «нѣтъ, я не уйду, лучше пусть меня уйдутъ». «Ну, въ такомъ случаѣ ты этого не дождешься, такъ какъ Государь тебя не отпуститъ», былъ отвѣтъ моей жены.

Въ воскресенье, 26-го января, я опять провелъ всѣ дневные часы въ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта, препираясь съ Гр. Витте и Гурко, предложенія которыхъ опять были отклонены комиссіей подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Вечеромъ у насъ былъ кое-кто изъ знакомыхъ и въ числѣ ихъ весьма освѣдомленный во всѣхъ слухахъ В. Н. Охотниковъ, который ни однимъ словомъ не намекнулъ мнѣ о готовящемся крушеніи моей служебной карьеры. Я убѣжденъ, что, несмотря на свою близость къ Мещерскому, онъ ничего не зналъ, а если бы зналъ, то конечно, по свойству своей натуры, именно поспѣшилъ бы мнѣ разсказать объ этомъ.

Въ 10-мъ часу вечера позвонилъ мнѣ по телефону Гурляндъ и передалъ мнѣ, что Штюрмеръ только что передалъ ему, что вопросъ о моей отставкѣ окончательно рѣшенъ и указъ объ этомъ послѣдуетъ на дняхъ. Я отвѣтилъ ему, что не имѣю объ этомъ ни малѣйшаго понятія и сказалъ при этомъ, что видѣлъ въ послѣдній разъ Государя 24-го января, въ пятницу, вечеромъ въ Аничкиномъ Дворцѣ на докладѣ. И что ни малѣйшаго намека, который далъ бы мнѣ основаніе заключить о близкой отставкѣ, я не замѣтилъ.

Обстоятельства этого послѣдняго доклада заслуживаютъ также быть воспроизведены. За недѣлю передъ этимъ днемъ, а именно 17-го января, я былъ съ докладомъ въ Царскомъ Селѣ, и по окончаніи доклада Государь взялъ по обыкновенію со стола записной календарь, чтобы отмѣтить на немъ время слѣдующаго доклада. Я спросилъ Его Величество, удобно ли Ему принять меня въ обычное время, т. к. днемъ 24-го января назначено въ Высочайшемъ присутствіи празднованіе 100-лѣтняго юбилея Патріотическаго Института, на которое я тоже былъ приглашенъ. Государь сказалъ мнѣ на это, что дѣйствительно Онъ занятъ въ этотъ день еще и утромъ на празднованіи юбилея Лб. Гв. Казачьяго полка и такъ какъ вечеромъ будетъ обѣдать въ томъ же полку, то предложилъ мнѣ пріѣхать съ докладомъ въ 6 ч. вечера въ Аничкинъ Дворецъ. Я такъ и исполнилъ.

Одно обстоятельство невольно остановило на себѣ мое вниманіе — Государь принялъ меня вмѣсто 6-ти часовъ, безъ 20-ти

минутъ 7 ч. Мы сидѣли въ ожиданіи доклада съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ Мордвиновымъ, который неоднократно смотрѣлъ на часы и на заявленіе мое, что Государь такъ никогда не опаздывалъ, замѣтилъ только, что Государь, очевидно, занятъ разговоромъ съ Императрицей Матерью и съ Герцогиней Эдинбургской, которая отличается вообще большой говорливостью.

Докладъ продолжался ровно часъ. Государь былъ въ высшей степени милостивъ, затронулъ цѣлый рядъ вопросовъ общаго управленія, давая по нимъ совершенно опредѣленныя указанія на будущее время. Между прочимъ, я представилъ Ему заготовленную мною печатную справку по весьма щекотливому дѣлу, а именно по вопросу о томъ, въ какомъ порядкѣ должны быть заключаемы теперь торговые договоры съ иностранными государствами, т. е. въ порядкѣ ли Верховнаго Управленія, или же черезъ посредство законодательныхъ Учрежденій. Государь очень заинтересовался этимъ вопросомъ, сказалъ совершенно откровенно, что Онъ объ этомъ никогда не думалъ, и что «добрый Тимашевъ» никогда Ему ничего объ этомъ не докладывалъ. Онъ просилъ меня разсказать Ему подробно сущность моего взгляда. Выслушавши меня, Государь сказалъ мнѣ, что Онъ совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе, и просилъ вести дѣло далѣе въ томъ направленіи, которое мною признано правильнымъ. Онъ даже не хотѣлъ оставлять у себя моей печатной справки и только послѣ моихъ разъясненій всей важности затронутаго мною вопроса и необходимости особенно осторожнаго его разрѣшенія, оставилъ ее у Себя, прибавивши съ улыбкою: «Ну хорошо, Я Вамъ скажу окончательно Мое мнѣніе въ пятницу, хотя совершенно увѣренъ въ томъ, что оно не измѣнится отъ прочтенія записки».

Я доложилъ при этомъ Его Величеству, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ я разослалъ эту справку всѣмъ министрамъ, особенно секретнымъ образомъ, прося ихъ дать письменное заключеніе по поводу моего мнѣнія, т. к. предвижу заранѣе, что не всѣ министры раздѣлятъ мой взглядъ, а между тѣмъ отъ разрѣшенія вопроса о порядкѣ утвержденія торговыхъ трактатовъ зависитъ весь ходъ предварительныхъ работъ, который представляется мнѣ особенно труднымъ въ отношеніи договора съ Германіей.

Государь, подумавши нѣсколько минутъ, сказалъ мнѣ: «Я очень мало посвященъ въ это дѣло, и Вы совершенно правы, что оно представляется въ высшей степени сложнымъ». Я замѣтилъ на это, что, составляя справку, я принялъ особыя предосторож-

ности, чтобы мой взглядъ не проникъ въ печать и съ этой цѣлью отпечаталъ справку въ типографіи Корпуса Пограничной Стражи. Наша печать подняла бы цѣлую бурю, если бы только она провѣдала о моемъ взглядѣ. На этомъ мы разстались. Государь былъ болѣе чѣмъ милостивъ и пожелалъ мнѣ хорошаго аппетита, какъ Онъ сказалъ мнѣ «къ Вашему запоздавшему по Моей винѣ обѣду».

Въ послѣдующіе дни, когда мое увольненіе уже состоялось, и въ особенности когда впечатлѣнія пережитаго времени стали постепенно осѣдать и кристаллизоваться, мнѣ казалось и кажется и теперь, что запоздалый пріемъ мой не былъ случайностью. Государь вѣрно предполагалъ лично говорить со мною о моемъ увольненіи и колебался сдѣлать это, переживая, вѣроятно, не легкое раздумье. Что рѣшеніе Его разстаться со мною уже въ это время созрѣло, подтвердили многіе послѣдующіе факты.

Такъ Владиміръ Вестманъ, служившій въ собственной Его Величества канцеляріи (у Танѣева) уже въ субботу вечеромъ, т. е. на другой день послѣ моего доклада въ Аничкиномъ Дворцѣ разсказывалъ, что въ Канцеляріи печатается рескриптъ по поводу увольненія меня отъ занимаемыхъ должностей. Очевидно, что распоряженіе объ этомъ было сдѣлано именно въ пятницу, если даже не ранѣе. Стало извѣстно потомъ, что еще за 1½ недѣли раньше былъ вызванъ И. Л. Горемыкинъ въ Царское Село, и по возвращеніи оттуда начались секретныя его совѣщанія съ Кривошеинымъ на квартирѣ послѣдняго, о чемъ многіе знали и говорили, и не зналъ только я, такъ какъ со мною никто не говорилъ и кромѣ отдаленныхъ слуховъ до меня ничто не доходило. Больше того, въ ту же пятницу 24-го января ко мнѣ настойчиво прошелъ В. Ф. Треповъ, хлопотавшій по дѣлу полученія концессіи на южно-сибирскую желѣзную дорогу и, ссылаясь на тѣ же ходившіе слухи, просилъ моего разрѣшенія провѣрить ихъ черезъ Гр. Фредерикса. Я не могъ ему запрещать, но сказалъ только, что благородный Графъ настолько далекъ отъ всѣхъ интригъ, заполнявшихъ нашу государственную жизнь, что, даже будучи ко мнѣ искренно расположенъ, онъ не сможетъ ничего сдѣлать и ему просто ничего не скажутъ. Въ субботу вечеромъ я получилъ отъ Трепова записку съ увѣдомленіемъ о томъ, что Графъ Фредериксъ въ тотъ же день утромъ имѣлъ съ Государемъ опредѣленный разговоръ и положительно не понимаетъ, — откуда идутъ всѣ эти слухи, т. к. слова Государя, обращенныя ко мнѣ, были полны довѣрія и, повидимому, искренняго расположенія.

Понедѣльникъ, 27-го января я провелъ весь день дома за пріемомъ просителей, которыхъ я не могъ принять въ субботу по причинѣ засѣданія въ этотъ день финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта. Народу было множество, и пріемъ затянулся почти до 7-ми часовъ. Затѣмъ мы поѣхали съ женой на обѣдъ къ Маклакову, и поѣхали туда оба съ самымъ тяжелымъ чувствомъ, т. к. мои отношенія къ нему, съ ноября мѣсяца, совершенно испортились, и я отлично зналъ, что онъ является одной изъ главныхъ пружинъ всей интриги противъ меня. Мы подумывали даже отказаться отъ этого обѣда, но т. к. приглашенія были разосланы за 3 недѣли, когда атмосфера всей травли меня была еще не такъ густа, то я не видѣлъ повода отказываться, а сдѣлать это въ послѣднюю минуту значило подчеркнуть мое отношеніе къ городскимъ слухамъ. Мы предпочли испить чашу до дна. Обѣдъ прошелъ по внѣшности очень оживленно, моей дамой была Лэди Бьюкананъ, съ которой мы вели простую и веселую болтовню, а сидѣвшій напротивъ меня кавалеръ моей жены Горемыкинъ не разъ выражалъ за обѣдомъ удовольствіе по поводу нашей оживленности.

Послѣ обѣда произошелъ любопытный инцидентъ — ко мнѣ подошелъ Графъ Фредериксъ и самъ завелъ слѣдующій разговоръ на французскомъ языкѣ: «скажите мнѣ, дорогой другъ, что значатъ всѣ эти слухи по поводу Вашей отставки, я слышу ихъ со всѣхъ сторонъ. Меня со всѣхъ сторонъ спрашиваютъ, волнуются и всѣ дѣйствительно безпокоятся. Въ пятницу Мосоловъ, разспрашиваемый Треповымъ, просилъ меня даже справиться у Его Величества, что я и сдѣлалъ въ субботу съ величайшимъ удовольствіемъ, такъ какъ не только я люблю и уважаю Васъ, но смотрю на Вашу отставку какъ на величайшее бѣдствіе для Россіи. Государь далъ мнѣ самый успокоительный отвѣтъ; Онъ говорилъ о Васъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, и я увѣряю Васъ, что Вы пользуетесь полнымъ Его довѣріемъ. Я знаю, что Вы плохо окружены, что кругомъ Васъ и противъ Васъ интригуютъ, и я хочу дать Вамъ истинно дружескій совѣтъ: говорите открыто и откровенно съ Его Величествомъ, объясните Ему, что положеніе стало совершенно невыносимо, и просите Его уволить министровъ, съ которыми Вы не можете больше работать. Увѣряю Васъ, что Вы получите полное удовлетвореніе, будьте только тверды».

Я поблагодарилъ его за его добрыя слова и сказалъ ему буквально слѣдующее: «Вѣрьте мнѣ, дорогой Графъ, что я никогда не былъ трусомъ, и что я ничего лучшаго не желаю какъ имѣть

возможность говорить откровенно съ моимъ Государемъ и просить Его выяснить невыносимое положенiе, въ которомъ я нахожусь. Вы знаете, что я не Гр. Витте, я не могу заставить Государя слѣдовать моей волѣ, а могу только разъяснить откровенно передъ Нимъ тотъ вредъ, который испытываетъ Государство отъ нашей административной неурядицы... Я вѣрный слуга моего Монарха и воспользуюсь первымъ моимъ докладомъ, чтобы просить Его или поддержать меня или разрѣшить мнѣ уйти, если я не отвѣчаю болѣе Его взглядамъ». Фредериксъ прервалъ меня словами: «рѣчи быть не можетъ о Вашей отставкѣ», на что я отвѣтилъ ему: «Графъ Вы слишкомъ благородны, чтобы понять какiя силы борятся противъ меня, и я увѣренъ, что дни мои сочтены, если даже моя отставка уже фактически не послѣдовала». Отойдя отъ Фредерикса, я подошелъ къ другой группѣ гостей, отъ которой отдѣлился Гр. А. А. Бобринскiй и заявилъ мнѣ, что на дняхъ Государь подтвердилъ ему о сдѣланномъ заказѣ приготовить рисунки археологическихъ предметовъ для Германскаго Императора и своимъ обычнымъ слащавымъ тономъ прибавилъ, что весь заказъ будетъ исполненъ въ срокъ, и что онъ надѣется заслужить мое одобренiе. Я сказалъ ему на это, что едва ли мнѣ придется принимать этотъ заказъ, т. к. городскiе слухи уже предрекли мою отставку, на что онъ мнѣ совершенно спокойно и не выбирая выраженiй отвѣтилъ: «это не бѣда, это будетъ только кратковременный отдыхъ, который Вамъ такъ необходимъ». Эти слова человѣка, никогда не говорящаго на вѣтеръ, вдобавокъ принадлежащаго къ крайне правому кругу и имѣющаго надежные источники для освѣдомленiя, были для меня первымъ опредѣленнымъ указанiемъ на то, что со мной рѣшено покончить.

Подъ этимъ впечатлѣнiемъ я вернулся домой и просидѣлъ еще до 2-хъ часовъ, сбывая очередныя дѣла. Одно изъ нихъ меня очень заботило: въ среду, 29-го января, въ Общемъ Собранiи Государственнаго Совѣта при разсмотрѣнiи дѣла о пьянствѣ предстояло заслушать предложенiе Гр. Витте о фиксацiи питейнаго дохода и другое предложенiе Гурко о вознагражденiи продавцовъ казенныхъ винныхъ лавокъ за уменьшенiе количества проданнаго вина. Оба эти предложенiя въ финансовой комиссiи провалились съ трескомъ, и я зналъ, что такая же судьба постигнетъ ихъ и въ Общемъ Собранiи, но мнѣ также было хорошо извѣстно, что Гр. Витте выступитъ съ новыми рѣзкостями противъ меня, а уклониться отъ участiя въ засѣданiи я не имѣлъ воз-

можности, т. к. вице-предсѣдатель Голубевъ, заступавшій мѣсто заболѣвшаго предсѣдателя Акимова, настойчиво лично просилъ меня быть въ засѣданіи.

Во вторникъ, 28-го января, вечеромъ ко мнѣ опять позвонилъ по телефону Гурляндъ и сказалъ, что къ нему только что звонилъ все тотъ же Штюрмеръ и сказалъ, что онъ и цѣлый рядъ лицъ, бывшихъ наканунѣ на обѣдѣ у Маклакова, изумлялись моему поразительному спокойствію и самообладанію въ такую исключительную минуту, когда всякій человѣкъ невольно долженъ былъ бы отразить на своемъ лицѣ и на всей своей манерѣ держаться переживаемыя волненія. По словамъ Гурлянда, Штюрмеръ выразился такъ: «если бы не знать, что увольненіе уже состоялось, то можно было бы просто повѣрить, что и на этотъ разъ слухи о смѣнѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ относятся какъ и раньше къ области досужихъ петербургскихъ сплетенъ и выдумокъ». Мнѣ осталось только повторить то, что я говорилъ наканунѣ, что я ровно ничего не знаю, хотя и увѣренъ теперь по поведенію и словамъ Графа Бобринскаго, что я дѣйствительно уже уволенъ, и что окружающая меня цѣпь интригъ замкнулась и достигла своей цѣли.

Цѣлый день 28-го я принималъ доклады, весь вечеръ просидѣлъ дома, готовясь къ засѣданію Государственнаго Совѣта и легъ спать около 2-хъ часовъ. Изъ событій этого дня я долженъ отмѣтить одно, представляющее нѣкоторый интересъ, съ точки зрѣнія послѣдующаго моего изложенія и выясненія обстоятельствъ, предшествовавшихъ моей ликвидаціи. Среди докладовъ ко мнѣ пріѣхалъ Кривошеинъ проститься передъ его отъѣздомъ въ тотъ же день за границу.

Наши отношенія въ послѣднее время измѣнились. Мы не видѣлись почти 2 недѣли и даже болѣе недѣли не имѣли случая говорить по телефону. Онъ вошелъ ко мнѣ со своею обычною дѣланно искреннею манерою и со словами: «Я тяжело боленъ, Владиміръ Николаевичъ; доктора увѣряютъ меня, что я теперь совершенно поправлюсь, но я чувствую, что мнѣ совсѣмъ плохо, и, можетъ быть, я болѣе не вернусь. Я зашелъ проститься съ Вами, пожелать Вамъ всего лучшаго и посовѣтовать беречь здоровье и силы». Зная истинную цѣну искренности людей вообще, — я поблагодарилъ его за посѣщеніе, пожелалъ хорошенько отдохнуть и вернуться съ новыми силами къ прежней дѣятельности, а на совѣтъ беречь силы и здоровье, сказалъ ему, что силы мои едва ли нужны кому-либо, потому что я чувствую близость конца моей дѣятельности, поглощавшей всѣ эти силы, и тогда

само собою возстановится и растрачиваемое мое здоровье. Я прибавилъ, что весьма возможно, что мы встрѣтимся за границей, такъ какъ, покинувши активную дѣятельность, я вѣроятно уѣду на нѣкоторое время изъ Россіи и буду радъ встрѣтиться съ нимъ гдѣ-либо подъ итальянскимъ небомъ.

На эти мои слова, вставши съ креселъ и прощаясь, онъ сказалъ буквально слѣдующее: «А я полагаю, что и черезъ 10 лѣтъ Гр. Витте все еще будетъ то восхвалять Васъ, то работать противъ Васъ, а Вы все будете сидѣть на своемъ мѣстѣ, ну а если бы сбылось теперь Ваше предсказаніе, то какъ же намъ, маленькимъ людямъ, можно будетъ подойти къ человѣку, котораго нельзя уже будетъ называть по имени и отечеству и придется величать однимъ изъ почетнѣйшихъ титуловъ, доступныхъ смертнымъ въ нашемъ отечествѣ». Я отнесъ эти слова къ его обычной манерѣ — во всемъ брать верхнее «до» и къ его склонности уснащать свою рѣчь прилагательными «знаменитый», «изумительный», «величайшій» и, провожая его до дверей, сказалъ ему просто: «у меня есть мое имя и моя родовая кличка, и ихъ я хочу сохранить до конца моихъ дней. Мнѣ не приличествуютъ никакіе титулы и никакія званія».

На этомъ мы разстались.

ГЛАВА II.

Собственноручное письмо Государя о моемъ увольненіи. Вызванныя этимъ письмомъ мысли. — Высочайшіе рескрипты на мое имя и на имя новаго Министра Финансовъ Барка. — Пріемъ меня Государемъ. — Отказъ отъ денежной субсидіи, уходъ изъ Комитета Финансовъ и выраженное мною желаніе получить мѣсто посла за границей. — Посѣщеніе меня Баркомъ. — Безрезультатные переговоры о назначеніи меня посломъ въ Парижъ. — Прощаніе съ чинами Министерства Финансовъ. — Распространенная черезъ посредство газеты «St. Petersburger Herold» клевета на меня. — Выраженное мнѣ сочувствіе и нѣкоторыя изъ писемъ, полученныхъ мною въ связи съ моимъ увольненіемъ.

Утро, 29-го января, послѣ безсонной и тягостной отъ неотвязчиваго раздумья ночи началось въ обычной обстановкѣ. Жена пошла на свою обычную прогулку, а я засѣлъ въ моемъ кабинетѣ за работу. Ровно въ 11 часовъ курьеръ подалъ мнѣ небольшого формата письмо отъ Государя въ конвертѣ «Предсѣдателю Совѣта Министровъ». Подлинникъ этого письма сохранился у меня. Не распечатывая его, я зналъ, что оно несетъ мнѣ мое увольненіе. Вотъ что въ немъ изложено:

Царское Село 29-го января 1914-го года.

«Владиміръ Николаевичъ!

«Не чувство непріязни, а давно и глубоко сознанная Мною «государственная необходимость заставляетъ меня высказать «Вамъ, что мнѣ нужно съ Вами разстаться.

«Дѣлаю это въ письменной формѣ потому, что, не волнуясь, «какъ при разговорѣ, легче подыскать правильныя выраженія.

«Опытъ послѣднихъ 8-ми лѣтъ вполнѣ убѣдилъ меня въ «томъ, что соединеніе въ одномъ лицѣ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ должностью Министра Финансовъ «или Министра Внутреннихъ Дѣлъ — неправильно и неудобно «въ такой странѣ какъ Россія.

«Кромѣ того, быстрый ходъ внутренней жизни и поразитель-«ный подъемъ экономическихъ силъ страны требуютъ принятія «ряда рѣшительныхъ и серьезнѣйшихъ мѣръ, съ чѣмъ можетъ «справиться только свѣжій человѣкъ.

«За послѣдніе два года я, къ сожалѣнію, не во всемъ одо-«брялъ дѣятельность финансоваго вѣдомства и сознаю, что дальше «такъ продолжаться не можетъ.

«Высоко цѣню Вашу преданность мнѣ и крупныя заслуги «Ваши въ дѣлѣ замѣчательнаго усовершенствованія государ-«ственнаго кредита Россіи, за что благодарю Васъ отъ всего серд-«ца. Повѣрьте, что мнѣ грустно разстаться съ Вами, моимъ до-«кладчикомъ въ теченіе 10-ти лѣтъ, и что Я не забуду своимъ по-«печеніемъ ни Васъ, ни Вашей семьи. Ожидаю Васъ въ пятницу «съ послѣднимъ докладомъ, какъ всегда въ 11 часовъ и по ста-«рому, какъ друга.

«Искренно уважающій Васъ

Николай».

Прочитавши это письмо, я сразу усвоилъ себѣ всѣ его отличительныя черты. Тогда въ первую минуту, какъ и теперь, когда, много лѣтъ спустя, я повѣряю бумагѣ эти эпизоды изъ моей жизни, для меня было очевидно, что письмо это написано Государемъ подъ вліяніемъ того давленія, которое издавна производилось на Него съ цѣлью удалить меня отъ власти. Государь, очевидно, не разсчитывалъ на свои силы при личной бесѣдѣ со мной, опасался, что я могу представить Ему такія возраженія, которыя заставятъ Его перемѣнить Его рѣшеніе, а съ другой стороны, назойливое домогательство людей, воспользовавшихся Его довѣріемъ, продолжало бы стѣснять Его, и Онъ рѣшился поэтому на такой шагъ, который дѣлалъ Его обращеніе ко мнѣ безповоротнымъ.

Въ каждомъ словѣ этого письма подъ личинкой обдуманности сквозятъ такія свойства души Государя, которыя я не имѣю права ни разбирать, ни, тѣмъ болѣе, осуждать теперь, когда Его уже нѣтъ въ живыхъ. Мое первое впечатлѣніе отмѣтило, прежде всего, такъ странно прозвучавшія слова о томъ, что въ теченіе 8-ми лѣтъ Онъ убѣдился въ неудобствѣ совмѣщать въ Россіи

должность Предсѣдателя Совѣта съ должностью Министра Внутреннихъ Дѣлъ или Финансовъ, когда три года тому назадъ, послѣ убійства Столыпина, Онъ, по собственному побужденію, назначилъ меня Предсѣдателемъ Совѣта, сказавши при этомъ: «Разумѣется, я прошу Васъ остаться Министромъ Финансовъ», и въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ я не только не слышалъ отъ Него никогда самыхъ отдаленныхъ намековъ на неудобство такого совмѣщенія, но даже и потомъ, говоря со мной о засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, Государь не разъ упоминалъ, что за мое время разногласія въ Совѣтѣ Министровъ стали гораздо рѣже, и что Онъ слышитъ съ разныхъ сторонъ, съ какой объективностью ведутся засѣданія Совѣта Министровъ, часто въ ущербъ интересамъ финансоваго вѣдомства.

Не менѣе болѣзненно прозвучали въ моей душѣ слова этого письма, указывающія на огромный экономическій подъемъ Россіи, который выдвинулъ цѣлый рядъ новыхъ задачъ, требующій и новыхъ людей для ихъ исполненія.

Дальше будетъ видно, какіе новые люди призваны осуществлять новыя задачи.

Невольно приходило на умъ: кто же создалъ этотъ огромный экономическій подъемъ, кто сумѣлъ уберечь финансы Россіи во время Русско-Японской войны и еще болѣе въ періодъ смутныхъ годовъ, и тѣмъ подготовить почву для экономическаго процвѣтанія Россіи? Очевидно, эта фраза не вскрывала истинной мысли руководившей письмомъ и была лишь приведена какъ поводъ для принятаго рѣшенія. Еще болѣе мало понятна слѣдующая фраза о томъ, что «въ теченіе 2-хъ послѣднихъ лѣтъ Государь не всегда былъ доволенъ финансовымъ вѣдомствомъ и что далѣе такъ продолжаться не можетъ». Никогда за все время 10-тилѣтняго управленія Министерствомъ Финансовъ, я не только не слышалъ о какомъ бы то ни было неудовольствіи, но мнѣ не было сдѣлано не только на письмѣ, но и на словахъ ни малѣйшаго намека, выражавшаго собою самое отдаленное неодобреніе того или другого распоряженія по Финансовому Вѣдомству. Всякій мой докладъ сопровождался самымъ открытымъ проявленіемъ милости и удовольствія. Цѣлый рядъ всеподданнѣйшихъ докладовъ до самаго послѣдняго времени включительно отмѣченъ самыми лестными собственноручными резолюціями Государя, и не было ни одного случая, чтобы Государь не шелъ на встрѣчу проявленія того или иного знака вниманія не только лично мнѣ, но и всему персоналу вѣдомства, выражая его постоянно почти одними и

тѣми же словами: «Я знаю, какой прекрасный составъ служащихъ въ вѣдомствѣ и какъ блестяще ведетъ оно свое дѣло».

Думая надъ этой фразой, я невольно припомнилъ, какъ съ небольшимъ годъ тому назадъ, въ октябрѣ 1912-го года, о чемъ рѣчь была въ своемъ мѣстѣ, говоря со мною о назначенiи моемъ посломъ въ Берлинѣ, Государь спросилъ меня, на кого я могъ бы указать какъ на кандидата въ Министры Финансовъ, прибавивши: «съ тѣмъ, чтобы онъ велъ дѣло буквально, какъ ведете Вы, т. к. Я не могу себѣ представить, чтобы въ чемъ-либо могло быть допущено измѣненiе Вашего прекраснаго управленiя»! Какъ быстро измѣнилась оцѣнка условiй!

Послѣдняя фраза письма производила на меня тоже глубокое впечатлѣнiе. Указывая мнѣ, что въ пятницу 31-го января я долженъ прибыть въ обычное время съ моимъ послѣднимъ докладомъ, государь тѣмъ самымъ какъ будто хочетъ сказать мнѣ, что я не долженъ пытаться измѣнить Его рѣшенiя, т. к. оно безповоротно. Какъ будто за 10 лѣтъ Государь не успѣлъ узнать меня и не имѣлъ увѣренности въ томъ, что я никогда не позволю себѣ просить оставить меня въ должности противъ Его воли.

За этими мыслями засталъ меня приходъ жены, вернувшейся съ прогулки.

Прочитавши письмо Государя, она сказала мнѣ, что видитъ теперь, какъ она ошиблась, какъ неправильно думала она, что Государь дорожитъ мною и не разстанется со мною. Она видитъ теперь, какъ просто, по своей неожиданности, могло все это произойти, и какъ не слѣдуетъ при такой простотѣ не сожалѣть вовсе о разрушенiи всего того, чему я отдалъ всю свою душу.

Этой мысли неизмѣнно держалась она и потомъ во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ въ долгiе часы, которыхъ было такъ много, съ минуты окончанiя моей активной дѣятельности. Сидѣли ли мы въ полуразрушенныхъ стѣнахъ нашей еще непокинутой квартиры въ министерствѣ финансовъ, въ теченiе недѣли, предшествовавшей нашему выѣзду оттуда, старались ли мы поскорѣе наладить новую жизнь въ новыхъ условiяхъ, отводили ли мы душу подъ небомъ Италiи, уѣхавши туда на короткiй срокъ, чтобы отойти отъ первыхъ впечатлѣнiй, или стали, наконецъ, вести нашу замкнутую, но совершенно спокойную жизнь на Моховой, въ качествѣ безотвѣтственныхъ свидѣтелей совершашихся мiровыхъ событiй, она твердила одну и ту же мысль, что на все воля Божiя, и что Господь все устраиваетъ къ лучшему, выводя меня изъ той обстановки, въ которой я все равно не могъ бы уцѣлѣть, потому что одинъ въ полѣ не воинъ. Въ первую минуту намъ было не до по-

дробныхъ разговоровъ. Мнѣ нужно было немедленно распорядиться насчетъ засѣданія Государственнаго Совѣта, просить поѣхать вмѣсто меня моего Товарища І. І. Новицкаго, объяснивши ему въ чемъ дѣло, и подѣлиться новостью съ моими ближайшими сотрудниками. Разнеслась эта вѣсть по Министерству Финансовъ, да и по всему Петербургу съ величайшею быстротою.

Не хочется самому говорить про себя, чтобы не впасть въ какое-нибудь преувеличеніе, но, вспоминая эти первые два дня, среду и четвергъ 28-го и 29-го января, приходится добросовѣстно сказать, что потрясеніе, пережитое Министерствомъ Финансовъ, было поистинѣ ошеломляющее. Не говоря уже о ближайшихъ моихъ сотрудникахъ, двухъ моихъ адъютантахъ и секретарѣ, которыхъ я же долженъ былъ успокаивать и поддерживать, мой прежній кабинетъ превратился для меня въ настоящую Голгофу. Его двери почти не запирались, и ко мнѣ приходили всѣ, кто былъ мнѣ близокъ по Министерству, и мнѣ же приходилось успокаивать и ободрять ихъ, сохраняя внѣшнее самообладаніе, которое далеко не отвѣчало моему внутреннему душевному состоянію.

Отмѣчу только, что за первые два дня всего больше пришлось видѣться съ 3-мя моими товарищами: Новицкимъ, Веберомъ и Покровскимъ, которые въ самой трогательной формѣ просили меня не оставлять ихъ въ Министерствѣ Финансовъ и помочь имъ перейти въ Государственный Совѣтъ. Они заявили мнѣ при этомъ, что если бы это не оказалось возможнымъ, то они просятъ устроить ихъ хотя бы въ Сенатъ, и, въ крайнемъ случаѣ готовы выйти совсѣмъ въ отставку, т. к. рѣшительно не въ состояніи продолжать работу въ Министерствѣ Финансовъ при измѣнившихся условіяхъ. Они не знали еще, говоря со мною, о томъ, въ какой необычной для вѣдомства формѣ состоялась смѣна ихъ начальника. Эту сторону дѣла разъяснилъ рескриптъ на имя Барка, съ которымъ я познакомился только въ пятницу утромъ, 30-го января, ѣдучи въ Царское Село съ моимъ «послѣднимъ» докладомъ. Въ четвергъ, 29-го января, поздно вечеромъ мы сидѣли съ женой въ кабинетѣ, разбирая бумаги, письма, книги, уничтожая одни, сортируя другія и готовясь покидать насиженное мѣсто.

Курьеры были давно отпущены, огни въ пріемной по старому обычаю потушены, и мы собирались даже расходиться, какъ пришелъ швейцаръ Максименко и сказалъ, что пріѣхалъ фельдъегерь отъ Танѣева. Онъ передалъ мнѣ Высочайшій рескриптъ о моемъ увольненіи и поздравилъ съ Монаршею милостью, возве-

деніемъ въ Графское достоинство. Отпустивши фельдъ-егеря, я передалъ женѣ эту новость, произведшую на нее глубокое впечатлѣніе. Не малаго труда стоило мнѣ успокоить жену въ охватившемъ ее волненіи. Отлично понимая, что мнѣ оказано Государемъ исключительное вниманіе и сдѣлана особая оцѣнка моего долголѣтняго труда, она выразила свое отношеніе словами: «ну какая я графиня» и «зачѣмъ тебѣ, имѣвшему незапятненное имя Владиміра Николаевича Коковцова, носить такой титулъ, когда вся твоя жизнь была проникнута особою скромностью».

Это пожалованіе указало мнѣ сразу — кто былъ въ курсѣ того, что касалось моего удаленія, кто зналъ всѣ подробности подготовлявшейся моей отставки, и мѣрялъ меня на свой аршинъ. Я разомъ сопоставилъ эту, несомнѣнно, высокую милость, оказанную мнѣ, съ тѣмъ намекомъ, который за 3 дня передъ тѣмъ, разставаясь со мной, сдѣлалъ Кривошеинъ.

Я пережилъ, конечно, еще одну тяжелую и тревожную ночь. Предстоящая послѣдняя аудіенція у Государя невольно ложилась тяжелымъ гнетомъ на мою душу, а напряженные нервы подсказывали мнѣ, что эта аудіенція не обойдется безъ большихъ душевныхъ волненій. Передъ моимъ выѣздомъ въ Царское Село съ 10-ти часовымъ поѣздомъ, я прочиталъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» рядомъ съ моимъ рескриптомъ еще два рескрипта — одинъ на имя Горемыкина, назначеннаго Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, а другой на имя П. Л. Барка, назначеннаго Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ. Этотъ послѣдній скажу, не выбирая выраженій, глубоко взволновалъ меня. Мнѣ сразу бросились въ глаза всѣ отрицательныя стороны состоявшагося увольненія, какъ и вся непослѣдовательность въ поступкахъ тѣхъ, кто были вдохновителями и проводниками веденной противъ меня интриги. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ, на столбцахъ одного и того же официальнаго органа появились два рѣзко противоположныхъ одинъ другому акта. Однимъ, подписаннымъ далеко не заурядными и не часто встрѣчающимися словами «искренно уважающій Васъ и благодарный», — меня увольняютъ отъ двухъ занимаемыхъ мною должностей, «уступая будто бы моей настойчивой» просьбѣ, справдываемой разстроеннымъ здоровьемъ, — каковой просьбы я никогда не заявлялъ ни письменно, ни на словахъ. Тѣмъ же актомъ мнѣ оказываютъ величайшую почесть возведеніемъ меня, человѣка скромной жизни и привычекъ, въ Графское достоинство, удостовѣряютъ на весь міръ оказанныя мною родинѣ услуги и выражаютъ надежду на то, что и впредь, въ трудныхъ условіяхъ жизни, будутъ всегда пользо-

ваться моимъ опытомъ и знаніемъ. А — рядомъ съ этимъ рескриптомъ, другимъ, на имя моего преемника по Министерству Финансовъ, рѣшительно осуждается вся моя дѣятельность и даже все ея направленіе.

Этотъ второй актъ содержалъ въ себѣ поистинѣ глубоко прискорбныя мысли, если только оцѣнить спокойно то, что рескриптъ дарованъ Государемъ на 20-мъ году царствованія. Посѣщеніе немногихъ мѣстъ Имперіи, въ особенности во время торжественнаго путешествія по Волгѣ отъ Нижняго Новгорода до Ярославля, или въ предѣлахъ Владимірской губерніи, привели Государя къ заключенію о томъ, что Россія полна раскрытыми крестьянскими избами и являетъ признаки безспорной нищеты. Эти картины убѣдили и въ томъ, что корень зла кроется въ народномъ пьянствѣ, и изъ этого убѣжденія послѣдовалъ выводъ о невозможности строить обогащеніе казны на народномъ порокѣ, какъ и о необходимости принять рѣшительныя мѣры къ борьбѣ съ народнымъ порокомъ. Ни за 13 лѣтъ управленія финансами Гр. Витте не давалось никакихъ указаній на счетъ сокращенія пьянства, ни въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ моего управленія не только не было указываемо на то, что моя дѣятельность поощряетъ развитіе народнаго бѣдствія, но при неоднократныхъ бесѣдахъ, которыхъ я былъ удостоенъ въ связи съ законопроектомъ Государственной Думы о мѣрахъ борьбы противъ пьянства, постоянно говорилось совершенно открыто, что одни полицейскіе запреты, одно сокращеніе числа мѣстъ торговли какъ и мысли измѣненій въ духѣ рецепта депутата Челышева не спасутъ положенія и приведутъ только къ вопіющимъ злоупотребленіямъ и углубленію порока. Тогда не было еще, правда, и печальнаго опыта насажденія трезвости однѣми мѣрами полицейскаго воздѣйствія, запрета, да непосильною борьбою съ неизвѣстнымъ еще тогда явленіемъ контрабанды спиртомъ въ Америкѣ. Достойно вниманія, однако, и то, что едва недѣлю спустя послѣ моего увольненія, при случайной бесѣдѣ съ Ермоловымъ, когда послѣдній упомянулъ Государю о дикихъ выступленіяхъ Гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ противъ пьянства, Государь, не обинуясь, сказалъ Ермолову, что Онъ отлично понимаетъ всю цѣну этого выступленія и не менѣе ясно даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что никакіе крики «караулъ» не помогутъ народному горю, а что нужно народъ учить, помогать ему богатѣть и развивать въ немъ самомъ трудовые инстинкты и стремленіе къ накопленію достатка.

Этотъ небольшой эпизодъ лучше всего характеризуетъ истин-

ную цѣну тѣхъ вѣяній, которыя нашли себѣ мѣсто въ рескриптѣ Барку.

Не меньшею болью въ моемъ сердцѣ звучали и другія положенія въ томъ же рескриптѣ. Въ немъ говорится о необходимости развивать производительныя силы страны, недостаточно обезпеченныя соотвѣтственными мѣрами Правительства и столь же рѣзко выставлено положеніе о томъ, что народный кредитъ у насъ не организованъ и совершенно не доступенъ громадной массѣ населенія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ за одни послѣднія 8 лѣтъ съ 1906 по 1914 г. г. его развитіе было по истинѣ исключительнымъ, даже просто сказочнымъ.

Словомъ, не нужно было быть ни придирчивымъ, ни стараться читать между строкъ, чтобы придти къ заключенію, что весь рескриптъ на имя Барка есть прямое осужденіе меня, и такъ онъ былъ понятъ безспорно всѣми, въ комъ сохранилось чувство спокойной и безпристрастной критики. Но для всѣхъ было ясно и другое — рескриптъ на имя Барка отразилъ на себѣ не мысли Государя, а вліяніе тѣхъ, кто предложилъ ихъ, какъ внѣшнее оправданіе моего увольненія.

Съ тяжелымъ чувствомъ вошелъ я въ пріемную Государя и послѣ минутнаго ожиданія въ ней — въ Его кабинетъ. Никогда не изгладятся изъ моей памяти тягостныя минуты, проведенныя въ этомъ кабинетѣ на этотъ разъ, когда съ такой наглядностью передо мною встала картина всего прошлаго, трудное положеніе Государя среди всевозможныхъ вліяній безотвѣтственныхъ людей, зависимость подчасъ крупныхъ событій отъ случайныхъ явленій. Когда я вошелъ въ кабинетъ, Государь, только что вернувшійся съ прогулки, быстро подошелъ ко мнѣ на встрѣчу, подалъ мнѣ руку и не выпуская ея изъ своей руки стоялъ молча, смотря мнѣ прямо въ глаза. Я тоже молчалъ и боялся, что не сумѣю вполнѣ совладать съ собою при первомъ же словѣ.

Не берусь опредѣлить сколько времни тянулось это тягостное молчаніе, но кончилось оно тѣмъ, что Государь, все держа мою руку, вынулъ лѣвой рукой платокъ изъ кармана, и изъ Его глазъ просто полились слезы. Я крѣпился сколько могъ и, желая прервать тягостное молчаніе, сказалъ Ему первую фразу, съ которой началась наша бесѣда. Я записалъ ее потомъ дословно какъ и всю нашу бесѣду и воспроизвожу ее по сохранившемуся у меня тексту. «Мнѣ очень тяжело, Ваше Императорское Величество, что я являюсь причиной такого Вашего волненія. Я никогда не хотѣлъ ничѣмъ огорчить Васъ, и мнѣ больно видѣть, что принятое Вами рѣшеніе вызываетъ въ Васъ такое волненіе. Съ Вашего

дозволенія я пришелъ проститься съ Вами и прошу Васъ, по русскому обычаю, не поминать меня лихомъ. Если я чѣмъ-либо не угодилъ Вамъ, простите меня и повѣрьте тому, что я Вамъ служилъ всѣми силами моего разумѣнія и всею моею безграничною Вамъ преданностью. Повѣрьте и тому, что я сохраню память о 10-ти годахъ, когда я былъ Вашимъ докладчикомъ, подчасъ среди величайшихъ трудностей, — какъ о счастливѣйшей порѣ моей жизни. Моя благодарность къ Вамъ за неизмѣнную милость ко мнѣ никогда не изгладится изъ моей души». Овладѣвши собою, Государь обнялъ меня, два раза поцѣловалъ меня и сказалъ мнѣ: «Какъ могу я Васъ поминать лихомъ! Я знаю Вашу любовь ко мнѣ, Вашу горячую преданность Россіи и хотѣлъ доказать это тѣмъ высокимъ отличіемъ, которое я Вамъ пожаловалъ. Я надѣюсь, что мы разстаемся съ Вами друзьями». — Я сказалъ на это Государю, что пожалованное мнѣ отличіе меня глубоко смущаетъ, потому что ни я, ни моя жена, мы никода не жили той внѣшнею жизнью, для которой графское достоинство могло бы имѣть соотвѣтственную цѣну. Я родился сыномъ не богатаго, служилаго дворянина, предки мои почти три вѣка честно служили своимъ Государямъ на скромныхъ должностяхъ, внѣ столицы, и я хотѣлъ умереть, неся просто имя, переданное мнѣ ими.

Государь меня опять обнялъ и сказалъ, что этимъ пожалованіемъ Онъ хотѣлъ на весь свѣтъ — ибо меня знаетъ не одна Россія, но и вся Европа — показать, какъ высоко цѣнитъ Онъ мою службу, и устранить всякіе поводы для какихъ бы то ни было умозаключеній.

Эти послѣднія слова дали мнѣ право коснуться моихъ болѣзненныхъ утреннихъ размышленій.

Испросивши разрѣшенія Государя говорить въ послѣдній разъ съ полною откровенностью, я сказалъ буквально слѣдующее: «Ваше Величество, я не достоинъ, повторяю, пожалованнаго мнѣ званія, въ особенности потому, что это пожалованіе сопровождается одновременнымъ осужденіемъ моей дѣятельности. Вы изволили мнѣ, Вашему скромному подданному, дать то званіе, которое было всегда символомъ признанія исключительныхъ государственныхъ заслугъ или выраженіемъ Вашей личной близости къ пожалованному. Вы пожаловали Графомъ Д. М. Сольскаго, въ день его 50-ти лѣтняго юбилея, и вся Россія понимала, что этотъ въ прямомъ смыслѣ государственный мужъ вполнѣ заслужилъ столь высокое званіе. Вы пожаловали это званіе Ст. Секр. Витте, когда ему удалось завершить Японскую войну Портсмут-

скимъ договоромъ. Вы воздали тѣмъ же способомъ дань Вашего личнаго уваженія самому приближенному Вамъ сановнику Министру Императорскаго Двора Фредериксу въ день Романовскаго юбилея и теперь поставили меня на одну высоту съ ними, но вмѣстѣ съ тѣмъ Вы открыто осудили всю мою дѣятельность въ рескриптѣ на имя Барка».

На лицѣ Государя выразилось, какъ мнѣ показалось, совершенно искреннее недоумѣніе и, не удерживая слезъ, которыми все еще были полны его глаза, Онъ сказалъ мнѣ: «Какъ могли Вы принять рескриптъ Барку за осужденіе Вашей дѣятельности, которую я такъ отличилъ» и , пригласивши меня сѣсть на обычное мѣсто къ письменному столу, предложилъ мнѣ спокойно объяснить мою мысль.

Я исполнилъ это, передавши самымъ сдержаннымъ и почтительнымъ тономъ все сопоставленіе 2-хъ рескриптовъ, тѣмъ болѣе, что я успѣлъ уже вполнѣ овладѣть собою. Когда я кончилъ, Государь, смотря мимо меня, сказалъ мнѣ слѣдующую фразу, также записанную мною, какъ и вся ауденція, по свѣжей памяти: «Вы правы, Я не подумалъ о томъ, что два рескрипта, поставленные рядомъ, вызовутъ невольно на сопоставленіе, а люди всегда склонны дѣлать дурные выводы. Мнѣ слѣдовало просто назначить Барка Министромъ Финансовъ и уже нѣсколько времени спустя преподать ему мои указанія, да и то въ иной формѣ, чтобы они не имѣли осужденія Вашей дѣятельности, вѣдь я всегда былъ такъ Вами доволенъ и такъ дорожилъ Вашею прямотою. Мнѣ съ Вами было такъ легко работать, потому что я могъ Вамъ сказать все безъ малѣйшихъ стѣсненій и зналъ, что получу всегда откровенный и прямой отвѣтъ. Вы правы, что я ни разу ни по какому поводу не осудилъ Васъ и только отличалъ Васъ за всѣ 10 лѣтъ, какъ самого ревностнаго и даже любимаго Моего сотрудника и, конечно мнѣ слѣдовало задуматься надъ каждымъ словомъ Моего рескрипта Барку».

Эти слова въ связи съ послѣдующимъ разъясненіемъ служатъ прекрасной иллюстраціей какъ характера Государя, такъ и условій составленія отнынѣ знаменитаго рескрипта Барку.

Мы перешли затѣмъ къ болѣе спокойной бесѣдѣ, ключомъ къ которой послужили очень милостивыя слова Государя сказанныя тѣмъ чарующимъ, по своей теплотѣ, тономъ, который всегда былъ свойственъ Ему, когда Онъ желаетъ кому-либо оказать особое вниманіе. — «На дняхъ будетъ 10 лѣтъ Вашему управленію Министерствомъ Финансовъ и въ эти 10 лѣтъ много мѣсяцевъ надо сосчитать, каждый, за годъ. Вы имѣли полное право устать,

а между тѣмъ никогда Вы сами не говорили о своемъ утомленіи, хотя Я видѣлъ часто по Вашему лицу, насколько Вы были измучены, и все боялся, что Вашихъ силъ не хватитъ. Воспользуйтесь теперь Вашей свободой и отдохните хорошенько».

Я счелъ себя въ правѣ воспользоваться этими словами и, зная хорошо характеръ Государя и давая себѣ ясный отчетъ въ томъ, что только сейчасъ я могу коснуться самаго щекотливаго вопроса, до котораго потомъ нельзя будетъ и дотронуться, я сказалъ: «Я не нуждаюсь въ отдыхѣ, Ваше Императорское Величество, и скажу Вамъ по чистой совѣсти, что я его даже хотѣлъ бы избѣгнуть. Съ той поры, что я себя помню, я былъ въ полномъ смыслѣ слова поденщикомъ, который никогда не жилъ своей личной жизнью, а проводилъ все время въ трудѣ, не спрашивая никогда, что̀ я сегодня буду дѣлать, а только какъ я успѣю исполнить все, что нужно, потому что слѣдующій день дастъ новыя заботы. У меня нѣтъ ни особыхъ вкусовъ, ни такой склонности, которая заполнила бы мое непривычное бездѣйствіе. Семьи, поглощающей мои заботы, у меня также нѣтъ, потому что моя единственная дочь заграницей, а намъ съ женой трудно создать новую жизнь, послѣ той кипучей дѣятельности, которая унесла болѣе половины всей моей жизни. У меня, несмотря на мое глубокое разочарованіе во многомъ, не изсякъ интересъ къ вопросамъ Государственной жизни, и я едва ли найду призваніе въ томъ, въ чемъ могло бы искать большинство моихъ сверстниковъ — въ личной жизни. Жить для собственнаго удовольствія или заботиться только о своемъ здоровьи, я никогда не умѣлъ, и теперь, когда у меня нѣтъ болѣе того, чему отдать всѣ мои силы, я стою на распутьи, не зная въ чемъ я найду цѣль для остатка моей жизни».

Смотря мнѣ все время упорно въ глаза, Государь замѣтилъ мнѣ: «развѣ это такъ трудно найти новое дѣло; у Васъ огромный опытъ, большія способности и мало ли что можетъ еще представиться въ жизни».

Быть можетъ мнѣ слѣдовало не продолжать дальше этого разговора, но я рѣшился довести мою мысль до конца и, припомнивъ Государю то, что Онъ предлагалъ мнѣ еще недавно принять мѣсто посла въ Берлинѣ, а также дошедшія еще такъ недавно до него свѣдѣнія о не вполнѣ нормальномъ положеніи нашего посла Извольскаго въ Парижѣ, о чемъ онъ даже говорилъ мнѣ по возвращеніи моемъ изъ-заграницы, я позволилъ себѣ, не выбирая выраженій, сказать Государю, что я былъ бы Ему безконечно благодаренъ, если бы Онъ счелъ возможнымъ воспользоваться мною

для какого-нибудь посольства заграницей, когда къ этому представится случай. Этимъ назначеніемъ Онъ избавилъ бы меня отъ перспективы праздной жизни и позволилъ бы мнѣ еще послужить родинѣ.

Видимо обрадованный этой мыслью, Государь сказалъ мнѣ, «такъ въ чемъ же дѣло, переговорите съ Сазоновымъ, и Я буду радъ и счастливъ, если представится комбинація, которая Васъ устроитъ, и дастъ Мнѣ случай вернуться къ Моей же недавней мысли. До Меня дѣйствительно уже не разъ доходили слухи, что у Извольскаго не вполнѣ ладно въ Парижѣ». Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что изъ этого разрѣшенія не вышло, однако, ровно ничего, и мои опасенія, что надъ моею дѣятельностью поставленъ крестъ, были совершенно основательны.

Поблагодаривъ Государя за столь милостивое ко мнѣ отношеніе, я обратился къ Нему съ моимъ почтительнымъ ходатайствомъ объ устройствѣ судьбы моихъ 3-хъ товарищей Новицкаго, Вебера и Покровскаго. Въ горячихъ выраженіяхъ, я аттестовалъ ихъ службу и ходатайствовалъ передъ Его Величествомъ о назначеніи ихъ въ Государственный Совѣтъ, на что уже М. Г. Акимовъ изъявилъ свое предварительное согласіе. Продолжая меня слушать все съ тѣмъ же вниманіемъ, Государь остановилъ меня даже въ одномъ мѣстѣ моего доклада именно въ томъ, когда я доложилъ ему, что это моя послѣдняя просьба, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Фнансовъ, и сказалъ мнѣ: «зачѣмъ Вы такъ говорите, Владиміръ Николаевичъ, Вашу просьбу Я всегда исполню, но какъ же обойдется Баркъ безъ такихъ опытныхъ сотрудниковъ, какъ Ваши бывшіе товарищи». Я предложилъ Его Величеству утвердить ихъ назначеніе, но повелѣть имъ продолжать свои занятія по Министерству Финансовъ до тѣхъ поръ, когда Баркъ найдетъ имъ достойныхъ преемниковъ, и постарался разсѣять сомнѣнія Государя, главнымъ образомъ, тѣмъ соображеніемъ, что для новаго курса требуется новые люди, и что самому Барку гораздо выгоднѣе имѣть товарищами людей по его собственному выбору, вмѣсто того, чтобы располагать сотрудничествомъ прежнихъ людей, привыкшихъ къ извѣстной рутинѣ и не способныхъ уже приспособляться къ совершенно новымъ требованіямъ.

Впослѣдствіи я слышалъ, что эта горячая защита моихъ бывшихъ товарищей и настойчивое ходатайство въ ихъ пользу повредило мнѣ въ глазахъ Государя, т. к. нашлись доброжелатели, которые истолковали это какъ желаніе затруднить положеніе моего премника и изъять изъ вѣдомства наиболѣе дѣятельныхъ

и талантливыхъ работниковъ. Я не хочу подробно останавливаться на томъ, какъ несправедливо это заявленіе. Помочь моимъ товарищамъ я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ тѣмъ болѣе, что и безъ моего содѣйствія они не остались бы на своихъ мѣстахъ. А другихъ талантливыхъ работниковъ я не только не устраивалъ и не сманивалъ изъ Министерства Финансовъ, я самъ уговаривалъ ихъ даже не бросать любимаго дѣла. Е. Д. Львовъ рѣшилъ уйти изъ Министерства въ силу семейныхъ и матеріальныхъ соображеній, Л. Ф. Давыдовъ имѣлъ въ карманѣ контрактъ съ Русскимъ для Внѣшней Торговли Банкомъ, еще въ бытность мою въ Парижѣ, осенью 1913 г., и только склонился на мою просьбу остаться въ Министерствѣ до моего ухода. А. В. Коншинъ искалъ выхода изъ банка за 2 года до моего увольненія, также по соображеніямъ матеріальнаго порядка, а въ день назначенія Барка сказалъ мнѣ просто, что онъ уйдетъ во что бы то ни стало, и куда бы то ни было, потому, что служить подъ его начальствомъ онъ просто не можетъ. Наконецъ, Г. Д. Дементьевъ на всѣ мои уговоры не покидать Министерства сказалъ то же самое, что Коншинъ, прибавивъ только, что составилъ 26 росписей и прослуживъ всю жизнь при Министрахъ, которые понимали государственное счетоводство и изучили его, онъ не можетъ оставаться подъ начальствомъ новаго человѣка, не подготовленнаго къ тому дѣлу, которымъ онъ призванъ руководить.

По моему же уговору Дементьевъ согласился остаться до окончанія бюджета въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ и, навѣстивши меня уже въ іюнѣ 1914-го года, сказалъ мнѣ просто: «За 5 мѣсяцевъ послѣ Вашего ухода, я усталъ больше, чѣмъ за всѣ годы службы въ Деп. Казначейства. Совмѣстная работа съ новымъ Министромъ мнѣ не подъ силу. У него нѣтъ времени изучить новое для него дѣло, да мнѣ кажется, что и общія условія теперь совершенно не благопріятствуютъ этому».

Затѣмъ быстро прошелъ мой послѣдній докладъ по текущимъ вопросамъ, всѣ доложенныя мною дѣла были рѣшены утвердительно, ни одно изъ нихъ не вызвало ни малѣйшихъ замѣчаній и не послужило поводомъ къ привычному за 10 лѣтъ обмѣну мыслей. Я собирался уже было встать съ моего мѣста, чтобы откланяться, когда Государь остановилъ меня движеніемъ руки и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «въ письмѣ моемъ къ Вамъ Я упомянулъ, что Я принимаю на себя заботу о Васъ и о Вашей семьѣ. Надѣюсь, что Вы замѣтили это и прошу Васъ сказать совершенно откровенно — удовлетворитъ ли Васъ

если Я Вамъ назначу 200 или 300 тысячъ рублей въ видѣ единовременной выдачи». Меня эти слова опять глубоко взволновали, опять въ душѣ быстро прошла болѣзненная мысль о томъ, какъ мало узналъ меня Государь за 10 лѣтъ постоянныхъ сношеній со мною и какъ тягостно въ такую минуту мнѣ думать и говорить о моемъ собственномъ матеріальномъ благополучіи. Замѣтилъ ли это Государь, или лицо мое отразило волненіе, но, протянувши руку черезъ столъ и положивъ ее на мою руку, Онъ сказалъ особенно теплымъ голосомъ: «сколько милліоновъ прошло черезъ Ваши руки, Владиміръ Николаевичъ, какъ ревностно оберегали Вы интересы казны, и неужели Вы испытываете какую-нибудь неловкость отъ моего предложенія?»

Справившись съ собою, я отвѣтилъ Государю слѣдующими словами, которыя я также воспроизвелъ у себя дома тотчасъ по моемъ возвращеніи и записываю теперь особенно точно, потому что этотъ эпизодъ послужилъ впослѣдствіи поводомъ къ всевозможнымъ пересудамъ и, повидимому, былъ причиною крайне невыгодныхъ сужденій обо мнѣ, въ самомъ близкомъ окруженіи Государя.

«Повѣрьте мнѣ, Ваше Императорское Величество, что въ такую минуту, какъ та, которую я переживаю, давая себѣ ясный отчетъ, что я имѣю счастье можетъ быть въ послѣдній разъ говорить съ Вами, никто не имѣетъ права скрывать сокровенныя мысли. Я безгранично благодаренъ Вашему Величеству за Ваши великодушныя заботы о моей семьѣ, но прошу Васъ, какъ милости, разрѣшить мнѣ не воспользоваться Вашимъ великодушнымъ предложеніемъ». И замѣтивъ на лицѣ Государя выраженіе не столько неудовольствія, сколько удивленія, я продолжалъ: «не судите меня, Государь, строго и посмотрите съ Вашей всегдашней снисходительностью на мои слова; они идутъ изъ глубины души и проникнуты чувствомъ самаго полнаго благоговѣнія передъ Вами. Припомните, Ваше Величество, что за всѣ 10 лѣтъ моей службы при Васъ въ должности Министра Финансовъ я никогда не позволилъ себѣ утруждать Ваше Величество какими бы то ни было личными моими дѣлами. Я считалъ своей обязанностью за всю мою службу избѣгать укора въ томъ, что я пользовался ею въ личныхъ моихъ выгодахъ. Я не выдвинулъ никого изъ моихъ близкихъ и старался какъ можно больше удалять отъ службы все личное. Сколько разъ утруждалъ я Ваше Императорское Величество самыми настойчивыми докладами о необходимости отклонять домогательства частныхъ лицъ, иногда весьма высокопоставленныхъ, простиравшихъ свои притязанія на сред-

ства казны, и въ большинствѣ этихъ случаевъ я былъ счастливъ оказаннымъ мнѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ довѣріемъ. Благоволите припомнить, Государь, какъ многочисленны были эти домогательства первые годы моей службы на посту Министра Финансовъ, и какъ громки были осужденія меня за мою настойчивость въ охраненіи казны. Еще двѣ недѣли тому назадъ, въ этомъ самомъ кабинетѣ я представилъ Вашему Императорскому Величеству на отклоненіе ходатайство лично Вамъ извѣстныхъ двухъ просителей, о выдачѣ имъ 200.000 рублей на уплату ихъ долговъ, и Ваше Величество милостиво замѣтили мнѣ, что я совершенно правъ и что нельзя поправлять казенными деньгами частныя дѣла. И послѣ того, какъ я покинулъ отвѣтственную должность Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ, на меня посыпятся всевозможныя нареканія, если я воспользуюсь Вашею милостью. Меня, лишеннаго власти и вліянія, станутъ обвинять во всевозможныхъ ошибкахъ, даже и такихъ, которыхъ я не совершалъ. На мою голову посыплются самыя разнообразныя осужденія, на которыя я лишенъ буду возможности отвѣтить, и мнѣ хотѣлось бы только въ одномъ отношеніи не услышать укора — именно, что я воспользовался когда-либо милостью моего Государя съ личными матеріальными цѣлями. И отказывая въ помощи казны другимъ, я услышу, что про меня скажутъ, что я пріобрѣлъ самъ крупное состояніе на Государственной службѣ.

«Люди, Ваше Величество, злы, и никто не повѣритъ, что движимые Вашимъ великодушнымъ порывомъ Вы изволили Сами позаботиться о судьбѣ Вашего слуги. Всякій скажетъ, что я злоупотребилъ Вашею добротою и выпросилъ себѣ крупную денежную сумму въ минуту моего увольненія. Человѣкомъ безъ средствъ вступилъ я на постъ Министра Финансовъ и такимъ же хотѣлось бы мнѣ покинуть этотъ постъ 10 лѣтъ спустя. Я убѣдительно прошу Ваше Величество оказать мнѣ милость не прогнѣваться на меня. Вмѣсто выдачи мнѣ такой большой суммы, благоволите при докладѣ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта о вопросѣ и размѣрѣ моего содержанія назначить мнѣ такой окладъ, который далъ бы мнѣ возможность безбѣдно существовать, и я буду всегда благодарно помнить, какъ велика была Ваша милость ко мнѣ при освобожденіи меня отъ отвѣтственныхъ должностей».

Какъ отнесся Государь въ глубинѣ своей души къ моимъ словамъ, объ этомъ трудно мнѣ судить, но все время, что я докладывалъ, Онъ не сводилъ съ меня глазъ, они были снова полны

слезъ, и, видимо, волнуясь, Онъ сказалъ мнѣ только: «ну что же дѣлать. Я долженъ подчиниться Вашему желанію и вполнѣ понимаю почему Вы такъ поступаете. Мнѣ не часто приходилось встрѣчаться съ такими явленіями. Меня всѣ просятъ о помощи, даже и тѣ, кто не имѣетъ никакого права, а Вы вотъ отказываетесь, когда я Самъ Вамъ предложилъ!»

Государь замолчалъ; молчалъ и я, и, видимо, настала пора прекратить эту томительную аудіенцію. Государь вышелъ изъ-за стола, обошелъ кругомъ него, подошелъ ко мнѣ близко, взялъ меня за руку, и, смотря на меня опять глазами полными слезъ, сказалъ мнѣ: «Скажите же мнѣ еще разъ, Владиміръ Николаевичъ, у Васъ нѣтъ ко мнѣ чувства вражды?» Я отвѣтилъ Ему на это: «нѣтъ, Ваше Величество, вражды у меня нѣтъ, и быть не можетъ; я Вамъ служилъ всею правдою и покидаю Васъ сейчасъ только съ однимъ чувствомъ глубокой скорби, что я Вамъ больше не нуженъ». Государь еще разъ меня обнялъ, я поцѣловалъ Ему руку, а Онъ еще разъ поцѣловалъ меня въ губы, прибавивши: «такъ разстаются друзья». На этомъ кончилась моя прощальная аудіенція.

Я забылъ отмѣтить еще, что послѣ доклада Государя, моего ходатайства за 3-хъ моихъ товарищей и до перехода къ очередному докладу, я просилъ Государя уволить меня и отъ званія члена Финансоваго Комитета. Государь сначала колебался и спросилъ меня, почему я желаю покинуть и этотъ комитетъ. Я доложилъ Ему, что съ увольненіемъ отъ должности Министра Финансовъ, мнѣ лучше всего удалиться отъ всякой дѣятельнести по финансовому вѣдомству. Я сказалъ Государю, что Предсѣдатель Комитета Гр. Витте открыто настроенъ противъ меня, что послѣ его выступленій противъ меня въ газетахъ по желѣзнодорожному вопросу и въ Государственномъ Совѣтѣ по питейному, я избѣгаю съ нимъ встрѣчаться, чтобы не давать повода къ какимъ-либо столкновеніямъ, что мнѣ стало случайно извѣстно предположеніе новаго Министра Финансовъ пригласить въ Финансовый Комитетъ такихъ лицъ какъ Рухловъ, Кривошеинъ и Никольскій, открыто проповѣдующихъ такіе финансовые взгляды, которые діаметрально противоположны моимъ, и которые я считаю безусловно вредными и, что, оставаясь въ комитетѣ, я по необходимости могу войти въ противорѣчіе съ другими членами, и тогда явится невольно предположеніе о томъ, что я возражаю только потому, что я перестанъ быть Министромъ Финансовъ. Государь сказалъ мнѣ на это: «къ сожалѣнію, Вы совершенно правы, и Я не могу Вамъ мѣшать въ исполненіи Вашего желанія».

Такъ кончилась моя деятельность и по комитету финансовъ, въ который я вступилъ по инициативѣ покойнаго Гр. Сольскаго 3-го февраля 1904-го года вмѣстѣ съ покойнымъ Шванебахомъ, всего за 2 дня до назначенія меня управляющимъ Министерствомъ Финансовъ. Съ Гр. Сольскимъ тогда былъ солидаренъ и Гр. Витте, который тогда сказалъ мнѣ: «ну вотъ мы опять съ Вами вмѣстѣ въ одномъ близкомъ намъ обоимъ дѣлѣ», и тотъ же Гр. Витте, ровно 10 лѣтъ спустя, явился единственною причиною моего выхода изъ Финансоваго Комитета.

Вернувшись домой, я, по обыкновенію, передалъ всѣ подробности женѣ, и мнѣ было отрадно видѣть насколько она раздѣлила правильность моего поступка насчетъ денегъ. Мы условились не говорить объ этомъ рѣшительно никому, и единственный человѣкъ, который узналъ о томъ, былъ Я. И. Утинъ, давшій, однако, слово не разсказывать никому. Но уже на слѣдующій день съ вечера объ этомъ узналъ буквально весь городъ. — Разнесъ эту вѣсть покойный Великій Князь Николай Михайловичъ, пріѣхавшій въ Яхтъ-Клубъ прямо изъ Царскаго Села, — гдѣ ему передалъ объ этомъ лично Государь. Мнѣ не извѣстны, конечно, комментаріи, съ которыми передана была эта вѣсть Великимъ Княземъ, но сначала общее сочувствіе было на моей сторонѣ; многіе находили даже, что я не могъ поступить иначе. Но затѣмъ постепенно стали просачиваться и другіе взгляды. Одни стали говорить, что я популярничаю, другіе, что я поступилъ дерзко по отношенію къ Государю, и что я такимъ образомъ Его оскорбилъ. Третьи, — что я поступилъ просто глупо, т. к. никто не отказывается отъ денегъ и связанныхъ съ ними удобствъ жизни. Говорили мнѣ даже потомъ, что этимъ я окончательно возстановилъ Государя противъ себя, — но такъ ли все это на самомъ дѣлѣ, я рѣшительно не имѣлъ возможности узнать, несмотря на всѣ попытки возстановить истину въ этомъ вопросѣ. Думаю, однако, и сейчасъ, что мои доброжелатели легко могли воспользоваться этимъ фактомъ, какъ впрочемъ и всякимъ другимъ, чтобы представить меня Государю неблагодарнымъ, фрондирующимъ, заискивающимъ у толпы и т. п. Я увѣренъ, однако, что лично въ Государѣ не осталось по этому поводу никакого неудовольствія.

Тотъ же день — пятница, 30-го января — ознаменовался еще однимъ инцидентомъ. Я сдѣлалъ ему тотчасъ же подробную запись, которая долго хранилась у меня, и которую я воспроизвелъ здѣсь, однако, только въ одной ея части, выпуская все, что имѣло личный характеръ. Въ 3 часа дня ко мнѣ пріѣхалъ но-

вый управляющій Министерствомъ Финансовъ — Баркъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ весьма смущенный и заявилъ, что пришелъ въ день своего назначенія, чтобы поздравить меня съ великой Монаршей милостью, выразилъ мнѣ глубочайшее свое уваженіе, которое онъ питаетъ ко мнѣ еще съ того времени, когда онъ былъ моимъ подчиненнымъ въ качествѣ товарища Управляющаго Государственнымъ Банкомъ, и чтобы просить моей помощи и совѣта въ выпавшихъ на его долю, столь неожиданно, трудныхъ обстоятельствахъ.

Мы сѣли у большого письменнаго стола, и Баркъ началъ съ того, что назначеніе свалилось на него, какъ снѣгъ на голову, что онъ имъ смущенъ до послѣдней степени, что его страшатъ въ особенности непомѣрныя требованія Военнаго Министерства, и что его единственная надежда на мою доброжелательную помощь. Я поблагодарилъ его за лестное ко мнѣ отношеніе и попросилъ его разрѣшенія говорить съ нимъ также совершенно откровенно, такъ какъ въ моемъ положеніи совершенно безцѣльно вести дипломатическія бесѣды. Я сказалъ ему прежде всего, что его назначеніе не только не было для него неожиданностью, но подготовлялось издавна, и еще въ 1910-мъ году, когда онъ былъ назначенъ Товарищемъ Министра Торговли, всѣ говорили открыто, что Тимашевъ взялъ его не столько по собственному выбору, сколько потому, что на него указалъ покойному Столыпину Кривошеинъ, готовя въ немъ болѣе сговорчиваго чѣмъ я Министра Финансовъ въ будущемъ. Я прибавилъ еще, что для меня не составляютъ тайны его частые визиты къ Кн. Мещерскому, послѣ той помощи, которую оказалъ тотъ ему въ трудную минуту его жизни. Я перешелъ затѣмъ къ самой его просьбѣ о помощи и сказалъ: «зачѣмъ намъ играть въ прятки. Вы для этого слишкомъ умны и молоды, а я слишкомъ старъ и намъ гораздо проще говорить открыто, не вызывая никакихъ недоразумѣній». «Рескриптъ, данный на Ваше имя, сказалъ я, ясно говоритъ, что Вы должны дѣлать не то, что дѣлалъ я, — а прямо противоположное, и если Вы будете руководиться моими совѣтами, то несомнѣнно впадете въ противорѣчіе съ начертанною программою, а требовать отъ меня, чтобы я научился оберегать Васъ отъ моихъ же ошибокъ, значитъ быть слишкомъ жестокимъ ко мнѣ». Я далъ ему даже дружескій совѣтъ, какъ можно скорѣе эмансипироваться отъ моего вліянія и подобрать себѣ новый штатъ главныхъ сотрудниковъ, воспользовавшись той помощью, которую я ему оказалъ, испросивши назначенія Членами Государственнаго Совѣта по ихъ настоятельной просьбѣ — 3-хъ его товарищей. Я сказалъ

также, что желая облегчить его въ его новой дѣятельности и устранить самую мысль о томъ, что я могу ему быть въ чемъ-либо помѣхою, я просилъ Государя освободить и финансовый комитетъ отъ моего участія.

Эти два сообщенія были для него совершенно неожиданны, и онъ нашелся сказать лишь только одно: «Какъ же это такъ случилось разомъ». А затѣмъ опять перешелъ къ вопросу о трудности его положенія, о томъ, что онъ рѣшительно не знаетъ, какъ ему бороться противъ колоссальныхъ требованій Военнаго Министра, которыя могутъ привести его къ совершенно безвыходному положенію, и потому онъ и пришелъ къ необходимости искать опоры въ такихъ умудренныхъ опытомъ людяхъ, какъ — я. Но и на это повторное обращеніе ко мнѣ, я отвѣтилъ отказомъ, давъ этому отказу подробныя объясненія, которыхъ я не буду здѣсь воспроизводить.

Передъ тѣмъ, чтобы уйти отъ меня, Баркъ спросилъ меня, не могу ли я сказать ему, почему я ушелъ изъ Финансоваго Комитета и лишилъ его возможности знать мое мнѣніе хотя бы въ области дѣлъ разрѣшаемыхъ Комитетомъ. Я сказалъ ему также съ полною откровенностью, что этимъ моимъ шагомъ я не только не затруднилъ, но напротивъ того, облегчилъ его положеніе въ Комитетѣ, и увѣренъ, что и онъ, — будь онъ на моемъ мѣстѣ, поступилъ бы точно также. Я просилъ его припомнить то, о чемъ онъ былъ прекрасно освѣдомленъ, а именно о томъ, какими особенностями отличалось отношеніе ко мнѣ предсѣдателя Комитета, Гр. Витте, начиная съ возвращенія его изъ-за границы въ половинѣ сентября 1913 г. Не было тѣхъ ошибокъ, въ которыхъ не обвинялъ бы онъ меня, несмотря на то, что еще за 2—3 недѣли до возвращенія онъ разсказывалъ въ Парижѣ направо и налѣво, что лучшаго Министра Финансовъ и даже Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ настоящее время въ Россіи — нѣтъ. По его словамъ, я и опытный финансистъ, твердо охраняющій финансовую устойчивость отъ всякихъ безсмысленныхъ увлеченій, — я и осторожный политикъ, оберегающій страну отъ всякихъ опасныхъ экспериментовъ, до войны съ Германіей включительно, а если во мнѣ замѣчается недостаточная авторитетность въ отношеніяхъ къ Думѣ и Государственному Совѣту, то въ этомъ вина не моя, — а тѣхъ, кто гораздо выше меня, такъ какъ всѣ отлично понимаютъ, что внѣ Государя у Министровъ нѣтъ никакой опоры. Черезъ 2 недѣли все перемѣнилось, и я сталъ чуть ли не государственнымъ преступникомъ. Стоитъ только припомнить рѣчи Гр. Витте въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу о борь-

бѣ съ пьянствомъ и его настойчивые выкрики «караулъ», сопровождаемые прямымъ обвиненіемъ меня въ томъ, что я развратилъ Россію, споилъ ее и погубилъ ту благодѣтельную мѣру, которую онъ изобрѣлъ въ видѣ винной монополіи. Стоитъ прочитать затѣмъ его интервью въ «Новомъ Времени», тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы, въ которомъ онъ рѣзко осуждалъ всю мою желѣзнодорожную политику и обвинилъ меня въ томъ, что, играя въ руку желѣзнодорожнымъ тузамъ, и чуть ли не преслѣдуя личныя цѣли, я душилъ казенное строительство и внесъ прямой развратъ (это его подлинное выраженіе) въ частное строительство, сдѣлавши его предметомъ самой неудержимой спекуляціи.

Ясно до очевидности, что теперь, когда главная цѣль достигнута, и я болѣе не у власти, Гр. Витте не удовольствуется одержанной побѣдой. Я не зналъ еще тогда о томъ, что произошло 5 дней спустя и — справедливо, или несправедливо, — связано съ его же именемъ. Для меня совершенно очевидно, что въ Финансовомъ Комитетѣ начнется безпощадная критика всего, что я дѣлалъ въ теченіе 10 лѣтъ, и повторится съ фотографическую точностью то, что происходило въ сентябрѣ 1905-го года въ Совѣщаніяхъ покойнаго Графа Сольскаго по выработкѣ закона о Совѣтѣ Министровъ. Что̀ бы я ни сказалъ, Гр. Витте будетъ непремѣнно возражать, и мнѣ придется для проведенія самаго безспорнаго положенія прибѣгать къ недостойному пріему — говорить противъ своего убѣжденія для того, чтобы, опровергая меня, Гр. Витте пришелъ къ правильному выводу. Къ тому же въ Финансовомъ Комитетѣ не принято много спорить и, во всякомъ случаѣ, совершенно не принято дѣлать разногласій, всегда трудно разрѣшаемыхъ Государемъ.

Безъ всякаго моего желанія я прослылъ бы за безполезнаго спорщика, а Министръ Финансовъ оказался бы между двухъ огней и, примкнувъ, — что совершенно неизбѣжно — къ мнѣнію Предсѣдателя, доставилъ бы мнѣ только лишнюю досаду и огорченіе. Наконецъ, мнѣ просто нравственно тяжело входить въ домъ человѣка, настолько ко мнѣ нерасположеннаго, и я имѣю, послѣ всего мною пережитого, неотъемлемое право на покой и отдыхъ, къ которому я только и стремлюсь теперь.

Мы разстались на этомъ съ Баркомъ, и болѣе не встрѣчались ни для какой бесѣды. Прошло много мѣсяцевъ послѣ этой первой нашей встрѣчи. Мирная хотя и полная тревогъ и осложненій жизнь смѣнилась войною, принесшею Россіи еще и до революціи 1917 г. столько горя и разочарованій. Финансы Россіи бы-

ли разстроены и день ото дня управлялись все хуже и хуже, — но со мною никто не обмолвился ни однимъ словомъ, какъ будто меня нѣтъ и на свѣтѣ. Почему? Причинъ много, и онѣ мнѣ совершенно ясны, и я говорю только то, что я испытывалъ въ ту минуту. Все равно, я не могъ ничему помочь, среди тѣхъ условій, которыя существовали во время войны, и для меня было большимъ нравственнымъ успокоеніемъ то, что я не приложилъ своихъ рукъ къ создавшемуся положенію.

На этихъ моихъ свиданіяхъ въ день моего увольненія я могъ бы и закончить мои воспоминанія объ эпизодической сторонѣ моего увольненія и перейти къ изложенію того, кому я обязанъ моимъ увольненіемъ, и какими причинами было оно вызвано.

Я отмѣчу, однако, еще 2—3 момента, которые заслуживаютъ быть присоединенными къ этому изложенію.

Какъ только Баркъ ушелъ отъ меня, я позвонилъ къ Сазонову по телефону прямого провода и передалъ сущность моего разговора съ Государемъ относительно моего желанія перебраться затраницу на посольскій постъ. Первое слово Сазонова было, казалось, проникнуто чувствомъ искренняго удовольствія, и онъ тутъ же спросилъ меня, можетъ ли онъ застать меня дома и переговорить спокойно, по горячимъ слѣдамъ, какъ воспользоваться столь благопріятнымъ настроеніемъ Государя. Въ шесть часовъ онъ пришелъ ко мнѣ, и весь разговоръ принялъ сразу же такой простой и искренній тонъ, что мнѣ было отрадно выслушать его нескрываемое желаніе сдѣлать то, что отвѣчаетъ моимъ желаніямъ, которыя давно совпадаютъ, какъ онъ сказалъ, и съ его стремленіемъ ввести въ составъ нашего дипломатическаго представительства людей иного склада ума, нежели нынѣшній составъ нашихъ пословъ, неприспособленныхъ къ требованіямъ рѣзко измѣнившихся условій нашей политической жизни. Не выбирая выраженій, онъ сказалъ мнѣ, что нашъ посолъ въ Парижѣ Извольскій уже извѣстилъ его по телеграфу, что тотчасъ какъ до Парижа дошла вѣсть о моемъ вѣроятномъ увольненіи, ему передали близкіе ему люди, связанные отношеніями съ правительственными кругами, что въ послѣднихъ открыто выражаютъ желаніе видѣть меня на посту нашего посла въ Парижѣ и не скупятся на самые лестные отзывы обо мнѣ, въ связи съ недавнимъ посѣщеніемъ мною Парижа. Онъ не скрылъ отъ меня, что Извольскій прибавилъ къ своей шифрованной депешѣ выраженіе его надежды на то, что онъ, Сазоновъ, «не дастъ его въ обиду и защититъ его интересы, такъ какъ онъ далекъ отъ всякаго жела-

нія уступать кому бы то ни было свое мѣсто и приметъ любое перемѣщеніе свое за прямую обиду». Сазоновъ пошелъ еще дальше. Напоминая мнѣ нашъ разговоръ съ нимъ по возвращеніи моемъ въ ноябрѣ прошлаго года изъ моей поѣздки заграницу, онъ сказалъ, что тогда же, онъ въ точности воспроизвелъ Государю всѣ неблапріятные слухи относительно положенія Извольскаго въ Парижѣ, которые заставили его, не взирая на всю щекотливость его личнаго положенія по отношенію къ Извольскому, какъ его другу съ ранней юности и недавнему начальнику, котораго онъ замѣнилъ на министерскомъ посту по его непосредственной иниціативѣ, передать Государю и то, что положеніе Извольскаго въ глазахъ правительства Франціи дѣйствительно очень неблагопріятно, и Государь тогда же отвѣтилъ ему, что Ему все это очень непріятно, тѣмъ болѣе, что тѣ же свѣдѣнія дошли и до Него — очевидно отъ Великихъ Князей, часто навѣщающихъ Парижъ, и что и Государь того мнѣнія, что нужно найти способъ предоставить Извольскому иное назначеніе, какъ только это окажется исполнимымъ. При такихъ условіяхъ, сказалъ Сазоновъ, Ваше желаніе совершенно исполнимо, и я приложу всѣ усилія къ тому, чтобы Вы недолго оставались въ выжидательномъ положеніи». Мы условились, что во вторникъ же, на своемъ докладѣ, онъ подниметъ этотъ вопросъ и тотчасъ извѣститъ меня о своей бесѣдѣ съ Государемъ. Наступилъ вторникъ, Сазоновъ мнѣ ничего не сказалъ. Я, въ свою очередь, не рѣшился вновь поднимать вопроса, понимая, что ждать благопріятнаго результата, очевидно, не приходится, и дѣло такъ и заглохло, и никто со мною болѣе и не заговаривалъ на эту тему.

Разгадка этого страннаго эпизода стала мнѣ въ точности извѣстна только гораздо позже.

Въ концѣ 1931 года появился въ печати томъ уступленнаго совѣтскою властью одной германской издательской фирмѣ, съ сохраненіемъ совѣтской фирмы, изданія историческихъ матеріаловъ за время непосредственно продшествовавшее великой войнѣ, и въ немъ напечатаны два документа, имѣющіе отношеніе къ моему увольненію. Во-первыхъ, письмо къ Сазонову отъ Извольскаго отъ 11/24-го февраля 1914 года, съ выраженіемъ его горячей благодарности за то, что «онъ отстоялъ его интересы и не далъ совершиться величайшей несправедливости назначеніемъ меня на постъ посла во Франціи, тѣмъ болѣе, что онъ, Извольскій, вовсе не желаетъ покидать свой постъ, хотя уже давно тяготится жизнью вдали отъ Россіи, но не имѣетъ на то возможности, по состоянію своихъ частныхъ дѣлъ.

Во-вторыхъ, въ томъ же томѣ опубликовано донесеніе вновь назначеннаго въ январѣ 1914 года французскаго посла въ Россіи, Мориса Палеолога, о встрѣчѣ его въ поѣздѣ съ возвращавшимся изъ Парижа въ Россію Княземъ Владиміромъ Орловымъ, Помощникомъ Начальника Военно-походной канцеляріи Государя, который сообщилъ ему, прочитавши въ Вержболовѣ сообщеніе газетъ о моемъ увольненіи, что это увольненіе было уже давно предрѣшено, такъ какъ Государь находитъ, что я слишкомъ подчиняю интересы внѣшней политики Россіи «соображеніямъ узко финансоваго характера».

Принадлежало ли это сужденіе Государю или же Князь Орловъ выражалъ то мнѣніе, которое отражало взгляды окружавшей Государя военной среды, я не имѣю, конечно, данныхъ судить, но могу съ полною правдивостью удостовѣрить, что ни разу мнѣ не пришлось услышать лично отъ Государя самыхъ отдаленныхъ намековъ на то, чтобы Онъ не раздѣлялъ моихъ взглядовъ на необходимость избѣгать всякихъ поводовъ, способныхъ усилить и безъ того тревожное состояніе Европы за послѣдніе годы. Я всегда слышалъ отъ Него самое недвусмысленное выраженіе Его крайняго миролюбія, обязательнаго для насъ, причемъ, до самаго послѣдняго времени Онъ не переставалъ говорить мнѣ при всякомъ случаѣ, что для Него совершенно очевидна наша неподготовленность къ войнѣ и обязательность для насъ, хотя бы по этому основанію, соблюдать величайшую осторожность во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Онъ любилъ военное дѣло и чувствовалъ себя среди военныхъ людей гораздо болѣе свободнымъ и даже близкимъ къ нимъ, нежели къ какому-либо иному элементу, но послѣ Русско-Японской войны его взгляды на возможность вовлеченія Россіи въ новую войну и на опасность ея для Россіи претерпѣли такое измѣненіе, что я могу сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что приведенное сужденіе обо мнѣ не могло принадлежать лично Ему, и если только оно проявилось въ Его ближайшемъ окруженіи, то въ Немъ самомъ — думаю я — оно никогда не находило сознательнаго отклика. Конечно, мои разногласія съ Сухомлиновымъ, а тѣмъ болѣе мои настойчивыя заявленія о томъ, что въ военномъ вѣдомствѣ у насъ далеко неблагополучно, были Ему непріятны, а при сравнительно частомъ ихъ повтореніи и просто докучали Ему. Они могли даже довести Его до прямого неудовольствія на меня, такъ какъ они отнимали у Государя иллюзію въ томъ, что было наиболѣе близко Его сердцу, но что бы Онъ могъ ставить мнѣ въ вину мое чрезмѣрное миролюбіе и мою такъ сказать профессіональную осторожность въ

вопросахъ внѣшней политики, изъ-за финансовыхъ соображеній — этого не могло быть, и переданное Княземъ Орловымъ послу Палеологу сужденіе отражало просто безотвѣтственные взгляды военныхъ кружковъ, неспособныхъ отрѣшиться отъ ихъ узкой точки зрѣнія на непобѣдимость Россіи, хотя бы и отставшей въ ея военной подготовкѣ. Подтвержденіемъ правильности такого взгляда служитъ, между прочимъ, и инцидентъ, разыгравшійся на моихъ глазахъ въ описанномъ выше засѣданіи 10-го ноября 1912 года, въ которомъ, на мое указаніе на нашу неподготовленность къ войнѣ, министръ путей сообщенія Рухловъ не удержался возразить мнѣ, что ни одна страна никогда не бываетъ готова къ войнѣ, а военный министръ Сухомлиновъ поспѣшилъ поддержать его, сказавши, что онъ выразилъ святую истину и произнесъ золотыя слова.

Какъ только прошли первые, хлопотливые, дни послѣ моей отставки, и я успѣлъ покончить со всѣми прощальными обрядностями, — я поѣхалъ къ Гофмейстеринѣ Е. А. Нарышкиной и просилъ ее испросить разрѣшеніе Императрицы Александры Феодоровны явиться къ ней, чтобы откланяться по случаю моего увольненія. Будучи давно знакомъ съ нею, я находился даже почти въ дружескихъ отношеніяхъ съ нею съ моихъ молодыхъ лѣтъ и службы пе тюремному вѣдомству, когда она занималась дѣлами благотворительности на пользу заключенныхъ. Я сказалъ ей, что дѣлаю этотъ шагъ, опасаясь, что Императрицѣ можетъ быть будетъ даже непріятно видѣть меня, и потому я прошу ее передать мою просьбу со всею необходимою осторожностью, предоставляя Императрицѣ полную возможность отклонить ее по какому ей будетъ угодно поводу, если бы не пожелала видѣть меня, но отнюдь не насиловать Себя одними соображеніями придворнаго этикета. Е. А. Нарышкина не допускала и мысли о томъ, что Императрица можетъ отказать мнѣ въ пріемѣ, и обѣщала тотчасъ же извѣстить меня, какъ только она доложитъ Ей эту просьбу.

На другой день, она протелефонировала мнѣ, что она исполнила мое желаніе, не замѣтила и тѣни какого-либо раздраженія по поводу его и сказала только, что Императрица чувствуетъ себя нехорошо и назначитъ мнѣ пріемъ какъ только здоровье позволитъ Ей это.

Прошло двѣ недѣли, я не получилъ никакого отвѣта и рѣшилъ не возбуждать болѣе того же вопроса. Но Е. А. сама заѣхала къ намъ и сказала, что пріемъ состоится вѣроятно на бли-

жайшихъ дняхъ, такъ какъ Императрица возобновила уже свою обычную жизнь. На самомъ дѣлѣ я никакого увѣдомленія не получилъ и такъ и не былъ принятъ Императрицей до самаго моего отъѣзда заграницу, а по возвращеніи моемъ домой, въ половинѣ апрѣля, я и самъ болѣе не поднималъ того же вопроса, видя явное нежеланіе меня принять. Больше я Императрицы не видѣлъ.

Мое увольненіе послѣдовало въ пятницу 30-го января. Весь день и всѣ ближайшіе дни ко мнѣ заѣзжало множество людей — выразить свое сочувствіе и сказать доброе слово. Государственный Совѣтъ перебывалъ у меня почти поголовно, заѣзжало много Членовъ Государственной Думы и въ числѣ ихъ мой обычный оппонентъ Шингаревъ, и только мои бывшіе товарищи по кабинету проявили всего меньшее вниманіе. Большинство изъ нихъ оставило карточки. Заходилъ ко мнѣ поговорить дружески одинъ Тимашевъ, да поднялись наверхъ въ день пріема моей жены Харитоновъ и Рухловъ, причемъ послѣдній сказалъ мнѣ только, что, очевидно, я зналъ все раньше, но только молчалъ «по моей обычной сдержанности».

Впрочемъ, такое отношеніе министровъ было до извѣстной степени понятно. Многіе изъ нихъ принимали дѣятельное участіе въ моемъ увольненіи, да и оказывать вниманіе опальному — не совсѣмъ выгодно.

Зато столичное общество, наши близкіе и даже просто свѣтскіе знакомые проявили къ намъ съ женою вниманіе, не лишенное, быть можетъ, извѣстной демонстративности. Въ ближайшій пріемный день моей жены, въ воскресенье 1-го февраля, съѣздъ у насъ былъ совершенно необычный, — перебывало до 300 человѣкъ, и экипажи стояли до Дворцовой площади. Тоже повторилось и 3-го февраля, въ день именинъ жены. Никогда не было такой массы народа и такого количества цвѣтовъ. Намъ говорили, что эти съѣзды произвели извѣстную сенсацію въ городѣ, и, вѣроятно, нашлись охотники, которые разнесли куда слѣдуетъ и изобразили насъ какъ центръ будирующаго столичнаго населенія.

5-ое февраля (четвергъ) былъ день особенно для меня тягостный. Въ этотъ день исполнилось ровно 10 лѣтъ съ моего перваго назначенія Министромъ Финансовъ. Я думалъ дожить до этого дня на посту и приготовилъ къ этому дню весьма интересное изданіе — объективный и отнюдь не хвастливый обзоръ того, что сдѣлано въ Россіи за этотъ періодъ времени въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи. Я надѣялся лично поднести Госу-

дарю это изданіе, но судьба распорядилась иначе. Опасаясь, что подъ впечатлѣніемъ такого несчастнаго юбилея для Министерскаго поста, у Государя могло возникнуть колебаніе и кампанія моихъ противниковъ могла даже не удасться, они подстроили такъ, что мое увольненіе послѣдовало ровно за недѣлю до этого срока.

Заблаговременно, болѣе чѣмъ за двѣ недѣли, зная, что мои сослуживцы готовились чествовать меня къ этому дню, — я пригласилъ ихъ на обѣдъ, отмѣнять его мнѣ не хотѣлось, но онъ прошелъ, конечно, необычайно тягостно. Многіе съ трудомъ удерживали слезы, да и я самъ, научившійся сдерживаться при людяхъ, чувствовалъ ясно, что мои нервы не выдержатъ при малѣйшемъ прикосновенія къ нимъ словъ ласки и сожалѣнія о разлукѣ. Я обратился къ моимъ бывшимъ сослуживцамъ съ прощальнымъ короткимъ словомъ благодарности, но просилъ ихъ не отвѣчать на него, сказавши имъ прямо, что боюсь не выдержать до конца. Рано разошлись всѣ отъ меня и не помню теперь, кто именно, кажется Венцель или Гіацинтовъ, разставаясь со мною, на порогѣ сказалъ: «десять лѣтъ ходили мы въ эти комнаты какъ въ родной домъ, гдѣ насъ всегда встрѣчала ласка и привѣтъ, а теперь намъ сюда дорога заказана». Слѣдующій день, четвергъ 6-го февраля, я вынесъ послѣднее и самое тяжелое испытаніе. Мои сослуживцы захотѣли проститься со мною. Какъ ни уговаривалъ я старшихъ чиновъ пощадить мои силы и избавить меня отъ новаго испытанія, я видѣлъ, однако, что уклоненіе отъ прощальной встрѣчи обидитъ ихъ, и рѣшилъ, что называется, испить чашу до дна. Большая зала Совѣта Министровъ не вмѣщала всѣхъ, кто пришелъ проститься со мною. Спасибо еще Іосифу Іосифовичу Новицкому за то, что, взявшись сказать прощальное слово, онъ растянулъ его въ длинную рѣчь, уснащенную многими цифрами, нѣсколько утомилъ всѣхъ и помогъ и мнѣ справиться съ моими нервами. И все-таки, мое отвѣтное короткое слово я едва досказалъ до конца; мнѣ не хотѣлось показаться слабымъ передъ посторонними, а тѣмъ болѣе дать понять, что я такъ тяжело разстаюсь съ моею дѣятельностью. Громкими, долго не смолкавши аплодисментами проводили меня изъ залы, и я знаю, что большинство разошлись подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ всего, что было пережито. «Мы разставались», сказалъ мнѣ при этомъ Н. Н. Покровскій, «не только съ Вами, кого мы такъ любили и почитали, но и съ нашею вѣдомственною гордостью, со всѣмъ нашимъ прошлымъ, въ которомъ было такъ много справедливости и въ кото-

ромъ такъ ясно цѣнили всегда одинъ трудъ и одни дарованія и — не допускали иныхъ мотивовъ къ возвышенію».

Черезъ два дня послѣ этого прощанья я покинулъ стѣны Министерства и спѣшно перебрался на мою частную квартиру на Моховой; я не стыжусь признаться, что этотъ переѣздъ былъ для меня очень болѣзненный. Я сжился съ этими стѣнами, любилъ ихъ какъ мѣсто кипучей дѣятельности и сознавалъ, что я перехожу на полный покой, преддверіе послѣдняго, вѣчнаго покоя. Тогда не было еще полной увѣренности въ томъ, что судьба такъ скоро пошлетъ намъ тяжкое испытаніе, которое всего черезъ 3 года приведетъ насъ къ катастрофѣ. Мнѣ было жаль всего моего прошлаго, жаль было и того запаса силъ, который я чувствовалъ еще въ себѣ, и зналъ отлично, что мнѣ некуда будетъ приложить его и что не легко я примирюсь съ моимъ бездѣйствіемъ, хотя бы и сохраняя наружно свое спокойствіе, какъ выраженіе личнаго достоинства.

Передъ выходомъ моимъ изъ стѣнъ Министерства мнѣ пришлось, однако, пережить еще одинъ ударъ самолюбію болѣзненнаго свойства.

Утромъ 5-го февраля, около 11-ти часовъ, ко мнѣ пришелъ Я. И. Утинъ, чтобы напомнить, что 10 лѣтъ тому назадъ, въ этотъ именно день онъ былъ однимъ изъ первыхъ, узнавшихъ о моемъ назначеніи, и при этомъ спросилъ, читалъ ли я номеръ издаваемой въ Петербургѣ нѣмецкой газеты «Petersburger Herold» отъ 4-го февраля, въ которомъ помѣщена клеветническая обо мнѣ статья подъ заглавіемъ (по-нѣмецки въ текстѣ) «Владиміръ Николаевичъ Коковцовъ, не такой какъ другіе министры». Я ее не читалъ. Въ ней сообщалось, что петербургскія сферы очень заинтересованы распространившимся слухомъ, что Государь предложилъ мнѣ, при моемъ увольненіи, крупную сумму въ 200 или 300 тысячъ рублей, отъ которой я, однако, отказался... Очевидно, — говорилось въ статьѣ, — что въ моемъ лицѣ появился на петербургскомъ горизонтѣ новый Аристидъ, поражающій всѣхъ своимъ демонстративнымъ безкорыстіемъ, а можетъ быть на самомъ дѣлѣ, просто настолько богатый человѣкъ, что вовсе не нуждается въ щедрости своего Государя, и имѣетъ легкую возможность сдѣлать просто красивый жестъ въ сторону. Далѣе, газета разсуждаетъ, что обычай русскихъ Государей награждать своихъ вѣрныхъ слугъ — есть хорошій историческій обычай, и что тѣ министры, которые пользовались этимъ прекраснымъ обычаемъ, поступили только похвально, и что напрасно Г. Коковцовъ хочетъ показать, что онъ лучше ихъ, и думаетъ этимъ гор-

диться. Заканчивается статья слѣдующей фразой: «По этому поводу въ бюрократическихъ кругахъ Петербурга распространяется афоризмъ, принадлежащій одному изъ наиболѣе видныхъ сановниковъ Имперіи — «гораздо похвальнѣе и честнѣе получать деньги отъ своего Государя, нежели отъ Г-на Утина, предсѣдателя Правленія Учетнаго и Ссуднаго Банка, въ Петербургѣ».

Познакомившись съ этою новою выходкою противъ меня, я тутъ же, въ присутствіи Утина, позвонилъ по телефону къ Горемыкину, прочиталъ ему статью и спросилъ его, намѣрено ли Правительство защищать меня и воспользоваться его правомъ привлечь редактора, Г-на Пипирса, къ суду или предпочтетъ уклониться и предоставить это сдѣлать мнѣ, въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Горемыкинъ сказалъ, что немедленно распорядится, просилъ меня не безпокоиться и дѣйствительно тотчасъ же передалъ Графу Татищеву, Начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати, который по свойственной ему утонченной порядочности тотчасъ же передалъ дѣло Прокурору. Долго тянулось это простое и поистинѣ пустое дѣло. Я успѣлъ съѣздить за границу, вернулся 15-го апрѣля домой и только въ концѣ іюня оно дошло до Окружнаго Суда и завершилось обвинительнымъ приговоромъ, которымъ клеветникъ былъ присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ кажется на 6 мѣсяцевъ. Пипирсъ перенесъ дѣло въ Палату. Опять прошло много мѣсяцевъ, и только позднею осенью, кажется въ октябрѣ, жалоба его оставлена была безъ послѣдствій. Пипирсъ обжаловалъ рѣшеніе Сенату, который также оставилъ жалобу безъ послѣдствій, и этому литератору, слѣпо повѣрившему сообщенной ему клеветѣ, пришлось отбыть наказаніе.

Но, при разсмотрѣніи дѣла въ Судебной Палатѣ, защитникъ Пипирса, кстати весьма недружелюбно настроенный противъ меня еще со времени славянскихъ обѣдовъ 1912 г., Г. Башмаковъ, бывшій редакторъ «Правительственнаго Вѣстника», который долженъ былъ покинуть отчасти по моему настоянію службу въ концѣ 1912 года, такъ какъ, состоя на государственной службѣ онъ не хотѣлъ прекратить участія въ указанныхъ обѣдахъ, выносившихъ явно оскорбительныя для правительства резолюціи,— представилъ въ оправданіе своего кліента номеръ газеты «Берлинеръ Тагеблатъ», въ которомъ было сказано, что «Сановникъ, пустившій въ оборотъ афоризмъ о Графѣ Коковцовѣ, есть никто иной какъ Графъ Витте». Башмаковъ прибавилъ, что, получивши такое свѣдѣніе изъ источника самаго авторитетнаго и не подлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію въ его компетентности, редакторъ

газеты дѣйствовалъ «бона фидэ», и его нельзя обвинять въ напечатаніи извѣстнаго сообщенія, какъ «завѣдомо для него ложнаго».

Всѣ эти свѣдѣнія я оставляю, разумѣется, на полной отвѣтственности приведеннаго источника. У меня не было ни способовъ ни возможности его провѣрить, тѣмъ болѣе, что въ эту пору мы были уже въ войнѣ съ Германіею.

Не хочется поставить точки къ изложенію обстоятельствъ этой скорбной минуты моей жизни, не сказавши и того, что до сихъ поръ лежитъ у меня на сердцѣ, — какою теплотою повѣяло мнѣ въ эту тяжелую пору, то горячее сочувствіе, которое я встрѣтилъ со многихъ и многихъ сторонъ. Помимо того, что сотни людей пріѣхали выразить мнѣ ихъ сочувствіе, нѣкоторые изъ множества полученныхъ мною писемъ достойны того, чтобы о нихъ было упомянуто особо. Я сожалѣю о томъ, что не могу привести всѣхъ.

Членъ Государственной Думы Шубинскій писалъ 30-го января: «... Критиковать легко — созидать трудно. А Вамъ выпало въ минуту разрухи и смятенія поддерживать финансы страны — эту артеріальную кровь всякаго государства... Очевидно, періодъ ихъ бережливаго, разумнаго, талантливаго созданія оконченъ. Что̀ ожидаетъ впереди? Разобрать, разрушить все легко. Вы были осторожнымъ, мудрымъ кормчимъ финансоваго корабля. Онъ вышелъ изъ тяжелыхъ испытаній съ могучей нагрузкой золотомъ. Чѣмъ то скажется будущее? Какой финансовой мудростью подаритъ насъ Манифестъ и его обѣщанія. Дай Богъ только, чтобы все это не отразилось на благѣ Россіи и ея устойчивости...»

Членъ Государственнаго Совѣта (по выборамъ), Харьковскій Профессоръ Д. И. Багалѣй, не имѣвшій со мною никакихъ личныхъ отношеній, писалъ: «... Вашъ уходъ весьма огорчилъ меня какъ и всѣхъ тѣхъ, кто воочію наблюдалъ Вашу беззавѣтную преданность государственному благу, Вашу изумительную работоспособность, Вашъ свѣтлый практическій умъ, Вашу европейскую корректность въ отношеніи къ людямъ, Вашу джентельменскую скромность во власти и, наконецъ, Вашу безупречную честность. Желательно было бы въ интересахъ общественныхъ, чтобы Вы приняли активное участіе въ работахъ Государственнаго Совѣта, который очень нуждается въ дѣятеляхъ съ такимъ огромнымъ государственнымъ опытомъ, какимъ обладаете Вы».

Членъ Государственнаго Совѣта А. С. Ермоловъ писалъ мнѣ: «... Я увѣренъ въ томъ, что многіе въ Россіи будутъ подобно

мнѣ, оплакивать это событіе, и всѣ печальныя его послѣдствія выяснятся очень скоро. Я понимаю, что Вамъ подъ конецъ уже не въ могсту стало и Васъ лично можно только поздравить съ освобожденіемъ изъ невыносимаго положенія, но намъ со стороны позволительно глубоко объ этомъ, чреватомъ послѣдствіями событіи—сожалѣть. Всѣ тѣ кто сознательно относится къ переживаемому Россіею моменту, въ правѣ съ тревогою спросить себя — что будетъ» . . .

Другой Членъ Государственнаго Совѣта, мой лицейскій профессоръ и извѣстный криминалистъ Н. С. Таганцевъ, съ которымъ меня связывали близкія сношенія съ самыхъ молодыхъ лѣтъ,— какъ ученика къ своему профессору, — писалъ: «. . . Мое письмо — знакъ моей большой печали и большихъ опасеній. Думаю, что печаль раздѣляютъ со мною всѣ тѣ, которые дорожатъ будущимъ дорогой мнѣ Россіи. Увольненіе — для Васъ лично — это освобожденіе отъ тяжкаго бремени и наступленіе личнаго, хотя бы и временнаго успокоенія; но обстоятельства этого увольненія и даже форма незаслужены Вами и несправедливы. Позолочена пилюля— изъ асса фетида. А что будетъ дальше? Какимъ курсомъ пойдетъ задрейфовавшій государственный корабль? А что такое новый руководитель финансовъ. Слухами земля полнится» . . .

Членъ Государственнаго Совѣта профессоръ И. Х. Озеровъ, не особенно нѣжно относившійся къ моей дѣятельности, пока я былъ у власти, — написалъ 1-го февраля:

«Позвольте мнѣ этимъ письмомъ выразить глубокое мое сожалѣніе и искреннюю грусть по поводу оставленія Вами поста Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Вы вели нашъ государственный корабль съ величайшею осторожностью, среди подводныхъ камней и рифовъ. Россія въ Васъ имѣла залогъ того, что она въ правовыхъ своихъ основахъ не пойдетъ вспять. Я понималъ всю трудность Вашего положенія и будучи не всегда согласенъ съ Вами въ политическихъ вопросахъ, я глубоко нынѣ скорблю, какъ сынъ своей родины, по поводу Вашего ухода. Дай Богъ Вамъ силъ и здоровья, и быть можетъ наступитъ моментъ, когда судьба опять поставитъ Васъ у кормила государственнаго корабля, на благо Россіи».

Сергѣй Ивановичъ Тимашевъ, занимавшій во время моего увольненія должность Министра Торговли, вспомнилъ 5-го февраля печальную, по обстановкѣ, годовщину моего назначенія 10 лѣтъ тому назадъ, на должность Министра Финансовъ, написалъ мнѣ въ этотъ день письмо и въ такихъ выраженіяхъ отмѣтилъ

это событіе. «Десять лѣтъ тому назадъ (это было въ самомъ началѣ Русско-Японской войны) я переживалъ большія волненія. Эдуардъ Дмитріевичъ (Плеске) угасалъ, Петръ Михайловичъ (Романовъ), видимо, терялся, ужасныя событія надвигались. Я чувствовалъ всю тягость лежавшей на мнѣ отвѣтственности и изнемогалъ подъ этой тяжестью. И живо какъ сегодня помню я утро 5-го февраля, когда вошелъ сіяющій курьеръ Матвѣевъ (Вы помните его) и сообщилъ радостную вѣсть о Вашемъ назначеніи. Сразу стало спокойно. И столько разъ потомъ, когда положеніе ухудшалось, когда оно казалось безысходнымъ, я сознавалъ, что не напрасно привѣтствовалъ Васъ въ день 5-го февраля. Вотъ тѣ воспоминанія, которыя сегодня живо переживаю. Я думалъ, что этотъ день пройдетъ при другихъ обстоятельствахъ, думалъ, что буду имѣть возможность лично поздравить Васъ. Но судьба судила иначе... Дай Богъ Вамъ бодрости и душевнаго спокойствія».

Управляющій Кіевскою Конторою Государственнаго Банка, Г. В. Афанасьевъ, человѣкъ выдающійся по своей научной подготовкѣ, незапятнанной репутаціи писалъ мнѣ между прочимъ: «... Я жалѣю безконечно о Вашемъ уходѣ... Этого мало; я скорблю объ немъ какъ патріотъ, глубоко любящій свою родину. Я нахожу трагизмъ нашего положенія въ томъ, что именно Вы должны были уйти. Что можетъ ожидать страну, если такой консервативный, но просвѣщенный и благородный человѣкъ, какъ Вы, оказался не въ силахъ нести бремя власти, если такой человѣкъ оказался въ несоотвѣтствіи съ господствующей атмосферою»...

Членъ Государственной Думы 3-го созыва Баронъ Черкасовъ писалъ: «Всю прошлую недѣлю съ 24-го января я провелъ въ Москвѣ на дворянскомъ собраніи и въ сутолокѣ его не сумѣлъ найти времени, чтобы сказать Вамъ, съ какимъ смятеніемъ духа наблюдалъ я за событіями, разразившимися за послѣднее время. Прислушиваясь къ тѣмъ толкамъ, которые породили эти событія среди всѣхъ сознательныхъ группъ Московскаго Дворянства, я убѣдился, что такое же точно смятеніе, гнетъ стихійности, неизвѣстность будущаго испытываются всѣми, кто привыкъ смотрѣть на міръ Божій шире нежели позволяетъ родная колокольня. Еще болѣе подавленности и смущенія я вижу въ нашемъ бывшемъ вѣдомствѣ [1]), гдѣ, прислушиваясь къ голосу нѣкоторыхъ высоко авторитетныхъ указаній, люди тревожно ставятъ вопросъ: чего же теперь держаться? Какъ понимать и исполнять свой служеб-

[1]) Онъ былъ одно время Управляющимъ акцизными сборами.

ный долгъ? Какъ избѣжать нареканій и отвѣтственности... Я не могу найти утѣшенія по отношенію къ той потерѣ, которую въ Васъ понесла моя бѣдная родина, которую я все-таки люблю больше чѣмъ Васъ и чѣмъ самого себя. Вы, конечно, вернетесь къ власти, и тогда я не пожалѣю объ Васъ, а порадуюсь всей душой за Россію. Пошли только Богъ, чтобы это случилось не слишкомъ поздно»...

Я глубоко сожалѣю о томъ, что мѣсто не позволяетъ мнѣ помѣстить и многія, многія другія прощальныя привѣтствія. Они представили бы не малый интересъ.

Множество писемъ получилъ я изъ заграницы, но изъ нихъ я упомяну лишь переданное мнѣ Германскимъ посломъ Пурталесомъ собственноручное письмо Германскаго Имперскаго Канцлера Бетмана-Гольвега, присланное съ отдѣльнымъ курьеромъ и написанное тотчасъ по полученіи въ Берлинѣ телеграфнаго извѣщенія о моемъ увольненіи. Въ этомъ письмѣ Канцлеръ писалъ мнѣ, между прочимъ: «.....я всегда жилъ съ моимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что Вы являетесь могущественнымъ проводникомъ экономическаго и культурнаго развитія Россіи, и что сохраненіе дружественныхъ отношеній между нашими двумя сосѣдними странами всецѣло соотвѣтствуетъ той политической программѣ, которая была усвоена Вашими взглядами, какъ государственнаго человѣка. Я могъ быть, поэтому, всегда увѣренъ встрѣтить въ Васъ самое искреннее сочувствіе тѣмъ же взглядамъ, которые и я считалъ необходимыми и соотвѣтствующими интересамъ моей страны. Поэтому, я сохраню на всегда благодарное воспоминаніе о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наша взаимная работа на пользу нашихъ странъ ставила насъ въ непосредственное соприкосновеніе и вела всегда къ обоюдной государственной пользѣ.

«Проникнутый этими мыслями, я выражаю мою искреннюю надежду на то, что Ваше удаленіе съ политическаго поприща будетъ только преходящимъ, и что въ ближайшемъ будущемъ Ваша выдающаяся работоспособность снова возвратитъ Васъ къ служенію общимъ интересамъ.

«Я сохраню также мои лучшія воспоминанія о нашихъ встрѣчахъ, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Берлинѣ...»

Послѣднее письмо, о которомъ я хочу упомянуть въ заключеніе, поставивши его совершенно особнякомъ отъ всѣхъ ранѣе приведенныхъ, — это письмо отъ 30-го же января отъ Графа Витте. Вотъ оно:

«Сердечно поздравляю Васъ съ знаменательною Высочайшею наградою. Теперь мы можемъ обмѣняться съ Вами откровенными словами, т. к. мы люди ни въ какихъ отношеніяхъ другъ отъ дру-

га не зависимые и, съ другой стороны, къ искреннему моему удовольствію, за Ваши несомнѣнныя заслуги отечеству, Вы соотвѣтственно вознаграждены.

«Повѣрьте мнѣ, дорогой Владиміръ Николаевичъ, что я ни одной минуты лично противъ Васъ ничего не имѣлъ. Въ послѣднее время въ особенности въ области финансовой политики я съ Вами во многомъ расходился. Вы избѣгали говорить со мной о какихъ бы то ни было финансовыхъ дѣлахъ, а потому я не считалъ умѣстнымъ начинать съ Вами разговоръ, который, конечно, не могъ быть Вамъ пріятенъ. Я старался отсутствовать, не высказываться, но не могъ долго держаться на этой позиціи, не потерявъ лица.

«Поэтому я началъ высказываться и сейчасъ же далъ Вамъ поводъ говорить о моихъ интригахъ и моей будто бы злодѣйственности. Но въ этомъ Вы ошибаетесь.

«Желаю Вамъ успокоиться, войти въ равновѣсіе и успокоиться послѣ Вашихъ тяжелыхъ трудовъ.

«Передайте мой привѣтъ и поздравленіе Графинѣ».

Я немедленно отвѣтилъ на это письмо, поблагодарилъ за себя и за жену какъ за поздравленіе, такъ и за желаніе, чтобы я успокоился. Я сказалъ, что послѣднее уже осуществилось, потому что, несмотря на тяжесть переживаемаго момента, я спокоенъ, какъ можетъ и долженъ быть спокоенъ человѣкъ, съ совершенно чистою совѣстью и съ яснымъ сознаніемъ своего до конца исполненнаго долга. Я прибавилъ, что прошу извинить меня за то, что не отвѣчаю на ту часть письма, въ которой говорится о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, потому что отвѣтить на нее коротко — значитъ только дать новую почву для ненужныхъ недоразумѣній, отвѣтить же съ исчерпывающей полностью не позволяетъ мнѣ время, ни даже прежнія отношенія. Впрочемъ, прибавилъ я, «если бы Вы пожелали освѣтить событія послѣдняго времени правдивымъ и объективнымъ свѣтомъ, я былъ бы радъ отдать такому освѣщенію всю мою добросовѣстность и — въ такой обстановкѣ, которая устранила бы всякіе поводы къ неправильнымъ толкованіямъ».

Это было наше послѣднее сношеніе. Мы болѣе не встрѣчались. Послѣ того, что произошло тотчасъ послѣ моего увольненія и въ послѣдніе передъ нимъ дни, при встрѣчахъ въ Государственномъ Совѣтѣ ни я не подходилъ къ Графу Витте, ни онъ не искалъ встрѣчи со мною. Дальше я постараюсь подробнѣе выяснить роль въ моемъ увольненіи этого, во всякомъ случаѣ, выдающагося человѣка.

ГЛАВА III.

Главные участники дѣйствовавшей противъ меня коалиціи. — Князь В. П. Мещерскій. Его способы дѣйствій. — А. В. Кривошеинъ. Его разсчеты на Горемыкина. — Гр. С. Ю. Витте и руководившія имъ побужденія. — Сухомлиновъ и Маклаковъ.

Говоря теперь о всемъ пережитомъ мною и такъ много лѣтъ спустя послѣ моего увольненія, я и теперь, какъ тогда, даю себѣ ясный отчетъ въ томъ, что увольненіе мое — дѣло рукъ не одного какого-либо человѣка или результатъ какого-либо остраго случая, — а послѣдствіе систематически веденной агитаціи цѣлой коалиціи.

Не важно то, что нѣкоторые изъ дѣйствующихъ лицъ не были связаны между собою взаимною близостью и даже не участвовали въ однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ. Существенно то, что у всѣхъ нихъ была одна цѣль — удалить меня во что бы то ни стало и во имя самыхъ разнообразныхъ, для каждаго изъ нихъ, побужденій. Съ разныхъ сторонъ сошлись они для опредѣленной цѣли, достигли ее и разошлись по сторонамъ, не мало не претендуя другъ на друга за то, что не всѣмъ изъ нихъ удалось извлечь для себя изъ моего увольненія какія-либо личныя выгоды. Всѣ они добились, во всякомъ случаѣ, главнаго, что имъ было нужно — удаленія меня отъ власти, и на моихъ развалинахъ часть ихъ построила временно свое благополучіе.

Я вспоминаю объ этомъ безъ всякаго раздраженія и даже безъ простого неудовольствія. Я сознательно говорю даже, что я долженъ благодарить моихъ противниковъ за то, что они разрушили мою служебную карьеру, причинивши мнѣ, конечно, на первыхъ порахъ, немалое огорченіе. Но они избавили меня отъ гораздо бо́льшихъ страданій, которыя я испытывалъ бы безспорно полгода спустя, когда разразилась война, которой я не сочувствовалъ всею душою, и наступили затѣмъ всѣ внутреннія и внѣшнія

осложненія, за которыя отвѣтственность должна была бы пасть и на меня, если бы я оставался во главѣ Правительства или вообще у власти. И если я говорю объ этомъ въ моихъ Воспоминаніяхъ, то вовсе не потому, что мнѣ хочется найти удовлетвореніе моему самолюбію, разъясняя роль моихъ противниковъ въ моемъ увольненіи, а только потому, что безъ этого выясненія вся картина прошлаго осталась бы просто безъ правдиво нарисованнаго фона, и создалось бы даже недоумѣніе въ пониманіи этого еще сравнительнаго недавняго прошлаго.

Среди всей этой коалиціи противъ меня первымъ по времени и даже душою ея и наиболѣе вліятельнымъ моимъ противникомъ былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, извѣстный издатель «Гражданина» Князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій. Чѣмъ пріобрѣлъ онъ вліяніе въ извѣстныхъ столичныхъ кругахъ того времени и какими путями успѣлъ онъ внушить вѣру въ это вліяніе далеко за предѣлами его непосредственнаго окруженія, это представлялось и тогда, а тѣмъ болѣе представляется и теперь трудно разрѣшимою загадкою.

Для многихъ не составляло тайны, что вдовствующая Императрица открыто презирала Мещерскаго. Императоръ Александръ III въ свое время просто удалилъ его отъ себя, а Его взгляды были всегда закономъ для Его сына, и только подъ самый конецъ жизни Онъ какъ будто нѣсколько примирился съ нимъ, но не проявлялъ уже и тѣни того вниманія къ нему, какое Онъ оказывалъ прежде, въ ту пору, когда Императоръ Александръ III былъ Наслѣдникомъ престола или въ началѣ своего царствованія. Съ вошествіемъ на престолъ Императора Николая II Мещерскій, какъ непосредственно, такъ и при помощи нѣкоторыхъ изъ лицъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Его отцу, сталъ энергически добиваться возвращенія себѣ былого доступа къ Государю, зная прекрасно насколько юный Императоръ благоговѣлъ передъ памятью Своего отца. Его еженедѣльникъ «Гражданинъ» какъ-то разомъ оживился послѣ временнаго потускнѣнія. На его столбцахъ въ особенности послѣ 1905 г. все чаще и чаще стали появляться статьи, посвященныя разработкѣ въ краткихъ замѣткахъ вопроса о существѣ русскаго самодержавія, о его отличіи отъ Монархизма на Западѣ, о необходимости сохраненія во всей неприкосновенности всѣхъ принциповъ прежней, исключительно одной Россіи свойственной, «исконной Царской власти», почерпывающей всѣ свои силы въ любви и преданности ей всего народа, какъ единственнаго носителя внѣдрившейся въ

него вѣры въ то, что все величіе его родины создано только Царскою властью.

Во всѣхъ его статьяхъ на эту тему неизмѣнно повторялось, что одна царская власть радѣетъ о благѣ народномъ. На единеніи Царя съ народомъ покоится все благополучіе Россіи. Все, что разрываетъ это единеніе, все, что взаимно удаляетъ другъ отъ друга эти двѣ единственно созидательныя силы, должно быть пресѣчено въ корнѣ, ибо это создаетъ самое вредное «средостѣніе» и ведетъ и коренныя силы благополучія страны — къ разрушенію.

Эта тема становится, такъ сказать, кореннымъ лозунгомъ политическаго вѣрованія «Гражданина» въ особенности въ смутные годы 1905—1906. Смотря по особенностямъ переживаемаго времени, она или усиливается или ослабляется, но не сходитъ со столбцовъ еженедѣльника и держитъ вниманіе ея читателей постоянно прикованнымъ къ этому символу вѣры. Во всякомъ случаѣ, со столбцовъ газеты не сходитъ одновременно съ тѣмъ и тема, что самымъ яркимъ выразителемъ этихъ истинно русскихъ началъ является Императоръ Александръ III. Его царствованіе дало именно Россіи спокойствіе послѣ смуты и все то величіе, котораго она достигла только вѣрностью указаннымъ лозунгамъ.

Та же тема избирается въ особенности въ качествѣ руководящаго мѣрила для оцѣнки отдѣльныхъ государственныхъ людей, которыхъ волна мѣняющихся событій выдвигаетъ на вершину приближенія къ Государю, становитъ въ первые ряды правительственной лѣстницы или приближаетъ къ центрамъ вліянія на ходъ событій.

Одни считаются отвѣчающими провозглашенному символу и потому ихъ слѣдуетъ всячески возвеличивать. Другіе, наоборотъ, признаются этимъ органомъ печати не вполнѣ ему отвѣчающими и требуютъ еще особой провѣрки и наблюденія за ихъ дѣйствіями, ранѣе, нежели имъ можетъ быть оказано довѣріе. Третьи, наконецъ, хотя и достигли уже власти или даже признаются достойными ея, оказываются, однако, на самомъ дѣлѣ склонными отойти отъ прямого пути, и ихъ слѣдуетъ поэтому остерегаться или даже есть основаніе признать, что они не оправдали оказаннаго имъ довѣрія, и наступила пора замѣнить ихъ другими, болѣе надежными людьми.

Всѣ сужденія этого рода всегда сопровождались открытою квалификаціею отдѣльныхъ лицъ, и съ полною безцеремонностью идетъ какъ бы биржевая котировка высшаго правительственнаго персонала.

Слѣдя за смѣною событій нашей внутренней жизни по

страницамъ «Гражданина», можно воспроизвести весь калейдоскопъ смѣняющихся «фаворитовъ» и «развѣнчанныхъ» людей, и можно замѣтить въ нѣкоторые наиболѣе острые моменты извѣстное соотвѣтствіе фактическихъ перемѣнъ въ судьбѣ этихъ людей съ сужденіями о нихъ «Гражданина».

Отсюда какъ-то невольно, мало-по-малу, возникаетъ впечатлѣніе о вліяніи этой газеты, о доступности для нея, по крайней мѣрѣ, достовѣрныхъ свѣдѣній изъ центровъ дѣйствительнаго освѣдомленія. Такое впечатлѣніе, въ свою очередь, ведетъ въ извѣстныхъ кругахъ къ возникновенію желанія сблизиться съ тѣмъ, кто такъ умѣло угадываетъ событія, а, можетъ быть, даже косвенно располагаетъ возможностью направлять ихъ. Отсюда — только одинъ шагъ до стремленія людей приблизиться къ этому очагу, до желанія пользоваться имъ въ своихъ личныхъ интересахъ, до готовности идти по пути его совѣтовъ и указаній.

Этою публицистическою дѣятельностью не ограничивается, однако, стремленіе Князя Мещерскаго къ распространенію и углубленію своего дѣйствительнаго или кажущагося вліянія.

Ссылаясь все на ту же былую свою близость къ Императору Александру III, онъ начинаетъ по всякимъ поводамъ, а часто и безъ малѣйшихъ поводовъ, писать Государю письма, навязывая свои взгляды на людей и на дѣла, и не смущается тѣмъ, что многія письма остаются долго, или даже вовсе, безъ отвѣта. Онъ продолжаетъ писать и писать, добиваясь отъ времени до времени и личныхъ аудіенцій, которыя приносили ему двойную пользу. На нихъ онъ старается устраивать свои личныя дѣла или «радѣть родному человѣку», убѣждая тѣмъ воочію свой антуражъ въ своемъ исключительномъ положеніи, а еще болѣе онъ широко разсказываетъ направо и налѣво, что̀ онъ говорилъ Государю и что̀ ему говорилъ Государь, безотносительно къ тому отвѣчало ли это истинѣ или нѣтъ, и этимъ снова вселялъ онъ не только среди высшихъ провинціальныхъ чиновниковъ, аккуратно ѣздившихъ къ нему на поклонъ, но иногда и среди многихъ высшихъ столичныхъ сановниковъ такую же вѣру въ его вліяніе... И такимъ образомъ, мало-по-малу, строилось и распространялось убѣжденіе, что съ этимъ человѣкомъ, котораго ¾ его знакомыхъ не стѣснялись характеризовать недвусмысленными эпитетами, слѣдуетъ очень и очень считаться, ибо черезъ него такъ же можно достигнуть того, чего не добьешься прямымъ путемъ, какъ и ослабить чье-то положеніе наверху.

На худой конецъ ему оказывали вниманіе и старались всякими путями и способами расположить его къ себѣ или, по край-

ней мѣрѣ, обезвредить его временами дѣйствительно немалое вліяніе не столько на дѣла, сколько на личныя назначенія, въ проведеніи которыхъ онъ особенно искусился.

Достаточно привести для характеристики хотя бы такой случай. Въ 1909 году истекало сочиненное самимъ Мещерскимъ 50-лѣтіе его публицистической дѣятельности. Друзья и приспѣшники задолго до срока стали распускать слухъ о всевозможныхъ милостяхъ, которыя посыплются по этому поводу «на главу маститаго юбиляра» вплоть до назначенія его Членомъ Государственнаго Совѣта, а самъ онъ не постѣснился лично заѣхать къ Столыпину и высказать свои вожделѣнія, которыя сводились, какъ всегда, къ выдачѣ единовременной крупной суммы: онъ говорилъ прямо о 200.000 рублей.

Не проявлявшій большого упорства въ отношеніи денежныхъ выдачъ, когда дѣло шло о той или иной политической комбинаціи, Столыпинъ передалъ мнѣ объ этомъ желаніи и просилъ ему помочь. Онъ сказалъ мнѣ при этомъ, помню дословно его обращеніе: «Я такого же мнѣнія о Мещерскомъ, какъ и Вы, но вѣдь съ волками жить — по волчьи выть; нужно снять его злобу съ нашей дороги, дабы онъ не мѣшалъ намъ своими происками дѣлать наше дѣло. Повѣрьте, Владиміръ Николаевичъ, что мы съ Вами даемъ Россіи больше, чѣмъ эти 200.000 рублей».

Я долго убѣждалъ Столыпина не дѣлать этого и, наконецъ, склонилъ его не настаивать на его намѣреніи, главнымъ образомъ, двумя аргументами. Я сказалъ ему, что давши 200.000 тысячъ, онъ разомъ утратитъ Мещерскаго, потому что ему уже нечего будетъ опасаться его, такъ какъ что бы онъ ни дѣлалъ лично ли противъ него или противъ членовъ Правительства, выданныхъ денегъ отобрать нельзя, а такіе люди всегда бранятъ тѣхъ, отъ кого получили подачку, когда не разсчитываютъ получить бо̀льшую. А затѣмъ — и это всего болѣе убѣдило Петра Аркадьевича — я сказалъ, что такая выдача, какъ 200 тысячъ, не останется тайною, и положеніе его, Столыпина, будетъ дискредитировано передъ Государственной Думой и такими кругами, которыми не слѣдуетъ пренебрегать.

Подумавши немного, Столыпинъ сказалъ мнѣ, что все-таки отдѣлаться въ «сухую», очевидно, не удастся, и нужно всячески помѣшать назначенію Мещерскаго въ Государственный Совѣтъ, — чего онъ опасался больше всего — а для этого слѣдуетъ предложить Государю назначить Мещерскому негласную пенсію въ 6.000 рублей въ годъ изъ 10-ти милліоннаго фонда.

Когда это предложеніе было принято, и Высочайшее повелѣ-

ніе испрошено, Столыпинъ былъ очень доволенъ и не разъ говорилъ мнѣ, что — «мы съ Вами дешево отдѣлались». Эту пенсію Мещерскій получалъ до своей смерти лѣтомъ 1914 года, но очень скоро тотъ же Столыпинъ убѣдился, что пріобрѣсти милости этого «безкорыстнаго» слуги своего Государя ему не удалось, такъ какъ не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ въ «Гражданинѣ» начался самый яростный походъ противъ самого Столыпина. Трудно сказать, этотъ ли походъ сталъ медленно, но вѣрно, подтачивать вліяніе Столыпина, но, во всякомъ случаѣ, походъ противъ этого выдающагося человѣка начался потому, что ловкій интриганъ подсмотрѣлъ, что Государь начинаетъ тяготиться своимъ слишкомъ популярнымъ и восхваляемымъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и далеко не прочь освободиться отъ него. Революціонная волна успѣла уже сойти, порядокъ возстановленъ и спокойствіе вернулось въ странѣ.

Хорошо освѣдомленный обо всемъ Мещерскій зналъ, конечно, о моемъ отношеніи къ вопросу о крупной единовременной выдачѣ. Во всякомъ случаѣ, ко мнѣ онъ никогда не питалъ особенной нѣжности и скорѣе относился довольно безразлично до самого моего назначенія Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Когда онъ совершенно разошелся съ Витте и въ его дневникахъ стали, время отъ времени, появляться враждебные отзывы о прежней его дѣятельности, то, въ связи съ этимъ, обо мнѣ упоминалось скорѣе сочувственно. Моему назначенію Предсѣдателемъ Совѣта предшествовали также очень рѣзкіе выпады противъ покойнаго Петра Аркадьевича, постоянно появлявшіеся въ дневникахъ за всѣ послѣдніе годы предсѣдательствованія Столыпина. Они особенно обострились съ момента конфликта его съ Государственнымъ Совѣтомъ изъ-за западнаго Земства, такъ что, когда Столыпина не стало, и на его мѣсто назначенъ былъ я, — то, соблюдая на первыхъ порахъ благопристойность въ отношеніи къ убитому сановнику, Мещерскій началъ даже хвалить меня и противопоставлять мою осторожность и безпартійность моему предшественнику будто бы «затемнявшему собою особу Государя» и выдвигавшему на слишкомъ большую высоту «конституціонный принципъ объединеннаго кабинета, совершенно несовмѣстимаго съ самодержавіемъ Русскаго Царя». Но особенной нѣжности ко мнѣ все же не было: восторженные отзывы, которые всегда сопровождали въ «Гражданинѣ» «человѣка дня» почти отсутствовали, и мнѣ приписывалось снисходительнымъ тономъ «преданность Монарху» и желаніе руководиться «не велѣніемъ Младо-Турецкаго Комитета Единенія и Прогресса» (разумѣя подъ этимъ Го-

сударственную Думу), и одною только «проникнутою благомъ» волею Монарха.

Но и это снисходительно-покровительственное отношеніе продолжалось весьма недолго. Мещерскій ожидалъ «авансовъ» съ моей стороны, но ихъ не послѣдовало, и очень быстро началось яркое охлажденіе, а потомъ, также скоро, и нескрываемая критика.

Я продолжалъ оставаться внѣ всякаго общенія съ Мещерскимъ и дѣлалъ это совершенно сознательно. Еще въ давніе, молодые мои годы, мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ въ домѣ Графа Делянова и быть свидѣтелемъ оклеветанія имъ одного изъ лучшихъ государственныхъ людей Россіи — Статсъ Секретаря Грота, которому я былъ многимъ обязанъ всею моею карьерою въ началѣ моей службы, и я рѣшился заступиться за него совершенно открыто. Это вызвало нескрываемый гнѣвъ Мещерскаго на меня, и, когда потомъ многіе совѣтовали мнѣ не пренебрегать знакомствомъ съ нимъ, я отказался наотрѣзъ, понимая, что всякая попытка въ этомъ направленіи была бы только опасна. Или мнѣ предстояло окунуться въ атмосферу Гродненскаго переулка и обратиться въ болѣе или менѣе послушное орудіе Князя Мещерскаго, если бы я хотѣлъ обезпечить себѣ его поддержку, ставя на карту мою нравственную репутацію, или же, ограждая ее и сохраняя свободныя руки, поставить себя въ полную независимость отъ нея и оградить себя отъ всякаго упрека въ принадлежности къ его окруженію.

Я выбралъ послѣдній путь и долженъ былъ, въ концѣ концовъ, проиграть.

Первыхъ шесть мѣсяцевъ моихъ отношеній къ Мещерскому прошли довольно гладко, а затѣмъ, къ веснѣ, все измѣнилось, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла.

Что же случилось за этотъ короткій промежутокъ времени? Не упоминая вовсе объ одномъ мелкомъ вопросѣ — о назначеніи пенсіи одному чиновнику, въ судьбѣ котораго Мещерскій принималъ участіе и въ которомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ не были достаточно предупредительны къ его желаніямъ, я упоминаю лишь о другомъ болѣе характерномъ инцидентѣ, который я первоначально вовсе не поставилъ въ какую-либо связь съ выпадами Мещерскаго противъ меня, но который имѣлъ, несомнѣнно, большое вліяніе на наши отношенія.

Весною 1912 года происходили на Биржѣ очередные выборы фондовыхъ маклеровъ. На одну изъ трехъ освободившихся вакансій оказался избраннымъ, и притомъ ничтожнымъ большин-

ствомъ голосовъ, нѣкій г. Манусъ, репутація котораго, какъ спекулянта низшей пробы, не свободнаго отъ пріемовъ шантажиста, извѣстна была всѣмъ и каждому. Биржа въ эту пору отличалась крайне неустойчивымъ и нездоровымъ направленіемъ. Неудержимое повышательное настроеніе смѣнялось, безъ всякаго повода, стремительною понижательною тенденціею. На это лихорадочное настроеніе жаловалась и широкая публика и печать, оно же вредно отражалось на настроеніи, въ особенности Парижской биржи въ отношеніи русскихъ фондовъ, и мнѣ приходилось даже принимать энергическія мѣры къ недопущенію безпричиннаго пониженія нашихъ фондовъ. Среди солидныхъ финансовыхъ дѣятелей переходилъ изъ устъ въ уста слухъ о томъ, что Манусъ стоитъ въ центрѣ всей необузданной спекуляціи, и мнѣ были даже представлены доказательства того, что въ искуственномъ и крайне вредномъ для всего Паржскаго рынка русскихъ цѣнностей пониженіи Бакинскихъ акцій Манусъ игралъ несомнѣнную роль.

Неудивительно поэтому, что, когда Фондовый Совѣтъ Петербургской Биржи представилъ на мое утвержденіе выбранныхъ маклеровъ, я обратилъ особое вниманіе на то, что въ своемъ представленіи мнѣ Фондовый Отдѣлъ сказалъ совершенно открыто и безъ всякихъ прикрасъ и оговорокъ, что, въ виду общеизвѣстныхъ моральныхъ свойствъ г. Мануса, его предосудительнаго прошлаго и рѣзко выраженной спекулятивной его дѣятельности среди дѣльцовъ самаго темнаго разбора, — утвержденіе его фондовымъ маклеромъ представляется глубоко нежелательнымъ.

Безъ малѣйшаго колебанія я одобрилъ докладъ Кредитной Канцеляріи о неутвержденіи Мануса и предложилъ произвести новые выборы. У меня не было другого способа дѣйствій. Утвержденіе или неутвержденіе избранныхъ маклеровъ составляло дискреціонное право Министра Финансовъ. Личность Мануса была мнѣ болѣе чѣмъ извѣстна; заключеніе Совѣта Фондоваго Отдѣла Биржи, если и грѣшило чѣмъ-либо, то развѣ ничѣмъ не смягченною рѣзкостью, и утвердить Мануса я не имѣлъ никакой возможности, не вступая въ конфликтъ съ Совѣтомъ Фондоваго Отдѣла, который имѣлъ бы полное право сказать, въ случаѣ его утвержденія, что Министръ самъ покровительствуетъ завѣдомымъ спекулянтамъ, и притомъ самымъ вреднымъ и беззастѣнчивымъ, и мѣшаетъ Совѣту оздоровлять биржевую атмосферу.

На Биржѣ мое рѣшеніе произвело наилучшее впечатлѣніе; кое-кто сильно приспустилъ тонъ, въ особенности, когда, одно-

временно съ этимъ, я назначилъ ревизію одного Банкирскаго учрежденія, извѣстнаго также своею широкою спекулятивною дѣятельностью, и возбудилъ обвиненіе противъ не менѣе извѣстнаго спекулянта Захарія Жданова.

Манусъ, разумѣется, затаилъ противъ меня прямую злобу. Я не обращалъ на всѣ его выступленія никакого вниманія, и Манусъ больше ко мнѣ не обращался. Не обращался ни разу и Мещерскій, но только, немедленно послѣ моего отказа, въ «Гражданинѣ» возобновилась ожесточенная травля противъ меня и Давыдова, и, между прочимъ, появился тотъ дневникъ объ опасности для Монархическаго строя самаго существованія Предсѣдателя Совѣта Министровъ, о которомъ я уже упомянулъ и который вызвалъ мой докладъ Государю на Яхтѣ «Штандартъ»

На связь этихъ новыхъ выпадовъ съ дѣломъ и личностью Мануса открылъ мнѣ глаза не только Давыдовъ, повидимому, хорошо знавшій всю подкладку взаимныхъ отношеній этихъ господъ, сколько В. И. Тимирязевъ, періодически сходившійся съ Мещерскимъ, когда онъ закрѣплялъ свое положеніе какъ Министра Торговли, или совершенно расходившійся съ нимъ, когда онъ возвращался къ болѣе прибыльной банковой и торгово-промышленной дѣятельности.

Пріѣхавши однажды ко мнѣ на Елагинъ Островъ вечеромъ, Тимирязевъ заговорилъ о кампаніи Мещерскаго противъ меня, о необходимости для пользы дѣла и во имя сохраненія меня для интересовъ промышленности «повернуть», какъ онъ выразился, «Мещерскаго въ нашу пользу» и указалъ, что это вовсе не такъ трудно сдѣлать, если только я соглашусь утвердить Мануса Биржевымъ Маклеромъ.

Тимирязевъ пояснилъ мнѣ, что Манусъ имѣетъ огромное вліяніе на Мещерскаго, спекулируетъ за его счетъ на Биржѣ, пишетъ, правда, гнусныя замѣтки по финансовымъ вопросамъ въ «Гражданинѣ» и, при содѣйствіи Мещерскаго, пробрался даже къ Генералъ-Адъютанту Нилову, но «завтра же будетъ въ Вашемъ распоряженіи», сказалъ Тимирязевъ, «если только Вы уполномочите меня сказать ему, что Манусъ получитъ званіе маклера». Я сказалъ Тимирязеву совершенно точно какъ стоитъ это дѣло, предложилъ на другой день прочитать представленіе Фондоваго Совѣта и затѣмъ самому рѣшить какъ долженъ и можетъ поступить, въ настоящемъ случаѣ, уважающій себя человѣкъ. На это Тимирязевъ, подумавши немного, сказалъ тутъ же: «я бы зналъ какъ поступить, — я бы свалилъ все на Давыдова, пообѣщалъ, въ случаѣ вторичнаго избранія, непремѣнно утвердить и

заключить бы съ этими господами оборонительно-наступательный союзъ, заставивши ихъ служить мнѣ, хотя бы цѣною нѣкоторыхъ подачекъ, — но хорошо знаю, что Вы такъ не поступите, и долженъ поэтому сказать Вамъ прямо, что вся эта компанія будетъ постоянно вредить Вамъ, а она гораздо болѣе сильна, нежели Вы это думаете».

Прошло довольно много времени послѣ этого разговора; выпады противъ меня продолжались; не было ни одного номера «Гражданина», чтобы не появлялось какой-либо статьи противъ Давыдова и попутно, не посылались шпильки и въ мою сторону.

Съ осени 1912 года мы ни разу не встрѣчались съ Мещерскимъ и только время отъ времени, черезъ посредство Давыдова, до меня доходили свѣдѣнія о томъ, что за завтраками у Кюба Манусъ продолжалъ не стѣсняясь громко говорить жадно прислушивавшейся къ нему аудиторіи биржевиковъ и всякаго рода дѣльцовъ, что мои дни сочтены, что я «не доживу» до моего 10-тилѣтняго юбилея, и что онъ готовъ держать пари «хотя бы на 200.000 р.» за то, что до февраля 1914 года меня не будетъ на моемъ посту. Мнѣ оставалось только одно — слушать всѣ эти разсказы и наблюдать за ходомъ событій, постепенно развертывавшихся въ совершенно опредѣленную картину.

Ждать оставалось не долго.

Слѣдующее мѣсто въ моей ликвидаціи я отвожу А. В. Кривошеину. Это былъ человѣкъ далеко не заурядный, умный, крайне самолюбивый, вкрадчивый въ своихъ формахъ, проявлявшій много дѣловой энергіи и отлично умѣвшій выбирать для своего окруженія способныхъ людей.

Мои отношенія къ нему, до самаго послѣдняго времени, примѣрно до конца ноября 1913 года, были наружно очень хорошія. За исключеніемъ крупной нашей размолвки по Крестьянскому Банку, ликвидированной самимъ же Кривошеинымъ въ 1911 году, а также періодовъ составленія ежегодныхъ смѣтъ на предстоящій годъ, когда, совершенно естественно, Кривошеинъ, какъ и всякій Министръ, стремился получить больше средствъ для своего вѣдомства, а я, какъ Министръ Финансовъ, пытался умѣрять его требованія, хотя всегда шелъ очень широко въ увеличеніи его кредитовъ, — наши отношенія были почти дружескія. Мы рѣдко расходились въ Совѣтѣ Министровъ по большинству острыхъ и крупныхъ вопросовъ, мы всегда находили общій языкъ и обоюдное пониманіе. Время отъ времени онъ даже какъ-то особенно близко подходилъ ко мнѣ, входилъ въ самыя сокровенныя бесѣ-

ды, открывая мнѣ, что называется, свою душу и доходя даже до такихъ тайниковъ своего мышленія, какъ, напримѣръ, пессимистическій анализъ характера Государя, приводившій постоянно Кривошеина, по его словамъ, къ мрачнымъ выводамъ о будущемъ Россіи и грозящей ей, рано или поздно, катастрофою отъ того рокового вліянія, которое имѣютъ на ея судьбы случайные люди. Подчасъ мнѣ казалось, что его откровенность въ этомъ вопросѣ имѣла цѣлью узнать лишь мой взглядъ на него, и я высказывался всегда очень сдержанно, не давая ему повода отождествлять меня съ нимъ.

Но основною чертою Кривошеина всегда была, рядомъ съ исключительно обостреннымъ самолюбіемъ, большой карьеризмъ и погоня за популярностью. Онъ зорко слѣдилъ за барометромъ наверху, преклоняясь передъ каждою восходящею силою и отходя отъ нея съ удивительною быстротою, коль скоро ему становилось очевидно, что эта сила пошатнулась. Такъ было и со Столыпинымъ, о чемъ было подробно сказано мною въ своемъ мѣстѣ.

Всегда прекрасно освѣдомленный обо всемъ, что касалось тайниковъ бюрократіи и даже вліятельныхъ придворныхъ круговъ, Кривошеинъ чувствовалъ уже съ половины лѣта 1913 года, что мое положеніе пошатнулось, что меня еще терпятъ, но что скоро начнется моя ликвидація, и къ ней онъ сталъ готовиться. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что если бы Кривошеинъ только желалъ сѣсть на мѣсто Предсѣдателя Совѣта Министровъ, то, въ концѣ 1912 года, это ему удалось бы безъ большого труда.

Императрица его жаловала въ ту пору и показывала свою милость самымъ наглязднымъ образомъ: во время его дѣйствительной или преувеличенной болѣзни въ ноябрѣ-декабрѣ 1912 года не проходило дня, чтобы дважды, утромъ и вечеромъ, она не справлялась о его здоровьи, и святая вода отъ Серафима Саровскаго постоянно находилась у него, присланная отъ имени Императрицы.

Но брать на себя всю тяготу отвѣтственности за общее направленіе дѣлъ, въ особенности среди надвигавшихся осложненій, Кривошеинъ не хотѣлъ. Онъ хорошо понималъ и, пожалуй даже лучше, чѣмъ кто-либо, оцѣнивалъ, что въ Россіи первому Министру опереться не на кого. Его жалуютъ только пока человѣкъ не выдвигается слишкомъ опредѣленно въ общественномъ мнѣніи и не играетъ роли дѣйствительнаго правителя; а стоитъ этому человѣку пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на дѣла, — какъ наступаетъ для него пора, чреватая всякими неожиданностями.

Государственная Дума 4-го созыва, болѣе, нежели Дума 3-го созыва, слабая по своему составу, но преисполненная большого самомнѣнія и даже, въ значительномъ числѣ членовъ, мечтавшая управлять страной черезъ посредство руководимаго ею Правительства, эта Дума просто не можетъ служить опорою, такъ какъ не въ состояніи договориться съ Правительствомъ на опредѣленной программѣ требованій и не рѣшится встать открыто на сторону Правительства, отказавшись затрагивать такіе вопросы, по которымъ Правительство не можетъ дать своего согласія.

Государственный Совѣтъ въ своемъ большинствѣ давалъ безспорное правое большинство, съ которымъ постоянно считался Кривошеинъ. Но опираться на него онъ все-таки не хотѣлъ, потому что открыто примыканіе къ нему было для него равносильно полному разрыву съ Государственною Думою и не съ нею одною, а также съ земскими кругами и съ нѣкоторыми «салонами», нечуждыми прогрессивности, гдѣ онъ пользовался репутаціею человѣка передовыхъ взглядовъ, которыхъ у него было не много. Ему нужно было стоять на обоихъ берегахъ быть правымъ въ одномъ мѣстѣ и умѣренно лѣвымъ въ другомъ, говорить всегда и вездѣ то, что было пріятно слушателю, не особенно стѣсняясь тѣмъ, что рано или поздно такая эквилибристика неизбѣжно не устоитъ. Такому человѣку невыгодно было принимать на себя открыто отвѣтственную роль въ такую трудную пору и гораздо пріятнѣе было подготовить такую комбинацію, при которой онъ оставался бы юридически въ тѣни, но выдвигалъ другого, послушнаго себѣ человѣка на первую роль, а самъ, за кулисами, сосредоточивалъ бы въ себѣ полноту фактической власти, отлично понимая, что весь успѣхъ будетъ приписанъ ему, а всякую неудачу можно всегда отстранить отъ себя. И онъ избралъ именно эту благую часть, и никто другой не сумѣлъ бы разыграть ее столь ловко, какъ этотъ дѣйствительно искусный человѣкъ, однимъ ударомъ достигнувъ самыхъ разнообразныхъ и одинаково близкихъ его сердцу, цѣлей: свалить упорнаго и скупого Министра Финансовъ, замѣнить его своимъ человѣкомъ, лишеннымъ всякаго авторитета, но заранѣе, изъ чувства элементарной благодарности, готовымъ идти навстрѣчу его желаній, и поставить во главѣ Правительства такое лицо, которое, въ глазахъ всего общества, не можетъ вести какую-либо собственную политику, подчинить его своему вліянію и, за его спиною, его именемъ, вести свою личную политику, дабы всякій зналъ, что душою Правительства и его движущею пружиною является только Александръ Васильевичъ, — русская eminence grise нашихъ дней.

Такая разностороння цѣль и достигнута была раздѣленіемъ моей должности на двѣ, съ проведеніемъ на мѣсто Предсѣдателя Совѣта престарѣлаго Горемыкина, а на мѣсто Министра Финансовъ — Барка. Это сочетаніе было единственно возможное и способное устранить всякія колебанія наверху. Недаромъ, еще за полгода до моего удаленія, князь Мещерскій въ одномъ изъ своихъ дневниковъ указывалъ на необходимость замѣнить «черезчуръ самовластнаго, хоть и болѣе осторожнаго Коковцова, но все же слишкомъ открыто играющаго въ руку россійскимъ Младо-Туркамъ, болѣе уравновѣшаннымъ и испытаннымъ сановникомъ, нелицепріятно служившимъ Государю всю свою долгую жизнь и сумѣвшимъ подавить въ себѣ даже чувство горечи, когда Государю было угодно замѣнить его болѣе молодымъ и не менѣе преданнымъ ему слугою». Читай — увольненіе Горемыкина съ поста Министра Внутреннихъ Дѣлъ и замѣна его Сипягинымъ.

Кривошеинъ отлично зналъ, что Горемыкинъ угоденъ Государю, что время отъ времени его приглашаютъ въ Царское Село на совѣщанія или просто для разговоровъ, и что многія рѣшенія принимаются послѣ такихъ разговоровъ. Онъ зналъ, что Горемыкинъ не удовлетворитъ никого своею пассивностью и безразличіемъ; зналъ онъ и то, что его любимое слово, о чемъ бы не заговорили, всегда было — «это вздоръ, чепуха, къ чему это!», но имъ руководила увѣренность, что при давнихъ добрыхъ съ нимъ отношеніяхъ, Горемыкинъ не станетъ мѣшать ему въ работѣ и всегда отстранитъ всякія тренія съ другими коллегами.

Характерно то, что Горемыкинъ и самъ съ циничною ироніей смотрѣлъ на свое назначеніе. Посѣтивши меня на другой день послѣ моего увольненія, 31-го января, онъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ на мое пожеланіе успѣха, знаменательныя слова: «какой же можетъ быть успѣхъ, вѣдь я напоминаю старую енотовую шубу, которая давно уложена въ сундукъ и засыпана камфарою и совершенно недоумѣваю зачѣмъ я понадобился; впрочемъ, эту шубу такъ же неожиданно уложатъ снова въ сундукъ, какъ вынули изъ него». А на мое замѣчаніе — какъ Вы могли согласиться пойти на явно неисполнимое дѣло, отведенное въ Барковскомъ рескриптѣ, я получилъ обычный отвѣтъ: «все это чепуха, одни громкія слова, которыя не получатъ никакого примѣненія; Государь повѣрилъ тому, что Ему наговорили, очень скоро забудетъ объ этомъ новомъ курсѣ и все пойдетъ по старому. Я ему не возражалъ противъ Его увлеченія, потому что считаю, что Вашею ошибкою было всегда то, что Вы принимали все въсерьезъ и старались всегда, хотя и очень умѣло и осторожно, отстаивать то,

что считали правильнымъ. Но это было непрактично. Государю не слѣдуетъ противорѣчить. Да впрочемъ, я хорошо и не знаю рескрипта Барку».

Тутъ Горемыкинъ допустилъ уже прямую неправду. Онъ отлично зналъ объ этомъ рескриптѣ и самъ участвовалъ въ его составленіи. Я имѣлъ самое точное свѣдѣніе о томъ, что рескриптъ писался на квартирѣ Кривошеина, при постоянномъ участіи самого Горемыкина и Барка, не разъ передѣлывался и исправлялся и окончательное редактированіе его, подъ руководствомъ Кривошеина происходило при самомъ близкомъ участіи Горемыкина. Затѣмъ проектъ рескрипта не разъ возился Баркомъ къ Мещерскому и кочевалъ обратно къ Кривошеину, и самъ Кривошеинъ, за два мѣсяца передъ тѣмъ болѣвшій и невыѣзжавшій изъ дома, сталъ выѣзжать и посѣтилъ больного Мещерскаго, за два дня до полученія мною письма отъ Государя. Съ нимъ видѣлся тамъ близкій мнѣ докторъ Читаевъ.

Рука Кривошеина оказалась вѣроятно и въ томъ отличіи, которое оказано было мнѣ возведеніемъ меня въ графское достоинство. Онъ зналъ объ этомъ еще тогда, когда письмо Государемъ мнѣ не было написано, и мысль объ этомъ пожалованіи принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, именно ему. Многіе приписывали ее Императрицѣ-Матери, которая была ко мнѣ очень расположена, но это совершенно невѣрно. Она и не подозрѣвала о моей отставкѣ и не могла вовсе говорить о какомъ-либо смягченіи удара. Для Кривошеина же это отличіе было чрезвычайно важно. Онъ хорошо зналъ, что для меня удаленіе было очень тяжело; въ душѣ онъ отлично сознавалъ это и, какъ исключительно ловкій человѣкъ, онъ прекрасно зналъ, что рано или поздно я узнаю о его участіи въ моемъ увольненіи, но узнаю также и объ оказанномъ мнѣ почетномъ отличіи, и сохраню, быть можетъ, добрыя съ нимъ отношенія, которыя по теоріи «какъ знать, что можетъ случиться въ будущемъ», могутъ еще пригодиться.

Но наши отношенія не сохранились, притомъ исключительно по моей винѣ, какъ разошлись совсѣмъ и наши дороги. Я остался въ тѣни, меня совершенно игнорировали даже тогда, когда война могла требовать моего стараго опыта, хотя бы для того, чтобы помочь избѣжать особыхъ ошибокъ, если только это было возможно.

Когда послѣ смерти Гр. Витте, въ февралѣ 1915-го года, освободился постъ Предсѣдателя Финансоваго Комитета, и возникъ вопросъ о моемъ назначеніи, Кривошеинъ и Рухловъ, состоявшіе членами Финансоваго Комитета, уговорили Горемыкина

не допустить моего назначенія и соединить эту должность, въ цѣляхъ объединенія власти, съ должностью Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Такъ и было поступлено.

Такой же маневръ продѣланъ былъ впослѣдствіи еще разъ, въ началѣ 1916-го года, послѣ удаленія Горемыкина съ поста Предсѣдателя Совѣта Министровъ и замѣны его Штюрмеромъ. Подъ предлогомъ концентраціи въ одномъ лицѣ поста главы Правительства и Предсѣдателя Финансоваго Комитета, послѣдняя должность была поручена опять ничего не смыслившему Штюрмеру и это въ ту пору, когда было уже ясно, что война вела насъ неуклонно къ финансовой катастрофѣ. Лично мнѣ не было никакого повода сожалѣть объ этомъ, и я упоминаю объ этомъ только для полноты картины.

Подъ конецъ, впрочемъ, Кривошеину пришлось и самому убѣдиться въ томъ, что онъ сильно ошибся въ разсчетѣ на Горемыкина. Ему не удалось завладѣть имъ и заставить его дѣйствовать по указкѣ. Горемыкинъ оказался сильнѣе Кривошеина, хотя и не надолго. Ихъ дороги стали все больше и больше расходиться, а послѣ знаменитаго столкновенія въ Совѣтѣ Министровъ въ августѣ 1916 года, Кривошеину не оставалось ничего иного какъ покинуть Министерство Земледѣлія, незадолго впрочемъ до того, какъ закатилась окончательно звѣзда и самого Горемыкина.

Перемѣнилось и къ Кривошеину отношеніе Императрицы еще до его отставки и изъ человѣка близкаго, надежнаго и достойнаго полнаго довѣрія — онъ перешелъ въ станъ такихъ же не оправдавшихъ оказаннаго ему довѣрія, какъ и многіе другіе, и въ томъ числѣ я. Письма покойной Императрицы даютъ немалое количество тому доказательствъ.

На особомъ мѣстѣ въ кампаніи, веденной противъ меня, слѣдуетъ поставить Графа Витте. Характеристикѣ нашихъ съ нимъ отношеній мнѣ невольно приходится отвести нѣсколько болѣе мѣста, такъ какъ на пространствѣ двадцати лѣтъ нашихъ отношеній было не мало явленій, представляющихъ особый интересъ.

Во всемъ, что написано уже мною, я не давалъ и не собираюсь давать въ моихъ Воспоминаніяхъ оцѣнки государственной и финансовой дѣятельности этого безспорно выдающагося человѣка. Да это и ненужно, какъ я объясняю дальше.

Я разскажу только объ участіи Гр. Витте въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя привели къ моему увольненію, и постараюсь выяснить почему, дѣйствуя вначалѣ за кулисами, онъ открыто сталъ затѣмъ на сторону моихъ противниковъ, и какіе пути из-

бралъ онъ для достиженія своей цѣли. Дѣлаю это я не изъ какихъ-либо личныхъ побужденій, а изъ убѣжденія, что это необходимо для выясненія тѣхъ условій, въ которыхъ проходила моя государственная работа, и которыя ярко отражаютъ, какъ мнѣ кажется, событія минувшей поры.

Казалось все слагалось такъ, чтобы между Гр. Витте и мною установились прочныя добрыя отношенія и создалась почва для плодотворнаго сотрудничества. Но судьба судила иное и притомъ не только за послѣдній періодъ моей активной работы, но и гораздо раньше, когда мнѣ пришлось занимать болѣе скромное положеніе. Начало нашихъ взаимныхъ отношеній съ Гр. Витте было не совсѣмъ обычное.

Мы встрѣтились впервые задолго до той поры, которой посвящены мои Воспоминанія. Это произошло въ стѣнахъ Государственнаго Совѣта прежняго устройства, осенью 1892 года, вскорѣ послѣ того, что С. Ю. Витте, послѣ короткаго времени управленія министерствомъ путей сообщенія, былъ назначенъ въ августѣ этого года Министромъ Финансовъ, на смѣну тяжко заболѣвшаго И. А. Вышнеградскаго. Въ началѣ того же года я былъ назначенъ Статсъ-Секретаремъ Департамента Государственной Экономіи по смѣтной части.

Такимъ образомъ, начало осенней сессіи Государственнаго Совѣта 1892 года и, въ частности, смѣтной его работы, было порою перваго примѣненія С. Ю. Витте его взглядовъ на вопросы бюджета и финансоваго управленія. Для меня это былъ также первый годъ моего близкаго участія, въ качествѣ докладчика Департаменту Экономіи вносимыхъ Министрами смѣтъ и въ предварительной разработкѣ возникающихъ по нимъ вопросовъ.

Въ этотъ годъ, въ виду смѣны руководителя Финансоваго Вѣдомства, члены Департамента Экономіи выразили пожеланіе, чтобы канцелярія нѣсколько отошла отъ несвободныхъ, до извѣстной степени, рутинности прежнихъ методовъ подготовленія смѣтъ къ докладу и развила составленіе справочнаго матерьяла, облегчающаго Департаменту провѣрку смѣтныхъ исчисленій. Это пожеланіе вытекало столько же изъ не вполнѣ обычныхъ первыхъ выступленій въ Государственномъ Совѣтѣ новаго руководителя финансоваго вѣдомства, отчасти же объяснялось чистичнымъ обновленіемъ состава смѣтнаго отдѣленія Государственной Канцеляріи въ лицѣ моемъ какъ новаго Статсъ-Секретаря и приглашеніемъ на одну изъ должностей Помощника Статсъ-Секретаря, по моему представленію С. В. Рухлова, впослѣдствіи Министра Путей Сообщенія отъ 1909-го по 1915 годъ. Это былъ очень даро-

витый человѣкъ, хотя и съ своеобразными государственными взглядами; онъ погибъ отъ руки большевиковъ въ Пятигорскѣ, осенью 1918-го года.

На этой почвѣ, такъ сказать, болѣе дѣятельнаго отношенія Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ смѣтъ и произошло рѣзкое столкновеніе между Департаментомъ и Министромъ Финансовъ, по смѣтѣ доходовъ отъ прямыхъ налоговъ на 1893 годъ, — въ частности, въ отношеніи поступленія отъ выкупныхъ платежей.

Составленныя Государственною Канцеляріею подробныя справки, заимствованныя исключительно изъ отчетовъ Государственнаго Контроля и свѣдѣній самого Министерства Финансовъ, были подробно разсмотрѣны Департаментомъ въ присутствіи замѣнявшаго Министра его Товарища А. П. Иващенкова, хорошаго знатока смѣтнаго дѣла, и послужили поводомъ къ нѣкоторому увеличенію ожидаемаго дохода. Заключенія Департамента были подробно мотивированы и прошли всѣ истанціи, не встрѣтивъ никакихъ замѣчаній ни по существу, ни по изложенію основныхъ соображеній.

Но представленный Министру для подписи журналъ Департамента имъ не былъ подписанъ и вернулся къ Государственному Секретарю при особомъ письмѣ С. Ю. Витте, въ которомъ, въ выраженіяхъ величайшей рѣзкости, содержалось обвиненіе чиновъ Государственной Канцеляріи въ неправильномъ составленіи справокъ, «несомнѣнно введшихъ Департаментъ въ полное заблужденіе и притомъ неизвѣстно откуда заимствованныхъ». Письмо заканчивалось просьбою сообщить откуда именно взяты невѣрныя свѣдѣнія.

Не доставало только обвиненія чиновъ Государственной Канцеляріи, и въ первую голову меня — такъ какъ моя фамилія была даже упомянута въ текстѣ письма — въ совершеніи служебнаго подлога.

Не трудно представить себѣ каково было отношеніе къ возникшему инциденту не только смѣтнаго отдѣленія Государственной Канцеляріи, но и всего состава Департамента, въ которомъ засѣдали тогда такіе выдающіеся государственные люди, какъ Генералъ-Адъютантъ М. П. Кауфманъ, В. М. Маркусъ, М. С. Кахановъ и др.

Они приняли возведенное на Канцелярію обвиненіе — обвиненіемъ противъ нихъ самихъ, такъ какъ они взвѣсили весь справочный матерьялъ съ величайшимъ вниманіемъ, а основан-

ное на немъ заключеніе выражало только безупречное изложеніе высказанныхъ ими сужденій.

Письмо Министра Финансовъ дошло до свѣдѣнія Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Великаго Князя Михаила Николаевича, который поручилъ Государственному Секретарю произвести самый тщательный разборъ всего дѣла и, не сомнѣваясь въ безупречности работы чиновъ Канцеляріи, высказалъ, что имъ должно быть дано полное удовлетвореніе.

Разслѣдованіе было возложено на Товарища Государственнаго Секретаря, извѣстнаго криминалиста Николая Андріановича Неклюдова. Немного времени потребовалось ему, чтобы сличить составленныя справки съ документами, на которыхъ онѣ были основаны, просмотрѣть записи сужденій Департамента и вынести самое лестное для Канцеляріи заключеніе объ исполненной ею работѣ.

По указанію Великаго Князя Михаила Николаевича, Государственный Секретарь Н. В. Муравьевъ, впослѣдствіи Министръ Юстиціи и затѣмъ посолъ въ Римѣ, написалъ Министру Финансовъ отвѣтное письмо, въ которомъ въ выраженіяхъ, не оставляющихъ мѣста какому-либо недоразумѣнію, заявилъ, что чины Канцеляріи не заслужили того упрека, который имъ столь несправедливо сдѣланъ, что они не вышли за предѣлы ихъ служебнаго долга, и что Члены Департамента Государственной Экономіи всецѣло раздѣляютъ его заключеніе и могутъ только отнестись къ работѣ чиновъ Канцеляріи съ величайшею признательностью за ту помощь, которую они оказываютъ Департаменту въ разработкѣ смѣтнаго матерьяла.

Лично мнѣ Муравьевъ сказалъ, что если Министръ Финансовъ не сочтетъ возможнымъ сознаться въ допущенной имъ несправедливости по отношенію къ чинамъ Государственной Канцеляріи, то Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, вѣроятно, доведетъ о случившемся до свѣдѣнія Государя. Отвѣтъ С. Ю. Витте не замедлилъ придти. Въ немъ Министръ Финансовъ выразилъ свое сожалѣніе о случившемся недоразумѣніи и сообщилъ, что оно произошло вслѣдствіе того, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе неосновательнымъ докладомъ Директора Департамента Окладныхъ Сборовъ И. Д. Слободчикова, недостаточно внимательно свѣрившаго журналъ Департамента съ отчетными данными, на которыхъ онъ основанъ. Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что Директору Департамента просто пришлось взять на себя чужую вину.

На этомъ и закончился весь этотъ конфликтъ. Министръ

Финансовъ подписалъ журналъ, Департаментъ Экономіи ни въ чемъ не измѣнилъ своего рѣшенія и его обоснованія, и только долгое время хранилось у него воспоминаніе о безцѣльно возникшемъ столкновеніи. При первой моей встрѣчѣ съ С. Ю. Витте послѣ этого эпизода онъ молча поздоровался со мною и никогда болѣе къ этому эпизоду не возвращался.

Возобновленіе нашихъ нормальныхъ отношеній произошло уже въ слѣдующемъ 1893-мъ году.

На должность своего второго Товарища Министра С. Ю. Витте пригласилъ своего близкаго знакомаго по Кіеву и, кажется, даже его личнаго друга А. Я. Антоновича. Никто его въ Петербургѣ не зналъ и ни о чемъ, относящемся до столичной жизни и до работы въ центральныхъ и высшихъ государственныхъ управленіяхъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Быть можетъ онъ былъ и прекраснымъ профессоромъ и выдающимся ученымъ, но появленіе его на петербургскомъ горизонтѣ произвело на первыхъ же порахъ одно сплошное недоумѣніе не только его своеобразною рѣчью и, какъ говорили тогда, съ какимъ-то особеннымъ «юго-западнымъ» жаргономъ, но и полнѣйшимъ неумѣніемъ разобраться въ самыхъ простыхъ вопросахъ и отвѣтить на самое простое дѣловое замѣчаніе, каждый разъ, какъ онъ появлялся въ Государственномъ Совѣтѣ.

Сначала его Министръ пытался оправдывать его новизною обстановки, въ которой ему пришлось появиться, выражая увѣренность въ томъ, что при его высокихъ дарованіяхъ онъ скоро найдетъ свое равновѣсіе, но затѣмъ и ему пришлось убѣдиться въ неудачномъ своемъ выборѣ и даже въ отвѣтъ на недоумѣнные разсказы о его выступленіяхъ, самъ онъ началъ разсказывать о томъ, что и въ Кіевѣ съ нимъ случалось немало анекдотовъ.

Попробовалъ было Министръ Финансовъ попросить меня помочь Антоновичу передъ засѣданіями Совѣта указаніями по какимъ дѣламъ ему лучше не настаивать на мнѣніяхъ своего вѣдомства и по какимъ онъ можетъ, и въ какомъ объемѣ разсчитывать на поддержку Департамента, но изъ этого тоже ничего не выходило, при самомъ моемъ добросовѣстномъ желаніи исполнить эту просьбу.

Антоновичъ перепутывалъ всѣ дѣла, и для самого Министра стало очевиднымъ, что проще всего ему вовсе не появляться въ Государственномъ Совѣтѣ.

Не лучше была его участь и въ Сенатѣ. Тамъ онъ безнадежно проигрывалъ всѣ дѣла. Ему не осталось ничего иного, какъ и самому убѣдиться въ непригодности своей къ новой для

него дѣятельности, и скоро онъ сталъ заниматься внутреннею работою въ Министерствѣ, на которой удача его была не больше, чѣмъ въ его внѣшней дѣятельности.

Время шло, наступилъ 1895 годъ, и стало извѣстно, что Антоновичъ взялъ продолжительный отпускъ и уѣхалъ въ Кіевъ, а Министръ начинаетъ пріискивать себѣ новаго Товарища.

Мнѣ неизвѣстно къ кому именно онъ обращался, но какъ-то въ началѣ 1895 года, на одномъ изъ моихъ докладовъ, передъ очереднымъ засѣданіемъ Департамента Экономіи председатель его Гр. Сольскій сказалъ мнѣ, что С. Ю. Витте говорилъ ему, что онъ хотѣлъ бы предложить мнѣ принять должность его Товарища, но не знаетъ приму ли я ее и не сохранилось ли у меня до сихъ поръ воспоминанія о столкновеніи съ нимъ въ концѣ 1892 года.

Гр. Сольскій прибавилъ, что онъ горячо поддерживалъ намѣреніе Витте и даже предложилъ переговорить со мною и передать ему мой отвѣтъ.

Я отвѣтилъ Гр. Сольскому, что чувствую себя совершенно удовлетвореннымъ моимъ служебнымъ положеніемъ, не ищу никакого улучшенія и, хотя и имѣю склонность къ болѣе активной работѣ, но въ особенности опасался бы перехода въ Министерство Финансовъ, при близко мнѣ извѣстномъ теперь рѣзкомъ и невыдержанномъ характерѣ Министра, что для меня тѣмъ болѣе чувствительно, что я давно избалованъ отношеніемъ ко мнѣ цѣлаго ряда моихъ непосредственныхъ начальниковъ, начиная отъ Статсъ-Секретаря Грота въ пору моей молодости, а затѣмъ и строгаго и требовательнаго А. А. Половцева и, наконецъ, его самого.

На этомъ и остался возбужденный вопросъ въ ту пору. Онъ возобновился въ самомъ началѣ осенней сессіи Государственнаго Совѣта 1895 года. Гр. Сольскій снова заговорилъ о продолжающемся желаніи С. Ю. Витте предложить мнѣ мѣсто своего Товарища и сказалъ, что еще на-дняхъ объ этомъ зашла бесѣда и Витте въ отвѣтъ на мои слова, сказанныя весною, просилъ передать мнѣ, что онъ готовъ дать мнѣ какія я захочу гарантіи въ томъ, что я никогда не встрѣчу съ его стороны ни малѣйшей непріятности, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, «его сотрудники часто больше ругаютъ его, чѣмъ онъ ругаетъ ихъ».

Тѣмъ временемъ, совершенно неожиданно для меня, послѣдовало назначеніе меня на должность Товарища Государственнаго Секретаря, и я пересталъ думать о существующемъ предположеніи,

хотя характеръ работы по этой послѣдней должности совершенно не отвѣчалъ моимъ вкусамъ.

Въ началѣ 1896 года, какъ-то утромъ, безъ всякаго предупрежденія заѣхалъ ко мнѣ на квартиру С. Ю. Витте и въ самыхъ простыхъ и даже дружескихъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ занять должность его Товарища, пояснивъ заранѣе, какія части вѣдомства предполагаетъ онъ поручить моему завѣдыванію. При этомъ, въ отвѣтъ на переданныя ему Гр. Сольскимъ мои опасенія, онъ сказалъ, что даетъ мнѣ слово, что я никогда не услышу отъ него ни малѣйшей рѣзкости и, въ качествѣ «вещественной» гарантіи предлагаетъ обезпечить мнѣ назначеніе меня въ Сенатъ, если только я самъ пожелаю разстаться съ нимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ. Въ то время сенаторское кресло составляло предметъ желаній всѣхъ Статсъ-Секретарей Государственнаго Совѣта, даже прослужившихъ въ этой должности до десяти лѣтъ.

Попросивъ нѣсколько дней на размышленіе, посовѣтовавшись со Статсъ-Секретаремъ Гротомъ, я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе и въ немъ никогда не раскаивался. Я оставался въ должности Товарища Министра въ теченіе шести лѣтъ, и С. Ю. Витте въ точности исполнилъ данное имъ обѣщаніе. За весь этотъ немалый срокъ между нами не было самаго ничтожнаго недоразумѣнія, самаго мелкаго расхожденія во взглядахъ, и ни разу С. Ю. Витте не сказалъ мнѣ, что, ведя съ полною самостоятельностью все сложное дѣло винной монополіи, только въ самыхъ общихъ чертахъ, начатое до моего вступленія въ должность и проведенное всего въ четырехъ губерніяхъ востока Россіи, — что я въ чемъ-либо отошелъ отъ намѣченныхъ имъ основаній. Я не говорю уже о проведеніи бюджетовъ, которые были отданы имъ цѣликомъ въ мои руки, и только въ заключительномъ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта онъ ежегодно выступалъ лично, предоставляя мнѣ вести всю сложную борьбу со всѣми вѣдомствами.

На этой моей шестилѣтней дѣятельности я и сблизился, главнымъ образомъ, со всѣмъ персоналомъ Министерства Финансовъ, который потомъ, за десятилѣтіе моего управленія финансами въ должности Министра, оказалъ мнѣ такую исключительную помощь, которая дала мнѣ возможность преодолѣть всю сложность выпавшей на мою долю работы.

Въ свою очередь, я отдалъ всѣ мои силы на то, чтобы облегчать положеніе моего Министра и дать ему возможность отойти

отъ всей текущей работы, въ той части, которая была поручена мнѣ.

Наступилъ апрѣль 1902 года. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Сипягинъ былъ убитъ, и его замѣнилъ Государственный Секретарь Плеве. Должность Государственнаго Секретаря оказалась вакантною.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ былъ заграницею. Его мѣсто временно заступалъ Гр. Сольскій. Онъ тотчасъ же послѣ назначенія Плеве Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ позвалъ меня къ себѣ и спросилъ, будетъ ли мнѣ пріятно, если онъ, извѣщая Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, напишетъ ему отъ себя о желательности поставить меня во главѣ Государственной Канцеляріи, которой я отдалъ почти семь лѣтъ моей службы. Я отвѣтилъ ему, конечно, утвердительно, не скрывъ отъ него, что шестилѣтняя упорная работа по Министерству Финансовъ изрядно утомила меня.

О происшедшемъ моемъ разговорѣ я тотчасъ же передалъ моему Министру и встрѣтилъ въ немъ полную готовность оказать мнѣ, всю доступную ему, помощь, и на слѣдующій же день онъ имѣлъ подробную бесѣду съ Гр. Сольскимъ, предложивши ему упомянуть въ письмѣ къ Великому Князю и его просьбу о предоставленіи мнѣ должности Государствннаго Секретаря, какъ справедливое вознагражденіе за понесенный мною огромный трудъ по Министерству Финансовъ въ теченіи шести лѣтъ.

Злые языки говорили потомъ въ Петербургѣ, что я изрядно надоѣлъ С. Ю. Витте, и онъ былъ радъ отдѣлаться отъ меня, тѣмъ болѣе, что на смѣну мнѣ уже достаточно созрѣлъ близкій ему человѣкъ князь Алексѣй Дмитріевичъ Оболенскій, впослѣдствіи Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, въ кабинетѣ Гр. Витте 1905—1906 г.

О нашихъ близкихъ отношеніяхъ съ Гр. Витте съ минуты моего назначенія спустя два года Министромъ Финансовъ я подробно говорю въ своемъ мѣстѣ. Говорю я также и о нашей первой размолвкѣ осенью 1905-го года, также, какъ и о всемъ времени моего вторичнаго назначенія Министромъ Финансовъ.

Такимъ образомъ казалось, что всѣ наши былыя отношенія, кромѣ столкновеній въ октябрѣ 1905 года, сложились такъ, что между Гр. Витте и мною должна была создаться прочная связь и установиться солидарность во взглядахъ. Насъ соединяли годы продолжительной совмѣстной работы. Гр. Витте не могъ обвинить меня въ какомъ-либо враждебномъ или некорректномъ, по отношенію къ

нему, дѣйствіи, и я никогда и ни при какихъ условіяхъ не выступалъ противъ его государственной и финансовой политики.

Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ я являлся прямымъ продолжателемъ въ особенности его финансовой дѣятельности, какъ напримѣръ въ области денежнаго обращенія и винной монополіи и, съ полною откровенностью и безъ всякихъ оговорокъ, открыто говорилъ съ трибуны, что я считаю одною изъ первыхъ моихъ обязанностей охранять, развивать и продолжать то, что было создано моими предшественниками.

Я искренно желалъ, въ области нашей внутренней политики, работать въ рамкахъ Манифеста 17-го октября 1905 года, въ проведеніи котораго Гр. Витте принялъ рѣшающее участіе. Въ области внѣшней политики насъ связывали также общіе взгляды на необходимость сохраненія мира.

Такимъ образомъ, основой создавшихся или вѣрнѣе созданныхъ С. Ю. Витте между нами отношеній не были разногласія по какимъ-либо принципіальнымъ вопросамъ государственной жизни. Объясненіе рѣзкихъ выступленій противъ меня со стороны Гр. Витте слѣдуетъ искать исключительно въ его натурѣ, и проблема этой вражды есть проблема чисто психологическаго порядка.

Въ первое время послѣ своего удаленія Гр. Витте внѣшне сравнительно спокойно переносилъ свое устраненіе отъ активной дѣятельности, и не было еще съ 1903-го до половины 1905-го года какихъ-либо рѣзкихъ проявленій его неудовольствія, несмотря на то, что онъ былъ въ прямой немилости.

Государь относился къ нему явно отрицательно. Императрица еще того болѣе не скрывая, называя его въ кругу своихъ близкихъ не иначе, какъ «этотъ вредный человѣкъ». Все, что жило около Двора, поддѣлывалось подъ этотъ тонъ неблагопріятнаго къ нему настроенія, почти къ нему не ѣздило и только немногіе, постоянно окружавшіе его, когда онъ былъ у власти и пользовавшіеся его особымъ вниманіемъ, соблюдали приличіе и время отъ времени навѣщали его, не то изъ чувства благодарности, не то въ предвидѣніи, что, неровенъ часъ, Витте опять выйдетъ изъ забвенія и еще имъ пригодится, не то отъ скуки и однообразія петербургской жизни и отъ жажды сенсаціонныхъ новостей и закулисныхъ пересудъ, всегда обильно почерпаемыхъ въ антуражѣ этого большого человѣка.

Не взирая на это, вліяніе Витте было значительно. Онъ былъ всегда прекрасно освѣдомленъ обо всемъ, что говорилось наверху,

думалъ только объ этомъ и учитывалъ каждый доходящій оттуда слухъ и съ поразительнымъ искусствомъ пользовался имъ.

Въ это время онъ не только дружилъ со мной и, казалось, поддерживалъ меня, вводилъ меня въ кругъ его личныхъ заботъ, просилъ даже моей помощи. Онъ говорилъ громко всегда одну и ту же фразу: «пока Коковцовъ у власти, мы можемъ быть спокойны, онъ не допуститъ никакого безразсудства». И это онъ дѣлалъ не въ частныхъ бесѣдахъ, а въ совершенно открытыхъ выступленіяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ засѣданіи 8 іюня 1909 года, по росписи на этотъ годъ, онъ выразился такъ: «Вы меня спросили за кого или противъ кого я говорю. Я говорю ни за кого, ни противъ кого. Но разъ я сталъ здѣсь на эту каѳедру, то я очень счастливъ, что могу заявить — В. Н. Коковцовъ былъ Министромъ Финансовъ въ очень трудное время, и я долженъ преклониться передъ его заслугами, а именно, благодаря твердости его характера, онъ, если ничего особеннаго не создалъ, то, во всякомъ случаѣ, сохранилъ то, что получилъ. Это «громаднѣйшая его заслуга».

Въ апрѣлѣ того же года, по смѣтѣ системы кредита и въ виду нападокъ Государственной Думы на невыгодность заключеннаго мною во Франціи 4½% займа, онъ сказалъ: «Въ заключеніе я позволю себѣ съ полнымъ убѣжденіемъ высказать увѣренность, что при тѣхъ условіяхъ, которыми послѣдній заемъ былъ обставленъ, и въ то время, когда онъ былъ совершенъ, болѣе благопріятныхъ условій, сравнительно съ тѣми, которыхъ достигъ Министръ Финансовъ, достигнуть было совершенно невозможно. Я увѣренъ, что это убѣжденіе мое раздѣляютъ и другіе члены Комитета Финансовъ».

Черезъ годъ, 27 марта 1910 года, при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ бюджета на 1910 годъ, Гр. Витте высказался еще болѣе рѣшительно: «Я въ бездефицитномъ бюджетѣ, намъ представленномъ, вижу, несомнѣнно, большой успѣхъ нашего финансоваго хозяйства. Тутъ возбуждался вопросъ о томъ, кому мы этимъ обязаны. Несомнѣнно, что такія крупныя явленія, которыя касаются жизни всей Имперіи, всегда мало зависятъ отъ людей; онѣ зависятъ отъ Бога и несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ послѣдовало благословеніе Господне, но, тѣмъ не менѣе, только неразумные люди могутъ не пользоваться тѣми дарами, которые имъ даются свыше, и я не могу не отмѣтить тотъ фактъ, что въ данномъ случаѣ, благодаря крайней удовлетворительности и устойчивости нашего Министра Финансовъ и Государственной

Думы, которая въ данномъ случаѣ проявила замѣчательный государственный тактъ и замѣчательный государственный смыслъ, мы имѣемъ передъ собою бюджетъ, котораго никто изъ насъ, я думаю, и никто въ Европѣ не ожидалъ, — бюджетъ бездефицитный».

Къ тому же году, въ засѣданіи 5-го іюня, Гр. Витте выразился такъ: «Я безусловно довѣряю В. Н. Коковцову и имѣю основанія довѣрять, такъ близко зная его и такъ долго служа съ нимъ».

И, наконецъ, уже 18 мая 1912 года, т. е. въ бытность мою Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, обсуждая вопросъ о кредитѣ для земства и городовъ, Гр. Витте выразился еще болѣе опредѣленно:

«Мы пережили великую войну, нисколько не разрушивъ великую денежную реформу, и я питаю надежду, во всякомъ случаѣ я желаю, чтобы въ это царствованіе и впредь не была бы нарушена наша денежная система и не былъ бы подорванъ окончательно нашъ государственный кредитъ. Въ заключеніе я говорю по убѣжденію, что я увѣренъ, что доколѣ Министромъ Финансовъ будетъ В. Н. Коковцовъ, этого не будетъ».

Онъ, однако, никогда не прощалъ мнѣ того, что я не совѣтуюсь съ нимъ, хотя мнѣ не объ чемъ совѣтоваться по текущимъ дѣламъ, т. к. въ финансовыхъ вопросахъ я продолжалъ его же дѣятельность, а въ дѣлахъ общей политики онъ не могъ мнѣ дать никакого совѣта, тѣмъ болѣе, что моя свобода дѣйствій была ограничена волею Государя и необходимостью еще больше бороться въ водоворотѣ различныхъ интригъ и стороннихъ вліяній.

Но, по мѣрѣ того, какъ удаленіе отъ дѣлъ затягивалось, настроеніе Гр. Витте измѣнялось кореннымъ образомъ.

Въ высшей степени властолюбивый, чрезвычайно дѣятельный и полный инициіативы, Гр. Витте тяжело переносилъ свое бездѣйствіе и полное устраненіе отъ государственной и финансовой работы. Онъ началъ считать, что я слишкомъ долго засидѣлся на посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ. Во мнѣ видѣлъ онъ, до извѣстной степени, помѣху къ достиженію своихъ цѣлей и считалъ, что съ моимъ уходомъ снова откроется дорога къ продвиженію его впередъ.

Можетъ быть онъ и не разсчитывалъ на то, что это случится немедленно послѣ моего паденія, но онъ полагалъ, вѣроятно, что тѣ же силы, которыя сбросятъ меня, окажутся достаточно вліятельны для того, чтобы посадить на моего мѣсто своего фаворита, способнаго только быстро запутать положеніе и поставить страну внутри, а можетъ быть, и извнѣ передъ новыми опасностями и даже

привести ее къ катастрофѣ. И тогда снова выступитъ онъ въ роли спасителя, какъ выполнилъ онъ эту роль послѣ японской войны, — въ Портсмутѣ.

Этими мыслями и настроеніемъ Гр. Витте объясняется кажущееся противорѣчіе въ его отношеніяхъ ко мнѣ, приливы и отливы его хорошихъ проявленій, близость, смѣняющаяся отдаленіемъ, вспышки неудовольствія и безпричиннаго раздраженія и, наконецъ, его открытое враждебное, рѣшительное выступленіе противъ меня въ концѣ 1913 года и дикіе, по формѣ, и недостойные, по существу, пріемы, которые Гр. Витте пустилъ въ ходъ, возглавивъ кампанію, основанную на неправдѣ и стремившуюся ввести въ заблужденіе Государя.

Самъ онъ, несомнѣнно, оцѣнивалъ положительно мою дѣятельность, и заявленія его въ этомъ смыслѣ, сдѣланныя такъ недавно и передъ русскими законодательными учрежденіями и передъ иностранными людьми, были, безспорно, совершенно искренни для той минуты, когда онѣ были заявлены и, въ то же время, онъ всѣми силами стремился къ моему устраненію, видя въ этомъ главное условіе для новаго своего появленія на аренѣ государственной дѣятельности.

Какъ только онъ почуялъ, что мое положеніе поколеблено, что атака на меня ведется со всѣхъ сторонъ и имѣетъ твердую опору наверху, — онъ разомъ перемѣнилъ фронтъ, совершенно отшатнулся отъ меня, началъ открыто бранить и осуждать меня. По слухамъ, онъ уже давно состоялъ въ сношеніяхъ съ Распутинымъ. Городская молва удостовѣряла даже — не знаю насколько справедливо — что у него были и личныя встрѣчи со «старцемъ». Въ лицѣ епископа Варнавы, бывшаго даже въ теченіе ряда лѣтъ духовникомъ его, у Гр. Витте былъ путь общенія съ Распутинымъ, и онъ умѣло поддѣлывался подъ этого человѣка, корчившаго изъ себя великаго радѣтеля о благѣ народномъ.

Какъ это ни странно, Витте, авторъ винной монополіи, страстный поборникъ ея установленія, съ величайшимъ упорствомъ проведшій ее, несмотря на всѣ встрѣченныя имъ преграды, не находившій, еще годъ тому назадъ, достаточно хвалебныхъ словъ, чтобы превозносить меня до небесъ за умѣлое, искусное и талантливое осуществленіе его идеи, — избралъ ту же винную монополію какъ предлогъ нападеній на меня и притомъ нападеній на этотъ разъ совершенно открытыхъ, для веденія которыхъ онъ выбралъ трибуну Государственнаго Совѣта, а случаемъ — переданный изъ Государственной Думы законопроектъ о борьбѣ съ пьянствомъ, по отношенію къ которому я занялъ совершенно примири-

тельную позицію и склонялся, несмотря на всю, сознаваемую мною, безполезность его, — поддерживать его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ и второстепенныхъ частностей.

Его выступленія въ Совѣтѣ по этому дѣлу, о которомъ я подробно говорилъ въ своемъ мѣстѣ, останутся навсегда памятными свидѣтелямъ этой непонятной перемѣны.

Это внутреннее противорѣчіе и эта неожиданная перемѣна объясняются, однако, просто. Витте зналъ, что Распутинъ началъ нѣкоторое время передъ тѣмъ, громко говорить: «негоже Царю торговать водкой и спаивать честно̀й народъ», что пора «прикрыть Царскіе кабаки», и слова его находили восторженныхъ слушателей. Въ безсвязномъ лепетѣ его, эти наивные люди видѣли голосъ человѣка, вышедшаго изъ народа, познавшаго на себѣ всю горечь этого порока. Въ борьбѣ противъ него, именемъ Царя, Витте видѣлъ «второе освобожденіе крестьянъ» и заочно льстилъ Государю, говоря, что въ царствованіе Его суждено осуществиться этому дѣлу. Гр. Витте зналъ все, что происходитъ, и ему было выгодно дать мнѣ генеральное сраженіе именно на этомъ вопросѣ, и онъ его далъ съ ущербомъ для своего моральнаго положенія, потому что всѣ видѣли его беззастѣнчивую неправоту, цѣлью которой было осуществленіе его завѣтной мечты расшатать мое положеніе.

Онъ отлично зналъ, что бороться противъ пьянства такими способами — безумно, что можно легко потерять огромный доходъ, но не искоренить пьянства, но это было ему совершенно безразлично. У него была одна цѣль — сдвинуть меня, во что бы то ни стало, съ моего высокаго положенія и, одновременно, прослыть «государственнымъ человѣкомъ, чутко прислушивающимся къ біенію общественнаго пульса». Болѣе подходящаго случая онъ не могъ себѣ и представить. Ведя прямо къ завѣтной цѣли — убрать меня, осмѣливавшагося не зависѣть въ своихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ отъ его ума, этотъ случай выводилъ его прямо въ орбиту вліянія «старца», вселялъ въ немъ надежду, что всякое лишнее упоминаніе о немъ, Витте, въ извѣстныхъ кругахъ, можетъ быть только полезно ему, а кѣмъ и въ какомъ именно смыслѣ, это было ему безразлично.

Далѣе, по порядку своего значенія, въ отношеніи моей ликвидаціи, слѣдуетъ поставить Сухомлинова.

Объ этомъ злополучномъ для Россіи человѣкѣ и его вліяніи на покойнаго Государя можно было бы написать цѣлый трак-

тать, — настолько характернымъ и показательнымъ въ нашихъ условіяхъ жизни передъ войною, которая привела къ революціи, а черезъ нее къ полному крушенію всей страны, представляется самая возможность появленія наверху управленія этого легкомысленнаго человѣка съ дѣловыми навыками самаго мелкаго пошиба. Но здѣсь мнѣ не хочется распространяться объ этомъ, тѣмъ болѣе, что мои отношенія къ Сухомлинову выяснились уже вполнѣ въ 1909—1910 г. г., получили самое рельефное проявленіе осенью 1912 и весною 1913 года и уже разсказаны въ своемъ мѣстѣ.

Скажу только, что постоянныя жалобы Сухомлинова на меня Государю въ оправданіе своего собственнаго неумѣнія справиться со сложною отраслью управленія, его исключительная ловкость вставлять подходящее «словцо» въ удобную минуту, его намеки на мою близость къ Государственной Думѣ и, будто бы, подлаживаніе ей въ ея «антимонархическихъ» выступленіяхъ, постоянныя его заявленія о моей «дружбѣ» съ Поливановымъ и моей никогда не существовавшей интригѣ противъ него, Сухомлинова,— все это, конечно, создавало атмосферу, крайне неблагопріятную для меня, раздражало Государя, несмотря на Его безспорную доброжелательность по отношенію ко мнѣ, и не столько подтачивало Его довѣріе ко мнѣ, сколько создавало то настроеніе досады и докуки, которое рано или поздно, должно было довести Его до желанія разстаться съ человѣкомъ, про котораго такъ часто многіе «пріятные» люди говорятъ Ему непріятныя вещи. Непріятныхъ вещей Государь не любилъ и, какъ тѣ, кто говорилъ Ему открыто о такихъ вещахъ, такъ и тѣ, про которыхъ это говорятъ, — одинаково становились нежелательными въ ближайшемъ антуражѣ и постепенно должны были отойти въ сторону и уступить мѣсто болѣе «пріятнымъ» людямъ.

Дальше я долженъ поставить Маклакова. Его роль была двоякая: одною рукою онъ воздѣйствовалъ на Мещерскаго и, угождая ему, снабжалъ его всякими справками о моей «лѣвизнѣ», объ «ухаживаніи за Думой», о сочувствіи «Младо-Туркамъ» въ лицѣ г. Гучкова, о томъ, что я мѣшаю ему осуществлять «твердую власть» и измышлять его невѣроятныя глупости по части борьбы съ печатью, или, что я покровительствую «жидамъ», мѣшая ему, Маклакову, въ его извѣстной политикѣ вытравливанія еврейскаго элемента изъ акціонерныхъ предпріятій.

Пользуясь этимъ матерьяломъ, Мещерскій въ своихъ писаніяхъ Государю дѣлалъ видъ большой освѣдомленности о текущей жизни и расшатывалъ мое положеніе, поддерживая своего

юнаго ставленника на кресло Министра Внутреннихъ Дѣлъ, котораго ему такъ хотѣлось видѣть вершителемъ всѣхъ судебъ Россіи, чтобы черезъ него проводить всюду свои мысли, свое вліяніе и вмѣшиваться во всѣ назначенія.

Другою рукою тотъ же Маклаковъ высмѣивалъ меня передъ Государемъ, заставлялъ Его громко смѣяться, когда онъ изображалъ сцены въ лицахъ, про то, какъ я руковожу, будто бы, преніями въ Совѣтѣ Министровъ и передразнивая (въ этомъ онъ былъ большимъ мастеромъ) поочереди всѣхъ Министровъ, и въ особенности, — меня, въ защитѣ законности, будто бы попираемой «правыми членами Совѣта».

Въ его изображеніяхъ эти правые члены: Щегловитовъ, онъ самъ, Кассо, Рухловъ и Саблеръ, — всегда, конечно, торжествовали, а я, съ такъ называемымъ, лѣвымъ крыломъ, Сазоновымъ, Тимашевымъ, Григоровичемъ, Харитоновымъ, — всегда былъ изображаемъ въ самомъ жалкомъ видѣ.

Нужды нѣтъ въ томъ, что сущность дѣла была извращена, и даже о ней вовсе не говорилось, такъ какъ самъ Маклаковъ многихъ вопросовъ просто не понималъ, да и слушателямъ они были не интересны. Главная цѣль интриги достигалась безъ ошибки — положеніе Предсѣдателя Совѣта и Министра Финансовъ расшатывалось и благосклонность къ веселому и забавляющему юному Министру Внутреннихъ Дѣлъ увеличивалась не по днямъ, а по часамъ.

Этотъ перечень именъ главныхъ участниковъ моей ликвидаціи долженъ былъ бы быть еще значительно продолженъ и дополненъ. Имена Воейкова, Щегловитова и другихъ закулисныхъ дѣятелей должны были бы занять соотвѣтствующія мѣста, но мнѣ не хочется продолжать моего изложенія въ этомъ смыслѣ. Оно и безъ того очень затянулось, да и прибавка еще тѣхъ или другихъ именъ ни въ чемъ не измѣнитъ сущности дѣла.

Я указалъ тѣхъ немногихъ, кому я приписываю главное участіе въ моемъ увольненіи не потому, что мнѣ хотѣлось свести съ ними какіе-либо личные счеты, а только для того, чтобы нарисовать объективную картину той поры и сказать, кому именно принадлежало, въ то время, наибольшее вліяніе на ходъ событій.

Безъ этого нельзя дать правильнаго пониманія всей пережитой поры послѣдняго царствованія, о которомъ вообще мало написано правдиваго, а то немногое, что появилось въ печати, окрашено, въ большей части случаевъ, тѣми или иными предвзятыми способами отношеній къ недавнему прошлому и сдѣлано людьми мало или вовсе неосвѣдомленными.

ГЛАВА IV.

Императрица Александра Федоровна и особенности Ея характера и ума. — Императрица мать и жена. Ея религіозныя и мистическія настроенія. Отношенія Ея къ Распутину. — Вѣра въ незыблемость русскаго самодержавія. — Придворная среда и непосредственное окруженіе Императрицы. — Мотивы Ея враждебнаго ко мнѣ отношенія. — Дѣйствительныя причины, вызвавшія мое удаленіе.

Одно имя должно быть, однако, извлечено еще изъ моихъ воспоминаній объ описываемомъ времени и значеніе его объяснено съ полною объективностью и съ величайшею осторожностью, которая обязательна для меня въ особенности по отношенію къ этому имени. Я разумѣю Императрицу Александру Федоровну.

Долгіе годы послѣ моего увольненія я вовсе не хотѣлъ говорить въ моихъ Воспоминаніяхъ о Ея личномъ отношеніи ко мнѣ. Послѣ всего, что произошло въ подвалѣ дома Ипатьева въ Екатеринбургѣ въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля 1918 года, мнѣ казалось, что мнѣ не слѣдовало вовсе говорить о Ней именно въ связи съ моимъ увольненіемъ, несмотря на то, что Императрица была безспорно главнымъ лицомъ, отношеніе котораго ко мнѣ опредѣлило и рѣшило мое удаленіе.

Послѣ всего того, что стало извѣстно изъ опубликованнаго историческаго матеріала о томъ, какъ и почему совершенъ небывалый актъ Екатеринбургскаго злодѣянія, такъ же, какъ и все то, что выстрадала русская царская семья съ минуты февральской революціи 1917 года до роковой развязки, положившей предѣлъ ея страданіямъ, — мнѣ, кто былъ въ теченіе десяти лѣтъ близкимъ свидѣтелемъ всей жизни мучениковъ, кто видѣлъ отъ Государя столько милостиваго вниманія къ себѣ и столько явна-

го, чисто дѣлового, довѣрія, — просто нельзя прикасаться къ имени Государя и Императрицы иначе, какъ съ величайшею деликатностью, дабы не оставить впечатлѣнія, что личное самолюбіе, или еще того хуже — желаніе оправдать себя и обвинить тѣхъ, кто уже не можетъ отвѣтить словомъ справедливаго опроверженія, двигало моими побужденіями. Я все ждалъ, что изъ среды русской эмиграціи, рано или поздно, появятся попытки освѣтить личность покойной Императрицы и дать правдивое объясненіе тѣхъ основныхъ чертъ Ея характера, которыми опредѣлялось Ея отношеніе къ наиболѣе извѣстнымъ теперь явленіямъ окружавшей Ее поры.

Я считалъ, что на мнѣ лежитъ иной долгъ. Какъ только стала извѣстна, въ ея потрясающей наготѣ, вся обстановка совершеннаго злодѣянія, я долженъ былъ, изъ благодарной памяти къ Государю и Его неповинной Семьѣ, предать гласности, черезъ посредство печати, всѣ извѣстныя намъ подробности этого неслыханнаго злодѣянія и показать всему міру, кто несетъ отвѣтственность за него, и тѣмъ самымъ, если и не пробудить чувства справедливаго возмущенія, — на что такъ трудно разсчитывать теперь, — то дать хотя бы возможность тѣмъ, кто хочетъ знать правду, не отговариваться, что негдѣ было узнать ее.

Я выполнилъ мой долгъ, какъ умѣлъ, черезъ посредство французской періодической прессы — Revue de Deux Mondes и въ моей книгѣ, изданной въ половинѣ 1931 года подъ заглавіемъ «Большевизмъ за работою», «Le Bolchevisme à l'oeuvre».

Но время шло, и со стороны русскихъ людей, находящихся заграницею и пользующихся полной свободою говорить то, что они знаютъ о личности Императрицы Александры Федоровны, не появляется воспоминаній и нѣтъ попытки объяснить и разгадать то, что составляло сущность Ея міровоззрѣнія.

Вмѣсто такой правдивой характеристики намъ приходится все больше довольствоваться случайными замѣтками иностранцевъ и непосвященныхъ людей, къ тому же не лишенными анекдотическаго, а часто и клеветническаго характера, и образъ послѣдней русской Императрицы все болѣе и болѣе затемняется и извращается различными частностями, посвященными одному, хотя и существенному эпизоду Ея жизни. Только послѣдній французскій посолъ при русскомъ Императорскомъ Правительствѣ до революціи, — Морисъ Палеологъ — сдѣлалъ попытку дать характеристику Ея, но и онъ допустилъ рядъ неточностей и оставилъ безъ разбора многое изъ того, что слѣдовало отмѣтить. Я не говорю уже вовсе объ его основной темѣ — призыву къ жалости и состра-

данію къ памяти погибшей Императрицы. Фактическая сторона страдаетъ нѣкоторыми недостатками, въ оцѣнкѣ основныхъ элементовъ характера Императрицы замѣчаются большіе пробѣлы.

Мнѣ хочется поэтому сказать и свое слово по этому вопросу, потому что, оставаясь въ рамкахъ всего уклада моихъ воспоминаній, я думаю, что, выяснивши, почему именно Императрица Александра Федоровна встала въ половинѣ февраля 1912 года въ такое неизмѣнное, рѣзко-враждебное ко мнѣ, отношеніе, я послужу дѣлу безпристрастія и пролью свѣтъ на такія особенности всего склада Ея ума, которыми объясняется многое изъ всей Ея жизни.

Я не стану говорить о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ росла Императрица, о тѣхъ вліяніяхъ, которыми опредѣлилось Ея развитіе и которыя повліяли на формированіе Ея характера. Все это теперь достаточно извѣстно. Своего будущаго супруга Она увидѣла впервые среди блеска русскаго Двора, когда Ей было всего 14 лѣтъ, и нѣтъ никакого преувеличенія сказать, что Она полюбила Его всѣми силами своей рѣзко опредѣленной души, незнавшей компромиссовъ, и сохранила это чувство неприкосновеннымъ до самаго послѣдняго своего вздоха. Отъ своего окруженія въ Дармштадтѣ Она никогда не скрывала своего юношескаго увлеченія и гордилась имъ и тѣми первыми лучами истиннаго счастья, которые заблистали въ Дармштадтѣ въ первое свиданіе ея съ будущимъ ея женихомъ, передъ помолвкою съ нимъ. А въ свою зрѣлую пору, уже на русскомъ престолѣ, Она знала только одно это увлеченіе — своимъ мужемъ, какъ знала Она и безграничную любовь только къ своимъ дѣтямъ, которымъ Она отдавала всю свою нѣжность и всѣ свои заботы. Это была, въ лучшемъ смыслѣ слова, безупречная жена и мать, показавшая рѣдкій въ наше время примѣръ высочайшей семейной добродѣтели.

Она вступила окончательно въ русскую среду и впервые увидѣла ближе русскую жизнь среди глубоко трагическихъ условій. Умиралъ въ Ливадіи, въ Крыму, осенью 1894 г. Императоръ Александръ III. Она должна была, по Его вызову, спѣшно прибыть изъ Дармштадта для того, чтобы изъ Его рукъ получить благословеніе на бракъ съ Наслѣдникомъ русскаго престола и принять отъ Него два завѣта — любить своего мужа и свою новую родину. И Она свято выполнила эти завѣты такъ, какъ Она понимала ихъ.

Подъ вліяніемъ происшедшаго съ Нею рѣзкаго перелома въ Ея жизни, неподготовленная къ тому, чтобы разобраться въ новой сложной государственной и семейной обстановкѣ, Она выработала въ себѣ три основныя начала, которыми была проникнута

вся Ея жизнь въ Россіи съ октября 1894 года и до самаго рокового дня 17-го іюля 1918 года, т. е. въ теченіе 24-хъ лѣтъ.

Она приняла православную вѣру со всею своею непосредственностью и со всею глубиною, свойственною Ея природѣ, и стала «православною» въ самомъ законченномъ и абсолютномъ смыслѣ слова.

Ея новое религіозное настроеніе, охватившее всю Ея душу, влекло Ее ко всему, что имѣло прямое или косвенное отношеніе къ церкви. Ее интересовало все и, въ особенности, историческія судьбы православной церкви. Она изучала во всѣхъ подробностяхъ жизнь наиболѣе прославленныхъ церковью русскихъ людей, ихъ подвиги, ихъ связь съ наиболѣе извѣстными моментами въ жизни самой Россіи, ихъ участіе въ борьбѣ за русское національное достоинство, за величіе страны, среди выпавшихъ на ея долю тяжелыхъ условій пройденнаго ею историческаго пути. Она близко изучила жизнь главнѣйшихъ русскихъ церковныхъ центровъ — монастырей, которые были и въ ея пониманіи не только мѣстами единенія вѣрующихъ, но центрами тяготѣнія къ нимъ, какъ очагамъ просвѣщенія и культуры рускихъ людей, устремлявшихся къ нимъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ необъятной страны. Она не упускала случая лично посѣщать наиболѣе извѣстныя церковныя святыни, входила тамъ въ общеніе съ духовенствомъ, но, въ особенности, Ее влекло къ себѣ проявленіе такого же молитвеннаго настроенія, которое росло и крѣпло въ Ней самой, — не столько въ людяхъ изъ интелигентной среды, сколько въ средѣ простого народа, который Она считала ближе къ Богу и къ истинному пониманію Его, нежели людей, затронутыхъ культурой.

Это настроеніе Императрицы постепенно стало извѣстнымъ и въ кругахъ населенія, далекихъ отъ жизни Двора.

Ей стали присылать старыя иконы и различные предметы церковнаго обихода. Она все больше и больше окружала себя ими и стала удѣлять еще больше времени изученію жизни русскихъ церковныхъ людей. По Ея иниціативѣ на жертвуемыя Ей суммы былъ выстроенъ въ Царскомъ Селѣ, вблизи дворца, но въ сторонѣ отъ историческихъ дворцовыхъ построекъ Елизаветинскаго и Екатерининскаго времени, великолѣпный Ѳеодоровскій храмъ, сооруженный въ чисто русскомъ стилѣ и оборудованный и украшенный Ея личными заботами и исключительно по Ея прямому выбору. Въ немъ Она устроила себѣ уединенную комнату, скрытую отъ взоровъ молящихся, но дававшую Ей возможность слѣдить за всѣмъ ходомъ богослуженія.

Туда приходила Она, чаще всего одна, въ часы богослуженія, а иногда и внѣ ихъ, и тамъ предавалась Она своему дѣйствительному молитвенному настроенію внѣ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Тамъ крѣпла Ея вѣра во все чудесное, и туда удалялась Она каждый разъ, когда Ею овладѣвали всякаго рода сомнѣнія, или заботы и осложненія жизни западали въ Ея душу.

Близкіе къ Императрицѣ часто говорили, что Она выходила изъ Ея уединенія въ молельнѣ Ѳедоровскаго храма совершенно переродившеюся и даже какою-то просвѣтленною, и не разъ они слышали отъ Нея, что Она испытывала въ своемъ уединеніи какое-то необъяснимое для Нея самой разрѣшеніе всѣхъ своихъ сомнѣній, и самая жгучая печаль смѣнялась такою легкостью жить, что Она боялась только одного, какъ бы какое-нибудь неосторожное слово, сказанное даже самыми близкими и дорогими для Нея людьми, не вернуло Ее къ повседневной жизни, съ ея злобой и неправдой.

Мнѣ приходилось на эту тему не разъ разговаривать съ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Императрицѣ людей — Ея Фрейлиной, Графиней Анастасіей Васильевной Гендриковой и притомъ именно между половиной февраля 1912 и декабремъ 1913 года. Она ясно видѣла и знала, что Императрица смѣнила свое недавно исключительно-доброе отношеніе ко мнѣ самымъ рѣзко-отрицательнымъ и даже прямо враждебнымъ. Она знала и причины такой перемѣны и не разъ открыто выражала мнѣ, что она глубоко скорбитъ о томъ, что произошло, зная мою преданность Государю и самой Императрицѣ и вполнѣ отдавая себѣ отчетъ о томъ, какими побужденіями руководился я, ведя съ Распутинымъ ту бесѣду, которая вызвала гнѣвное ко мнѣ отношеніе Императрицы. Она говорила мнѣ, что никогда въ ея присутствіи не было ни малѣйшаго намека на случившееся, но, зная Императрицу, она даетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что никакая бесѣда съ Нею не принесетъ пользы, и ничто не заставитъ Императрицу сознаться въ Ея неправотѣ, потому что все случившееся есть результатъ Ея убѣжденія, и никто не имѣетъ права судить о Ея внутренней жизни, и поэтому всякая попытка, даже самая доброжелательная или внушенная самыми высокими побужденіями государственнаго порядка, — внести малѣйшее сомнѣніе въ правильность Ея дѣйствій, вызываетъ совершенно категорическій отпоръ.

Продолжая эту бесѣду, Графиня Гендрикова каждый разъ переходила на другую тему, — на то религіозное, мистическое настроеніе, которое все глубже и глубже проникаетъ все существо Им-

ператрицы. По ея словамъ, излюбленной темой всѣхъ интимныхъ разговоровъ, которые происходятъ въ присутствіи Великихъ Княженъ, когда нѣтъ никого постороннихъ, служитъ всегда область молитвы и самыя разнообразныя проявленія того отношенія человѣка къ Богу, которое должно быть положено въ основаніе всей жизни человѣка, если только онъ понимаетъ свое призваніе жить, какъ Она всегда выражалась, въ Богѣ и слѣпомъ повиновеніи Его волѣ.

У Императрицы, по словамъ Ея фрейлины, было нѣсколько положеній, къ которымъ Она постоянно возвращалась и которыя составляли, такъ сказать, символъ Ея вѣры. Она всегда и при каждомъ случаѣ говорила:

«Для Бога нѣтъ невозможнаго. Я вѣрю въ то, что кто чистъ своею душою, тотъ будетъ всегда услышанъ и тому не страшны никакія трудности и опасности жизни, такъ какъ онѣ непреодолимы только для тѣхъ, кто мало и неглубоко вѣруетъ». «Никто изъ насъ не можетъ знать, какъ и когда проявится къ намъ милость Божія, такъ же, какъ и то, черезъ кого будетъ проявлена она».«Мы мало знаемъ то необъятное количество чудесъ, которое всегда, на каждомъ шагу, оказывается человѣку Высшею силою, и мы должны искать и ждать ея чудесъ вездѣ и всюду и принимать съ кротостью и смиреніемъ всякое ихъ проявленіе».

Я умышленно остановился на томъ, что передавала мнѣ Гр. Гендрикова, потому что едва ли кто-либо изъ непосредственнаго окруженія Императрицы былъ такъ глубоко Ей преданъ, какъ это кроткое и, въ полномъ смыслѣ слова, прекрасное существо. Она мало выдвигалась на внѣшнюю близость къ Императрицѣ, но она была одной изъ немногихъ близкихъ Императрицѣ и Ея дѣтямъ, которая доказала это своимъ жертвеннымъ подвигомъ, о которомъ, быть можетъ, не всѣ знаютъ.

Революція застала ее въ Крыму, куда она поѣхала навѣстить ея больную родственницу. Какъ только она узнала о случившемся, она выѣхала съ первымъ поѣздомъ обратно въ Царское Село, явилась въ Александровскій дворецъ и раздѣлила участь царской семьи. Она выѣхала вмѣстѣ съ ней въ Тобольскъ; вмѣстѣ съ Великими Княжнами и задержавшимся изъ-за своей болѣзни въ Тобольскѣ Наслѣдникомъ и ихъ свитой, она выѣхала въ Екатеринбургъ, была разлучена съ Царскою семьей на вокзалѣ въ Екатеринбургѣ; также, какъ и Генералъ-Адъютантъ Татищевъ и Князь Долгорукій, она была заключена вмѣстѣ съ Гофъ-Лектрисой Шнейдеръ сначала въ Екатеринбургскую, а потомъ въ Пермскую

тюрьму и разстрѣляна въ Перми приблизительно въ то же время, какъ та же участь постигла и двухъ названныхъ лицъ.

Въ такомъ своемъ духовномъ настроенiи Императрица впервые увидѣла Распутина.

До его прибытiя въ Петербургъ, въ началѣ 1900-хъ годовъ никто не зналъ его въ столицѣ, и никакихъ слуховъ о немъ не доходило до свѣдѣнiя столичной публики. Изъ приближенiя Императрицы, и притомъ не самого интимнаго, первыми узнавшими о появленiи въ столицѣ этого «старца» были Великiя Княгини Анастасiя и Милица Николаевны, дочери Князя Николая Черногорскаго, замужемъ — первая за Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и вторая — за братомъ его Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ. Онѣ, безспорно, говорили Императрицѣ о томъ, что видѣли «старца», который произвелъ на нихъ глубокое впечатлѣнiе всѣмъ складомъ его рѣчи, большою набожностью и какимъ-то особеннымъ разговоромъ на тему о величiи Бога и о суетности всего мiрского.

Но не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что значительно бо̀льшее впечатлѣнiе о томъ же появившемся на Петербургскомъ горизонтѣ человѣкѣ произвели на Императрицу слова Преосвященнаго Θеофана, Ректора С.-Петербургской Духовной Академiи, котораго Императрица знала, принимала его, охотно бесѣдовала съ нимъ на религiозныя темы и оказывала ему большое довѣрiе. Онъ былъ короткое время Ея духовникомъ.

Самъ человѣкъ глубоко религiознаго настроенiя, широко извѣстный свой аскетическою жизнью и строгостью къ себѣ и къ людямъ, Епископъ Θеофанъ принадлежалъ къ тому разряду русскаго монашества, около котораго быстро сложился обширный кругъ людей, искавшихъ въ бесѣдахъ съ нимъ разрѣшенiя многихъ вопросовъ ихъ внутренней жизни и потомъ громко говорившихъ о его молитвенности и какомъ-то особенномъ умѣнiи его подойти къ человѣку въ минуту горя и сомнѣнiя.

Въ одно изъ посѣщенiй Императрицы Преосвященный Θеофанъ разсказалъ Ей, что къ нему пришелъ и живетъ уже нѣкоторое время около него крестьянинъ Тобольской губернiи, Тюменскаго округа — Григорiй Ефимовъ Новыхъ, получившiй отъ его односельчанъ нелестную для него кличку Распутина, за предосудительную его прошлую жизнь.

Этотъ человѣкъ пришелъ къ Епископу Θеофану послѣ долгихъ мѣсяцевъ скитанiя по разнымъ отдаленнымъ монастырямъ и собираясь направиться, по его словамъ, къ святымъ мѣстамъ. Онъ разсказалъ Епископу всю свою прошлую жизнь, полную са-

мыхъ предосудительныхъ поступковъ, покаялся во всемъ и просилъ наставить его на новый путь. Говорилъ онъ ему и о томъ, что собирается принять монашескій чинъ и уйти вовсе отъ міра куда-либо въ далекія окраины Россіи. И, по мѣрѣ того, что онъ сталъ открывать ему свою душу, Распутинъ все больше и больше заинтересовывалъ Преосвященнаго своимъ религіознымъ настроеніемъ, перходившимъ временами въ какой-то экстазъ, и въ эти минуты онъ доходилъ, по словамъ Епископа, до такого глубокаго молитвеннаго настроенія, которое Епископъ встрѣчалъ только въ рѣдкихъ случаяхъ среди наиболѣе выдающихся представителей нашего монашества.

Онъ долго присматривался къ Распутину и вынесъ затѣмъ убѣжденіе, что онъ имѣетъ передъ собой, во всякомъ случаѣ, незауряднаго представителя нашего простонародья, который достоинъ того, чтобы о немъ услышала Императрица, всегда интересовавшаяся людьми, сумѣвшими подняться до высоты молитвеннаго настроенія.

Впослѣдствіи Преосвященный Ѳеофанъ глубоко разочаровался въ Распутинѣ и до самого послѣдняго времени искренно скорбитъ объ оказанной ему поддержкѣ.

Императрица разрѣшила Епископу Ѳеофану привезти Распутина въ Царское Село и, послѣ краткой съ нимъ бесѣды, пожелала не ограничиться этимъ первымъ свиданіемъ, а захотѣла ближе узнать, что это за человѣкъ.

По словамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ Ней людей, Императрица сначала не могла хорошенько усвоить себѣ его отрывочную рѣчь, короткія фразы мало опредѣленнаго содержанія, быстрые переходы съ предмета на предметъ, но затѣмъ, незамѣтно, Распутинъ перешелъ на тему, которая всегда была близка Ея душѣ. Онъ сталъ говорить, что Ей и Государю особенно трудно жить, потому что имъ нельзя никогда узнать правду, т. к. кругомъ Нихъ все больше льстецы да себялюбцы, которые не могутъ сказать, что̀ нужно для того, чтобы народу было легче. Имъ нужно искать этой правды въ себѣ самихъ, поддерживая другъ друга, а когда и тутъ Они встрѣтятъ сомнѣніе, то Имъ остается только молиться и просить Бога наставить Ихъ и умудрить, и если Они повѣрятъ этому, то все будетъ хорошо, т. к. Богъ не можетъ оставить безъ Своей помощи того, кого Онъ поставилъ на царство и кому вложилъ въ руки всю власть надъ народомъ. Тутъ онъ ввелъ и другую нотку, также близкую взглядамъ Императрицы, а именно, что Царю и Ей нужно быть ближе къ народу, чаще видѣть его и больше вѣрить ему, потому что онъ не обманетъ того,

кого почитаетъ почти равнымъ Самому Богу, и всегда скажетъ свою настоящую правду, не то что министры и чиновники, которымъ нѣтъ никакого дѣла до народныхъ слезъ и до его нужды.

Эти мысли, несомнѣнно, глубоко запали въ душу Императрицы, потому что онѣ вполнѣ отвѣчали Ея собственнымъ мыслямъ. Сначала Императрица видѣла Распутина рѣдко и на большихъ разстояніяхъ, т. к. и онъ самъ подолгу отсутствовалъ, а когда проживалъ въ Петербургѣ, то велъ образъ жизни весьма скромный, мало принималъ людей, рѣдко показывался въ какихъ-либо собраніяхъ. О немъ вообще мало говорили въ городѣ, и кругъ его посѣтителей ограничивался такимъ разрядомъ людей, которые не имѣли доступа ко двору и передавали о своихъ впечатлѣніяхъ отъ бесѣдъ со «старцемъ» больше въ собственномъ тѣсномъ кругу, не выходя на широкую общественную арену и не давая пищи для газетныхъ сообщеній и пересудъ.

Такъ дѣло шло примѣрно до 1910—1911 года. Хотя и въ болѣе раннюю пору уже говорили объ Распутинѣ какъ простонародномъ молитвенникѣ, который видитъ все и можетъ оказать большую нравствнную помощь и поддержку въ горѣ и несчастіи. Такъ, напримѣръ, когда на Аптекарскомъ Островѣ, 12-го августа 1906 года, произошелъ взрывъ и ранены были дѣти Столыпина, — вскорѣ по перевезеніи ихъ въ больницу Кальмейера явился Распутинъ и попросилъ разрѣшенія посмотрѣть больныхъ и помолиться надъ ними. Уходя изъ больнцы, онъ сказалъ окружающимъ: «ничето, все будетъ хорошо». Былъ ли онъ позванъ кѣмъ-либо изъ близкихъ Столыпину, или пришелъ самъ — я этого не знаю и утверждать чего-либо не могу.

Но вотъ подошелъ роковой моментъ — заболѣлъ маленькій Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ. У него появилась несомнѣнные признаки неизлѣчимой болѣзни — гемофиліи. Долгое время Императрица не допускала и мысли о возможности такого несчастія, но подошла пора, когда скрывать его не было уже никакой возможности, потому что самые преданные врачи, къ тому же нѣжно любившіе мальчика, должны были сказать рѣшительно и безповоротно неумолимую истину и повѣдать убитымъ горемъ родителямъ и тотъ роковой путь, по которому пойдетъ эта ужасная болѣзнь, вызывая у всѣхъ окружающихъ одно сознаніе безсилія не только помочь, но даже и облегчить страданія, а тѣмъ болѣе предотвратить неизбѣжный конецъ.

Нетрудно понять каково было съ этой минуты состояніе души отца и матери. Дождавшись на одиннадцатомъ году супружества того счастія, о которомъ Она всегда мечтала, отдавши своему

ребенку всю свою нѣжность и всѣ свои надежды, Она же, оказывается, и передала ему роковую болѣзнь, о которой долгое время Она и не думала, но если даже и слышала и допускала возможность, что Ея сынъ могъ быть пораженъ ею, то, по своей глубокой вѣрѣ, Она неизбѣжно твердила себѣ, что ни Она сама, ни Государь, ни тѣмъ болѣе вся Россія не свершили ничего, чтобы заслужить такую кару Божію. А неумолимая дѣйствительность дѣлала свое дѣло. Припадки кровоизліянія учащались и усиливались. Наука объявила себя безсильной не только предупредить ихъ, но даже сократить ихъ длительность. Съ каждымъ новымъ припадкомъ жизнь ребенка становилась каждый разъ на карту, и негдѣ было искать земной помощи.

Что же оставалось Императрицѣ дѣлать при Ея складѣ души? Только одно — обратиться къ Богу, къ молитвѣ, искать въ ея вѣрѣ силы переносить несчастіе и даже ждать чуда, потому что оно не могло не явиться, ибо Богъ справедливъ, милосердъ и всемогущъ. Ея внутренній голосъ неизмѣнно говорилъ Ей то, что Она такъ любила повторять и раньше: «для Бога нѣтъ невозможнаго. Нужно только быть достойнымъ Его милосердія, и чудо придетъ». Откуда, черезъ кого — этого никто не знаетъ, да это и безразлично.

Въ этотъ моментъ до слуха Императрицы снова доходитъ вѣсть о «старцѣ», который умѣетъ молиться, какъ никто, который говоритъ не такъ, какъ говорятъ всѣ, у котораго какая-то своя вѣра, не такая, какъ у всѣхъ насъ. Ей говорятъ и о томъ, что знаютъ примѣры, когда люди, застигнутые большимъ горемъ, просили старца помолиться о нихъ, и они находили потомъ разрѣшеніе всего, что такъ тяготило ихъ. Говорили даже, что знаютъ случаи, когда его молитва останавливала болѣзнь, казавшуюся смертельной. И «старца» стали приглашать все чаще и чаще, по мѣрѣ того, что учащались припадки, и съ нимъ, незамѣтно, все больше и больше, стали разговаривать, и онъ какъ-то незамѣтно сталъ входить во весь обиходъ жизни Двора. Съ нимъ разговаривали о томъ, что интересовало особенно въ данную минуту, и онъ какъ-то незамѣтно сталъ «другомъ» и даже совѣтчикомъ, — по крайней мѣрѣ первое наименованіе стало обыденнымъ, нарицательнымъ.

Я помню хорошо какъ въ 1913 году, подъ конецъ Романовскихъ торжествъ, въ Москвѣ, одна изъ свитныхъ фрейлинъ, извѣстная своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ Распутину и утратившая, по этой причинѣ, свое положеніе при Дворѣ, разсказывала мнѣ, что она присутствовала однажды при разговорѣ врачей,

во время одного изъ наиболѣе сильныхъ припадковъ гемофиліи, когда они были безсильны остановить кровотеченіе. Пришелъ Распутинъ, пробылъ нѣкоторое время у постели больного, и кровь остановилась. Врачамъ не оставалось ничего иного, какъ констатировать этотъ фактъ, не углубляясь въ то, было ли это случайное явленіе, или нужно было искать какое-либо иное объясненіе ему.

На этой, а не на какой-либо иной почвѣ посѣщенія «старца» учащались, не доходя, однако, никогда до той повторяемости, о которой говорили въ городѣ и разносили праздныя пересуды. Послѣднія глубоко оскорбляли Императрицу, и чѣмъ они росли и множились, тѣмъ больше возмущеніе поднималось въ Ея душѣ, тѣмъ меньше вѣрила Она всему, что разсказывали о жизни Распутина, о его вмѣшательствѣ во всевозможныя проявленія государственной жизни, и тѣмъ болѣе обострялось Ея отношеніе ко всѣмъ, кто былъ противъ Распутина или осмѣливался видѣть вредъ отъ его случайныхъ появленій при Дворѣ.

А Распутинъ, въ свою очередь, зная объ этомъ недовѣріи ко всему, что говорилось неблагопріятнаго про него, снялъ уже въ своихъ дѣйствіяхъ всякую маску. Его квартира на Гороховой сдѣлалась мѣстомъ скопленія всѣхъ, кто искалъ его покровительства, а число такихъ было, на самомъ дѣлѣ, немалое. Самъ онъ появлялся въ разнаго рода собраніяхъ, устраиваемыхъ его почитателями съ цѣлью собрать около него новыхъ искателей покровительства. Оргіи при его участіи стали обычнымъ явленіемъ. Министры и начальники вѣдомствъ стали получать все большее и большее количество своеобразныхъ его писемъ объ оказаніи вниманія лицамъ рекомендованнымъ имъ и случайно или же преднамѣренно, но многія изъ его обращеній оказывались далеко не безполезными для тѣхъ, въ пользу кого они были сдѣланы.

Я долженъ, однако, сказать, что ко мнѣ Распутинъ ни съ какими просительными письмами ни разу не обратился, и единственный разъ, что я получилъ его письмо, былъ тотъ, когда въ половинѣ февраля 1912 года онъ просилъ меня о пріемѣ его. Этотъ эпизодъ и его послѣдствія для меня подробно изложены мною въ своемъ мѣстѣ.

Второю особенностью міровоззрѣнія Императрицы Александры Феодоровны, которую Она усвоила себѣ рядомъ съ религіозностью и постепенно восприняла какъ чисто политическій догматъ, — была Ея вѣра въ незыблемость, несокрушимость и неизмѣнность русскаго самодержавія, какимъ оно выросло на пространствѣ

своего трехвѣковаго существованія. Она вѣрила въ то, что оно несокрушимо, потому что оно вошло въ плоть и кровь народнаго сознанія и неотдѣлимо отъ самаго существованія Россіи. Народъ, по Ея убѣжденію, настолько соединенъ прочными узами со своимъ Царемъ, что ему даже нѣтъ надобности проявлять чѣмъ-либо своего единенія съ царской властью, и это положеніе непонятно только тѣмъ, кто самъ не проникнутъ святостью этого принципа. Въ незыблемой вѣрѣ въ народную любовь къ себѣ Русскій Государь долженъ черпать всю свою силу и все свое спокойствіе, и сомнѣваться въ вѣрности народа своему Государю могутъ только тѣ, кто не знаетъ народа, кто стоитъ далеко отъ него или не видитъ очевидныхъ, на каждомъ шагу, проявленій его преданности исконнымъ началамъ монархіи.

Въ своемъ политическомъ вѣрованіи Императрица была гораздо болѣе абсолютна, нежели Государь. Стоитъ внимательно прочитать сдѣлавшіяся теперь достояніемъ публики всѣ письма Ея къ Императору въ самые разнообразные періоды ихъ совмѣстной жизни, чтобы найти въ нихъ прямое подтвержденіе этому. А если прибавить, что на почвѣ ихъ семейнаго дѣйствительно безоблачнаго счастія, которое не знало никакихъ размолвокъ или несогласій и только росло и крѣпло съ годами, Императрица имѣла, неоспоримо, огромное вліяніе на своего мужа, то отсюда только одинъ шагъ до того безспорнаго факта, что подъ Ея вліяніемъ въ Императорѣ Николаѣ II идея абсолютизма крѣпла каждый разъ, какъ внутренняя жизнь Россіи становилась все спокойнѣе и ровнѣе, и политическія осложненія, побуждавшія Его иногда считаться съ ними и становиться время отъ времени на путь уступокъ требованіямъ, предъявляемымъ жизнью, какъ это было напримѣръ въ 1905-мъ году, уходили въ область прошлаго. Императрица была безспорной вдохновительницей принципа сильной или, какъ было принято тогда выражаться, «крѣпкой» власти, и въ Ней находилъ Императоръ какъ бы обоснованіе и оправданіе своихъ собственныхъ взглядовъ, хотя личные взгляды Государя были безспорно менѣе опредѣленны, нежели взгляды Императрицы. Государь отлично понималъ различіе Его самодержавія до 1905 года и послѣ этого года. Онъ никогда не останавливался надъ теоретическимъ вопросомъ обязательно ли для Него исполненіе велѣній дарованнаго Имъ же самимъ закона, или Его прерогативы остались столь же неограниченными, какъ были раньше. Онъ просто считался съ совершившимся фактомъ. Императрица, напротивъ того, въ оцѣнкѣ явленій повседневной жизни и, въ особенности, въ оцѣнкѣ людей, призванныхъ при-

мѣнять законъ, совершенно не разбиралась въ тонкостяхъ конституціоннаго права и имѣла вполнѣ опредѣленный, такъ сказать, упрощенный способъ вѣрованія. Въ Ея пониманіи и въ Ея открытыхъ заявленіяхъ какъ въ письмахъ Государю, такъ и въ бесѣдахъ съ тѣми, кто окружалъ Ее, и кому Она довѣряла, Государь остался выше закона. Онъ стоитъ надъ нимъ. Его воля ничѣмъ не ограничена. Онъ властенъ выразить какое угодно желаніе, потому что оно всегда на пользу страны и народа. Всѣ обязаны исполнять Его велѣнія и даже простыя желанія безпрекословно, и кто не исполняетъ ихъ, тотъ не вѣрный слуга своему Царю и недостоинъ быть носителемъ дарованной Имъ ему власти. Всякое осужденіе Государя, всякое посягательство на критику какихъ-либо Его дѣйствій — недопустимо и должно быть пресѣкаемо всѣми способами, и тѣ носители власти, которые не исполняютъ этого, не могутъ оставаться на своихъ отвѣтственныхъ мѣстахъ, ибо они отвѣтственны прежде всего передъ своимъ Государемъ и должны понимать, что Онъ — Помазанникъ Божій.

Такое вѣрованіе вошло въ плоть и кровь Ея мышленія настолько, что Она не хотѣла даже обсуждать этого вопроса съ кѣмъ бы то ни было, въ сочувствіи кого Она не была заранѣе увѣрена. Всякое возраженіе въ этомъ отношеніи раздражало Ее, и тотъ, кто дѣлалъ его, становился просто непріятнымъ Ей, и Она не въ состояніи была скрыть своего неудовольствія. Своими взглядами Она дѣлилась исключительно съ одними близкими Ей людьми, которые не только не пытались разъяснить Ей неправильность такого пониманія, но, желая укрѣпить свое собственное положеніе, только поддерживали Ея взгляды. Такимъ образомъ создавался постепенно тотъ заколдованный кругъ, который все болѣе укрѣплялъ Ее въ Ея взглядахъ, а съ людьми не согласными съ ними — не стоило просто и разговаривать, ибо они были ослушниками воли своего Государя, и разъ они не отступаются отъ такого пониманія, то, очевидно, они не Его слуги и всякая бесѣда съ ними излишня.

Третьей основной особенностью всей природы Императрицы Александры Федоровны былъ Ея личный характеръ.

Замкнутая, строгая къ себѣ и къ людямъ, сдержанная въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ, — Она относилась вообще съ большимъ недовѣріемъ и даже съ извѣстною подозрительностью къ окружающимъ, за исключеніемъ тѣхъ, кого Она допускала въ непосредственную свою близость и надѣляла ихъ, въ такомъ случаѣ, своимъ полнымъ довѣріемъ. Въ этомъ случаѣ Она уже не знала ему предѣловъ. Но стоило и тѣмъ, кого Она

допускала въ свое «Святая Святыхъ» въ чемъ-либо, какъ Ей казалось, нарушить оказанное имъ довѣріе или, въ особенности, отнестись отрицательно, а тѣмъ болѣе съ неодобреніемъ къ тому, чѣмъ Императрица особенно дорожила или считала *своимъ личнымъ дѣломъ,* какъ самое близкое лицо становилось чужимъ, безразличнымъ, и отношеніе съ нимъ порывалось окончательно. Примѣры родной сестры Императрицы, Великой Княгини Елизаветы Федоровны, вдовы В. К. Сергія Александровича, и Княгини З. Н. Юсуповой-Сумароковой-Эльстонъ служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Стоило и той и другой выразить ихъ мнѣніе о вредѣ появленія при Дворѣ Распутина, какъ самая нѣжная дружба многихъ лѣтъ этихъ дамъ съ Императрицею совершенно порвалась и уступила мѣсто полному отчужденію.

Внѣ своихъ близкихъ людей, Императрица Александра Феодоровна не любила ни Петербургской придворной среды, ни, такъ называемаго, высшаго Петербургскаго общества. Московскихъ круговъ Она почти не знала и, во всякомъ случаѣ, въ близости къ нимъ не находилась. Она считала даже Петербургскую высшую среду непосредственно враждебною себѣ и дѣлавшею рѣзкое различіе въ своихъ отношеніяхъ къ Ней и къ вдовствующей Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

На самомъ дѣлѣ этого не было, да и быть не могло.

Въ началѣ царствованія Императора Николая II общество мало знало молодую Императрицу, тогда какъ вдовствующую Императрицу оно знало передъ тѣмъ уже 30 лѣтъ (Императрица мать прибыла въ Россію въ 1866 году). Ее давно успѣли полюбить за Ея привѣтливость, за простоту, за ласку въ обращеніи, за Ея доступность. Многіе выросли вмѣстѣ съ Нею, другихъ Она знала дѣтьми и ласкала; немалое количество людей встрѣчалось съ Нею въ благотворительной дѣятельности. Молодой Императрицы не знали и Ее не легко было узнать. Она мало принимала, чему мѣшали также и Ея частныя болѣзни. Вся Ея жизнь сосредоточилась на семьѣ и на дѣтяхъ, уходу и воспитанію которыхъ Она отдала всю свою нѣжность и большое количество времени. Ее вообще мало видѣли и доступъ къ Ней былъ не легокъ.

Но допустить, чтобы въ столичномъ обществѣ было отрицательное, а тѣмъ болѣе враждебное къ Ней отношеніе, — это было совершенно несправедливо, тѣмъ болѣе, что весь придворный кругъ, вся родовая и служилая аристократія только и ждала, чтобы для нея открылись двери новаго Двора и уже, конечно, внѣ всякихъ принципіальныхъ предпочтеній кому-либо, была бы

только рада имѣть доступъ къ новому, естественно, болѣе близкому къ дѣятельности и вліянію, центру своихъ ожиданій.

Слѣдуетъ сказать, что и въ выборѣ своего непосредственнаго приближенія Императрица не была счастлива. Нельзя назвать ни одного лица, которое при всей своей дѣйствительности или кажущейся преданности, было въ состояніи достаточно глубоко и авторитетно освѣтить Ей, окружавшія Ее условія и хотя бы предостеречь отъ послѣдствій неправильной оцѣнки этихъ событій и людей Ея времени.

Одни изъ узкаго личнаго разсчета, либо изъ опасеній утратить то положеніе, которое выпало на ихъ долю, другіе по неумѣнію анализировать окружающія ихъ условія или по складу ихъ ума, сами не отдавали себѣ отчета въ томъ, что происходило кругомъ нихъ, третьи, наконецъ, потому, что искренно сами вѣрили въ то, что составляло сущность взглядовъ Императрицы, — но всѣ они хоромъ, и отличаясь въ однихъ подробностяхъ, только укрѣпляли Ее въ избранномъ пути и приносили Ей, каждый откуда могъ, то все новыя и новыя свѣдѣнія о распространяющемся неудовольствіи на Нее и всегда съ указаніемъ отъ кого оно идетъ, то передавали новые невѣдомо также откуда взятые слухи о томъ, что будто бы отъ Нея и Государя всѣ ждутъ, — когда же, наконецъ, будутъ приняты мѣры къ прекращенію соблазна, давно смущающаго преданныхъ Монарху и монархіи людей.

Среди такихъ условій и на почвѣ приведенныхъ особенностей въ основныхъ взглядахъ Императрицы произошли событія, описанныя мною, въ концѣ 1911 и въ началѣ 1912 г.

Всего съ небольшимъ два мѣсяца спустя послѣ кончины Столыпина и назначеніи моемъ на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, когда я только что видѣлъ очевидные знаки вниманія со стороны самой Императрицы, когда несомнѣнно съ Ея вѣдома я былъ назначенъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, а затѣмъ мнѣ были посланы изъ Ливадіи открытыя телеграммы съ выраженіемъ полнаго одобренія за мои первыя выступленія въ Государственной Думѣ, — началась въ самой острой формѣ кампанія въ той же Думѣ и въ печати противъ Распутина.

Государь отнесся къ ней съ совершенно несвойственнымъ Ему раздраженіемъ, но въ отношеніи меня Онъ былъ попрежнему милостивъ, ни разу не выразилъ мнѣ ни малѣйшаго неодобренія и говорилъ только, что тонъ печати недопустимъ, и Его давно занимаетъ вопросъ о томъ, нѣтъ ли какихъ-либо способовъ положить конецъ такому явленію. Приведенныя мною въ своемъ мѣстѣ объясненія мои о томъ, что Правительство безоружно противъ та-

кихъ явленій, повидимому, показались Ему сначала убѣдительными, и когда съ тѣмъ же вопросомъ Онъ обратился вскорѣ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Макарову и получилъ тождественныя со мной разъясненія, Государь реагировалъ на нихъ также совершенно спокойно, по крайней мѣрѣ, по внѣшности. Императрица также ничѣмъ не проявила открыто своего отношенія ко мнѣ и даже продолжала, какъ и незадолго передъ тѣмъ, проявлять мнѣ несомнѣнные знаки особаго Ея вниманія ко мнѣ. Примѣръ отношенія ко мнѣ на дворцовомъ Собраніи въ концѣ января 1912 г. также приведенъ мною.

Все рѣзко измѣнилось разомъ послѣ посѣщенія меня Распутинымъ 15-го февраля и доклада моего о немъ Государю. Съ этого дня слѣдуетъ считать мое удаленіе неизбѣжнымъ. Государь оставался еще цѣлые два года внѣшне прежнимъ, милостивымъ ко мнѣ. Императрица же измѣнила свое отношеніе, можно сказать, съ перваго дня послѣ того, что я доложилъ Государю о посѣщеніи меня Распутинымъ. Вопросъ съ письмами, распространяемыми Гучковымъ, инцидентъ съ передачею этихъ писемъ Макаровымъ Государю, порученіе разсмотрѣть дѣло прежняго времени о Распутинѣ, возложенное на Родзянко, и многое другое, уже описанное мною, все это были лишь дополнительныя подробности, но главное сводилось, безспорно, къ шуму, поднятому печатью и думскими пересудами около имени Распутина, и въ этомъ отношеніи визитъ послѣдняго ко мнѣ 15-го февраля и мое отрицательное отношеніе къ посѣщеніямъ «старцемъ» дворца сыграли рѣшающую роль.

Безъ сдѣланнаго мною выше анализа характера и взглядовъ Императрицы такой выводъ можетъ показаться непонятнымъ. Съ точки зрѣнія этого анализа многое дѣлается не только понятнымъ, но представляется даже неизбѣжнымъ.

Императрица была глубоко оскорблена тѣмъ шумомъ, который подняла Дума и печать кругомъ Распутина и его кажущейся близости ко Двору.

Ея моральная чистота, Ея понятіе о престижѣ Царской власти и неприкосновенности ореола ея неизбѣжно влекли Ее къ тому, чтобы отнестись къ этому не иначе, какъ съ чувствомъ величайшей остроты и даже обиды. На Ея вѣрованіе въ то, что каждому дано право искать помощи отъ Бога тамъ, гдѣ онъ можетъ ее найти, на Ея исканіе утѣшенія въ величайшемъ горѣ, которое постигло Государя и Ее въ неизлѣчимой болѣзни Ихъ Наслѣдника, Ихъ единственнаго сына и продолжателя династіи, на Ихъ надежду найти исцѣленіе въ чудѣ доступномъ только Богу, тамъ,

гдѣ наука открыто безсильна, — совершено, по Ея понятію, самое грубое нападеніе, и святость Ихъ домашняго очага сдѣлалась предметомъ пересудъ печати и думской трибуны.

Нужно было искать способовъ прекратить это покушеніе и найти тѣхъ, кто допустилъ его развиться до неслыханныхъ размѣровъ. Считаться съ Гучковымъ не стоитъ. Онъ давно зачисленъ въ разрядъ враговъ царской власти. Макаровъ — слабъ и, какъ человѣкъ способный мыслить только съ точки зрѣнія буквы писаннаго закона, долженъ быть просто удаленъ.

Но виноватъ болѣе всѣхъ, конечно, Предсѣдатель Совѣта Министровъ. Еще такъ недавно казалось, что онъ — человѣкъ преданный Государю, что угодничество передъ Думою и общественными кругами ему несвойственно, а на самомъ дѣлѣ онъ оказывается такимъ же, какъ всѣ, — способнымъ прислушиваться къ непозволительнымъ розсказнямъ и молчаливо, въ бездѣйствіи, относиться къ нимъ. Вмѣсто того, чтобы использовать, дарованное ему Государемъ вліяніе на дѣла и на самое Думу, онъ заявляетъ только, что не въ силахъ положить конецъ оскорбительному безобразію и ограничивается тѣмъ, что ссылается на то, что у него нѣтъ закона, на который онъ могъ бы опереться. Вмѣсто того, чтобы просто *приказать* хотя бы именемъ Государя, и тогда его *не могутъ не послушаться* — онъ только развиваетъ теорію о томъ, что при существующихъ условіяхъ нельзя получить въ руки способовъ укрощенія печати. Вмѣсто того, чтобы прямо сказать Предсѣдателю Думы Родзянко, что Государь ожидаетъ отъ него прекращенія этого безобразія, онъ ничего не дѣлаетъ и все ждетъ, когда оно само собою утихнетъ.

Такой Предсѣдатель не можетъ болѣе оставаться на мѣстѣ; онъ болѣе не Царскій слуга, а слуга всѣхъ, кому только угодно выдумывать небылицы на Царскую власть и вмѣшиваться въ домашнюю жизнь Царской семьи.

Со мною объ этомъ, разумѣется, не говорятъ, но въ окруженіи объ этомъ только и идетъ рѣчь, и слышатся все новыя подтвержденія моей близости къ тому же Гучкову или моихъ — на дѣлѣ никогда не происходившихъ — свиданій съ Родзянко, во время которыхъ постоянно развивается, будто бы, одна и та же тема — о необходимости высылки Распутина и удаленіи его отъ доступа къ Государю. Отсюда только одинъ шагъ до того, чтобы открыто, на виду у всѣхъ на вокзалѣ въ Царскомъ Селѣ, въ мартѣ 1912 года и при торжественномъ пріемѣ въ Ливадіи въ апрѣлѣ того же года выразить мнѣ прямое нежеланіе видѣть меня, — и неизбѣжность моего увольненія становилась поэтому, естественнымъ.

образомъ, только вопросомъ времени. Таковъ былъ ходъ мышленія Императрицы Александры Феодоровны, какъ я его понимаю, и какимъ онъ долженъ былъ быть по свойствамъ Ея природы.

Какъ реагировалъ Государь на это мнѣ, разумѣется, не извѣстно. То, что происходило внутри Царской семьи — осталось въ ней самой. Лично Государь никогда не высказывалъ своихъ взглядовъ при постороннихъ лицахъ, даже пользовавшихся милостью Его и Императрицы, но среди этихъ близкихъ людей описанныя сужденія составляли постоянно предметъ нескончаемаго обмѣна мыслей, до той поры, когда рѣшеніе объ увольненіи меня было принято, наконецъ, ровно два года спустя послѣ того, что я сдѣлалъ мой докладъ о посѣщеніи меня Распутинымъ.

Много лѣтъ прошло съ той поры и не разъ изъ числа бывшихъ близкихъ людей, переживших, какъ и я, всѣ событія, выпавшія на нашу долю съ того времени, многіе открыто излагали при мнѣ все тѣ же взгляды о моей отвѣтственности за то, что не были приняты мѣры къ укрощенію печати и къ огражденію власти Государя отъ похода на нее силъ разрушенія. Я слышалъ даже прямое обвиненіе меня въ томъ, что я не умѣлъ оперировать тѣми способами, которые были въ рукахъ моихъ, какъ Министра Финансовъ. — Въ этомъ отношеніи я оказался, дѣйствительно, крайне неумѣлымъ.

Къ чести людей, оставшихся на этой точкѣ зрѣнія, я долженъ сказать, что они высказывали ее и потомъ, въ эмиграціи, съ тѣмъ же убѣжденіемъ и совершенно безкорыстно, какъ и тогда, когда они вторили настроенію вліятельной среды.

Сущность такого положенія отъ этого нисколько, однако, не измѣняется.

Чтобы закончить эту часть моихъ воспоминаній слѣдовало бы попытаться выяснить здѣсь объективно и добросовѣстно причины моей отставки. Но исполнить это такъ, какъ бы мнѣ этого хотѣлось, я не могу, не потому только, что мнѣ трудно быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, но и потому, что настоящихъ причинъ на самомъ дѣлѣ не было, а были одни предлоги, болѣе или менѣе дѣйствительные или просто выдуманные, смотря по тому, кто ихъ приводилъ. Изъ этихъ предлоговъ, скрывавшихъ истинныя, выше мною приведенныя причины, мало-по-малу, просто создавалась опредѣленная атмосфера, въ которой въ одно сплетеніе соединялись безъ провѣрки самые разнообразные факты. Это имѣло мѣсто не только въ моемъ случаѣ, но и во многихъ, совершенно иного ха-

рактера. Искать истинныя причины было бы просто напраснымъ трудомъ. Въ моемъ увольненіи ихъ слѣдуетъ скорѣе искать въ отношеніи ко мнѣ правыхъ организацій и партій. Ими, по преимуществу, пользовались люди, руководившіе кампаніей противъ меня, и справедливость заставляетъ меня сказать, что никакія страстныя нападки на меня Шингарева и Ко въ Думѣ не имѣли ни малѣйшаго вліянія на мою карьеру, тогда какъ рѣдкія выступленія П. Н. Дурново, закулисные доклады Предсѣдателей Союза Объединннаго Дворянства вели вѣрною рукою къ моей ликвидаціи. Почему именно понадобилось имъ вести кампанію противъ меня?

Когда на верху власти былъ Столыпинъ — они дѣйствовали противъ него, выдвигая мою кандидатуру, какъ человѣка не связаннаго никакими узами съ «младо-туркомъ» Гучковымъ. Когда Столыпина не стало, и я былъ назначенъ на его мѣсто, то тѣ же правые не только не стали поддерживать меня, но на своихъ собраніяхъ ясно установили отрицательное ко мнѣ отношеніе, потому, что я не «ихъ» человѣкъ и меня нельзя подчинить ихъ вліянію.

Что же выставили они противъ меня?

Обвинить меня въ близости къ Гучкову было, очевидно, невозможно не только потому, что ея никогда не было, но еще и потому, что самъ Гучковъ, съ осени 1912 года, удалился съ открытаго политическаго горизонта, провалившись на выборахъ въ Думу по Петербургу и Москвѣ. Нужно было выдвинуть нѣчто иное и притомъ лежащее внѣ области финансоваго вѣдомства, т. к. въ этой области не было поводовъ къ неудовольствіямъ съ ихъ стороны и это нѣчто сказалось въ недостаткѣ *твердости* въ руководительствѣ общею политикой. Я «позволилъ» Государственной Думѣ слишкомъ много говорить; она постоянно вмѣшивается во всѣ дѣла управленія, критикуетъ всѣхъ и вся; она не щадитъ и самого трона всевозможными намеками. Подъ предлогомъ критики «безотвѣтственныхъ» распорядителей въ лицѣ Великихъ Князей расшатывается, говорилось тогда, самая Верховная Власть. А я не принимаю никакихъ мѣръ къ обузданію и не умѣю или не хочу вліять на печать, которая также разнуздана и не считается съ властью, какъ будто я былъ вооруженъ какими-либо мѣрами. Не доставало только прямого обвиненія въ умышленномъ соучастіи, но т. к. на это уже никто не рѣшился, потому что такое обвиненіе было бы просто абсурдно, — то осталось выдвигать *слабость власти*, трусливость, свойственную Министру Финансовъ, всегда опасающемуся встать рѣзко въ политикѣ про-

тивъ элементовъ, невыгодно отражающихся на состояніи Биржи и вексельныхъ курсовъ, чрезмѣрная уступчивость еврейскимъ вожделеніямъ и слишкомъ большая зависимость отъ международной финансовой силы.

Подъ такимъ руководительствомъ, говорилось тогда, политика Россіи становится колеблющеюся и недостойною великаго народа, великой страны и великаго Государя! Такія рѣчи производили впечатлѣніе, а когда къ нимъ присоединяются еще и личныя вліянія докладчиковъ, домашнихъ совѣтчиковъ и т. д., то результатъ можетъ быть только одинъ — увольненіе рано или поздно съ бо̀льшимъ или меньшимъ почетомъ.

На этомъ мнѣ слѣдовало бы закончить мои воспоминанія пережитой поры и коротко разсказать лишь то, что пришлось пережить потомъ, когда такъ рѣзко повернулась страница моей трудовой жизни.

Но мнѣ еще хочется сказать всего нѣсколько словъ о томъ, что за всѣ испытанія, соединенныя съ моимъ оставленіемъ активной работы, у меня не оставалось ни малѣйшей горечи къ моему Государю ни при Его жизни, ни тѣмъ болѣе послѣ Его кончины.

Не только сейчасъ, когда прошло столько лѣтъ съ той поры и отъ прошлаго не осталось ничего, кромѣ груды развалинъ, да воспоминаній, не оставлявшихъ меня ни на минуту, — о томъ злодѣяніи, которое совершено надъ Нимъ и надъ всѣми, кто былъ Ему особенно дорогъ, — но даже и тогда, 30 января 1914 года, въ кабинетѣ Государя въ Царскомъ Селѣ, въ минуту разставанья, послѣ десяти лѣтъ моего постояннаго съ Нимъ общенія, — мною овладѣло одно чувство безконечной грусти о томъ, какъ тяжело переживалъ Государь принятое Имъ рѣшеніе, навѣянное очевидно мучительно-продуманною необходимостью принять его во имя государственной пользы, но вызванное иными, по большей части внѣшними причинами.

Мнѣ было тяжело покидать Государя въ минуту ясно сознаваемаго мною приближенія исключительно тяжелыхъ для Россіи обстоятельствъ и не имѣть при томъ права сказать Ему объ этомъ, такъ какъ письмо Его ко мнѣ закрывало къ этому всякую возможность.

Я не говорю уже о томъ, что я остро и болѣзненно чувствовалъ разставаніе съ тѣмъ дѣломъ, которое сблизило меня съ финансовымъ вѣдомствомъ за 16 лѣтъ моей работы въ немъ. Но когда прошли первые дни и миновали всѣ проявленія оказаннаго мнѣ широкаго сочувствія и трогательной привязанности ко мнѣ,

въ особенности моихъ бывшихъ сослуживцевъ, — я быстро нашелъ душевное равновѣсіе и пріобрѣлъ тотъ покой, къ которому я не разъ такъ искренно стремился.

А когда, шесть мѣсяцевъ спустя, Россія была вовлечена въ войну, опасность которой я старался отстранять въ мѣру данной мнѣ къ тому возможности — я сказалъ себѣ съ глубокою вѣрою въ мудрость Промысла, что судьба уберегла меня отъ отвѣтственности за неизбѣжную для моей родины катастрофу. Я слишкомъ близко видѣлъ всѣ недостатки военной организаціи, я жилъ среди той легкости, съ которой относились люди, стоявшіе наверху правительственной лѣстницы, къ возможности вооруженнаго столкновенія съ нашимъ западнымъ сосѣдомъ, я не уставалъ твердить объ этомъ Государю, несмотря на то, что я видѣлъ, что это было Ему непріятно, и что мои возраженія по отдѣльнымъ поводамъ не остаются безъ невыгоднаго и для меня самого впечатлѣнія. Встрѣчалъ я и со стороны моихъ товарищей по Совѣту Министровъ недвусмысленныя заявленія о томъ, что въ основѣ моихъ взглядовъ лежитъ одно недовѣріе къ силѣ и энергіи русскаго народа. Я привелъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ моихъ воспоминаній немало доказательствъ этого тяжелаго разлада, который существовалъ между мною и моими, столь же, какъ и я, отвѣтственными сотрудниками Государя. Мой голосъ не былъ услышанъ, и я стоялъ особнякомъ среди значительной части нашего правительства того времени. Но я долженъ сказать съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, что каково бы ни было наше внутреннее несогласіе въ историческія минуты еще задолго предшествовавшія войнѣ, предотвратить ее зависѣло не отъ Россіи.

Война была предрѣшена еще тогда, когда у насъ были убѣждены, что ея не будетъ и всякія опасенія ея считались преувеличенными, либо построенными на односторонней оцѣнкѣ событій.

Но я не раздѣляю и того мнѣнія, которое живетъ и до сихъ поръ въ извѣстной части русскаго общества и не разъ выражалось открыто, — что война могла быть нами предотвращена при бо̀льшемъ искусствѣ и при бо̀льшей предусмотрительности въ веденіи нашей внѣшней политики. Не неся никакой отвѣтственности за войну, я, тѣмъ не менѣе, открыто исповѣдую, какъ буду исповѣдывать до конца моихъ дней, что на Россіи не лежитъ никакой отвѣтственности за ту міровую катастрофу, отъ которой больше всего пострадала именно Россія. Она была безсильна остановить неумолимый ходъ роковыхъ событій, подготовленныхъ задолго тѣми, кто все разсчитывалъ напередъ, но не понялъ только одного, что человѣческому предвидѣнію положенъ свой предѣлъ,

неподдающійся абсолютному взвѣшиванію, какъ не понялъ и того. что многое совершается вопреки заранѣе составленнымъ разсчетамъ.

Еще за восемь мѣсяцевъ до начала войны, въ бытность мою въ Берлинѣ, было очевидно, что мирнымъ днямъ истекаетъ скоро послѣдній срокъ, что катастрофа приближается вѣрнымъ, неотвратимымъ шагомъ, и что рядъ окончательныхъ подготовительныхъ мѣръ, начатыхъ еще въ 1911 году, т. е. за три года, уже замыкаетъ свой страшный циклъ, и никакое миролюбіе русскаго Императора или искусство окружающихъ Его дѣятелей не въ состояніи болѣе разомкнуть скованной цѣпи, если не совершится чуда.

Моему взгляду на этотъ вопросъ есть и уцѣлѣвшій еще и теперь свидѣтель — мой всеподданѣйшій докладъ Государю въ концѣ 1913 года. Онъ опубликованъ совѣтской властью. Когда-нибудь этотъ документъ войдетъ въ составъ историческаго матерьяла о происхожденіи войны 1914—1918 гг., и безпристрастный разборъ его скажетъ правду объ этомъ вопросѣ, все еще составляющемъ предметъ страстной полемики.

Не узнаетъ только никто того, что происходило въ душѣ Государя въ ту минуту, когда, докладывая Ему въ половинѣ ноября 1913 г. о моей заграничной поѣздкѣ и свиданіи въ Берлинѣ съ Императоромъ Вильгельмомъ, я дополнилъ мой письменный докладъ тѣми личными моими впечатлѣніями, которыя сложили во мнѣ убѣжденіе въ близости и неотвратимости катастрофы.

Я не повѣрилъ этого убѣжденія моему письменному докладу, чтобы не давать ему огласки даже въ той ограниченной средѣ, которой былъ доступенъ мой докладъ. Его зналъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ. Во всей исчерпывающей подробности узналъ его въ этотъ день и Государь.

Онъ ни разу не прервалъ меня за все время моего изложенія и упорно смотрѣлъ прямо мнѣ въ глаза, какъ будто Ему хотѣлось провѣрить въ нихъ искренность моихъ словъ.

Затѣмъ, отвернувшись къ окну, у котораго мы сидѣли, Онъ долго всматривался въ разстилавшуюся передъ нимъ безбрежную морскую даль и точно очнувшись послѣ забытія, снова упорно посмотрѣлъ на меня и сказалъ приведенныя уже мною Его слова, закончивши ихъ загадочною мыслью: «На все воля Божья!»

Это было въ мою послѣднюю поѣздку въ Ливадію.

ГЛАВА V.

Моя финансовая и экономическая политика. — Развитіе государственныхъ финансовъ и производительныхъ силъ Россіи за десятилѣтіе 1904—1913 г. г.

Такъ кончился длинный періодъ моей активной государственной службы. Онъ начался 10-го марта 1873 года и завершился 30-го января 1914 года освобожденіемъ меня отъ моей двойной обязанности — Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ.

Началась для меня новая жизнь, которая могла дать мнѣ еще не мало нравственнаго удовлетворенія и, во всякомъ случаѣ, возможность пожить личною жизнью и узнать, что даетъ человѣку сравнительный покой и независимое положеніе.

Судьба судила, однако, иное.

Но прежде чѣмъ приступить къ пересказу о томъ, какъ сложилась моя жизнь послѣ того, что въ ней произошло рѣзкое измѣненіе, въ связи съ перемѣною въ моей служебной судьбѣ, мнѣ кажется, что на мнѣ лежитъ долгъ подвести краткій итогъ того, надъ чѣмъ мнѣ пришлось трудиться въ теченіе длинныхъ 10-ти лѣтъ моей службы на посту Министра Финансовъ.

Мнѣ сдается, что мнѣ нужно это сдѣлать не столько для того, чтобы показать, что̀ и какъ я дѣлалъ, исполняя мой долгъ, но, главнымъ образомъ, для того, чтобы показать, каково было финансовое и экономическое положеніе Россіи въ концѣ 1903-го года, и какимъ стало оно къ началу 1914 года, когда мнѣ пришлось оставить мой постъ, т. е. всего за 6 мѣсяцевъ до наступленія войны, со всѣми ея послѣдствіями.

Не разъ въ моихъ публичныхъ выступленіяхъ въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ я открыто заяв-

лялъ съ трибуны, что я не былъ новаторомъ въ дѣлѣ управленія русскими финансами и не проложилъ новыхъ путей для экономическаго развитія страны. Моя роль была гораздо болѣе скромная — я старался сберечь, охранить и развить то, что было сдѣлано моими предшественниками, и если эта задача была мною выполнена, и Россія показала за 10-тилѣтіе съ 1904 по 1914 годъ замѣчательный экономическій расцвѣтъ, то заслуга принадлежитъ не столько мнѣ, сколько всему укладу финансоваго управленія, которое шло путемъ строгой преемственности за длинный періодъ, начавшійся задолго до моего времени.

Показать каково было экономическое и финансовое развитіе Россіи въ 1904—1914 г. г. нужно еще и потому, что объ этомъ времени вообще мало сказано. Ученыя изслѣдованія посвящали ему только отрывочныя данныя, потому что бурныя условія нашей внутренней жизни за первую половину этой поры отводили вниманіе въ сторону иныхъ интересовъ, преимущественно политическаго характера. Немало мѣста было отведено и полемикѣ, неизбѣжной когда приходится говорить о настоящемъ, такъ какъ страсти и критика всегда обрушиваются на то, что протекаетъ у насъ подъ глазами, и требуется не мало времени для того, чтобы онѣ улеглись и очистили мѣсто для болѣе безпристрастнаго и справедливаго анализа. А затѣмъ наступила война, и она настолько поглотила всеобщее вниманіе, что говорить о томъ, что не относилось къ ней, было уже просто невозможно. Наконецъ, подошла революція и большевизмъ, создавшіе такое положеніе, при которомъ одни не располагаютъ достаточными источниками для того, чтобы сказать безпристрастное слово о своемъ прошломъ, а другіе, хотя и располагаютъ ими, но заинтересованы только въ томъ, чтобы замолчать и опорочить все, что было до нихъ, и что они всякими способами и систематически стремятся стереть съ лица земли.

Разумѣется, говорить объ этомъ прошломъ въ объемѣ научнаго трактата—не мѣсто въ личныхъ Воспоминаніяхъ, хотя бы и активнаго его участника. Но дать ему короткую характеристику, показать какимъ оно было на самомъ дѣлѣ, по какимъ путямъ стремилось оно разрѣшить запросы страны и какого результата достигло — едва ли это излишне и безполезно для характеристики моей дѣятельности въ области экономической и финансовой и того, какія заданія положены были въ ея основаніе и насколько удалось ихъ осуществить.

Тѣ данныя, которыя мнѣ придется проводить въ ходѣ моего изложенія, заимствованы мною, главнымъ образомъ, изъ того ху-

дожественно исполненнаго изданія, о которомъ я говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Ко дню истеченія десятилѣтія со дня моего назначенія Министромъ Финансовъ я приготовилъ это особое, снабженное діаграммами, изданіе для Государя, приведя въ немъ рядъ фактическихъ свѣдѣній, характеризующихъ финансовое и экономическое положеніе Россіи за періодъ 1904—1914 годовъ.

Съ разрѣшенія Государя я разослалъ широко это изданіе русскимъ повременнымъ изданіямъ, университетамъ, ученымъ учрежденіямъ, отдѣльнымъ лицамъ, интересовавшимся финансовыми и экономическими вопросами. Нѣкоторое число экземпляровъ разослано было и заграницу. Мнѣ извѣстенъ и во Франціи одинъ экземпляръ, сохранившійся въ библіотекѣ Crédit Lyonnais.

Излагая вкратцѣ тѣ основанія, на коихъ неизмѣнно покоилась проводившаяся мною въ жизнь финансово-экономическая политика, я почерпну изъ этого изданія тѣ немногія свѣдѣнія, которыя, какъ мнѣ кажется, полезно привести, чтобы показать какою была Россія послѣ того, что она пережила русско-японскую войну и революцію 1905—1906 года; какъ быстро залѣчила она раны, нанесенныя ея экономическому организму, и какою встрѣтила она войну 1914 года.

Тѣ десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я стоялъ у кормила русскихъ финансовъ, богаты были событіями величайшей государственной важности. Событія эти глубоко вліяли на экономическую и финансовую конъюнктуру и, естественно, иногда затрудняли, а иногда облегчали движеніе по намѣченному мною пути. Объ этомъ скажу я подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи, а здѣсь отмѣчу лишь главныя вѣхи на этомъ пути.

Въ первую очередь стремился я всегда къ бюджетному равновѣсію, т. е. къ тому, чтобы покрывать обыкновенными доходами, не прибѣгая къ займамъ, обыкновенные, а поскольку возможно, и чрезвычайные расходы государства. Такую политику я всегда считалъ основой не только финансоваго, но и общаго экономическаго благополучія государства.

— Финансовая политика, которой я слѣдую, — говорилъ я въ Государственной Думѣ, въ засѣданіи 21 ноября 1911 г. — есть та политика,о которой ЛеонъСей,на мой взглядъ одинъ изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ экономической науки XIX столѣтія, сказалъ: «въ дѣлахъ финансовыхъ существуетъ только одна правильная политика — это политика бюджетнаго равновѣсія...» Политика эта не выигрышная, она не сопровождается широкими вѣщаніями, большими обѣщаніями, но она напоминаетъ собою ту незамѣтную

работу каменщика, который работаетъ подъ землею, складывая фундаментъ и тщательно подбирая камни, сознавая, что фундаментъ долженъ быть заложенъ широко и глубоко. Дѣлаетъ онъ это, вполнѣ понимая значеніе этой, можетъ быть, незамѣтной, а по моему мнѣнію, весьма замѣтной хотя и не всѣми замѣчаемой работы, сознавая, что только на этомъ широкомъ и глубокомъ фундаментѣ можно построить то прочное зданіе финансово-экономическаго развитія страны, которое одно способно повести Россію по пути укрѣпленія и процвѣтанія.

Къ темѣ этой я неизмѣнно возвращался во всѣхъ моихъ бюджетныхъ рѣчахъ, и стенограммы отмѣчаютъ, что слова мои вызывали «бурныя и продолжительныя рукоплесканія центра и правой». Если лѣвая часть Думы при этомъ безмолвствовала, то лишь изъ принципіальнаго нежеланія выразить правительству знаковъ одобренія, въ дѣйствительности же и она стремилась къ той же цѣли, хотя предпочитала избирать пути, которые, на мой взглядъ, къ этой цѣли привести не могли.

«Для достиженія и сохраненія бюджетнаго равновѣсія, необдходимо — говорилъ я — жить по средствамъ и не допускать въ области финансовъ никакихъ фантазій и авантюръ, осуществляя налоговыя реформы съ величайшей осторожностью и памятуя, что и въ области государственныхъ финансовъ должно соблюдать историческую преемственность и сообразоваться съ особыми условіями русской жизни».

«Вводить крупныя преобразованія въ построеніи бюджета легко на словахъ и чрезвычайно трудно на дѣлѣ», говорилъ я въ рѣчи, произнесенной 10-го мая 1913 года передъ Государственной Думой... «Бюджетъ отражаетъ на себѣ цѣлое прошлое данной страны и постепенно получаетъ значеніе такихъ порядковъ, которые требуютъ бережливаго, осторожнаго и послѣдовательнаго отношенія». «Мы должны», — говорилъ я въ той же рѣчи, «стремиться къ тому, чтобы внѣ предѣловъ крайней необходимости не заключать займовъ. Для этого есть единственное средство, это средство — блюсти, и при томъ блюсти какъ зѣницу ока, то, что я называю бюджетнымъ равновѣсіемъ, соразмѣрять потребности государства съ его средствами и жить въ соотвѣтствіи съ этимъ».

Этотъ главный, основной пунктъ моей программы мнѣ удалось послѣдовательно осуществить во всѣхъ бюджетахъ, широко одновременно удовлетворяя государственныя потребности. При этомъ въ послѣднихъ четырехъ бюджетахъ, съ 1910 по 1913 г. г., одни обыкновенные государственные доходы покрыли всѣ вообще

потребности государства, какъ обыкновенныя, такъ и чрезвычайныя.

Обозрѣвая пройденный за первые годы послѣ войны путь, я говорилъ Государственной Думѣ въ бюджетной рѣчи, произнесенной 19-го iюня 1908 г.: «Нѣтъ другой области, которая менѣе подавалась бы новшествамъ, какъ область финансоваго управленiя, и нѣтъ другой области, въ которой всякiе неудачные эксперименты не проявляли бы своего гибельнаго влiянiя такъ быстро, какъ эксперименты въ области финансовъ. Вотъ почему передъ нами дѣйствительно только одна задача, какъ бы ни звучало это скучно, какъ бы ни было желательно замѣнить это скучное болѣе живымъ и отраднымъ, передъ нами стоитъ необходимость жить по средствамъ. И въ этомъ отношенiи наша финансовая система дѣйствительно выдержала то испытанiе, которое на нее было возложено, она выдержала войну, выдержала послѣдующiя внутреннiя событiя, она выдержала крупное увеличенiе государственныхъ расходовъ, и она выдержала все это потому, что система нашего финансоваго строя поставлена правильно и прочно, что она основана на историческихъ началахъ, развивалась преемственно, а не была результатомъ тѣхъ или иныхъ академическихъ построенiй... Нашу финансовую систему нужно исправлять и совершенствовать и въ особенности дополнять, но нужно ее охранять и вынашивать, потому что она сослужила свою службу».

Слова эти, конечно, намѣчали лишь путь, по которому надлежитъ идти, расширяя государственные доходы, но нисколько не обозначали съ моей стороны желанiя ставить преграды разумному расширенiю государственныхъ расходовъ. Неоднократно повторялъ я съ трибуны законодательныхъ учрежденiй, что считаю значительное расширенiе государственныхъ расходовъ неизбѣжнымъ, такъ какъ многiя государственныя задачи остаются еще неразрѣшенными и, такъ какъ появленiе на исторической сценѣ Россiи законодательныхъ собранiй-народныхъ представителей неизбѣжно повлечетъ за собой ростъ государственнаго бюджета.

Весь вопросъ лишь въ томъ, на какомъ фундаментѣ долженъ быть осуществленъ этотъ ростъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ и составлялъ второй основной пунктъ моей финансовой политики.

Государственный бюджетъ, зеркало всей государственной и экономической жизни страны, тѣсно связанъ съ народнымъ хозяйствомъ и, кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда, напримѣръ, приходится залѣчивать раны, нанесенныя войной, какими-либо стихiйными бѣдствiями или внутренной смутой, бюджетъ долженъ развиваться на основѣ развитiя всей хозяйственной

жизни страны. Въ первую очередь надлежитъ покрывать ростъ государственныхъ расходовъ естественнымъ ростомъ государственныхъ доходовъ, происходящимъ отъ развитія производительныхъ силъ страны, и лишь во вторую очередь можно прибѣгать къ повышенію налоговъ, дѣйствуя въ этой области съ величайшей осторожностью, дабы не нанести опаснаго удара народному благосостоянію и не порвать живой ткани экономической дѣятельности страны. «Будьте бережливы въ отношеніи къ народу и къ его достатку — это такая же евангельская истина, какъ и всякая другая», говорилъ я въ Государственной Думѣ 16-го ноября 1909 года.

Развитіе народнаго достатка, развитіе производительныхъ силъ страны, на основахъ развитія частной инициативы и приложенія частнаго капитала — вотъ вѣрнѣйшій путь для достиженія роста государственныхъ доходовъ. «Мы должны идти по пути развитія нашихъ собственныхъ производительныхъ силъ и нашей промышленности», говорилъ я въ бюджетной рѣчи 10-го мая 1913 года въ Государственной Думѣ: «мы должны всѣми силами стремиться къ тому, чтобы повышалась наша трудовая и въ особенности промышленная инициатива, и безъ развитія, усовершенствованія и расширенія нашей промышленности мы обойтись не можемъ, а для этого не нужно смотрѣть на капиталъ и на его организацію, какъ на врага, нужно, наоборотъ, смотрѣть на него какъ на то необходимое, неизбѣжное, единственное условіе, которое вмѣстѣ съ природными богатствами и трудолюбіемъ населенія поможетъ развиваться нашей производительности».

Не слѣдуетъ, конечно, заключать изъ этихъ словъ, что я былъ врагомъ казеннаго хозяйства. Я считалъ лишь, что государство не должно быть монополистомъ, и что рядомъ съ веденіемъ казеннаго хозяйства въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ областяхъ должна быть всячески поощряема частная инициатива. Политику эту я, между прочимъ, энергично и послѣдовательно проводилъ въ области желѣзнодорожнаго хозяйства. «Не казенное хозяйство дурно, потому что оно казенное», — говорилъ я въ Государственной Думѣ въ общихъ преніяхъ по бюджету на 1909 г.: «и казенное хозяйство при извѣстныхъ условіяхъ и извѣстномъ сочетаніи условій можетъ быть хозяйствомъ хорошимъ. Казенное хозяйство во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ частнаго хозяйства, и казна, какъ хозяинъ и распорядитель, дѣйствуетъ черезъ тѣхъ же людей, и въ ея распоряженіи тотъ же народъ, тѣ же элементы, которые трудятся и на нивѣ свободнаго народнаго тру-

да. Поэтому нужно желать, чтобы народное хозяйство упорядочивалось параллельно съ упорядоченіемъ казеннаго хозяйства».

Моей постоянной заботой было, слѣдовательно, избѣгать повышенія налоговой тяжести населенія и покрывать ростъ государственныхъ расходовъ, во время войны и внутренней смуты, кредитными операціями, а затѣмъ по возстановленіи экономическихъ силъ страны, естественнымъ ростомъ доходовъ. «За все время войны, что сдѣлано было Правительствомъ?» — спрашивалъ я въ рѣчи, произнесенной въ Государственной Думѣ 27-го ноября 1907 года. «Какіе мы налоги подняли? Почти никакихъ. Мы увеличили ставку табачнаго акциза, мы взяли небольшой доходъ въ видѣ налога съ должностныхъ лицъ, увеличили нефтяной доходъ и, затѣмъ, увеличили въ предѣлахъ административныхъ полномочій цѣну на вино. Мы вынесли всю войну и всю революцію, не вводя новыхъ налоговъ. Это ли не пунктъ программы».

Что же касается до послѣдующаго періода съ 1908 по 1913 гг., то размѣръ обложенія на душу населенія (налоги прямые и косвенные, пошлины и казенная продажа вина) повысился съ 1908 по 1912 г. г. всего съ 10 р. 31 коп. до 10 р. 84 к., а общее повышеніе дохода отъ введенія новыхъ налоговъ и повышенія старыхъ не превысило въ бюджетѣ 1913 г. по сравненію съ бюджетомъ 1908 г., 75 милліоновъ рублей.

Ростъ государственныхъ потребностей дѣлалъ, однако, въ будущемъ неизбѣжнымъ использованіе въ большей мѣрѣ налоговыхъ источниковъ, но я постоянно повторялъ въ законодательныхъ палатахъ, что повышеніе доходовъ отъ налоговъ надлежитъ, въ первую очередь, искать въ увеличеніи налогового бремени болѣе состоятельныхъ классовъ населенія. Реформа прямого обложенія и введенія во время войны, въ 1916 г., подоходнаго налога всецѣло подготовлены были подъ моимъ руководствомъ въ то время, когда я находился во главѣ финансоваго вѣдомства. Въ проведеніи его въ Государственномъ Совѣтѣ я принялъ, уже послѣ моей отставки, дѣятельное участіе.

Какъ я сказалъ уже, не всѣ пункты моей финансовой и экономической программы могли быть въ равной степени осуществляемы въ различные періоды моего управленія финансами Россіи.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ раздѣлить десятилѣтіе 1904—1913 г. г. на два рѣзко одинъ отъ другого отличающіеся періода:

на періодъ съ 1904 г. по середину 1907 года

и на періодъ со средины 1907 по начало 1914 года.

Первый изъ этихъ двухъ періодовъ занятъ былъ сначала русско-японскою войною, а затѣмъ революціоннымъ движеніемъ 1905—1906 года. Въ эту пору нельзя было думать о какой-либо созидательной политикѣ, объ укрѣпленіи и исправленіи финансоваго положенія страны или о развитіи ея производительныхъ силъ и о накопленіи народнаго богатства. Нужно было стремиться къ тому, чтобы не разрушить то, что было создано раньше съ величайшимъ трудомъ и напряженіемъ и безъ чего не было бы возможности устранить въ свое время послѣдствія войны и смуты, если бы оно не было сохранено.

Характеръ дѣятельности русскаго правительства за этотъ первый періодъ уже изложенъ мною въ общихъ чертахъ въ связи съ началомъ войны, и я напомню только, что всѣ мои усилія были направлены на то, чтобы сохранить наше денежное обращеніе нетронутымъ и уберечь его отъ потрясеній военной невзгоды.

Рядомъ съ этимъ нужно было находить средства на веденіе войны и покрывать большіе, даже очень большіе, расходы, связанные съ нею, не напрягая налогового бремени, дѣлая войну какъ можно менѣе замѣтною для населенія, въ особенности потому, что общее убѣжденіе говорило все время за то, что война не можетъ затянуться на слишкомъ продолжительное время, и ея конечный исходъ будетъ безспорно благопріятенъ для Россіи.

Затѣмъ, когда слѣдомъ за окончаніемъ войны и, притомъ крайне неблагопріятнымъ для насъ, подошло революціонное движеніе и грозило подорвать нашу финансовую устойчивость больше нежели затронула ее война, когда внутреннія явленія породили печальныя событія, которыхъ не знали полтора года войны, и грозили просто разрушить все то, что съ такимъ трудомъ было сохранено за время войны, — на долю русскаго финансоваго управленія выпала задача, незамѣтная для посторонняго наблюдателя, но неизмѣримо болѣе трудная нежели та, которая выпала на его долю за время вооруженнаго столкновенія съ внѣшнимъ врагомъ. Нужно было бороться противъ взрыва нашей финансовой устойчивости изъ внутри страны и — еще, пожалуй, болѣе трудная забота — искать и найти средства на ликвидацію войны, на подготовку исправленія того, что сдѣлала революція, чтобы встрѣтить періодъ умиротворенія съ исправленными финансами, подготовить созидательную работу по развитію производительныхъ силъ и приступить къ ней, какъ только позволятъ внутреннія обстоятельства.

Этой заботѣ мною посвящено также немалое количество страницъ въ изложеніи моихъ Воспоминаній за 1905, 1906 и первую

половину 1907 года и повторять тѣ же мысли здѣсь нѣтъ ни основанія, ни надобности. Я скажу только, что періодъ существованія первой и второй Государственной Думы, съ апрѣля 1906 по іюнь 1907 г., ничѣмъ не отличался, въ смыслѣ напряженности борьбы за охраненіе нашей финансовой устойчивости, отъ періода революціоннаго движенія 1905 года. То же ослабленіе въ поступленіи доходовъ, то же извлеченіе средствъ изъ сберегательныхъ кассъ, тотъ же подрывъ въ міровомъ общественномъ мнѣніи русскаго государственнаго кредита, а слѣдовательно и тѣ же пріемы въ борьбѣ съ этими явленіями, сводившіеся къ охраненію устойчивости нашего внутренняго финансоваго аппарата, который и за это время показалъ только лишній разъ, что наша налоговая система была совершенно здоровая по ея существу и выдержала съ честью то небывалое напряженіе, которое она вынесла за эти критическіе годы.

Только этимъ ея свойствомъ нужно, главнымъ образомъ, объяснить, почему мы такъ быстро забыли всѣ тяжелыя невзгоды пережитой поры, и почему такъ быстро вернулась Россія на путь здороваго своего существованія въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи, какъ только ей дана была фактическая возможность перейти къ спокойной внутренней работѣ.

Иною представляется дѣятельность финансоваго управленія Россіи и выпавшія на его долю задачи за второй періодъ разсматриваемаго времени — съ іюня 1907 г. по началу 1914 г. Она должна была, естественнымъ образомъ, направиться по двойному руслу. О русскомъ народномъ представительствѣ, какъ факторѣ государственнаго строительства, приходится говорить только съ конца 1907 года, когда приступила къ своей законодательной работѣ Государственная Дума третьяго созыва.

Благодаря особенностямъ новаго избирательнаго закона, составъ Думы измѣнился, и она собралась не для атаки правительства и захвата его власти, а для продуктивной работы въ предѣлахъ, предоставленныхъ ей основными законами. Правительству предстояло сдѣлать, съ своей стороны, все возможное, чтобы облегчить ей исполненіе ея долга, такъ какъ нельзя было, конечно, предполагать, что Дума соберется во всеоружіи подготовленности ея къ несомнѣнно обширному и мало извѣстному для большинства ея членовъ отвѣтственному труду. И правительство сдѣлало все, что зависѣло отъ него. Въ частности, на долю Министерства Финансовъ выпалъ въ этомъ отношеніи особенно значительный трудъ. Пришлось кореннымъ образомъ переработать всю государственную роспись; подготовить весь смѣтный матеріалъ та-

кимъ образомъ, чтобы новый составъ законодательныхъ учрежденій нашелъ въ немъ всю необходимую ясность изложенія и полную возможность разобраться въ новомъ для него дѣлѣ.

На почвѣ этого переработаннаго матеріала и протекала вся смѣтная работа въ Государственной Думѣ и въ преобразованномъ Государственномъ Совѣтѣ съ перваго дня созыва Думы третьяго состава, въ теченіе 7-ми лѣтъ, до начала 1914 года, когда я покинулъ постъ Министра Финансовъ. Какъ я уже говорилъ, въ основу этой работы было положено правительствомъ и усвоено законодательными учрежденіями одно изъ наиболѣе существенныхъ основаній, которымъ обусловливается вся дѣятельность законодательства и правительства за это время и которое заключалось въ *достиженіи дѣйствительнаго равновѣсія русскаго государственнаго бюджета.*

Въ этотъ 7-милѣтній періодъ русскіе государственные расходы — какъ будетъ показано дальше — выросли въ небывалыхъ до того размѣрахъ по всѣмъ отраслямъ государственной жизни. Расходы на оборону не могли не быть значительны за эту пору въ жизни Россіи. Стоитъ только припомнить, что наше военное хозяйство, сухопутная армія и вся боевая ея организація были разстроены въ конецъ неудачною русско-японскою войною. Нашъ боевой флотъ погибъ въ Цусимскомъ проливѣ 15-го мая 1905 года. Возстановленіе того и другого неизбѣжно отражалось на цѣломъ рядѣ русскихъ бюджетовъ разсматриваемаго времени и потребовало значительныхъ средствъ казны. Но въ то же время всѣ отрасли государственной жизни, вѣдающія «культурными» потребностями, получили такое возрастаніе въ предоставленныхъ имъ средствахъ, какого не знало все предшествующее время.

Поступленіе доходовъ во всѣ разсматриваемые годы шло впереди общей совокупности произведенныхъ расходовъ и не только покрыло полностью всѣ предусмотрѣнные въ бюджетѣ расходы, но давало остатки, которые пошли на образованіе такъ называемой свободной наличности государственнаго казначейства, которая къ началу войны достигла внушительной цифры *въ 518 милліоновъ рублей.* Едва ли многія другія государства могли похвалиться, что они находились въ ту же пору въ одинаковыхъ съ Россіею условіяхъ.

Такомъ былъ первый путь, по которому шли усилія законодательныхъ учрежденій и правительства за описываемое время.

Второй путь заключался въ цѣломъ рядѣ осуществленныхъ за то же время мѣръ по развитію производительныхъ силъ Россіи. Перечислить ихъ во всей полнотѣ не представляется воз-

можности. Можно сказать, не впадая въ какое-либо преувеличеніе, что не было ни одной изъ существующихъ сторонъ русской государственной жизни, которая не проявила бы за это время такого расцвѣта, котораго не знала предшествующая ему пора.

Къ концу мирнаго періода, закончившагося войною 1914—1918 г. г., народное образованіе достигло высоты, о которой мало кто былъ освѣдомленъ за границей. Съ 1910 года правительство вступило на путь подготовки введенія въ Россіи всеобщаго обученія, и бюджетныя ассигнованія на эту потребность имѣли въ виду достигнуть этой цѣли въ самый короткій срокъ. Не утопіею представляется это заявленіе, такъ какъ по утвержденному въ законодательномъ порядкѣ плану введенія обязательнаго обученія въ Россіи оно должно было быть осуществлено къ 1920-му году на всемъ пространствѣ Имперіи, если бы разразившаяся война не разрушила всего этого плана.

Также весьма значительныя суммы отпущены за то же время на дѣло землеустройства, на переселеніе, на развитіе земледѣлія, на улучшеніе методовъ обработки земли, на распространеніе въ населеніи удобрительныхъ туковъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ, не говоря уже о томъ, какое развитіе получило въ эту пору русское земледѣльческое машиностроеніе.

Наступившее внутреннее успокоеніе въ странѣ съ половины 1907 года, рядъ превосходныхъ урожаевъ, изъ которыхъ особенною интенсивностью отличались урожаи 1909 и 1910 года, въ связи съ постепеннымъ накопленіемъ въ странѣ сбереженій дали огромный импульсъ пробужденію въ Россіи всѣхъ отраслей экономическаго развитія, которое въ свою очередь потребовало цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ къ развитію разнообразныхъ формъ кредита,преимущественно такъ называемаго «мелкаго», обслуживающаго интересы низшихъ классовъ населенія, къ организаціи дѣла народныхъ сбереженій, къ созданію особыхъ формъ кредита для земствъ и городовъ и т. д. И эти мѣры выполнены были столько же правительствомъ, сколько и поощряемой имъ частною иниціативою и привели къ тѣмъ результатамъ, которые отразились на всей экономической жизни Россіи и были очевидны для всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей этой жизни за годы, непосредственно предшествовавшіе великой войнѣ.

Рядъ офиціальныхъ свѣдѣній, дающій безпристрастную картину этого небывалаго расцвѣта, приводимыхъ ниже, лучше всякаго изложенія покажетъ, чѣмъ была Россія передъ постигшею ее военною и затѣмъ революціонною катастрофою, и какого блестя-

щаго положенія достигла бы она, если бы смерчъ большевизма не смелъ и не уничтожилъ все и не вырвалъ съ корнемъ самую возможность, по крайней мѣрѣ, на долгіе и долгіе годы ожидать въ будущемъ появленія новыхъ жизненныхъ силъ.

Что же было достигнуто на самомъ дѣлѣ?

I. Въ области бюджета.

Начало десятилѣтія 1904—13 г. г. протекало, какъ мы знаемъ, среди весьма неблагопріятныхъ условій.

Въ послѣдній передъ Русско-Японскою войною, 1903 годъ обыкновенные государственные доходы — о нихъ только и идетъ рѣчь въ настоящемъ мѣстѣ — дали всего *2.032 милліона рублей.* Въ первый годъ 10-тилѣтія, годъ начала войны съ Японіею, тѣ же доходы понизились на 13,5 милл. руб., а въ 1905 г. (2.025 милл. р.) все еще не достигали уровня 1903 года. Повышеніе доходовъ начинается въ 1906 г. Русскій финансовый аппаратъ сталъ постепенно выравниваться послѣ потрясеній революціонной поры 1905—1906 г. г. и въ кассы государства стали поступать доходы, задержанные внутренними безпорядками. Общая совокупность всѣхъ поступившихъ обыкновенныхъ доходовъ дошла до *2.272 милл. рублей,* и затѣмъ возрастаніе въ доходахъ шло непрерывно въ теченіе всего остального времени, безъ малѣйшихъ колебаній, въ которомъ бы то ни было году этого періода и итогъ ихъ достигъ, въ 1913 г. *3.415 милл. р.* или болѣе предшествующаго года на *309 милл. р.* и болѣе 1903 г. на *1.388 милл. руб.*

Если взять двѣ половины разсматриваемаго 10-тилѣтія, а именно первую половину 1904—1908 г. г., то окажется, что эта половина даетъ повышеніе въ ростѣ поступленія доходовъ всего въ 386 м. р. (1903 г. — 2.032 м. р., 1908 г. — 2.418 м. р.) тогда какъ второе пятилѣтіе 1909—1913 г. г. даетъ повышеніе въ 997 м. р. или въ 1 милліардъ рублей.

Если же прослѣдить по отчетамъ Государственнаго Контроля со времени 1867 г. — когда началось правильное составленіе и публикованіе отчетности по доходамъ и расходамъ государства — и попытаться выяснить въ какой срокъ обыкновенные государственные расходы повысились на 1 милліардъ рублей, то окажется, что въ 1867 году обыкновенные доходы составляли 415 милл. рублей, суммы же въ 1.415 м. р. они достигли только въ 1897 году, то-есть *черезъ тридцать лѣтъ.* Второй милліардъ достигнутъ былъ въ обыкновенныхъ доходахъ въ 1908 году или *черезъ 11 лѣтъ.*

Третій милліардъ въ тѣхъ же доходахъ достигнутъ въ 1913 году или *черезъ пять лѣтъ,* такъ какъ въ этомъ году всего обыкновенныхъ доходовъ поступило 3.415 м. р.

Конечно, такой быстрый ростъ имѣетъ свое объясненіе отчасти въ томъ, что въ 1897 г. русскій государственный бюджетъ вливаетъ въ себя двѣ новыя и притомъ весьма крупныя статьи доходовъ — казенныя желѣзныя дороги и винную монополію, которыхъ не знали бюджеты предшествующаго времени. Но, какъ бы то ни было, явленіе быстраго наростанія доходовъ сохраняетъ все свое значеніе, какъ показатель того развитія хозяйственной жизни государства, которое дало возможность покрывать столь же быстрое увеличеніе расходовъ государства, покрываемыхъ бюджетными рессурсами страны.

На самомъ дѣлѣ, для устраненія всякой возможности встрѣтиться съ новымъ повтореніемъ упрека, не разъ дѣланнаго уже русскимъ финансамъ за то, что все ихъ благополучіе строилось, главнымъ образомъ,на постоянномъ возрастаніи питейнаго дохода, полезно привести еще одно сравненіе, а именно указать на какую сумму выросли обыкновенные доходы Россіи *безъ участія въ нихъ какъ оборотовъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ и по винной монополіи.*

Такое сравненіе покажетъ намъ, что всѣ прочіе доходы, кромѣ двухъ исключаемыхъ статей, возрасли въ 1913 году сравнительно съ 1904 годомъ на *577,8 м. р. и ни одна изъ статей бюджета не отсутствовала изъ этого возрастанія.*

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе:

За весь десятилѣтній періодъ 1904—1913 г. г. обыкновенные государственные доходы Россіи, какъ я уже говорилъ объ этомъ, *ежегодно и неизмѣнно давали превышенія надъ расходами.* Превышенія эти достигли въ совокупности за все десятилѣтіе внушительной цифры *2.132 милл. рублей,* которые и были обращены на покрытіе чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ. Даже годы войны и смуты (1904—1906 г. г.) дали превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ таковыми же расходами на 418 милл. рублей. Безъ этого излишка въ доходахъ государство или вовсе не выполнило бы тѣхъ потребностей, которыя по самому закону были отнесены къ разряду «чрезвычайныхъ», или было бы вынуждено заключать для ихъ покрытія новые займы, обременяя ими свои послѣдующіе бюджеты.

Я говорю о такихъ расходахъ послѣдняго характера, которые имѣютъ своимъ предметомъ: сооруженіе желѣзныхъ дорогъ

и портовъ, помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая или стихійныхъ бѣдствій, и т. п.

Я не имѣю вовсе въ виду расходовъ, связанныхъ съ войною, потому что они были покрыты въ ихъ главной части за счетъ кредитныхъ операцій.

Переходя отъ краткаго обозрѣнія государственныхъ доходовъ къ такому же обозрѣнію *государственныхъ расходовъ* за тотъ же періодъ времени, я считаю себя въ правѣ сказать, что такое обозрѣніе не только приводитъ къ столь же благопріятнымъ выводамъ, но даетъ право сдѣлать еще болѣе благопріятныя заключенія.

Въ своемъ мѣстѣ моихъ Воспоминаній я отвелъ немало страницъ изложеніею осужденій, которыми оппозиціонная часть русскаго молодого народнаго представительства характеризовала свое отношеніе къ бюджету, внесенному на его утвержденіе, неизмѣнно укоряя правительство за то, что оно обращаетъ свое преимущественное вниманіе на увеличеніе однихъ расходовъ на нужды государственной обороны и на расширеніе административныхъ вѣдомствъ, отводя едва ли не послѣднее мѣсто удовлетворенію культурныхъ потребностей народа, представляя для нихъ лишь сравнительно ничтожныя суммы въ отличіе отъ другихъ странъ, которыя отводятъ для нихъ первенствующее мѣсто.

Неоспоримый языкъ цифръ говоритъ иное.

Не углубляясь въ критическое разсмотрѣніе, какіе именно расходы должны быть признаны расходами, удовлетворяющими культурныя потребности, слѣдуетъ сказать, что въ этомъ вопросѣ для бюджетовъ всѣхъ вообще государствъ есть немалая доля условности. Не свободенъ былъ отъ этой условности, конечно, и русскій бюджетъ.

Но въ томъ обзорѣ цифръ, какой я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что государственная отчетность прежней Россіи, насколько это видно изъ Отчетовъ Государственнаго Контроля и представляемыхъ на законодательное утвержденіе государственныхъ росписей за всѣ годы до великой войны и начиная отъ 1907 года, если и грѣшатъ не абсолютною послѣдовательностью своей классификаціи расходовъ культурнаго и производительнаго наименованія, то скорѣе преуменьшеніемъ въ показаніи расходовъ называемыхъ «культурными», нежели въ сторону ихъ преувеличенія. Для примѣра можно указать хотя бы на то, что въ составъ культурныхъ и производительныхъ расходовъ отчетность и объясненіе составителей государственной росписи, никогда не относили расходовъ по эксплоатаціи желѣз-

ныхъ дорогъ, какъ будто эти расходы и по ихъ существу не составляютъ одного изъ крупныхъ элементовъ въ жизни страны и одного изъ наиболѣе дѣйствительныхъ факторовъ въ производительной ея жизни. Точно также и многіе другіе расходы, разбросанные по смѣтамъ цѣлаго ряда вѣдомствъ, вовсе не принимаются въ расчетъ при сводкахъ издержекъ, имѣющихъ характеръ культурныхъ и производительныхъ, хотя они несомнѣнно относятся къ разряду ихъ.

Общая совокупность всѣхъ *обыкновенныхъ расходовъ* за послѣдній 1913-й годъ разсматриваемаго десятилѣтія составляетъ, какъ приведено, болѣе 3.070 милліоновъ. По сравненію съ начальнымъ годомъ десятилѣтія (1883 милл.) приростъ въ расходахъ равняется 1.187 милліонамъ рублей или 63%.

Изъ общаго итога расходовъ въ 3.070 милліоновъ рублей:

1. — Расходы административные равны для 1913 года 503 милл. р. противъ 327,4 милл. руб. въ первый годъ 10-тилѣтія, то-есть они увеличились всего на 54%.

2. — Платежи по государственному долгу составляли въ 1913 г. 402,8 м. р. противъ 327,4 м. р. въ 1904 году. Они возрасли на 39%.

3. — Расходы государственной обороны въ 1913 году равнялись 816,5 м. р. противъ 466,3 м. р. въ 1904 г. Они увеличились на 75%.

4. — Расходы культурные и производительные составляли въ 1913 году 519,2 м. р. противъ того же порядка расходовъ въ 1904 г., равныхъ 213,7 м. р., и *дали приростъ въ 143%.*

5. — Казенныя хозяйственныя операціи (винная монополія и казенныя желѣзныя дороги) дали въ 1913 г. 828,5 м. р. противъ 586,9 м. р. 1904-го года, то-есть увеличились на 41%.

Изъ этого съ несомнѣнностью вытекаетъ, что за 10-тилѣтіе 1904—1913 г. г. культурные расходы дали абсолютное возрастаніе на 305,4 м. р. *въ процентномъ же отношеніи ассигнованіе послѣдняго года представляетъ наибольшее возрастаніе противъ всѣхъ остальныхъ расходовъ.*

И если по абсолютной цифрѣ своего повышенія они ниже, нежели расходы обороны, плучившіе въ 1913 году на 350,2 м. р. болѣе нежели тѣ расходы въ 1904 году, то это повышеніе на 75% объясняется, какъ выше указано, тѣмъ, что возрастаніе расходовъ на оборону было результатомъ исключительныхъ событій начала десятилѣтія — утраты Россіею своего боевого флота 15-го мая 1905-го года и разстройствомъ матеріальной части арміи, какъ послѣдствія войны.

2. *Денежное обращеніе.*

Въ 1897 году, какъ извѣстно, Россія перешла на систему золотого обращенія и установила въ 1899 году чрезвычайно строгія основанія для выпуска въ народное обращеніе кредитныхъ билетовъ, обезпечиваемыхъ наличнымъ золотомъ, принадлежащимъ Государственному Банку. Только выпускъ первыхъ 300 милліоновъ рублей могъ быть произведенъ безъ покрытія его золотомъ, а всякое дальнѣйшее увеличеніе количества бумажныхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ въ обращеніе, допущено не иначе какъ съ обезпеченіемъ его золотомъ рубль за рубль. До самаго наступленія войны 1914—1918 г. г. этотъ законъ ни разу не былъ нарушенъ. Его не разстроила ни русско-японская война, ни внутренная смута 1905—1906 г. г. Въ своемъ мѣстѣ мною приведены объ этомъ необходимыя разъясненія.

Это исключительное обстоятельство заслуживаетъ того, чтобы иллюстрировать его хотя бы нѣкоторыми цифрами для того, чтобы напомнить, что̀ было въ Россіи до постигшей ее въ 1917 году катастрофы и что̀ утрачено съ тѣхъ поръ.

Эмиссіонное право, то-есть выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніе, принадлежало исключительно Государственному Банку, чисто правительственному учрежденію, которое и располагало всѣмъ принадлежащимъ ему запасомъ золота въ монетѣ и въ слиткахъ, обезпечивающихъ все количество бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ народное обращеніе.

Къ началу 1904 года запасъ золота въ Государственномъ Банкѣ, *въ Россіи,* составлялъ 900 милліоновъ рублей. Онъ понизился на незначительную, правда, сумму, до 880 милл. рублей къ началу 1906 года, но затѣмъ подъ вліяніемъ двухъ операцій, совершенныхъ въ томъ же году во Франціи, и наступившаго улучшенія въ нашей внѣшней торговлѣ онъ сталъ быстро повышаться, начиная съ 1908 года, и дошелъ къ концу 1913 года до суммы свыше 1.680 милліоновъ рублей.

Общій же запасъ золота, принадлежащаго Государственному Банку и Государственному Казначейству какъ въ Россіи, такъ и у заграничныхъ корреспондентовъ, былъ значительно болѣе; онъ равнялся въ 1904 году — 1.100 милл. р. и, безпрерывно возрастая изъ года въ годъ, достигъ къ концу 1913 года 2.170 м. р. Въ то же время, выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніе составлялъ: къ началу 1904 г.—580 м. р. при запасѣ золота въ 900 м. р. и, постепенно повышаясь подъ вліяніемъ оживленія въ торго-

вомъ оборотѣ и во всей экономической жизни, дошелъ къ концу 1913 года до 1.670 м. р. при той же суммѣ принадлежащаго Государственному Банку золота въ Россіи и, слѣдовательно, съ фактическимъ золотымъ покрытіемъ билетнаго обращенія въ 100%.

3. *Внѣшняя торговля Россіи.*

Я ограничиваюсь одними валовыми цифрами вывоза изъ Россіи и привоза въ Россію товаровъ по ихъ цѣнности и не подвергая анализу составныхъ частей этого баланса, несмотря на то, что такой анализъ представилъ бы значительный интересъ.

Общій оборотъ внѣшней торговли за десятилѣтіе возросъ съ 1.682 м. р. до 2.690 м. р., то есть болѣе чѣмъ на 1 милліардъ рублей. Онъ влилъ за тотъ же періодъ въ народный оборотъ 3.799 м. р. и послужилъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ экономическаго прогресса.

За исключеніемъ одного 1908 года съ его слабымъ урожаемъ, слѣдовавшаго за двумя годами также неблагопріятнаго урожая, даже въ годы войны съ Японіею и смуты, — вывозъ изъ Россіи не ослабѣвалъ, какъ не понижался и привозъ, но съ 1909 года, подъ вліяніемъ ряда блестящихъ урожаевъ и начавшагося быстраго подъема промышленной и сельско-хозяйственной дѣятельности, вывозъ изъ Россіи далъ рѣзкій скачокъ вверхъ и не ослабѣлъ до самаго начала великой войны.

4. *Ростъ народнаго богатства.*

Десятилѣтіе 1904—1913 г. г. даетъ наглядное показаніе непрерывнаго и весьма значительнаго накопленія народнаго богатства во всѣхъ видахъ.

Неблагопріятныя внутреннія условія Россіи въ 1904 и 1905 г. г. задержали этотъ ростъ только на сравнительно короткое время и въ мало замѣтныхъ размѣрахъ, но уже съ конца 1906 года ростъ сбереженій показалъ значительное движеніе въ сторону возрастанія ихъ и достигъ къ концу разсматриваемаго періода на самомъ дѣлѣ весьма высокаго уровня.

Собственно приростъ капиталовъ въ Банкахъ разнаго наименованія, въ страховыхъ обществахъ и въ Государственныхъ Сберегательныхъ кассахъ, въ формѣ денежныхъ вкладовъ и цѣнныхъ бумагахъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ немногихъ цифрахъ:

Къ 1-му января 1904 года числилось всего размѣщенныхъ въ Россіи денежныхъ суммъ, процентныхъ бумагъ и закладныхъ — 11.300 милліоновъ рублей Черезъ пять лѣтъ, къ 1 января 1909 года ихъ было 14.300 милл. руб.; еще черезъ пять лѣтъ, къ январю 1913 года ихъ стало 19.000 м. р.

Въ частности, однихъ процентныхъ бумагъ было: въ 1904 году — 8.300 м. р., а въ 1913 году — 13.300, или болѣе на 60%.

Еще большого вниманія заслуживаютъ *обороты Государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ.*

Къ началу 1904 г. сумма въ нихъ вкладовъ денежныхъ и процентными бумагами составляла — 1.022 м. р.; къ концу 1913 года — она дошла до 2.100 м. р., то-сть увеличилась въ два раза. Число сберегательныхъ книжекъ возросло за то же время съ 4.854.000 до 8.597.000. Такой результатъ былъ достигнутъ, конечно, отчасти приближеніемъ кассъ къ населенію, путемъ открытія новыхъ кассъ а также упрощеніемъ формальностей и предоставленіемъ вкладчикамъ разныхъ удобствъ. Но наиболѣе дѣйствительною причиною такого увеличенія вкладовъ было, однако, развитіе духа бережливости въ населеніи и укрѣпленіе довѣрія къ кассамъ, послѣ печальнаго опыта массоваго извлеченія капиталовъ изъ сберегательныхъ кассъ во время революціоннаго періода 1905 года, отъ чего преимущественно пострадало само населеніе, поддавшееся анархическимъ наставленіямъ.

5. *Промышленность. Желѣзныя дороги.*

Наступившее въ 1907 году успокоеніе въ странѣ, укрѣпленіе денежнаго обращенія, широкое развитіе кредита, все увеличивавшаяся, внутри Россіи и извнѣ, вѣра въ производительныя силы страны, накопленіе и притокъ свободныхъ капиталовъ и, одновременно, увеличивающійся крестьянскій спросъ — всѣ эти явленія отражались на развитіи русской промышленности и привели въ разсматриваемое десятилѣтіе къ замѣчательному ея оживленію.

Развитіе сельскохозяйственнаго промысла и крестьянскаго спроса всегда были въ Россіи основными факторами хозяйственнаго прогресса страны. За десятилѣтіе 1904—1913 г. г., съ одной стороны подъ вліяніемъ аграрной реформы, стремившейся къ распространенію и укрѣпленію мелкой крестьянской собственности, а съ другой подъ вліяніемъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію и интенсификаціи сельскохозяйственнаго производства, повышенію потребленія сельскохозяйственныхъ машинъ и химическихъ удобреній, распространенію агрономическихъ знаній, рас-

ширенію сѣти агрономическихъ учрежденій и т. д., русское крестьянство крѣпло и увеличивалась устойчивость урожаевъ и производительность посѣвовъ. Созидался, укрѣплялся и расширялся фундаментъ для здороваго и раціональнаго развитія всѣхъ производительныхъ силъ страны.

Оживленіе русской промышленности въ описываемую эпоху было, такимъ образомъ, явленіемъ нормальнымъ, имѣвшимъ корни во всей хозяйственной и государственной жизни страны и твердую почву, на которой оно, безъ большевистской катастрофы, продолжало бы свое быстрое и мощное развитіе въ полной гармоніи съ другими проявленіями дѣятельности страны и съ параллельнымъ ростомъ народнаго благосостоянія.

Я ограничусь лишь очень немногими показателями оживленія русской промышленности въ разсматриваемую эпоху. Въ области промышленности предметовъ широкаго потребленія, производство хлопчато-бумажной пряжи повысилось съ 15 милліоновъ пудовъ въ 1905 году до 23 милліоновъ въ 1913 г., а производство хлопчатобумажныхъ тканей съ 13 до 20 милліоновъ пудовъ. Бѣлаго сахара произведено было въ 1905 г. — 50 милліоновъ пудовъ, а въ 1913 г. — 108 милліоновъ пуд. Производство папиросъ равнялось 12 милліардамъ штукъ въ 1905 г. и 26 милліардамъ въ 1913 г. Въ области тяжелой промышленности — производство каменнаго угля возросло съ 1.091 милл. пуд. въ 1908 г. до 2.214 милл. пуд. въ 1913 г. Чугуна произведено было въ 1903 г. 152 милл. пуд., а въ 1913 г. 283 милл. пуд. Что касается до нефтяной промышленности, то разрушенія, произведенныя во время смуты 1905 г., были такъ велики, что до войны добыча не достигла еще уровня 1904 г. и лишь во время войны, подъ вліяніемъ развитія Грозненскаго района, добыча достигла почти что прежняго уровня (656 милл. пуд. въ 1904 г. и 602 милл. въ 1916 г.).

Что касается до желѣзныхъ дорогъ, то ни одно десятилѣтіе не дало такого толчка прогрессу въ этой области, какое дало десятилѣтіе 1904—1914 года.

Этому вопросу мною посвящено немало страницъ въ моемъ предшествующемъ изложеніи, и можно сказать безъ преувеличенія, что безъ достигнутаго успѣха въ этой области не было бы и тѣхъ осязательныхъ результатовъ, которые проявила вся экономическая жизнь Россіи въ эту пору. Длина русской желѣзнодорожной сѣти, не считая финляндскихъ дорогъ и Китайской Восточной желѣзной дороги, равнялась наканунѣ войны, на 31 декабря 1903 г., 55.314 верстамъ. На 1 января 1914 г. она увеличилась до 65.526 верстъ, изъ коихъ двѣ трети, а именно 43.383

версты составляли казенную желѣзнодорожную сѣть: 33.416 верстъ въ Европейской и 9.969 верстъ въ Азіатской Россіи.

Такова была финансовая и экономическая политика Россіи въ десятилѣтіе 1904—1913 г. г. Таковы были въ бѣгломъ обзорѣ достигнутые ею результаты передъ самымъ началомъ великой войны и сопроводившей ее катастрофы.

Поистинѣ «дѣла давно минувшихъ дней
преданья старины глубокой»!

[illegible]

[illegible] было, такимъ образомъ, явленіемъ нормальнымъ, вызваннымъ [illegible] всей хозяйственной [illegible] жизни страны и [illegible] дую почву, на которой [illegible] катастрофы, продолжало бы свое быстрое и здоровое развитіе въ полной гармоніи съ [illegible] и въ параллель [illegible] ростомъ народнаго благосостоянія.

Я остановлюсь лишь очень [illegible] развитія русской промышленности въ разсматриваемую эпоху. Въ области промышленности предметовъ широкаго потребленія, производство [illegible] съ 18 милліоновъ пудовъ въ 1905 году до [illegible] хлопчатобумажныхъ тканей — съ 15 до 20 милліоновъ пудовъ. Вывоза сахара произведено было въ 1905 г. — 50 милліоновъ пудовъ, а въ 1913 г. — 185 милліоновъ пуд. Производство папиросъ [illegible] 12 милліардовъ штукъ въ 1905 г. и 28 милліардовъ въ 1913 г. Въ области тяжелой промышленности — производство каменнаго угля выросло съ 1.091 милл. пуд. въ 1904 г. до 2.214 милл. пуд. въ 1913 г. [illegible] было въ 1909 г. [illegible] милл. пуд. [illegible] промышленность, то разрушенія, произведенныя во время смуты 1905 г., были таковы, что до войны добыча не достигла еще уровня 1901 г. и лишь во время войны, послѣ значительнаго развитія Грозненскаго района, добыча достигла почти что прежняго [illegible] 1904 г. [illegible]

Что касается до желѣзныхъ дорогъ, то [illegible] не [illegible] прогрессъ [illegible] 1904—1914 года.

Этому вопросу [illegible] предшествующихъ изложеніяхъ, и можно сказать безъ преувеличенія, что былъ достигнутъ [illegible] въ этой области не было [illegible] результатомъ, которые [illegible] экономическая жизнь Россіи въ эту эпоху. Длина русской желѣзнодорожной сѣти, не считая финляндскихъ дорогъ и Китайской Восточной желѣзной дороги, равнялась [illegible] 1905 г. [illegible] верстамъ. Къ 1 января 1914 г. она увеличилась до [illegible] верстъ [illegible]

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Время послѣ моего увольненія. Революція и бѣгство изъ Россіи.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Время послѣ моего увольненія.

Революція и бѣгство изъ Россіи

ГЛАВА I.

Выступленіе М. М. Ковалевскаго въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу моего увольненія. — Мои бесѣды съ Императрицей Маріей Федоровной. — Мое выступленіе въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу о подоходномъ налогѣ,—Назначеніе меня Предсѣдателемъ второго департамента Государственнаго Совѣта. — Слѣдствіе по дѣлу Сухомлинова. — Сдѣланное мнѣ предложеніе заняться подготовкой къ мирнымъ переговорамъ. — Назначеніе меня попечителемъ Лицея. — Мое послѣднее свиданіе съ Государемъ. — Февральская революція и ея отраженіе на нашей частной жизни. — Мой первый арестъ и освобожденіе. — Жизнь въ деревнѣ. — Процессъ Сухомлинова. — Допросъ меня Чрезвычайной слѣдственной комиссіей Временнаго Правительства.

Объ этомъ времени я скажу лишь очень немногое и только то, что пришлось пережить мнѣ въ связи съ моимъ прошлымъ.

Время послѣ моего увольненія 30-го января 1914 года составляетъ уже пору очень мало замѣтную въ смыслѣ моего личнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Какъ и въ 1906-мъ году, спѣшно перебравшись изъ Министерской квартиры на нашу частную на Моховой улицѣ, которая давно подготовлена была нами и только временно занималась близкимъ мнѣ человѣкомъ, Генераломъ Пыхачевымъ, мы въ какіе-нибудь 10 дней окончили наше устройство и были искренно рады тому, что могли въ новой обстановкѣ начать нашу новую жизнь, мало похожую на ту, которую мнѣ пришлось пережить въ теченіе предшествующихъ десяти лѣтъ.

Никому изъ насъ и нашихъ близкихъ не приходило въ голову, что недолго намъ суждено прожить такъ, какъ мы разсчитывали, и всего черезъ три года мы лишимся всего, что устраивали съ любовью въ теченіе всей нашей жизни. Въ Государственномъ

Совѣтѣ меня встрѣтили самымъ радушнымъ образомъ; всѣ наперерывъ старались выразить мнѣ свои симпатіи и не скрывали своего отношенія къ моему увольненію.

Въ первомъ засѣданіи Совѣта послѣ моего увольненія — оно пришлось на 4-ое февраля — я не присутствовалъ, такъ какъ не началъ еще моихъ посѣщеній Совѣта. Какъ только засѣданіе открылось, и Предсѣдатель Акимовъ объявилъ объ этомъ, изъ академической группы поднялся Академикъ, Профессоръ М. М. Ковалевскій и попросилъ разрѣшенія сдѣлать внѣочередное заявленіе. Разрѣшеніе ему было дано въ молчаливой формѣ простого жеста, выражавшаго согласіе на то Предсѣдателя. Своимъ очень громкимъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, Ковалевскій заявилъ отъ своего имени и отъ имени и по порученію Академической Группы, что она и его единомышленники, а онъ надѣется, что къ нимъ присоединятся и другіе г. г. члены Государственнаго Совѣта, — не могутъ не высказать открыто ихъ чувства глубочайшаго сожалѣнія по поводу того, что Статсъ Секретарь Коковцовъ вынужденъ былъ покинуть свой двойной постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Финансовъ.

Замѣтивъ желаніе Предсѣдателя Совѣта остановить его, Ковалевскій, повышая голосъ, заявилъ, что ему и его друзьямъ неизвѣстны, конечно, тѣ побужденія, которыя вызвали это печальное явленіе, но сожалѣніе ихъ и даже чувство скорби, вѣроятно, раздѣляются широкими кругами общественнаго мнѣнія, которое привыкло уважать и цѣнить гр. Коковцова, и какъ осторожнаго и вдумчиваго руководителя всей нашей внутренней политики, и какъ выдающагося Министра Финансовъ, много и съ несомнѣннымъ успѣхомъ потрудившагося въ дѣлѣ упроченія русскихъ финансовъ въ такое трудное время, въ которое онъ ихъ велъ. Изъ группы центра раздался рядъ голосовъ о томъ, что и ихъ группа всецѣло присоединяется къ сдѣланному заявленію. Ковалевскій хотѣлъ продолжать свою рѣчь, но Предсѣдатель, видимо, справившись съ неожиданностью, прервалъ его, сказавши, что заявленіе его выслушано, и онъ предлагаетъ приступить къ очереднымъ дѣламъ.

Я не имѣлъ объ этомъ никакого понятія, никогда не встрѣчался съ Академикомъ М. М. Ковалевскимъ внѣ засѣданій Государственнаго Совѣта и только недѣлю спустя имѣлъ возможность да и то не въ засѣданіи, а въ залѣ передъ засѣданіемъ поблагодарить его за высказанное мнѣ сочувствіе. Это не избавило меня отъ дошедшаго слуха, усердно распространявшагося потомъ, что выступленіе Ковалевскаго было результатомъ сговора со мною и

было устроено въ видѣ протеста, направленнаго лично противъ Государя. Конечно, ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ.

Какъ только я привелъ къ окончанію мои личныя дѣла, я обратился къ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта Акимову съ просьбою доложить Государю мое ходатайство разрѣшить мнѣ провести нѣкоторое время за границей, чтобы повидать мою дочь, только что вышедшую вторично замужъ, и отдохнуть отъ пережитыхъ впечатлѣній.

Разрѣшеніе мнѣ было дано немедленно, съ предоставленіемъ права оставаться тамъ сколько я захочу, и 15-го марта мы выѣхали черезъ Берлинъ прямо въ Палермо, гдѣ и пробыли около трехъ недѣль, а затѣмъ, заѣхавши на четыре дня къ дочери въ Женеву, въ половинѣ апрѣля я вернулся обратно въ Петербургъ. Еще до моего отъѣзда изъ Россіи мнѣ пришлось два-три раза видѣть Государя на различныхъ праздникахъ, и два раза меня пригласила къ себѣ вдовствующая Императрица. При первой встрѣчѣ съ Государемъ мнѣ казалось, что Онъ избѣгаетъ подходить ко мнѣ и вступать въ отдѣльную бесѣду, какъ будто опасаясь услышать отъ меня что-либо непріятное. Но уже во вторую встрѣчу, на эрмитажномъ спектаклѣ и за ужиномъ послѣ него, Онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ разспрашивать, что я собираюсь дѣлать, кромѣ участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, и когда узналъ, что я предполагаю просить разрѣшеніе на поѣздку за границу и въ частности въ южную Италію, гдѣ раньше не бывалъ, Государь, видимо, обрадовавшись моему совершенно спокойному тону и такимъ намѣреніямъ, сказалъ мнѣ: «наслаждайтесь тамъ какъ можно дольше, не торопитесь возвращаться, и когда Вамъ будетъ очень пріятно на полномъ отдыхѣ, подумайте обо мнѣ и пожелайте, чтобы и мнѣ было не слишкомъ тревожно. Вы должны всегда помнить, что я Васъ глубоко уважаю и никогда не забуду Вашихъ заслугъ, и опять повторяю Вамъ: если у Васъ будетъ какая-либо забота, то знайте, что Вы доставите мнѣ большую радость тѣмъ, что обратитесь ко мнѣ. Надѣюсь видѣть Васъ по Вашемъ возвращеніи и буду всегда радъ принять Васъ».

Двукратная моя встрѣча съ Императрицей Маріей Феодоровной носила особенный характеръ, о чемъ я не могу и не долженъ умолчать. Въ первый разъ, тотчасъ по моемъ увольненіи, пожелавши видѣть меня даже прежде, нежели я самъ попросилъ о пріемѣ, она цѣлый часъ говорила со мною и съ величайшимъ волненіемъ разспрашивала о всѣхъ подробностяхъ моего увольненія и о томъ, что вызвало его.

Она сказала мнѣ прямо, что еще за 2—3 дня до моего увольненія, въ тотъ самый вечеръ, когда я ждалъ моего послѣдняго доклада въ Аничковомъ Дворцѣ, Государь провелъ съ нею и Герцогинею Эдинбургскою почти два часа, говорилъ обо всемъ, не разъ упоминалъ мое имя и даже спросилъ В. К. Марію Александровну, знаетъ ли она меня и на ея отвѣтъ, что она ни разу не встрѣчалась близко со мною, сказалъ ей, что при первомъ случаѣ познакомить меня съ нею, прибавивши, что я пользуюсь его полнымъ довѣріемъ, и что Ему особенно цѣнно, что я всегда говорю Ему открыто то, что считаю правильнымъ. Императрица прибавила, что послѣ ухода Герцогини, когда они остались вдвоемъ съ Государемъ, Онъ опять навелъ рѣчь на меня и притомъ въ такихъ теплыхъ выраженіяхъ, что у нея явилась, было, мысль позвать къ себѣ мою жену и сказать ей, насколько ей отрадно, что Государь такъ расположенъ ко мнѣ и такъ цѣнитъ меня.

Она просто не повѣрила своимъ глазамъ, когда прочитала 30-го января о моемъ увольненіи и, встрѣтившись въ тотъ же день въ театрѣ съ Государемъ, только могла спросить Его, «зачѣмъ Онъ это сдѣлалъ»? и получила отвѣтъ: « а ты думаешь, что мнѣ это легко; когда нибудь другой разъ Я разскажу тебѣ все подробно, а пока Я и самъ вижу, что не трудно уволить Министра, но очень тяжело сознаваться въ томъ, что этого не слѣдовало дѣлать».

Мнѣ пришлось долго и подробно разъяснять мою точку зрѣнія и вскрыть всю интригу, окружавшую меня, и показать истинную подкладку того, что творится у насъ. Императрица долго молчала, затѣмъ заплакала и сказала мнѣ буквально слѣдующее: «Я знаю, что Вы честный человѣкъ и не хотите зла моему сыну. Вы поймете также и меня, насколько я страшусь за будущее и какія мрачныя мысли владѣютъ мною. Моя невѣстка не любитъ меня и все думаетъ, что у меня какое-то ревнивое отношеніе къ моей власти. Она не понимаетъ, что у меня одно желаніе, — чтобы мой сынъ былъ счастливъ, а я вижу, что мы идемъ вѣрными шагами къ какой-то катастрофѣ, и что Государь слушаетъ только льстецовъ и не видитъ, что подъ его ногами наростаетъ что-то такое, чего Онъ еще не подозрѣваетъ, а я сама скорѣе чувствую это инстинктомъ, но не умѣю ясно представить себѣ, что именно ждетъ насъ. Отчего Вы не рѣшитесь теперь, когда Вы свободны, сказать Государю прямо все, что Вы думаете, и предостеречь Его, если только это не поздно».

Мнѣ пришлось опять долго разъяснять, что я не имѣю возможности сдѣлать чтобы то ни было, меня никто не послушаетъ и никто не повѣритъ мнѣ, чтобы я ни сказалъ. Молодая Импера-

трица считаетъ меня своимъ врагомъ, послѣ половины февраля 1912 года. Всѣ окружающіе Ее легко уничтожатъ всякое мое предостереженіе, и все будетъ сведено къ моему оскорбленному самолюбію. Я сомнѣваюсь даже, чтобы Она приняла меня. На этомъ кончилась наша первая бесѣда.

Черезъ двѣ недѣли меня пригласила Императрица снова къ себѣ, приславши за мною Кн. Шервашидзе.

Эта вторая бесѣда была гораздо короче. Императрица сказала мнѣ, что она дважды пробовала сама говорить съ Государемъ, но видитъ, что ничего изъ такихъ разговоровъ не выходитъ. Государь говоритъ все время одно и то же, — что Ему надоѣли всѣ пересуды и выдумки, что онѣ производятъ впечатлѣніе только въ петербургскихъ гостинныхъ, что внѣ этихъ гнѣздъ сплетенъ и праздныхъ пересудовъ имъ никто не вѣритъ, какъ никто не сомнѣвается въ томъ, какъ велика любовь къ Нему Его народа, который только скорбитъ о томъ, что недостаточно близко и часто видитъ Его, и въ Немъ одномъ ищетъ свое благополучіе.

Послѣ этой второй встрѣчи я болѣе ни разу не видѣлъ Императрицы до самаго моего назначенія Попечителемъ Лицея, но это уже было передъ самою катастрофою конца февраля 1917-го года.

Объявленіе войны застало меня въ деревнѣ, куда мы переѣхали въ концѣ мая.

За нѣсколько дней до того, я получилъ приглашеніе, вмѣстѣ съ женою на парадный обѣдъ въ Петергофѣ, по случаю пріѣзда Президента Французской республики Пуанкаре, причемъ мнѣ было сообщено Министромъ Двора Графомъ Фредериксомъ, что я долженъ непремѣнно быть, не отговариваясь никакими поводами, такъ какъ, вѣроятно, Президенту будетъ пріятно видѣть меня, какъ знакомаго ему человѣка.

Этотъ обѣдъ лишній разъ показалъ мнѣ только, что съ уходомъ изъ вліятельнаго положенія всякій интересъ къ человѣку исчезаетъ въ придворныхъ кругахъ. Меня никто даже и не подвелъ къ Президенту, Государь только издали привѣтливо поклонился мнѣ, и мы одними изъ первыхъ уѣхали изъ Петергофа, пожалѣвши о томъ, что мы не послѣдовали первому побужденію, не остались просто въ деревнѣ.

Съ начала военныхъ дѣйствій все мое вниманіе было направлено на то, чтобы слѣдить за ходомъ военныхъ событій и знать о нихъ не изъ однихъ офиціальныхъ сообщеній, а по возможности изъ первоисточниковъ. На это уходило все мое время и этимъ заполнялся весь мой, очень большой, досугъ. Около меня и П. Н. Дурново, проживавшаго въ одномъ домѣ со мною, образовался

какъ бы центръ освѣдомленія о томъ, что происходило на войнѣ. Мы черпали наши свѣдѣнія непосредственно изъ Военнаго Министерства, куда имѣлъ прямой доступъ по прежней своей службѣ А. А. Поливановъ, жившій недалеко отъ насъ на Пантелеймоновской улицѣ, и два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ то у меня, то у Дурново, то у Поливанова собиралось 7—10 чловѣкъ, критически освѣдомлявшихся о томъ, что было слишкомъ неясно изъ публикуемыхъ данныхъ.

Нашъ кружокъ первый узналъ о Таннебергской катастрофѣ, и долго жили мы подъ ея первымъ грознымъ предостереженіемъ, радуясь первыми успѣхами у Львова, Перемышля и бодрящими вѣстями съ кавказскаго фронта и скорбя затѣмъ обо всемъ, что послѣдовало за событіями апрѣля 1915 года, послѣ которыхъ пошелъ сплошной отходъ нашего фронта, подъ вліяніемъ всего, что такъ близко памятно всѣмъ и о чемъ безполезно вспоминать теперь.

Не хочется припоминать и всего того, что произошло въ дѣлахъ внутренняго управленія, того, такъ называемаго, развала власти, который мнѣ пришлось наблюдать изъ моего замкнутаго положенія. Объ этомъ такъ много написано, столько появилось личныхъ воспоминаній, частью правдивыхъ, частью окрашенныхъ предвзятостью, настолько все это занесено теперь послѣдствіями катастрофы сгубившей Россію, что просто не хочется вносить еще и мою личную оцѣнку въ разсказъ о томъ, что пережито и передумано, чего не измѣнишь и съ чѣмъ никогда не примиришься. Лично я прожилъ всю эту пору почти въ полномъ бездѣйствіи, такъ какъ нельзя же считать за какую-либо дѣятельность — моего участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, да и то такъ часто прерывавшихся въ связи съ перерывами засѣданій Государственной Думы и продолжительными интервалами между сессіями.

Меня никто ни о чемъ не спрашивалъ. Меня ни разу ни въ какое совѣщаніе не призывали. Министръ Финансовъ Баркъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ нашей первой и послѣдней бесѣды въ день моего увольненія, со мною вовсе не встрѣчался и въ противоположность тому, что было въ другихъ странахъ по отношенію къ наиболѣе отвѣтственнымъ государственнымъ людямъ, къ моему содѣйствію совсѣмъ не прибѣгали. Припоминая теперь все это прошлое, я долженъ сказать по совѣсти, что это искусственное удаленіе меня отъ всего, въ чемъ я могъ бы быть даже полезенъ, не производило на меня сколько нибудь тягостнаго впечатлѣнія. Я былъ просто счастливъ, что судьба устранила меня отъ

всякой отвѣтственности не только за то, что произошло съ іюля 1914 года, но и за послѣдующія ошибки по финансовой части, и я спокойно, въ личномъ отношеніи, жилъ въ своемъ вынужденномъ отдаленіи отъ дѣлъ, сознавая до очевидности, что все равно я не могъ бы внести рѣшительнаго измѣненія въ общій ходъ событій или ослабить послѣдствія нашей финансовой политики за первое время войны. Я зналъ, конечно, все, что происходило въ правительствѣ, такъ какъ многіе изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ по Министерству часто навѣщали меня и разсказывали обо всемъ, что происходило въ дѣлахъ, но критиковать, а тѣмъ болѣе навязывать кому-либо свои взгляды я не считалъ возможнымъ, чтобы не дать повода опять поднимать замолкшія уже сплетни о томъ, что я стараюсь затруднять и безъ того трудное положеніе моего преемника. Только одинъ разъ въ концѣ 1914 года, около послѣднихъ чиселъ октября, Предсѣдатель Совѣта Горемыкинъ пригласилъ меня къ себѣ, на Елагинскую дачу, гдѣ и я прожилъ 2 года, и просилъ высказаться по поводу принятаго уже финансовымъ Комитетомъ проекта перваго внутренняго военнаго займа въ 500 милліоновъ рублей и, — конечно, не принялъ того, что я ему совѣтовалъ, — сдѣлать сразу же и притомъ на болѣе выгодныхъ для публики условіяхъ заемъ въ 2 или 2½ милліарда рублей, такъ какъ въ общественномъ мнѣніи не погасъ еще подъемъ въ настроеніи, вызванный началомъ войны, а думать о томъ, что впослѣдствіи условія будутъ болѣе благопріятны, не приходится. Изъ этого, конечно, ничего не вышло, такъ какъ былъ еще живъ Гр. Витте, который узнавши, что я далъ такой совѣтъ, разразился цѣлою тирадою противъ меня, говоря, что я даю такой совѣтъ только для того, чтобы утопить самую идею военнаго займа. Не вышло ничего и изъ другого моего совѣта — приступить теперь же къ рѣзкому повышенію всѣхъ существующихъ налоговъ и попытаться смягчить ослабленіе въ доходахъ, вызванное огульнымъ воспрещеніемъ продажи крѣпкихъ напитковъ, путемъ возстановленія этой продажи, хотя бы въ ограниченномъ объемѣ и съ большимъ повышеніемъ цѣны, такъ какъ кажущееся благополучіе отъ прекращенія такой продажи основано на простомъ укрывательствѣ донесеній акцизнаго надзора, который доноситъ Министерству Финансовъ, что тайное винокуреніе, сдѣлавшееся просто явнымъ, приняло ужасающіе размѣры, а Министерство боится даже показывать эти донесенія своему Министру Барку, настолько онъ раздражается при всякомъ упоминаніи о нихъ и приказываетъ только писать рѣзкіе выговоры тѣмъ изъ управляющихъ, которые настаиваютъ на необходимости отказаться отъ кажуща-

гося отрезвленія. Невозмутимый Горемыкинъ сказалъ мнѣ по этому поводу, что я напрасно предполагаю, что ему неизвѣстны донесенія акцизнаго надзора, что онъ ихъ отлично знаетъ, также какъ и свѣдѣнія въ томъ же духѣ, сообщаемыя многими губернаторами, но объ этомъ нельзя говорить Государю, который вѣритъ въ благодѣтельность мѣры запрещенія продажи водки, а теперь не такое время, чтобы безпокоить Его какими-либо спросами о томъ, что рѣшено, да и въ Думѣ еще не прошелъ «угаръ трезвости», какъ сказалъ онъ, и нужно ждать пока для всѣхъ станетъ очевиднымъ то, что нельзя производить такихъ перемѣнъ росчеркомъ пера. На замѣчаніе же мое, что нельзя одновременно вести войну и вычеркивать изъ казны четвертую часть доходнаго бюджета, Горемыкинъ замѣтилъ мнѣ невозмутимо, «ну что за бѣда, что у насъ выбыло изъ кассы 800 милліоновъ дохода. Мы напечатаемъ лишнихъ 800 милліоновъ бумажекъ, — какъ будто не ясно всѣмъ и каждому, что мы должны вести войну на бумажки, что даже и недурно, такъ какъ ихъ охотно беретъ народъ, да и многіе члены Финансового Комитета того мнѣнія, что Вы (то-есть я) оставили такой денежный голодъ въ странѣ, что такой выпускъ только поможетъ нѣсколько пополнить каналы денежнаго обращенія». Я припомнилъ при этомъ случаѣ, что ту же самую фразу я не разъ слышалъ отъ Министра Путей сообщенія С. В. Рухлова, и пердпочелъ не настаивать дальше на моихъ мысляхъ, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ все равно не было бы никакого прока.

Въ 1915 году мнѣ пришлось нѣсколько выйти изъ моего замкнутаго положенія.

Изъ Государственной Думы поступилъ въ Государственный Совѣтъ внесенный еще мною законопроектъ о подоходномъ налогѣ. Ко мнѣ пріѣхалъ Государственный Контролеръ, мой другъ и долголѣтній сотрудникъ по Министерству Финансовъ Н. Н. Покровскій и сказалъ, что Государь выразилъ Предсѣдателю Совѣта желаніе, чтобы этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ безъ замедленія, что ожидается большая оппозиція со стороны правыхъ, что Баркъ заявилъ открыто въ засѣданіи Совѣта Министровъ, что онъ мало знакомъ съ дѣломъ и не надѣется провести его, и что на него, Покровскаго, возложено защищать его, тѣмъ болѣе, что и законопроектъ былъ разработанъ въ комиссіи подъ его предсѣдательствомъ, въ бытность его моимъ Товарищемъ. Онъ прибавилъ мнѣ, что ему лично сдается, что Баркъ просто боится правыхъ, не хочетъ связывать себя съ отстаиваніемъ законопроекта и, конечно, не станетъ распинаться въ пользу него, а предоставитъ все дѣло его естественному теченію. Покровскій просилъ меня помочь ему, о томъ же просилъ меня и Предсѣдатель Гос. Совѣта

Акимовъ. Я обѣщалъ имъ обоимъ, что стану съ полнымъ убѣжденіемъ отстаивать законопроектъ, внесенный мною и вышедшій изъ Думы съ очень малыми измѣненіями противъ первоначальной схемы. Я прибавилъ, что возражать противъ него теперь, во время войны просто неприлично и какія бы ни были возраженія по существу, но имущимъ уклоняться отъ новаго обложенія, когда неимущіе, во всякомъ случаѣ, уже привлечены къ новымъ тягостямъ, просто недопустимо. Такъ я и поступилъ. Много часовъ просидѣлъ я въ Совѣтѣ за этимъ дѣломъ, и если только стенограммы засѣданій Совѣта гдѣ-либо сохранились, то изъ нихъ ясно каждому, что мнѣ пришлось взять на себя вмѣстѣ съ Покровскимъ всю тяжесть защиты. Баркъ почти не появлялся въ Совѣтѣ. Центръ и лѣвые помогали всячески проведенію дѣла. Правые развили небывалую энергію въ обратномъ смыслѣ, и когда заболѣлъ, а потомъ и скончался П. Н. Дурново провалъ дѣла взяли на себя Гр. А. А. Бобринскій и А. С. Стишинскій. Но онъ имъ не удался, и послѣ многихъ бурныхъ засѣданій, послѣ безконечныхъ поправокъ и пересмотровъ ихъ въ Комиссіи дѣло благополучно прошло и было утверждено Государемъ, послѣ достигнутаго съ такимъ же трудомъ соглашенія съ Государственною Думою. Я могу сказать безъ всякаго преувеличенія, что мое участіе имѣло большое вліяніе на исходъ дѣла, но за то оно же обострило еще разъ отношеніе ко мнѣ правой фракціи. Полезно при этомъ упомянуть, что при рѣшительномъ голосованіи статей почти всѣ Министры, состоявшіе членами Государственнаго Совѣта, не присутствовали въ засѣданія Совѣта и не дали своими голосами никакого перевѣса.

Изъ другихъ событій того времени память не удерживаетъ почти ничего до второй половины 1916 года.

Въ связи съ уходомъ Горемыкина и назначеніемъ на его мѣсто Штюрмера, я припоминаю только одинъ небольшой эпизодъ.

Какъ-то днемъ я сидѣлъ по обыкновенію дома. Прислуги у насъ уже было меньше, и часто мы съ женою сами отворяли дверь на звонки. Появляется въ одинъ прекрасный день, безъ всякаго предупрежденія, Штюрмеръ, никогда у меня не бывавшій прежде, — въ вицъ-мундирѣ, съ лентою, и говоритъ, что заѣхалъ ко мнѣ прямо изъ Царскаго Села, чтобы просить меня не уклониться отъ помощи ему, въ особенности по финансовымъ дѣламъ, въ которыхъ онъ совсѣмъ не опытенъ и не хотѣлъ бы смотрѣть только глазами Барка, «тѣмъ болѣе, что ему кажется, что и самъ онъ не знаетъ хорошенько что̀ дѣлать». Я отвѣтилъ ему, что никогда не отказывался отъ участія въ дѣлахъ, когда меня на то

приглашали, но за два года войны, меня не только не привлекали къ нимъ, но даже явно уклонялись отъ всякаго общенія со мною, а теперь, когда надѣлано уже такъ много ошибокъ, едва ли даже стоитъ обращаться ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что у меня далеко нѣтъ увѣренности въ томъ, что мое мнѣніе будетъ принято такъ, какъ я его выскажу по совѣсти, а не какъ проявленіе моего неудовольствія на то, что я отстраненъ отъ дѣлъ, — чего у меня совсѣмъ нѣтъ, ибо я ежечасно благодарю Бога за то, что Онъ избавилъ меня отъ всякой отвѣтственности за все происшедшее. На это Штюрмеръ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: «да это было такъ прежде, а теперь этого больше не будетъ, и правительство очень разсчитываетъ на то, что Вы ему поможете, согласившись отправиться за границу вести переговоры съ Франціею и Англіею, такъ какъ у насъ дѣло съ ними совсѣмъ не ладится». Онъ прибавилъ, что хотѣлъ бы только знать мой принципіальный отвѣтъ, такъ какъ, разумѣется, предложеніе будетъ сдѣлано не мною, а тѣмъ, кто питаетъ къ Вамъ самое глубокое уваженіе. Повторивши мое сомнѣніе въ томъ, чтобы я могъ быть полезенъ въ дѣлѣ, веденномъ до сихъ поръ не мною и получившемъ даже направленіе, котораго я не могу раздѣлять, — я имѣлъ въ виду фиктивную сдѣлку съ Англійскимъ Банкомъ, — я сказалъ, что исполню все, что мнѣ будетъ поручено, если буду имѣть возможность изучить то, что сдѣлано, и если получу достаточныя полномочія и необходимую свободу дѣйствій. На этомъ разговоръ окончился и никогда болѣе не возобновлялся. Черезъ три-четыре дня послѣ этого ко мнѣ зашелъ Покровскій, часто навѣщавшій меня, и передалъ мнѣ, что Штюрмеръ передалъ ему Высочайшее повелѣніе готовиться къ поѣздкѣ за-границу. Для чего велъ онъ со мною всю ненужную эту бесѣду, когда имъ же было уже испрошено повелѣніе на командированіе за-границу Государственнаго Контролера Покровскаго, — остается для меня загадкою, которую я не берусь разрѣшить.

Приблизительно въ то же время умеръ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ, и его мѣсто занялъ Куломзинъ. Многіе члены Государственнаго Совѣта говорили мнѣ, что они просто недоумѣваютъ, почему это назначеніе не предоставлено мнѣ, но я могу только лишній разъ и по этому поводу повторить, что я не испытывалъ ни малѣйшаго огорченія отъ того, что выборъ не палъ на меня, такъ какъ предпочиталъ оставаться въ тѣни и хорошо понималъ, что назначеніе меня было просто не допустимо, такъ какъ большая часть людей, которые добились мо-

его увольненія въ 1914 году, были налицо и пользовались тѣмъ же вліяніемъ, которое рѣшило мою судьбу.

Смерть Гр. Витте и Мещерскаго не измѣнила еще всего вопроса.

Я былъ даже не мало удивленъ, когда передъ самымъ новымъ годомъ, въ послѣднихъ числахъ декабря 1915 года ко мнѣ заѣхалъ Куломзинъ и спросилъ меня, какъ отнесусь я къ его мысли предложить Государю, при пересмотрѣ состава Департаментовъ Совѣта на 1916 годъ, назначить меня Предсѣдателемъ второго Департамента, въ которомъ разсматриваются дѣла о частныхъ желѣзнодорожныхъ концессіяхъ. Я отвѣтилъ ему, что былъ бы радъ такому назначенію, если бы оно не было сопряжено съ несправедливостью по отношенію къ человѣку, вполнѣ достойному, занимающему это мѣсто, — Генералу Петрову, съ которымъ меня соединяютъ самыя лучшія отношенія. Куломзинъ сказалъ мнѣ, что вполнѣ понимаетъ мое отношеніе и берется лично повидать Генерала Петрова и заранѣе увѣренъ въ томъ, что онъ будетъ радъ не послужить помѣхою моему назначенію. Черезъ день Петровъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ и просилъ меня не отказываться отъ назначенія, такъ какъ онъ ни мало не будетъ этимъ обиженъ, считая что такое назначеніе есть наименьшее, что могло бы быть сдѣлано для меня, а самъ онъ съ большою охотою останется простымъ членомъ Департамента, подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Я просилъ его лично переговорить съ Куломзинымъ и передать ему мою усердную просьбу при докладѣ Государю упомянуть о моемъ сомнѣніи, основанномъ на моемъ нежеланіи причинить малѣйшій ущербъ почтенному человѣку.

Назначеніе мое состоялось 1-го января 1916 года, и вскорѣ я представлялся Государю, чтобы благодарить Его за оказанное мнѣ вниманіе. Пріемъ былъ обычно ласковый. Государь передалъ мнѣ, что Куломзинъ довелъ до Его свѣдѣнія о моей «щепетильности», какъ Онъ сказалъ, но былъ радъ оказать мнѣ хотя бы небольшое вниманіе и прибавилъ: «Я Васъ совсѣмъ не вижу, но часто вспоминаю Васъ и увѣренъ въ томъ, что Мнѣ скоро придется обратиться къ Вамъ, когда настанетъ пора подводить итоги войны и думать о справедливомъ вознагражденіи Россіи за всѣ понесенныя ею жертвы».

Его внѣшній видъ былъ вполнѣ бодрый, вѣра въ благополучный исходъ войны казалась мнѣ непоколебленною, несмотря на всѣ неудачи, меня Онъ ни о чемъ не разспрашивалъ и не мнѣ же было огорчать Его изложеніемъ моего, всегда мрачнаго взгляда

на вещи. Я сказалъ только, что готовъ отдать всѣ мои силы на то, чтобы быть полезнымъ Ему и родинѣ, но не знаю только, смогу ли я быть полезнымъ. Послѣднія слова Государя на этотъ разъ были: «Вы, Вл. Ник., все такъ же грустно смотрите на будущее, какъ смотрѣли и раньше, когда мы говорили съ Вами о нашихъ военныхъ дѣлахъ, но, — Богъ дастъ — доживемъ до лучшихъ дней, когда и Вы забудете всѣ Ваши тяжелыя думы».

Весь 1916 годъ прошелъ для меня въ той же замкнутой обстановкѣ. Кромѣ Государственнаго Совѣта, я нигдѣ не бывалъ и мало кого видѣлъ, помимо моихъ прежнихъ сослуживцевъ и друзей. Дѣла на фронтѣ принимали все болѣе и болѣе грозный оборотъ. Внутри наростало нервное положеніе подъ вліяніемъ того же фактора. Дума все рѣзче и рѣзче поднимала свой голосъ. Правительство терпѣло все бо̀льшія и частыя перемѣны, такъ какъ Министры смѣнялись съ невѣроятною быстротою, и на смѣну ушедшихъ приходили люди все болѣе и болѣе невѣдомые, и все громче стали говорить о такъ называемомъ вліяніи «темныхъ силъ», такъ какъ никто не понималъ откуда берутся эти новые люди, съ ихъ сомнительнымъ прошлымъ, сумбурными планами и полною неподготовкою къ дѣлу управленія, да еще въ такую страшную пору.

Все, что происходило въ Совѣтѣ Министровъ, выносилось наружу, доходило до меня черезъ посредство или бывшихъ моихъ сослуживцевъ, или же черезъ всякаго рода господъ, пристраивавшихся около правительства или отходившихъ отъ него, каковы Гурляндъ, Бѣлецкій, Андрониковъ, и благодаря этому, несмотря на всю замкнутость моей жизни, я зналъ все, что происходитъ кругомъ, и не зналъ только того, что назрѣвало въ подпольѣ, хотя при частыхъ моихъ встрѣчахъ съ Поливановымъ я всегда слышалъ отъ него, что Петербургскій гарнизонъ и въ особенности скопившіеся въ огромномъ количествѣ составы запасныхъ батальоновъ находятся въ полной дезорганизаціи, внѣ всякаго дѣйствительнаго надзора офицерскаго состава и представляютъ величайшую опасность. Изъ Государственной Думы нервное настроеніе перекинулось и въ Государственный Совѣтъ, и тамъ все чаще и чаще стали раздаваться голоса о «вліяніи темныхъ силъ». Профессоръ Таганцевъ однажды открыто съ каѳедры произнесъ слова, что «Отечество въ опасности», если не будутъ приняты немедленно самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы остановиться на краю пропасти. Его рѣчь была произнесена съ глубокимъ и искреннимъ волненіемъ, старикъ плакалъ, большинство присутствовавшихъ разошлось въ гробовомъ молча-

ніи. Началось сближеніе между Государственнымъ Совѣтомъ и Думою на почвѣ такъ называемаго «общественнаго объединенія», но къ этой группировкѣ примкнуло сравнительно небольшое количество членовъ по назначенію, изъ партіи «центра». Я держался совершенно въ сторонѣ и не принималъ въ этомъ движеніи никакого участія. Какъ председатель группы безпартійныхъ, я старался быть совершенно въ сторонѣ отъ всякаго оппозиціоннаго движенія и вмѣстѣ съ Кн. Васильчиковымъ и Бар. Икскулемъ открыто говорилъ о безполезности и даже недопустимости для членовъ по назначенію какого-либо активнаго участія въ этомъ движеніи. Такая осторожность съ моей стороны не избавила меня, однако, какъ я разскажу дальше, отъ новой клеветы.

Лѣто 1916 года прошло въ томъ же нервномъ настроеніи. Мнѣ приходилось часто уѣзжать изъ деревни въ городъ для участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, да и жизнь въ деревнѣ, которую я такъ любилъ, утратила свою былую прелесть. Хотѣлось быть ближе къ источнику свѣдѣній; газеты, получавшіяся къ вечеру, не давали удовлетворенія любознательности, и все больше и больше тянуло въ городъ, въ водоворотъ какого-то смутнаго кипѣнія.

Но я долженъ сказать, по правдѣ, что ни у меня лично, да и ни у кого изъ людей критически относившихся къ событіямъ не было никакого представленія о надвигавшейся катастрофѣ. Всѣ опасались новыхъ неудачъ на фронтѣ, говорили открыто о возможности захвата Петрограда и необходимости заблаговременной эвакуаціи его. Мы съ сестрами не разъ говорили, что намъ можетъ представиться даже необходимость переѣхать всѣмъ на жительство въ наши родовыя Горна, до которыхъ не могъ бы добраться никакой нѣмецъ, но всѣ эти разговоры носили какой-то академическій характеръ, и никто объ этомъ серьезно не думалъ.

Тѣмъ меньше думалъ кто-либо изъ самыхъ такъ называемыхъ освѣдомленныхъ людей о томъ, что такъ неожиданно произошло 26-го февраля 1917 года.

Въ серединѣ лѣта выяснилось, что процессъ Военнаго Министра Сухомлинова будетъ поставленъ на судъ въ ближайшемъ времени. Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ городъ Генералъ Поливановъ сказалъ мнѣ, что его вызывалъ Сенаторъ, производящій слѣдствіе по дѣлу, и предупредилъ, что и я буду вызванъ къ допросу, такъ какъ при первомъ своемъ допросѣ Сухомлиновъ показалъ, что мы были совершенно не готовы къ войнѣ, только потому, что Военное Министерство не могло добиться кредитовъ отъ Министра Финансовъ Коковцова. Я сталъ исподволь гото-

виться къ моему допросу, пригласилъ къ себѣ моего бывшаго сослуживца по Департаменту Государственнаго Казначейства, занимавшаго потомъ постъ Товарища Министра Финансовъ, В. В. Кузьминскаго и просилъ его испросить разрѣшеніе Министра Финансовъ Барка о предоставленіи въ мое распоряженіе свѣдѣній объ ассигнованіяхъ кредитовъ Военному вѣдомству и о ихъ расходованіи за мое время.

Эти свѣдѣнія мнѣ были нужны, чтобы освѣтить вопросъ, очевидный для всякаго безпристрастнаго человѣка, что причина нашей неготовности къ войнѣ заключалась въ томъ хаосѣ, который существовалъ при Сухомлиновѣ во всѣхъ заготовительныхъ операціяхъ, въ отсталости заказовъ, въ нескончаемыхъ перемѣнахъ техническихъ условій и въ томъ, что никакого законченнаго плана на самомъ дѣлѣ у насъ не было. Я просилъ, чтобы мнѣ дали тѣ періодическія вѣдомости кредитамъ, ассигнованнымъ Военному вѣдомству и имъ не израсходованнымъ, въ результатѣ чего получилось, ко дню моей отставки — 30-му января 1914 года — огромная сумма неиспользованныхъ кредитовъ, превышавшая 250 милл. рублей.

Всѣ эти свѣдѣнія были мнѣ тотчасъ же даны. Я освѣжилъ ихъ въ моей памяти и все ждалъ моего допроса. Онъ наступилъ, однако, гораздо позже, въ памятный день 20 декабря 1916 года. Я хорошо помню это число, потому что какъ разъ во время моего допроса въ зданіи Министерства Юстиціи пришелъ и присутствовалъ при моемъ допросѣ Министръ Юстиціи Макаровъ, который тутъ же сообщилъ, что найденъ трупъ Распутина, подо льдомъ на Малой Невкѣ, ниже Крестовскаго моста. Допросъ мой продолжался не долго. Слѣдователь Сенаторъ Кузьминъ сказалъ мнѣ, что у него имѣются всѣ свѣдѣнія, сообщенныя ему изъ Министерства Финансовъ, и просилъ меня освѣтить ему только механизмъ испрошенія и назначенія военныхъ кредитовъ, роль Министерства Финансовъ и законодательныхъ учрежденій и записалъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ цифръ изъ всей эпопеи моихъ препирательствъ съ Военнымъ Министромъ. Онъ прибавилъ, что показанія Поливанова чрезвычайно благопріятны для меня, такъ какъ онъ прямо заявилъ, что Военное вѣдомство получало денегъ больше, чѣмъ могло израсходовать, и что хотя я былъ очень скупымъ Министромъ Финансовъ, но всегда относился чрезвычайно горячо къ интересамъ обороны и зналъ дѣла Военнаго вѣдомства гораздо лучше, нежели многіе Начальники Главныхъ Управленій этого вѣдомства. Впослѣдствіи, въ сентябрѣ 1917 года, уже въ самый разгаръ революціи и всего за мѣ-

сяцъ до большевистскаго переворота, при допросѣ на процессѣ Сухомлинова, Генералъ Поливановъ, какъ я это разскажу подробнѣе въ дальнѣйшемъ, выразился уже гораздо менѣе любезно по моему адресу. Позднею осенью того же 1916 года произошелъ еще небольшой эпизодъ, о которомъ полезно сказать нѣсколько словъ. Штюрмера, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, смѣнилъ А. Ф. Треповъ.

Вскорѣ послѣ своего назначенія онъ заѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что, по его мнѣнію, война близится къ концу, что вступленіе Америки — оно ожидалось тогда со дня на день — положитъ ей конецъ, что нужно готовиться къ мирнымъ переговорамъ, къ которымъ мы совершенно не подготовлены, такъ какъ правительство слишкомъ поглощено текущею работою и не можетъ сосредоточить своего вниманія на такой важной задачѣ, а одному Министерству Иностранныхъ Дѣлъ она, очевидно, не подъ силу. Поэтому у него, Трепова, возникла мысль доложить Государю о необходимости поручить кому-нибудь одному подготовленіе всего этого вопроса къ послѣдующему разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, съ тѣмъ, чтобы избранное лицо было затѣмъ и главнымъ представителемъ Россіи на мирномъ конгрессѣ, а до того пользовалось всѣми матеріалами, сосредоточенными въ рукахъ правительства, и знало бы шагъ за шагомъ обо всемъ, что будетъ происходить въ сношеніяхъ съ иностранными государствами. Такимъ лицомъ, по убѣжденію Трепова, долженъ быть никто иной, какъ я, и онъ убѣжденъ, что Государь раздѣляетъ его мнѣніе, хотя онъ и не рѣшался еще докладывать объ этомъ, не заручившись моимъ согласіемъ взять это дѣло въ мои руки.

Я былъ увѣренъ въ эту минуту, что Треповъ уже говорилъ съ Государемъ и заручился Его согласіемъ, такъ какъ хорошо зная всю подкладку моего увольненія и постоянно слѣдя за всѣмъ, что имѣло отношеніе къ вліянію Императрицы на ходъ событій, онъ никогда не рѣшился бы предложить меня на какую-бы то ни было роль, не освѣдомившись на верху объ отношеніи ко мнѣ. Я отвѣтилъ ему, что не имѣю никакого повода отказываться отъ исполненія какого-бы то ни было приказанія Государя, коль скоро оно можетъ быть мною выполнено, но выразилъ ему совершенно опредѣленно, что не вижу еще приближенія мира, такъ какъ вступленіе Америки будетъ по необходимости развиваться чреэвычайно медленно, а ходъ событій на нашемъ фронтѣ, въ связи съ нашимъ внутреннимъ развалом, станетъ неизбѣжно только быстро ухудшаться. Я сказалъ ему также, что моя

роль, въ лучшемъ случаѣ, сведется къ добросовѣстной подготовкѣ матеріаловъ для выработки нашихъ пожеланій относительно мирнаго договора, и такою работою я, конечно, могу заниматься въ тишинѣ моего уединенія, чтобы передать все, что я успѣю собрать, въ руки тѣхъ, кому предстоитъ участвовать на будущемъ конгрессѣ, заранѣе будучи увѣреннымъ въ томъ, что главными дѣйствующими лицами будутъ видные представители правительства того времени, а не такой посторонній человѣкъ какъ я, не пользующійся къ тому же необходимыми симпатіями.

Я прибавилъ въ концѣ нашей бесѣды, что для меня чрезвычайно важно отношеніе къ этому вопросу моего друга и долголѣтняго сотрудника, — Н. Н. Покровскаго, — Министра Иностранныхъ Дѣлъ, изъ рукъ котораго я отнюдь не желаю извлекать того, что принадлежитъ ему по праву. Черезъ нѣсколько дней Н. Н. Покровскій пріѣхалъ ко мнѣ, передалъ разговоръ Трепова съ нимъ и сказалъ, что онъ привѣтствуетъ эту мысль и выскажется въ самомъ горячемъ смыслѣ относительно необходимости ея осуществленія, но условился съ Треповымъ, что послѣдній доложитъ о ней Государю и какъ только получитъ на то Его согласіе, то тотчасъ же станетъ сообщать мнѣ всѣ матеріалы по этому вопросу и предложилъ поставить въ мое распоряженіе Вице-Директора канцеляріи Министерства Князя П. П. Волконскаго, черезъ котораго я буду получать все, что мнѣ потребуется. Я дѣйствительно сталъ вскорѣ получать пачки всевозможныхъ копій бумагъ, неприведенныхъ ни въ какую систему, которыми обмѣнивалось наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ со всѣми правительствами, начиная съ 1914-го года. Треповъ навѣстилъ меня еще разъ и сказалъ, что Государь очень обрадовался его предложенію, сказалъ ему, что Онъ питаетъ ко мнѣ глубокое уваженіе и полное довѣріе, и выразилъ даже намѣреніе лично предложить мнѣ это дѣло, въ Его ближайшій пріѣздъ изъ Ставки. То же самое подтвердилъ мнѣ нѣсколько времени спустя и Покровскій.

Но время шло и вызова мнѣ не было. Наступили декабрьскія событія съ убійствомъ Распутина, Государь пріѣхалъ изъ Ставки, но меня никто не вызывалъ по прежнему.

Тѣмъ временемъ во второй половинѣ декабря скончался Попечитель Лицея А. С. Ермоловъ. Всѣ были убѣждены, что замѣнить его долженъ никто иной какъ я, того же мнѣнія былъ и новый Предсѣдатель Совѣта Министровъ, членъ Лицейскаго Совѣта, Князь Н. Д. Голицынъ, который рѣшился даже спросить объ этомъ Государя, но получилъ отъ него въ отвѣтъ, что лучше все-

го было бы ему самому занять это мѣсто, какъ не сопряженное съ большою работою и только въ виду его категорической просьбы освободить его отъ такого назначенія, Государь, вѣроятно не безъ его же намека, подписалъ указъ о моемъ назначеніи, прибавивши, что этимъ будетъ довольна и вдовствующая Императрица, какъ покровительница Лицея, всегда особенно хорошо относившаяся ко мнѣ. Я узналъ объ этомъ только изъ присланнаго мнѣ Голицинымъ Указа о моемъ назначеніи.

Получивши указъ, я немедленно послалъ Государю мою просьбу о пріемѣ по случаю назначенія Попечителемъ Лицея и еще разъ спросилъ по телефону Покровскаго, не согласится ли онъ напомнить Государю о Его желаніи дать мнѣ указанія относительно моей работы по собиранію и обработкѣ подготовительныхъ матеріаловъ къ будущему мирному конгрессу. Покровскій отвѣтилъ мнѣ по телефону, что еще на послѣднемъ его докладѣ Государь говорилъ съ нимъ объ этомъ вопросѣ, какъ окончательно имъ рѣшеннымъ и напоминать Ему о немъ, видимо, нѣтъ никакой надобности. Государь вернулъ мнѣ быстро мою докладную записку о пріемѣ, назначивши его на 19-ое января 1917 года, а почти одновременно съ тѣмъ и Покровскій сообщилъ мнѣ, что на его новомъ докладѣ Государь снова подтвердилъ ему, безъ всякаго его напоминанія, что увидитъ меня на дняхъ и будетъ непремѣнно говорить о томъ порученіи, которое на меня будетъ Имъ возложено.

Въ обычный утренній часъ, въ 11 часовъ 19-го января я пріѣхалъ въ Царское Село и видѣлъ Государя въ послѣдній разъ. Никогда я не забуду этого нашего послѣдняго свиданія, и никогда не изгладится изъ моей памяти то впечатлѣніе, которое оставило во мнѣ это свиданіе.

Цѣлый годъ не былъ я въ той пріемной, передъ кабинетомъ, въ которой бывалъ столько разъ за 10 лѣтъ моихъ частыхъ посѣщеній. Ничто не измѣнилось за цѣлый годъ, что я не переступалъ порога Александровскаго дворца. Тотъ же швейцаръ на подъѣздѣ, видимо, обрадовавшійся видѣть меня, тотъ же скороходъ провелъ меня въ пріемную, тѣ же конвойцы у всѣхъ дверей, тѣ же книжки и альбомы на столѣ пріемной, тѣ же картины и портреты на стѣнахъ, тѣ же лица въ пріемной: Графъ Бенкендорфъ и докторъ Боткинъ, мирно бесѣдующіе между собою, а первый изъ нихъ при моемъ появленіи въ пріемной, пошелъ ко мнѣ на встрѣчу и сказалъ даже развѣ сегодня пятница? и на мое замѣчаніе, что я уже три года какъ не ѣзжу больше по пятницамъ, засмѣялся и сказалъ: «мы все еще считаемъ, что Вы — Ми-

нистръ Финансовъ и Предсѣдатель Совѣта, настолько мы привыкли видѣть Васъ здѣсь».

Государь тотчасъ принялъ меня. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, Онъ стоялъ у окна у самыхъ входныхъ дверей и тутъ же и остался, не подходя, какъ это Онъ дѣлалъ всегда къ письменному столу и не предложилъ мнѣ сѣсть, а остался говорить со мною стоя. Мнѣ показалось, что дверь изъ кабинета въ уборную была пріотворена, чего никогда раньше не бывало, и что кто-то стоитъ за дверью. Быть можетъ, это былъ просто обманъ моего слухового впечатлѣнія, но во все время нашего короткаго разговора, это впечатлѣніе не оставляло меня.

Внѣшній видъ Государя настолько поразилъ меня, что я не могъ не спросить его о состояніи его здоровья. За цѣлый годъ, что я не видѣлъ Его, Онъ сталъ просто неузнаваемъ: лицо страшно исхудало, осунулось и было испещрено мелкими морщинами. Глаза, обычно такіе бархатные, темно-коричневаго оттѣнка, совершенно выцвѣли и какъ-то безпомощно передвигались съ предмета на предмтъ, вмѣсто обычно пристальнаго направленія на того, съ кѣмъ Государь разговаривалъ. Бѣлки имѣли ярко выраженный желтый оттѣнокъ, а темные зрачки стали совсѣмъ выцвѣтшими, сѣрыми, почти безжизненными.

Я съ трудомъ могъ подавить въ себѣ охватившее меня волненіе и, спрашивая о здоровьи, сказалъ просто: «Ваше Величество, что съ Вами? Вы такъ устали, такъ перемѣнились съ прошлаго января, когда я видѣлъ Васъ въ послѣдній разъ, что я позволяю себѣ сказать Вамъ, что Вамъ необходимо подумать о Вашемъ здоровьи. Тѣ, кто видятъ Васъ часто, очевидно, не замѣчаютъ Вашей перемѣны, но она такая глубокая, что, очевидно, въ Васъ таится какой-нибудь серьезный недугъ».

Выраженіе лица Государя было какое-то безпомощное. Принужденная, грустная улыбка не сходила съ лица, и нѣсколько разъ Онъ сказалъ мнѣ только: «Я совсѣмъ здоровъ и бодръ, Мнѣ приходится только очень много сидѣть безъ движенія, а Я такъ привыкъ регулярно двигаться. Повторяю Вамъ, Вл. Ник., что Я совершенно здоровъ. Вы просто давно не видѣли меня, да Я, можетъ быть, не важно спалъ эту ночь. Вотъ пройдусь по парку и снова приду въ лучшій видъ».

Я поблагодарилъ Государя за назначеніе меня Попечителемъ Лицея, высказалъ Ему, какъ отрадно мнѣ это назначеніе, прибавивши, что ровно 45 лѣтъ тому назадъ, въ декабрѣ 1872 года я вышелъ изъ Лицея, и съ той поры не было почти ни одного года, чтобы я не бывалъ въ его стѣнахъ. Государь слушалъ меня все

съ тою же, какою-то болѣзненною, улыбкою, какъ-то странно оглядываясь по сторонамъ. Затѣмъ я спросилъ Государя, угодно ли Ему дать мнѣ теперь же Его указанія по тому дѣлу, которое Онъ мнѣ поручаетъ, или же угодно Ему назначить мнѣ иное время для доклада. При такомъ вопросѣ, который мнѣ казался чрезвычайно простымъ, такъ какъ при Его прекрасной памяти у меня не могло быть и мысли о томъ, что Онъ могъ не помнить о томъ, что Ему доложилъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ всего два-три дня тому назадъ, Государь пришелъ въ какое-то совершенно непонятное мнѣ безпомощное состояніе: странная улыбка, я сказалъ бы даже почти безсознательная, безъ всякаго выраженія, какая-то болѣзненная, не сходила съ Его лица, и Онъ все смотрѣлъ на меня, какъ будто бы ища поддержки и желая, чтобы я напомнилъ Ему о томъ, что совершенно исчезло изъ Его памяти. При моемъ заявленіи, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ докладывалъ Ему во вторникъ о его и бывшаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ Трепова мысли поручить мнѣ подготовку матеріаловъ къ будущимъ мирнымъ переговорамъ, и что Государю угодно было лично высказать мнѣ Его соображенія по этому чрезвычайно щекотливому вопросу, о которомъ такъ трудно сказать что-либо опредѣленное сейчасъ, — Государь положительно растерялся и долго, молча смотрѣлъ на меня, какъ будто Онъ собирался съ мыслями или искалъ въ своей памяти то, что выпало изъ нея сейчасъ. Послѣ такого молчанія, которое казалось мнѣ совершенно безконечнымъ, и все продолжая безпомощно улыбаться Государь, наконецъ, сказалъ мнѣ: «Ахъ да, Я говорилъ съ Покровскимъ и хотѣлъ высказать Вамъ мое мнѣніе, но Я еще не готовъ теперь къ этому вопросу. Я подумаю и Вамъ скоро напишу, а потомъ при слѣдующемъ свиданіи мы уже обо всемъ подробно поговоримъ». Также продолжая безпомощно улыбаться, Государь подалъ мнѣ руку и самъ отворилъ дверь въ пріемную.

Въ ней я нашелъ тѣхъ же: Гр. Бенкендорфа и Боткина. Скажу и сейчасъ, спустя столько лѣтъ, что слезы буквально душили меня. Я обратился къ Боткину со словами: «неужели Вы не видите, въ какомъ состояніи Государь. Вѣдь Онъ наканунѣ душевной болѣзни, если уже не въ ея власти, и Вы всѣ понесете тяжкую отвѣтственность, если не примете мѣры къ тому, чтобы измѣнить всю создавшуюся обстановку». Не видѣли ли они того, что такъ поразило меня, или просто не хотѣли говорить со мною, — я этого не знаю, но ни тотъ ни другой не раздѣлили моего впечатлѣнія и въ одинъ голосъ сказали мнѣ, что я просто давно не видѣлъ Государя, но что въ его здоровьи нѣтъ рѣшительно ни-

чего грознаго, и что Онъ просто усталъ отъ всѣхъ переживаній. У меня же осталось убѣжденіе, что Государь тяжко боленъ, и что болѣзнь его—именно нервнаго если даже не чисто душевнаго свойства. При этомъ моемъ убѣжденіи я былъ и 18 мѣсяцевъ спустя, когда 10-го іюля 1918 года въ помѣщеніи Петроградской чрезвычайки меня допрашивалъ Урицкій и задалъ мнѣ прямой вопросъ о томъ, считаю ли я Государя психически здоровымъ, и не думаю ли я, что Онъ еще со времени удара его въ Японіи былъ просто больнымъ человѣкомъ».

Это же убѣжденіе я храню и теперь и думаю, что въ описываемую мною пору Государь былъ уже глубоко разстроенъ и едва ли ясно понималъ, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту все, что происходило кругомъ него. Какъ бы то ни было, но я не запомню, чтобы я когда-либо переживалъ такое душевное состояніе, какъ то, въ которомъ я покинулъ Государя послѣ этого послѣдняго нашего свиданія, всего на пять недѣль опередившаго февральскую революцію, которая смела все, что было мнѣ дорого, и привела Государя къ его роковому концу въ ночь на 17-ое іюля 1918 года въ Екатеринбургѣ.

И сейчасъ, спустя много лѣтъ послѣ этого послѣдняго моего свиданія съ покойнымъ Государемъ, я припоминаю съ необычайной ясностью, въ какомъ волненіи вернулся я въ городъ и передалъ женѣ мое впечатлѣніе отъ этой встрѣчи.

Незамѣтно подошла революція со всѣми дикими ея проявленіями. Не хочется пересказывать все, что пережито, да и къ чему! Новаго я ничего не смогу разсказать, а повторять то, что пересказано другими сотни разъ, просто не стоитъ. Скажу только одно, что кто бы ни похвалялся, что предвидѣлъ все, что произошло, сказалъ бы явную неправду. Всѣ чувствовали необычайную тревогу, сознавали, что что-то готовится и надвигается на насъ, но никто не давалъ себѣ отчета, и едва ли я ошибусь, если скажу, что всѣ ждали просто дворцового переворота, отстраненія вліянія въ той или иной формѣ Императрицы, думали, что явится на смѣну новый порядокъ управленія, но не произойдетъ ничего роковего, и жизнь сохранитъ, если и не всѣ свои прежнія формы, то всѣ ея устои. Приведу одинъ небольшой, но характерный по своему свойству примѣръ. Государственный Секретарь Крыжановскій, которому нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ освѣдомленности, позвонилъ ко мнѣ въ понедѣльникъ утромъ, около 10-ти часовъ, — это было 27-го февраля — уже послѣ того, что цѣлый день въ воскресенье, 26-го, происходили уличныя столкновенія войсковыхъ частей съ демонстрантами, и передалъ мнѣ, что засѣданія Госу-

дарственнаго Совѣта, на которомъ мнѣ предстояло выступать, не будетъ, такъ какъ полученъ Указъ о роспускѣ Думы и Совѣта, о чемъ никто не зналъ, такъ какъ предположеніе это держалось правительствомъ въ строгой тайнѣ, и когда я ему сказалъ, что, по моему мнѣнію, это актъ чистѣйшаго безумія, который можетъ вызвать самыя неожиданныя послѣдствія, то Крыжановскій самымъ спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ мнѣ: «напротивъ того, давно нужно было это сдѣлать, и Вы увидите, какое прекрасное впечатлѣніе произведетъ роспускъ, такъ какъ разомъ прекратится все разжиганіе страстей, и большинство Думы будетъ само радо тому, что освободилось отъ засилія кучки бунтарей». Въ тотъ же понедѣльникъ днемъ около 2-хъ часовъ, желая посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ, мы съ женою, ничего не подозрѣвая, вышли пройтись по Моховой, по направленію къ Сергіевской, захвативъ съ собою и нашу собаку «Джипика». Не успѣли мы дойти до Сергіевской повернуть направо, въ сторону Литейной, какъ навстрѣчу намъ раздался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ, и пули пролетѣли мимо насъ. Мы побѣжали назадъ на Моховую и остановились, ища нашу собачку, которая скрылась въ ближайшія ворота, какъ тутъ же изъ подъѣзда дома Главнаго Артиллерійскаго Управленія вышелъ Гучковъ, въ сопровожденіи молодого человѣка, оказавшагося М. И. Терещенко, котораго тутъ же Гучковъ познакомилъ со мною, сказавши, что Государственная Дума формируетъ правительство, въ составъ котораго войдетъ М. И. въ должности Министра Финансовъ, а самъ онъ попросилъ меня помочь ему совѣтомъ, «если эта чаша его не минуетъ». И дѣйствительно, на слѣдующій же день, во вторникъ или самое позднее въ среду, 1-го марта, онъ пришелъ ко мнѣ около 8-ми часовъ вечера, когда мы сидѣли за обѣдомъ, попросилъ насъ дать ему что-либо перекусить, такъ какъ онъ съ утра ничего не ѣлъ, и остался у меня до 2-хъ часовъ ночи, разспрашивая меня обо всемъ, самомъ разнообразномъ изъ области финансоваго положенія страны. Можно себѣ представить, какую пользу могъ онъ извлечь изъ моихъ отвѣтовъ, когда я и самъ не зналъ почти ничего изъ того, что творилось въ этой области за послѣднее время.

Второго марта я вышелъ не надолго къ моей сестрѣ въ Басковъ переулокъ, чтобы узнать, что творится у нея по сосѣдству съ артиллерійскими казармами, и едва успѣлъ вернуться домой, какъ раздался неистовый звонокъ у параднаго входа, и въ мою квартиру ввалилась толпа вооруженныхъ солдатъ съ неистовыми окриками, что изъ оконъ моей квартиры стрѣляли по улицѣ и убили какого-то солдата. Всего ворвалось человѣкъ 20. Эта ва-

тага разсыпалась по всѣмъ комнатамъ, требуя выдачи оружія. Немалаго труда стоило разъяснить ей, что никакого оружія у меня не было, если не считать стоявшихъ у окна двухъ не заряженныхъ карабиновъ, отобранныхъ частями пограничной стражи на фронтѣ и присланныхъ мнѣ, какъ бывшему шефу, на память. Стрѣлять изъ дома, стоящаго даже не на улицѣ, а въ глубинѣ двора, не было никакого смысла, и послѣ немалаго препирательства толпа отхлынула, унося съ собою винтовки, а руководившій ею субъектъ, оказавшійся переодѣтымъ рабочимъ, передъ уходомъ сказалъ, что хорошо помнитъ меня еще по забастовкамъ 1905 года и совѣтуетъ мнѣ запастись охраннымъ свидѣтельствомъ отъ Коменданта Государственной Думы, такъ какъ я «состою на примѣтѣ и мнѣ не сдобровать», если не будетъ запрещенія входить ко мнѣ и производить обыски. Большинство солдатъ просто ходило съ любопытствомъ по комнатамъ, разглядывая обстановку, а одинъ изъ нихъ передъ уходомъ сказалъ только: «нашего брата тутъ размѣстили бы сотню человѣкъ, а здѣсь живетъ господъ всего двое, да при нихъ четверо прислугъ».

Охранное свидѣтельство, воспрещающее производить обыски и осмотръ квартиры, я получилъ въ тотъ же день изъ Думы черезъ посредство состоявшаго въ свое время при мнѣ, какъ при Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ, и перешедшаго потомъ къ Князю Голицыну, ординарца Офросимова, но оно мало помогло мнѣ при послѣдующемъ инцидентѣ. Въ тотъ же вечеръ ко мнѣ прибѣжалъ мой шоферъ, блѣдный, растерянный и заявилъ, что только что во дворъ ворвалась ватага солдатъ, сбила замки съ трехъ гаражей и увезла всѣ автомобили, находившіеся въ домѣ, и въ числѣ ихъ и мой, причемъ мѣсто ихъ нахожденія указывалъ ватагѣ нашъ же швейцаръ, оказавшійся потомъ настоящимъ большевикомъ.

Не помню въ точности, на другой ли день или черезъ день, третьяго или четвертаго марта, мы пошли съ женою пѣшкомъ, минуя Невскій проспектъ, гдѣ было очень тревожно, въ Учетный Банкъ, чтобы вынуть изъ моего депо храненія 20.000 рублей бумагами, которыя я хотѣлъ передать моей сестрѣ Елизаветѣ Николаевнѣ, чтобы обезпечить ее на нѣкоторое время, опасаясь, что со мною можетъ произойти каждую минуту тоже самое, что произошло уже съ большинствомъ министровъ, арестованныхъ въ думскомъ павильонѣ, или даже уже отвезенныхъ въ Петропавловскую крѣпость. Она пользовалась моею постоянною помощью и безъ нея просто не могла жить. Операція вынутія этого маленькаго вклада прошла чрезвычайно быстро, мы собирались уже выйти

изъ кабинета предсѣдателя, провожаемые всѣмъ составомъ Правленія, но какъ только мы переступили порогъ кабинета и направились черезъ операціонную залу къ выходу, — на меня набросился какой-то субъектъ небольшого роста, еврейскаго или армянскаго типа и крича во все горло, что «вотъ бывшій царскій Министръ Финансовъ, который во время японской войны укралъ пять милліоновъ рублей, а теперь пришелъ взять милліонъ, чтобы тратить его на сверженіе народной власти и возстановить царскій режимъ». Его окружало человѣкъ 10 вооруженныхъ солдатъ, которымъ онъ отдавалъ распоряженія; тѣ не знали что дѣлать. Въ эту самую минуту появился около меня молодой офицеръ въ чинѣ поручика гвардіи, конечно, съ огромнымъ краснымъ бантомъ, сталъ всячески уговаривать армянина, оказавшагося уволеннымъ служащимъ того же Учетнаго банка Баліевымъ, повидимому, родственникомъ театральнаго московскаго антрепенера, хозяина «Летучей мыши», и заявилъ, что онъ арестуетъ меня, отведетъ въ караульное помѣщеніе Городской Думы, коего онъ состоитъ комендантомъ, и распорядится со мною согласно тому, что ему будетъ приказано Государственною Думою.

Солдаты, изъ которыхъ добрая половина была пьяна и съ трудомъ держалась на ногахъ, обыскали меня внизу банка, я успѣлъ передать бумаги женѣ и отправилъ ее домой за думскимъ охраннымъ свидѣтельствомъ. Меня посадили въ какой-то захваченный у подъѣзда банка автомобиль, Баліевъ всталъ на ступеньку и крича на весь Невскій все тоже «вотъ онъ Царскій Министръ — воръ, Графъ Коковцовъ, котораго онъ поймалъ съ поличнымъ въ ту минуту, когда онъ вытащилъ изъ Банка милліонъ на выручку Царя», требовалъ, чтобы солдатъ держалъ меня за руки, чтобы я не выбросилъ награбленныхъ денегъ. Невскій былъ буквально запруженъ народомъ. Кое-кто изъ моихъ знакомыхъ видѣлъ всю сцену и разнесъ повѣствованіе о ней по городу. Мы едва могли продвигаться поперекъ улицы и съ трудомъ пробрались въ помѣщеніе коменданта, гдѣ Баліевъ настоялъ, чтобы офицеръ выдалъ ему расписку въ принятіи арестованнаго имъ «государственнаго преступника» и только послѣ полученія расписки успокоился и ушелъ изъ городской думы.

Черезъ часъ жена пріѣхала туда, привезла охранную «грамоту» Государственной Думы, но комендантъ не рѣшился меня освободить и все ждалъ распоряженія изъ Думы. Ждать мнѣ пришлось почти два часа. Наконецъ, по телефону, получилось приказаніе, доставить меня въ Думу, въ помѣщеніе по разбору арестованныхъ.

Пѣшкомъ изъ городской думы, черезъ тотъ же Невскій, офицеръ доставилъ меня въ Европейскую Гостиницу, въ сопровожденіи какого-то юнца, въ солдатской шинели, и тамъ, въ главномъ вестибюлѣ, среди массы всякаго народа мнѣ пришлось обождать опять же не менѣе получаса, пока мой комендантъ нашелъ чей-то автомобиль и повезъ меня, подъ охраною того же вооруженнаго юнца въ Таврическій дворецъ, гдѣ мы трое снова блуждали безконечное количество времени по разнымъ этажамъ и помѣщеніямъ, отыскивая то Военнаго Министра Гучкова, то его адъютанта, которыхъ не оказалось налицо, то знаменитую комнату по разбору арестованныхъ, которую намъ никто не умѣлъ указать, пока, наконецъ, мы не набрели на цѣлую толпу членовъ Думы, съ которыми мнѣ привелось провести почти 8 лѣтъ въ совмѣстной работѣ. Всѣ только разводили руками и недоумѣнно спрашивали меня, что я тутъ дѣлаю. Кое кто говорилъ даже мнѣ «да бросьте Вы всю эту безсмыслицу и уходите домой, пока на Васъ не набрелъ Керенскій».

Что творилось это время въ помѣщеніи Таврическаго Дворца, — этого не можетъ воспроизвести самое пылкое воображеніе. Солдаты, матросы, студенты, студентки, множество всякаго сброда, какія-то депутаціи, неизвѣстно кому представляющіяся, какіе-то ораторы на столахъ и стульяхъ, выкрикивающіе что-то совершенно непонятное, арестованные въ родѣ меня въ сопровожденіи такого же конвоя, снующіе «френчи», вѣстовые и невѣдомые люди, передающіе кому-то какія-то приказанія, несмолкаемый гулъ голосовъ, грязь и сутолока, въ которой бродятъ какіе-то сконфуженныя тѣни недавно еще горделивыхъ членовъ Государственной Думы, собиравшихся разомъ показать всему міру волшебный переворотъ, совершившійся «безъ пролитія крови» въ судьбахъ Россіи . . .

Когда меня вели черезъ комнату, въ которой я засѣдалъ 8 лѣтъ въ составѣ бюджетной Комиссіи, меня обступила толпа знакомыхъ членовъ Думы изъ партіи Октябристовъ и съ недоумѣніемъ спрашивала, какимъ образомъ я очутился подъ конвоемъ и куда меня ведутъ. Кое-кто изъ этой толпы взялся провести меня и моихъ конвоировъ въ комнату по разбору арестованныхъ, и когда меня ввели въ это чистилище, то картина представившаяся моимъ глазамъ была еще болѣе поучительна.

Большая комната, въ которой я никогда ранѣе не бывалъ, была биткомъ набита разнымъ людомъ, едва умѣщавшимся на полу. Одни стояли, другіе сидѣли, были и такіе, которые спали крѣпкимъ сномъ. Стражи въ комнатѣ не было никакой, но

среди скопившихся людей сновали какіе-то субъекты, запрещавшіе арестованнымъ говорить другъ съ другомъ.

Мнѣ не съ кѣмъ было разговаривать, такъ какъ знакомыхъ я никого не нашелъ, и только издали мнѣ поклонился отставной кавалергардскій офицеръ, маркизъ Паулучи, да быстрою походкою прошелъ почти слѣдомъ за мною Государственный Секретарь Крыжановскій, который не замѣтилъ меня и сѣлъ въ отдаленномъ углу комнаты, спиною ко мнѣ. Общее вниманіе останавливалъ на себѣ босоногій странникъ, котораго я не разъ видѣлъ на улицахъ города съ непокрытою головою и босого, въ стужу и слякость. Онъ сидѣлъ у стѣны и громко распѣвалъ какіе-то непонятные псалмы, не обращая ни на кого ни малѣйшаго вниманія.

Послѣ получасового ожиданія въ комнату вошелъ завѣдывавшій разборомъ арестованныхъ членъ Государственной Думы изъ кадетской партіи, Пападжановъ, съ которымъ у меня было раньше въ засѣданіяхъ Думы, нѣсколько вполнѣ корректныхъ встрѣчъ, и задалъ мнѣ рядъ вопросовъ относительно обстоятельствъ моего ареста, оказавшихся въ полномъ соотвѣтствіи съ донесеніемъ моего конвоира-офицера и тутъ же заявилъ мнѣ, что онъ считаетъ мой арестъ плодомъ какого-то самоуправства, извиняется передо мною, проситъ меня продиктовать служащему комендантскаго управленія Думы краткій протоколъ объ обстоятельствахъ ареста, а самъ распорядится составленіемъ постановленія о моемъ немедленномъ освобожденіи и поручитъ доставившему меня офицеру отвезти меня домой, о чемъ немедленно протелефонируетъ моей женѣ, чтобы успокоить ее.

Я долженъ засвидѣтельствовать, что отношеніе ко мнѣ Г. Пападжанова было проникнуто величайшею деликатностью, и я храню объ этомъ самое благодарное воспоминаніе. Я имѣлъ случай передать ему лично мою благодарность, когда почти три года спустя, мы встрѣтились съ нимъ въ Парижѣ, оба въ одинаковомъ бѣженскомъ положеніи, хотя онъ имѣлъ еще нѣкоторое офиціальное положеніе, какъ членъ особаго Комитета попеченія объ армянскихъ бѣженцахъ, собиравшихся возвращаться въ прежнюю Россію, послѣ разгрома ихъ турками.

Пока составляли протоколъ и редактировали постановленіе о моемъ освобожденіи, ко мнѣ обратился тотъ же мой начальникъ-офицеръ, доставившій меня въ Городскую Думу, а оттуда и въ Государственную Думу, съ просьбою помочь ему отдохнуть послѣ трехъ дней, проведенныхъ въ невѣроятно трудныхъ, по его словамъ, условіяхъ, и испросить разрѣшеніе коменданта Думы поставить подъ его начальствомъ небольшой караулъ въ домѣ,

гдѣ я живу, чтобы предупредить новое насиліе надо мною, заявляя, что онъ устроитъ все безъ малѣйшихъ хлопотъ для меня, что люди у него совсѣмъ надежные и будутъ счастливы, если мнѣ удастся собрать для нихъ не болѣе 25 рублей на всѣхъ въ день, такъ какъ довольствіе ихъ обезпечено, а какія-нибудь приспособленія для ночевки онъ устроитъ и самъ при содѣйствіи домоваго управленія.

Коменданта Думы я не зналъ и передалъ эту просьбу Пападжанову, который отнесся къ ней вполнѣ сочувственно, переговорилъ съ комендантомъ и сказалъ мнѣ, что тотъ вполнѣ готовъ оказать мнѣ это небольшое вниманіе, хорошо понимая, что не только я, но и всѣ жильцы будутъ благодарны, если ихъ спокойствіе будетъ охранено на тѣ дни, пока удастся водворить въ городѣ полный порядокъ. Быстро окончили протоколъ, подписали постановленіе о моемъ освобожденіи, выдали мнѣ на руки копію его, и мы вышли съ моимъ конвоиромъ во дворъ Думы, гдѣ тотъ же конвоиръ забралъ неизвѣстно чей автомобиль, далъ шоферу слово, что черезъ часъ отпуститъ его обратно, а я заявилъ, что заплачу 10 рублей за доставку меня на Моховую, тутъ же выдалъ солдату, сопровождавшему меня изъ Городской Думы, два рубля на извозчика, и черезъ нѣсколько минутъ я вернулся благополучно домой.

Тотчасъ же я распорядился по соглашенію съ управляющимъ домомъ отвести хорошую комнату въ пустой квартирѣ подъ нами. Всѣ жильцы были въ восторгѣ отъ появленія у насъ воинскаго караула, быстро натащили ковровъ и подушекъ и одѣялъ для 12-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ квартирѣ отсутствовавшаго Графа Толстого мнѣ удалось найти двѣ комнаты для офицера и для старшаго унтеръ-офицера, и къ 7-ми часамъ эта команда прибыла и водворилась у насъ, проявляя ко мнѣ совершенно приличное, хотя и сдержанное отношеніе, несмотря на то, что внѣшній видъ солдатъ не внушалъ никакого довѣрія. Оказалось впослѣдствіи, что всѣ солдаты были собраны офицеромъ изъ числа болтавшихся по городу людей, покинувшихъ казармы. Вооруженіе ими было забрано самовольно въ разныхъ караульныхъ домахъ, а откуда они добывали себѣ продовольствіе, — этого никто не зналъ. Очевидно, брали его по такъ называемой «реквизиціи», то-есть попросту забирали силою въ лавкахъ.

Въ теченіе трехъ дней офицеръ и унтеръ-офицеръ завтракали и обѣдали у насъ. Всѣ вечера офицеръ проводилъ съ нами, называлъ себя поручикомъ Лейбъ-Гусарскаго полка Корни-де-Бадомъ, родомъ изъ Варшавы, попавшимъ въ полкъ послѣ большихъ

потерь его въ началѣ войны, изъ армейскаго гусарскаго полка, а въ Петроградѣ оказавшимся передъ самою революціею, вслѣдствіе ранъ, отъ которыхъ лечился въ Николаевскомъ госпиталѣ. Велъ онъ себя у насъ чрезвычайно вѣжливо и даже подобострастно, внимательно разспрашивая меня по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, на которые я давалъ ему самые осторожные отвѣты, и такъ продолжалось ровно три дня. На четвертый день Корни-де-Бадъ заявилъ мнѣ, что его требуютъ вмѣстѣ съ его людьми въ Городскую Думу, гдѣ послѣ него начались крупныя недоразумѣнія. Онъ оставилъ у насъ въ домѣ «для связи» »двухъ солдатъ, а черезъ два дня убралъ и ихъ, и мы перешли на мирное положеніе, получивши разрѣшеніе при малѣйшей надобности вызвать его и даже военный караулъ къ себѣ, въ случаѣ какого-либо нападенія на насъ, или прибытія новой команды для обыска. Къ этой мѣрѣ я, однако, не прибѣгалъ, и ничто внѣшне не нарушало нашей жизни до самаго отъѣзда нашего на Кавказъ 29-го октября 1917-го года.

Нѣсколько дней послѣ ухода караула отъ насъ, ко мнѣ принесли отъ того же Корни-де-Бада письмо, въ которомъ онъ просилъ меня передать посланному имъ лицу 300 рублей, въ которыхъ онъ очень нуждается. Посланный ждалъ отвѣта внизу. Я спустился къ нему и засталъ молодого человѣка, хорошо одѣтаго, который, видимо, меня не зналъ, и сначала сказалъ мнѣ, что онъ мнѣ никакого письма не передавалъ, и только, когда я громко сказалъ въ присутствіи швейцара, внимательно прислушивавшагося къ каждому моему слову, что тѣмъ лучше, значитъ посланный ушелъ безъ отвѣта и вѣроятно зайдетъ позже, тогда этотъ молодой человѣкъ попросилъ разрѣшенія переговорить наединѣ. Мы отошли къ окну, но швейцаръ продолжалъ прислушиваться. Онъ сказалъ мнѣ, что Корни-де-Бадъ арестованъ, по очевидному недоразумѣнію, находится въ Комендантскомъ управленіи на Садовой и не можетъ даже улучшить своего положенія и долженъ довольствоваться изъ солдатскаго котла .

Я сказалъ ему, что дамъ отвѣтъ черезъ Комендантское управленіе, и мнѣ стоило не мало труда, чтобы отдѣлаться отъ этого посланнаго. Тотчасъ послѣ его ухода я позвонилъ въ Комендантское управленіе, вызвалъ къ аппарату самого Коменданта и спросилъ его, что я могу сдѣлать по обращенному ко мнѣ письму, которое я тутъ же прочиталъ ему. Въ отвѣтъ на мой вопросъ Комендантъ, заявивши мнѣ въ совершенно любезной формѣ, что онъ состоитъ въ моемъ полномъ распоряженіи, но проситъ меня только отвѣтить ему, по-

чему я знаю Корни-де-Бада и какія свѣдѣнія могу я дать о немъ. Мнѣ пришлось тогда разсказать ему всю эпопею моего ареста, водворенія этого господина въ нашемъ домѣ, а Комендантъ, въ свою очередь сказалъ мнѣ, что это авантюристъ чистѣйшей воды, повидимому, бѣглый полковой писарь изъ евреевъ, Корней Батовъ, никогда не служившій въ строю и уличенный уже въ цѣломъ рядѣ кражъ изъ лавокъ подъ предлогомъ реквизицій. Онъ совѣтовалъ мнѣ быть особенно осторожнымъ съ нимъ, такъ какъ онъ открыто похваляется самыми близкими отношеніями со мною, и предложилъ, если я желаю помочь ему, то послать мою помощь черезъ него, Коменданта, и лучше всего въ формѣ пожертвованія на всѣхъ неимущихъ арестованныхъ. Такъ я и сдѣлалъ и больше никогда его не видѣлъ.

Годъ спустя, во время моего заключенія въ чрезвычайкѣ, этотъ субъектъ явился къ женѣ, сказалъ, что состоитъ правозащитникомъ при революціонномъ трибуналѣ и предложилъ свою помощь къ моему освобожденію. Въ дѣйствительности, его помощь выразилась въ томъ, что воспользовавшись минутнымъ выходомъ жены изъ передней, онъ укралъ золотое украшеніе съ моей палки, стоявшей въ углу, заставилъ близкаго мнѣ человѣка — И. А. Турцевича — накормить его обѣдомъ въ ресторанѣ все подъ предлогомъ близкихъ его отношеній съ большевиками и возможности устроить мое освобожденіе изъ заключенія, но изъ этихъ его обѣщаній, конечно, ничего не вышло и больше объ этомъ субъектѣ до меня не доходило никакихъ свѣдѣній.

Весна 1917-го года прошла въ какомъ-то чаду, подъ неумолкаемый гулъ выстрѣловъ на улицахъ и подъ гнетомъ ежедневныхъ декретовъ Временнаго правительства, расшатывавшихъ нашу государственную машину съ какою-то злорадною поспѣшностью и незамѣтно, но вѣрною рукою подготавливавшихъ захватъ власти большевиками.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы, какъ и всегда, перебрались къ себѣ въ деревню, и тамъ первое время было какъ будто совсѣмъ тихо и спокойно, и ничто не напоминало бушевавшихъ страстей въ недалекомъ городѣ. Тотъ же милый садъ при домѣ, та же мирная обстановка уединенной деревни, жившей своими мелкими интересами, тѣ же заботы объ уборкѣ сѣна, тотъ же уходъ за огородомъ и ягодникомъ, тѣ же мои любимыя занятія около скотнаго двора и конюшни. Не было только моей верховой лошади, съ которою пришлось разстаться въ связи съ уходомъ царскаго конвоя и невозможностью держать лошадь въ хорошихъ условіяхъ въ городѣ. Только всматриваясь глубже въ отношенія къ намъ окружающихъ, невольно бросалась въ глаза какая-то небывалая

отчужденность крестьянъ отъ насъ. Почти никто не приходилъ, какъ бывало постоянно прежде, съ своими безконечными просьбами и дѣлами, деревенскія дѣти перестали приносить къ намъ грибы и ягоды, никто не шелъ болѣе на работу, несмотря на мои личныя просьбы, хотя прямо никто не отказывалъ; всѣ всегда обѣщали и — не исполняли данныхъ обѣщаній. Приходилось обходиться собственными средствами и немало трудиться самому, отказываясь вовсе отъ уборки плохихъ сѣнокосовъ. Участились также кражи и замѣтно въ разговорахъ стало какое-то отчужденіе крестьянъ отъ меня, чего не было никогда за всѣ 35 лѣтъ моего существованія среди нихъ, чего не было даже и въ пору первой революціи 1905 года. Словомъ, жизнь стала совсѣмъ иная, чѣмъ была раньше, несмотря на то, что внѣшнія ея формы казались мало перемѣнившимися. Внѣшне все было тихо, но время отъ времени стали появляться на дорогѣ, проходившей мимо насъ, какіе-то совершенно незнакомые типы.

Стало также совсѣмъ невыносимо передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ. На короткомъ разстояніи въ 5—6 часовъ между городомъ и имѣніемъ приходилось испытывать положительныя униженія. Вагоны перваго и второго класса еще существовали номинально, но пользоваться ими не было никакой возможности. Всѣ отдѣленія были биткомъ набиты солдатами, не обращавшими никакого вниманія на остальную публику. Пѣсни и невѣроятныя прибаутки не смолкали во всю дорогу. Верхнія мѣста раскидывались, несмотря на дневную пору, и съ нихъ свѣшивались грязныя портянки и босыя ноги. Кондукторы не показывались среди пассажировъ и обращаться къ нимъ для наведенія порядка было совершенно напрасно, — они не могли ничего подѣлать съ разнузданною толпою и лучшее, на что имъ пришлось рѣшиться, — это просто скрываться въ ихъ служебныя отдѣленія, предоставивъ пассажировъ на волю толпы.

Для меня и жены эти переѣзды были особенно тягостны, такъ какъ намъ приходилось ѣздить сравнительно болѣе часто, нежели мы дѣлали это въ прежнее время.

Къ концу лѣта, примѣрно съ первыхъ чиселъ августа, меня стали вызывать на процессъ бывшаго Военнаго Министра Сухомлинова и на допросы въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію подъ предсѣдательствомъ московскаго адвоката Муравьева, для разсмотрѣнія дѣлъ по обвиненію различныхъ представителей прежней правительственной власти въ злоупотребленіяхъ по службѣ.

Говорить много о процессѣ Сухомлинова не приходится.

Меня вызвало обвиненіе для разъясненія правильности заявленія обвиняемаго о томъ, что онъ совершенно неповиненъ въ нашей неготовности къ войнѣ, такъ какъ всѣ его усилія систематически разбивались о мое нежеланіе отпускать кредиты на усиленіе нашей обороны.

Мнѣ было не трудно опровергнуть эту точку зрѣнія представленіемъ точныхъ данныхъ о томъ, какъ отпускались на самомъ дѣлѣ кредиты на нужды обороны, какую готовность идти широко въ этомъ направленіи проявляла Государственная Дума и насколько были ограничены полномочія Министра Финансовъ передъ Совѣтомъ Министровъ, передъ самимъ Государемъ, естественно ближе принимавшемъ къ сердцу интересы обороны, нежели государственнаго казначейства, и въ особенности передъ законодательными учрежденіями, передъ которыми я никогда не выдвигалъ вопросовъ о розни между мною и Военнымъ Министромъ. Я просилъ обратиться по этому поводу съ вопросомъ къ бывшему Помощнику Военнаго Министра, Генералу Поливанову, который, передъ моимъ допросомъ, въ свидѣтельской комнатѣ заявилъ громко, при цѣломъ рядѣ свидѣтелей, преимущественно изъ высшихъ военныхъ чиновъ, что онъ сочтетъ своимъ долгомъ снять всякій упрекъ съ Министра Финансовъ и скажетъ, что Военное вѣдомство получало денегъ больше, чѣмъ могло израсходовать, потому что само не было подготовлено къ широкимъ операціямъ по перевооруженію арміи.

Я не былъ въ засѣданіи при допросѣ Генерала Поливанова, но мнѣ разсказывали по горячимъ слѣдамъ, что онъ былъ далеко не такъ категориченъ въ своемъ показаніи и даже выразилъ мысль не слишкомъ для меня благопріятную, сказавши, что пока Столыпинъ былъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, онъ относился чрезвычайно горячо къ нуждамъ обороны, но что съ его смертью положеніе ухудшилось, такъ какъ его преемникъ, то есть я, отличался большимъ упорствомъ въ разрѣшеніи кредитовъ. Не знаю, насколько это сообщеніе, дошедшее до меня, было справедливо, но если въ немъ была хотя бы крупица правды, мнѣ обидно за неискренность Поливанова, который лучше кого-либо зналъ истинную причину нашей неготовности къ войнѣ.

Во всякомъ случаѣ, не подозрѣвая того, что могъ сказать Поливановъ, я подробно развилъ передъ судомъ механизмъ ассигнованія кредитовъ Военному Вѣдомству и состояніе средствъ въ его распоряженіи къ моему уходу. Впослѣдствіи, уже въ бѣженствѣ, Предсѣдатель Суда Н. Н. Таганцевъ и прокуроръ Носовичъ говорили мнѣ въ Парижѣ, что мое показаніе произвело на

судъ большое впечатлѣніе, такъ какъ никто не имѣлъ на малѣйшаго представленія о томъ, что въ рукахъ Военнаго Министра оставалось въ послѣдніе два года передъ войной свыше 250 милліоновъ рублей, которыхъ онъ не могъ своевременно израсходовать по совершенной неготовности всей нашей организаціи къ исполненію массовыхъ заказовъ новаго вооруженія.

Любопытно было въ особенности отношеніе самого Сухомлинова къ моему показанію. Слѣдуя усвоенному имъ порядку — отвѣчать передъ судомъ по поводу каждаго показанія допрошеннаго свидѣтеля, онъ заявилъ, что долженъ возразить на мое показаніе. Но вмѣсто всякаго возраженія, не опровергая ни одного моего заявленія, онъ ограничился тѣмъ, что сталъ подробно разсказывать о томъ, какъ разсматривались дѣла въ Совѣтѣ Министровъ, какъ я авторитетно всегда возражалъ на всѣ его требованія, причемъ даже Столыпинъ боялся меня, такъ какъ я отличался большимъ даромъ слова, и всѣ Министры боялись меня какъ огня. Сенаторы при этихъ словахъ только переглядывались, а когда обвинитель спросилъ его, что онъ можетъ сказать по поводу моего показанія о томъ, что крупныя суммы оставались не израсходованными по неподготовленности самаго вѣдомства къ быстрому ихъ расходованію и что, слѣдовательно, при этомъ условіи, сколько бы ни отпускать денегъ, дѣло все равно не подвинулось бы ни на шагъ, — Сухомлиновъ отвѣтилъ только, что онъ никогда не слышалъ о такихъ остаткахъ.

Тягостное впечатлѣніе оставилъ во мнѣ самый видъ суда. Зала, въ которой для публики было приготовлено большое количество мѣстъ, была почти пуста, и только передніе ряды стульевъ были заняты. Подсудимые были окружены охраною Преображенскаго полка самаго неряшливаго вида и притомъ съ такимъ злобнымъ выраженіемъ лицъ по отношенію къ обвиняемымъ, что порою становилось жутко смотрѣть на эти озвѣрѣлыя лица, и не мнѣ одному приходила въ голову мысль какъ бы эта стража не покончила съ подсудимыми внѣ засѣданія. Покойный Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, вызванный также свидѣтелемъ по дѣлу, спускаясь со мною по лѣстницѣ послѣ моего допроса, сказалъ мнѣ, что онъ сомнѣвается, чтобы Сухомлиновъ и его жена вышли живыми изъ залы засѣданія. Онъ, конечно, не предчувствовалъ, что черезъ восемь мѣсяцевъ его самого звѣрски убьютъ въ Пермской губерніи, а Сухомлиновъ будетъ освобожденъ послѣ произнесеннаго надъ нимъ суроваго приговора, успѣетъ скрыться за-границу и тамъ, въ своихъ мемуарахъ наклевещетъ на бѣднаго

Государя, виновнаго лишь въ томъ, что Онъ вѣрилъ ему и не обращалъ вниманія на то, что Ему говорили о непригодности Сухомлинова.

Закончу эту часть моихъ воспоминаній тѣмъ, что скажу, что несмотря на все, что я испыталъ тяжелаго и несправедливаго отъ Сухомлинова, несмотря на то, что я считаю его однимъ изъ главныхъ виновниковъ катастрофы, постигшей Россію, я не считаю его виновнымъ въ измѣнѣ передъ своею родиною. Онъ виновенъ въ томъ, что былъ преступно легкомысленъ на своемъ посту, что смотрѣлъ на все глазами своей жены, окружалъ себя, въ угоду ей, всякими проходимцами, давая имъ возможность знать то, о чемъ они не должны были имѣть никакого понятія, и, въ особенности быть можетъ тѣмъ, что онъ имѣлъ самое вредное вліяніе на Государя, отвлекая Его вниманіе всякими пустяками отъ серьезнаго дѣла. Справедливость по отношенію къ Государю-мученику заставляетъ опять и опять сказать, что онъ настолько любилъ свою родину, питалъ такой живой интересъ къ арміи и флоту, что Военному Министру не было никакой надобности искать для себя опоры въ тѣхъ пріемахъ, которыми онъ думалъ укрѣпить свое положеніе, тогда какъ именно онъ больше, нежели кто-либо изъ окружающихъ, могъ направить Государя на иное отношеніе къ дѣлу. Единственное этому объясненіе заключалось въ томъ, что по своей природѣ Сухомлиновъ не былъ способенъ ни на что иное. Онъ самъ былъ непростительно легкомысленъ и сознательно или безсознательно велъ Государя туда, гдѣ самъ былъ силенъ, то-есть на путь мелкихъ бытовыхъ частностей военнаго дѣла, затушевывая прибаутками и мелочами все, что было существеннаго.

Чрезвычайная слѣдственная комиссія допрашивала меня въ полномъ составѣ только одинъ разъ и предполагала продолжать допросъ еще впослѣдствіи, но это продолженіе такъ и не состоялось. Мнѣ задано было только два вопроса:

1) при какихъ обстоятельствахъ состоялось назначеніе А. А. Макарова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и кому принадлежала инициатива въ этомъ выборѣ.

2) На какомъ основаніи и въ силу какихъ законовъ происходили, за время моего предсѣдательствованія въ Совѣтѣ Министровъ, роспуски Государственной Думы будто бы до окончанія сроковъ полномочія ея членовъ.

Я отвѣтилъ по первому вопросу, что инициатива принадлежала лично мнѣ и, на предложеніе изложить подробности воспро-

извелъ все, что относилось къ этому вопросу, начиная отъ бесѣды со мною Государя въ Кіевскомъ дворцѣ въ день смерти Столыпина и отъѣзда Государя въ Крымъ.

Во время моего показанія Муравьевъ все время перелистывалъ какую-то тетрадь, иногда вставляя мелкія подробности, утраченныя моею памятью, и, затѣмъ, по окончаніи моего показанія заявилъ мнѣ: «Ваши объясненія отличаются большою точностью, по этому вопросу Комиссія не имѣетъ болѣе надобности въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ».

По второму вопросу Муравьевъ только повторилъ заданный мнѣ вопросъ, а самый допросъ производилъ знаменитый авторъ приказа № 1, вновь испеченный сенаторъ, недавній присяжный повѣренный, Соколовъ. Онъ только что оправился отъ побоевъ, которые были нанесены ему на фронтѣ, и носилъ на головѣ шелковую черную шапочку.

На поставленный мнѣ вопросъ, я отвѣтилъ коротко, что за все время съ сентября 1911 года и по январь 1914 года, пока я былъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, Государственная Дума не была ни разу распущена досрочно, и этимъ исчерпывается мой отвѣтъ. Но Сенаторъ Соколовъ этимъ не удовольствовался и просилъ меня разъяснить: какимъ образомъ происходили роспуски Думы на Рождественскіе и лѣтніе ваканты. Я отвѣтилъ, что каждый разъ время начала и конца ваканта обусловливалось мною по соглашенію съ Предсѣдателями Думы и Государственнаго Совѣта, въ зависимости отъ хода законодательныхъ дѣлъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ заготовлялись проекты указовъ, которые и представлялись, смотря по тому, гдѣ находится Государь, то есть въ Крыму или въ Царскомъ Селѣ наканунѣ роспуска, или за нѣсколько дней, дабы указъ успѣлъ быть мною полученъ и своевременно объявленъ.

Повидимому, отвѣтъ мой всѣмъ показался и простымъ и естественнымъ, но Соколовъ и тутъ нашелъ нѣчто неясное и «едва ли законное», какъ онъ прибавилъ, а именно, Дума и Совѣтъ были распущены на Рождество 12-го декабря, а указъ мною помѣченъ подписаннымъ 7-го числа. По его мнѣнію, «тутъ что-то неладно, очевидно, что палаты распущены за пять дней до срока, который имъ объявленъ». Мы обмѣнивались нѣсколько минутъ нашими взглядами на незакономѣрность такого моего дѣйствія и, видимо, остались каждый при своемъ мнѣніи. Присутствовавшій въ засѣданіи Сенаторъ Ивановъ, котораго я зналъ по его службѣ въ Государственномъ Контролѣ, поддержалъ мою точку зрѣнія, замѣтивши, что Слѣдственная Комиссія могла бы скорѣе

обвинить Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ незакономѣрности, если бы онъ помѣтилъ днемъ роспуска Думы самый указъ о роспускѣ при нахожденіи Государя въ отъѣздѣ и даже возбудить вопросъ о подложности помѣтки.

Предсѣдатель положилъ конецъ нашему спору торжественнымъ заявленіемъ, что Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія войдетъ въ свое время въ оцѣнку разсмотрѣннаго ею вопроса и постановитъ окончательное свое рѣшеніе.

Затѣмъ мнѣ было предложено дать мои объясненія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ одному изъ слѣдователей при Комиссіи, Товарищу прокурора Московской судебной палаты Голембовскому (быть можетъ я не точно воспроизвожу его фамилію), который находился тутъ же и пригласилъ меня немедленно къ себѣ въ кабинетъ. Съ нимъ я имѣлъ впослѣдствіи еще два или три свиданія, и всѣ они были посвящены вопросамъ о моихъ спорахъ съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Маклаковымъ объ ассигнованіи денегъ на поддержку печати, и когда допросъ былъ оконченъ, и слѣдователь сталъ записывать мое показаніе, то онъ протянулъ мнѣ синюю обложку и въ ней предложилъ прочитать всеподданнѣйшій докладъ Штюрмера, какъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, отъ іюля 1916-го года, прибавивши: «Васъ это поинтересуетъ».

Этотъ докладъ содержалъ въ себѣ прямую, неприкрашенную ложь.

Въ немъ говорилось, что въ Государственной Думѣ образовался такъ называемый «прогрессивный блокъ», поставившій себѣ цѣлью дискредитировать принципъ монархіи и личность Монарха передъ общественнымъ мнѣніемъ, указывать обществу на опасность, которая грозитъ странѣ, если не будетъ спѣшно положенъ предѣлъ злоупотребленіямъ власти, и — проводить явно республиканскія идеи. Изъ Государственной Думы этотъ блокъ перешелъ уже въ стѣны Государственнаго Совѣта и успѣлъ завербовать большое количество членовъ не только среди выборныхъ членовъ, но и среди членовъ по Высочайшему назначенію. Его душою въ Совѣтѣ и главнымъ проводникомъ превратныхъ идей, сказано было въ докладѣ, являюсь я, причемъ я руковожусь исключительно личнымъ самолюбіемъ, такъ какъ я до сихъ поръ не могу примириться съ увольненіемъ меня отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ и пользуюсь моимъ чрезвычайно вліятельнымъ положеніемъ среди членовъ Совѣта, чтобы сѣять смуту. Докладъ заканчивается тѣмъ, что Штюрмеръ представляетъ этотъ печальный вопросъ на личное рѣшеніе Государя и

испрашиваетъ Его указаній. Никакой резолюціи на докладъ положено не было и только сбоку на первой страницѣ поставленъ синимъ карандашемъ обычный знакъ: черта съ двумя точками, какъ указаніе на то, что докладъ былъ прочитанъ.

Штюрмеръ въ это время находился уже въ Петропавловской крѣпости. Я сказалъ только слѣдователю, что все это прямая ложь, и я увѣренъ, что Государь не придалъ ей никакого значенія.

Входить въ подробныя объясненія съ постороннимъ человѣкомъ мнѣ не хотѣлось, но лично мнѣ было просто обидно, что Государю разсказывались небылицы и передъ нимъ старались оклеветать человѣка не извѣстно даже для чего. Не могъ же Штюрмеръ не знать, черезъ ту же группу правыхъ, къ которой принадлежалъ и самъ, что я не только не игралъ никакой роли въ образованіи прогрессивнаго блока, но и держалъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ группировокъ и теченій, никогда и ни въ чемъ не проявляя моего оппозиціоннаго настроенія, котораго и вовсе не было во мнѣ. Не могъ онъ также не знать, что лидеръ правыхъ Дурново не разъ открыто говорилъ, что сожалѣетъ, что я не принадлежу къ его группѣ, но не можетъ не относиться съ уваженіемъ къ моей сдержанности, противополагая ее неукротимому отношенію къ событіямъ Гр. Витте, не скрывавшаго своей озлобленности на то, что онъ не у власти. Такимъ поступкомъ Штюрмеръ не ограничивалъ, однако, своего отношенія ко мнѣ.

Изъ опубликованной совѣтской властью въ 1926 году переписки между Государемъ и Императрицей Александрой Феодоровной за 1916 годъ, съ несомнѣнностью видно, что о такомъ же моемъ участіи и о моей руководящей роли въ составѣ прогрессивнаго блока въ Государственномъ Совѣтѣ, Штюрмеръ разсказывалъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ Императрицѣ, прибавляя къ своей лжи и сообщенія о какой-то моей интригѣ противъ отдѣльныхъ Министровъ и въ частности противъ Князя Шаховского, котораго я тогда почти не зналъ, не говоря о томъ, что я не имѣлъ никакого доступа, да и не искалъ его — ни къ правительству, ни въ такіе круги, отъ вліянія которыхъ зависѣла судьба Министровъ. Его навѣтами и прямою клеветою только и можно объяснить ту обидную для меня характеристику, которая отразилась на Ея письмахъ болѣе двухъ лѣтъ спустя послѣ моего увольненія.

Удивительнѣе всего было, однако, то, что одновременно съ клеветою на меня тотъ же Штюрмеръ, безъ всякой нужды, дѣлалъ мнѣ какіе-то авансы, о которыхъ была рѣчь въ своемъ мѣстѣ, и такъ же беззастѣнчиво лгалъ, но только въ другомъ направленіи и притомъ безъ всякой надобности.

ГЛАВА II.

Неудавшаяся попытка выѣхать заграницу. Отъѣздъ на Кавказъ. Жизнь въ Кисловодскѣ. — Письмо Н. Н. Покровскаго объ избраніи меня Предсѣдателемъ Союза защиты русскихъ интересовъ въ Германіи. — Многочисленныя попытки обезпечить себѣ выѣздъ съ Кавказа, — Отъѣздъ изъ Кисловодска и приключенія въ пути. — Прибытіе въ Петроградъ. Обыскъ и арестъ. — Тюрьма на Гороховой, № 2.

Пока описанныя событія шли своимъ ходомъ, и назрѣвали постепенно грозныя явленія начала ноября, все, что окружало меня, говорило за то, что оставаться въ Петербургѣ становилось просто опаснымъ. Вопросъ продовольствія становился также все болѣе и болѣе грознымъ. Многіе стали поговаривать о необходимости выѣзда куда-нибудь, гдѣ жизнь казалась спокойнѣе и обезпеченнѣе, хотя самому мнѣ просто не хотѣлось выѣзжать куда-либо, да и куда? Кое-кто бросилъ мысль, что у меня заграницею дочь, и мнѣ бы слѣдовало попытаться выѣхать къ ней. Вопросъ матерьяльный, сыгравшій впослѣдствіи такую рѣшающую роль, не имѣлъ тогда еще остраго значенія, т. к. у меня были еще сбереженія, и я могъ разсчитывать на нихъ и на полученіе разрѣшенія на переводъ небольшой суммы денегъ заграницу.

Женѣ эта мысль улыбалась, и я сталъ обдумывать ее еще съ половины сентября. Подбивалъ меня на это рѣшеніе и В. А. Маклаковъ, получившій передъ тѣмъ назначеніе посломъ въ Парижъ и упомянувшій какъ-то въ разговорѣ съ новымъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Терещенко, что я могъ бы быть ему очень полезенъ въ Парижѣ.

Терещенко позвонилъ ко мнѣ по телефону и предложилъ располагать имъ, если только я хочу. Я побывалъ даже у него и получилъ безъ всякой моей просьбы заграничный, такъ называе-

мый дипломатическій паспортъ и заявленіе, что Министръ Финансовъ Бернацкій переведетъ мнѣ все, что я его попрошу. Словомъ, все шло такъ гладко, что оставалось только, что называется, плыть по теченію и ввѣриться судьбѣ, которая готовила такое простое рѣшеніе казавшагося сложнымъ вопроса.

Французское посольство сказало, что дастъ немедленную визу на выѣздъ во Францію, а англійскій военный агентъ, распоряжавшійся морскими перевозками съ континента на западъ, сейчасъ же, по просьбѣ своего французскаго коллеги, далъ разрѣшеніе на предоставленіе мнѣ двухъ мѣстъ на одномъ изъ пароходовъ изъ Бергена въ Нью-Кастль. Оставалось только сдѣлать послѣдніе шаги и назначить день отъѣзда, не распространяясь о нашемъ отъѣздѣ, чтобы не вызывать лишнихъ разговоровъ. Не знаю почему, но, несмотря на то, что я дѣлалъ все, что было необходимо для отъѣзда, у меня не было увѣренности въ томъ, что мы уѣдемъ. Какое-то безотчетное предчувствіе говорило мнѣ, что нашъ отъѣздъ не состоится. Дома никакихъ приготовленій мы не дѣлали, все оставалось на своемъ мѣстѣ, и даже моимъ сестрамъ я не говорилъ ни слова.

Около половины октября, какъ-то утромъ открываю газету и читаю, что поѣздъ, вышедшій наканунѣ вечеромъ изъ Петрограда въ Финляндію съ большимъ количествомъ пассажировъ, въ числѣ коихъ находились, между прочимъ, докторъ Бадмаевъ, г-жа Вырубова и другіе, снабженные заграничными паспортами, былъ задержанъ на одной изъ станцій передъ Гельсингфорсомъ русскими матросами, и указанные мною пассажиры и еще кто-то высажены изъ поѣзда и отвезены матросами въ Свеаборгъ и посажены въ тюрьму. На меня это извѣстіе произвело рѣшающее впечатлѣніе. Я обратился къ тому же Терещенкѣ, чтобы узнать, что̀ именно произошло, и узналъ отъ него, о чемъ не было никакихъ свѣдѣній въ газетахъ, — что въ Финляндіи неблагополучно, что наши солдаты и матросы захватываютъ мѣстами власть, распоряжаются по своему, отстраняя мѣстную власть, обыскиваютъ поѣзда и не подчиняются распоряженіямъ нашего военнаго начальства.

Сообщеніе это сопровождалось, разумѣется, завѣреніемъ, что порядокъ будетъ возстановленъ на этихъ же дняхъ, но увѣренности въ этомъ я не подмѣтилъ въ разговорѣ со мною, и на вопросъ, не рискую ли и я съ женою такою неожиданностью, я получилъ только возраженіе, что едва ли я представляю тотъ же интересъ, какъ мадамъ Вырубова и Бадмаевъ, связь которыхъ съ Распутинымъ есть общеизвѣстный фактъ.

Мы рѣшили не рисковать и отложить поѣздку заграницу, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, пока выяснится и обстановка въ Финляндіи и возможность безопаснаго проѣзда. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ съ Кавказа братъ жены и сталъ насъ всячески уговаривать поѣхать на Кавказъ, въ Кисловодскъ, гдѣ жизнь течетъ такъ мирно и даже пріятно, гдѣ продовольствія вдоволь, и гдѣ «крѣпкое Терское и Кубанское казачество не допустятъ никакого брожения и проявляютъ удивительную преданность порядку и нерасположеніе даже къ бреднямъ Временнаго Правительства».

Этотъ разговоръ въ связи съ рѣшеніемъ выѣхать изъ Петрограда повліялъ на насъ. Намъ удалось получить отдѣленіе въ спальномъ вагонѣ, и 29 октября стараго стиля, т. е. всего пять дней спустя послѣ того, что власть перешла въ руки большевиковъ, мы выѣхали на Кавказъ.

Передъ отъѣздомъ мы поѣхали проститься съ внуками на Конногвардейскій бульваръ и совершили эту поѣздку подъ выстрѣлами на Невскомъ и въ особенности на углу Морской; оказалось, что въ это время брали приступомъ гостиницу Асторія, какъ центръ скопленія «буржуевъ».

Москву мы проѣхали также подъ раскаты артиллерійскихъ выстрѣловъ, — шли бои въ разныхъ концахъ города. Курскій вокзалъ былъ пустъ, изъ вагоновъ никто не выходилъ и публику не пускали на вокзалъ. Мы ждали, что къ намъ придетъ проститься близкая намъ старушка М. К., но ея на вокзалѣ не оказалось. Послали мы было телеграмму въ Тулу М. Н. Утиной и ея сыну, прося ихъ выѣхать повидаться съ нами на вокзалѣ, но ихъ также не оказалось. Очевидно, телеграфъ не дѣйствовалъ.

Ночью подъ Орломъ нашъ вагонъ чуть было не разбили. Встрѣчный поѣздъ потерпѣлъ какое-то небольшое крушеніе, насъ остановили въ пути; было совсѣмъ темно, и никто не зналъ, что именно произошло, какъ и то, что въ потерпѣвшемъ поѣздѣ были раненые. Въ двери нашего вагона раздавались неистовые стуки, приправленные бранью. Кто-то требовалъ, чтобъ вагонъ былъ открытъ, иначе его разнесутъ въ щепки. Пришлось подчиниться этому требованію, т. к. стекла тормазной площадки летѣли уже въ дребезги — къ намъ ворвалось нѣсколько человѣкъ, требовавшихъ, чтобы мы взяли нѣсколько человѣкъ раненыхъ и доставили ихъ въ Орелъ. Это требованіе было, разумѣется, исполнено, трое потерпѣвшихъ было нами принято, поѣздъ тронулся; раненые оказались легкими, мы сдали ихъ въ Орлѣ на станціи и про-

должали путь вполнѣ благополучно до Ростова. Тутъ насъ ждало первое испытаніе.

Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, то прежде всего нашимъ глазамъ представилась невѣроятная толпа, сквозь которую не было никакой возможности пробраться, а выйти было необходимо, т. к. намъ было заявлено, что спальный вагонъ дальше не пойдетъ, т. к. съ 1-го ноября (а это было какъ разъ 1-ое число) движеніе спальныхъ вагоновъ отмѣнено, и служащіе желѣзной дороги не допускаютъ пропуска вагона по Владикавказской дорогѣ. Было прибавлено, что «господа буржуи могутъ проѣхаться и въ простомъ вагонѣ».

На меня было возложено попытаться уладить неожиданный конфликтъ. Будучи и лично заинтересованъ въ его ликвидаціи, я пошелъ разыскивать начальника дороги, котораго зналъ по прежнимъ моимъ поѣздкамъ по этой дорогѣ. Онъ немедленно пріѣхалъ на станцію, проявилъ полную готовность помочь намъ, но сказалъ, что не имѣетъ болѣе власти на дорогѣ, т. к. комитетъ служащихъ явно настроенъ враждебно по отношенію къ нему. Начались наши общія мытарства по станціи. Около вагона стояла толпа и требовала выгрузки нашихъ вещей; рядомъ на сосѣднемъ пути стоялъ готовый паровозъ подъ парами, чтобы вести поѣздъ.

Сначала объясненія носили явно непримиримый характеръ. Какіе-то делегаты заявили мнѣ, что они не допускаютъ движенія по своей дорогѣ спальныхъ вагоновъ, уменьшающихъ составъ поѣзда въ ущербъ интересамъ народа, который долженъ ютиться въ набитыхъ вагонахъ, тогда какъ «господа изволятъ почивать въ роскошныхъ отдѣленіяхъ». Но наши аргументы о томъ, что публика не виновата, что ей дали спальныя мѣста за очень большую плату и сама ничего не отнимаетъ ни отъ кого, тѣмъ болѣе, что ей не было заявлено объ этомъ при отправкѣ и, во всякомъ случаѣ, такое распоряженіе можетъ имѣть значеніе только съ того момента, какъ въ мѣстѣ отправленія будетъ уже извѣстно о состоявшемся измѣненіи правила, никому еще неизвѣстнаго, видимо производили нѣкоторое впечатлѣніе. Кто-то изъ насъ спросилъ даже делегатовъ, кто же вернетъ намъ деньги, заплаченныя за проѣздъ до Кисловодска, и прибавилъ, что, вѣроятно, гг. делегаты признали бы несправедливымъ, если бы они наняли извозчика и заплатили ему деньги впередъ за конецъ, а онъ на половинѣ дороги выбросилъ бы ихъ изъ экипажа и предложилъ сѣсть на дроги съ капустой, которые дотащили бы ихъ до мѣста.

Этотъ простой аргументъ, видимо, подѣйствовалъ. Делегаты

ничего на него не отвѣтили, и старшій изъ нихъ, все время направлявшій пренія, замѣтилъ — «пожалуй, что это и такъ, но онъ не знаетъ согласятся ли товарищи машинисты съ такимъ разсужденіемъ». Мы всѣ подошли къ паровозу. Машинистъ, слышавшій нашу бесѣду, сказалъ, что «народъ, взявшій въ свои руки управленіе дорогою, долженъ быть прежде всего справедливъ, и если заключенъ договоръ на переѣздъ въ спальномъ вагонѣ до Кисловодска, и деньги заплачены, то нужно выполнить договоръ и уже потомъ вѣдаться съ тѣми, кто потворствуетъ буржуямъ», но этого спора онъ одинъ рѣшить не можетъ, и нужно спросить делегатовъ отъ депо, которые сейчасъ на собраніи въ котельной мастерской; мы попросили его посовѣтоваться съ гг. делегатами. Онъ согласился, сошелъ съ паровоза и черезъ нѣсколько минутъ вернулся въ сопровожденіи 8 или даже 10-ти человѣкъ, съ которыми, видимо, успѣлъ по дорогѣ переговорить, т. к. одинъ изъ вновь прибывшихъ отъ имени делегаціи заявилъ, что они находятъ справедливымъ требованіе пассажировъ, уплатившихъ деньги за проѣздъ, и готовы вести паровозъ со спальнымъ вагономъ въ поѣздѣ, но сейчасъ отправляютъ телеграмму съ протестомъ въ Министерство, т. к. считаютъ, что оно вообще не имѣетъ права продавать мѣста на такое разстояніе и должно спрашивать дороги о ихъ согласіи.

Наше дѣло было выиграно, мы не вступали болѣе въ споръ насчетъ удивительной теоріи, только что нами выслушанной, делегація подала каждому изъ насъ руку, не обративши, однако, никакого вниманія на Начальника дороги, все время молчаливо присутствовавшаго при нашихъ пререканіяхъ; кое-кто изъ служащихъ предложилъ намъ даже помочь снова нагрузить въ вагонъ вынутыя уже изъ него вещи, и мы благополучно отправились въ путь. Всѣ благодарили меня за участіе въ переговорахъ, и мы безъ всякаго приключенія доѣхали до Кисловодска, выйдя, однако, изъ вагона за полъ версты до станціи, т. к. на самой станціи сошелъ съ рельсъ какой-то вагонъ и загородилъ намъ путь.

Послѣ Петербурга и Москвы, съ ихъ ружейною и даже пушечною пальбою, Кисловодскъ произвелъ на насъ просто чарующее впечатлѣніе. Полная тишина, масса народа на улицахъ, и почти все петербургскіе знакомые, нарядные костюмы, рѣчь самая непринужденная и на самыя обыденныя темы, никакого помина о большевикахъ и — самоувѣренное заявленіе, что все это «петроградскія переживанія», которымъ чуть ли не завтра наступитъ конецъ, словомъ, полная идиллія и непринужденность въ условіяхъ жизни; — письма и газеты приходили въ то время очень

плохо. Меня забросали разспросами о петербургской и московской жизни, наперерывъ звали въ гости, чтобы предъявить диковиннаго свидѣтеля совершенно неизвѣстныхъ условій столичной жизни, но моимъ разсказамъ, а тѣмъ болѣе моимъ мрачнымъ выводамъ и заключеніямъ о ходѣ событій никто не вѣрилъ, и у всѣхъ сложилось убѣжденіе въ томъ, что мой пессимизмъ совершенно неоснователенъ; за мною упрочилась кличка «Ѳомы» и сложился даже новый глаголъ про мои разсказы: «Владиміръ Николаевичъ вѣчно ѳомитъ».

Мы скоро перебрались, благодаря Э. Л. Нобелю изъ крайне неудобнаго помѣщенія, отведеннаго намъ въ Грандъ Отелѣ, въ прекрасныя комнаты въ гостиницѣ Колосова, и жизнь потекла первое время совершенно спокойно и даже пріятно, благодаря, въ особенности, гостепріимству нашихъ друзей Кабатъ и Плеске, среди которыхъ мы проводили все наше время.

Два мѣсяца — до конца декабря — пролетѣли незамѣтно, и мы стали было думать уже о возвращеніи въ Петроградъ, т. к. уѣзжая, я условился съ Международнымъ Банкомъ, пригласившимъ меня въ свои Предсѣдатели Совѣта (послѣ моего неудачнаго 3-мѣсячнаго пребыванія въ Русскомъ для внѣшней торговли Банкѣ въ положеніи члена совѣта) вернуться къ 1-му января, чтобы съ начала года вступить въ текущую работу.

Я обезпечилъ себѣ даже мѣста на поѣздъ 2-го января и спокойно проводилъ время между нашими друзьями, массою знакомыхъ и прогулками почти всѣ дни въ одномъ и томъ же направленіи — къ храму воздуха и на горы за нимъ.

Омрачало наше пребываніе только отсутствіе вѣстей отъ близкихъ и друзей съ сѣвера и прекратившееся уже къ тому времени полученіе столичныхъ газетъ и писемъ. Мы жили вполнѣ отрѣзанные отъ всего міра и довольствовались однѣми ростовскими газетами, крайне скудно освѣщавшими намъ событія внѣ нашего замкнутаго мірка. Тревожило насъ также и вскорѣ обнаружившееся отсутствіе денегъ по аккредитивамъ и по текущимъ счетамъ. Государственный Банкъ пересталъ подрѣплять мѣстныя кассы денежными знаками, на посланныя кисловодскими Банками и частными лицами телеграммы съ оплаченными отвѣтами, — не было никакихъ отвѣтовъ, и сразу же возникъ вопросъ о необходимости изыскать какой-либо способъ завести свои денежные знаки, въ предѣлахъ суммъ открытыхъ столичными Банками кредитовъ.

Меня пригласили на совѣщаніе въ городскую управу, и городской голова Аванесіянъ, заявивши о томъ, что его политиче-

скія убѣжденія, какъ давняго соціалиста революціонера, весьма далеки отъ моихъ политическихъ взглядовъ, но онъ увѣренъ, что я не откажу предоставить мой опытъ на пользу города и его населенія, застигнутаго перерывомъ въ регулярныхъ сношеніяхъ съ центромъ совершенно врасплохъ и лишеннаго всякой возможности удовлетворять самыя насущныя свои потребности.

Это и было начало печатанія мѣстныхъ денегъ, которое впервые появилось въ Кисловодскѣ, а затѣмъ перекинулось впослѣдствіи чуть ли не на всю Россію.

Въ самомъ механизмѣ печатанія я уже не участвовалъ частью потому, что надѣялся уѣхать въ началѣ января обратно въ Петроградъ, главнымъ же образомъ, потому, что, резюмируя пренія въ организаціонномъ засѣданіи, тотъ же городской голова заявилъ, что къ дѣлу выпуска новыхъ денежныхъ знаковъ «разумѣется будутъ привлечены лица, облеченныя общественнымъ довѣріемъ». Я носилъ званіе почетнаго гражданина города Кисловодска, но меня городской голова не просилъ участвовать въ исполнительной комиссіи, и я никакого другого отношенія къ этой операціи болѣе не имѣлъ и зналъ объ ней только по разсказамъ Э. Л. Нобеля, который фактически и сталъ во главѣ этого предпріятія, — по крайней мѣрѣ, до выѣзда моего изъ Кисловодска въ половинѣ мая.

Въ концѣ декабря, передъ самыми Рождественскими праздниками, группа инженеровъ путей сообщенія, собравшихся въ Кисловодскѣ, стала налаживать, при помощи инженера Ландсберта — Начальника движенія Московско-Казанской дороги—особый поѣздъ въ Москву, внѣ обычнаго желѣзнодорожнаго сообщенія, которое къ тому времени если и не совсѣмъ еще прекратилось, то отличалось уже чрезвычайною нерегулярностью.

Мои попытки войти въ составъ отъѣзжавшихъ не имѣли успѣха, т. к. всѣ мѣста были заранѣе разобраны, да и мы не очень настаивали, будучи вполнѣ увѣрены въ томъ, что поѣздъ 2-го января пойдетъ. Всѣ увѣряли насъ въ этомъ, а агентъ Общества спальныхъ вагоновъ показалъ мнѣ даже телеграмму Петроградскаго правленія, утверждавшую расписаніе всѣхъ поѣздовъ со спальными вагонами на январь и февраль.

Инженеры уѣхали, подошло 2-ое января, но о поѣздахъ не было ничего слышно, и стали доходить до насъ все болѣе и болѣе тревожныя свѣдѣнія о перерывѣ всякаго сообщенія далѣе станціи Минеральныя Воды. Агенты Владикавказской дороги, въ особенности изъ числа лично знавшихъ меня, разсказывали открыто о томъ, что скоро совсѣмъ прекратится всякое сообщеніе и

останутся одни мѣстные поѣзда. Начальство дороги перестало появляться въ Кисловодскѣ, бывшій Предсѣдатель Правленія дороги В. Н. Печковскій, проживавшій въ вагонѣ на пустыхъ запасныхъ путяхъ около вокзала, пересталъ получать изъ Ростова, изъ Правленія, какія бы то ни было телеграммы, и въ одинъ прекрасный день, въ половинѣ января, къ нему пришелъ преданный ему человѣкъ, кажется помощникъ начальника станціи, и подъ величайшимъ секретомъ передалъ ему, что низшіе служащіе постановили на митингѣ ночью выселить его изъ вагона и забрать вагонъ въ свое распоряженіе. Онъ поспѣшилъ перебраться въ помѣщеніе вокзала, въ такъ называемыя Директорскія комнаты, и въ тотъ же вечеръ его вагонъ неизвѣстно куда исчезъ. День ото дня изолированность города отъ всего внѣшняго міра стновилась все болѣе и болѣе полною. Зато мѣстныя вѣсти становились все болѣе и болѣе жуткими. Въ Пятигорскѣ появились какія-то воинскія части, не подчинявшіяся мѣстнымъ воинскимъ властямъ. Во Владикавказѣ состоялась въ какомъ-то суммарномъ порядкѣ смѣна Наказнаго атамана, и появился выборный Атаманъ въ лицѣ члена Государственной Думы Караулова, который произнесъ крайне либеральную рѣчь, въ духѣ лѣвой кадетской программы, пріѣхалъ въ Кисловодскъ подъ усиленнымъ военнымъ конвоемъ, но на обратномъ пути, не доѣзжая до Владикавказа, былъ убитъ какою-то ворвавшеюся въ вагонъ бандою.

Въ Кисловодскѣ появился нѣкій господинъ Фигатнеръ, тотъ самый, который одно время состоялъ потомъ въ составѣ совѣтскаго посольства въ Парижѣ, и прочелъ рядъ лекцій въ курзалѣ на эсеровскую программу съ очевиднымъ сочувствіемъ большевисткому движенію.

Словомъ, становилось все тревожнѣе и тревожнѣе, но нельзя сказать, чтобы общество особенно волновалось. Жили сравнительно благодушно и спокойно и говорили только, что нужно обождать когда придутъ домой терскіе полки въ порядкѣ демобилизаціи, и тогда они наведутъ порядокъ у себя въ войскѣ и вытравятъ всѣ соціалистическія бредни. Доходили и другія бодрящія свѣдѣнія.

Время отъ времени изъ Ростова и Новочеркаска пріѣзжали разныя лица, а потомъ же стали сообщать и газеты, что Донъ встрепенулся, собирается съ силами, чтобы дать отпоръ большевистской грозѣ, идущей съ сѣвера. Калединъ взялъ власть въ руки. Къ нему пришелъ Корниловъ и къ нимъ обоимъ присоединился Генералъ Алексѣевъ. Нарождалась Добровольческая армія, и, по слухамъ, все шло къ тому, чтобы спасти съ юга нашу

родину отъ большевистскаго засилья. На мѣстѣ стали все болѣе и болѣе открыто говорить о томъ, что обѣ казачьи области — Терская и Кубанская рѣшили идти навстрѣчу этому спасительному движенію, но всѣ эти вѣсти были необычайно отрывочны, безсвязны и часто противорѣчивы. Никто ничего не зналъ толкомъ, и всѣ строили самыя невѣроятныя комбинаціи, доходившія до того, что нѣмцы двигаются на выручку Кисловодска, и проживавшая здѣсь Великая Княгиня Марія Павловна серьезно говорила мнѣ, что она имѣетъ точныя свѣдѣнія о томъ, что на-дняхъ подъ германскою охраною прибудетъ за нею поѣздъ, который отвезетъ ее въ Петроградъ, гдѣ все готово къ реставраціи и передачѣ ей всего, что отъ нея отобрано.

А рядомъ съ этимъ жизнь готовила все новыя и новыя испытанія. Какъ громомъ поразила всѣхъ дошедшая до насъ съ большимъ опозданіемъ вѣсть о томъ, что Государь и вся его семья, отвезены въ Тобольскъ. Меня стали разспрашивать, какъ я смотрю на это извѣстіе, и когда я сказалъ, что вижу въ этомъ самый роковой исходъ, меня обозвали сумасшедшимъ.

Не менѣе поразила вѣсть о кончинѣ отъ самоубійства Генерала Каледина, а когда очевидцы передали всѣ драматическія подробности этой кончины, для многихъ стало очевидно, что Дону не спасти Россіи.

Въ одинъ прекрасный день мы узнали рано утромъ, что подъ самымъ Кисловодскомъ, въ казачьей станицѣ произошло нѣчто совершенно непонятное: изъ Пятигорска на поѣздѣ прибыли двѣ роты солдатъ съ пулеметами и обезоружили всю станицу, причемъ казаки сами указывали, гдѣ у нихъ спрятано оружіе.

Станица насчитывала до 6.000 населенія, а вся разоружившая ее воинская часть не превышала 150 человѣкъ. Сейчасъ, спустя столько лѣтъ послѣ всѣхъ этихъ событій, ихъ послѣдовательный ходъ какъ-то спутался, и отдѣльные эпизоды, во время не записанные, перемѣшались одинъ съ другимъ, но общій ихъ ходъ остался яснымъ на всю жизнь. Тревога, изъ-за которой мы бѣжали съ сѣвера, охватила насъ своими клещами, и на югѣ становилось даже хуже, чѣмъ въ Петроградѣ, потому что неизвѣстность окружающаго и невозможность освѣтить событія какимъ бы то ни было способомъ, дѣлалась просто невыносимой, и душою владѣло одно желаніе — уѣхать изъ этого каменнаго мѣшка какимъ бы то ни было путемъ, вырваться изъ закоулка, въ который загнала насъ судьба. Это настроеніе становилось просто какимъ-то непреодолимымъ влеченіемъ. Я ни о чемъ другомъ не могъ думать и говорить съ близкими, и всѣ силы и все воображеніе были

направлены только въ эту сторону. Къ тому же присоединилось и одно совершенно неожиданное обстоятельство личнаго свойства.

Въ самомъ началѣ января проживавшій у Княгини Дундуковой-Корсаковой членъ Государственнаго Совѣта Крашенниковъ былъ арестованъ послѣ ночного обыска, сопровождавшагося величайшимъ глумленіемъ и оскорбленіемъ солдатъ и какихъ-то штатскихъ, не предъявившихъ даже никакого документа о своей личности, его отвезли въ Пятигорскъ. Почти одновременно съ тѣмъ жившій у Колосова вмѣстѣ со мною бывшій Наказной Атаманъ Кубанскаго Войска М.П.Бабичъ былъ также арестованъ и отвезенъ туда же, но черезъ нѣсколько дней освобожденъ по требованію какихъ-то горцевъ, пригрозившихъ, что они разнесутъ Пятигорскъ и Владикавказъ, если Генералъ Бабичъ не будетъ освобожденъ. Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда на Сѣверъ Генералъ Бабичъ былъ снова арестованъ, отвезенъ въ Пятигорскъ и—тамъ разстрѣлянъ, Горцы его не спасли. Въ это самое время умеръ послѣ короткой болѣзни мой другъ и товарищъ по Лицею В. И. Сафоновъ.

Наканунѣ его похоронъ мы сидѣли вечеромъ, какъ всегда, на дачѣ у его сестры А. И. Кабатъ и собирались уже идти къ себѣ въ гостиницу, какъ неожиданно, въ сравнительно поздній часъ, пришелъ туда жившій на той же улицѣ Н. Н. Флиге и, вызвавши меня изъ кабинета, сказалъ мнѣ, что слышалъ только что въ одномъ домѣ (онъ не сказалъ мнѣ въ какомъ именно, но прибавилъ, что отъ человѣка, состоящаго въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ управленімъ въ Пятигорскѣ и Владикавказѣ), что въ эту ночь я буду арестованъ. Скрыть сдѣланное сообщеніе не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что близкая намъ дама А. И. К. слышала конецъ разговора и прибавила, что и она слышала отъ своего племянника по мужу о томъ же еще три дня тому назадъ, но не передала мнѣ, т. к. не придавала этому значенія, въ виду самыхъ разнородныхъ слуховъ, циркулирующихъ по городу.

Всѣ наши дамы, конечно, всполошились, начались разговоры о томъ — что дѣлать, и всѣ въ одинъ голосъ сказали, что мнѣ нужно уѣхать съ ночнымъ же поѣздомъ въ Ессентуки, гдѣ казачья станица до сихъ поръ не сдала еще никому управленія городомъ и не выдастъ гостя. Послѣ разоруженія Кисловодской станицы этотъ аргументъ не имѣлъ въ моихъ глазахъ никакой цѣны, а главное, мнѣ казалось, что убѣгая изъ Кисловодска и не зная даже гдѣ могу я преклонить голову въ неизвѣстномъ мѣстѣ ночью, я не только не избавлю себя отъ опасности, но даже увеличиваю ее, т. к. до Ессентуковъ всего 20 верстъ и на такомъ разстояніи не-

куда мнѣ скрыться. Я рѣшилъ не двигаться и вернуться въ гостиницу Колосова и тамъ — ждать своей участи.

Какъ прошла ночь, что было опять пережито, — объ этомъ не стоитъ говорить. Мы съ женою не смыкали глазъ, все поджидая, когда явятся арестовать меня, и при малѣйшемъ шорохѣ я вставалъ съ кровати, подходилъ къ окну, но улица была пуста и тиха и никакого скопленія у подъѣзда не было.

Рано утромъ мы встали, я прошелся до вокзала, встрѣтилъ на Головинскомъ проспектѣ близкаго городскому головѣ члена управы, поговорилъ съ нимъ о совершенно постороннихъ вещахъ, зашелъ домой за женой, и мы пошли въ церковь на похороны моего друга, извѣстнаго музыкальнаго дирижера В. И. Сафонова.

Возвращаясь съ погребенія вмѣстѣ съ Нобелемъ, я разсказалъ ему о томъ, что мнѣ сообщено, и просилъ его въ осторожной формѣ узнать у городского головы, что̀ справедливо въ этомъ сообщеніи.

Въ этотъ же день Нобель зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что Аванесьянъ не слышалъ о предстоящемъ моемъ арестѣ, хотя по своимъ отношеніямъ къ правителямъ сѣвернаго Кавказа долженъ былъ бы знать объ этомъ, но думаетъ, что я поступлю благоразумно, если покину Кисловодскъ и вообще группу Водъ, т. к. скопленіе здѣсь бывшихъ высокопоставленныхъ лицъ обращаетъ на нихъ слишкомъ много вниманія и вредно для города. Въ тотъ же день я просилъ Нобеля передать городскому головѣ, что я только и думаю, что объ отъѣздѣ и заявляю ему, что выѣду при первой возможности найти какое-либо мѣсто на первомъ отходящемъ поѣздѣ. Послѣ этого никто ко мнѣ не обращался, никто мнѣ ничѣмъ не угрожалъ, и мы продолжали жить тою же нервною жизнью, запертые въ мѣшкѣ и безъ всякой возможности выбраться изъ него.

Безвыходность нашего положенія усугублялась еще тѣмъ, что кое-кто изъ обитателей Кисловодска рѣшался время отъ времени добираться мѣстными поѣздами до узловой станціи Минеральныя Воды съ цѣлью попасть на какой-либо проходящій поѣздъ въ сторону Ростова. Но многіе, прождавши тщетно по 2 или по 3 дня на морозѣ на разныхъ станціяхъ, возвращались въ тотъ же Кисловодскъ, разсказывая о безчинствѣ солдатъ, заполнявшихъ всѣ проходящіе товарные поѣзда, объ ограбленіи ихъ въ пути, о стрѣльбѣ въ беззащитныхъ людей и т. д. Были смѣльчаки, добравшіеся кто до Армавира, кто до ст. Кавказской и опять возвращавшіеся вспять и разсказывавшіе о настоящихъ бояхъ между неизвѣстно какими именно воинскими частями, и

такіе разсказы только убѣждали насъ въ томъ, что пускаться въ рискованный путь и безполезно и не безопасно. Время тянулось безконечно, и неизвѣстность только усугубляла нервное состояніе.

Въ началѣ марта до меня дошло, послѣ долгихъ мѣсяцевъ отсутствія всякаго сообщенія, письмо отъ Н. Н. Покровскаго съ извѣщеніемъ, что согласно Брестъ Литовскаго договора, въ Петроградѣ образовался Союзъ защиты русскихъ интересовъ въ Германіи, въ соотвѣтствіи съ такимъ же Союзомъ, образованнымъ нѣмцами еще въ началѣ войны для защиты ихъ интересовъ въ Россіи, и что Предсѣдателемъ Союза и его Комитета единогласно избранъ я, а онъ вступилъ въ него въ званіи Товарища Предсѣдателя и просилъ меня при первой же возможности пріѣхать, осторожно намекая на то, что это избраніе заявлено куда слѣдуетъ, и что къ моему пріѣзду нѣтъ никакихъ препятствій.

Какъ разъ въ это время до Кисловодска дошло распоряженіе власти, запрещавшее въѣздъ въ Москву и Петроградъ безъ разрѣшенія совѣтовъ тѣхъ мѣстъ, откуда произошелъ выѣздъ. Мнѣ предстояло поэтому хлопотать о полученіи такого разрѣшенія въ Кисловодскомъ совдепѣ, къ чему я и приступилъ. Нужно было начать съ такъ называемаго выправленія новаго вида на жительство, безъ упоминанія въ немъ моего прежняго званія Министра, члена Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаря и т. д. Городская управа дала мнѣ удостовѣреніе, что я состою почетнымъ гражданиномъ города Кисловодска, и съ этимъ документомъ я отправился въ комиссаріатъ. Долго вертѣли тамъ мою бумажку и кончили тѣмъ, что заявили, что теперь нѣтъ болѣе никакихъ почетныхъ гражданъ, т. к. всѣ «отличія» отпали, и выдали мнѣ документъ на право жительства какъ «гражданину г. Кисловодска, имѣющему при себѣ жену Анну», и съ этимъ я явился въ Совдепъ, засѣдавшій на несуществующей теперь болѣе Тополевой Аллеѣ. Долго объяснялъ я, что мнѣ нужно ѣхать въ Петроградъ по «общественной» надобности, что я избранъ съ вѣдома народныхъ комиссаровъ Предсѣдателемъ Союза защиты правъ русскихъ гражданъ въ Германіи, но видно было, что всѣ мои объясненія мало понятны товарищу Соколову, товарищу предсѣдателя Совдепа, и въ результатѣ моего разъясненія я услышалъ: «а намъ-то какое дѣло, и поѣзжайте, если Вамъ нужно, это насъ совершенно не касается». Мнѣ пришлось тогда сослаться на декретъ, воспрещающій въѣздъ въ столицу безъ разрѣшенія совдепа мѣста выѣзда, но я услышалъ въ отвѣтъ: «откуда Вы взяли? Такого дурацкаго декрета нѣтъ и быть не можетъ».

Я вынулъ изъ кармана приложенный Покровскимъ декретъ и выданный на основаніи его документъ на право выѣзда, при условіи полученія разрѣшенія съ мѣста выѣзда, и сердце товарища Соколова смягчилось. Онъ попросилъ меня въ сравнительно вѣжливой формѣ «одолжить ему декретъ, который до насъ еще не дошелъ, а можетъ быть и никогда не дойдетъ» и обѣщалъ дать разрѣшительный документъ завтра. Я предложилъ ему снять копію съ декрета и выданнаго мнѣ разрѣшенія на выѣздъ, онъ позвалъ какую-то барышню съ неимовѣрнымъ количествомъ колецъ на рукахъ и приказалъ ей составить для меня документъ, а самъ ушелъ, сказавши, что вернется сейчасъ же. Барышня предложила мнѣ составить документъ, тутъ же его перестукала, и вмѣстѣ съ нею мы стали ждать товарища предсѣдателя, который явился только черезъ часъ, подписалъ бумажку не читая ея, приложилъ къ ней почему-то пять печатей, съ меня взыскали 10 рублей, а я списалъ копію декрета и вручилъ товарищу Соколову. Послѣ этого я усугубилъ мои хлопоты по выѣзду, но до половины апрѣля онѣ не привели ни къ чему.

Тѣмъ временемъ положеніе все ухудшалось и ухудшалось. Изъ Владикавказа участились наѣзды властей, и каждый пріѣздъ сопровождался все болѣе и болѣе мрачными слухами и даже распоряженіями. Вокзалъ желѣзной дороги сталъ походить на вооруженный пунктъ, въ которомъ скоплялись вагоны, а иногда и цѣлые поѣзда, наполненные солдатами, и участились обыски, наклеивались распоряженія о предъявленіи оружія и о регистраціи военныхъ служащихъ и въ особенности офицеровъ, и въ одинъ прекрасный день по всему городу расклеено было распоряженіе Областного совдепа (Владикавказскаго) о томъ, что на жителей г. Кисловодска наложена «контрибуція» въ пять милліоновъ рублей, которая подлежитъ разверсткѣ между «гражданами» распоряженіемъ особаго Комитета, образованнаго самими гражданами, которому и принадлежитъ дискреціонная власть въ распредѣленіи контрибуціи по установленнымъ имъ признакамъ, при чемъ Комитетъ и его члены отвѣтственны передъ Областнымъ Совдепомъ за взысканіе всей суммы. На слѣдующій день прибыли члены Совдепа и вызвали «гражданъ» по особому списку въ Грандъ-Отель, гдѣ и заявили, что «разсужденій не примутъ, дается двухъ-недѣльный срокъ, а при неисполненіи распоряженія приглашенные лично ознакомятся съ условіями жизни во Владикавказской тюрьмѣ, помѣщенія которой вполнѣ достаточны для помѣщенія всѣхъ, нежелающихъ идти навстрѣчу распоряженіямъ народной власти».

Я не попалъ въ число приглашенныхъ въ Грандъ-Отель. Началась тягостная эпопея разверстки, оцѣнки, степени состоятельности «гражданъ», споры между собою и самыя недвусмысленныя попытки уличить другъ друга въ неправильности показаній. Не хочется вспоминать этихъ черныхъ дней. Лично я не испыталъ на себѣ всей прелести разверстки контрибуціи, т. к. послѣ опроса о томъ, что я имѣю въ наличности, я предъявилъ неоплоченный мнѣ Отдѣленіемъ Азовскаго Банка кредитивъ на 10.000 рублей, изъ котораго не нашли возможнымъ взять что-либо, но объявили мнѣ, что съ меня взыскивается въ уплату контрибуціи 3.000 рублей, которыя я могу уплатить порученіемъ Государственному Банку взять изъ моего вклада % % бумагъ на храненіи. Я безпрекословно подчинился этому требованію, хотя до насъ въ то время еще не дошелъ декретъ объ аннулированіи всѣхъ государственныхъ займовъ и цѣнностей, выпущенныхъ акціонерными предпріятіями, да и возможность такого аннулированія никому не приходила въ голову. Въ уплатѣ такой контрибуціи мнѣ выдано было удостовѣреніе съ прибавкою, что за мной не числится никакихъ сборовъ на общественныя и народныя нужды.

Приблизительно въ то время какъ весь Кисловодскъ переживалъ контрибуціонную эпопею я проходилъ какъ-то утромъ черезъ вокзалъ, отличавшійся уже давно полнымъ отсутствіемъ поѣздовъ и даже отдѣльныхъ вагоновъ и былъ до крайности пораженъ, увидѣвъ на путяхъ потрепаннаго вида вагонъ международнаго Общества спальныхъ вагоновъ. Подойдя къ нему, я нашелъ, что онъ запертъ, проводника нѣтъ, и никто на вокзалѣ ничего не знаетъ о его появленіи. Въ конторѣ начальника станціи, гдѣ со мною всегда были, по старой памяти, вѣжливы, мнѣ сказали, что «пріѣхала шведская миссія за г. Нобелемъ, чтобы везти его прямо въ Швецію, по требованію тамошняго правительства».

Я побѣжалъ въ Грандъ-Отель къ Э. Л. Нобелю, но получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ и ни о какомъ вагонѣ ничего не слышалъ.

На другой день онъ пришелъ ко мнѣ на дачу Кабатъ и сказалъ, что пріѣхала не шведская, а швейцарская миссія, съ какимъ-то г. Гутомъ во главѣ, и она прибыла за семьею его брата Густава, а вовсе не за нимъ, и что онъ и не собирается никуда уѣзжать.

Я узналъ, что г. Гутъ остановился въ гостиницѣ «Россія», разыскалъ его и узналъ тутъ же отъ него, что никакой шведской

или швейцарской миссіи нѣтъ, а существуетъ онъ, г-нъ Гутъ, съ женою, пробирающіеся изъ Владикавказа въ Петроградъ. Они имѣютъ порученіе отъ своихъ друзей вывезти изъ Кисловодска не столько самого Э. Л. Нобеля, сколько жену его брата и нѣкую М-мъ Г. жену компаньона Гута по содержанію маленькой комиссіонерской конторы на Невскомъ проспектѣ.

Изъ первыхъ нашихъ разговоровъ выяснилась любопытная сторона современныхъ нравовъ новаго порядка вещей. М-мъ Гутъ проводила лѣто въ Анапѣ и послѣ окончанія лечебнаго сезона соблазнилась разсказами какого-то терскаго генерала о прекрасныхъ условіяхъ жизни во Владикавказѣ, подъ охраною терскихъ казаковъ. Поѣхала туда на мѣсяцъ, но не могла выѣхать и осталась на всю зиму. Такой же участи подверглась въ Кисловодскѣ, но, повидимому, по другимъ причинамъ, жена компаньона Гута мадамъ Г., и всѣ попытки ея отца склонить ее вернуться въ Петроградъ для переѣзда, обезпеченнаго ей съ дѣтьми оттуда, заграницу, не приводили ни къ какому результату. Тогда отецъ мадамъ Г., вмѣстѣ съ нѣкоторыми близкими, собрали 20.000 рублей, воспользовались ловкостью Гута и помощью ея, получили въ ихъ пользованіе вагонъ Международнаго Общества Спальныхъ вагоновъ, потрепанный съ вида, но вполнѣ исправный для передвиженія, и снарядили г. Гута въ далекій путь.

Любопытная фигура этотъ г. Гутъ. Швейцарскій подданный, женатый на француженкѣ, плохо говорящій рѣшительно на всѣхъ языкахъ, чрезвычайно ловкій и вкрадчивый въ личныхъ отношеніяхъ, онъ имѣлъ какую-то особую сноровку втирать очки всевозможнымъ большевистскимъ провинціальнымъ агентамъ. Благодаря этому свойству, онъ устроилъ какое-то невѣроятное удостовѣреніе о томъ, что онъ командируется, съ разрѣшенія Швейцарской миссіи, на Кавказъ для собранія свѣдѣній о проживающихъ на Кавказѣ швейцарскихъ подданныхъ и для вывоза ихъ въ Петроградъ. Какъ получилъ онъ бланкъ миссіи, кѣмъ онъ былъ подписанъ, я не знаю, но видѣлъ не разъ этотъ любопытный документъ и могу только сказать, что онъ былъ весь испещренъ всевозможными печатями швейцарской миссіи разныхъ цвѣтовъ на всѣхъ страницахъ, наверху, внизу, на поляхъ и т. д. и на вопросъ мой для чего это нужно, я получилъ отвѣтъ, что это очень дѣйствуетъ при осмотрахъ въ пути всякими красноармейцами и мелкими агентами власти.

Во время нашего переѣзда въ Петроградъ мнѣ пришлось дважды воочію убѣдиться, что это было на самомъ дѣлѣ такъ.

Послѣ перваго нашего знакомства и въ особенности, когда

мнѣ удалось ближе познакомиться съ г. Гуть и его женой, начались мучительныя мои попытки получить возможность переѣзда въ Петроградъ въ этомъ случайномъ вагонѣ. Не стоитъ передавать всѣхъ перипетій, тянувшихся болѣе двухъ недѣль. Отъ Гута я получилъ полное содѣйствіе и долженъ отдать ему всю дань моей благодарности и могу и теперь сказать, что не помоги онъ намъ выбраться изъ Кисловодска, мы несомнѣнно погибли бы тамъ въ водоворотѣ событій, нагрянувшихъ на этотъ несчастный городъ тотчасъ послѣ нашего отъѣзда. И тутъ, какъ и во многомъ, случай, а я говорю счастливый рокъ или просто милость Божія — помогли намъ.

Одни за другими лица, имѣвшія преимущество передъ нами, стали отказываться отъ выѣзда изъ Кисловодска. Первый отказался Э. Л. Нобель и сказалъ приэтомъ, что проситъ отдать предпочтеніе, передъ всѣми просящими о мѣстахъ, мнѣ съ женою. До послѣдней минуты отказывалась ѣхать мадамъ Г. и подъ предлогомъ неразрѣшенности ея вопроса, два отдѣленія не были пущены въ общій оборотъ, въ которомъ соревновали въ стремленіи сорвать наибольшую взятку, агентъ Общества Спальныхъ вагоновъ, настаивавшій на его правѣ распредѣлять мѣста, и какіе-то служащія желѣзной дороги, требовавшіе себѣ тоже нѣсколько мѣстъ въ вагонѣ, подъ весьма простымъ аргументомъ: «не пустимъ прицѣпить вагонъ къ поѣзду, если не получимъ мѣстъ для нашей продажи».

Около 10 мая всѣ пререканія были улажены, отдѣленія расписаны, мнѣ выдали билетъ на мое отдѣленіе и оставалось только ждать выѣзда. Прошла недѣля и никакихъ поѣздовъ далѣе станціи Минеральныя Воды не было. Наконецъ, утромъ 15-го мая Гутъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что получилъ категорическое обѣщаніе, что нашъ вагонъ будетъ прицѣпленъ въ Минеральныхъ Водахъ къ первому сквозному Московскому поѣзду послѣ почти мѣсячнаго перерыва въ сообщеніи съ сѣверомъ.

Днемъ мы уложили все, что только можно было помѣстить въ нашемъ отдѣленіи, для безопасности оплатили весь багажъ сборомъ, какъ бы онъ шелъ отдѣльно отъ нашего купэ, провели послѣдній вечеръ вмѣстѣ съ нашими близкими и къ двумъ часамъ дня 16-го мая были на вокзалѣ. Многіе пришли проводить насъ. Одни завидывали намъ, другіе съ грустью смотрѣли на нашъ отъѣздъ, не зная чѣмъ можетъ ознаменоваться наше путешествіе.

Только около самаго вагона узнали мы кто именно ѣдетъ съ нами. Оказалось, что на 18-ти нормальныхъ мѣстахъ ѣдетъ 32

человѣка, не считая трехъ проводниковъ, присоединившихся къ намъ изъ числа агентовъ Общества, застрявшихъ на сѣверномъ Кавказѣ. Тутъ были — супруги Гутъ, мужъ и жена Базилевскіе (московскій губернскій Предводитель), заплатившіе, кромѣ проѣздной платы, агенту Международнаго Общества 1.000 рублей, дѣти пѣвца Шаляпина съ двумя гувернантками, мадамъ Г. съ дѣтьми, которую удалось уговорить только въ послѣднюю минуту согласиться на отъѣздъ, нѣкая мадамъ Лившицъ съ компаньонкой, какія-то еще двѣ семьи, во весь 9-тидневный путь не проронившія ни слова ни съ кѣмъ изъ насъ, и наконецъ, въ послѣднемъ отдѣленіи 2-го класса на четырехъ мѣстахъ — семейство богатаго лѣсопромышленника и хлѣботорговца Г. изъ 10-ти душъ.

Выѣздъ изъ Кисловодска сопровождался совершенно неожиданными осложненіями. Собирались было уже подавать паровозъ, когда появился представитель мѣстнаго совдепа и сталъ провѣрять документы на право выѣзда. Молчаливо разсмотрѣвши всѣ документы, онъ заявилъ, что могутъ ѣхать только гражданинъ Коковцовъ съ женою и дѣти Шаляпина, а остальные не имѣютъ права на выѣздъ до новаго постановленія совдепа. Локомотивъ отказали прицѣпить, и мы всѣ остались около вагона. Гутъ побѣжалъ въ совдепъ, и черезъ часъ явился новый представитель власти, опять пересмотрѣлъ документы, взялъ кое съ кого какіе-то недоплаченные сборы и объявилъ, что всѣ могутъ ѣхать. Но паровоза не было и начались новые переговоры съ желѣзною дорогою, которая послѣ утомительныхъ объясненій согласилась, наконецъ, дать паровозъ и отправить насъ въ 8 часовъ вечера.

Почти безъ опозданія мы выѣхали изъ Кисловодска, проѣхали безъ остановки Ессентуки и прибыли въ Пятигорскъ. Едва успѣлъ нашъ маленькій поѣздъ остановиться у переполненной какъ всегда станціи, какъ коридоръ нашего вагона наполнился вооруженными солдатами и раздалась команда: «приготовить пачпорта, не выходить изъ отдѣленій». Мое отдѣленіе было какъ разъ посрединѣ вагона, но къ намъ зашли позже, пройдя мимо насъ.

Я разложилъ на столикѣ всѣ три моихъ документа: разрѣшеніе Кисловодскаго совдепа на выѣздъ изъ Кисловодска для проѣзда въ Петроградъ съ остановкой, если пожелаю, въ Москвѣ, удостовѣреніе въ уплатѣ контрибуціи съ указаніемъ, что за мной не числится никакихъ сборовъ или недоимокъ, и удостовѣреніе личности, выданное, какъ я упомянулъ выше, на имя гражданина

такого-то съ женою Анною. Вошелъ старшій, долго осматривалъ бумаги, а затѣмъ, не сдѣлавши мнѣ никакихъ замѣчаній, обратился къ стоявшимъ въ коридорѣ солдатамъ со словами: «этотъ ѣхать не можетъ, посмотрите, чтобы вещи были вытружены, да поскорѣе, чтобъ не задерживать поѣзда».

На мое заявленіе, что у меня всѣ документы въ полномъ порядкѣ, и что Кисловодскій совдепъ нашелъ, что мои бумаги полнѣе всѣхъ остальныхъ, послѣдовалъ отвѣтъ: «нѣтъ разрѣшенія Пятигорскаго совдепа, намъ Кисловодскій не указъ» и опять «выноси вещи». Я буквально не зналъ, что мнѣ дѣлать и не скрываю того, что въ эту минуту я испытывалъ величайшее волненіе. Мнѣ было ясно, что не выбравшись теперь, я окончательно застревалъ на Кавказѣ. Гутъ побѣжалъ къ старшему и сталъ ему что-то говорить, чего положительно нельзя было понять. Слышалось только: «я отвѣчаю, такъ какъ я комендантъ поѣзда, и вотъ порученіе швейцарскаго посольства».

Солдатъ опять вошелъ ко мнѣ и потребовалъ бумаги. Онѣ лежали на томъ же мѣстѣ на столикѣ, гдѣ онъ ихъ раньше осматривалъ. Не взявши въ руки ни одной изъ нихъ, онъ крикнулъ — а гдѣ бумага о контрибуціи? Я показалъ ее, онъ долго разсматривалъ ее, потомъ совершенно невозмутимо повернулся къ стоявшимъ въ коридорѣ и сказалъ: «теперь все въ порядкѣ, можно оставить, пущай ѣдутъ». Всѣ вышли. Стоявшіе въ недоумѣніи наши знакомые изъ Пятигорска, пришедшіе проститься съ нами, поцѣловали насъ, и поѣздъ сейчасъ же и двинулся въ путь. Отлегло отъ сердца. Я спросилъ Гута, чѣмъ убѣдилъ онъ этихъ господъ, т. к. я не понялъ ни одного слова изъ его аргументовъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: «да я и самъ ничего не понялъ, только я знаю, что нужно говорить какъ можно больше непонятныхъ словъ, а можетъ быть и ихъ смутили мои печати, которыя меня ужъ не разъ выручали».

До Минеральныхъ Водъ мы не рѣшались ложиться спать, не зная, какой сюрпризъ можетъ ожидать насъ на этой узловой станціи, тѣмъ болѣе, что въ Кисловодскѣ насъ предупредилъ прежній помощникъ начальника станціи, что тамъ дѣлаютъ что̀ хотятъ и управы на служащихъ никакой нѣтъ.

Всѣ разбрелись по отдѣленіямъ и никто, видимо, не волновался, кромѣ насъ обоихъ и Гута.

Къ станціи Минеральныя Воды мы подошли уже поздно, около часу ночи. Было совсѣмъ темно, и сѣялъ мелкій осенній дождь. Какъ только поѣздъ остановился, мы съ Гутомъ пошли разыскивать дежурнаго по станціи, но его нигдѣ не было. Гдѣ-то

вдали мы замѣтили мелькающій огонекъ фонаря и набрели на составителя поѣздовъ, съ которымъ и вошли въ переговоры. Оказалось, что онъ одинъ на всей станціи и готовъ помочь намъ включить и нашъ вагонъ въ поѣздъ, который готовится къ отходу на Тихорѣцкую. Мы не обратили вниманія на то, что онъ сказалъ, что тутъ еще два вагона стоятъ на путяхъ, такъ «вотъ и вы попадете съ ними вмѣстяхъ». Мы стали сопровождать его во всѣхъ его передвиженіяхъ по путямъ, вручили ему для вѣрности 25 рублей, на что и получили отвѣтъ: «будьте безъ сумленія, все будетъ въ аккуратѣ», и дѣйствительно, скоро подошелъ паровозъ и начались маневры. Мы пошли къ вагону, я успокоилъ жену, посовѣтовалъ ей раздѣться и лечь спать, а самъ сталъ ждать прицѣпки. Она не замедлилась, нашъ вагонъ выключили изъ Кисловодскаго поѣзда и поставили въ середину длиннѣйшаго поѣзда, состоявшаго сплошь изъ товарныхъ вагоновъ. Мнѣ показалось только, что мы попали между какими-то классными вагонами, они были безъ огней, и никто изъ нихъ не показывался. Сравнительно скоро тотъ же составитель подошелъ къ намъ и сказалъ: «ну теперь все въ порядкѣ», получилъ отъ насъ еще 25 рублей, мы вошли въ вагонъ и скоро, безъ всякаго звонка, поѣздъ сталъ двигаться. Я раздѣлся, легъ и безъ просыпа проспалъ до самаго утра.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда я проснулся, жена давно встала, одѣлась и разговаривала съ кѣмъ-то въ коридорѣ. Поѣздъ медленно подходилъ къ станціи.

Оказалось, что мы благополучно проѣхали страшный Армавиръ, про который говорили въ Кисловодскѣ, что тамъ идутъ ежедневные бои, и подходили къ станціи Кавказской, на которой простояли очень недолго и безъ всякихъ приключеній и съ малыми остановками пошли дальше. На станціи я замѣтилъ, что впереди нашего вагона идетъ сильно побитый вагонъ 1-го класса, съ разбитыми стеклами въ окнахъ, а позади другой вагонъ, съ надписью: «вагонъ-мастерская — телеграфъ». Изъ перваго выглядывали солдаты, а второй былъ запертъ, и въ немъ не было никакихъ признаковъ жизни. Всѣ остальные вагоны были сплошь товарные, но биткомъ набитые людьми. Изъ одного изъ нихъ выглядывало знакомое лицо Князя Урусова, члена Государственнаго Совѣта по выборамъ, смоленскаго предводителя дворянства...

Около двухъ часовъ дня мы добрались до самаго опаснаго мѣста — станціи Тихорѣцкой. По дорогѣ были разговоры среди проводниковъ нашего вагона, что впереди этой станціи, въ сторону Ростова идутъ, будто бы, въ пяти верстахъ бои, но съ кѣмъ и

какими силами они ведутся — объ этомъ никто ничего не зналъ. Мы понимали также, что отъ этого узла зависѣло въ большой степени наше благополучіе — продвинуться на сѣверъ или застрять въ новой неизвѣстности.

Какъ только поѣздъ остановился, Гутъ, проявлявшій величайшую заботливость обо всемъ, побѣжалъ узнавать о времени отхода поѣзда, скоро вернулся, вызвалъ меня изъ вагона и сказалъ, что дежурный по станціи требуетъ за прицѣпку вагона 500 рублей, обѣщаетъ, въ случаѣ уплаты, отправить насъ черезъ 20 минутъ, но оговариваясь при этомъ, что раньше, какъ завтра, другого поѣзда совсѣмъ не будетъ, а будетъ ли завтра, — это тоже неизвѣстно. Не говоря никому изъ нашихъ спутниковъ и рѣшившись, въ случаѣ благополучнаго прибытія въ Петроградъ, просто разложить на всѣхъ путевые расходы, мы условились уплатить эту сумму. Гутъ снова побѣжалъ на станцію и черезъ нѣсколько минутъ подошелъ паровозъ, отцѣпилъ три вагона и увелъ ихъ на другой путь, включать въ новый поѣздъ. Я остался на платформѣ, т. к. агентъ дороги на мой вопросъ отвѣтилъ, что поѣздъ подойдетъ къ той же платформѣ, только съ другой стороны. На той же платформѣ стояла кучка солдатъ изъ сосѣдняго вагона перваго класса, съ какимъ-то, маленькаго роста, человѣкомъ въ морской формѣ.

Пока я ждалъ подачи вагона, этотъ господинъ подошелъ ко мнѣ и между нами произошелъ слѣдующій, памятный для меня, діалогъ:

Онъ. А вѣдь мы знаемъ, гражданинъ, ктò Вы будете.

Я. Я не скрываюсь и, какъ видите, ѣду въ обычной одеждѣ и даже въ старой моей шляпѣ.

Онъ. Да Вамъ чего же скрываться, вѣдь мы хорошо знаемъ, что товарищъ Троцкій пригласилъ Васъ къ себѣ въ помощники, чтобъ помочь ему привести въ порядокъ хозяйство арміи, только позвольте Вамъ замѣтить, что ничего Вы путнаго не сдѣлаете.

Не трудно себѣ представить какое ошеломляющее впечатлѣніе произвели на меня эти слова. Я буквально не зналъ какъ реагировать на нихъ, потому что ясно понималъ, что ни опровергать этого нелѣпаго слуха, ни подтверждать его, мнѣ не слѣдовало. Изъ моего минутнаго затрудненія меня вывели дальнѣйшія слова моего собесѣдника:

— «Мы сами люди военные и хорошо понимаемъ, что армія требуетъ дисциплины и послушанія и безъ нихъ ничего сдѣлать нельзя, а кто же теперь кого согласенъ слушать?»

Я. Ну что же, если Вы сами говорите, что никто теперь ни-

кого не слушаетъ, значитъ, если ничего нельзя подѣлать, то никто не можетъ и обвинять въ неуспѣхѣ того, кто не могъ выполнить изъ-за того, что всякій слушается только самого себя. По крайней мѣрѣ, нельзя обвинять того, кто хотѣлъ что-то сдѣлать, но ему помѣшалъ общій развалъ.

Онъ. Это Вы справедливо говорите, гражданинъ, и, обращаясь къ стоявшимъ поодаль своимъ товарищамъ и подозвавши ихъ, говоритъ имъ: «а вѣдь гражданинъ Коковцовъ говоритъ правильно, что нельзя отказываться служить обчему дѣлу отъ того, что никто теперь никого не почитаетъ. Значитъ виноваты будутъ тѣ, кто не хотятъ повиноваться, а не тотъ, кто старался, да ничего сдѣлать не могъ».

Въ отвѣтъ раздались дружные голоса: «правильно, правильно», и вся компанія потянулась ко мнѣ, пожимая руку. Въ эту минуту поѣздъ, въ составъ котораго включили три вагона, сталъ медленно подходить къ платформѣ, и моя жена съ удивленіемъ видитъ эту картину дружеской бесѣды моей съ компаніей матросовъ и солдатъ.

Откуда взяли они, что я ѣду на сѣверъ по приглашенію Троцкаго, дошелъ ли до нихъ слухъ о томъ, что я ѣду для того, чтобы вступить въ Комитетъ по защитѣ, учрежденной не безъ вѣдома большевиковъ организаціи по огражденію русскихъ интересовъ въ Германіи, — и какимъ образомъ въ ихъ мозгу получилось это невѣроятное представленіе — никто теперь не можетъ ничего сказать, но послѣдующія событія опять показали, что есть какая-то невѣдомая и неразгаданная судьба, которая покровительствовала намъ въ пути и отводила отъ нашей головы не разъ надвигающуюся опасность.

Мы скоро двинулись въ путь и до самаго вечера ѣхали вполнѣ благополучно. Подъ вечеръ мы подошли къ ст. Великокняжеской и, подходя къ вокзалу, медленно двигались между двухъ шпалеръ солдатъ: слѣва, по движенію поѣзда, плотно, плечомъ къ плечу стояли солдаты съ ружьями у ноги, а справа — такой же рядъ солдатъ безъ ружей, но съ ручными гранатами напоказъ, которыми они, какъ бы демонстративно помахивали передъ медленно подходившимъ поѣздомъ. Какъ только поѣздъ остановился, въ вагонъ вошли три человѣка — одинъ съ револьверомъ въ правой рукѣ, остальные два — съ винтовками. Навстрѣчу имъ вышелъ Гутъ съ широко раскрытымъ удостовѣреніемъ, испещреннымъ печатями, и сталъ говорить, по обыкновенію, неясно, на каждомъ словѣ повторяя «швейцарское посольство, я его уполномоченный, отвѣчаю за всѣхъ ѣдущихъ передъ посольствомъ»...

Послѣ глубокомысленнаго разсмотрѣнія этой бумаги, вошедшій громко крикнулъ: «никому не выходить изъ вагона, пока я не дозволю», и отправился въ сосѣдній вагонъ, въ которомъ ѣхали матросы. Не успѣла эта команда, вмѣстѣ съ примкнувшими къ ней еще новыми солдатами, войти въ вагонъ, какъ въ немъ раздался выстрѣлъ, и всѣ вошедшіе спѣшно высыпали изъ него, а оттуда послышались стоны и площадная брань. Оказалось, что при входѣ одинъ изъ солдатъ задѣлъ ружьемъ за дверь, раздался выстрѣлъ и пуля попала въ животъ одного изъ компаніи матросовъ. Раненаго вынесли, а вошедшіе для провѣрки такъ перепугались криковъ и брани матросовъ, что немедленно сняли всю охрану, куда-то исчезли, и мы оставались на станціи еще болѣе часа безъ всякой попытки производить какую-либо провѣрку и — уже довольно поздно двинулись въ путь.

Ночь прошла безъ всякихъ приключеній, если не считать, что около 4-хъ часовъ утра мы простояли почти два часа у закрытаго семафора и не могли двинуться дальше, пока помощникъ машиниста не сходилъ въ деревню, неподалеку отъ мѣста остановки, и не разыскалъ стрѣлочника, который невозмутимо сказалъ ему, что пошелъ къ себѣ просто домой и потребовалъ 10 рублей «за безпокойство», безъ чего не соглашался идти открыть семафоръ.

Въ Царицынѣ мы пробыли почти сутки — съ 5-ти часовъ вечера до 2-хъ часовъ слѣдующаго дня, и никто не зналъ когда насъ двинутъ въ дальнѣйшій путь и двинутъ ли вообще. Станція была запружена буквально тысячами всякаго народа, который, видимо, давно ждалъ возможности двинуться дальше. Большинство было мѣшечниковъ съ ничтожнымъ количествомъ муки и зерна у каждаго, купленныхъ тамъ, гдѣ каждому удалось найти его.

Передъ отходомъ поѣзда началась настоящая осада его: народъ набивался въ товарные вагоны, лѣзъ на крыши, висѣлъ на буферахъ и укрѣплялъ свои мѣшки, гдѣ только могъ. Насъ никто не трогалъ, и на нашъ вагонъ никто не покушался, несмотря на то, что на его стѣнкахъ красовалась мѣломъ сдѣланная надпись: «смерть буржуямъ» или «опрокинуть подъ откосъ» и, несмотря на самыя большія старанья нашихъ проводниковъ стирать эту литературу, она почти немедленно появлялась вновь. За сутки нашей стоянки въ Царицынѣ до насъ доходили самые невѣроятные слухи. То говорили, что поѣзду не стоитъ двигаться, т. к. въ 10 верстахъ стоятъ казаки и путь перекопанъ, то, что гдѣто идутъ бои и красные разбиты, но насъ все равно вернутъ на-

задъ. Произошелъ тутъ и небольшой инцидентъ личнаго свойства. Я проталкивался на телеграфъ, чтобы попытаться подать телеграмму сестрамъ въ Петроградъ и нашимъ друзьямъ въ Кисловодскъ и Пятигорскъ. Нигдѣ никакихъ надписей не было и никто не могъ мнѣ указать, гдѣ находится желѣзнодорожный телеграфъ. Я уже отчаялся добраться до цѣли, какъ ко мнѣ подошелъ какой-то штатскій и, титулуя меня «Ваше Сіятельство», спросилъ тихо, на ухо: «чѣмъ могу я служить Вамъ, я — помощникъ начальника станціи, но скрываю это потому, что меня изобьютъ, т. к. есть люди, которые ждутъ своей отправки болѣе 10 дней». Я объяснилъ ему мое желаніе, онъ повелъ меня куда-то во второй этажъ и по дорогѣ не совѣтовалъ тратить деньги на телеграммы «потому, что деньги возьмутъ и ни за что не отправятъ, — не такое теперь время, чтобы отправлять частныя депеши, а отъ денегъ кто же откажется». Я не послушался его, послалъ четыре телеграммы, но ни одна изъ нихъ, конечно, не дошла. На мой вопросъ, почему онъ меня знаетъ, этотъ господинъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ былъ однажды въ Государственной Думѣ и слышалъ мои возраженія Шингареву.

Двинулись мы въ путь съ величайшими предосторожностями. Гутъ, каждый разъ пытавшійся войти въ личные разговоры съ машинистомъ, передъ самымъ отходомъ поѣзда сказалъ мнѣ, что машинистъ заявилъ ему, что какъ только увидитъ казачій разъѣздъ, сейчасъ же вернется въ Царицынъ. На самомъ дѣлѣ, ни на 10-ой верстѣ, нигдѣ дальше мы не встрѣтили ни одной души и совершенно спокойно продолжали путь, а къ вечеру у всѣхъ было такое увѣренное настроеніе, что всѣ легли спать раньше обыкновеннаго.

Посреди ночи, когда было еще совсѣмъ темно, поѣздъ остановился и послышался какой-то гулъ голосовъ, потомъ опредѣленные крики, плачъ, чьи-то причитанья, бѣготня кругомъ нашего вагона, опять крики, угрозы, но все это не столько около нашего вагона, сколько впереди и позади его. Потомъ поѣздъ было пошелъ, опять остановился, снова раздался какой-то неясный шумъ, чей-то плачъ и чьи-то угрозы. Никто изъ насъ не выходилъ изъ своихъ отдѣленій и большинство спало мирнымъ сномъ.

Наконецъ, поѣздъ пошелъ, постепенно ускоряя движеніе, какъ будто уходя отъ чего-то; все смолкло и погрузилось въ сонъ. Заснулъ и я. На утро, уже довольно поздно, когда всѣ встали и вышли въ коридоръ, проводникъ разсказалъ мнѣ, что на ст. Богоявленской весь поѣздъ ограбили до чиста желѣзнодорожные рабочіе, которые отняли у мѣшечниковъ буквально все, перевязали

нѣсколько человѣкъ, сопротивлявшихся ихъ расправѣ, и бросили въ вагонъ, но никого, слава Богу, не убили. На мой вопросъ:

— Какъ же не тронули насъ? — я получилъ неожиданный отвѣтъ:

«Насъ защитили матросы, поставивши караулъ съ обоихъ концовъ и не позволили трогать». Вотъ и тутъ, невольно спрашиваешь себя — и тутъ случай, непонятный, необъяснимый и уберегшій насъ отъ новой бѣды!

Въ Рязани тѣ же матросы, видя, что у насъ нѣтъ хлѣба, предложили часть отъ ихъ запаса и съ благодарностью приняли отъ меня въ обмѣнъ двѣ пачки папиросъ, за которыя я заплатилъ 48 рублей. Старшій изъ нихъ замѣтилъ, что никогда не курилъ такихъ дорогихъ папиросъ, но, попробовавши ихъ, прибавилъ — «слѣдовало бы просто прикрутить этого негодяя за такую дрянь».

Передъ тѣмъ, чтобы сѣсть въ вагонъ, старшій изъ матросовъ пожалъ мнѣ руку на прощанье и, вытащивши изъ боковаго кармана пачку тысячерублевокъ сказалъ, что ѣдетъ въ Кронштадтъ за получкой разсчета въ 400.000 рублей и какъ получитъ, — сейчасъ же уѣдетъ къ себѣ въ Грецію(?) и заведетъ новое дѣло по постройкѣ судовъ, добавивши глубокомысленно: «здѣсь все равно толку не будетъ».

Въ Москву мы пріѣхали настолько поздно, что нечего было и думать въ тотъ же день попасть въ Петроградъ. Съ ранняго утра я началъ уже одинъ, безъ всякаго участія Гута, хлопотать о полученіи разрѣшенія на прицѣпку нашего вагона хотя бы къ пассажирскому поѣзду на Петроградъ. Въ этомъ мнѣ помогъ Начальникъ движенія Казанской дороги инженеръ Ландсбергъ, тотъ самый, который не устроилъ насъ на декабрьскій поѣздъ изъ Кисловодска. Николаевская дорога согласилась, и всѣ наши спутники разбрелись съ утра по Москвѣ, условившись сойтись на Николаевскомъ вокзалѣ къ 7-ми часамъ, т. к. намъ было твердо обѣщано, что вагонъ къ этому сроку будетъ уже на мѣстѣ.

Позавтракавши остатками нашего продовольствія у себя въ отдѣленіи, мы рѣшили съ женою поѣхать къ Бутырской заставѣ навѣстить милую старушку М. К. В., которую намъ не удалось повидать въ нашу поѣздку на Кавказъ.

Мы вышли съ вокзала и сѣли въ первый трамъ, но ошиблись направленіемъ и попали въ поѣздъ, шедшій изъ Бутырокъ въ Сокольники. На первой же остановкѣ мы вышли изъ вагона и стали искать извозчика. Намъ пришлось довольно долго идти пѣшкомъ по Садовой и въ одномъ мѣстѣ намъ повстрѣчался,

очень красивой наружности, солдатъ, который при видѣ меня точно обомлѣлъ, остановился и долго всматривался въ мое лицо. Я тоже остановился и, отойдя отъ него, сталъ инстинктивно поворачиваться, поворачивался и онъ, и, наконецъ, мы разошлись; попался извозчикъ. Мы сторговались съ нимъ — отвезти насъ туда и обратно за 35 рублей, не застали М. К. и рано пріѣхали на вокзалъ. Во время собралась наша публика, насъ прицѣпили къ поѣзду, отходившему въ 9 час. вечера, и мы пустились въ послѣдній нашъ путь. Въ Клину поѣздъ стоялъ очень долго, мы уже лежали въ постели, какъ послышалось движеніе нѣсколькихъ человѣкъ, вошедшихъ въ вагонъ, останавливавшихся у разныхъ отдѣленій и долго стоявшихъ у нашего купэ и тихо разговаривавшихъ между собою. Словъ нельзя было разобрать.

Жена перепугалась и ни за что не позволяла мнѣ встать съ постели, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Затѣмъ шумъ замолкъ, дали звонокъ къ отходу поѣзда, и мы пустились въ путь и доѣхали къ вечеру слѣдующаго дня — это было 26 мая — до Петрограда.

На вокзалѣ насъ никто изъ родныхъ не встрѣтилъ, т. к. ни одна моя телеграмма до нихъ не дошла. Гутъ предложилъ довезти наши вещи на Моховую, мы взяли за 15 рублей извозчика и налегкѣ подъѣхали къ дому. Насъ никто не ждалъ.

Впослѣдствіи, уже послѣ моего освобожденія изъ тюрьмы, одинъ изъ проводниковъ вагона, заходившій ко мнѣ за рекомендацію на какое-то мѣсто, разсказалъ мнѣ, что вошедшіе въ Клину въ нашъ вагонъ солдаты узнавали ѣду ли я въ этомъ вагонѣ и, получивши утвердительный отвѣтъ, потребовали, чтобы меня нигдѣ по дорогѣ не выпускали и заявили, что всѣ проводники «отвѣтятъ головою, если не довезутъ меня до Петрограда».

Связь этого инцидента со встрѣчей на Садовой и съ послѣдующимъ моимъ арестомъ — для меня несомнѣнна.

Когда извозчикъ провезъ насъ мимо нашего дома, я увидѣлъ черезъ дворъ окна моей квартиры, у меня стало такъ легко на сердцѣ, и я съ глубокой вѣрой перекрестился отъ сознанія того, что я снова возвращаюсь къ себѣ, въ мою квартиру, не разграбленную и не уничтоженную, въ мою привычную обстановку, которую я такъ любилъ.

Во время моего вынужденнаго сидѣнія въ Кисловодскѣ, я не разъ томился отъ мысли, что я вовсе не вернусь въ Петроградъ и не увижу всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ такъ дорогъ; тѣмъ понятнѣе почему я облегченно вздохнулъ, войдя въ свои комнаты и найдя все въ полной цѣлости такъ, какъ я оставилъ семь мѣсяцевъ то-

му назадъ. Обрадовалъ меня и мой любимецъ Джипикъ, котораго такъ не доставало намъ въ Кисловодскѣ.

Слѣдующій день, въ субботу, 27 мая, я не выходилъ изъ дома, чувствуя себя плохо отъ простуды, схваченной въ вагонѣ. Между обѣдомъ и завтракомъ у меня перебывало не мало народа и, между прочимъ, Н. Н. Покровскій, съ которымъ мнѣ помѣшали переговорить толкомъ, такъ что мы условились встрѣтиться съ нимъ у меня же на слѣдующій день, въ воскресенье, въ 3 часа. Эта встрѣча, однако, не состоялась. Въ воскресенье, 28 мая, во время моего завтрака, ко мнѣ пришелъ неожиданно его сынъ и передалъ, что отецъ его не придетъ ко мнѣ, т. к. утромъ получилъ сообщеніе отъ г-жи Пуришкевичъ, что будто бы, въ этотъ день у него, у меня, у А. Ф. Трепова и у Тхоржевскаго должны быть произведены обыски.

Вечеромъ, въ тотъ же день, когда у меня сидѣли всѣ мои сестры, я получилъ письмо отъ г-жи фонъ Меккъ. Его принесъ незнакомый мнѣ молодой офицеръ и сказалъ, что содержаніе письма ему извѣстно, и онъ подтверждаетъ правильность сообщенія.

Письмо предупреждало меня, что г-жѣ Меккъ стало извѣстно изъ большевистскихъ круговъ, что меня рѣшено арестовать, и она совѣтуетъ мнѣ не ночевать нѣкоторое время дома. Сообщеніе это произвело на меня самое тягостное впечатлѣніе, я почувствовалъ острую боль въ головѣ и, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, рѣшилъ даже послѣдовать данному совѣту и идти ночевать къ одной изъ моихъ сестеръ. Мы вышли даже съ женой на Моховую, но немедленно вернулись домой, т. к. всѣ доводы склоняли меня къ убѣжденію въ полной неразумности такого шага. Если дѣйствительно рѣшили меня арестовать, то ночевкою внѣ дома я могъ только ухудшить мое положеніе. Въ моей квартирѣ или около моего дома устроили бы наблюденіе и меня захватили бы, какъ только я вернулся бы домой. Самый фактъ ночевки внѣ дома былъ бы поставленъ мнѣ въ обвиненіе и далъ бы только поводъ упрекать меня въ конспиративности, тогда какъ главнымъ моимъ оружіемъ защиты являлся всегда мой открытый образъ жизни, чуждый всякихъ политическихъ комбинацій и свободный отъ малѣйшаго участія въ соглашеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было, на почвѣ политическихъ отношеній.

Мы вернулись домой. Прошло ровно три недѣли, изъ которыхъ болѣе половины я проболѣлъ, и ничто не указывало на то, что мнѣ угрожаетъ обѣщанный арестъ. Я пересталъ даже думать о немъ, совершенно успокоился, началъ выходить изъ дому, зани-

мался кое-какими дѣлами и сталъ уже увѣренно относить сдѣланное мнѣ предупрежденіе объ арестѣ къ числу очередныхъ выдумокъ, на которыя такъ всѣ стали тароваты во всей Россіи.

Въ воскресенье, 17/30 іюня я съѣздилъ къ Гуту, отвезъ ему въ знакъ благодарности за оказанную мнѣ помощь двѣ дорогія китайскія вазы, принадлежавшія мнѣ почти 30 лѣтъ, услышалъ отъ него самое рѣшительное опроверженіе слуховъ о моемъ арестѣ и провелъ весь вечеръ совершенно спокойно дома.

Я легъ спать въ обычное время, скоро и крѣпко заснулъ, какъ вдругъ, послѣ 2 часовъ жена пришла ко мнѣ въ спальню со словами: «вставай, у насъ обыскъ». Я отвѣтилъ ей: «ну, значитъ, меня пришли арестовать».

Я прошелъ въ переднюю, гдѣ засталъ цѣлое общество: какого то комиссара, предъявившаго мнѣ ордеръ предсѣдателя чрезвычайной слѣдственной комиссіи Урицкаго, уполномоченнаго по дому Скордели, старшаго дворника и трехъ субъектовъ въ солдатской формѣ, безъ оружія.

Въ ордерѣ содержался приказъ: произвести обыскъ и арестовать всѣхъ взрослыхъ мужчинъ.

Я не сказалъ женѣ, что буду арестованъ, и почти 3 часа происходила отвратительная операція обыска, съ отпираніемъ всѣхъ ящиковъ, забираніемъ всего, что было въ письменномъ столѣ, и того, что было въ ящикахъ, причемъ бумаги забирались безъ всякаго прочтенія и безъ малѣйшаго разбора. Однѣ откладывались для увоза, другіе оставлялись на мѣстѣ безъ всякаго разсмотрѣнія, но за то всѣ ящики были открыты, повсюду искали тайныхъ хранилищъ, — разумѣется, никакихъ не нашли.

Вся эта процедура носила глубоко оскорбительный и совершенно безсмысленный характеръ. Въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола, которые кстати освѣщались потайнымъ электрическимъ фонаремъ, комиссаръ обнаружилъ закрытый портфель, заставилъ меня его открыть и нашелъ въ немъ пакетъ, заключающій въ себѣ самые нужные мои семейные документы: завѣщаніе, метрики, всякія денежныя расписки; но онъ даже не потрудился посмотрѣть содержимое пакета, вынулъ его просто изъ портфеля, бросилъ его въ одинъ ящикъ, а портфель въ другой.

Послѣ обысковъ въ кабинетѣ и отобранія бумагъ безъ всякаго разбора, начался осмотръ всей квартиры, такой же унизительный и такой же безсмысленный: заглядывали подъ диваны и кресла, открывали ящики столовъ, въ спальной жены смотрѣли подъ матрасомъ и подушками, перерывали бѣльевые шкафы, осматривали всякіе закоулки до кухни и кладовой включительно.

Въ кладовой обнаруженъ былъ ящикъ сѣраго мыла для прачечной и куски прошлогодняго сухого мыла, которые забрали солдаты, несмотря на уговоры комиссара. Забрана была также стоявшая открыто въ библіотекѣ однозарядная австрійская винтовка, безъ патроновъ, присланная мнѣ пограничной стражей.

Справедливость заставляетъ, однако, сказать, что при обыскѣ ничего украдено не было и даже, когда комиссаръ обнаружилъ въ письменномъ столѣ небольшую металлическую шкатулку для денегъ и потребовалъ открыть ее, то, убѣдившись въ томъ, что денегъ въ ней было лишь нѣсколько сотъ рублей, онъ не проявилъ никакого желанія отобрать этихъ денегъ. Правда, что въ эту пору, около него не было солдатъ.

Вся эта отвратительная процедура продолжалась почти 3 часа. Ровно въ 5 часовъ мнѣ было предложено одѣться и въ 5¼ меня посадили въ открытый автомобиль, рядомъ со мной помѣстился комиссаръ, а рядомъ съ шоферомъ солдатъ съ ящиками мыла. Утро было ясное, безоблачное. Городъ еще не проснулся, было совсѣмъ пусто на Невскомъ, и только въ открытыя двери Казанскаго собора входили люди по одиночкѣ.

Меня отвезли на Гороховую № 2, гдѣ помѣщалась Чека, въ помѣщеніи бывшаго градоначальства. Быстро провели черезъ регистратуру и канцелярію коменданта, завѣдывающаго арестованными и безъ четверти 6 я былъ уже отведенъ въ помѣщеніе подъ № 96 и водворенъ въ огромную комнату, въ которой содержалось не менѣе 60 человѣкъ, занимавшихъ не только всѣ плотно поставленныя по стѣнамъ другъ къ другу кровати съ рваными мочальными и соломенными матрасами, но и все пространство грязнаго пола комнаты. Вся эта людская масса спала безмятежнымъ сномъ, раздѣтая почти до нага; отъ храпа стоялъ какой-то гулъ и дышать было нечѣмъ. Вонь отъ ножного пота, прогорклаго табачнаго дыма и испареній разгоряченныхъ тѣлъ напоминала какую-то помойную яму. Сѣсть было не на что; я оставался нѣкоторое время въ какомъ-то оцѣпенѣніи посреди узкаго, свободнаго отъ кроватей прохода въ пальто и шляпѣ. Мною владѣло какое-то тупое, полубезсознательное состояніе, свободное даже и отъ страха и отъ злобы.

Изъ неизвѣстности и оцѣпенѣнія меня вывелъ какой-то незнакомый голосъ субъекта, дремавшаго сидя у небольшого столика у единственнаго окна. Этотъ субъектъ обратился ко мнѣ фамильярно со словами: «Здравствуйте, Владиміръ Николаевичъ, мы Васъ ждали еще ночью, т.к. намъ сказали еще въ 10 час. вечера вчера, что подписана бумага о Вашемъ арестѣ и что Васъ приве-

зуть къ намъ». Удивленный такимъ обращеніемъ, я полюбопытствовалъ узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить, т. к. личность этого субъекта, съ коротко остриженной головой, давно не бритой бородой и усами, въ рваныхъ штанахъ, въ грязной рубашкѣ и опоркахъ на босую ногу, была мнѣ совершенно неизвѣстна и напоминала типичнаго представителя ночлежныхъ домовъ. Онъ назвалъ себя бывшимъ рабочимъ Экспедиціи заготовленія Гос. Бумагъ, Ушаковымъ, котораго я зналъ хорошо по рабочему движенію 1905 года и съ которымъ сталкивался не разъ, какъ депутатомъ отъ рабочихъ въ 1906—1907 годахъ, и на выраженное мною удивленіе — какимъ образомъ я вижу его въ числѣ арестантовъ и съ совершенно измѣнившейся наружностью, я получилъ весьма неожиданный отвѣтъ, данный мнѣ весьма громкимъ голосомъ, безъ малѣйшаго стѣсненія тѣмъ, что отвѣтъ этотъ не могли не слышать сидѣвшіе у самыхъ дверей стражники: «Вѣдь Вы знаете, что я всегда былъ соціалъ-демократомъ и защищалъ рабочихъ, хотя они, подлецы, того и не заслуживали, но для этихъ негодяевъ — большевиковъ я оказался черносотенцемъ, и они стали меня всячески преслѣдовать, не разъ арестовывали, опять выпускали, раззорили въ конецъ. Мнѣ пришлось скрываться, мѣнять наружность и паспортъ, а меня опять затравили, — обвиняютъ въ какой-то агитаціи, пригнали сюда. Только тутъ долго не продержатъ — отправятъ въ Кресты или пересыльную. Мнѣ-то это наплевать, а вотъ Вамъ здѣсь очень худо, и въ этой комнатѣ Вамъ никакъ оставаться нельзя, и какъ-нибудь надо попасть въ политическую комнату, а то здѣсь недолго и до бѣды».

На мой вопросъ, что разумѣетъ онъ подъ этой бѣдой для меня, Ушаковъ, совсѣмъ не стѣсняясь тѣмъ, что кое кто изъ арестованныхъ сталъ просыпаться, изложилъ мнѣ такую характеристику населенія этой камеры: «Тутъ хуже всякаго ночлежнаго дома, это настоящая яма — кого только здѣсь нѣтъ. Вонъ въ углу лежатъ четыре ломовыхъ извозчика, приведенные сюда за то, что участвовали въ забастовкѣ, а тамъ вонъ въ углу — восемь человѣкъ матросовъ, про которыхъ говорятъ, что убили боцмана. А еще компанія красноармейцевъ, но тѣ просто пьянствовали и побили комиссара. А вонъ тамъ въ углу — теплая компанія, отъ которой сторонятся всѣ, потому что у нихъ недалеко и до ножевой расправы, а еще есть нѣсколько мужиковъ, взятыхъ за спекуляцію. А вся ихъ спекуляція заключалась только въ томъ, что пріѣхали сюда искать косы, а имъ объяснили, что за деньги они ничего не купятъ, а вотъ если есть сахаръ, такъ за каждый

фунтъ сахара можно купить двѣ косы. Вотъ они и собирали всю зиму по кусочкамъ, собрали со всей деревни 20 фунтовъ, а ихъ на вокзалѣ накрыли и предоставили сюда. Вотъ они и маятся здѣсь цѣлую недѣлю. Разспросите-ка ихъ сами, такъ они Вамъ лучше моего разскажутъ, что имъ теперь въ деревню показаться нельзя, т. к. они взялись привезти 20 косъ и никто имъ не повѣритъ, что у нихъ сахаръ отобрали и самихъ проморочали здѣсь. А есть тутъ еще три спекулянта: привезли 2 пуда сметаны продавать въ Петроградъ, соблазнившись высокой цѣной. Ихъ также забрали и вмѣстѣ со сметаной предоставили сюда; отъ нихъ намъ всѣмъ большая польза — часть сметаны разошлась по дому здѣсь, а часть кладутъ и намъ въ щи, которые Вы будете кушать сегодня и завтра».

За этими разговорами прошло время до 9 часовъ утра. Въ эту пору изъ сосѣдней комнаты, дверь изъ которой приходилась какъ разъ у стола, за которымъ я сидѣлъ противъ Ушакова, появилась всклокоченная, неумытая, полураздѣтая фигура, совершенно мнѣ незнакомаго субъекта, оказавшаяся впослѣдствіи нѣкимъ г-номъ Гуго, арестованнымъ за спекуляцію и человѣкомъ безспорно весьма темнымъ, который, называя меня также по имени отечеству и титулуя меня графомъ, пригласилъ перейти въ комнату для «политическихъ», сказавши, какъ и Ушаковъ, что меня ждали еще съ вечера и даже рѣшили потѣсниться, чтобы уступить мнѣ кровать.

При этомъ г-нъ Гуго, весьма развязно и громко, несмотря на то, что камера уже проснулась и многіе встали, заявилъ: «не можете же Вы оставаться съ этой сволочью», что не помѣшало тому же господину Гуго, съ частью той же «сволочи», въ концѣ недѣли, добыть откуда-то вина и изрядно напиться. Повидимому, они пріобрѣли вино въ помѣщеніи канцеляріи.

Слѣдомъ за нимъ изъ той же комнаты вышелъ благообразный человѣкъ, отрекомондовавшійся Гарязинымъ, и сказалъ, что сохранялъ обо мнѣ самую добрую память, когда посѣтилъ меня вмѣстѣ съ Пуришкевичемъ по дѣламъ Національнаго Союза студентовъ. Черезъ двѣ недѣли его разстрѣляли.

Въ маленькой комнатѣ, куда меня ввели, я нашелъ, кромѣ Гуго, пять человѣкъ: Генерала Рауха, Генерала Гольдгаура, виленскаго предводителя дворянства Крассовскаго, богатаго рижскаго хлѣботорговца Мухина и уже упомянутаго, бывшаго предсѣдателя Національнаго Союза — Гарязина. Всѣ они отнеслись ко

мнѣ съ величайшимъ вниманіемъ, занесли въ свою группу для полученія обѣда и наперерывъ другъ передъ другомъ предложили занять одну изъ кроватей, сказавъ, что каждый изъ нихъ охотно перейдетъ въ общую камеру. И въ этой комнатѣ, невзирая на ранній часъ и настежь открытое окно, стояла невѣроятная духота. Рой мухъ облѣпилъ стѣны и кровати и двигаться въ ней не было никакой возможности. Между столомъ и кроватями едва оставался проходъ, достаточный для того, чтобы продвинуться къ постели, на которой приходилось лежать или сидѣть цѣлый день.

Не желая стѣснять этихъ великодушныхъ товарищей моихъ по заключенію, я пошелъ въ сосѣднюю, вторую политическую комнату разыскивать себѣ пристанище. Въ эту комнату было нелегко пройти, т. к. она соединялась съ большой камерой узкимъ, темнымъ коридорчикомъ, проходившимъ позади первой комнаты. Коридоръ былъ сплошь занятъ двумя столами, на которыхъ еще спало трое арестованныхъ, валявшихся на грязнѣйшихъ сѣнникахъ. Изъ коридорчика нужно было попасть въ темную прежнюю кухню, въ которой на плитѣ, на сломанной кровати и на столѣ, на такихъ же сѣнникахъ спало еще трое арестованныхъ и уже изъ этой кухни былъ входъ во вторую политическую камеру, въ которой мнѣ было суждено провести всѣ 10 дней.

Комната эта меньше первой, также въ одно окно, такая же душная, заполненная мухами, съ отвратительно-грязнымъ поломъ, заставленная сплошь четырьмя кроватями и двумя столами, на которыхъ лежали частью мочальные матрасы и такія же подушки, частью соломенники въ рваныхъ, грязныхъ покрышкахъ, свалявшіеся до такой степени, что приходилось употреблять особыя ухищренія, чтобы найти мало-мальски возможную позу для лежанія. Сидѣть, а тѣмъ болѣе, двигаться въ этой комнатѣ не было никакой возможности. Въ ней я нашелъ Генерала Князя Ю. И. Трубецкого, бывшаго Министра Торговли Временнаго Правительства и Петроградскаго Генералъ-Губернатора Пальчинскаго, впослѣдствіи разстрѣляннаго вмѣстѣ съ Н. К. Меккомъ, бывшаго Военнаго Министра Врем. Правительства Верховскаго, состоящаго теперь на службѣ у большевиковъ, студента Васильева, нѣкоего г-на Умнова, желѣзнодорожнаго дѣятеля Чумакова и офицера Сербской службы Матвѣева-Обреновича. Седьмое мѣсто было занято какимъ-то молодымъ человѣкомъ въ морской формѣ (фамилія его такъ и осталась мнѣ неизвѣстной, т. к. онъ все время былъ извѣстенъ подъ кличкою «чернаго капитана»). Его, впрочемъ, не оказалось налицо, онъ все время гдѣ-то виталъ въ пространствѣ, находясь, повидимому, въ близкихъ отношеніяхъ съ тюремнымъ

надзоромъ. Первые дни, впрочемъ, онъ изрѣдка появлялся въ комнатѣ, ложился на свою постель и отъ него всѣ сторонились, и никто съ нимъ и при немъ не разговаривалъ. Во вторую половину недѣли онъ вовсе исчезъ изъ комнаты и уступилъ мѣсто 17-лѣтнему мальчику, одѣтому въ морскую форму, посаженному подъ стражу по обвиненію въ подделкѣ ассигновки на 149.000 рублей. Изъ послѣдующихъ разсказовъ выяснилось, что этотъ черный капитанъ былъ по просту главою налетчиковъ матросовъ, съ которыми онъ ограбилъ нѣсколько квартиръ, похваляясь тѣмъ, что извлекъ изъ этой операціи и подѣлилъ съ кѣмъ нужно около 8-ми милліоновъ рублей (вѣроятно вралъ), былъ захваченъ съ двумя матросами на мѣстѣ преступленія, выдалъ всѣхъ своихъ товарищей, изъ коихъ два задержанные при кражѣ, были разстрѣляны тутъ же на Гороховой, незадолго до моего ареста. Захваченные впослѣдствіи остальные его сподвижники подверглись той же участи, а самъ онъ, повидимому, вошелъ въ близкія сношенія съ господами правителями, по крайней мѣрѣ, въ минуту моего освобожденія, я засталъ его въ канцеляріи, ведущимъ какія-то записи въ книгахъ...

Все населеніе комнаты встрѣтило меня съ поразительной предупредительностью. Пальчинскій, игравшій роль распорядителя, предложилъ занять кровать Верховскаго, уходившаго въ Кресты, и я водворился окончательно на жительство въ это помѣщеніе.

Вскорѣ Верховскій, Чумаковъ и Умновъ были также переведены въ Кресты; на ихъ мѣсто появился мало симпатичный саперный Генералъ Колѣнковскій, не разговаривавшій вовсе ни съ кѣмъ, и молодой офицеръ-летчикъ Троицкій, съ которыми и прошла вся остальная часть моего ареста.

Я долженъ помянуть особеннымъ словомъ благодарности моихъ товарищей по жизни въ этой комнатѣ; не было того вниманія и той услуги, которую они бы не старались мнѣ оказывать наперерывъ, а когда на третій день я заболѣлъ сердечными припадками, то это вниманіе приняло даже трогательную форму. Они поочередно слѣдили за мной и даже ночью вставали, чтобы смочить водою холодные компрессы, которые по недомыслію врача прикладывались мнѣ на сердце и голову, вмѣсто того, чтобы облегчить мои страданія теплымъ компрессомъ.

Первый день прошелъ безъ всякихъ инцидентовъ. Тоскливо тянулось время, жара въ комнатѣ становилась невыносимою, и сравнительно бодрое настроеніе духа поддерживалось убѣжденіемъ всѣхъ, въ особенности Пальчинскаго въ томъ, что меня до-

просятъ немедленно и не могутъ держать продолжительное время, т. к. всѣмъ было извѣстно мое прошлое. Въ ту пору еще вѣрили, что существуетъ все-таки элементарная справедливость. Ночью я не смыкалъ глазъ ни на одну минуту какъ отъ невыносимой жары, такъ и отъ невѣроятнаго шума во дворѣ, отъ автомобильныхъ гудковъ, пѣсенъ и музыки въ жилыхъ квартирахъ.

Утромъ во вторникъ появились первые признаки отвратительнаго ощущенія въ сердцѣ; порою я просто задыхался, но приписывалъ это все отчасти нервному состоянію, а главнымъ образомъ, невѣроятной духотѣ и жарѣ въ комнатѣ.

На слѣдующій день, въ среду, около часу дня, меня позвали будто бы для допроса и всѣ привѣтствовали мое скорое избавленіе. Оказалось, однако, что меня привели въ кабинетъ замѣстителя предсѣд. ком. г-на Бокія, гдѣ я засталъ моего знакомаго Гута, добившагося отъ имени Швейцарскаго посланника узнать причины моего ареста и оказать мнѣ какую-нибудь помощь. Онъ встрѣтилъ меня словами, что мой арестъ не имѣетъ никакого личнаго ко мнѣ отношенія, что ко мнѣ не предъявляется рѣшительно никакихъ обвиненій, и что въ этомъ онъ видитъ полное основаніе для меня быть совершенно спокойнымъ. Въ разговоръ вмѣшался г-нъ Бокій, который подтвердилъ заявленіе Гута и прибавилъ отъ себя лично нѣчто, внесшее въ мою душу величайшее смущеніе. Онъ сказалъ буквально слѣдующее: «Вы арестованы по прямому приказу изъ Москвы и совсѣмъ не потому, что Васъ обвиняютъ въ чемъ бы то ни было, т. к. мы отлично знаемъ, какъ и Вы сами, что Васъ ни въ чемъ обвинять нельзя. Но Вы арестованы, какъ бывшій царскій Министръ, потому что совѣтская власть, рѣшившая судьбу членовъ бывшаго Императорскаго Дома Романовыхъ, считаетъ также нужнымъ рѣшить и вопросъ о всѣхъ царскихъ Министрахъ». На мое замѣчаніе, что арестованъ я одинъ и никто изъ другихъ Министровъ аресту не подвергался, Бокій добавилъ: «да, это пока, мы получили приказъ изъ Москвы и Вы на будущей недѣлѣ, будете переведены въ Москву, въ распоряженіе Совѣта народныхъ комиссаровъ. Здѣсь же Васъ никто допрашивать не будетъ, т. к. намъ не о чемъ Васъ допрашивать». Заявленіе это меня положительно ошеломило, и мнѣ разомъ представился ужасъ переѣзда въ качествѣ арестанта въ Москву, безсрочное тамъ содержаніе въ тюрьмѣ, перспектива, быть можетъ, раздѣлить участь Щегловитова и Бѣлецкаго... Мысль о положеніи жены и ея вынужденнаго переселенія туда же и рой другихъ безнадежныхъ мыслей о тѣхъ, кого я любилъ и кому я былъ дорогъ, — пронеслись молніей въ моей головѣ...

Я вернулся въ свою камеру, подѣлился впечатлѣніемъ съ Трубецкимъ и Пальчинскимъ, причемъ послѣдній отнесся къ заявленію Бокія съ полнымъ недовѣріемъ, говоря, что эти негодяи сами не знаютъ, что дѣлаютъ и говорятъ, но меня эти слова мало успокоили. Тяжелое раздумье дѣлало свое дѣло, и къ вечеру со мною приключился жестокій сердечный припадокъ. Ночь прошла опять безъ сна, несмотря на то, что изъ дому мнѣ прислали подушку, бѣлье и одѣяло, припадки стали учащаться, и когда я въ четвергъ днемъ былъ вызванъ на свиданье съ женой, то я даже не обрадовался этому, зная впередъ, что мой измученный видъ произведетъ на нее удручающее впечатлѣніе. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и вышло. Сколько ни старалась она поддерживать меня обѣщаніемъ поѣздки въ Москву Гута, хлопотать о моемъ освобожденіи, но я видѣлъ, что она едва держится на ногахъ, и я вернулся въ камеру окончательно разбитымъ. Послѣдующіе шесть дней были сплошнымъ невыносимымъ кошмаромъ — я почти не вставалъ съ постели, мучаясь невыносимымъ ощущеніемъ въ сердцѣ, жара въ камерѣ, доходившая до 38 градусовъ Реомюра, лишала просто возможности дышать и даже ночью не становилось легче, т. к. раскаленная крыша не охлаждалась даже послѣ захода солнца.

Мои товарищи по заключенію два раза думали, что я перешелъ уже въ лучшій міръ, и ежедневно вызывали ко мнѣ доктора для оказанія мнѣ помощи. Докторъ въ свою очередь настаивалъ на переводѣ меня въ тюремную больницу, отъ чего я рѣшительно отказывался, ясно понимая, что съ переходомъ въ больницу мой арестъ только продолжится. Оставаясь же на Гороховой, я все надѣялся на то, что, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ Чеки, я невольно заставляю скорѣе допросить меня, а въ связи съ допросомъ, во мнѣ жила надежда на скорѣйшее освобожденіе.

Мною постепенно овладѣла, характерная для арестованнаго, апатія, — я пересталъ считать дни, примирившись съ мыслью, что этихъ дней придется просидѣть неопредѣленное количество. Меня угнетала только мысль о моихъ близкихъ, о ихъ мученіяхъ и о сознаніи безсилья сдѣлать что бы то ни было. И эти мысли были мнѣ гораздо тягостнѣе, чѣмъ мое личное унизительное и тягостное положеніе.

За всѣ послѣдніе пять дней никто изъ начальства къ намъ не заглядывалъ; только за послѣдніе 3—4 дня, поздно по вечерамъ, къ намъ сталъ появляться чаще всего въ пьяномъ видѣ помощникъ коменданта Кузьминъ, наиболѣе, впрочемъ, порядочный

изъ всего состава надзора, и изрядно надоѣдалъ намъ своей безсвязной болтовней человѣка, не отдающаго себѣ отчета въ томъ, что и кому онъ говоритъ... Въ субботу, въ шестомъ часу, наше невольное населеніе комнаты 96-ой было взволновано какъ-то неожиданно быстро дошедшимъ до насъ извѣстіемъ объ убійствѣ Германскаго Посла Гр. Мирбаха въ Москвѣ. На этой почвѣ стали возникать всевозможныя предположенія о занятіи Петрограда нѣмцами и о возможномъ близкомъ нашемъ освобожденіи. Ничто, однако, не оправдывалось. Въ воскресенье мнѣ опять стало худо, пришелъ докторъ, Пальчинскій опять насѣлъ на него, онъ вторично меня выслушалъ и подтвердилъ, что я страдаю міокардитомъ, чего, я думаю, у меня, однако, не было и сказалъ, что онъ рѣшилъ, рискуя даже навлечь на себя гнѣвъ большевиковъ, подать письменное заявленіе о томъ, что мое дальнѣйшее содержаніе подъ арестомъ грозитъ опасностью жизни. Вечеромъ въ воскресенье тюрьма снова пережила тревожные часы. Въ связи съ разстрѣломъ Пажескаго Корпуса, откуда красные вышибали соціалистовъ-революціонеровъ, возникла паника среди арестантовъ по поводу того, что въ городѣ начались безпорядки и что можно ожидать нападеній и на наше помѣщеніе.

Поводомъ къ такой паникѣ послужило заявленіе стражи, что при первыхъ признакахъ нападенія, она побросаетъ оружіе и скроется изъ помѣщенія и совѣтуетъ то же сдѣлать и арестантамъ. Наша камера сохранила обычное спокойствіе, и когда сербъ Обреновичъ пришелъ сказать намъ, что въ сосѣднемъ помѣщеніи Манусъ страшно волнуется и спрашиваетъ, какъ ведемъ мы себя, то мы посовѣтовали ему побольше хладнокровія, т. к. все равно мы ничего сдѣлать не можемъ. Упоминая имя Мануса, я долженъ отмѣтить, что встрѣча съ этимъ субъектомъ была мнѣ глубоко непріятна. Я давно не подавалъ ему руки, не отвѣчалъ на поклоны, зная все его предосудительное прошлое и его гнусную роль, сыгранную въ моемъ увольненіи. Естественно поэтому, что когда, въ день своего прибытія на Гороховую, кажется на третій или четвертый день моего заключенія, онъ проявилъ стремленіе попасть именно въ нашу комнату и хотѣлъ даже подойти ко мнѣ съ привѣтствіемъ, я не отвѣтилъ на это привѣтствіе и остался лежать на кровати. Изъ неловкаго положенія выручилъ Пальчинскій, также хорошо знавшій его, и заявилъ ему своимъ зычнымъ голосомъ, что въ нашей комнатѣ нѣтъ свободнаго мѣста и даже имѣется много кандидатовъ, если произойдутъ перемѣны среди арестованныхъ.

Упомяну еще одну характерную особенность моего содержанія.

Помѣщеніе, въ которомъ я прожилъ болѣе недѣли, было до такой степени грязно, что въ теченіе трехъ дней я не могъ войти въ примитивную уборную: при первыхъ случаяхъ холеры арестованнымъ въ политическихъ камерахъ, пришлось принять экстренныя мѣры къ очисткѣ, и мы собирались даже сами вымыть эту ужасную клоаку, но нашлось двое изъ сидѣвшихъ въ большой камерѣ, которые и занимались, главнымъ образомъ, загрязненіемъ помѣщенія, предложившихъ «политическимъ» собрать 15 рублей и заплатить имъ за трудъ. Мы охотно пошли на эту денежную повинность.

Забылъ еще упомянуть, что во вторникъ меня, какъ и всѣхъ, водили сниматься и, такимъ образомъ въ коллекціи арестованныхъ мое изображеніе красуется среди изображеній карманныхъ воровъ, взломщиковъ, ночныхъ грабителей и тому подобныхъ объектовъ антропометріи.

Днемъ въ воскресенье, когда всѣ обитатели пошли «на прогулку» въ большую свободную комнату во второмъ этажѣ, а я остался лежать одинъ, въ комнату вошелъ отвратительнаго вида латышъ, второй помощникъ коменданта и обратился ко мнѣ со словами: «чего Вы лежите, лучше и Вамъ погулять — вѣдь Васъ скоро выпустятъ». Я не отдавалъ себѣ отчета въ его словахъ, потому что тюремная молва приписывала ему все зло въ условіяхъ нашего содержанія.

ГЛАВА III.

Допросъ меня Урицкимъ. — Усиленіе террора въ Петроградѣ и массовые аресты. — Три предложенія вывезти меня изъ Россіи. — Предупрежденіе о предстоящемъ новомъ моемъ арестѣ. — Подготовка къ бѣгству. — Переходъ черезъ Финляндскую границу. — Путь въ изгнаніе. — Раіоіоки. Выборгъ. Гельсингфорсъ. Христіанія. Берлинъ. Лондонъ и Парижъ. — Глубокое разочарованіе политикой союзниковъ по отношенію къ большевикамъ.

Во вторникъ, 9-го іюля, въ 11 часовъ утра, неожиданно для меня и для всей камеры, меня позвали на допросъ къ Урицкому.

Неожиданность заключалась въ томъ, что только наканунѣ вечеромъ Урицкій пріѣхалъ изъ Москвы, а также и въ томъ, что допросъ былъ назначенъ въ 11 часовъ утра. Этотъ совѣтскій сановникъ обыкновенно вершилъ свое государственное дѣло по ночамъ и не появлялся въ помѣщеніи комиссіи ранѣе двухъ часовъ пополуночи. Когда я пришелъ въ его кабинетъ въ сопровожденіи вооруженнаго мальчишки, улегшагося тутъ же на диванѣ, мнѣ предложено было сѣсть на стулъ сбоку письменнаго стола и самому записывать свои показанія. Я отказался отъ этого, потому что былъ настолько слабъ и нервно разстроенъ, что перо буквально не повиновалось моей рукѣ. Урицкому самому пришлось исполнить этотъ трудъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ объ имени, отчествѣ и фамиліи, лѣтахъ и мѣстѣ жительства, допросъ продолжался въ слѣдующемъ видѣ. Записываю его со стенографическою точностью.

В. Вы кажется недавно пріѣхали изъ Кисловодска? Когда Вы пріѣхали?

О. Въ пятницу, 26 мая стараго стиля.

В. Почему Вы подчеркиваете «Стараго стиля»?

О. Потому что я не привыкъ еще къ новому стилю и могу ошибиться при переложенiи стараго на новый, а всякая ошибка или малѣйшая неточность могутъ мнѣ быть поставлены въ вину.

В. Когда Вы выѣхали изъ Кисловодска?

О. Въ среду, 16 мая, въ 8 час. вечера.

В. Вы уѣхали въ Кисловодскъ изъ Петрограда по причинѣ здоровья или по какимъ-либо другимъ причинамъ?

О. Я просто желалъ провести въ Кисловодскѣ два осеннiе мѣсяца и поправить мое сердце, давно нуждающееся въ леченiи.

В. Когда Вы уѣзжали изъ Петрограда, Вы именно предполагали остаться тамъ до весны?

О. Нѣтъ, я уѣзжалъ всего на 2 мѣсяца и намѣтилъ вернуться тотчасъ послѣ новаго года. У меня были даже обезпечены мѣста для обратнаго проѣзда въ началѣ января. Но желѣзнодорожное сообщенiе прекратилось, и я вынужденъ былъ остаться лишнихъ пять мѣсяцевъ и выѣхалъ изъ Кисловодска лишь 16-го мая съ первымъ поѣздомъ, въ которомъ я надѣялся добраться до мѣста.

В. Намъ извѣстны, однако, случаи прiѣзда съ Кавказа и раньше мая мѣсяца.

О. Мнѣ такiе случаи также извѣстны, но всѣ поѣздки ранѣе совершались въ условiяхъ для меня недоступныхъ. Я не могъ въ мои годы и притомъ съ женой поѣхать въ товарныхъ вагонахъ сидѣть на промежуточныхъ станцiяхъ по нѣсколько дней, подвергаться всякимъ насилiямъ и даже опасностямъ и въ особенности подвергать имъ мою жену.

В. Такъ что у Васъ не было какихъ-то особыхъ основанiй, чтобы прiѣхать сюда именно въ концѣ мая?

О. Разрѣшите мнѣ для болѣе точнаго отвѣта видоизмѣнить Вашъ вопросъ. Я понимаю его въ томъ смыслѣ, что Вы хотите узнать отъ меня, не было ли у меня въ виду какихъ-либо особыхъ событiй, долженствующихъ совершиться въ Петроградѣ, которые побуждали меня быть въ это время здѣсь?

В. Да, это точнѣе выражаетъ мою мысль.

О. Въ такомъ случаѣ я могу категорически заявить, что ни въ концѣ мая, ни въ началѣ, ни въ серединѣ какого-либо другого мѣсяца не могло совершиться въ Петроградѣ или иномъ пунктѣ Россiи какихъ бы то ни было событiй, которыя заставляли бы меня находиться въ центрѣ этихъ событiй.

В. Вашъ категорическiй отвѣтъ даетъ мнѣ право понять, что

Вы вообще отказались отъ какой бы то ни было политической дѣятельности?

О. Совершенно вѣрно.

В. Чѣмъ же объясняется такое Ваше рѣшеніе, послѣ того, что Вы играли всѣмъ извѣстную политическую роль?

О. Только тѣмъ, что четыре года тому назадъ я вынужденъ былъ покинуть политическую дѣятельность, безъ моего на то желанія, и притомъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ я далъ тогда же себѣ слово, никогда болѣе не возвращаться къ активной политической дѣятельности.

В. Въ чемъ же заключались главныя причины, побудившія Васъ принять такое категорическое рѣшеніе?

О. Ихъ было три: 1) мой уходъ съ активной дѣятельности оставилъ во мнѣ чувство глубокаго разочарованія и убѣжденіе въ томъ, что люди моего склада, или вѣрнѣе съ моими недостатками, не должны возвращаться на политическую сцену. 2) Мое здоровье было тогда расшатано, а теперь тѣмъ болѣе подорвано, и я могу добросовѣстно сказать, что отдалъ всѣ мои силы родинѣ и 3) старые люди, какъ я, не должны повторять грубой ошибки тѣхъ, которые думаютъ, что они должны до самой могилы дѣлать прежнее дѣло. Я полагаю, что новыя условія требуютъ новыхъ пѣсенъ, а ихъ могутъ пѣть только новыя птицы.

В. Въ чемъ заключались главныя причины Вашего увольненія?

О. Ихъ было много и излагая ихъ, я долженъ отнять у Васъ много времени и, кромѣ того, войти въ чисто субъективную оцѣнку, т. к. видимыя и офиціальныя причины — одно, а дѣйствительные поводы и основанія — совсѣмъ другое.

В. Укажите бѣгло на главныя.

О. Либералы считали меня чрезмѣрно консервативнымъ, а консерваторы слишкомъ либеральнымъ и недостаточно національно настроеннымъ къ извѣстнымъ вопросамъ. Придворные круги, вообще, не оказывали мнѣ особой поддержки, а въ числѣ представителей высшей бюрократіи также не было недостатка въ людяхъ, неблапріятно настроенныхъ ко мнѣ, какъ и къ каждому, занявшему высшій постъ.

В. Вы упомянули о правыхъ партіяхъ. Чѣмъ онѣ были недовольны Вами?

О. Одни осуждали меня за то, что я не поддерживаю нѣкоторыхъ крайнихъ партій, а другіе за то, что я будто бы слишкомъ сочувствую инородцамъ. Въ Кіевѣ, послѣ убійства Столыпина, какъ Вы, вѣроятно, помните, меня открыто обвиняли въ томъ, что

я предотвратилъ еврейскій погромъ и принялъ по телеграфу мѣры къ предотвращенію такихъ же погромовъ во всей чертѣ еврейской осѣдлости. «Новое Время» и «Гражданинъ» подхватили это неудовольствіе на меня, и мое вступленіе на должность Предсѣдателя Совѣта Министровъ сопровождалось даже рѣзкими нападками и обвиненіями меня въ антинаціональной политикѣ.

В. Вашъ допросъ могъ бы быть на этомъ законченъ и я, вѣроятно, сдѣлаю распоряженіе объ освобожденіи Васъ, но я имѣю еще обратиться къ Вамъ съ двумя вопросами, не касающимися поводовъ къ Вашему аресту. Я разсчитываю на то, что Вы дадите мнѣ откровенный отвѣтъ: Вы можете, во всякомъ случаѣ, вѣрить мнѣ, что Ваши отвѣты не повліяютъ на Ваше освобожденіе — оно будетъ сдѣлано.

О. Не могу ли я освѣдомиться ранѣе о поводахъ моего ареста и узнать, чѣмъ вызванъ былъ ночной обыскъ у меня, какъ у преступника, содержаніе меня болѣе недѣли въ унизительныхъ условіяхъ, въ такой обстановкѣ, которая едва не стоила мнѣ жизни?

Урицкій. Намъ попали въ руки нѣкоторыя письма, въ которыхъ упоминалось Ваше имя въ связи съ разными планами борьбы противъ совѣтской власти, и въ нихъ указывалось, что было бы желательно поставить Васъ, какъ опытнаго государственнаго дѣятеля во главѣ будущаго правительства, т. к. при вашихъ умѣренныхъ взглядахъ можно разсчитывать на сочувствіе широкихъ слоевъ общества. Въ одномъ письмѣ говорилось даже, что нужно поѣхать въ Кисловодскъ и добиться Вашего согласія. Говорилось даже, что Вы, конечно, будете отказываться, но этимъ не слѣдуетъ смущаться и нужно настаивать.

В. Въ этихъ письмахъ имѣется ли указаніе на мое участіе въ подобныхъ планахъ и мнѣ ли эти письма адресованы?

О. Нѣтъ, не Вамъ и такихъ указаній, изобличающихъ Вашу роль, у насъ нѣтъ.

В. Въ такомъ случаѣ, почему же арестованъ я, а не тѣ лица, которыя писали эти письма? Вѣдь съ точки зрѣнія совѣтской власти эти люди умышляли противъ нея, арестовали же меня, находившагося въ это время далеко отъ Петрограда.

О. Въ революціонное время трудно такъ разсуждать. Лица, писавшія письма, особаго интереса намъ не представляютъ, Вы же были всегда человѣкомъ замѣтнымъ.

В. Но вѣдь вслѣдствіе ареста я не пересталъ быть замѣтнымъ и, если завтра Вы прочтете такое же письмо съ упоминаніемъ моего имени, я же не буду имѣть о немъ ни малѣйшаго понятія, Вы снова прикажите меня арестовать?

О. Что касается моей Комиссіи, то Вы можете считать себя совершенно обезпеченнымъ, а за другихъ, я Вамъ ничего сказать не могу и даже скажу прямо, что если получу изъ Москвы приказаніе снова арестовать Васъ, то, конечно, немедленно исполню.

Мои вопросы къ Вамъ касаются двухъ разнородныхъ предметовъ, Вы хорошо знали бывшаго Императора?

Я. Въ теченіе десяти лѣтъ я былъ у Него постояннымъ докладчикомъ и думаю, что я успѣлъ хорошо его узнать.

Урицкій. Какъ Вы считаете, Онъ сознавалъ все то зло, которое Онъ дѣлалъ странѣ, или нѣтъ?

Я. Мнѣ трудно отвѣтить на Вашъ вопросъ, не зная, что подразумѣваете Вы подъ наименованіемъ зла, причиненнаго Императоромъ Россіи.

Урицкій. Всякій отлично знаетъ это — гоненіе всего свѣтлаго, всякаго стремленія къ свободѣ, поощреніе одного ничтожества, сотни загубленныхъ поборниковъ правды, вѣчныя ссылки, преслѣдованія за всякое неугодное слово, наконецъ — эта ужасная война. Да что объ этомъ говорить! Вы сами только дѣлаете видъ, что не знаете этого, о чемъ я Васъ спрашиваю.

Я. Совсѣмъ нѣтъ, я просто хочу знать точно, о чемъ Вы меня спрашиваете. Десять лѣтъ я былъ докладчикомъ у Государя, я хорошо знаю Его характеръ и могу сказать по совѣсти, что сознательно Онъ никому не причинилъ зла, а своему народу, своей странѣ Онъ желалъ одного — величія, счастья, спокойствія и преуспѣванія. Какъ всякій, Онъ могъ ошибаться въ средствахъ, по мнѣнію тѣхъ, кто Его теперь такъ жестоко судитъ. Онъ могъ ошибаться въ выборѣ людей, окружавшихъ Его, но за всѣ 10 лѣтъ моей службы при Немъ, въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и въ самую трудную пору послѣдняго десятилѣтія, я не зналъ ни одного случая, когда бы Онъ не откликнулся самымъ искреннимъ порывомъ на все доброе и свѣтлое, что бы ни встрѣчалось на Его пути. Онъ вѣрилъ въ Россію, вѣрилъ, въ особенности, въ русскаго человѣка, въ его преданность себѣ и не было тѣхъ словъ этой вѣры, которыхъ бы Онъ не произносилъ съ самымъ горячимъ убѣжденіемъ. Я увѣренъ, что нѣтъ той жертвы, которую бы Онъ не принесъ въ пользу своей страны, если бы только Онъ зналъ, что она ей нужна. Быть можетъ — повторяю — Онъ не всегда былъ хорошо окруженъ, Его выборъ людей могъ быть не всегда удаченъ, но въ большинствѣ ошибокъ, если онѣ и были, виноватъ былъ не Онъ, а его окружающіе. Я знаю это по себѣ. Не мало было случаевъ, когда мнѣ приходилось говорить открыто не то, что Государь хотѣлъ слышать отъ меня, но я не

помню ни одного случая, когда я не имѣлъ возможности направить дѣло такъ, какъ мнѣ казалось лучше для блага страны и Его самого, и каждый разъ Государь нетолько принималъ мои возраженія безъ всякаго неудовольствія, но и благодарилъ меня за то, что я ему говорилъ правду и дѣлалъ это открыто. Другимъ это тоже не запрещалось, но дѣлали ли они это или не дѣлали — это другой вопросъ...

Урицкій. А Вы не думаете, что бывшій Императоръ былъ просто умалишеннымъ?

Я. До самаго моего ухода, въ началѣ 1914 года, я видѣлъ Государя постоянно. Онъ былъ совершенно здоровъ. Быстро схватывалъ всякое дѣло, обладалъ прекрасной памятью, хотя нѣсколько внѣшняго свойства, онъ обладалъ очень бодрымъ и быстрымъ умомъ, и никогда я не замѣчалъ въ Немъ ни малѣйшихъ отклоненій отъ этого состоянія. Потомъ я Его видѣлъ всего два раза, послѣ моего увольненія въ началѣ 1914 года. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Императора 19-го января 1917-го года. Я пробылъ у Него въ кабинетѣ всего нѣсколько минутъ и притомъ по личному Его вызову и, не видавши Его передъ тѣмъ цѣлый годъ, я былъ пораженъ происшедшюю съ Нимъ перемѣной. Онъ похудѣлъ до неузнаваемости, лицо Его осунулось и было изборождено морщинами. Глаза совершенно выцвѣли, а бѣлки имѣли мутно-желтый оттѣнокъ, и все выраженіе лица съ болѣзненно-принужденной улыбкой и Его прерывистая рѣчь оставили во мнѣ впечатлѣніе глубокаго душевнаго страданія и тревоги. Все это было, несомнѣнно, послѣдствіемъ выпавшихъ на Его долю переживаній того времени.

Пріѣхавши домой, я долго не могъ освободиться отъ этого тягостнаго впечатлѣнія, и я сказалъ моимъ близкимъ, что считаю Государя тяжко больнымъ.

Урицкій. Я не буду дальше останавливаться на этомъ вопросѣ. Совѣтская власть рѣшила внести дѣйствія бывшаго Императора на разсмотрѣніе народнаго суда, и Вы, конечно, будете допрошены въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу.

Другой вопросъ мой касается нѣкоего финансиста Мануса. Знаете ли Вы его, и что можете сказать объ этой личности?

О. Манусъ у меня никогда не бывалъ, такъ же, какъ и я у него, но онъ дважды посѣщалъ меня въ министерствѣ, въ бытность мою Министромъ Финансовъ, и я имѣю ясное представленіе о немъ, какъ о биржевомъ спекулянтѣ и финансовомъ дѣльцѣ. Я долженъ предупредить Васъ, что я былъ всегда самаго дурного о немъ мнѣнія и долженъ быть особенно сдержанъ теперь, когда

онъ содержится въ томъ же арестномъ положеніи, какъ и я. По своему онъ имѣлъ право быть недоволенъ мною, т. к. я дважды воспользовался властью Министра Финансовъ противъ него, не допустивъ избраніе его въ члены правленія Владикавказской ж. д. и не утвердивши его въ званіи биржевого маклера. Въ томъ и другомъ случаѣ я сознательно взвѣсилъ всѣ обстоятельства дѣла и руководился, конечно, и той репутаціей, которой пользовался Манусъ въ то время.

Урицкій. Когда это было?

О, Это было въ 1909 или 1910 году. Манусъ отплатилъ мнѣ за это, принявши дѣятельное участіе въ интригѣ противъ меня, и открыто похвалялся тѣмъ, что мое увольненіе произошло будто бы при самомъ дѣятельномъ его сотрудничествѣ. Справедливо ли это — я не знаю.

Урицкій. Если бы Вы узнали теперь, что Манусъ занимается разными спекулятивными операціями, то какъ, по Вашему мнѣнію, слѣдуетъ на это смотрѣть, какъ на дѣйствіе чисто спекулятивное, т. е. имѣющее цѣлью просто нажить деньги какимъ-либо способомъ, или же подъ нимъ можетъ быть какая-нибудь политическая подкладка, т. е. поддержка какой-либо партіи или преслѣдованіе какой-нибудь политической комбинаціи?

Я. Не зная въ чемъ именно заключались спекулятивныя дѣйствія Мануса, я затрудняюсь высказать свое мнѣніе, но полагаю, однако, что Манусу едва ли есть теперь дѣло до политики и что всего вѣроятнѣе онъ, какъ и всегда, стремился, главнымъ образомъ, наживать деньги.

На этомъ кончился мой допросъ.

Урицкій далъ мнѣ прочитать и подписать сокращенно (съ большими пропусками многихъ моихъ показаній), но вѣрно записанныя по существу мои заявленія и выдалъ мнѣ пропускъ на освобожденіе меня, забывши, однако, подписать его. Мнѣ пришлось возвращать его къ подписи.

На обращенную мною къ нему просьбу возвратить мнѣ отобранныя бумаги и, въ частности, четыре довѣренности, выданныя мнѣ разными лицами въ Кисловодскѣ, по которымъ я долженъ былъ немедленно начать хлопоты, Урицкій вызвалъ своего секретаря, 19-тилѣтняго Іоселовича, отдалъ ему объ этомъ распоряженіе, и я отправился къ себѣ въ камеру, наверхъ, собирать свои пожитки, чтобы поспѣшить домой.

Мои товарищи по заключенію встрѣтили меня съ неподдѣльною радостью; наперерывъ они старались помочь мнѣ въ укладкѣ моихъ немногихъ вещей. Въ Канцеляріи мнѣ разрѣшили оста-

вить ихъ до присылки за ними человѣка, и я налегкѣ, съ однимъ пальто въ рукахъ поспѣшилъ оставить это ужасное помѣщеніе.

Внизу, въ послѣднихъ дверяхъ, ведущихъ въ швейцарскую, гдѣ отбираются пропуски, я встрѣтилъ г-жу Раухъ, которая успѣла сказать мнѣ только, что моя жена тутъ же въ швейцарской, какъ и ежедневно, и тщетно добивается свиданія со мною.

Нашему съ женою обоюдному удивленію при такой неожиданной встрѣчѣ не было предѣла. Я не чаялъ встрѣтить тутъ ее, а она подумала въ первую минуту, что меня переводятъ въ другое мѣсто и не могла сдержать своей радости, когда узнала, что я свободенъ и могу съ ней вмѣстѣ вернуться домой. Она взяла меня подъ руку, т. к. отъ слабости мнѣ трудно было идти, и мы тихонько добрели пѣшкомъ до Моховой, зайдя по дорогѣ въ Казанскій Соборъ.

Такъ кончился этотъ кошмаръ. Потомъ, находясь уже въ безопасности, я нерѣдко переживалъ воспоминанія о томъ униженіи, которое пришлось пережить, и все спрашивалъ себя, почему же меня освободили, когда столько людей загублено, и каждый разъ я твердилъ себѣ одно — Господь защитилъ меня и не далъ свершиться злому дѣлу. А съ другой стороны, приходила въ голову мысль, что, можетъ быть, этимъ арестомъ я избавился отъ худшаго. Вѣдь всего двѣ недѣли спустя послѣ моего освобожденія въ Петроградѣ произведены были массовые аресты, захвачены многіе изъ моихъ знакомыхъ: Суковкинъ, Зиновьевъ, Бутурлинъ, Лазаревъ, Ген. Вернандеръ, Ген. Поливановъ... Однихъ продержали въ заключеніи многіе мѣсяцы безъ допроса и въ условіяхъ даже худшихъ, чѣмъ меня, другихъ разстрѣляли безъ суда.

Послѣ освобожденія, я первое время почти не выходилъ изъ дому, но сравнительно скоро успокоился, пришелъ, что называется, въ норму, и сталъ вести обычный образъ жизни, полный, конечно, всякихъ тревогъ и опасеній.

До 21-го іюля все шло сравнительно сносно, но съ этого дня начались повальные аресты кругомъ, среди людей одного со мною круга и даже близкихъ намъ знакомыхъ. Арестовали кромѣ выше перечисленныхъ лицъ Князя Васильчикова, В. Ф. Трепова, Охотникова, Графа Толя, А. Ф. Трепова, близкую намъ дѣвушку — Маргариту Саломонъ.

Каждый день только и приходилось слышать о захватѣ либо того, либо другого изъ знакомыхъ. По дому все больше и больше распространялась паника: живущій по одной со мной лѣстницѣ Ермоловъ, женатый на Графинѣ Мордвиновой, пересталъ ноче-

вать дома и сталъ скрываться, появляясь дома только въ неурочное время. Всякій, кто приходилъ ко мнѣ, задавалъ мнѣ постоянно одинъ и тотъ же вопросъ: «Зачѣмъ Вы сидите здѣсь, почему не уѣзжаете куда бы то ни было, вѣдь Васъ, несомнѣнно, опять арестуютъ и Вамъ не сдобровать».

Между тѣмъ, меня никто не трогалъ, и я продолжалъ жить совершенно открыто, находясь, однако, все время подъ вліяніемъ глубокаго душевнаго разлада. Мнѣ не хотѣлось думать объ отъѣздѣ, предпринимать къ тому какіе-либо шаги, не хотѣлось, главнымъ образомъ, покидать дорогихъ близкихъ людей, съ которыми я только что соединился послѣ 7-ми мѣсячной разлуки, не хватало рѣшимости пускаться опять въ неизвѣстность какого-то скитанія и бросить на произволъ судьбы насиженное мѣсто и привычную обстановку, напоминавшую на каждомъ шагу прежнюю мою жизнь.

А съ другой стороны внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что надо уѣхать, пора уйти изъ опасныхъ условій ежеминутнаго страха и пренебречь всѣмъ, во имя спасенія главнаго — жизни. И этотъ голосъ говорилъ все громче и громче, по мѣрѣ того, что творившійся кругомъ ужасъ становился все болѣе и болѣе грознымъ.

Разстрѣляли 83-лѣтняго старика — Протоіерея Ставровскаго, потопили на взморьѣ, между Петербургомъ и Кронштадтомъ, массу офицеровъ, разстрѣляли В. Ф. Трепова, появился списокъ заложниковъ, испещренный знакомыми именами, разгромили англійское посольство, убили въ немъ Лейтенанта Кроми и выбросили его трупъ на Набережную.

Намеки знакомыхъ становились все настойчивѣе и упорнѣе, и мы стали наводить стороной справки какъ и куда можно уѣхать. Но отвѣты получались одинъ другого менѣе и менѣе утѣшительные. Становилось ясно, что получить открыто заграничный паспортъ, какъ это удалось Графинѣ Клейнмихель, и выѣхать открыто хотя бы въ Финляндію намъ не удастся, ибо мнѣ не только не дадутъ паспорта, но самое обращеніе за нимъ вызоветъ безспорно немедленный арестъ, занесеніе въ списокъ заложниковъ и — неминуемую гибель. Примѣръ Князя П. П. Волконскаго служилъ тому явнымъ подтвержденіемъ. Столь же грустныя умозаключенія получились и въ отношеніи возможности побѣга. Изъ всѣхъ свѣдѣній было ясно, что попытка побѣга, особенно съ женой, почти неосуществима и сопряжена, во всякомъ случаѣ, съ величайшимъ рискомъ.

Большинство моихъ дѣловыхъ знакомыхъ — Покровскій, Лопухинъ, Ельяшевичъ, да и многіе другіе, находили даже, что

переодѣваніе, сбриваніе бороды, хулиганская наружность — просто недостойны меня, помимо величайшаго риска — быть опознаннымъ и, слѣдовательно, немедленно разстрѣляннымъ.

Къ этой порѣ относится одинъ эпизодъ, который казался мнѣ тогда просто непонятнымъ и разъяснился уже впослѣдствіи, когда я былъ за рубежомъ.

Я не разъ говорю въ моихъ Воспоминаніяхъ о моихъ добрыхъ, хотя и чисто дѣловыхъ отношеніяхъ съ Генераломъ Поливановымъ, не только въ ту пору, когда я былъ Министромъ Финансовъ и затѣмъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, но и потомъ, во время войны.

Когда я былъ освобожденъ изъ заключенія, Генералъ Поливановъ пришелъ навѣстить меня, и мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ у него до его ареста, обсуждая начатыя имъ приготовленія къ записи его Воспоминаній недавней поры. Послѣ его ареста я не разъ заходилъ къ его женѣ, стараясь поддерживать ее морально въ постигшемъ ее горѣ и настойчиво прося заходить къ намъ, чтобы вмѣстѣ коротать тяжелые дни. Она ни разу не пришла къ намъ.

Въ концѣ августа или началѣ сентября, Генералъ Поливановъ былъ освобожденъ изъ Дерябинскихъ казармъ на Васильевскомъ островѣ и тоже ко мнѣ не зашелъ. Мы встрѣтились съ нимъ въ церкви Св. Пантелеймона на улицѣ того же наименованія, и онъ подошелъ ко мнѣ, чтобы поблагодарить за вниманіе, оказанное его женѣ, но на вопросъ, что предполагаетъ онъ теперь дѣлать, отвѣтилъ уклончиво, сказавши — «буду ждать очевиднаго новаго ареста». На повторное приглашеніе мое видѣться со мною, пользуясь близкимъ сосѣдствомъ, онъ отвѣтилъ также уклончиво и ни разу не зашелъ ко мнѣ до самого побѣга моего заграницу и только однажды, встрѣтившись на улицѣ, молча прошелъ мимо меня, поклонился и не остановился. Разгадку этого страннаго отношенія я нашелъ только впослѣдствіи, уже въ эмиграціи, когда намъ стало извѣстно участіе, принятое имъ въ совѣтской службѣ и выразившееся, какъ сообщалось въ газетахъ, въ разработкѣ рижскаго договора съ сосѣдними, отдѣлившимися отъ Россіи, государствами.

Насколько это справедливо, я не берусь утверждать. Но ставшія потомъ извѣстными обстоятельства его кончины были также какія-то загадочныя.

Недѣли тянулись за недѣлями, іюль смѣнился августомъ. 17-го августа убили Урицкаго, и въ отместку пошли массовые

разстрѣлы и новые аресты, а меня все оставляли въ покоѣ. У жены моей явилась даже успокоительная мысль, что меня, вѣроятно, и совсѣмъ не тронутъ, т. к. освободилъ меня Урицкій, а его мѣсто, послѣ его убійства, занялъ временно его же помощникъ Бокій, открыто заявившій, что противъ меня нѣтъ никакихъ обвиненій.

Мы продолжали жить по прежнему, постепенно продавая все, что можно было продать, для того, чтобы жить, а отнюдь не съ цѣлью готовить деньги къ побѣгу. Жизнь дорожала не по днямъ, а по часамъ, и мы видѣли ясно, что, проживая до 7000 р. въ мѣсяцъ, нужно просто имѣть большую сумму на рукахъ, чтобы не умереть съ голоду. Мы съ женой продали всего вещей, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ и до половины октября, почти на 60.000 рублей (за одни ковры я выручилъ около 40 тыс. рублей, за экипажи 5 тыс.), да съ текущаго счета я снялъ за все время около 15 тыс. руб. и получилъ въ долгъ отъ 3-го Общества Взаимнаго Кредита — 10 тысячъ р. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ остаткомъ въ 8 тыс., привезеннымъ съ Кавказа, у меня было за лѣто, на рукахъ, почти 90 тысячъ. Больше 35 тыс. мы прожили до конца октября и къ этому сроку у меня было на рукахъ около 55 тыс. рублей, да у жены образовался остатокъ отъ хозяйства около 5 тысячъ, такъ что всего у насъ было круглымъ счетомъ — 60 тысячъ рублей.

За все это время постоянныхъ колебаній, мученій и нерѣшительности «ѣхать или оставаться», мнѣ было сдѣлано три предложенія относительно отъѣзда. Первое — Германскимъ консуломъ фонъ Брейтеромъ, въ концѣ августа. Второе — приблизительно въ то же время однимъ офицеромъ Австрійской миссіи, жившимъ въ одномъ съ нами домѣ, и третье — уже въ началѣ октября — совершенно невѣдомымъ мнѣ евреемъ, привезшимъ изъ Кіева отъ Залшупина и Криличевскаго письмо съ просьбою довѣриться этому человѣку, черезъ котораго будетъ устроенъ выѣздъ мой съ женой на Украйну.

Два послѣднія предложенія были настолько фантастичны и такъ ребячески обставлены, что я просто не могъ отнестись къ нимъ серьезно. О нихъ не стоитъ даже и говорить. Предложеніе же Германскаго Консула было совершенно дѣловито и очень ясно. Германское Правительство, сказалъ мнѣ Консулъ фонъ Брейтеръ, слѣдуя указаніямъ Его Величества Императора, желаетъ сдѣлать все возможное, чтобы спасти меня. Оно предложило ему сдѣлать мнѣ въ этомъ смыслѣ опредѣленное заявленіе, и Консулъ предлагаетъ мнѣ исполнить то же самое, что было имъ сдѣлано для

А. Ф. Тренова. Я долженъ перебраться съ женой на 4—5 дней въ Генеральное Консульство, сбрить бороду, одѣться въ невзрачный, полурабочій, костюмъ, и мы будемъ перевезены или въ Финляндію или въ Псковъ, смотря по тому, что представится безопаснѣе въ данную минуту.

Во время моей бесѣды съ Консуломъ я продолжалъ упорствовать въ моемъ желаніи не покидать Петрограда. На настойчивые вопросы его почему я не хочу воспользоваться сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ, я отвѣтилъ ему, что не вижу чѣмъ и какъ я буду жить, добравшись до Германіи. Заграницей у меня нѣтъ никакихъ средствъ, найти работу въ Берлинѣ я не могу; — война тогда была еще въ полномъ разгарѣ. Добравшись до моей дочери въ Швейцаріи, я долженъ буду тотчасъ же очутиться въ самомъ бѣдственномъ положеніи, т. к. она до сихъ поръ жила на мои же средства, сама ихъ не имѣетъ, и проникнуть во Францію, гдѣ у меня остались отъ прошлаго нѣкоторыя отношенія, мнѣ, вѣроятно, вовсе не удастся, т. к., несомнѣнно, тамъ будутъ знать объ оказанномъ мнѣ содѣйствіи германскимъ правительствомъ къ выѣзду изъ Россіи. Наконецъ, я надѣюсь, что меня здѣсь не тронутъ, и мнѣ удастся какъ-нибудь просуществовать.

Фонъ Брейтеръ слушалъ меня молча, не возразилъ ни противъ одного изъ моихъ аргументовъ и только прощаясь со мною, сказалъ: «Мнѣ сдается, что Вы не хотите выразить Вашей главной мысли о томъ, что Вы просто не желаете получить услугу отъ германскаго правительства, которое, быть можетъ, Вы считаете, какъ и многіе, не только виновникомъ войны, но и всего, что происходитъ теперь въ Россіи». Я попросилъ его разрѣшить мнѣ не отвѣчать на его послѣднія слова, т. к. дать ему исчерпывающій отвѣтъ я, во всякомъ случаѣ, не имѣю возможности и хочу только еще разъ поблагодарить его. На этомъ мы разстались.

Главную роль въ моемъ отказѣ Германскому Консулу играла все-таки надежда на то, что меня не тронутъ, какъ не трогали до сихъ поръ. У меня просто не было рѣшимости думать объ отъѣздѣ.

Такъ шло время примѣрно до 20-го октября. За этотъ тяжелый промежутокъ, кромѣ вѣчнаго страха передъ обыскомъ, арестомъ и разстрѣломъ, страха настолько осязательнаго, что по вечерамъ и ночамъ мы прислушивались къ каждому шороху, ожидая каждую минуту, что появятся непрошенные гости и надвинется новая бѣда, новое униженіе, слѣдуетъ отмѣтить только два обстоятельства, одно, глубоко врѣзавшееся въ памяти и имѣвшее прямое значеніе для всѣхъ послѣдующихъ событій.

20-го іюля или около этого числа, въ офиціальныхъ большевистскихъ газетахъ появилось извѣстіе объ убійствѣ Государя въ ночь съ 16-то на 17-ое іюля въ Екатеринбургѣ, по постановленію мѣстнаго Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Приводилось и имя предсѣдателя этого подлаго трибунала —Бѣлобородова. Говорилось тогда объ убійствѣ одного Государя и упоминалось, что остальные члены Его семьи въ безопасности.

Сказать, что извѣстіе это поразило меня своей неожиданностью, я не могу. Еще въ бытность мою на Кавказѣ, когда мнѣ приходилось слушать кругомъ меня самыя опредѣленныя надежды на близкій конецъ большевизма, я всегда говорилъ по поводу перемѣщенія Царской семьи въ Тобольскъ, что это—начало страшнаго конца, и что гнусная расправа съ нею — только вопросъ времени. Я не скрывалъ своего взгляда и говорилъ многимъ о томъ, что̀ думалъ, и когда мы узнали, что Ихъ увезли въ Тобольскъ, и потомъ появилось извѣстіе, что на Екатеринбургъ двигаются Чехо-Словаки, нечего было и сомнѣваться въ томъ, какая участь ожидаетъ ихъ.

На всѣхъ, кого мнѣ приходилось видѣть въ Петроградѣ, это извѣстіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе: одни просто не повѣрили, другіе молча плакали, большинство просто тупо молчало. Но на толпу, на то, что принято называть «народомъ» — эта вѣсть произвела впечатлѣніе, котораго я не ожидалъ.

Въ день напечатанія извѣстія я былъ два раза на улицѣ, ѣздилъ въ трамваѣ и нигдѣ не видѣлъ ни малѣйшаго проблеска жалости или состраданія. Извѣстіе читалось громко, съ усмѣшками, издѣвательствами и самыми безжалостными комментаріями... Какое-то безсмысленное очерствѣніе, какая-то похвальба кровожадностью. Самыя отвратительныя выраженія: «давно бы такъ», «ну-ка — поцарствуй еще», «крышка Николашкѣ», «эхъ братъ, Романовъ, доплясался» — слышались кругомъ, отъ самой юной молодежи, а старшіе либо отворачивались, либо безучастно молчали. Видно было, что каждый боится не то кулачной расправы, не то застѣнка.

Другое обстоятельство было вызвано постоянными обращеніями ко мнѣ близкихъ и знакомыхъ объ опасности для меня жить на своей квартирѣ и о предпочтительности, если ужъ оставаться въ Петроградѣ, то перебраться куда-либо въ менѣе замѣтное помѣщеніе. Въ одну изъ моихъ встрѣчъ съ австрійцемъ Гааромъ, представителемъ делегаціи Краснаго Креста, онъ усиленно уговаривалъ меня найти какое-либо убѣжище, куда бы мы могли скрыться, хотя бы на время, на нѣсколько дней, въ связи

съ постоянными толками о близкомъ занятіи Петрограда нѣмцами. Передъ ихъ приходомъ всѣ предрекали уличные безпорядки, разгромъ богатыхъ квартиръ и неминуемую опасность жить такъ на виду, какъ жили мы.

Эти настоянія не могли не производить на меня впечатлѣнія. Одинъ изъ говорившихъ мнѣ объ этомъ, мой бывшій подчиненный по Канцеляріи Совѣта Министровъ, разстрѣлянный потомъ вмѣстѣ съ многими лицеистами въ іюлѣ 1925 года, сказалъ даже, что такое помѣщеніе у него имѣется для насъ въ виду, и что мы можемъ въ любой моментъ воспользоваться имъ. Оно было указано намъ въ одномъ изъ новыхъ громадныхъ домовъ въ концѣ Кирочной улицы.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ мнѣ приходилось время отъ времени навѣщать одного изъ близкихъ мнѣ представителей дипломатическаго корпуса, съ которымъ я былъ связанъ давними отношеніями. Онъ согласился хранить мои деньги и конвертъ съ документами и вообще относился ко мнѣ съ крайней предупредительностью. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, мы разговорились съ нимъ объ опасности моего положенія, о чрезвычайной рискованности побѣга, вмѣсто съ женой, и вообще о безвыходности моего положенія. Онъ рѣшительно не совѣтовалъ мнѣ предпринимать какіе-либо шаги къ полученію открытаго разрѣшенія на выѣздъ заграницу, выражая также увѣренность въ томъ, что малѣйшая попытка въ этомъ отношеніи будетъ имѣть только одинъ результатъ — неминуемый арестъ мой со всѣми роковыми его послѣдствіями и такъ же, какъ и другіе, раздѣлялъ взглядъ о рискованности для меня оставаться въ моей квартирѣ, въ особенности при возможности занятія Петрограда нѣмцами.

На мое замѣчаніе, что намъ некуда дѣваться, и что всякое прiискиванье помѣщенія, при распространившихся доносахъ и всеобщей подозрительности, также чрезвычайно опасно, онъ прямо предложилъ мнѣ и женѣ распологать свободнымъ помѣщеніемъ одного близкаго ему знакомаго, предоставлявшаго ему распорядиться имъ, и перейти въ него, когда только намъ вздумается, даже не предупреждая его, т. к. это лицо дало ему право пользоваться имъ, и онъ можетъ намъ дать двѣ свободныя комнаты, достаточно изолированныя.

За все это время нами была сдѣлана только одна попытка къ отъѣзду, однако, совершенно неудавшаяся. Женѣ посовѣтовали обратиться къ гражданской женѣ Максима Горькаго, бывшей актрисѣ Андреевой, занимавшей должность какого-то комиссара, съ просьбой помочь намъ выѣхать въ Финляндію. Жена вынесла и

это униженіе, была милостиво принята, но получила въ отвѣтъ: «обождите, сейчасъ ничего не могу, у меня на рукахъ Гавріилъ Константиновичъ, котораго нужно переправить туда же. Можетъ быть послѣ него что-нибудь придумаю».

Около 20-то октября я какъ-то сидѣлъ дома, ко мнѣ позвонили, и вошелъ никогда не бывавшій у насъ Н. Н. Столыпинъ, женатый на Араповой, и пришелъ только для того, чтобы сказать мнѣ, что онъ былъ наканунѣ на Мойкѣ, въ домѣ Юсупова, гдѣ помѣщается нѣмецкое бюро о военно-плѣнныхъ, и тамъ услышалъ, что въ теченіе ближайшихъ дней предстоитъ мой арестъ.

Не медля ни одной минуты я отправился къ Германскому Консулу, въ помѣщеніе котораго я ходилъ изрѣдка, чтобы получать Берлинскія газеты, засталъ его дома и передалъ ему разсказъ Столыпина. Онъ тотчасъ же спросилъ кого-то изъ своихъ сотрудниковъ, позвонилъ по телефону на Мойку и изъ обоихъ мѣстъ получилъ отвѣтъ, что никто ничего не знаетъ на мой счетъ, и я ушелъ совершенно успокоенный предположеніемъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ, кто-нибудь просто выразилъ Столыпину недоумѣніе, какимъ образомъ я не арестованъ, при массовыхъ арестахъ, а тотъ просто принялъ это за предупрежденіе объ арестѣ и счелъ своей обязанностью сказать мнѣ объ этомъ.

Ближайшіе дни только подтвердили мою, догадку: никто не появлялся въ нашемъ домѣ и до 29-го октября ничто не тревожило насъ больше, чѣмъ во все предыдущее время.

29-го, во вторникъ, ровно въ 7½ час. вечера, когда я только что сѣлъ обѣдать, вернувшись незадолго передъ тѣмъ изъ засѣданія Союза защиты русскихъ интересовъ въ Германіи, раздался телефонный звонокъ, и В. К. Кистеръ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: «Не можете ли Вы сейчасъ пріѣхать ко мнѣ — очень нужно». На мой отвѣтъ, что я недавно вернулся домой, чувствую себя неважно и по вечерамъ не выхожу изъ дома, онъ сталъ настаивать на непремѣнномъ моемъ пріѣздѣ: «Очень нужно, дѣло касается Васъ, Владиміръ Николаевичъ, — ждать нельзя...» Догадавшись въ чемъ дѣло, я сказалъ ему: «Если такъ, то почему же Вы сами не пріѣдете, вѣдь Вы моложе меня и здоровьемъ крѣпче?»

— «Ну хорошо, пожалуй, я пріѣду», сказалъ онъ... Я передалъ объ этомъ женѣ, мы наскоро пообѣдали и стали ждать пріѣзда Кистера. Черезъ полчаса, если даже не больше, раздался звонокъ, я отворилъ самъ дверь и вмѣсто Кистера, съ письмомъ отъ него появилась молодая дама (фамиліи своей она не назвала), которая и разсказала слѣдующее: часъ тому назадъ ихъ общая

съ Кистеромъ знакомая, г-жа Г. пріѣхала къ Кистеру, у котораго обѣдала и пріѣхавшая ко мнѣ дама, — прямо съ Гороховой, куда она ѣздила чуть ли не каждый день, помогая своими связями съ большевиками разнымъ арестованнымъ и выручая многихъ изъ нихъ. Мадамъ Г. передала, что въ исходѣ шестого часа, въ Канцеляріи слѣдственной комиссіи, куда она имѣетъ свободный доступъ, она была случайнымъ свидѣтелемъ такой сцены между двумя красноармейцами и чиновникомъ канцеляріи, съ которымъ она только-что имѣла дѣловое объясненіе. Перебивая ея объясненія, одинъ изъ солдатъ самымъ рѣзкимъ тономъ обратился къ служащему со слѣдующими словами: «Что же, долго намъ тутъ ждать, покуда вы будете разговаривать?» На вопросъ служащаго: «Что Вамъ нужно и почему Вы кричите на меня, вѣдь не я Васъ задерживаю», солдатъ постепенно возвышая голосъ, почти выкрикнулъ: «Намъ велѣли взять ордеръ на арестъ бывшаго Министра Коковцова и намъ сказано, что его намъ выдадутъ въ 5 часовъ, а теперь уже безъ малаго шесть и никто намъ ничего не даетъ. Мы больше ждать не станемъ, пусть посылаютъ другихъ».

Служащій канцеляріи отвѣтилъ на это: «У меня никакого ордера нѣтъ, а когда его пришлютъ, я выдамъ безъ задержки».

Солдаты отошли въ сторону и стали переговариваться между собой, г-жа Г. спросила чиновника что ему извѣстно? Не дѣлая никакого секрета, онъ отвѣтилъ ей совершенно спокойно: «Состоялось постановленіе комиссіи арестовать Графа Коковцова, какъ заложника, ордеръ подписанъ, но число еще не проставлено и мнѣ его не передали. Можетъ быть вышлютъ каждую минуту, а можетъ быть задержатъ на день другой, у насъ вѣдь порядки разные». На замѣчаніе г-жи Г., что по газетамъ Графъ Коковцовъ былъ уже арестованъ и освобожденъ самимъ Урицкимъ, ей было отвѣчено: «Мало ли что, теперь ужъ его не освободятъ, пора съ нимъ покончить». Солдаты оставались въ это время все еще въ комнатѣ и медлили уходить. Г-жа Г. подошла къ нимъ и, т. к. они не участвовали въ ея разговорѣ со служащимъ и даже не слышали его, переспросила ихъ кого имъ предстоитъ арестовать. Въ отвѣтъ она услышала: «почемъ мы знаемъ, намъ сказали, что многихъ будутъ арестовывать, а только назвали бывшаго царскаго Министра Коковцова».

Зная, что Кистеръ близко знакомъ со мною, Г-жа Г. тотчасъ побѣжала предупредить его и такимъ образомъ мнѣ стало извѣстно это намѣреніе.

Терять времени было нечего, а тѣмъ болѣе провѣрять правильность слуха точными справками не было возможности, т. к.

каждую минуту, въ особенности съ приближеніемъ ночи (было почти 9 час.) можно было ожидать ареста. Мы рѣшились немедленно покинуть домъ и скрыться въ предложенномъ мѣстѣ, чтобы тамъ обдумать на что рѣшиться. Я все-таки успѣлъ попросить жившаго въ одномъ домѣ со мною В. И. Тимирязева спросить осторожно по телефону Германскаго Консула, съ которымъ онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, нѣтъ ли у него свѣдѣній и узналъ тутъ же изъ телефоннаго его отвѣта, что тѣ же свѣдѣнія имѣются у него, и что мнѣ слѣдуетъ быстро принять рѣшеніе.

Жена стала собирать кое-какія вещи для 1—2 ночлеговъ, а я немедленно рѣшился ѣхать на трамваѣ къ Николаевскому мосту, чтобы оттуда зайти къ упомянутому выше нашему близкому знакомому съ цѣлью спросить его, можемъ ли мы теперь найти тотъ временный пріютъ, о которомъ была уже рѣчь, съ тѣмъ чтобы жена, захвативши чемоданчикъ съ вещами и взявши нашу прачку проводить ее также по трамваю въ томъ же направленіи, — послѣдовала за мной. Я обѣщалъ встрѣтить ее у выхода изъ вагона, взять вещи, отпустить прачку, чтобы ей не было извѣстно куда мы направились. Такъ я и сдѣлалъ. Когда я пришелъ въ указанное мѣсто, хозяина не было дома—меня приняла его экономка, которая была заранѣе предупреждена, сказала, что помѣщеніе для насъ всегда готово, и я вернулся къ мѣсту остановки трамвая, ожидая жену. Безконечно тянулось время моего ожиданія, прошло нѣсколько трамваевъ, а жены все еще не было. Затѣмъ болѣе получаса совсѣмъ не было трамвая № 25, съ которымъ должна была пріѣхать жена; затѣмъ издали появился этотъ трамъ, остановился, стала выходить публика, а жены все еще не было. Наконецъ, въ полу-темнотѣ меня дернула за рукавъ наша прачка: оказалось, что жена вышла съ передней площадки, я просмотрѣлъ было ее, — взялъ чемоданчикъ, и мы пошли въ наше убѣжище. Хозяина помѣщенія (адресъ его былъ мнѣ указанъ раньше) также не было дома, мы заняли, однако, отведенное намъ помѣщеніе и до утра не видѣли никого. Ночь прошла, конечно, безъ сна: мы все обдумывали что намъ предпринять, т. к. было ясно, что необходимо бѣжать изъ Петрограда. Только куда и какъ?

Въ качествѣ перваго предположенія, на которомъ я рѣшилъ остановиться, было просить моего домохозяина вызвать къ нему для свиданія со мною одного финляндскаго уроженца, съ которымъ я встрѣтился дважды за послѣднее время, а также и германскаго консула, отчасти съ цѣлью точнѣе провѣрить сообщен-

ные мнѣ слухи, но, главнымъ образомъ, для того, чтобы узнать нѣтъ ли у него теперь въ виду кого-либо для помощи намъ...

Утромъ, въ среду, 30 октября нашъ хозяинъ встрѣтилъ насъ самымъ привѣтливымъ образомъ, просилъ располагать его помѣщеніемъ сколько намъ бы ни потребовалось, одобрилъ вызовъ предложенныхъ мною лицъ, пригласилъ ихъ къ себѣ къ 2-мъ часамъ и совѣтовалъ только мнѣ не выходить изъ дома и не приглашать многихъ изъ нашихъ знакомыхъ. Я попросилъ его разрѣшенія повидаться только съ одной изъ моихъ сестеръ, въ лицѣ которой я хотѣлъ проститься со всею моей семьею.

Ровно въ два часа съѣхались всѣ. Съ консуломъ фонъ Брейтеромъ пріѣхалъ его помощникъ, который и велъ весь разговоръ. Жена при этомъ не присутствовала. Ассесоръ подтвердилъ, что слухъ о моемъ близкомъ арестѣ дошелъ и до нихъ, и всѣ втроемъ въ одинъ голосъ они сказали, что не должно быть и рѣчи о какомъ-либо колебаніи — уѣзжать или оставаться, что я и безъ того слишкомъ долго рисковалъ своею жизнью, что онъ даже недоумѣваетъ какимъ образомъ я все еще на свободѣ, и что все сводится только къ вопросу, куда и какъ бѣжать. Оба эти лица рѣшительно отвергли всякую мысль бѣжать на Украйну какимъ бы то ни было путемъ — на Оршу или Псковъ — оба пути представлялись просто закрытыми. Я тоже отвергъ эту комбинацію, сославшись на то, что отъ Украйны я давно отказался по соображеніямъ чисто политическимъ, не желая участвовать въ ея сепаратизмѣ. Объ этомъ послѣднемъ соображеніи я, конечно, умолчалъ въ присутствіи указанныхъ лицъ, и мы стали обсуждать возможность побѣга черезъ Финляндскую границу. Два плана были предложены на мое рѣшеніе.

Мой знакомый финляндецъ, удостовѣривъ меня въ томъ, что я могу быть заранѣе увѣренъ въ прекрасномъ пріемѣ и во всякомъ содѣйствіи со стороны Финляндскихъ властей, предложилъ переговорить съ однимъ рыбакомъ, недавно перевезшимъ на парусной лодкѣ Сухомлинова и его жену съ Лахты въ Теріоки.

Этотъ планъ показался мнѣ просто непріемлемымъ. Пускаться въ море на четырехчасовой переѣздъ съ женой, подъ носомъ у большевистскихъ сторожевыхъ судовъ, было просто безуміемъ. Такъ отнеслись и всѣ присутствующіе. Мнѣ предложили тогда другой, болѣе простой, хотя все же рискованный планъ: попытаться переговорить съ тѣмъ человѣкомъ, который два мѣсяца назадъ переправилъ черезъ Бѣлоостровъ А. Ф. Трепова. Одинъ изъ участниковъ нашего совѣщанія взялся, правда, только прислать этого человѣка ко мнѣ, если онъ согласится въ

принципѣ участвовать въ такомъ предпріятіи, предоставляя все дѣло моему непосредственному съ нимъ соглашенію, но изъявивъ готовность даже поѣхать вмѣстѣ съ нами въ Бѣлоостровъ, чтобы въ случаѣ какого-либо несчастья защитить насъ, снабдивъ насъ предварительно какими-либо документами. Всѣ мы, конечно, отлично понимали всю безцѣльность такой защиты, если бы ее пришлось примѣнить, но выбора у меня не было, потому что всѣмъ было ясно, что мнѣ нужно бѣжать, а сдѣлать все безъ большого риска не было никакой возможности.

Мы стали ожидать слѣдующаго дня. Пришла моя сестра, чтобы раздѣлить мое томительное одиночество, т. к. жена рѣшилась сходить домой, начать готовить вещи къ укладкѣ и прибрать кое-что въ домѣ. Нашъ хозяинъ обѣщалъ послѣ нашего отъѣзда постараться помочь намъ переслать кое-что наиболѣе нужное изъ нашихъ вещей, конечно, если ихъ будетъ немного, и если намъ удастся не только наладить, но и выполнить нашъ рискованный планъ.

Мучительно и медленно тянулся день, и еще мучительнѣе было въ безсонную вторую ночь. Разсудокъ явно рисовалъ всю опасность задуманнаго шага, всю невыносимую тягость разлуки со всѣми, кого я люблю, и всю безпросвѣтную перспективу скитанія на чужбинѣ въ обстановкѣ, проникнутой всевозможными неожиданностями и полнѣйшею неизвѣстностью того, что насъ ждетъ впереди. Рѣшиться на эту прямо-таки смертельную опасность было все же необходимо, потому что тутъ была еще надежда на спасеніе, а оставаясь въ Петроградѣ — приходилось только ждать ареста и неизбѣжного конца.

Въ четвергъ, 31-го утромъ жена опять ушла домой, потому что обыска тамъ ночью не было, о чемъ мы справились по телефону не въ нашей квартирѣ, и никто, видимо, еще не установилъ наблюденія за нашей квартирой.

Ровно въ 2 часа нашъ хозяинъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что меня спрашиваетъ нѣкто, назвавшійся Антоновымъ, котораго онъ и ввелъ въ комнату. Жена, къ тому времени вернувшаяся домой, вышла, и мы остались съ нимъ вдвоемъ. Первое впечатлѣніе было самое непріятное — невольно промелькнула мысль: вотъ у кого въ рукахъ теперь моя жизнь и жизнь жены; мы погибли, если только онъ выдастъ насъ большевикамъ. А они, разумѣется, заплатятъ ему больше за то, чтобы уличить меня въ желаніи бѣжать, нежели я смогу заплатить ему за нашъ отъѣздъ. Его внѣшній видъ не внушалъ мнѣ тоже никакого довѣрія, и откуда пришелъ онъ, мнѣ было совершенно неизвѣстно.

— Что Вамъ угодно? — невозмутимо спросилъ онъ меня. Я отвѣтилъ, что, вѣроятно, ему сообщено уже о причинѣ моего желанія видѣть его, но онъ категорически на это отвѣтилъ, что лично никого не видѣлъ и ему только передано однимъ знакомымъ, что его просто желалъ видѣть кто-то, находящійся въ указанномъ ему домѣ.

Мнѣ пришлось объяснить ему наше положеніе и въ концѣ моего короткаго изложенія я сказалъ ему прямо: «скажите мнѣ просто и откровенно, можете ли Вы помочь моему выѣзду изъ Петрограда, а если не можете или считаете время слишкомъ опаснымъ и не подходящимъ, то прямо откажитесь, не подвергая себя никакому риску, а я, въ такомъ случаѣ, освобожу моего хозяина отъ опаснаго для него моего пребыванія въ его домѣ и вернусь къ себѣ, въ ожиданіи своей неизбѣжной участи».

Выслушавши меня, Антоновъ сказалъ: «Вы одни собираетесь уѣхать или съ супругой? Васъ одного я берусь вывезти, но съ дамой сейчасъ рѣшительно нельзя выбраться».

Я сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ мнѣ приходится отказаться отъ моего намѣренія, потому что жены я не оставлю и предпочитаю погибнуть быстро, нежели прійти медленно къ тому же концу. Антоновъ сталъ уговаривать меня сначала уѣхать одному, такъ же, какъ сдѣлалъ Треповъ, и обѣщалъ черезъ нѣсколько дней доставить въ Финляндію и жену. Я категорически отказался, объяснивши ему, что съ моимъ отъѣздомъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ арестъ моей жены. Я истомлюсь отъ неизвѣстности и не дождавшись ея пріѣзда вернусь обратно, чтобы освободить жену и отдаться моей судьбѣ. Тогда Антоновъ, просидѣвши молча нѣсколько томительныхъ минутъ, уставился на меня глазами въ упоръ и титулуя «Ваше Сіятельство» задалъ мнѣ, поразившій меня вопросъ: «вѣдь Вы были близки съ такимъ то (онъ назвалъ мнѣ одного давно умершаго близкаго мнѣ человѣка), и даже помогали ему всю его жизнь? Въ его домѣ, въ окрестностяхъ Петрограда, я часто мелькомъ видѣлъ Васъ, будучи самъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, а теперь скажу Вамъ, что онъ былъ моимъ истиннымъ благодѣтелемъ, поднялъ меня изъ грязи, поставилъ на ноги, научилъ честно работать, женилъ меня и былъ крестнымъ отцомъ моего ребенка. По памяти къ нему я долженъ спасти Васъ и Вашу супругу и, можетъ быть, самъ погибну, но Васъ въ Финляндію перевезу. Нужно только это сдѣлать скоро, и чтобы никто объ этомъ ничего не зналъ».

Эти слова произвели на меня ошеломляющее впечатлѣніе и я, уже привыкши за послѣднее время видѣть цѣлый рядъ чудес-

ныхъ явленій надо мною, сказалъ себѣ, что, видимо, Господь не хочетъ еще моей гибели и ведетъ меня какимъ-то невѣдомымъ мнѣ путемъ. Куда? Зачѣмъ? Къ чему? На это у меня не было, да и не могло быть отвѣта... Да и на самомъ дѣлѣ: какимъ логическимъ, разсудочнымъ путемъ можно додуматься до того, что въ самую страшную минуту жизни, когда мнѣ казалось, что я предаю мою жизнь въ руки какого-то невѣдомаго человѣка, судьба ставитъ меня лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, обязаннымъ всей своей жизнью моему, давно умершему другу, и желающимъ, въ моемъ лицѣ, отплатить ему за то добро, которое онъ ему сдѣлалъ.

Случай! скажутъ мнѣ. Да, конечно, случай, но такіе же случаи были и мое возвращеніе съ Кавказа и встрѣча съ матросами на Тихорѣцкой и ихъ изобрѣтеніе, что я хочу занять мѣсто помощника Троцкаго, и охрана ими нашего вагона во время разгрома поѣзда на ст. Богоявленской и допросъ мой Урицкимъ и освобожденіе изъ тюрьмы. Все «случаи», но всѣ они спасли до сихъ поръ мою жизнь, какъ была она спасена въ 1909 году въ Харбинѣ, когда рядомъ со мной былъ убитъ Князь Ито, и черезъ мою голову пролетѣли пули, ранившія японцевъ.

Мы быстро условились съ Антоновымъ и установили всѣ подробности отъѣзда. День онъ назначилъ самъ — субботу 2-го ноября и тутъ же предложилъ цѣлый планъ. Ни я, ни жена не должны мѣнять нашего костюма, мнѣ онъ посовѣтовалъ только подрѣзать бороду, замѣнить шляпу фуражкой, вещи должны быть уложены въ небольшой ручной чемоданчикъ, обернутый въ старый мѣшокъ, за нимъ придетъ посланный Антонова не позже 10 часовъ утра; самъ Антоновъ придетъ за мной въ 12 час., и мы направимся кружнымъ путемъ по трамваямъ и приморской дорогѣ и сядемъ въ Финляндскій поѣздъ въ Озеркахъ или на Удѣльной, а за женой придетъ жена Антонова около 2 часовъ и поѣдетъ съ нею прямо на Финляндскій вокзалъ и выѣдетъ съ поѣздомъ 3 часа 40 минутъ. Въ тотъ же поѣздъ сядемъ и мы. Во всемъ остальномъ Антоновъ просилъ положиться на него. Плата за все предпріятіе была опредѣлена имъ въ 4.000 руб., причемъ Антоновъ сказалъ, что проводитъ меня на Финляндскую сторону и тамъ уже получитъ отъ меня письма для доставки моимъ близкимъ. Деньги я отдамъ ему тоже въ Финляндіи.

Вечеръ этого дня и весь слѣдующій день мы провели нѣсколько менѣе тревожно. Отношеніе Антонова къ близкимъ мнѣ людямъ, внесло значительную долю облегченія въ наши опасенія. Явилась, во всякомъ случаѣ, надежда на то, что онъ не выдаетъ насъ большевикамъ. Спокойнѣе смотрѣла и сестра моя, сов-

сѣмъ бодръ былъ и нашъ хозяинъ, котораго я мало зналъ, но онъ проявилъ удивительное участіе къ намъ. Утромъ въ пятницу пришла проститься со мною Е. Ю. Икскуль, но показалась мнѣ значительно менѣе бодрою и увѣренною, чѣмъ въ первое посѣщеніе въ среду. Она стала жаловаться на свою усталость, на полное одиночество послѣ моего отъѣзда, и я всячески ее уговаривалъ уѣхать въ Балтійскій край, гдѣ у нея масса родныхъ и знакомыхъ, а оттуда легче пробраться черезъ Германію въ Швейцарію или въ Грецію къ брату. Этотъ планъ ей, повидимому, понравился, и послѣ обсужденія разныхъ мелочей и подробностей она ушла отъ меня, видимо, успокоенная, успокоивши и меня категорическимъ обѣщаніемъ уѣхать изъ Петрограда въ концѣ декабря или началѣ января.

Никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что черезъ 11 дней развалится Германія, Балтійскій край будетъ очищенъ ею, временно захваченъ большевиками и возможность выѣхать туда, а затѣмъ далѣе заграницу — отпадетъ.

Днемъ въ пятницу жена опять пробралась въ домъ — укладывала вещи и готовила перевезти небольшой чемоданъ, куда было условлено съ нашимъ хозяиномъ сложить добавочныя вещи. Я провелъ опять часть времени съ сестрой, а вечеръ и ночь (третья безъ сна) прошли въ нервномъ ожиданіи утра и связанныхъ съ нимъ событій. Жена подрѣзала мнѣ бороду и такъ нервничала, что у нея тряслись руки, и когда эта операція была кончена, то мы оба сказали, что никакой перемѣны она не дала.

Въ субботу, съ 8-ми часовъ утра мы были уже на ногахъ, и я ждалъ, придутъ ли за нашимъ ручнымъ мѣшкомъ. Въ 10 час. никто за нимъ не пришелъ; пришла сестра проститься, и мы стали ждать прихода Антонова. Наступилъ условленный часъ — 12, онъ не пришелъ, наступило и 2 часа, никто не пришелъ и за женой, пробилъ часъ отхода финляндскаго поѣзда 3 ч. 40 минутъ, а мы все сидѣли втроемъ измученные неизвѣстностью и разстроенные въ конецъ невозможностью что-либо предпринять. Вспоминать эти томительные часы, — ихъ было болѣе шести, просто жутко. Только въ пятомъ часу, минуя всякія предосторожности, Антоновъ позвонилъ по телефону, вызвалъ прямо меня, обнаруживая тѣмъ мѣсто моего пребыванія и, выражаясь иносказательно, далъ мнѣ понять, что произошла неожиданность, что все отложено до понедѣльника, и что между 6 и 7 час. онъ пріѣдетъ объяснить причину.

Ровно въ 7 часовъ Антоновъ пріѣхалъ, и дѣло разъяснилось совсѣмъ просто. Его надежный агентъ на границѣ Финляндіи,

безъ котораго онъ не могъ ничего сдѣлать, оказался отлучившимся на другую часть границы и просилъ отложить нашъ отъѣздъ до понедѣльника. Намъ не оставалось ничего другого, какъ принять эту томительную отсрочку, хотя намъ становилось просто не подъ силу жить въ этой атмосферѣ неизвѣстности, да и нашъ хозяинъ начиналъ, видимо, тревожиться нашимъ продолжительнымъ пребываніемъ и возможностью его обнаруженія.

Антоновъ внесъ еще измѣненіе въ установленную имъ же программу нашего отъѣзда. Сославшись на своихъ сотрудниковъ на границѣ, онъ рѣшительно не допустилъ, чтобы мы взяли съ собой даже нашъ ручной чемоданчикъ. Пришлось согласиться и на это и ограничиться тѣмъ, чтобы завернуть въ газетную бумагу мою ночную рубашку, женинъ тоненькій шелковый капотъ, двѣ зубныя щетки, кусокъ мыла и одну гребенку.

Безконечно тянулись полтора дня до назначеннаго часа выхода въ понедѣльникъ изъ дома. Мы провели все время вдвоемъ. Только днемъ въ воскресенье пришла повидать меня наша вѣрная Дуня, прослужившая всю свою жизнь около насъ. Она долго стояла около дивана, на которомъ я сидѣлъ, спокойно уговаривала меня непремѣнно уѣхать, и все не уходила, а смотрѣла пристально не меня, какъ будто бы молча прощалась со мной и, наконецъ, ушла по прямому совѣту жены, сказавши, что въ нашемъ домѣ начинаютъ поговаривать о томъ, почему меня не видно уже нѣсколько дней.

Мы больше съ нею не видались — она умерла въ мартѣ слѣдующаго года.

Ночь прошла, конечно, опять безъ сна и все въ тѣхъ же безцѣльныхъ разговорахъ о томъ, что ждетъ и какая опасность предстоитъ намъ до перехода Финляндской границы. Тоскливо и мучительно было на душѣ. Все тѣ же думы, тотъ же заколдованный кругъ размышленій путанныхъ, неразрѣшимыхъ о томъ, что̀ будетъ: разлука съ близкими и любимыми людьми, перспектива скитальчества, какая ожидаетъ насъ! Я сознаюсь безо всякаго стыда — страхъ передъ ожидающей насъ опасностью становился просто невыносимымъ... Порою хотѣлось бросить все, вернуться къ себѣ домой, повидать покинутыхъ людей, сходить ко всѣмъ близкимъ проститься съ ними, вернуться къ себѣ и ждать минуты ареста и неизбѣжнаго конца. Я не говорилъ объ этомъ женѣ, чтобы не увеличить ея опасеній; она съ поразительнымъ мужествомъ переживала все, но мнѣ было ясно, что вотъ-вотъ силы оставятъ ее, и мнѣ не на кого будетъ опереться въ послѣднюю

минуту. Никогда не забуду я какую силу воли проявила она и чего стоило ей раздѣлить мою участь.

Подошелъ, наконецъ, понедѣльникъ 4-го ноября, наше старое 22 октября, день Казанской Божіей Матери. Жена сходила рано утромъ помолиться въ ближайшую церковь. Антоновъ опять заставилъ насъ волноваться, болѣе часа опоздавъ къ намъ, и вмѣсто него пришелъ за нами, какъ было, впрочемъ, условлено (но часомъ позже) братъ его жены. Мы простились съ хозяиномъ нашего временнаго пристанища, перекрестились и вышли во дворъ дома, имѣвшій выходъ на другую улицу. Я зашелъ въ подъѣздъ во дворѣ, перемѣнилъ шляпу на фуражку, и мы разстались съ женой... Она пошла съ женою Антонова прямо къ трамваю, а я съ ея братомъ пошелъ пѣшкомъ, чтобы сѣсть въ проходящій трамъ у угла Набережной, у зданія Академіи Художествъ.

Оказалось потомъ, что въ первомъ вагонѣ того же трамвая сидѣла жена, чего я и не подозрѣвалъ. На Васильевскомъ Островѣ пришлось неожиданно спѣшно выйти изъ вагона — оказалось большое скопленіе остановившихся трамваевъ, вызванное скандаломъ, учиненнымъ пьяными солдатами. Мое воображеніе рисовало, что, можетъ быть ищутъ меня, мы перебѣжали на другую сторону, прошли впередъ и стали ждать подходившихъ трамваевъ. Пропустивши нѣсколько изъ нихъ, въ которые нельзя было втиснуться, мы нашли мѣсто въ одномъ изъ послѣднихъ вагоновъ (потомъ оказалось, что въ томъ же самомъ, въ которомъ уже мы ѣхали) и поѣхали дальше до угла Большого и Каменноостровскаго проспекта. Тамъ пришлось долго ждать трама № 2, идущаго съ Михайловской въ Новую Деревню, и, наконецъ, мы добрались до вокзала Приморской жел. дороги.

Недалеко отъ подъѣзда насъ встрѣтилъ Антоновъ и жестами показалъ, что нужно вернуться къ мосту, и уже подойдя къ нему онъ посовѣтовалъ идти пѣшкомъ на ст. Ланскую, сказавши, что ему не нравятся два господина, слѣдившіе за кѣмъ-то у самаго вокзала.

Идти намъ пришлось верстъ пять, все по знакомымъ мѣстамъ, по которымъ я такъ часто, сначала на извозчикѣ, потомъ въ коляскѣ или на автомобилѣ ѣздилъ къ близкимъ и друзьямъ а теперь... мѣрилъ разстояніе собственными ногами, да еще въ такой обстановкѣ.

Мы пришли рано на ст. Ланскую, долго бродили кругомъ и, когда подошелъ поѣздъ, спокойно сѣли въ него.

Въ условленномъ вагонѣ — второмъ отъ паровоза — жены не оказалось, не нашли мы ее и въ первомъ, и я началъ уже тре-

вожиться не случилось ли съ ней чего-либо въ городѣ, но она оказалась въ слѣдующемъ, третьемъ вагонѣ. Послѣ Парголова она перешла въ нашъ вагонъ со своей спутницей, и мы спокойно продолжали нашъ путь, сидя въ разныхъ углахъ вагона. Въ Дибунахъ, послѣдней станціи передъ Бѣлоостровомъ, нашъ вагонъ, какъ и всѣ прочіе, заперли на ключъ, чтобы выпускать пасажировъ въ Бѣлоостровѣ поодиночкѣ только послѣ провѣрки документовъ. Невольно напрашивался вопросъ кто и какъ произведетъ провѣрку, узнаютъ ли меня или нѣтъ? У меня на рукахъ, для представленія при провѣркѣ, былъ паспортъ моего спутника и какъ-то странно, но въ эту минуту у меня не было болѣе никакого страха.

Когда поѣздъ подошелъ къ Бѣлоострову, Антоновъ взглянулъ въ окно, чтобы посмотрѣть кто вскочитъ на подножку для провѣрки паспортовъ и шепнулъ мнѣ на ухо «славу Богу, — нашъ».

Мы всѣ спокойно вышли изъ вагона, держа въ рукахъ паспорта, никто не взглянулъ въ нихъ и т. к. нашъ вагонъ прошелъ дальше вокзала, то мы всѣ совершенно безпрепятственно вышли черезъ калитку на шоссе и отправились вдоль дороги, постепенно удаляясь отъ вокзала. Влѣво отъ насъ, въ разстояніи полверсты ясно было видна рѣка Сестра — граница Финляндіи. Между нею и дорогой не было ни души, и мнѣ казалось, что слѣдовало только еще отойти отъ станціи и прямо идти по лугу къ рѣкѣ. Я сказалъ объ этомъ Антонову, но онъ только улыбнулся и отвѣтилъ: «Не такъ это просто, — пограничная стража стоитъ на своихъ мѣстахъ и перестрѣляетъ насъ какъ куропатокъ».

Нужно было еще ждать почти два съ половиной—три часа, когда совсѣмъ стемнѣетъ ,и уходить съ дороги, чтобы не дать повода обратить на насъ вниманіе. Мы отошли версты полторы отъ станціи. Жена Антонова простилась съ нами, взяла проѣзжавшаго пустого извозчика и отправилась къ себѣ на дачу — на случай нашего обнаруженія въ вагонѣ, мы условились, что ѣдемъ смотрѣть дачу на зиму, — и мы вчетверомъ, Антоновъ, его зять и мы двое, направились обратно, по направленію къ станціи, но скоро свернули съ мощеной дороги къ одинокому домику въ концѣ боковой дороги. Домъ былъ хорошо освѣщенъ электричествомъ, но внутри было очень грязно. Насъ встрѣтила отвратительная чухонка и сказала на вопросъ Антонова, что мужъ ея на вокзалѣ и сейчасъ придетъ. Когда мы вошли, съ грязнаго дивана поднялась заспанная фигура мужчины, почему-то сразу показавшаяся мнѣ знакомой. Потомъ оказалось, что это управляющій Англійскимъ

магазиномъ Друза, англичанинъ, тоже убѣгающій изъ столицы.

Черезъ минуту явился хозяинъ домика, въ которомъ проживалъ участникъ нашего побѣга. Изъ-за отъѣзда именно его намъ пришлось ждать два дня. У меня было совершенно спокойно на душѣ; казалось, что все опасное осталось позади. Мы стали закусывать взятымъ съ собою хлѣбомъ съ масломъ, и я спросилъ хозяина дома, все ли въ порядкѣ, и можемъ ли мы считать себя въ безопасности? Его отвѣтъ не очень, однако, успокоилъ меня.

— Какъ Вамъ отвѣтить, началъ онъ, три четверти опасности Вы прошли, а четверть еще впереди.

На мой вопросъ что именно опаснаго впереди, онъ далъ такой недвусмысленный отвѣтъ:

— А вотъ что: если Вашъ отъѣздъ изъ города обнаруженъ и захотятъ задержать Васъ, то, несомнѣнно, дадутъ знать по телефону нашему коменданту, тотъ позоветъ кого слѣдуетъ и даже можетъ послать за мною, либо за моимъ жильцомъ и, если Ваши примѣты будутъ точно указаны, то намъ ничего не останется, какъ отвезти Васъ къ коменданту, а тотъ, конечно, сразу отправитъ на Гороховую. А можетъ случиться и такъ: солдаты теперь занимаютъ посты на ночную смѣну и мало ли кто можетъ зайти и сюда, направляясь къ своимъ постамъ просто на огонекъ и если войдутъ и спросятъ кто Вы такіе, — мы отвѣтимъ, что Вы зашли и просили обогрѣться, а если имъ вздумается отвести Васъ къ коменданту, то что же мы можемъ сдѣлать?

Не могу сказать, чтобы это разсужденіе не встревожило меня. Раздумывать было, однако, нечего, да и времени не оставалось; хозяинъ квартиры посовѣтовалъ намъ тутъ же уйти изъ освѣщеннаго помѣщенія, опасаясь, что огонь скорѣй привлечетъ непрошенныхъ гостей, и повелъ насъ троихъ — меня жену и англичанина въ темное помѣщеніе гдѣ-то неподалеку во дворѣ сосѣдняго дома, занятое, повидимому столярной мастерской. Съ трудомъ нащупали мы скамейку, на которой могли сѣсть. Двери оставили полураскрытыми и попросили насъ не разговаривать и не курить.

Томительно тянулось время до 8-ми часовъ; положеніе было неприглядное, но чувства страха какъ-то просто не было. Какое-то отупѣлое безразличіе владѣло всѣмъ существомъ. Время я считалъ по моимъ часамъ съ боемъ. Стало совсѣмъ темно.

Ровно въ 8 часовъ вошелъ Антоновъ и сказалъ: «Теперь все готово — можно идти». Мы вернулись въ прежній домъ, въ кото-

ромъ нашли еще двухъ мужчинъ — англійскихъ офицеровъ, бѣгущихъ изъ Россіи, и нѣсколькихъ солдатъ, собравшихся вести насъ на границу. Антоновъ вызвалъ меня въ сосѣднюю комнату и заявилъ, что его помощники требуютъ выдать имъ деньги впередъ, а безъ того не согласны вести. Пришлось не разсуждая подчиниться, потому что выбора у насъ все равно не было, а такъ какъ самъ онъ еще раньше сказалъ, въ измѣненіе того, что онъ прежде предполагалъ, что доведетъ насъ только до рѣчки, а на финляндскую сторону уже не пойдетъ изъ опасенія, что не сможетъ вернуться оттуда, то я сказалъ ему при его сотрудникахъ: «Берите и Вашу долю. Будетъ благополучно — тѣмъ лучше, случится бѣда — мнѣ деньги не будутъ больше нужны».

Я передалъ ему еще 1000 р. сверхъ того, что было условлено. Послѣ этого, насъ троихъ, раньше другихъ, повели изъ дома, оставивши въ немъ пока двухъ англійскихъ офицеровъ на вторую партію.

Первымъ всталъ высокій солдатъ съ большою черною бородою, вторымъ я, уцѣпившись за перемычку его шинели, за мной жена, поддерживаемая Антоновымъ, а въ хвостѣ — англичанинъ. Темнота была кромѣшная. Съ величайшими предосторожностями, молча, выбрались мы по мосткамъ на шоссе, пересѣкли его и стали перебираться на лугъ черезъ канаву. Я оборвался съ дощечки, перекинутой черезъ канаву, и съ трудомъ выбрался изъ скользкой грязи, какимъ-то чудомъ не потерявши даже калошъ. По лугу идти было лучше, глазъ началъ привыкать къ темнотѣ, стали мы различать проблескъ воды въ рѣчкѣ и подошли къ тому мѣсту, гдѣ должна была находиться лодка съ Финляндскаго берега... Лодки не оказалось. Наши провожатые порядочно струхнули, особенно тотъ, кто велъ насъ, не скрывшій своего смущенія словами: «Рѣчки вамъ не переплыть, а возвращаться тоже не къ чему». Онъ тихонько свиснулъ — отвѣта не было. Мы стояли въ раздумьѣ, конечно, очень короткое время, но оно намъ казалось безконечно длиннымъ, какъ вдругъ мнѣ послышался недалеко съ правой стороны плескъ воды и скоро, съ крутого берега я различилъ, что подошла небольшая лодка съ гребцомъ, стоявшимъ на кормѣ. Онъ причалилъ къ берегу плохо, не бокомъ, а носомъ. Пришлось спускаться по крутому берегу, не видно было куда поставить ногу. Первой спустили жену, — она встала на дно лодки и конечно раскачивала ее. Я чуть не оборвался съ берега прямо въ воду и садясь въ лодку едва не опрокинулъ ее. Жена подвинулась къ гребцу, я подползъ къ ней, а на носу примостился англичанинъ. Мы простились съ Антоновымъ и лодка стала ти-

хонько пересѣкать рѣченку. Пристали мы къ противоположному берегу опять неудачно — прямо уткнулись кормою и выбраться изъ шатающейся лодки не было никакой возможности. Гребецъ, оказавшійся потомъ финляндскимъ офицеромъ С., кое-какъ приблизилъ лодку бортомъ, жена выбралась гораздо ловче, чѣмъ я, сверху къ ней протянулась невидимая рука и она взобралась на верхъ крутого откоса. Я же обрывался нѣсколько разъ, едва не скатился обратно въ воду. Выбиваясь изъ силъ, я съ трудомъ добрался до края обрыва, попалъ головою въ сучья дерева и кое-какъ, почти на четвереньках вползъ наверхъ. Тутъ мнѣ тоже кто-то помогъ; это оказался финляндскій солдатъ по фамиліи Папаненъ, сказавшій мнѣ на очень чистомъ русскомъ языкѣ:

— «Мы васъ караулимъ третій день и уже думали, что Вы пропали». Незамѣтно изъ темноты выползъ наверхъ англичанинъ, и мы стали было громко разговаривать, не скрывая своей радости спасенія, но насъ разомъ, однако, усмирили наши новые спутники словами:

— Что вы? Вѣдь на томъ берегу ваши солдаты, они станутъ стрѣлять на голосъ и тогда что?

Мы замолкли, постояли нѣсколько минутъ, зашли за стѣнку какого-то длиннаго сарая, отдышались и пошли прямою просѣкою на ясно видимый вдали электрическій фонарь ст. Раюіоки.

Незамѣтно, безъ всякой усталости, шлепая по лужамъ и по грязи, прошли мы почти 2½—3 версты до вокзала, вошли въ него, и наши провожатые сдали насъ дежурному агенту, замѣнявшему Коменданта М., который долженъ былъ быть предупрежденъ моимъ знакомымъ финляндцемъ о нашемъ появленіи. Агентъ позвонилъ куда-то по телефону, ему отвѣтили, что насъ ждутъ на ст. Теріоки, гдѣ и приготовленъ ночлегъ, повидимому, въ карантинѣ, и онъ сталъ писать намъ документъ о личности, сказавши мнѣ, что отлично меня знаетъ, потому что часто видѣлъ въ Петроградѣ у покойнаго Плеве, когда онъ былъ Статсъ-Секретаремъ по дѣламъ Финляндіи.

Мы рѣшили ждать поѣзда, немного разочарованные тѣмъ, что намъ нельзя поѣхать прямо до Выборга, гдѣ намъ хотѣлось отдохнуть 2—3 дня отъ всего пережитаго и приготовиться, въ особенности въ денежномъ отношеніи, къ дальнѣйшему пути.

Скоро появился Комендантъ М. въ сопровожденіи своего помощника. На нашу просьбу помочь намъ отправиться прямо въ Выборгъ, онъ позвонилъ по телефону, о чемъ-то наставительно и рѣшительно говорилъ по-фински и затѣмъ сказалъ, что мы съ же-

31*

ной можемъ ѣхать прямо въ Выборгъ, и что поѣздъ будетъ готовъ черезъ 20 минутъ. Подошли наши отставшіе спутники, англійскіе офицеры, пришелъ «отрекомендоваться» нашъ «лодочникъ», бывшій гвардейскій офицеръ, и насъ отвели, прямо-таки съ почетомъ, къ поѣзду, поручили особому вниманію оберъ-кондуктора, и Комендантъ М. на прощаніе сказалъ намъ, что въ Выборгъ уже дано знать, и что на вокзалѣ насъ встрѣтитъ комендантъ города.

Вошли мы въ отведенное намъ отдѣленіе совершенно пустого вагона 1-го класса и не повѣрили своимъ глазамъ: образцовая чистота, тепло, бархатные диваны, графинъ съ водой, электрическое освѣщеніе, ни соринки на полу. Жена, какъ только сѣла на свое мѣсто, перекрестилась и сказала: «Господи, да вѣдь это рай, гдѣ это мы?» и моментально уснула какъ убитая, послѣ пяти безсонныхъ ночей. Я не смыкалъ глазъ. Сознаніе спасенной жизни чередовалось съ мыслью о разлукѣ съ родиной и со всѣми, кого я оставилъ на произволъ судьбы, было и радостно и горестно, и порою какое-то безразличіе притупляло остроту того и другого.

Черезъ 2½ часа мы подъѣхали къ Выборгу. Я съ трудомъ разбудилъ жену, мы вышли на платформу, гдѣ какой-то господинъ въ цилиндрѣ искалъ уже насъ.

Это и былъ комендантъ города, директоръ Корельскаго народнаго Банка Рантакари, знавшій меня тоже по наслышкѣ, а можетъ быть даже когда-либо обращавшійся ко мнѣ. Онъ повелъ насъ къ выходу, посадилъ на приготовленнаго извозчика, самъ сѣлъ на другого, попросилъ извиненія за то, что, получивши поздно извѣщеніе о нашемъ прибытіи, не могъ приготовить намъ лучшаго экипажа и привезъ насъ въ гостиницу Андреа. Было ровно 12 часовъ ночи. Въ ту минуту, когда мы вошли въ ярко освѣщенный вестибюль, изъ сосѣдней, еще болѣе ярко освѣщенной столовой, раздались, точно по какому-то волшебному заказу, звуки моего любимаго Глинкинскаго романса «Не искушай меня безъ нужды». Каюсь, я просто остолбенѣлъ и немного не хватало, чтобы я расплакался.

Мы наскоро поужинали и легли спать въ чистую постель, ясно понимая, что никто не придетъ и не арестуетъ насъ больше. Начиналась новая скитальческая жизнь.

Она дала намъ въ началѣ нѣсколько отрадныхъ минутъ, скрасившихъ тяжесть разлуки съ родиной, но затѣмъ привела насъ къ такимъ глубокимъ и безпросвѣтнымъ разочарованіемъ, что часто приходилось спрашивать себя — стоило ли спасать жизнь, если она обратилась въ безконечное проживанье на чужбинѣ?

Во вторникъ, 5-го ноября, я спустился внизъ раньше жены,

чтобы заказать кофе. Въ столовой, навстрѣчу мнѣ поднялся высокій, немолодой человѣкъ еврейскаго типа, назвалъ себя Гуревичемъ и проявилъ такую неподдѣльную и бурно выражаемую радость видѣть меня живымъ и спасшимся изъ рукъ большевиковъ, что онъ просто меня растрогалъ и привелъ въ величайшее смущеніе. Его первыя слова были: «Вы не знаете меня, но я давно знаю Васъ и горжусь тѣмъ, что первымъ вижу Васъ здѣсь, и прошу Васъ, окажите мнѣ величайшее одолженіе, разрѣшите мнѣ помочь Вамъ чѣмъ только я могу. Я располагаю сейчасъ свободными средствами и прошу Васъ объ одномъ — возьмите столько, сколько Вамъ нужно, чтобы не нуждаться ни здѣсь, ни заграницей, куда Вы, конечно, должны ѣхать».

Горячо поблагодаривши его и отклонивши прямую матерьяльную помощь, я воспользовался имъ въ цѣломъ рядѣ мелочей. Онъ отвезъ меня къ его знакомому мѣстному Губернатору, чтобы дать мнѣ законный финляндскій паспортъ, на время нашего пребыванія въ Финляндіи, проводилъ въ фотографію меня и жену, ѣздилъ со мной въ полицію, разослалъ во всѣ концы Финляндіи телеграммы о моемъ благополучномъ пріѣздѣ всѣмъ моимъ знакомымъ, которыхъ я могъ назвать на его вопросы, — Шайкевичу, Блоху, Грубе, Савичу, вызвалъ ихъ всѣхъ на свиданіе со мною, ѣздилъ въ банкъ мѣнять небольшое количество русскихъ денегъ, которое мнѣ удалось вывезти изъ дома, и вообще, за весь день буквально не зналъ какъ и чѣмъ помочь мнѣ.

Этотъ первый встрѣчный въ Выборгѣ, еврей, никогда не обращавшійся ко мнѣ ни съ какими просьбами и не получавшій отъ меня никакихъ одолженій, проявилъ по отношенію къ намъ такую теплоту и даже нѣжность, что мнѣ хочется и теперь, издалека, сказать ему слово глубокой и самой искренной благодарности.

Во время моихъ передвиженій по Выборгу съ Гуревичемъ мнѣ пришлось испытать еще одну отрадную минуту. На улицѣ мы встрѣтили члена Правленія Международнаго Банка Я. И. Савича. Онъ не зналъ о моемъ пріѣздѣ и думалъ, какъ и многіе, что я уже погибъ. Нужно было видѣть съ какимъ крикомъ радости онъ встрѣтилъ меня, бросился ко мнѣ на шею и нѣсколько разъ поцѣловалъ меня. Проходившіе мимо насъ невольно останавливались и, видимо, недоумѣвали такому проявленію радости.

На другой день, 6-го ноября, рано утромъ, мы съѣздили на ст. Вуоксениска къ Принцу Ольденбургскому повидать его и Графиню Сольскую и вернулись уже довольно поздно.

Черезъ день, въ четвергъ, 7-го ноября, вечеромъ, въ хорошемъ спальномъ вагонѣ, мы уѣхали въ Гельсингфорсъ, гдѣ на утро, въ

пятницу, встрѣтили такой же радушный пріемъ, и проведенные тамъ пять дней прошли совершенно незамѣтно. Тамъ мы получили пересланныя намъ кое-какія наши вещи, какъ было условлено еще до нашего выѣзда. Мы переодѣлись, приняли приличный видъ, повидали довольно многихъ, три раза даже были приглашены на завтракъ и обѣдъ, отвѣтили тѣмъ же и 14-го днемъ уѣхали въ Стокгольмъ, предварительно оказавши вниманіе Шведскому посланнику Генералу Брендстрему, который за день до насъ проѣхалъ въ томъ же направленіи изъ Петрограда, чтобы болѣе не возвращаться туда... Во время нашего пребыванія въ Гельсингфорсѣ, тамъ же, въ лучшей гостиницѣ жилъ и Генералъ Сухомлиновъ съ женою. Мы съ нимъ не видѣлись.

Въ Або мы сѣли поздно вечеромъ на прекрасный пароходъ Ойхонна. Мы долго спали, потому что погода была удивительно тихая, и съ ранняго утра не сходили съ палубы, — было красиво, солнечно, хотя и холодно.

Въ Стокгольмъ мы прибыли довольно поздно, около пяти часовъ, но на берегъ сошли только въ семь, послѣ безконечной волокиты съ медицинскими и полицейскими разспросами. Насъ встрѣтилъ тутъ только что пріѣхавшій передъ нами Шведскій посланникъ въ Россіи Генералъ Брендстремъ (онъ пріѣхалъ двумя днями раньше насъ) и оказалъ намъ всевозможное вниманіе, пріѣхалъ встрѣтить, прождалъ цѣлые два часа нашего спуска на берегъ, выручилъ насъ изъ невозможныхъ таможенныхъ придирокъ, отвезъ на автомобилѣ — величайшая рѣдкость въ ту пору въ Стокгольмѣ, впрочемъ, такъ же, какъ и конскіе экипажи — въ гостиницу, уступилъ намъ свою комнату, а самъ перебрался въ сосѣднюю, маленькую, лишь бы дать намъ сносныя условія жизни.

Здѣсь мы пробыли цѣлыхъ 3 недѣли и только 5-го декабря двинулись въ дальнюю и сложную дорогу.

Не стоитъ заносить впечатлѣній объ этихъ 21 дняхъ. Не будь гложущей тоски по близкимъ и по родинѣ, мы просто жили бы хорошо и спокойно. Чистый, благоустроенный городъ, прекрасная гостиница, радушіе всѣхъ, окружавшихъ насъ, — все это давало полную возможность отдохнуть отъ пережитыхъ волненій, а надежда на то, что съ заключеніемъ перемирія и окончаніемъ войны на западномъ фронтѣ, дойдетъ очередь и до Россіи, и другія государства поймутъ хотя бы собственный свой интересъ и встанутъ, наконецъ, противъ кроваго насилія, давало основаніе смотрѣть съ вѣрою въ будущее и даже нетерпѣливо ждать безконеч-

ныхъ формальностей съ полученіемъ разрѣшенія на въѣздъ во Францію; обмѣнъ телеграммъ потребовалъ 14 дней.

Даже внезапно возникшая въ Германіи революція со всѣми ея проявленіями, такъ вѣрно воспроизводившими наши русскія переживанія въ началѣ 1917-го года, воспринималась всѣми, и въ томъ числѣ мною, сравнительно спокойно, скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ тревогой, и какъ-то вѣрилось, что тамъ не будетъ того, что происходитъ у насъ, что союзники, сломивши военную силу Германіи, найдутъ путь заключить миръ скоро, почетно, прочно и обратятся на истребленіе очага заразы тамъ, гдѣ онъ былъ зажженъ при помощи той же Германіи, — то есть у насъ.

Съ этой надеждой, сравнительно спокойно, выѣхали мы 5-го декабря вечеромъ изъ Стокгольма. Проводилъ насъ на вокзалъ молодой Эдгаръ Икскуль, привезшій мнѣ на вокзалъ успокоившую меня телеграмму отъ Г. Бенака, что бумаги моей дочери, которыя дали мнѣ немало хлопотъ и безпокойствъ, прибыли въ Парижъ изъ Даніи, и мы въ отличномъ настроеніи легли спать. Мысли о томъ, что всѣ эти бумаги болѣе ничего не стоятъ, въ ту пору, у меня не было, и я радовался тому, что найду ихъ въ Парижѣ и сумѣю реализовать ихъ.

На утро 6-го декабря, въ 6½ часовъ пришлось пересаживаться на Норвежской границѣ въ простой вагонъ второго класса, т. к. перваго класса въ поѣздѣ не было, и тутъ опять произошелъ оригинальный эпизодъ, оказавшій намъ немалую помощь въ дальнѣйшихъ, далеко не такихъ простыхъ передвиженіяхъ.

Выбирая себѣ мѣсто, мы вошли въ отдѣленіе, въ которомъ сидѣлъ только одинъ человѣкъ. Раннее утро клонило насъ ко сну, и мы почти не разговаривали другъ съ другомъ, а господинъ этотъ жадно проглатывалъ одну газету за другой. Послѣ какого-то короткаго вопроса и отвѣта между женой и мною, онъ спросилъ меня на очень плохомъ русскомъ языкѣ, русскіе ли мы, и сталъ сначала пытаться говорить по-русски, но т. к. это ему не давалось, то скоро онъ перешелъ на англійскій языкъ, сказалъ, что знаетъ больше Москву, чѣмъ Петроградъ, что имѣетъ много русскихъ друзей, изъ числа жившихъ на Дальнемъ Востокѣ, ѣдетъ въ Англію ,въ Ливерпуль, гдѣ состоитъ пасторомъ, и затѣмъ спросилъ насъ не читали ли мы случайно очень интересное интервью, которое напечатано въ шведскихъ и финляндскихъ газетахъ, съ бывшимъ русскимъ Премьеръ-Министромъ Гр. Коковцовымъ, которое очень понравилось ему своею ясностью и опредѣленностью изложенія и встрѣтило отличный пріемъ во всей шведской прессѣ, ко-

нечно, кромѣ крайнихъ соціалистическихъ листковъ, отозвавшихся о немъ очень враждебно.

Я сказалъ ему, что читалъ это интервью, не обнаруживалъ моего инкогнито, и мы бесѣдовали очень мирно почти до самой Христіаніи. За часъ до нашего пріѣзда туда, онъ сталъ выражать сожалѣніе, что не запасся билетомъ на пароходъ изъ Бергена, а то былъ бы радъ продолжать путь съ нами и передалъ мнѣ свою карточку съ надписью «ПасторъСіобломъЛиверпуль,Англія», такой-то адресъ. Мнѣ пришлось дать ему свою карточку въ обмѣнъ, и велико было его удивленіе, когда онъ узналъ, что я и есть авторъ интервью. Старался онъ, что называется во всю, быть внимательнымъ, услуживалъ, чѣмъ только могъ, куда-то быстро сбѣгалъ, на промежуточной станціи, чуть было не отсталъ отъ поѣзда; оказалось, что онъ давалъ знать своему пріятелю, русскому консулу въ Христіаніи — Кристи, о нашемъ пріѣздѣ и, когда мы, черезъ ¾ часа подъѣхали къ вокзалу, Кристи, который успѣлъ уже получить телеграмму, выѣхалъ встрѣтить насъ, показалъ намъ городъ. Мы пригласили нашего пастора обѣдать съ нами около пяти часовъ въ прекрасной гостиницѣ, гдѣ къ намъ подошелъ бывшій лицеистъ Гревсъ, а вечеромъ мы заѣхали къ Кристи, гдѣ нашли М. И. Терещенко, и когда пришли около 10 час. на вокзалъ, то оказалось, что нашъ милый пасторъ раздобылъ себѣ все-таки мѣсто въ нашемъ спальномъ вагонѣ и рѣшилъ продолжать путь до Бергена. Тутъ онъ опять былъ намъ просто незамѣнимъ. Благодаря ему и Кристи, насъ встрѣтилъ въ этомъ городѣ русскій Консулъ Емельяновъ, посадилъ въ автомобилъ и повезъ отбывать нескончаемыя формальности во французскомъ и англійскомъ консульствахъ, въ пароходной компаніи, вызвалъ Директора этой компаніи, который далъ намъ дневной пріютъ въ пароходной же гостиницѣ, только что открытой, правда весьма примитивной, а пасторъ сдалъ наши вещи на храненіе на вокзалѣ и вечеромъ перенесъ ихъ на пароходъ. Словомъ, благодаря этимъ людямъ мы не пропали въ Бергенѣ, но все же были рады выбраться поздно вечеромъ изъ него, хотя морское путешествіе не предвѣщало намъ большого удобства.

Мы попали на маленькій, неважный пароходъ Ирма, всего въ 760 тоннъ дѣйствительныхъ. Каюту намъ отвели очень тѣсную, съ плохими, узкими и короткими кроватями; ни сидѣть, ни стоять въ ней не было никакой возможности и пришлось, въ сущности, пролежать всѣ 36 часовъ пути.

На утро я попробовалъ было выйти, но оставаться на палубѣ — не было возможности изъ-за дождя, да и стало порядочно пока-

чивать наше утлое суденышко, двигавшееся очень медленно, вслѣдствіе малаго количества угля. Жена вовсе не рѣшилась вставать, такъ какъ ей становилось плохо при первой же попыткѣ подняться съ койки, и мы просто пролежали болѣе сутокъ, считая даже съ утра, послѣдовавшаго за первой ночью.

Днемъ я попытался было снова пройти въ столовую, выпилъ даже чашку кофе, но мнѣ стало не по себѣ, и я предпочелъ также остаться лежать въ постели. Ночь прошла сносно, качка стала меньше, да и вообще жаловаться на нее не было основанія — море было сравнительно недурное,—и будь нашъ пароходъ побольше, да имѣй онъ получше ходъ, мы должны были бы считать нашъ переходъ самымъ удачнымъ.

На второе утро, въ понедѣльникъ, съ 9-ти часовъ, показался вдали берегъ, море совершенно успокоилось, всѣ вышли наверхъ, стали завтракать, а къ 12-ти показался Нью Кастль, но подходъ къ нему тянулся безконечно. То мы стояли часами на мѣстѣ, то тащились черепашьимъ ходомъ между рядами судовъ и только къ 4 часамъ пристали къ берегу. Начались безконечныя формальности, въ которыхъ и тутъ намъ помогъ нашъ милый пасторъ, шепнувшій кому-то на ухо кто мы такіе. Насъ выпустили первыми послѣ Британскаго Консула въ Москвѣ Вудропа на берегъ или вѣрнѣе, въ таможенный пакгаузъ, у входа въ который насъ встрѣтилъ опять-таки русскій Консулъ де Колонгъ, въ сопровожденіи молодого бывшаго лицеиста Мартенса. Они помогли намъ пройти черезъ игольное ухо невыносимыхъ формальностей, безсмысленнаго допроса, доведеннаго до такихъ мелочей, что смыслъ ихъ просто не поддается уразумѣнія. Напримѣръ, меня допросили сколько у меня съ собою денегъ, пересчитали мои 58 фунтовъ, записали ихъ номера и адресъ Стокгольмскаго банка, въ которомъ я ихъ пріобрѣлъ.

Консулъ досталъ намъ съ большимъ трудомъ комнату въ гостиницѣ, грязной, закопченой угольною копотью, съ нетопленными комнатами и дымящимъ каминомъ въ столовой. Мы побродили послѣ обѣда по городу, полюбовались на вокзалѣ и на улицѣ внѣшнимъ видомъ невѣроятно распущенныхъ и неряшливыхъ солдатъ, до мельчайшихъ подробностей, напоминавшихъ нашу «красу и гордость революціи», и съ 9 часовъ были уже въ кровати, предварительно обогрѣвъ ее горячимъ кувшиномъ. Какъ не схватили мы простуды или чего либо еще горшаго въ этой обстановкѣ — неизвѣстно.

На утро мы встали рано и выѣхали въ Лондонъ скорымъ по-

ѣздомъ въ прекрасномъ вагонѣ и были на мѣстѣ около 5-ти часовъ. Это было 10-го декабря.

Двѣ недѣли, проведенныя въ Лондонѣ, до 22-го декабря, были началомъ того политическаго разочарованія, которое усиливалось съ каждымъ днемъ, принимая все болѣе и болѣе ясное очертаніе, и привело меня, наконецъ, къ состоянію безпросвѣтной, тупой безнадежности и къ сознанію, что жизнь должна неизбѣжно обратиться въ какое-то безцѣльное прозябаніе и молчаливое ожиданіе просто роковыхъ событій. Въ такое состояніе, при которомъ видишь съ очевидной ясностью, что предпринимать что-либо, говорить о чемъ бы то ни было, убѣждать людей въ томъ, что они должны дѣлать въ ихъ собственныхъ интересахъ — совершенно безполезно. Васъ никто не слушаетъ, Вы всѣмъ непріятны, и на всѣ Ваши аргументы или просто молчатъ или киваютъ одинъ на другого, а всѣ, въ сущности, солидарны между собой въ одномъ — ничего не дѣлаютъ и только говорятъ, говорятъ въ угоду толпѣ, закрывая себѣ глаза на печальную дѣйствительность. Впослѣдствіи пришлось убѣдиться даже въ худшемъ, — въ сознательной или безсознательной поддержкѣ совѣтской власти культурнымъ міромъ, на собственную погибель.

Мое Лондонское пребываніе началось съ утра вторника, 11-го декабря, визитомъ къ исполняющему обязанности русскаго Посла — К. Д. Набокову.

Послѣ выраженія радости о томъ, что я живъ и спасся изъ рукъ большевиковъ, Набоковъ прочиталъ мнѣ, только что полученную отъ В. А. Маклакова телеграмму, въ которой упоминалось мое имя. Маклаковъ сообщалъ ему, что черезъ 3 недѣли собирается въ Парижѣ мирная конференція и что его главной задачею является теперь — добиться участія Россіи въ этой конференціи и съ этой цѣлью онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ тремя правительствами: Архангельскимъ, Генерала Деникина и Адмирала Колчака, и что отъ послѣдняго получена депеша, въ которой онъ подтверждаетъ его желаніе (повидимому въ отвѣтъ на предложеніе, сообщенное ему тѣмъ же Маклаковымъ), и выражаетъ и свое, чтобы представителями его на конференціи были: Графъ Коковцовъ, Сазоновъ, Маклаковъ, Набоковъ, Гирсъ, Князь Львовъ, Авксентьевъ, Извольскій и кажется еще кто-то изъ эсъэровъ. Выразивши Набокову мое удивленіе относительно оригинальнаго состава представительства, я высказалъ ему тутъ же, что дѣло должно идти не о нашемъ участіи на конференціи — ибо кто бы ни представлялъ Россію, онъ юридической почвы подъ собой имѣть не можетъ и его согласіе или протестъ ничего не стоятъ,

и потому насъ просто не допустятъ къ участію въ мирной конференціи. Слѣдуетъ думать только объ одномъ, и добиваться только одного — интервенціи, руками той же Германіи, подъ контролемъ союзниковъ-побѣдителей, уничтоженія большевизма и возстановленія порядка въ Россіи, силою оружія, направляемаго союзниками, т. к. безъ этого анархія и хаосъ останутся въ ихъ полной неприкосновенности, и Россія погибнетъ окончательно и превратится въ простой объектъ хищнической эксплуатаціи всѣхъ, кому только захочется, и очагомъ изъ котораго ядъ коммунизма проникнетъ во весь міръ. Объ этой послѣдней опасности не думаютъ сейчасъ, но не далекъ часъ, когда она станетъ рѣшительнымъ явленіемъ, и всему міру придется считаться съ величайшимъ по своей опасности зломъ, угрожающимъ всему, что создано человѣческою культурою.

Мое разсужденіе, видимо, не понравилось Набокову, хотя онъ поспѣшилъ согласиться со мной, что если союзники не пустятъ насъ открыто на конференцію, то всякая форма участія, совѣщательная, подготовительная или, какъ я выразился, сидѣнія въ передней, — совершенно не допустима, и онъ на такую форму не пойдетъ. Второй мой визитъ въ Лондонѣ былъ къ Французскому Послу Полю Камбону, который и послужилъ для меня полнымъ откровеніемъ того, что ждетъ насъ какъ здѣсь, такъ затѣмъ и въ Парижѣ.

Камбонъ мнѣ сказалъ прямо — никакой интервенціи Вы не добьетесь и ея не будетъ. У насъ во Франціи нѣтъ никакой политики по отношенію къ Россіи, мы страшно устали и обезкровѣли, мы не способны на новое усиліе послѣ того, какъ побѣда досталась намъ послѣ четырехъ лѣтъ напряженія — даже если отъ насъ потребуется не пролитіе крови, а одно напряженіе воли. Мы считаемъ, что теперь все кончено и хотимъ, какъ можно скорѣе, залечить наши страшныя раны. Подумайте только о нихъ и Вамъ станетъ ясно, что мы хотимъ одного — скорѣе начать нормальную и спокойную жизнь. Всякій, кто станетъ говорить о новомъ усиліи въ Россіи, хотя бы и безъ затраты нашихъ средствъ и нашей крови, — встрѣтитъ самое рѣшительное противодѣйствіе, и агитація противъ этого, объединитъ вокругъ себя столько разнообразныхъ элементовъ, что никакое правительство не устоитъ противъ этого. Его просто не послушаются. Къ тому же одни мы и не можемъ дѣйствовать, а здѣсь въ Англіи, а того еще больше въ Америкѣ, положительно никто не желаетъ вмѣшиваться въ русскія дѣла и ихъ не понимаютъ въ данную минуту. Англичане въ рукахъ «рабочей партіи», и самый успѣхъ Ллойдъ Джорджа

на выборахъ былъ просто результатомъ сдѣлки: онъ обѣщалъ рабочимъ, что Англія въ Россію не пойдетъ, а рабочимъ здѣсь всетаки представляется, что большевики это — соціалисты, друзья и защитники бѣднаго пролетаріата, а вы всѣ, говорящіе за вмѣшательство, защищаете ваши привиллегированныя положенія и въ глубинѣ вашей души думаете вырвать побѣду изъ рукъ революціи и возстановить безразлично монархію ли или что-либо иное, но, во всякомъ случаѣ, въ существѣ, старый порядокъ.

Въ Америкѣ еще хуже: американцы, въ настоящую минуту не способны ни на какое продуманное политическое пониманіе. Они поняли идею германскаго милитаризма потому, что ихъ жены и дѣти погибли на Луизитаніи. Императоръ Вильгельмъ морскою политикою фонъ Тирпица заставилъ ихъ нарушить ихъ замкнутую жизнь. Они понимаютъ мечтанія Вильсона потому, что онъ говоритъ ихъ чувству и обѣщаетъ имъ внести миръ во всю вселенную одними добрыми намѣреніями, если только кошмаръ воинствующей и жадной Германіи будетъ раздавленъ. Этому они вѣрятъ, а тому, что Вы говорите про Россію и большевиковъ — они не вѣрятъ, потому что не хотятъ вѣрить въ опасность ихъ вліянія; имъ это неудобно и гораздо выгоднѣе твердить, что большевики просто демократы, соціалисты, съ которыми нужно бороться на митингахъ, голосованіемъ, прессою, а не оружіемъ, да еще чужимъ.

Прибавьте къ этому вліяніе еврейской прессы, которая уничтожаетъ всякую вѣру въ русскіе ужасы, и Вы поймете, почему Американцу гораздо интереснѣе читать успокоительныя извѣстія о томъ, что большевики борются за народъ, чѣмъ слушать Васъ. Да они просто не вѣрятъ и не желаютъ вѣрить тому, что они избиваютъ и развращаютъ этотъ народъ и живутъ грабежомъ и насиліемъ.

Представьте, наконецъ, себѣ, какая предстоитъ теперь ближайшая задача въ дѣлѣ выработки окончательныхъ условій мирнаго договора. Выработать условія перемирія было нетрудно. У насъ была побѣда, противникъ былъ приведенъ Фошемъ къ повиновенію. А за столомъ мирной конференціи начнется такая борьба страстей, политическихъ разногласій, закулисныхъ интригъ и проч., что я могу только пожалѣть тѣхъ изъ представителей Франціи, которые понимаютъ нужды своей страны, сознаютъ понесенныя жертвы и ясно видятъ, что̀ нужно сдѣлать для того, чтобы устранить въ будущемъ то, что сдѣлано въ 1914 году, и всѣ они — встрѣтятся съ толпою другихъ представителей, которымъ справедливыя требованія Франціи сто̀ятъ далеко не то, сколько стоятъ

ихъ собственныя желанія и даже увы, — ихъ политическія мечтанія...

Такова сущность этой безнадежной бесѣды. Я передаю только ничтожную долю того, что было сказано въ теченіе двухъ часовъ бесѣды этимъ умнымъ, опытнымъ, уравновѣшеннымъ и прекрасно освѣдомленнымъ старикомъ, но сущность я передаю точно. Въ ту пору я, да не только я, только что вырвавшійся изъ совѣтскаго застѣнка, но и никто не зналъ того, каково было личное участіе Главы Англійскаго правительства — Ллойдъ-Джорджа, въ дѣлѣ попытки спасенія русской Императорской семьи еще въ началѣ 1917 г. Эту тайну только гораздо позже повѣдали воспоминанія дочери Англійскаго посла въ Россіи сэра Джорджа Бьюкенена.

Двѣ недѣли моего пребыванія въ Лондонѣ, всѣ эти дни сплошныхъ, съ утра и до ночи, безконечныхъ разговоровъ, встрѣчъ, интервью и даже длительныхъ бесѣдъ, подтвердили правильность поставленнаго діагноза и внесли безпросвѣтное разочарованіе въ душу. Меня принимали вездѣ и всѣ: мнѣ оказывали даже большое вниманіе приглашеніемъ на завтраки и обѣды, со мною были ласковы и предупредительны, газетчики добивались встрѣчъ со мною и совершенно точно передавали мои мысли, ни одинъ изъ нихъ не позволилъ себѣ ни малѣйшаго нелюбезнаго намека по отношенію лично ко мнѣ, и все-таки въ конечномъ итогѣ осталось одно — безплодная попытка заставить людей мыслить такъ, какъ мнѣ казалось правильно, а не такъ, какъ ихъ заставляетъ это дѣлать ихъ эгоизмъ и даже предвзятость.

Среди этихъ утомительныхъ попытокъ открыть людямъ глаза на ихъ заблужденія одно обстоятельство достойно упоминанія. Оно рисуетъ съ прекрасной стороны одного изъ моихъ прежнихъ дѣловыхъ англійскихъ знакомыхъ и даже друзей.

Въ бытность мою Министромъ Финансовъ я близко сошелся и довольно часто встрѣчался съ главою Банкирскаго дома братьевъ Бэрингъ, лордомъ Ревельстокомъ.

Истинный джентельменъ, порядочный до утонченности, сдержанный на словахъ, но чрезвычайно вѣрный въ отношеніяхъ, Лордъ Ревельстокъ всегда привлекалъ меня къ себѣ, несмотря на то, что по своему характеру онъ не имѣлъ большого финансоваго значенія при веденіи переговоровъ по рускимъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ онъ всегда шелъ только въ согласіи съ своими парижскими друзьями. Мнѣ не хотѣлось проѣзжать Лондонъ и не повидать его, хотя мнѣ было не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ, въ теченіе первыхъ же дней моего тамъ прбыванія онъ не

подалъ никакихъ признаковъ жизни. Причина этого мнѣ неизвѣстна и по сей день, т. к. трудно повѣрить, чтобы по газетамъ онъ не зналъ о моемъ пріѣздѣ. Я поѣхалъ къ нему въ Банкъ уже въ концѣ первой недѣли моего пребыванія въ Лондонѣ и за недѣлю до выѣзда моего изъ Англіи. Выраженіе радости видѣть меня настолько вышло за предѣлы обычной англійской сдержанности, что я былъ глубоко пораженъ и тутъ только ясно увидѣлъ, что мое появленіе было для него прямой неожиданностью; онъ дѣйствительно не зналъ о моемъ пріѣздѣ въ Лондонъ и жилъ подъ впечатлѣніемъ газетныхъ же сообщеній о моемъ разстрѣлѣ.

Онъ повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, наверхъ, сталъ разспрашивать о разныхъ подробностяхъ и вдругъ, совершенно неожиданно извинившись передъ моей женой и сопровождавшимъ насъ Г. А. Виленкинымъ, попросилъ меня выйти съ нимъ въ сосѣднюю комнату и сталъ упрашивать меня не отказать ему въ одномъ величайшемъ одолженіи и дать ему слово, что я исполню его просьбу. Не давая себѣ прямого отчета въ томъ, что̀ именно онъ имѣетъ въ виду, я сказалъ, что всегда радъ исполнить его желаніе, а теперь въ особенности, когда я видѣлъ, какое наглядное доказательство своего расположенія проявилъ онъ ко мнѣ.

По его звонку пришелъ его секретарь, котораго я однажды видѣлъ въ Петроградѣ. Ревельстокъ что-то сказалъ ему на ухо, тотъ вышелъ и вернулся черезъ минуту, держа въ рукахъ чековую книжку. Ревельстокъ сталъ уговаривать меня принять ее отъ него, т. к. онъ увѣренъ въ томъ, что я нахожусь въ трудномъ матеріальномъ положеніи, и заявилъ, что отказъ мой глубоко его обидитъ и покажетъ только, что я не хочу вѣрить въ искренность его отношенія ко мнѣ.

«Время перемѣнчиво, — сказалъ онъ,—я вѣрю въ то, что все вернется въ прежнее положеніе, и Вы будете имѣть возможность покрыть Вашъ долгъ Ревельстоку, если только не захотите смотрѣть на него, какъ на Вашего искренняго друга».

Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ только взять эту чековую книжку, конечно, съ твердымъ намѣреніемъ никогда не воспользоваться ею, и она мирно покоилась въ моемъ письменномъ столѣ, сохраняя свою полную неприкосновенность до 1925 года, когда мнѣ удалось, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда безуспѣшныхъ попытокъ, вернуть ее лорду Ревельстоку, незадолго до его кончины. Мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе разсказать объ этомъ благородномъ поступкѣ для свѣдѣнія всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

Съ тяжелыми впечатлѣніями пріѣхали мы 22-го декабря ве-

черомъ въ Парижъ. Самый пріѣздъ нашъ не обошелся безъ нѣкоторой странности. Еще въ бытность мою въ Лондонѣ я узналъ, что Парижъ переполненъ до послѣдней степени, и найти сносное и недорогое помѣщеніе совершенно невозможно, вслѣдствіе большого повышенія цѣнъ, противъ прежней, извѣстной мнѣ нормы. Я просилъ поэтому управляющаго дѣлами Русско-Французской Торговой Палаты Ламинга поискать мнѣ помѣщеніе изъ двухъ комнатъ гдѣ-либо, не слишкомъ далеко отъ центра. Съ большимъ трудомъ онъ нашелъ приличное помѣщеніе въ Отелѣ Терминюсъ, около вокзала С. Лазаръ, хотя и въ очень шумномъ центрѣ, написавши мнѣ въ Лондонъ, что ничего лучшаго найти не было никакой возможности.

Мы пріѣхали раньше назначеннаго срока, т. е. въ воскресенье вечеромъ вмѣсто понедѣльника утра, т. к. въ послѣднюю минуту насъ пустили на «казенное» направленіе Фолькестонъ-Булонъ вмѣсто Соусгамптонъ-Гавръ, и кромѣ того оказался уже возстановленнымъ, незадолго передъ тѣмъ скорый поѣздъ Булонь-Парижъ. Телеграмму мою, посланную за два съ половиной дня, съ извѣщеніемъ о нашемъ пріѣздѣ 22-го декабря вечеромъ, Ламингъ не получилъ и, когда мы добрались до Парижа, то, къ крайнему моему удивленію, насъ встрѣтили отъ имени русскаго посольства—бывшій финансовый агентъ Рафаловичъ, секретарь Горловъ и какой-то французскій офицеръ, состоящій при посольствѣ. Оказалось потомъ, что это бывшій служащій гостиницы Лютеція.

Они объявили намъ, что, по распоряженію посольства, намъ отведено помѣщеніе на лѣвомъ берегу Сены, въ гостиницѣ Лютеція, дабы мнѣ было ближе къ Посольству, какъ сказалъ Горловъ.

Помѣщеніе оказалось хорошее съ удобной уборной, хотя изъ одной комнаты, и мы рѣшили остаться въ немъ. Отъ помѣщенія отеля Терминюсъ пришлось отказаться.

Съ этой минуты, до послѣднихъ дней 1918 года, началась моя жизнь въ качествѣ эмигранта, и она продолжается уже длинный рядъ лѣтъ и кончится она, очевидно, въ тѣхъ же условіяхъ, когда наступитъ предѣлъ моей жизни. Говорить объ этой порѣ — не представляетъ уже никакого интереса.

Она протекала на виду у всѣхъ, и, можетъ быть, когда-нибудь, кто-либо изъ свидѣтелей этой моей жизни изъ состава русской эмиграціи отмѣтитъ добрымъ словомъ то немногое, что было сдѣлано мною на пользу тѣхъ, кто, вмѣстѣ со мною, дѣлитъ долгіе годы изгнанія.

На мнѣ лежитъ только одинъ долгъ — сказать въ заключеніе моихъ Воспоминаній слово благодарности тѣмъ, кому привелось

облегчить нашу жизнь въ изгнаніи, позволивъ лично мнѣ убѣдиться въ рѣдкомъ теперь явленіи — встрѣтить добрую оцѣнку моего прошлаго, и оказать мнѣ вниманіе, быть можетъ, въ самыя тяжелыя минуты, непривычныхъ для меня условій жизни, на склонѣ моихъ дней.

Мое первое слово благодарности и не только за себя, но и за всю русскую эмиграцію, идетъ къ бывшему Президенту Республики — г. Раймону Пуанкарэ. Онъ первый оказалъ женѣ моей и мнѣ дружескій пріемъ, какъ только мы прибыли во Францію въ концѣ 1918 года.

А затѣмъ, не было ни одного случая, когда я считалъ себя въ правѣ обратиться къ его помощи, какъ къ главѣ правительства, въ защиту русской эмиграціи и просить его облегчить ея тяжелое положеніе, — чтобы я не встрѣтилъ отъ него самаго широкаго содѣйствія.

Я увѣренъ, что многіе изъ русскихъ людей во Франціи не знаютъ кому и въ какой мѣрѣ обязаны они разрѣшеніемъ многихъ болѣзненныхъ вопросовъ, затрагивавшихъ самую глубину ихъ безправнаго положенія.

Лично же мнѣ онъ оказалъ большую честь.

Когда въ 1930 году я издалъ сборникъ статей, написанныхъ мною за семь лѣтъ, съ цѣлью пролить истинный свѣтъ на все дѣло разрушенія, выполненное совѣтсткой властью, — онъ согласился написать предисловіе для этой книги и въ немъ открыто сказалъ, каковы были наши отношенія въ прошломъ и какъ расцѣниваетъ онъ ихъ.

Такое же отношеніе проявилъ ко мнѣ покойный Президентъ Республики Поль Думеръ. Онъ также не забылъ нашихъ прежнихъ частыхъ встрѣчъ съ начала 1906 года, какъ здѣсь, во Франціи, такъ и у насъ, въ Россіи, въ частые его пріѣзды въ дореволюціонную пору, и въ его сердцѣ мы, русскіе изгнанники, нашли открыто сочувствовавшаго намъ друга. Его помощь намъ не ослабѣвала до самой послѣдней минуты его жизни, завершившейся тѣмъ трагическимъ концомъ, который въ особенности поразилъ насъ своею возмутительною безсмысленностью.

Я не исполнилъ бы, наконецъ, моего нравственнаго долга, если бы не сказалъ, что за протекшее съ 1919 года время мнѣ часто приходилось стучаться во многія двери самыхъ разнообразныхъ представителей Республики, излагая передъ ними наши бѣженскія нужды и ища у нихъ смягченія, подчасъ суровыхъ требованій повседневной жизни. Мое обращеніе къ нимъ, за рѣдкими исключеніями, всегда встрѣчало въ нихъ самое справедливое

отношеніе и готовность дѣлать то, что было имъ доступно въ предѣлахъ ихъ служебнаго долга.

Мнѣ хочется вѣрить въ то, что обращаемое мною здѣсь къ нимъ, слово благодарности найдетъ себѣ широкій откликъ среди тѣхъ русскихъ эмигрантовъ, которые даютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, насколько наше, подчасъ тяжелое, положеніе смягчается и облегчается такимъ отношеніемъ къ намъ Правительства Франціи.

Указатель именъ:

ОГЛАВЛЕНІЕ

Томъ II.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

На посту Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Октябрь 1911 г,

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Моя отставка 29 января 1914 г.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Время послѣ моего увольненія. Революція и бѣгство изъ Россіи.

Типографія В. Бейлинсонъ. Таллиннъ (Ревель).

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ